Цена свободная

ИНДЕКС 73274

Наш современник, 1992, № 12, 1–192.

НАШ СОВРЕМЕННИК №12 1992

ISSN 0027-8238

НАШ СОВРЕМЕННИК

Журнал писателей России

№12 1992

НАШ СОВРЕМЕННИК

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ:
Союз писателей Российской Федерации и трудовой коллектив редакции

№12 1992

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ

МОСКВА

Содержание

Технический редактор Л. Л. Ежова. Корректоры С. А. Артамонова, М. В. Масленникова.
Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 22.10.91 № 1222.

Адрес редакции: 103750, ГСП, Москва, Цветной бульвар, 30. Телефоны: 200-24-24 (главная редакция); 200-23-88 (отдел прозы); 200-23-07 (отдел поэзии); 200-24-28 (отдел очерка и публицистики); 200-24-70 (отдел критики); 921-43-59 (секретариат); 200-23-05 (факс).

Сдано в набор 12.10.92. Подписано к печати 25.11.92.
Формат 70 x 108 1/16. Бумага газетная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 16,8 Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 25,6. Тираж 163 757 экз. Зак. 2776.

ИПО писателей, 103750, Москва, Цветной бульвар, 30.
Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»:
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

ПРОЗА

ВЛАДИМИР КРУПИН

КАК ТОЛЬКО, ТАК СРАЗУ

ПОВЕСТЬ

ОДИН ДАРВИН ОТ ОБЕЗЬЯНЫ

Сейчас настолько никто никому не верит, что даже бессмысленно что-то объявлять. Скажу: завтра будет переворот, ну и что? Их вчера было четыре, послезавтра будет пять, кому это надо? То есть надо тому, кому это надо, но что тут нового? Вместе с тем каждый человек все равно знает то, что другие не знают, и это хоть кому-то да интересно.

Жизнь моя — жизнь врача-психиатра. В последнее время к психиатрии растет интерес. Это оттого, что любой и каждый подвержен отклонению от нормы, но вот тут-то мы сразу спотыкаемся, что есть норма и нормальны ли те, кто объявляет других ненормальными? И если бы это — норма — было нормой, то разве бы шло все в России ненормально?

Но по порядку.

Фамилия моя Корсаков, Алексей Корсаков. Два человека в прошлом — знаменитый флотоводец и знаменитый психиатр — обессмертили ее. Оба они, говорили родители, мне как-то родня, и я — единственный ребенок в семье — обязан продолжить славу предков. Отец прочил меня в адмиралы, мать в психиатры. Я уже в отрочестве чуть не сдвинулся от этого противостояния. Отец наряжал меня в матросские костюмчики, мать мучила фонендоскопом; отец говорил: владеющий морями владеет миром, мать, что психика, корка и подкорка — последнее, что осталось непознанным в человеке.

Перековала мать. Берегла от товарищей, от влияния отца. Вырастила меня стеснительным да, пожалуй что, и безвольным. Это я ощутил потом, когда меня женила на себе одна особа, нелюбимая мною. А любовь у меня была, была — Верочка. Как была она первой, так и осталась единственной. И поэтические позывы были из-за нее. Она вышла замуж, а я учился на психиатра. Еще какое-то время поэзия не отпускала меня, но я перевел ее в практическое русло, заставил помогать заучиванию бесчисленных названий костей, мышц, нервов, например: ***«Как возьму я фибулю да стукну по мандибуле, так узнает церебрум, как звенит краниум»***, то есть малой берцовой костью совершается удар по нижней челюсти с такой силой, что мозг чувствует, как звенит череп. Или о ревматизме: ***«Отныне я навеки знаю: у гранулемы фокус есть, и клетки крупные по краю, и лейкоцитов в ней не счесть. Среди включений этих разных, как указатель на обмен, у крупных клеток протоплазма***

Владимир Николаевич КРУПИН — уроженец села Кильмезь Кировской области. В «Нашем современнике» печатается двадцать лет. В его творчестве, начиная с «Зерен», «Живой воды», «Сорокового дня» и кончая повестями «Великорецкая купель», «Прощай, Россия, встретимся в раю», прослеживаются два основных мотива: писатель жив своей кровной связью с родиной, в данном случае — с Вяткой, и второе: спасение России может быть только на путях Православия.

содержит также гликоген. При ревматизме боль жестока, суставы все избороздит, но тяжесть главная — пороки сердечные, эндокардит».

Последние три курса я работал медбратом, привык к больным настолько, что больными их не считал, мне даже было интереснее находиться с ними, нежели, например, ходить по приказу жены в магазин, особенно тот, где она работала. У меня она не бывала, тем более что работа моя отстояла от города на шестьдесят километров.

Это была огромная психиатрическая лечебница, упрятанная, как все такие больницы, в лесах, далеко от шоссе. Мне сразу дали отделение, самое большое, потом его слили еще с одним, работы хватало. Жену я не любил, единственный наш сын был маленьким, и никто ему не рассказывал ни о флотоводцах, ни о психиатрах; чтобы расхотеть ехать домой, мне достаточно было представить ковры и хрусталь в нашей квартире и сына, лежащего на диване, жующего какую-то американскую мерзость и смотрящего по видеомагнитофону опять же американскую киноблевотину.

Нет, с моими подопечными было приятнее, полезнее и спокойнее. Тем более в последнее время, когда отделение стало пополняться новенькими людьми. Это не были пораженные наследственными болезнями, или зачатые по пьянке, или врожденные гидроцефалы, нет, пошел народ отборный, какого и на так называемой воле не встретишь. Почему на так называемой? Да потому, что наше отделение было куда вольнее, чем остальной мир.

Один из новых сообщил, что он враг масонов, хоть масонов и в глаза не видел, что зовет их моськами визгливыми, что Россия гибнет, а моськам это в радость. Россия питает мосек своей гибелью, а те не дают ей сразу умирать, сыплют в корыто мелко крошенную демократию, живи, мать!

Скрывать не буду, да и от кого нынче что скроешь, — велели многих новых объявлять больными, внушать им болезнь. Это же элементарно. «Ну-с, проверим на тремор, — в просторечии, на трясучку. — Встань, вытяни руки, закрой глаза. — Тут у кого хошь затрясутся, тем более если в сумасшедшие записывают. — Моча? — и в моче у всех всего полно́, только вспомнить, что едим и что пьем. — Кровь? Кардиограмма?..» Дети, дальше не надо, клиент готов, он ступорозен, мутичен и абуличен, он весь наш. Да еще недельки две поживет среди остальных — тут ему, как говорят мои клиенты, полный шандец.

В отделении стало все больше тех, кто, как бы мягче выразиться, умней лечащего врача. Хотя... хотя быть умнее всех — прерогатива, по-русски — преимущество, именно врачей-психиатров. Это ведь от нас анекдот: «У вас в отделении есть Наполеон?» — «Есть. Только он заблуждается, ведь Наполеон-то я». Таковы мы, психиатры.

Ну-ка, чтоб закончить вводную, пройдем по пешеходной улице большого города, где профессиональные убийцы торгуют куклами, и послушаем песню пьяного баяниста: «И в последний ты раз поцелуешь, когда крышкой накроют меня». Давайте разберитесь, пока не сдвинулись, как можно поцеловать закрытого крышкой гроба и как может петь покойник, это ж от его имени поют, имея опрокинутую шляпу под ногами.

Другой из новых потребовал, чтобы его выслушал не только я, но и остальные. Уважение к любому чужому мнению было нормой для нашего отделения, мы собрались.

— Из всех людей один Дарвин произошел от обезьяны, но, чтоб не обидно было, он и остальным это внушил. Кант отрицал сверхъестественное, хотя уже одно это сверхъестественно. Ренан додумался до кощунства, что Христос — обыкновенный человек. Маркс, Энгельс — эти шли только от капитала, экономики и желудка. Ницше вывел, что жизнь — борьба, в которой побеждает сильнейший, что жалость к слабым есть безумие. Об остальных повелевателях умами помолчим для краткости, но достаточно и указанных, чтобы спросить: эти чокнутые гордецы нормальны? Конечно, нет. Но они влияли на мир и постепенно сделали его «под себя», чтобы удержаться в гениях.

Не знаю, интересно ли это, но знаю одно, даю не руку, голову на отсечение, что все наши беды оттого, что мы не слушаем друг друга. От этого гибнут государства, рушатся судьбы, от обиды невысказанности уходят в затвор, на плаху, сходят с ума.

ДАВАЙТЕ ВСЕХ ВЫСЛУШАЕМ

Давайте. Но чтобы это сделать, надо отказаться знаете от чего? От сюжета. Вот я писатель молодой, но и то дошурупил, что сюжет выдуман хитрыми умами, овладевшими письменностью. Владение сюжетом объявляется доблестью. То есть сюжет притягивает внимание к произведению. Для чего? Чтобы дочитать, досмотреть, дослушать до конца сюжетное произведение. Здесь два больших вреда: потеря времени и видимость приобщения к искусству. Ума нет, таланта нет, а хитрость есть — давай плести сюжет. Бог дару не дал, плети интригу, бесы на нее мастера. Вся драматургия на искусственном столкновении заданных характеров. В жизни все не так, сюжет у жизни один — смерть, путей к смерти триллионы квадрильонов. Сюжет — выдумка писателей, сделавших литературу средством проживания и прославления (одни), или средством оглупления людей (вторые), или тем и другим вместе (особенно кино и сцена). Сюжет — подпорка, костыль не умеющим ходить и ходули карликам. Когда есть что сказать, зачем сюжет? Если нечего сказать, пусть тебя не читают. Не бессовестно ли надувать мыльный пузырь выдуманных событий, для видимости похожих на жизненные?

Начнем с того, что, если кому не нравятся мои рассуждения, он дальше не читает. У меня девять десятых отделения не читают, и ничего, живут. Правда, поговорить мастера. Уже у них язык заплетается, а они всё говорят. До звону в голове. Лекарства от буйства есть, а от поноса слов — нет. Причем понос слов всегда означает запор мыслей. Доказать? Включайте телевизор. Видите, опять и опять одни и те же двухмерные говорящие маски. Вот Марк Захапов, вот Ролан Смыков. Когда они спят? Может, там, в студии, и спят. Там и полысели. И когда кто из них ставит и снимает, снимает и ставит свои нетленки, непонятно. Ну-ка дружно вспомним, о чем они говорят? И еще можно назвать сотню-другую говорунов, я уж им придумал сводную фамилию: имя — Бургай, фамилия — Чубруц.

Но что мне до них, у меня наиважнейшая работа, я со студенческого медбратства занимался научными изысканиями по борьбе с отклонениями в психике. И в отделении их продолжил.

КРАТКИЕ ТЕЗИСЫ

В мое отделение приходили навсегда. Кладбище за рекой росло, наполнялось и пустело отделение, а мы всё так же, как и вся психиатрия, лечили не болезнь, а ее следствие. Лекарства глушили то, чего боялась медицина. Половину мирового коечного фонда занимали психобольные (по-русски — душевнобольные, именно у русских болит вначале душа, потом все остальное). Лечение с шестидесятых годов вроде бы стало гуманнее, появились нейролептики, уже не было холодной воды на голову, смирительные рубашки (вязка) стали принадлежностью не больниц, а вытрезвителей. Но в нейролептиках таилась огромная опасность, сродни наркотикам. Аминозин становился слаб, требовался тизерцин, болезни в насмешку прибавляли силу, явился галаперидол... гонка подавления болезни и ее неизлечимость нарастали одновременно.

Журнал имени моего однофамильца С. С. Корсакова печатал бесчисленные труды по невропатологии и психиатрии, но прошу вас вчитаться хотя бы в одну фразу: *«Влияние Д-пеницилламинана на мелатонин и медьсодержащий фермент тирозиназу элиминацию меди из организма и обмен сульфгидрильных групп при шизофрении неясен». Каково? Или: «При воздействии безбелковых фракций достоверно снижены скорость фосфолирования, сопряженность окисления с фосфолированием, а под влиянием ультрафильтрата — и дыхательный контроль митохондрий».* Как? Ну, мои ребята выражались стократно яснее: «Меня усыпляют, у меня отнимают мысли и держат здесь, чтоб взять во сне мои изобретения». Или: «Однажды я проснулся в желудке акулы. Там был морской воздух, и там играли лилипуты». Первый, как понятно, считал себя ученым (а может, и был им), открывшим все, вплоть до обратного расщепления атома, второй просто фантазер. Но говорили-то они понятно. И если кого попросить сопоставить два первых и два вторых отрывка, то, конечно, по простоте изложения первые принадлежали свихнувшемуся уму.

Я готовил труд, понять который помогут такие тезисы:

Психобольные не есть душевнобольные, нужно отделить понятие души от понятия нервов. Действие нейролептиков не душеполезно.

Душевнобольные нормальны, ибо именно они всегда говорят правду, тогда как так называемые здоровые сплошь и рядом прибегают ко лжи, чтобы правду скрыть.

Душевнобольные (юродивые, блаженные) обладают даром предвидения, идут впереди обычного времени.

Труд мой двигался медленно, еще бы. У меня пока вышло два предварительных труда, две статьи, в которых я проводил параллели с высказываниями Чижевского и Вернадского. Чижевский говорил о влиянии солнечной активности на биологическую и общественную жизнь, Вернадский о том, что вода есть минерал, минерал единый, поэтому любое происшествие с водой в любой части планеты отражается на всей ее планетарной массе. Так и психика. Она едина. Поодиночке с ума не сходят. Мы связаны, писал поэт, единой нервною системой. Мы делаем больно кому-то, это обязательно возвращается к нам. Вот это — единая общечеловеческая психика,

которая с годами опускается во всё большие подвалы безумия, — могло бы считаться меняющейся нормой.

Но когда я касался этой совместной нервной системы, спотыкался именно на русской психике.

УТРЕННИЙ ПРИЕМ

С утра пораньше я сидел над главкой «Что сводит людей с ума?» и уже углубился в рассуждения о системе капитализма и социализма: какая система сводит быстрее? Сводили обе. Социализм я и раньше не защищал, только после его свержения увидел, что он лучше капитализма хотя бы тем, что не смог угробить Россию, а капитализм загубил полмира. Всякая система, если она неестественна, есть искажение природы человека, отсюда вывод, что любая система губительна для психики. Вопрос: насколько?

Здоровенный, как мы говорили, «пролеченный», медбрат явился с сообщением о новом больном, я взглянул, фамилия — Батюнин.

— Переодевают. Вначале, может, успеете наших принять.

— Кто?

— Как всегда. Халявин, Голев, Заев. Избаловали вы их. Травили бы в курилке, нет — надо к завотделением.

— Зовите.

Заев. Рождения военного года. Детдомовец. Склонен к побегу. Будет проситься на работу. Да и хорошо бы, на пилораму нужны рабочие, но бригадиры — вольнонаемные — не возьмут. Убежит — им отвечать.

— Ну что, Коля, лучше тебе?

— Алексей Иваныч, есть слово «лучше», а есть слово «легче». Выпишите на работу.

— Убежишь ведь.

— Куда? Кабы лето.

В прошлые разы Заев рассказывал, что это он убил Гитлера.

— Ты зачем ко мне просился?

— Бумаги надо, стихи сочинил.

— Ну садись, пиши.

— Я еще на другом языке сочинил. Тоже писать?

— Пиши.

Заев сел в сторонке и, шепча и задумываясь, стал писать.

Следующим был Халявин. Он всегда по пояс раздевался у порога, привык к медосмотрам, и всегда сразу заявлял:

— Справок не надо!

У него фронтовая контузия. Болел, работал, был несправедливо обижен, поехал жаловаться, заболел психически. Его надо просто выслушать, он успокоится до следующего раза.

— Халявин, — отрекомендовался он, — офицер запаса. Участник войны.

Двадцать четыре года в больнице. При строгом соблюдении приема лекарств он мог бы быть взят кем-то на патронаж. Но некому. Не берут и таких больных, у которых есть родственники. Боятся. «А пенсию за них получать не боятся», — сердито подумал я.

— Жить надо по-будущему! — воскликнул Халявин. — Отправлялись с Москвы, город Ливны. Фрицы рыжие, ростом под потолок. Подходит одна немка в полушубке: «Где Москва?» Мы на ура берем: «Москва сгорела. А вот теперь как жгли, так и стройте». Летит самолет, «рама» летит, в шары на запад наблюдает. Тут встреча с танком «тигр», это немецкий трактор. Когда идет танк, берешь гранату с бензином и кидаешь, — Халявин показал, как, — кидаешь на запад под танк. Ранило осколочным (он показал шрам), вытекло с бутылку крови... А здесь нет воевавших, одна шпана, ходил я на пилораму, но нет пальто, нет галстука, в войну было пальто и носил галстук, сапоги со шпорами, садишься на коня и скачешь на запад. Были усы, закручивал. По-будущему надо жить! Голев, такой здоровый, на пилораму не ходит.

Заев, писавший стихи, услышав фамилию Голева, вскочил и возбужденно заговорил:

— Да ему даже пол мыть нельзя — сразу доски приходится менять. А протрет койки — они ржавеют. Его родня из другого мира, они нас поджигали.

— Написал стихи? Давай... Павел Николаевич, идите. Хорошо поговорили. Жить будем по-будущему.

На смену Халявину пришел Голев, сел в углу.

— Ты чего это в чалме? — спросил я. Голова его была покрыта платком.

— Сигналов не хочу от волшебников, — мрачно ответил Голев.

— Ладно, посиди. — Я читал стихи Заева: *«Тебя все нет в тиши ночной, ах, что со мной, ах, что с тобой. Вот вижу — призраком идешь ко мне, и тут же потерялась во мгле. Одна луна лишь на меня глядит, да сердце все мое горит. И так всю ночь мне не спится, пока не вспыхнет первая зарница»*. — Очень хорошо. Можно Голеву почитать?

— Конечно, — ответил Заев.

Я протянул листок Голеву, сам взял следующий. Там был «другой» язык: *«Тартень пронь келаша не пронь кретошь пелу и пала печь кетлана ушечь кара лету уни кенану и наша таль пана мердана...»*

— Это о чем?

— Тоже о любви. Доктор, как мне быть, ведь я в побеге числюсь, срок добавят.

— Не добавят, я скажу им. — Это Заев беспокоится за то, что он из тюрьмы сразу пришел в психолечебницу, почему-то думая, что убежал. А перевели тогда, когда установили невменяемость в момент преступления. — Иди спокойно, я им скажу, что ты у нас.

— А на работу выпишете?

— Телогреек и сапог не хватает. Вот уж ближе к лету посмотрим.

— Надо же награждать трудом, верно? Гитлера же не каждый убьет. А я убил.

— Расскажи, как, — в который раз попросил я, и в который раз совершенно искренне Заев ответил:

— Не помню, я же был маленький.

Остался Голев.

— Ты чего на прием просился?

— Алексей Иванович, не хочу с дураками сидеть.

В истории болезни Голева хранилось много его заявлений и писем. Все они требовали «выслать Человека», «перевести в госпиталь, поскольку я имею трехпулевое ранение».

— Мне подсыпают наркотики, да чуть меня не сожгли. Даже пыж тряпочный подготовили. У меня легкие отморожены зелеными лучами. Не хотели пижаму давать и компоту, только с самолетов волшебники велели дать, тогда дали...

Голев служил радистом.

— Тебе понравились стихи Заева?

— Буду я читать, дурак писал. Думаете, что солнце жаркое, значит, там углем топят? А это волшебство.

— Платок сними.

— Голоса не велят. А галаперидол отмените, и сами здесь не работайте. Вы же наш человек. А у меня еще все органы болят.

— Витя, ты себе меньше внушай болезней. Тебе одной хватит. А перестать тебя лечить, ты кого-нибудь убьешь.

— Как это еще? Если я убил, так это волшебники велели.

Да, в его истории болезни значилось убийство.

— Плохие твои волшебники. Что ж они не подскажут, как тебя лечить.

— Я здоровый. Это они дураки.

— Пусть помогут Заева вылечить. Халявина, Аскинадзе, Мошегова...

— А их лечи не лечи.

— Эгоист ты, Витя. Возьми сигарету. Иди.

— Я же не показал еще трехпулевое ранение. — Голев задрал рубаху и обнажил живот без каких-либо следов повреждений.

Раньше я успокаивал, говоря, что ранение хорошо зажило, сегодня сделал вид, что рассматриваю живот, и сказал:

— Ничего у тебя нет.

Но тут же получил в ответ совершенно логичную фразу:

— У вас глаза по-другому устроены, вот и не видите.

ЗДОРОВО ДЕВКИ ПЛЯШУТ

Получив такую поправку, я не мог не улыбнуться. Пододвинул заветную папку со своей работой, но дверь отворилась, впустив звуки гармоники. Это Халявин играл, как всегда, одну и ту же песню: «Ой, полным-полна моя коробушка, пожалей, душа моя, зазнобушка...» — дальше его как будто захлестывало, и он начинал снова: «Ой, полным-полна моя коробушка, пожалей, душа моя, зазнобушка...» — и снова.

В дверях стоял высокий красивый мужчина, примерно мой ровесник. Соматическое (общее) состояние по всем показателям было просто отличное.

— Садитесь.

— Доктор, это свершилось — я здесь. И мы вместе с вами докажем остальным, что конец света не только наступил, но что уже и состоялся, прошел, мы и не заметили, что живем после конца света, что мы не люди, а нелюди. Докажем? Но о

том, как я сюда попал, не скажу, это был мой расчет. Я исследовал сумасшедших на свободе, пора логически начать исследовать их в заключении, то есть здесь.

— Здесь обычная больница...

— Только зарешеченная? — сощурился новый больной. — Но это хорошо, пора отгораживаться от бесов. Прошу создать мне условия для труда, выставить охрану, так как мой труд вольется в труд моей республики.

Медбрат из-за его плеча сделал знак, что успокаивающее введено и что больной скоро успокоится. И он действительно прямо на глазах сникал, взгляд его пронзительных глаз становился плывущим и ускользающим.

— А моя проститутка где? — спросил он. — А бумаги где? Отберете — вам же хуже.

— Может быть, вы пойдете в палату?

— Уводите, — надменно сказая он, вставая. — Мне как, руки за спину?

— Можно и за голову.

— Да вы, кажется, с юмором, — сказал больной, — может, еще вы мне и пригодитесь.

— Чем-то на вас похож, — сказал, вернувшись, медбрат. — У него записки какие-то, будете смотреть?.. Жена его здесь, позвать? Но если вам некогда...

— Позовите.

НАВСТРЕЧУ МНЕ ШЛА СТАРУХА

В кабинет вошла женщина. Я остолбенел — показалось, что эта женщина — мать моей Веры. Женщина, нервно смеясь, заговорила:

— Какой вы старый. И седой. И лысеете. Седой, это красиво, седой бобер дороже, да? А я вот мужа довела, он говорит. И он меня довел. Тазепам горстями, валерьянку стаканами, никакого толку. А ревновал! У меня ни с кем ничего не было, ведь мы только целовались, да? Но ему ничего не докажешь. Он может и больницу поджечь, вы смотрите. А я психопатка, да? Но женщины на работе успокаивают, что я еще молодая. И мое решение одобряют и поддерживают, ведь иначе он убьет. Он пил, ой пил! Обои со стен сдирал и пропивал. С топором за мной бегал. А вначале робкий был, и я тоже детдомовка, тоже забитая, мы бы и ужились. А жена у вас врач? Ну, правильно.

— Простите, что это за бумаги мужа?

— Дурость сплошная. С Львом Толстым спорит. Повести недописанные за Пушкина и Лермонтова дописывал. Я хранила, хранила, да и выкинула. Ой тут было! Другие и спят, и гуляют по ресторанам, и вида не теряют, а я что? Вот вы водите жену в ресторан? Не водите, дурной тон. А не будете водить — ей обидно. Ну, как я выгляжу? Еще ничего, да?

— Да нет, все нормально.

— Где уж нормально? Чего врать-то! Врать-то чего? Это вы больным врите. А женщины есть у вас в отделении? Нет? Поглядеть бы, как с ума от любви сходят. Есть такие? Нет? Начинайте с меня. А с жиру бесятся? У нас одна — чего не хватало? Муж тыщи таскал, все было мало, удавилась. Хоть бы кто пожалел — смеялись. Говорили: он удушил и в петлю вставил; нет, следствие, даже двойное, ответило: сама. Вначале местные следователи занимались, им не поверили, у нас же все продано, кого хочешь засудят, кого хочешь выгородят. Пригласили из центра. Этим поверили. Удавилась сама. Такое заключение. Муж мне говорит: я тебе тоже так подстрою, что, кого ни пригласят, все сделают такой же вывод. И мне все время показывает разные веревки. Пойду в ванную стирать, там сверху висит веревка. Или: показывают по телевизору удавов и змей, а их часто показывают, и не только в «Мире животных», говорит: «Смотри и запоминай». Это как вынести? И меня же все осудят, что дала согласие на излечение. А я от вас без тазепама не уйду. Да и он уже не действует. А дочь меня продает. Он за мной бегает с топором, она уходит в кино и меня называет дурой. Она уж давным-давно не девушка. Как зубы почистила! А я как это перенесла? У вас дети есть?

— Сын.

— Это лучше. Хотя тоже на какую нарвется. Моей стыдно стало быть девушкой, немодно, несовременно. Весь запад давно покончил с невежеством, это как? Они, значит, передовые, ищут партнера, сексуального совпадения, а мы отсталые. Так и умру без радости в постели. Да уж хоть бы в постели умереть, а не в петле. Не муж меня в петлю загонит, а дочь. Мне заранее ее дети не в радость. И никуда не денусь, буду нянчиться с дитей расчета. А не буду — со свету сгонит. Нам говорили — дети по любви красивые. А дочь у меня страшная такая, значит, я его не любила. И не хочу. Не могу и не хочу, как Пугачева поет. Ее бы на мое место — попела бы. У меня матери не было, отца не было, в детдоме росла. Нас стригли наголо от вшей, дразнили, мы в одинаковых мешках-платьях ходили, всегда голодные, всегда злые, ждали своей жизни. И дождались. Я так дождалась, что и в петлю не надо загонять, сама залезу. А повеситься думаю на площади, где были митинги демократов, пусть любуются на свои плоды. Какое вранье кругом! А я защищаю правду и буду защищать! И муж — молодец, с бесами борется. Правда, он решил, что я бесовка и к нему приставлена. А ты женат?

— Да. Она продавщица. То есть пусть бы была продавщица, но по психологии продавщица.

— Приставлена к тебе. Не замечал?

— Мы почти не видимся.

Я отвечал механически, заторможенно, как-то оглушенно. Все оборвалось, и рухнуло, и сыпалось под ноги, в чем-то застрял и шагу сделать не мог.

— А он тоже Алексей, ты прочел документы? Да? Он, кстати, болен теорией двойников. Но только как-то наоборот. То есть один двойник плюс, второй минус, посередине нуль, ну он тебе объяснит. Ты ведь любил меня? Любил, и он любил, вас двое таких дураков, чтоб такую дуру любить, вы и есть двойники. Ой, а я ведь узнала, что ты это ты, хотела насмешить, спросить, чем отличается кокарбоксилаза от капролактама, смешно? А от карболата?

— Ты когда обратно?

— Ухожу, ухожу, ухожу. А стихи-то пишешь? Ну, звоните, пишите, заходите!

У меня не нашлось ни слов, ни сил, чтобы задержать ее. Даже не встал. Слишком силен был удар. Сияние любви, юности, мечтания по ночам, надежды на встречу — и вот эта старая психопатка. Боже мой, как хорошо, что это случилось, как хорошо, что больше нечего ждать, как хорошо, что осталась мне только работа.

КОГДА НЕ СЛЫШАТ НА СВОБОДЕ, УСЛЫШАТ В ПСИХУШКЕ

Труд мой, как всякий труд для всякого мужчины, — вот мое лечение. Тем более и труд мой весь о лечении. Отчего люди сходят с ума? От очень разного. Для моих больных, прежних, не тех, что пошли в последнее время, не важен был человек в мире, все заключалось в мире человека, это понятно? Олигофрены и гидроцефалы были в любую эпоху, в любой стране, но таких, как у нас, нет нигде. Это плоды цивилизации и перестройки. Сводила с ума угроза войны, армия, страх, обостренное правдоискательство. Но сразу же: если ищут правду, значит, ее нет. Но что есть правда? Это представление каждого отдельного человека о порядке вещей и явлений. Все должно быть так, как он представляет, а не иначе. И вполне может ошибиться, ибо другой все представляет иначе. Конечно, если они равны, они договорятся, но равенства нет, забудем этот масонский крик для дураков о свободе, равенстве, братстве. Нет равенства. Правда начальника превысит правду подчиненного. Если даже допустить, что мы складываем общее мнение и делим его на всех, то будет ли это общей правдой? То есть суммарная окопная правда солдата плюс блиндажи начальства плюс главная ставка, поделенные на всех, означают ли правду войны? Нет, конечно. Вообще доверить смертному критерий правды невозможно. Тем более святое слово истина. Для русских истина — Христос, другой не будет отныне и довеку. Пока до этой истины мы не поднялись, будем копошиться в своих правдах.

"Хотя бы вкратце переберем некоторые случаи, характерные для клиентов последнего времени, — читал я свои записи. — Вот случаи боязни, рабство страха, ибо забыто правило «Бога боюсь — никого не боюсь, а Бога не боюсь — всех боюсь». Больной С. боялся начальников, старался избавить себя от страха таким способом: набирал номера их телефонов до рабочего дня или поздно вечером. Представлял, как в кабинете на просторе стола звонит один из телефонов. Говорил в трубку громко и уверенно. Однажды один начальник, в свою очередь боясь своего начальника, пришел пораньше и ответил С. Что-то сдвинулось в его сознании. Вскоре он потерял свою записную книжку, в которой были номера телефонов многих начальников. С. вообразил, что книжка попала к чекистам, что за ним ведется слежка. Этого хватило для следующей ступени болезни. В отделении он всегда сидит возле столика дежурного медбрата. Смотрит на телефон. Когда телефон звонит, С. вздрагивает и счастливо улыбается.

Больные — изобретатели. Это целая когорта, мы легко могли бы сделать первичную организацию БРИЗа. Их идеи заскакивают в дали, которых человечество, по своему безумному устремлению к самоуничтожению, может и не достигнуть. Например: изобретение тепла без дров. К. пишет: «Не надо угля, торфа, нефти, расщепления атома, нужна скорость молекул в воздухе. Доказательство: два вентилятора, дующие один на другой, в середине пластина съема энергии».

Идея М. «Перевод часов совершать не дважды в год, а дважды в сутки, то есть утром на час раньше, а вечером на час позже. В сутках становится двадцать шесть

часов, увеличивается световой день, продолжительность работы, ее результаты также увеличиваются»..."

Отложив записки, я вспомнил еще случай, забавный, если б не искалеченная от этого судьба. Один работник планирующих органов в прямом смысле рехнулся от того, что ему открылся настоящий смысл слова «планировать». Произнесение этого слова с ударением на втором слоге, как все произносят, означает плани́рование, летание, парение в воздухе без мотора с помощью воздушных потоков. По-настоящему, в приме́нении к хозяйствованию, надо произносить с ударением на последнем слоге — плани́ровать. Открытие было не из слабых, оказывается, наши планирующие органы десятками лет парили в пустоте.

Вообще бывшие начальники почти всегда смотрятся смешно. Они и в отделении пыжатся. Один и в палате кричал на всех, что все лодыри, что надо дать всем твердое задание. Но это был один пунктик. Другой заставлял мучиться самого начальника. Он не спал, когда на Камчатке начинался рабочий день. «А в Воронеже сплят! — кричал он. — В Ростове сплят! Украина сплит беспробудно, Беларусь храпака дает, Прибалтика ладно, она на шведов ориентиры держит, хай сплит, но Поволжье дрыхнет, вот что преступно!» Так же было и наоборот. Когда в Воронеже и на Украине работали, Камчатка, опять же преступно, засыпала. Начальник с ума сходил каждый день. Ночью все начиналось сначала. «Рыбзасольщицы Курил и Сахалина красными от холода руками пытаются снизить цены на сардины и сардинеллы, а Саратов? А взять Астрахань, а в Архангельске вообще беспробудный народ!» Вместе с рассветом он проходил Азию, продвигался к Уралу, проходил Европу, ближнее и дальнее зарубежье. Доставалось и полякам, и румынам, не щадил и болгар. Отдыхал он только тогда, когда день уходил к капиталистам. Он мечтал даже, чтоб капиталисты спали побольше, чтоб пили из нас соков поменьше. «Да нет, это не наши лодыри», — горько говорил неугомонный погоняльщик и вскакивал: пора было будить Дальний Восток.

ЯПОНСКАЯ МАМА

Скрывать какие-либо запрещенные методы лечения мне незачем, я их не знаю. Они жестоки, эти методы, да, но запрети их — и как лечить? Болезненные, «горячие» уколы называли у нас «японская мама» из-за сопровождающего вскрика. Опять и опять повторяю, что мы не знаем, как лечить душевнобольных. Мы знаем следствие, а не причины. Причина одна — ненормальность мира, в котором мы живем, он сводит с ума. Я могу только назвать несколько свойств, обладая которыми, человек остается в своем уме. Это — присутствие постоянной критики и самокритики, чувство юмора. Не издевательства, не насмешек, именно юмора, в котором опять же самовысмеивание и самоукоры. Так же ограждены от ударов по психике верующие. Но не фанатично верующие, это непременное условие. Фанатики любого толка — спортивные, эстрадные — это наши клиенты.

Надо думать об успокоении мира, о естественности его, о чистоте природы — вот единственный путь к здоровью. «В нервы головы, — говорит мой клиент, и его рассуждение более чем здраво, — входят нервы зубов. Их вырывают, сокращая нервы головы на несколько сантиметров, это отражается на голове. Надо иметь здоровые зубы. Как? Не курить, есть только здоровую пищу, химию исключить вообще».

Другой резонно требует отменить тюрьмы — в тюрьмах сходят с ума, и зря юриспруденция изображает это так, что симптомы сумасшествия вызываются искусственно, в тюрьму такую юриспруденцию, посмотрим через неделю на ее симптомы.

Третий говорит, что жадность, корысть, зависть — путь в наше отделение. Совершенно точно. Как перекрыть этот путь? Очень просто — исключить золото, богатство из жизни.

И вообще исцеление просто в любом случае: убрать из жизни испуг, хамство, плохие запахи (да, есть и такие больные, которых преследуют определенные запахи); убрать понятие славы, это избавит от мании величия. Тем, кто сходит с ума от бессонницы, нужно создать три условия: тишина, темнота, чистый воздух... То есть устранять причины. Но главная, повторяю, общее состояние общества.

Я не люблю уходить из отделения, мне стало тяжко ходить по улицам, вижу, особенно в последнее время, измученные лица, затравленные взгляды, или наоборот — лица гневные, яростные, искаженные, — все это признаки невеселые, все они значатся в моих институтских учебниках.

Есть вековечное правило: кого Бог хочет наказать, лишает рассудка. Так, но Господь же повелевает любить ближнего. Разве исцеление — не любовь, не прощение ближнего?

КАПИТАЛИЗМ ГИБНЕТ ОТ КАПИТАЛА, А СОЦИАЛИЗМ ПОГИБ ОТ «КАПИТАЛА» МАРКСА

И действительно, в отделении интереснее. Я все себя проверял, может, я того (кручу пальцем у виска), да нет, не того, а этого, пока адекватного. Ну, скажите, разве не интересно то, что у нас создано несколько клубов. Конечно, главный из главных — это клуб КТТС (как только, так сразу), то есть все тут можно применить. Как только грянет гром, так сразу мужик перекрестится; как только ставится вопрос, так сразу на него находится ответ. Можно и поразвернутей, можно целую цепочку событий, например: как только к нам приезжал дядя Вася, так сразу отец бежал в магазин. Как только дядя Вася поднимал третий стакан, он сразу запевал. Как только дядя Вася запевал, так сразу наша собака начинала выть. Как только наша собака начинала выть, так сразу соседи говорили: к покойнику. И покойник являлся.

Но были клубы и попроще, как бы мини-клубы. Клуб любителей покойного сиамского кота Фени, весившего при жизни двенадцать килограммов и умершего при невыясненных обстоятельствах. Существовал клуб награждений почетными грамотами по незначительным поводам. Хотя одно награждение было весьма и весьма уместным для нас — награждение по случаю пробуждения умственных способностей. Был клуб конца света. Его представители отвоевали право выключать свет в отделении. Так как им не хотелось конца света, то свет в отделении не выключался всю ночь.

Конечно, всех давили своим интеллектом поэтические клубы. Еще и оттого, что я, в прошлом рифмовщик, им потакал. И зря: одолели. Ходил по отделению неприсоединившийся ни к кому поэт Турусин, он говорил только стихами. *«О, Боже мой, прости меня, живу я в мире, как свинья. Тело мое мою и наряжаю, а душу свою в ад провожаю. Чем же? Осуждением, блуждением, неправедным в мире хождением. Я, Федор Турусин, никогда перед бесами не трусил, в православную веру крестился, с бесами простился, пошел в мир мир обличать, администраты решили меня кончать. Дала мне власть сто рублей за честный труд, вот и поживи тут. Велели мне сделать такую замашку, чтобы я ел безбожную кашку. Ходили вослед за мной комсомолки, включали на всю мощь языкомолки, лица бесстыжие, волосы стрижены, груди голые, мысли комолые, сами лохматые, рогатые, дуры языкатые. Как их воспитать, мать не сообразила, сама безбожна, как тупая кобыла. Гореть вам в огне, живодристы, демократы и коммунисты. Сегодня двадцать пятое, среда, отойди от меня, беда, ибо мной управляет Христос, а не безбожный барбос. Научил барбос церкви ломать и чужих баб обнимать. Барбосовы родители с Богом воители, но скоро-скоро закроет рот безбожный урод. А эти чужие бабы хуже болотной жабы, обнимают женатого мужика и делают из него дурака. А ты, дева, расти косу, не подчиняйся барбосу. Голова твоя не болванка, и утроба твоя — не лоханка...»*

Я любил слушать Федю.

НЕ ПЕРВЫЙ СНЕГ НА ГОЛОВУ

Для этого Феди я держал нюхательный табак. Федя, естественно, называл меня на ты, очень меня жалел.

— Иваныч, разреши родителей помянуть! — так он просил табачку. Нюхал, морщился, встряхивался как при ознобе,наконец чихал и, глядя на меня мокрыми, восхищенными глазами, спрашивал: — Хошь политический анекдот расскажу? Выступает хор беременных женщин, поют: «Ленин в тебе и во мне». Ах, Иваныч, не повезло России с женщинами, податливы на пропаганду чуждых идей, вот твоя, например...

— Федя, у меня работа.

— Твоя работа — моя забота. А какую горчичку мать моя разводила, хватанешь капелюшечку — и слезы льются, слезы льются из очей. А тятя сажал такой табак, куда там твоему. Нюхнешь, чихнешь — и голова пуста и очищена от всякого агитпропа. Вот чего большевики не дотумкали — табак запретить, чихать запретить. Чихнешь на все — и обновился. Не зря на Руси уважали чиханье. Будь здоров, говорили. А ты не сказал, не уважил.

— Мало чихал. Давай еще да иди, дела, Федя. — Я придвигал свои бумаги, Федя уходил.

Итак, нейролептики ужасны, даже такие сопливые, как тазепам, элениум, радедорм, нозепам, реланиум и иже с ними. Нейролептики снимают нервность, снижают агрессивность, заглушают буйство, психический больной безопаснее самого примитивного хулигана. Но как снижают? Заглушают. Загоняют внутрь, отодвигают, убивают что-то другое. Лечим легкие — убиваем печень, лечим желудок — угнетаем почки. А в психиатрии тем более — мы убиваем способности, мы варвары, мы не знаем, кто и насколько болен, кто здоров, нет нормы психического здоровья. Все

условно. Если бы всех, больных и здоровых, содержать вместе, норма могла бы, хотя опять же условно, выработаться, как постоянно меняющаяся среднесоставная. «Дурак! Псих ненормальный!» — кричат у нас то и дело в очередях и в автобусах, дома и на работе. Кто тогда не дурак, когда каждого в его жизни называли дураком. Но кто называл? И почему дураки, а особенно дуры, лучше живут? И кто напишет учебник о дурости, в котором обозначит конкретные признаки свихнутости?

Сразу на ум приходит поглощение ума сверхидеей. Таких поглощенных в отделении достаточно. Но разве плохо увлечение, даже поглощение сверхидеей? Человек ушел в изучение недоступного для других или не привлекающего других, разве он ненормален? Он что-то познает, что-то вколачивает, нет, мы тащим его в психушку, он страдает от непонимания, срывается на крик, санитар озлобленно бьет его. А озлобление — признак животного, страдание — признак мыслящего. Кто нормален: санитар или «больной»?

Теперь о лекарствах. Лекарства не с неба падают, делаются людьми. Разве может, спросим мы, несовершенный человек сделать совершенное лекарство? Не может. Качественно лучше природные лекарства, но уже и природа искалечена, искалечены и мы, здесь прямо пропорциональные отношения. То есть лекарств от психических болезней нет.

Я НЕ СОЛНЫШКО, ВСЕХ НЕ ОБОГРЕЮ

Жестокая фраза, напоминает мерзейший крик кассирши: «Вас много, я одна», но приходится сказать, что отделение мое не поддается исчислению. Пришел Федя, ушел Федя, пришел пан Спортсмен, ушел. Только и запомнил, что Федя чихал, а Спортсмен кричал, что луна похожа на олимпийский диск, а солнце на олимпийскую медаль, вот и все, а я опять шуршу своими бумагами. И сколько же их! Как я с ними справлюсь? Надо вычленить цель, сверхидея же моя ясна — устранить причины расстройства психики, дорогу наметить к путям, тропинки к дорогам. Пойдем от отдельных случаев.

Зиновий С. Холостяк. Не успел жениться из-за... совещаний. Он сидел на них страстно, до самозабвения, до принятия всех резолюций, до подсчета голосов тайного голосования и до объявления его результатов, хотя бы их и объявляли утром. Его совещательное рвение не могло быть не замечено. Зиновия стали посылать в центр, тоже на совещания. Там он жил в гостиницах строгого режима, туда женщину не пригласишь, дежурных, так сказать, не проведешь. Да и какая там женщина, когда полные дни, иногда по неделе, все совещание и совещание. Отсидишь, оттолосуешь, домой бы ехать, а до следующего совещания два дня, куда тут ехать? Изучаешь документы. Снова сидишь на совещании. Он и в палате устраивал совещания. Только его мои новопоступающие мыслители подавляли умственно. Сидеть он умел, думать уже не мог.

Агроном-правдолюбец Ермаков. Не выносил никого, кто шел без дела. Пилил и колол дрова и кричал: «Надо работать! Работать, а не мозги компостировать, а сказки надо в садике, в младшей группе рассказывать». Мышление его было разорванным, часто шла, по выражению психиатров, словесная окрошка, но в паузах он четко клеймил тунеядцев:

— Когда на газ перейдем, дровоколов будем сокращать. А если пить будем, остатки совести пропьем. Нам не нужно красивое лицо, его проститутке подавай, нам нужна работа! Да день, да два, да три поколоть дрова, да всю жизнь, только так коммунизм построим. А портфели могут и старушки носить!

Рвался ко мне, тоже из пишущих, но неудавшихся, здоровенный парнюга и кричал от порога:

— У меня только два слова. От первого заранее отказываюсь. Но как, скажите, братство психиатров относится к тому, что закат солнца уже описан и сдан по описи вечности, как?

— И восход описан, — отвечал я.

— Тогда организуем фирму «Вани и мани-мани», а? Или соревнование палачей в подгруппах топора, стула и выстрела, в финал выходят самые изощренные казни, как-то: срезание голов у закопанных в землю, используя для этого нож бульдозера, или добровольное утапливание глубоко пьяного в мелкой луже. Но непобедима среди палачей баба-пила, она перепилила множество жизней.

— Ну, а если и это кем-то уже описано и сдано?

— Тогда этого «кем-то» расстрелять и разобраться. Доктор, у меня аннексировали сверхавторучку. Нажимаешь кнопку — пишет сама по заказу, смотря по погоде и обстоятельствам. В конце каждой главы герой прыгает с парашютом. А полковники в автобусе поют: «Идет солдат по городу», а подчиненные на сцене: «У нас в подразделении хороший есть солдат, пошел он в увольнение и продал автомат».

— Вы говорили, что у вас только два слова.

— Я только начал! Включаю описание черного пуделя, пришедшего на встречу с кандидатом демократов, и описание того, как кандидат перелаял пуделя. Но важней того рассказ о семейном подряде писателей. Семья: пишут все — сам, сама, теща самого, дочь, два зятя, куча других. Сами пишут, сами набирают, сами продают, сами не покупают, продолжения не будет.

Куда денешься, я слушал. О, чего только не услышишь в нашем отделении. Правды ради скажу, что все мною передаваемое — сверхтысячная часть мною записанного. «Писатель», собрат, куда денешься, уже сидел на столе:

— Доктор, чем плохо описать, как везли товарные составы один мясо, другой вино, вместе пришлось стоять. Началась дружба. Пили и ели за красный цвет светофора, и это здорово получилось, ибо красен был сок «изабеллы», красны руки мясников, краснели глаза поутру с похмелья. О, великолепна песня на слова мясокомбината и музыку спиртзавода. Душераздирающим было их прощание. Что сделали мясники? Они отнесли полную флягу «изабеллы» машинистам, чтобы те не сильно дергали, ибо много емкостей с нею было в вагонах — тазы, ведра, даже свистнутая по дороге детская ванночка была полнехонька и мелкой дрожью тряслась в ней губительная кровяная влага. И вот, доктор, вдоволь и мяса и вина, а все не проходит голод на героя нашего времени. Так приступим же к нему с ножом и вилкой. Приступим?

— Тараторь.

— Начальник очередной негеологической партии и не партии товара. Несъедобен. Хотя партия была, есть и будет есть. Без шуток. Надо уметь есть и пить. Особенно пить. Подчиненных сам не ест, бросает на съедение тем, кого прикармливает. Чтоб не съели его, подбрасывает кого пожирнее. Несъедобны и карьеристы, к описанию и учету и передаче на хранение малопригодны.

Йог из Рязани. Тем более никакой не герой. Интересен только тем, что из Рязани, остальное сами йоги делают стократ лучше. Зачем Вите из Рязани йога? Витя, вспомни предков, они на голове не стояли, и в России все по-дурацки не шло, пуп не рассматривали, а с утра на пашню, за серп, за топор, за тяжкий молот, тут йоге слабо́ соревноваться. «Харе рама, харе кришна, харе, харе, харе...» — и чего достиг? Отрешения? От чего? От жизни? «Витя, хлеб дорожает, Витя, детей нечем кормить». И что ты отвечаешь? «Отойди от меня, необразованное женское существо, я медитирую». «Витя, не занимайся рерихоедством, Рерих делал из религий сборную солянку, а твои махатмы, Витя, очень радовались гонениям на Православие. Махатма Ленин очень им подходил». Доктор, вы за?

— Ты еще слабо, надо так доказать, чтоб не только перестали трястись под команду барабана, а еще и вспомнили мать родную. Иди, размышляй. Иди, иди.

— Иду, доктор. Еще запишите, есть также дураки, что туфлю у папы целуют. Размер не знаю.

ГРЕШЕН, РЕВНУЮ

А еще бы не ревновать. Набежало писателей полное отделение, да еще заведующий тоже малость сбрендил, вижу ведь, как медбратья косятся на мои бумаги, входя в кабинет. Тут такая причина, что писатель и психолог должны быть заединщики, а уж психиатру сам Господь позволил пытаться словесно и письменно понять человека. Исследуя случаи отклонения (я уж не пишу «от нормы»), вижу, что к гордыне самомнения, к сдвигу, ведет чаще всего привычка записывать свои впечатления, свои мысли. Как ни слабы, как ни общеизвестны эти впечатления, как ни коротки по-куриному эти мысли, они свои, вот в чем абзац и параграф. Самомнение растет от самовыражения, и неважно, что самовыражение обнаруживает пустоту. Это пустота, гремящая, как нынешняя музыка. Но самооглушение подстрекает к наращиванию звуков, и так далее. Клиент готов. Он ходит по земле и по редакциям, пьет чай с запуганной тещей, но он... сдвинут.

Продолжим исследование случаев отклонения от нормы. Естественно, что я — русский врач, изучая русских больных, сравнивая их с другими, вижу, что национальное влияет на психику. Берем случай обиды. Скажи кому угодно, что живет как-то не так, разве поверит? А русский: «А считаете, что живу не так, я и буду жить не так. Не верите, что я живу честно, надо мне для вашего оправдания подворовать. Не доверяете — домыслим. Хотите еще сильнее обгадить — поможем, и кулаком не надо стучать, сами на себя что угодно наговорим, вам только и осталось, что радостно кричать: они сами признаются, что они хуже всех. Нет, мастера и подмастерья, мы лучше, оттого вы на нас злобствуете. Не считаете нас за людей — отлично, вы у своей цели, возвысились за счет унижения других. Мы милосердны и разрознены, вы грубы

и сплочены, мы — толпа, вы — кулак. Внушайте, что нам нужен арапник да дубинка, мы смирились. Действуйте».

Есть в отделении пациент М. Кличка — Охранник. Был замечен на улице режиссером как типаж. А до этого только что отсидел, охранников ненавидел. И вот его зовут играть роль охранника. Пошел с радостью, отснялся, выпросил у костюмеров форму насовсем. Списали, подарили. С формой не расставался. Фотографию в форме охранника повесил на стену. Так с ней и пришел в отделение, мечтает стать санитаром.

Нервные клетки, ах вы, нервные клетки, гора разума, раскопанная еле-еле с одного краешка. Ссохлась та гора, спеклась, смерзлась, скипелась, не поддается технике, только ручным бригадам с киркой и ломом, идите к нам в ломовую бригаду, у нас улучшенное питание.

А то есть еще актер такой, зовут Актером, кричал, кричал и докричался, теперь у нас. А что кричал? Что не хочет надевать костюм под совещание, пусь делают совещание под костюм. Теперь у нас. А у нас костюм один — полосатый, нас полосатиками зовут. Все одинаковые, только биополе разное. А у актера биополе страшенное, ходит по палатам, на всех действует. Но его, актера, приспособили влиять на телевизоры, затаскали по палатам. Телевизоры у нас дрянь списанная, скорей бы под бульдозер, работают плохо. Так вот, как встанет актер возле телевизора, тот перестает полосатить, работает, показывает. Даже если самолет летит над бараками, не влияет. Стоит актер днями и вечерами у телевизора, переслушал все передачи, перевидел всех лепетунов и крикунов, на три фразы вперед угадывал, кто что скажет, каково? И такого человека числить в полосатиках? Да он умнее трех правительств вместе взятых оптом и в розницу.

НАПЛЕВАТЬ, МНЕ ЗДОРОВЬЕ ДОРОЖЕ, ПОИЩИТЕ ДРУГИХ ФРАЕРОВ

Я все-таки когда-нибудь брошу заниматься своими записками. Кому это надо, кроме меня? Но если надо мне, а я человек, то логично, что надо человеку. То есть, если кто-то считает себя человеком, то ему нужны мои записки.

Продолжим.

У нас давно сидит лишенный всех прав экстрасенс Джунковский. Ходит, плачет жалобно. По его мнению, его кто-то уменьшил до карлика, а остальное оставил как есть. Он кается мне, что был вампиром чужого биополя, ходил в православные церкви во время литургий, протискивался ближе к алтарю и там подзаряжался. Отнимал намоленную силу, раздувал биополе свое, как клещ.

Еще он печально говорил: «Доктор, запишите: кто заводит собачку, у того не будет инфаркта. Значит ли это общее здоровье? Отнюдь, инфаркт обеспечен собачке».

Итак, мы в ломовой бригаде, подступаем к горе разума. Будем ее разламывать, размалывать, размывать, сравнивать с землей. И что же будет после этого? Всеобщее поглупение? "Ты пил вчера?» — «Не помню». — «Значит, пил». — «Нет». — «А, попался, я же о вечернем киселе говорю». Это у нас юмор такой. «Тише! Идет!» — «Кто?» — «По крыше воробей». Как говорит один мой пьющий санитар: «Надо, облизательно надо давать раз в неделю организму встряску, раз в неделю не пить. Эх, как трясет». Этот санитар тоже леченый, еще совсем недавно его затрясло окончательно, когда он с похмелья открыл бутылку, сковырнул пробку, а на горлышке осталась такая прозрачная пленочка, ее незаметно. Льет — не льется. Глядит — пробка снята, опрокидывает бутылку — жидкость бутылку не покидает. Значит, земное тяготение кончилось. Допился до края, решил санитар.

Давайте отойдем от горы разума и поразмыслим над названной русской болезнью — выпивкой. Тут некого винить — ни Шарлотту Корде, ни Марата, они там что-то не поделили, нас это заставили изучать, а нам не этим надо заниматься, а своей русской болезнью. Тут, братики, сваливать не на кого — грешны, хмельны и зело непотребны. Один у нас допился до того, что мажется солидолом, говорит, что будет сильным, как трактор, ведь трактор смазывают солидолом, это мнение он выдрал из глубин своей давно прошедшей трезвости. Но ведь и дипломаты пьют. И реставраторы. Одних краснодеревщиков сколько спилось. У меня повар был знакомый, он ночью возле кровати ящик с водкой держал, вместо воды пил. Проснется, выпотрошит одну-другую — спать. Утром рот прополощет шампанским, сплюнет — и к плите. Ведь не мы пьем — желудок. Желудок — сволочь — гадит. Ему неохота пищу перерабатывать, расщеплять, он водке рад: калорийность огромна, усваиваемость мгновенна. Ему давай и давай. Закуску, особенно русский желудок, отвергает, отторгает, игнорирует. Вот с кем надо бороться — с ленью желудка.

Диктую манифест. Пиши, пьяный санитар! И не думай, что ветер называется западным, если он дует на запад. Пиши:

«Мы, поднимающие голову от подушки веков и не соображающие, где мы находимся, торжественно проклинаем все причины, ведущие к выпивке, мы освобождаем все праздники от хмельной окраски, крестины и поминки, встречи и проводы, печали и радости, отвальные и причальные, закурганные, стремянные и закордонные, авансовые и зарплатные, банные и ванные (лучше быть немытым, чем пьяным), проклинаем выражение уважения чужой родни и родной родни через выпивку, обмывки диплома, аттестата, свидетельства, удостоверения, сделки, премии, гонорара, проклинаем любой возглас, подстрекающий к пьянке, типа: »А не пора ли нам пора?", проклинаем все места, располагающие к выпивке: гаражи, забегаловки, пивные, рыгаловки, стоячки, стекляшки, теплушки и вагоны, кладовки, все места, где расстилаются обрывки независимых якобы газет, на которых лежат два помидора и хлеб, а посудина ходит по кругу, — лужайки, обрывы, откосы, скверы, усеянные пробками, — горем взошли они по русской земле. И тебе проклятие, колченогий стол, что не сломался под пагубной тяжестью ядовитых жидкостей, этой людской погибели, и ты, крахмальная скатерть, сволочь такая, захвати с собой все градусное питье, подними в поднебесье да на радость всему люду шибани его оттуда! Проклятье вам, винные, водочные, коньячные этикетки, вы, как лаковые проститутки, раздели и разули многие семьи, отняли у взрослых разум, а детям его даже и не дали. Какие вы названия загребли себе: «Золотое кольцо», «Русская тройка», просто «Русская», постыдились бы! «Аромат степи», «Утренняя свежесть», «Вечерний свет», верните, собаки, имена, не вам их носить. «Арарат» и «Молдова», «Букет Грузии». Вам нужны другие клички: «Мертвецкая», «Запойная», «Антирусская», «Кровь гадюки», «Бычья печень», «Бешеная желчь», «Свиная отрыжка». Проклинаем тебя, закусочная еда, вызывающая желание залить себя отравой винного пойла. Ты, килька марки «Сестры Федоровы», вы, лосось и семга, колбаса и шпроты, сыр голландский, даже мануфактуру проклинаем, ибо доходило у нас и до занюхивания рукавом, проклинаем яблоки моченые, и ты, родимая брусника, как тебе не стыдно быть закуской, что ты разбавляешь собою и не мерзко ли тебе падать сквозь вонючую глотку в темное, отравленное, разбухшее чрево желудка? И тебя, запивка, проклинаем: минералка и молоко, квас и лимонад, и ты, зарубежная сволочуга кока-кола и тин-тоник и пепси, марш отсюда! А пиво, ты думало спрятаться за малоградусность и утоление жажды, — смерть тебе! Не спрячешь брюхо, налитое твоей вонью.

Но, признаемся в финале, виноватее всего мы сами. Никто нам в рот воронку не наставляет и насильно не льет. И руки сами — отсохли бы за это! — сами тянутся за рюмкой, стаканом, бокалом, фужером, рогом, кружкой, и ноги сами в магазин бегут, и глаза наши сами по витринам рыщут. Оттого-то все в нашей голове мокрое, вином притоплено, залито, запушено, хлюпают в ней редкие мысли, рождаются и тут же захлебываются".

— Записал, — говорит измученный санитар и просит спиртику. — Иначе, — говорит он, — мне полный шандец.

КЛУБОК ДРУЗЕЙ

Не клуб, клубок. Все мы в таких клубках. Хотя зачем это я опять за всех ручаюсь? Когда стараешься понять всех, становишься непонятным. Поневоле иногда думаешь: все разные, прямо беда, ко всем подход, право, иногда хочется всех унасекомить, внушить инстинкты и рефлексы и изучать. Поймешь масонов — не обидно ли им, что мы такие разнообразные. Вроде вот-вот уже справились, вроде загнали в стойло, глядь, а мы опять на привольных лугах под небом голубым.

Давайте поставим гоголевский вопрос о докуда доехании колеса на уровень вставания с головы на ноги: докуда дойдет человек? До областной администрации дойдет? Просто-запросто. А до Белого дома? Элементарно. А до другого Белого дома? Можно. До Северного полюса? Отвечаем сразу: не перечисляйте никаких экваторов и Австралий — двуногая тварь дойдет куда захочет. А вот на вопрос: докуда не дойдет человек? — ответ такой: человек не дойдет до самого себя. Почему? Кишка тонка.

Вот статистика: мужчины живут меньше женщин. Вот свидетельство: все безутешные вдовы любят своих покойных мужей. Тогда зачем же они загоняли их в гроб? Не надо криков, разберемся спокойно, именно такие вопросы актуальны в клубке. Срок жизни мужчин сокращается специально вот почему. Мужчина способен влюбляться до седых волос, даже до лысины. А что лысина? Любящей женщине веселее смотреться в лысину любимого, нежели в одинокое зеркальце. И вот жена видит, что врагинь у нее — весь женский мир, что умри она — ее мужа захороводят, что бобылей один на миллион, что на ее кухню может войти какая-то мерзавка, и так далее. К этому сроку муж ее, как и другие, уже беспомощен во многих

отношениях: за ним стирай, ему подавай, ему напоминай, он зависим от жены полностью. До жены доходит — не от меня он зависит, а от обслуги, от женщины вообще. Вообразите ужас от этой мысли. Нет, лучше любить его мертвого, но принадлежащего только ей. Теперь вообразите эти истерики, эти сцены ревности, эти припадки усталости и болезней, эти упреки и подозрения. Они слона в могилу загонят, не только что мужчину, они убивают, как отравленные мелкие стрелы, не сразу, но постепенно. У нас в клубке друзей были такие экземпляры, сбежавшие от своих половинок не в могилу, а в дурдом.

Но это общее рассуждение, а вот частный случай. Дмитрий Н. Нет, ему жена не кричала: «Мало приносишь! Много пьешь! Слабо любишь!» Наоборот, держала дома, не давала работать. Она была завторгом в городе, и в дом текли приношения. Митя ел нееденные нами блюда, иногда не зная названия, пил такие напитки, которые, конечно, все равно превращались в мочу, как любая бормотуха, но вначале играли искрами в гранях хрусталя, да еще бы, тут же и певец по-бесовски пел: «Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала», Митя ел и пил и зверел. Он не ревновал жену, был безынициативен, зовут спать — идет, не зовут — пьет до утра, он зверел от несправедливости. Бывал же он на улице, знал же, как обретается там похмельное шаткое племя, обольщенное мыслью о хотя бы аптечных пузырьках. И — бывало, бывало — разливал муж завторга коричневое дорогое пойло в аптечные пузырьки и угощал страдающий народ будто настойкой боярышника. А открыто вынести не мог, не смел подвести жену, не имел права. Он наедине обличал. Пил и обличал. Иногда с вечера собирался донести в милицию, но утром решал еще обождать. Тем более и в милиции у жены были все свои. А тут и вовсе пришла полная воля жулью, ворью, демократия пришла. Но жена все-таки осторожничала, все равно не разрешала поить друзей. Митя страдал от разницы меж собой и ими. Им при демократии вообще приходила хана.

И однажды это случилось. Он привел дружков в дом, распахнул холодильные камеры и серванты — гуляй, братва! Вскоре кто бил хрусталь, кто блевал на ковер, кто спал на нем. Встаньте в дверях на месте пришедшей с работы жены или в качестве ее нагруженного шофера, выгляните из-за ее полного плеча. Скажите от ее имени: нормален ли такой муж? Нет, ненормален, дружно ответила комиссия, состоявшая, как вы сами понимаете, из знакомых жены. Вспоминал ли у нас в отделении Митя свои одинокие застолья, свои серебряные сервизы, когда гремел алюминиевой искалеченной ложкой по железной тарелке?

Но это женщины молодого и среднего возраста. А вот пензенский случай. Опять же наш клиент чудом остался жить. Он возвращался с заработков домой и попросился переночевать к старикам. Угостили, он и доверился, что идет с заработков. Утром просыпается от звуков металла о наждак. Старик точит нож, в ногах постели стоит старуха и ласково говорит постояльцу: «Да, милок, да, ножик-то острый». Он вскочил — бежать. Во двор. Двор закрыт, забор высокий. За ним по двору бегает старик с ножом, а старуха, руководя боевыми действиями мужа с крыльца, кричит постояльцу: «Пожалей, лешак, старика, не бегай от него, старик-то у меня один».

ДВОЙНИК

Хватит перебирать случай за случаем, их бесконечное число. Классификации, нумерации поддаются, излечению никак.

Вот болит голова. Не спеши с тройчаткой и пятирчаткой, иди гулять. Иду. Нет, непосильный взвалил я труд на себя, надорвусь. Нельзя оставлять человеку только работу, нужна любовь. Самая земная, нужна семья. Конечно, и этого всего мало для души, душе нужна вера, способная на высшую, отрешенную любовь, но вначале семья. За что я лишен ее? Не было семьи, была как свет в окошке мечта о Верочке, теперь все обрушилось, нет Верочки. И не было, была моя слепота. А почему слепота? Будь я с ней, разве бы она не свела меня с ума, как свела в юности, но уже по-другому? А чем лучше моя торгашка? А лучше всего вообще без них. Больше всего я подошел бы для монастыря. Это последнее, что еще не упущено в жизни. Но как я оставлю своих отделенцев, своих детей? Сейчас, когда я почти все время на работе, работа стала моей жизнью, отделение — моей семьей. Я необходим здесь, и разве это не радость?

— Доктор?

— Да, что случилось? — автоматически откликнулся я, только потом сообразив, что я довольно далеко от отделения. — Батюнин, как вы здесь? Вернитесь в палату.

— Доктор, я прохожу сквозь любые мрачные затворы. А потом вы же человек тонкой организации, должны были чувствовать, что меня мучают те же мысли о семье, монастыре, здоровье общества. Нам надо войти в соавторство, вы работаете над теми же проблемами, что и я, мы любили одну женщину, мы одинаково

несчастны, и далее по тексту. Для начала вы почитаете мои записки, я ваши. Могу заранее сказать,что труд мой появился в моей голове одновременно с мыслями о гибели России. Вдобавок я прочел строки поэтессы Карташевой, она не из эмигрантов, не знаете? Две строчки всего: *«Я, Господи, своих врагов прощаю, но, Боже, как Твоих врагов простить?»* И вот это — борьба с Господними врагами — цель моего труда.

— Н-ну, давайте обменяемся, — протянул я, — хотя у меня, собственно, не труд пока, а завал материалов, я перебрал в накоплении фактов, они меня задавили.

— Вы сейчас на каком месте?

— Я думал о категории власти, о том, что перепробовано все: уговоры, насилия, законы, все впустую, миром правят тщеславие и ненависть. И пока мы не вернемся к братскому послушанию, к добровольному обременению...

— Да, да, — подхватил он, — свобода воли была дана на то, чтобы показать неверность всех учений. Неверность какого нам дано показать? Марксизма? Это показала сама жизнь, возопили кровавые камни против политики насильственного счастья. Кстати, доктор, ваш, да и мой народец налаживает устные выпуски журналов «Марксизм и кнут», «Марксизм и пряник», а на закуску «Кнут и пряник марксизма», так сказать, марксизм — не догма.

— Алексей, — решился я, — ваша жена, Вера, кажется, говорила о двойничестве, и вы сейчас говорите о том же, почему? Ведь все единственны.

— Нет, — живо встрепенулся он, — единственны, да, но и полярны. Плохо — хорошо, горячо — холодно, запад — восток, здоровье — болезнь, да, да, подождите, согласен: последнее — спорно. Конечно, все единственные. Но нервная система не может быть одинока...

— Да, я думаю над этим. Отталкиваясь от Вернадского...

— Лучше отталкиваться от краеугольных камней, надежнее. Отличники — плохие, трезвые — пьяные, красивые — уроды, — все зависимы друг от друга. Если я смеюсь, у вас болит голова, вам плохо — мне хорошо, мы полярны, чем хуже мне, тем вам лучше. Где выход? Мы на разных концах планки. Надо идти к середине, там точка отсчета, там планка складывается и становится вектором, стрелой, направленной к цели. До того вся жизнь — противоречия. Это сатанинские штучки — делить людей, сводить их по принципу единства противоположностей. Слуги сатаны знают дело туго, до всех не могут добраться, устраивают взаимоистребление. Придумали теорию волков в стаде овец, я о масонах говорю. Придумали идею, что зло усиливает добро, тогда как это увеличивает насилие. Придумали, что течения материализма и идеализма имеют место в жизни, что и то и другое имеет право на существование, тогда как это два тупика. Католики обольстили коммунизмом, сатана расчистил им путь, расщекотав желание жить хорошо сейчас, приглушив веру в загробный мир. Католики приспособятся к чему угодно, лишь бы не трогали их механистический муравейник. Технические достижения стали работать не на прогресс, а на цивилизацию, а цивилизация требовала комфорт, комфорт привел к конформизму, а конформист мать родную продаст, лишь бы его не трогали. Человек — растение сезонное, поле жизни широкое, а человек растет и видит, что кругом сорняки — дышать нечем, света нет, голову поднимет — небеса закрыты нечистой силой, и...

— Только в себе он может создать царство Божие, — враз сказали мы и заключили наш ночной разговор крепким рукопожатием.

Мы договорились, что через какое-то время обменяемся своими трудами.

РУССКИХ НИКТО НЕ ПОБИЛ, А ВСЕ ЗАДИРАЮТ

Это название принес мне на утренний прием Зуев, уверяющий, что президент Америки выступает по его речам. Я согласился. Зуев сообщил также, что летает в виде молнии на другие планеты, умеет стрелять глазами и кричит голосом Тарзана. «Алексей Иванович, мне дали знать, что жизнь на земле должна вот-вот прекратиться. Мне разрешили взять с собой в космос одного, кого захочу. Готовьтесь. Мы вылетим в виде уток в форточку».

Следующий, фамилию не запомнил, принес идею, что жизнь есть создание трудностей и их преодоление. Достать, купить, скопить, и это жизнь? «Это не жизнь, Алексей Иваныч. А вот еще запишите, что и у пьяного бывают трезвые мысли, да?» — «Да». «Алексей Иваныч, давайте выпускать конфеты "Мишка на севере, Машка на юге"!» — «Давайте».

Потом явился поэт, их у нас было явное перепроизводство. «Когда все устаканилось, — говорил поэт, — я сел за продолжение поэмы, помните (я не помнил), «Полно в России стукачей». Мне наречие «полно́» не нравится, могут прочесть «по́лно», а напишу: «Да, есть в России стукачи», тогда рифма «очей» исчезнет и притащится рифма «стукачи», например: «молчи», да еще вроде и радость, что да, есть, мол, стукачи, всех не вывели. Тогда пишу: *«Стукачей немало есть в народе, но не должно*

их быть в природе», как?» Я сказал, что визгу много, а шерсти нет. Он мрачно посидел в углу кабинета и вскоре прочел: *«Еще до хренища в России ворья и блатных стукачей. Откосы ее косые, косые глаза у людей»*. «Не у всех же», — сказал я...

Потом шли еще и еще. Еле-еле к вечеру я сел за свои записки.

А ВСЕ-ТАКИ ПОЧЕМУ ВСЕ ИДЕТ ПО-ДУРАЦКИ?

А потому, что все только для себя умные. Ну, кто нынче даром хоть шаг ступит? Одни дураки. Значит, получается, что ум и деньги — близнецы-братья? Нет, умный на то и умный, что понимает, что дело не в деньгах. Умные здесь, у нас, у нас же нет денег, мы все вопросы решаем бесплатно, это не госзаказ, не хоздоговор, не аренда, не подряд, плата не аккордна, вообще платы нет.

Мои больные отлично знают, что, во-первых, они совершенно здоровы, а то, что они пьют лекарства, так это благодарность за нашу фруктовую жизнь, и, во-вторых, весь мир сошел с ума, поэтому мы ушли из мира, чтоб хоть кто-то на планете остался нормальным. Так и есть: мы отгородились от сумасшедшего мира, до нас долетают обрывки сведений, что все там пропало и пропадает, идут войны и мятежи, рушатся судьбы, плачут народы, голод и землетрясения всюду, но много и жирных и сытых, именно они и правят бал. То есть все перевернулось, все встало с ног на голову, только ходит еще не на голове, а на пьяных ногах огромный, краснолицый начальник, машет дубиной и орет: «А ну, кому тут не нравятся реформы?» Всех лихорадит: одних от страха, других от жадности, третьих от бедности, четвертые трясутся за компанию и то уедут из России, то опять вернутся, и все учат и учат ее жить. Эти учителя и подавно сошли с ума: говорят России о западном пути развития, это главное сумасшествие на сегодняшний день.

Так и запишем. Еще отметим, что появилось какое-то сообщество, которое именуется то ли СГН, то ли СБН, то есть союз господ и нищих или союз блатных и нищих.

Нет, нет, подальше от этого ужаса. Неужели кто-то верит сумасшедшим начальникам, что они живут для блага народа? Если так, почему растет только плохое: цены, преступность, разврат, насилие, пошлость, цинизм, безнаказанность? Языки растут! Недавно мы видели комментатора, он обматывал себя языком, как шарфом, трижды. Такой красный язык, в узорах.

Главное же наше доказательство в пользу того, что мы здесь нормальны, а остальные чокнутые, такое: время от времени, а в последнее время все чаще там, в этой лоскутной демократии, объявляют сумасшедшими людей, которые заботятся о благе народа. То есть это считается нормальным, но так считать могут только сумасшедшие.

Еще доказательство: Россией руководят странные, если не сказать больше, люди, нормальны ли они, если думают и утверждают, что у России те же пути развития, что и у Америки? Это дикость из дикостей, так утверждать. Государство без национальных корней и государство на своей земле, со своей культурой разве сравнимы? Но руководители, подобранные по принципу шипящих и свистящих звуков в фамилиях (шох-шум-шой-шах-хас), ведут корабль наш на рифы голого расчета, жестокости власти денег, преимущества материального над духовным, как будто не тело смертно, а душа, ну разве это не сумасшествие так поступать?

А разве не сумасшествие думать, что русскому зрителю нужна порнография, зрелища порока и разврата. Вот уж где целый дурдом — на сцене и в кино. Если создателям такого кино и телевизионщикам нравятся голые задницы, ну и показывали бы их друг другу, нам-то зачем?

И так далее. Россия в плену дурости и наглости — вот какой итог наших заседаний, вечерних, дневных и утренних.

ИНОСТРАНЕЦ В ОТДЕЛЕНИИ

Иностранец попал к нам обычным путем. Чистая карточка, диагноз велели писать самим. Так как у всех главным пунктом поведения была какая-то навязчивая идея, то мы и у него поинтересовались: что же он такое навязчиво продвигал, чем же он таким стал неугоден цивилизованному обществу, изображающему борьбу за права?

— Россия, — отвечал он, — лучше всех. Я говорил это всем и везде.

— Ну вот, — догадливо отвечали мы, — за это и замели. Но ведь ты никак не мог идти по разделу великодержавного шовинизма, ты же не русский.

— Увы, — поникал он своей иностранной головой, — как раз я и заболел оттого, что именно сами русские не хотели этого слушать. Я им говорил, что вся Европа построена на русское золото, мне отвечали: ну и что. Я говорил, что вся мировая

наука движется мыслями и идеями русских ученых, мне говорили: да и плевать, пусть движется. Я говорил, что вся мировая философия идет в русле, предсказанном русскими философами, на меня поглядывали, пожимали плечами и говорили: ну это же естественно. Я тогда кричал: ну где же ваша гордость? Мне отвечали: а зачем? Тут заболеешь.

И вот он стал жить у нас. Ясно, что стал выступать на всех заседаниях и кричал шире всех. А так как у нас уважают иностранное мнение, то одно время только его и было слышно. Выступив, он всякий раз благодарил за внимание.

— Большое огромное русское спасибо, — говорил он.

— Большое огромное русское всегда пожалуйста, — с поклоном отвечали ему.

Иностранец еще бы долго выступал у нас, но с ним произошел такой случай — он сошел с ума. Да, именно у нас, в нашем отделении, где, казалось, дальше сходить с ума некуда, он сумел сойти. Конечно, на своем любимом русском вопросе. Вообще я не очень вслушивался в его выступления — больно умен, надо бы с нами проще, думал я. Но кой-что попытался запомнить. Он начинал с общего рассуждения и шел к частному, а не наоборот.

— Всякая идея, — вещал он, — должна будить воображение, но не сразу становиться материальной силой, а должна будить воображение, воображение должно представлять идею как спасительную для общества и требующую немедленной реализации. Но! — восклицал он и продолжал упрощенно: — Но если идей много, если шарики за ролики зашли у многих и все требуют немедленной реализации именно их идей, то кто же будет их воплощать? — К сожалению, он недолго держал речь на низком понятийном уровне, опять начинал умничать, приводя в доказательство рассуждения одну из своих идей: — Представьте госбюджет России (естественно, мы этого представить не могли, слушали дальше), в этот бюджет острым углом врезается пирамида госадминистрации и прорезает госбюджет, делая в нем множество отверстий, через которые госбюджет начинает утекать. У каждого отверстия сидит по чиновнику, а под ним — подчиненная ему система, чиновник, стараясь побольше отхватить на свою систему, старается разодрать свое отверстие пошире, чтобы из бюджета на него хлынуло побольше дотаций. Но чем ниже под ним пирамида, тем меньше приходится средств именно на дело, а не на поддержание администрации. Внимание! Идея в том, чтобы экономический процесс, который все-таки есть, совместить с управленческим и производственным через посредство и упрощение процесса информационного. Главное тут: определение стоимости конечного продукта через социальный индекс. А в главном основное: неделимый фонд, постоянно уменьшаемый соцкультбытом, зарплатой и увеличиваемый налогом и расширяемым воспроизводством. Такая разомкнуто-замкнутая система позволит России не нуждаться в системе пирамиды.

Каково? Если кто-то что-то понял, я рад за него, сам я — пас.

Не добившись ни осуждения, ни поддержки своих идей, иностранец перешел на крик. То есть стал как все мы, но не как все мы, не смирился.

— Послушайте! — кричал он, перекрывая гудение курилки. — В России все есть: нефть, золото, бриллианты, алмазы, уголь, руда, любые недра! Русские люди необычайно трудолюбивы и искусны в любом мастерстве — хоть блоху подковать, хоть что! Любое русским по плечу. Согласны?

— Ну?

— Но почему же вы живете хуже всех?

— А не хотим, — отвечали иностранцу. — Нам и так хорошо.

— Тогда я не знаю, что и сказать...

— И не говори.

— Но послушайте! Мне вас жалко. Кто только не живет за ваш счет, сколько паразитов плодится и жиреет на русской земле...

— Да и пусть.

— Как — пусть?

— А гореть им в огне.

— Но до того, как они попадут в адский огонь, они вдоволь наиздеваются над вами. Все испытано на русских: обман, стравливание, запугивание, грабежи, и вы терпите. Неучи, унтеры и вахмистры, конники, пьяницы и мародеры, зятья и мужья масонской мафии правили вами, и вы терпели. Вы и сейчас терпите опричников и палачей...

— Это уж ты через край, — поправили его.

— Надо куда-то звать народ! — кричал он.

— Плюнь, не мучайся, не разоряйся, — остановили его.

Наши мудрецы, а им у нас был каждый второй и третий, объяснили иностранцу, что в любых переворотах гибнут лучшие, что победы переворотов пожираются все теми же прохиндеями, которые всюду и повсеместно, приходит время понять это, и что с Россией все будет в порядке.

— Россия — солнце судьбы нашей, а солнце, какие бы тучи его ни заслоняли, неостановимо. Сиди и грейся.

Нет, не внял бедняга нашим мудрецам и сдвинулся. Бегал по отделению и кричал:

— Предлагается в течение двух часов положить под краеугольный камень списки фамилий серокардинальского теневого кабинета. В противном случае будет составлен черный список!

Его выталкивали в одно окно, он влезал в другое:

— Больше трех человек не скопляться. Замеченных выводим за межу закона. Молчать, подельники, соучастники, подкулачники и агенты капитала.

Его и в это окно выталкивали. Он кричал в форточку:

— Что же вы молчите о главном событии двадцатого века — о гибели России? За это молчание будет возмездие! Молчать — подвиг, когда есть о чем молчать, но молчание — негодяйство в чистом виде, когда речь идет о гибели русской истории.

Я пригласил несчастного иностранца в кабинет, успокоил его, хотя видел, что дела парня плохи. Он, озираясь по сторонам, заговорил:

— Здесь я жил по формуле: два пи четыре эс, то есть: пол, потолок, четыре стены. Я стал расширять пространство за счет сновидений ночью и воображений днем. Ко мне пришел Вольтер и говорит: «Бог нужен как узда для простого народа». А я же простой народ. Я надел узду и заржал. А соседям по палате не нравится, мы, говорят, не в конюшне, ты, говорят, еще овес жрать начнешь, убирать после тебя.

— А сам Вольтер в узде приходил?

— Во фраке. Но без спины. Когда уходил, повернулся, спина голая. Они же, иностранцы, экономят на материи, хоронят в покойницкой спецодежде. Еще, доктор, одолели Дидро и Руссо. Везде забытые, цепляются они за Россию, внушают через меня, что корни религии в страхе перед непонятными явлениями природы. Я им ответил, что для нашего общества «Как только, так сразу» нет непонятных явлений, значит, корни в другом.

Мы еще бы говорили, но в коридоре послышались громкие стихи поэта Дрюмова — соперника Георгия Томского:

Я пойду кликушей по отчизне,
По большим и малым городам,
В вечном плаче и вселенской тризне
Украшать поэзией бедлам.

МАЛЫЙ НАРОД

Этот Дрюмов загремел к нам из-за своей дурости, по пьянке залетел он в одну историю. История вот в чем:

Дрюмов приехал в служебную командировку в одну из республик Поволжья. В какую, сказать не могу, можно подумать на любую: на Чувашию, Мордовию, Мари Эл, Татарстан, Башкортостан (и не выговоришь), дело не в конкретном случае, дело в том, что очень даже надо знать и уважать местные обычаи любого большого и малого народа. Вот вам пример: Дрюмов погубил свою жизнь из-за их незнания. Дрюмов был в очередном разводе, был весел, шумен, в компании похвалялся тем, что уже никогда, ни за что, ни за какие коврижки не женится. Этим и гордился. А в компании оказалась местная взрослая девушка, красавица, активистка, образование высшее. То-се, песни, танцы, провожанье, ночеванье. Утром Дрюмов отдирает голову от расшитой подушки, в дверях родители этой девушки, одеты в национальные костюмы, в руках блюдо, покрытое национальным орнаментом, на блюде национальные кушанья и напитки. Дрюмов ей шепчет: «Это маскарад?», она ему отвечает: «Не маскарад, а обычай утреннего поздравления молодых». Звучит национальная музыка, говорят на своем языке, она Дрюмову переводит: «Дорогой зятек, откушай, не погнушайся». А башка у него трещит. Взял долбленый, национальный ковш, ошарашил, потом еще засадил, ожил, побежал по делам. Вечером ему уезжать, она заявляет: нельзя, мы должны нанести визиты всей родне, а это полтора-два месяца. «Какой родне?» — «Нашей, мы женаты, мы прошли все обычаи, все ритуалы соблюдены, ты принял утреннее угощение, если уедешь — навек опозоришь, аксакалы скажут: смерть ему!»

Вот как бывает, товарищи. Спросите: женился ли Дрюмов? Отвечаю: нет. Он запил, только тем и спасся. Но с головой что-то случилось. Теперь вот у нас сидит, разучивает на гармошке танец падеспань. У него три мечты, три навязчивые идеи: выучить падеспань, победить на турнире акынов Томского и изобрести атомную бомбу, чтобы бросить ее на родню той местной поволжской девицы. Только и слышно в отделении звуки гармони «отвори-затвори» и текст, под который легче разучить танец падеспань.

Вначале проигрыш:

Ираздва́, ираздва́, ираздва́,
Ираздва́, ираздва́, ираздва́.

Далее слова:

По аллеям петровского парка
С пионером гуляла вдова.
Пионера вдове стало жалко,
И вдова тра-та-та, тра-та-та.

Это «тра-та-та» оставляло много места для домысла.

Вторая идея — победить Томского — Дрюмовым тоже постоянно осуществлялась, он оглашал наши сборища непрерывно, прямо надоедал:

Когда ты смерть ласкаешь песнью,
Угодно то бесо́в вертенью.

Ну что это? Или того чище — залетел к демонам Кришны:

В телесных усладах и жаждах
Прими ликования взгляд.
В душе навсегда однажды
Ом тат сат.

Весь в тучах воды духотворной,
Багряный от молнии свет,
Цвет Кришны в любови проворный,
Как сказано шлоками вед...

Или:

Книги Веды и Торы
Заучи, рабий скот.
Дрессировка и шоры
Твой удел в род и род.

Были у Дрюмова и остросоциальные:

Зеленит Россию доллар,
Это все проделки Боннар...

Ну и так далее.

Третью мечту, про атомную бомбу, Дрюмову не осуществить никогда: лаборатории у нас нет. А если б была лаборатория, тогда пришлось бы лишать Дрюмова лаборатории.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Страшным шепотом разбудил меня иностранец, вывел из отделения и долго вел по направлению к шоссе. Когда шум тяжелых грузовиков почти заглушал наши голоса, иностранец сказал:

— Я должен вам сообщить тайные знаки масонов.

— Господи Боже мой, Боже милостивый! — воскликнул я, — и ты сюда меня тащил? Да мы их все и так знаем.

Потрясению иностранца не было предела. Он расспрашивал и про шпагу, и про мастерок, про различные степени посвящения, про всякую ритуальность, эмблемы и символы масонства, я все знал.

— Ты больше не мучайся и с ума не сходи, — посоветовал я, — пойдем обратно. Чего и кого ты испугался? Сейчас на каждом углу продают любую литературу: про кровь, ритуальные убийства, про все ордена и ложи масонства, ну кто же это не знает? И не мучайся. Хочешь, я скажу тебе главную тайну русских? Она проста: жизнь для нас на земле — временна, в этом все дело. Верящих в жизнь вечную ничто не увлечет и никто не купит. Говорят, мы не работаем, а зачем и на кого? Говорят, наши пространства для бродяжничества, нет, они для выхода в космос. Не дорожим мы

здешней жизнью, вот и вся наша хитромудрия. Тут даже и секрет запоев. Пропади все пропадом, на все рукой махнем и жизнь губим. Идет польза в руки, ну ее на хрен, и так далее. А вспомни наши здравицы (долой это навязанное кавказское слово — тост), наши здравицы, ведь бывал в застольях?

— Бывал, — говорил иностранец. Бедный, он впал в прострацию, когда обнаружил, что главные его секреты давно известны. А он-то хотел спасти, он-то хотел предупредить. — Бывал. — Он спотыкался на ровном месте. — И знаете, что молоток, серп и молот, циркуль, треугольник, кинжал — все это масонские символы?

— Знаем.

— Знаете и живете?

— Еще как! Вспомни наши здравицы: давайте выпьем за то, чтоб пилось и елось, да чтоб работа на ум не шла! Над собой смеемся! Нам, русским, мало одного состояния, мы постоянно знаем, что есть и другие, мы не жалеем губить время, так как постоянно кажется, что это не та жизнь. Немец думает, что живет, американцы там, англичане, им что дано, что внушено, тем и живут, а мы нет. У них смысл жизни в прибавлении данного или унаследованного, для них доходная работа (любая!) становится любимой. Для нас легко швырнуть любую зарплату, если работать неинтересно. Ну и так далее. Оттого с нами трудно, оттого мы непонятны, оттого на нас сердятся, злятся даже. Ненавидят: как это вдруг в таком расчетливом мире да вдруг такой безалаберный народ? Они сплочены, мы разобщены, почему? У них палка закона, закон стада, у нас богатство мыслей и личностей. Ты же ходишь в курилку, ты же слышишь сто раз на дню самое различное, а назавтра опять и опять новое, где еще такое? У наших врагов единый фронт, у нас постоянные расколы и разобщения, это от наших достоинств. Вот и поднимается против нас хаёж, потому что злятся люди команды, люди насильственной солидарности, ненавидят друг друга, а вынуждены быть сплоченными.

Плохо меня слушал иностранец. Он потрясенно сообщил мне, хоть я и не просил, о некоторых событиях в отделении. Ему предложили драться по-иностранному. Он согласился. А как по-иностранному? Рессорами от «тойоты».

СИЛЕН СТУКАЧЕСТВА СИНДРОМ

Конечно, это опять стихи, куда от них деватья, только цитированием можно избавиться. На сей раз поэт Колымский (псевдоним, конечно): «*Наш бардак затмил Ирак. Нас — тьма и у нас тьма холуев — холопов куска около кормушки цека. Бункера в центре мира. Раствор в створ дорог. Кроссворд. Кросс Форда. Морда фермера, на ферме корма, сильна теорема Ферма. Лорды, монтеры угла, архитекторы проходного двора. Мельтешит мишура с утра, заначка зоны шизо, замочная скважина мира, мирно приимем мирро принципов трех: вредно курить, пить противно, целоваться стыдно...*» Тут Колымский срывался на публицистику. О, если б я всех поэтов цитировал, места бы ни в каком журнале не хватило. Поэты отделения нашего обрекли себя на бессмертие. Расходясь в темах, размерах, взглядах особенно, они сходились в одном, выраженном в коллективном четверостишии:

Я очень-разочень приличный,
Я сам для себя, я вполне!
Я самый-рассамый отличный,
Я с веком любым наравне!

Что с них взять, кроме анализов!

МОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В КЛУБЕ

Передаю его без комментариев. Честно говоря, я предназначал свой труд об органах человеческих чувств для журнала «Психиатрия», но журнал выпускался где-то далеко, выпускали его явно ненормальные люди, ни одного слова в журнале нельзя было понять. Хотя это могло делаться и специально,чтоб понимали только свои, а остальные чтоб башку сломали. Это ж тоже делается специально, вся эта головоломная наука, все шарады и лабиринты. Неужели кто-то падает до уровня разгадывания кроссвордов? Это в поезде куда ни шло, в самолете, там, кстати, и детективы не во вред, там поневоле пленник времени, которое уходит на преодоление пространства, но ведь есть люди, которые и журнал без чайнворда не купят, нормально ли это?

Итак: Высокое собрание! Звуки мира, его краски, впечатления, запахи, вкус приходят к нам через органы чувств. Органы эти суть мы сами, и для познания себя не надо сразу устремляться в подкорку, надо понять, что не мы делаем мир, а он нас, и именно через наши чувства.

Начнем со слуха. Так как цель сообщения — выявить способы проверки органов чувств, то проверка слуха наиболее доступна. Слух проверяется не шепотом в кабинете врача, а откликом на звуки мира. Для этого надлежит разработать вопросник для проверяемых с учетом их места жительства. С городских спрашивать знания звуков вдвое меньше, чем с деревенских. Слух внутренний проверяется особо. Бывшие деревенские в городе проверке не подлежат. Звуки естественного мира и звуки мира механического стоят в различных вопросниках, подлежат сравнению через коэффициент. Кваканье лягушек идентично звукам заводимого подростком мотоцикла, но несоизмеримо по воздействию на естественный мир. И так далее. Я говорю конспективно. Графики, построенные мною, выявляют движения звуков естественных к затуханию, а звуков искусственных — к росту. Однако на графиках заметно и то, что звуки землетрясений, извержений, оползней и тому подобные способны заглушить любые другие и даже лишить нас слуха.

Зрение. Проверка его вульгарным способом делит людей на дальнозорких, близоруких и слепых, мы же предлагаем тип зрения, которым обладают все, но не все пользуются, он в том, чтобы видеть в предметах и явлениях невидимое и наоборот. Для вас, друзья, это не требует дополнительного объяснения, для остальных скажу пример: слепой чувствует опасность быстрее и острее, чем зрячий. Чем это объяснить? Он не мог, как зрячие, видеть, но он раньше зрячих ее ощутил. Значит, это чувство, нам неизвестное. Хотя не надо пытаться для достижения этого чувства ходить в темных очках, тут дело не в слепоте.

Осязание. В переводе на язык медицины — пальпация. Осязание посторонними пальцами нам неприятно, значит, не надо осязать. Осязание излучает энергию без прикосновения не только на биологическое, но и на минералогическое тело. При нажатии на тело трупа — в месте нажатия возникают голубые пятна. Так же прикосновение приучает нас к вещам, потеря их осязания действует на сознание. Из детства: бабушка расстраивалась, когда теряла ухват, привычный к рукам, дедушка — топор. Тут примеры взаимной любви, то есть осязание влияет на меру и оценку вещей.

Обоняние запахов. Исключая случаи аллергии, особенно весенне-летней на какие-то цветы и деревья, люди в основном сходятся в оценке запахов. Всем невыносим запах вокзальных туалетов, перегонки нефтепродуктов, а запахи полыни, моря, леса, гречишных полей, любимых цветов действуют терапевтически и неврологически очень положительно. Тут прибавляется действие памяти: кому что это напоминает. Черемуха — первый поцелуй, и так далее.

Вкусовые качества. Ко вкусу во всех нас есть чувство недоверия, ибо в пищу подсыпают лекарства, а лекарства не свойственны организму. Для организма сама пища есть лекарство, она — источник жизненной энергии. Загадка в том, что люди с изощренным вкусом, гурманы, переевшие все на свете: черепах и лангустов, любые деликатесы, именно они умирают гораздо раньше, гораздо раньше теряют жизненную энергию, нежели те, кто питается одним хлебом и водой, изредка овощами. То есть вкус пищи — понятие малоизученное.

Перечисленные пять чувств — привычные чувства. Но есть еще пред-чувства, это предчувствия, предшествующие реакции организма на что-то. Законный довод: если есть пред-чувствия, значит, должны быть после-чувства, то есть оценка уже прочувствованного. Именно после-чувствием определяется дальнейшее поведение, его адекватность миру чувств. Поясним примером.

В нашем отделении есть люди, есть они и среди внимающих сейчас мне, те, кто знает ответы на все вопросы, мыслит просто и доступно. Мы с вами изобрели все, что нужно народному и частному хозяйствам, соединили в проектах материки, определили границы терпению народа, и почему же мы здесь? Там, в диком мире разных демократий, пишут гимны на срезе рисового зерна, катят носом горошину через всю Италию, запечатываются в бочку и прыгают по водопадам, и это считается нормальным? Ведь ясно, что в них нет предчувствий, что это глупость, а послечувствие одно — книга Гиннесса, которая уж вовсе для свихнутых. Но изучать предчувствия на примере рыбок, которые в Японии чувствуют землетрясения, обманчиво. И собака чует смерть хозяина, и ворона не путает палку с ружьем, но нет широты инстинктов, как у человека. Хотя есть попытка сближения, например: я уходил из отделения иногда на три-четыре дня, и каждый раз такое умнейшее существо, как паук, оплетало паутиной заварной чайник между крышкой и носиком. Паук должен был предчувствовать, что я вынужденно уничтожу его труд, или же он надеялся, что я заведу новый чайник?

И последнее. Человек слабее природы в том, что сам убивает свои чувства, а не развивает. Курение глушит чувство приближения опасности, но многие курят.

Почему? Развивают смелость? Напротив, развивается трусость. Но трусость и смелость не чувства, а качества.

И ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ?

Думаете, такое блестящее выступление прошло на ура? Увы и горе мне, и в нашем клубе не без завистников, хотя и очень тонких. Стали говорить, что мой доклад тянет на уровень открытия, но что открытие должно быть не целью, а потребностью, что в открытии моем, если это и открытие, не пройдено пять этапов, а этапы эти не испытаны разумом и подсознанием. Этапы же открытия суть таковы: подготовка, инкубация мысли, формирование ее, озарение и завершение. Так вот, подготовка мысли и ее завершение поверяются разумом, а инкубация и озарение подчиняются бессознательному помимо нас, и что в моем докладе того и этого было не без этого.

Вот и пойми. Другой выскочил и тоже вроде бы не опровергал ценностного уровня моей работы, но тоже, подлец, говорил так, что все поняли: вот если бы он взялся за чувства, то да, а так — это пока нащупывание темы, схема тезиса.

— Есть четыре момента любого явления, — говорил он, — это: притяжение, отталкивание, скручивание и совокупность. Проверим бесспорность этого положения на сообщении. Что есть чувство: отталкивание или скручивание? И то и другое идут вслед за притяжением, но где же совокупность?

Словом, замотали. Да и ладно.

СЕНЯ ГАНЗА ПРИШЕЛ

Тем более вся дискуссия кончилась, начались валютные дела. Этот Сеня завел игру по палатам. В одной палате объявлялась одна денежная система, бумажки рвали из газетной бумаги, в другой палате ходили деньги, нарезанные из тетрадных листков, в третьей — какие-то тряпочки, в четвертой — кружки из жести консервных банок, и тому подобное. Сеня Ганза закабалил всех. Он для начала приватизировал туалет. Правда, что есть, то есть, туалет Сеня вымыл, повесил полотенца, вставил стекла вместо фанеры, под окном посадил мальвы. Но за этот туалет стал брать изобретенными им деньгами, завел курсы обменной валюты. В этих курсах разбирался только сам Сеня. По палатам постоянно шли обмены бумажек, тряпочек, жестянок, как дети, право. Но скоро народ взвыл, когда не только за туалет, а и за другие виды услуг надо было платить Сене и его агентам, такие нашлись. Умыться без предоплаты стало нельзя. Туалет вообще стал недоступен, бегали за угол удобрять Сенины мальвы.

Мудрецы из нашей курилки (курилку отстояли, пока была бесплатной) решили, что все наши беды оттого, что мы лишились единого денежного пространства. Но оказалось, что и единое юридическое пространство кончилось, нельзя стало обиженным и оскорбленным от Сени найти у кого-то правду. Всюду были его шестерки. Вербовал он их из пятой колонны, так он называл творческую интеллигенцию. Когда было надо, они устраивали Сене оппозицию, и отделению казалось, что время Сени прошло; когда было не надо, оппозиция переходила к политике поддержки Сени (Сеня за это бросал на съедение одного-двух-трех своих шестерок). Пятая колонна легко была управляема Сеней, он ее подкармливал, присваивал какие-то звания, учредил систему орденов и знаков, сам же их и делал из алюминиевых ложек. Прикармливал и буквально, ибо повар был у Сени в неоплатном долгу. Сеня внушал своей пятой колонне, что они все знают, знают и концы и начала, умеют все, и толково вводил интеллигентов в гордыню всезнайства. Сам-то Сеня отлично знал (Платона он, в отличие от Петь, почитывал), что демократия и тирания — близнецы-братья. Сеня отлично сработал в том, что превратил отделение в сплошной Гайд-парк, где каждый кричал любую глупость, дикость или что-то умное, тем самым Сеня свел к нулю действие любых высказываний, Сеню интеллигенты прекрасно обслуживали. Они ужасно сердились на глупую массу, которая не понимала своего счастья и не носила Сеню на руках, а тихо ненавидела. Темные, что с них взять. Выражаясь научно, теория в нашем отделении присвоила себе права диктата. То есть теоретически всем внушалось, что власть Сени законна и безгранична, что Сеня конституционен и непогрешим, а раз такая теория, то Сеню может снять только Господь.

Вот на этом я и поймал Сеню. «Теория, — сказал я ему, — это созерцание, а не мародерство. Ты так всех замордовал своими играми, что вот тебе мой приказ: прекрати».

И Сеня прекратил. Ради правды скажу, что чистота в туалете быстро улетела в разряд воспоминаний. Этот факт Сеня Ганза всегда напоминал в своих выступлениях.

Мудрецы же наши говорили, что на этом Сене можно изучать все попытки закабаления России завезенными влияниями. Вспоминали Сенины экономические санкции против палат, его умение ссорить людей, и так далее. Вспоминали, как он громче всех кричал, что у него ничего нет, вызывал к себе жалость, хотя именно у него все было. «Именно такие и кричат, — говорил Намыленный, — я тоже, как только разживусь, сразу начинаю прибедняться».

Сеня стих.

ПОШЕХОНСКИЙ НАРОД

Палатная моя публика была всякая, в основном пассионарная, то есть взвинченная, вспыльчивая, как порох, нервная, короче — серьезная. Поддавшись общему психозу и насмотревшись конфликтов, решили завести свои армии. Вводили свои же звания: бугор — полковник, шиш — генерал, пупок — ефрейтор. А кто вспоминал ваше превосходительство, вашескородие, кто склонялся к мысли, что хватит и нашивок. Вводили новые команды, заменители прежних. Например, команда «На караул!» звучала так: «Железяку на пузяку — гэп!» Команда «Смирно!» — так: «Кажу: не вертухайсь!» Но вскоре эти игры надоели да и стали накладны — солдаты перестали работать, а кормежки требовали как авиадиспетчеры. Очень дорог стал суверенитет. «Ще мы з глузду не зъихалы, — рассуждали местные политики, — чтоб еще и забор городить да паспорта менять. Ни бетона, ни бумаги, да и в гости охота наведываться».

Так и эти игры в суверенитет забылись, как забылись и денежные системы, Сенины Ганзины валютные игры, только долго еще по палатам и в коридоре валялись редко подметаемые бумажные и тряпочные ассигнации, да кое-кто, выдумав себе праздник, надевал по его случаю жестяные ордена.

А была у меня палата, моя любимая, которую не могли поколебать никакие нововведения, палата пошехонцев. В ней жили просто пошехонцы, а также пошехонцы вятские, супер-пошехонцы. Как бы сладкоголосо ни выли сирены демократии и перестройки, пошехонцы жили в своем мире, отмахивались от лозунгов и программ, сидели с утра до вечера то на завалинке, то на крыльце, а зимой у печки, и перекорялись, дразнили друг друга. Причина разногласий тонула в глубине веков, стала во многом игрой, но не прекращалась. Где-то в мире изобретали велосипеды и ездили на них, выдвигали вождей и задвигали, рождали таланты и зарывали в землю, а потом выкапывали, — пошехонцы оставались пошехонцами. Шли века. Приезжал Салтыков-Щедрин и уезжал, Герцен звонил в колокол, — пошехонцам все было трава не расти, главное для них было — выяснить, кто из них дурее, кто пошехонистее.

Выходили на середину испытанные бойцы-острословы с обеих сторон и начинали уязвлять друг друга:

— Ну чё, вятские, давай звоните лаптем в рогожный колокол.

— Для кого звонить? Для вас? Да вы родимые пятна с мылом отмываете.

— А вы не отмываете, потому что даже на мыло не зарабатываете.

— А вы в Москве свою ворону не узнали.

— Зато в Москве бывали, а вы Москву только со своей сосны выглядываете.

— Мы на сосну не для выглядывания лазим, а чтоб вас повыше быть.

— А вы толокном воду в проруби замесили, лаптем мешали.

— Мы хоть толокно едим, а вы с жадности теленка с подковой съели.

— А вы корову на баню объедать траву затаскиваете.

— Сильные, значит. А вы впятером блоху не задáвите, такие смелые.

— А вы такие трезвые, что столь семеро не заработают, сколь один пропьет.

— И где вас, таких умных, делают, скажите, мы еще десяток закажем.

— А вас и заказывать не надо, вас можно из одного яйца десяток высидеть.

— Где ты яйцо с цистерну видал?

— Во сне. А проснулся — вы уже вылупились.

Все словесные баталии кончались мирно, вместе ужинали.

Поужинав, переходили к современности и положению в ней пошехонцев.

— Живете вы, вятские, вроде в русском месте. Хоть и мелкая, а река, хоть редкий, но лес, вроде лица русские, а глядишь на вывески — все не вятские, все какие-то псевдонимные, живете в городе имени большевика пламенного, в самой Вятке не бывавшего, доброго слова о ней не сказавшего, чекистов за злодеяния воспевавшего, зад вождю лизавшего, почему ж такая неустройка?

— Кабы от вашей топонимики хлеб на копейку бы подешевел, тогда бы мы подумали, — отвечали вятские пошехонцы. — Вон Северная Пальмира опять по-немецки названа, и что, счастье у них? Санкт-Петербург, ну-ка, выговори с похмелья. Или Екатеринбург выговори.

— Так Вятка же, Вятка, слово ласковое, знаменитое, на язык просится. На всю Россию разъехалось, в Вятке жить хочется, нельзя же, прости, Господи, в имени, да еще не в своем, комиссарском, жить. Пусть бы хоть Костриков, а то Киров, вроде как скрываетесь от кого.

— С трибуны не слезал, — защищали Кирова вятские, — так трибуном и прозвали.

— Кто их знать будет, этих трибунов, через сто лет, да даже и через десять? — нападали пошехонцы.

— У нас и поляки были, и латыши, — гордились вятские, — все нас уму-разуму учили, сами темные, дак. Чтим память сосланных, про всех книги не по разу напечатали, сколь лесу извели, очень мы всех чужих уважаем. У нас ежели кто из своих, вятских, высунется, мы его быстро за штаны стянем — не смей, не по разуму берешь, сиди тихо. А серию пламенных революционеров мы не забудем ни в жизнь. Как их, родимых, не помнить, они для нашего счастья нашей крови не жалели, они свои германии, америки ради нашего просвещения бросили, мы-то ведь, вятские, беспутые были, Европу хлебом кормили да зарплату золотом выдавали, а комиссары, хоть и заплаты на галифе кожаные, зато с пистолетиком, как таких не любить, как их именами улицы не называть? Это ж красота, это ж радость круглосуточная — жить на улице имени палача русского народа. Нам чужих скороговорок про клару и карла не надо, у нас свои карлы и клары, свои либкнехты и цеткины, свои розы из Люксембурга, свои воровские, марксистские, большевистские, блюхерские, пошехонских только нет, у всех родина как родина, а у нас родина — революция, у нас юный октябрь впереди.

Просто пошехонцы махали рукой и шли на боковую, а вятские, разойдясь, еще долго доказывали свое преимущество перед другими.

— Да вот хоть между собой-то можно сказать, что мы всех обхитрили, всю жизнь на сухом берегу, немазано-сухие живем. Нас коммунисты и демократы за испытателей держат, наша земля — полигон для испытаний, как может выжить в экстремальных условиях человек, чтоб на обезьян не тратиться. Захоронение радиации — давай сюда, талоны внедряем — давай на нас проверим. Наши очереди из космоса видно, мы народ безгласный. Но смекалистый. Мы на всякие разные хитрости очень большие глупости придумываем, так и живем. Взять нас за грош невозможно, и такие мы, вроде того, и сякие, а глядь-поглядь: все притомились, руками машут, митингуют, а мы пашем. Вот и жены наши вятские, у кого жены — женщины, а то и вообще бабы, а наши жены — сударыни в лаптях. Мы б от них не отходили бы, любовались бы, на лавку посадили бы, да все некогда — то пьянка, то партсобрание. Очень, очень мы выносливый народ, очень. Перед нами скоро все сдадутся, поймут наше преимущество, к нам запросятся. Мы, конечно, люди простецкие, пустим, они с порожка да нам на загривок, уж сто раз так бывало, а как иначе? Мы своих за людей не считаем, а ежели кто из варягов — тому почет и место. Не-е, с вятскими не шути, мы всех перемудрим, а себя в первую очередь.

ГЛАЗА НА ПОТОЛКЕ

Было полное ощущение словесного гудения в палатах. Слова, фразы, крики летали, как мухи, словами выражался наш убогий мир. А я уже был как железная опилка при словесном магните своих говорунов. Было что послушать, было от чего заговорить не по-здешнему.

— Глаз много, — говорил один, — глаза на потолке, весь потолок в глазах. А пол весь в бугорках. Бугорки лопаются, оттуда ползут мыши, кусаются. А в голове голоса, а я весь в нитках, отвечаю по воздушной волне,всю голову заполнили нитки, я всех слушаю.

Боясь, что и меня сграбастает какая-либо навязчивая идея — признак шизофрении, я спасался у «мыслителей». Чаще всего они говорили на доступную всем тему, на тему литературы в пределах школьного курса.

А КЛАССИКИ-ТО ПОДСЛУШИВАЛИ, ВОТ ТАК-ТО!

Да, именно так, доказывал мой народ. Шекспир вообще весь на подслушивании. Отелло, Гамлет, все художественные образы, эти полу-люди, полу-химеры, узнавали секреты с помощью подслушивания. Эта страсть передалась правительствам. Сколько денег ухали, чтобы узнать, кто что про кого говорит. Эти бы деньги да на дороги бы, по червонцам бы ездили, шины бы только шелестели.

Ну, хорошо, Шекспир — он не русский, мы других не осуждаем, мы к себе обратимся.

С Толстым все ясно. Он до такой гордыни довозвышал себя, что не велел себе ни камня, ни креста, ни вообще кладбища. Все ему мешали жить: Будда, Конфуций, тот же Шекспир, всех на место ставил. Ему легко было жить, даже страданиями своими упрекал. При гордыне легко переносить страдания. И он подслушивал. Надевал шерстяные носки, чтоб не слышны были шаги, и крался к дверям. Если не верите, прочтите в воспоминаниях о нем, например, Т. Кузьминскую.

А вот даже Лермонтов. Но тут не он сам, а его Печорин. Подслушивает у окна сговор штабс-капитана с Грушницким. Но это, может, и простительно: литература.

А вот Тургенев. Даже его лучшее — «Записки охотника» — почти все на подслушивании. Цитаты: «За перегородкой в конторе тихонько переговаривались. Я невольно стал прислушиваться». Это «Контора». «Бежин луг» подслушан весь. «Легкий сдержанный шепот разбудил меня». Далее идет подслушивание разговора Ермолая и мельничихи. «Свидание»: «Я с любопытством посмотрел на него из своей засады». И так далее.

Некрасов. Разве не подслушан разговор о нем, барине, крестьянских детей? И только ли?

Но других читайте сами и делайте выводы. А вывод какой? Такой: не знали классики народной жизни, ее подслушивали. Когда и сочиняли (Салтыков-Щедрин).

Ах, вы за Толстого обиделись. Но уж потерпите. И не называйте моих мыслителей шавками, а Толстого слоном. Толстой договорился до того, что... цитирую (речь идет от имени дьявола): «Дело шло хорошо, но я боялся, как бы они не увидали слишком очевидного обмана, и тогда я выдумал церковь. И когда они поверили в церковь, я успокоился: я понял, что мы спасены и ад восстановлен». Конец цитаты («Разрушение ада и восстановление его»).

А знаете ли вы, отчего все это? Да оттого, что вообще вся наша литература полна гордыни.

ХОТИТЕ ЗНАТЬ ВСЮ ПРАВДУ?

Так вот, в России все потрясения делаются для того, чтобы взбодрить литературу. Когда нет потрясений, литература ноет, подстрекает к бунтам.

Ну-ка скажите, могла ли бы литература обойтись без «Щепки» Зазубрина, без «Тихого Дона», без «Солнца мертвых», без «Окаянных дней»? Нет, литература, а значит, и читатели не могли. Но если бы не было событий — тех, что описаны, — была ли бы эта литература? Нет. Значит, нам что лучше: читать про кровь или жить без крови? Конец вопроса.

В бане был, а спина чешется

— Слушайте, если хотите, идеечку вам скажу, — говорил, входя в кабинет процедур, самозванец, не путать с иностранцем.

А уж как их звали в прежней жизни, думаю, это им самим уже было неинтересно. Та жизнь была не их жизнь, теперешняя жизнь была тоже не совсем жизнью, а неким переходом, чистилищем, перед основной жизнью.

Этот самозванец был парень шустрый, нахватанный. Сам ли он сочинял, заучил ли у кого, но стишки его ходили в палате и, бывало, срывали заседания клуба вершителей судеб, был и такой. *«Я — человек довольно мирный,* — говорил самозванец, — *но если мне в шестом часу не поднесут стакан имбирной, я все тут на́ хрен разнесу»*. Имбирной он не пивал, вставил для рифмы. Или: *«Лелею я одну идею — рога наставить иудею»*. Или: *«Пришли иные времена, цветет родная сторона. Но люди всё еще живут во глубине сибирских руд»*. Или: *«Жили мы не зная горя, только сел на шею Боря»*, и так далее. По-моему, этот самозванец пописывал, ибо очень не любил пишущих. Это именно он заводил разговоры о ниспровержении классиков, с его подачи мы уличали гениев в подслушивании, хотя что особенного — прием, и Иван у Достоевского подслушал Смердякова, прием такой, это нас можно не подслушивать, потому что так орем, что везде слышно. У самозванца, скорее, было не творчество, а хохмочки на тему, осовременивание общеизвестных строк. *«Не приведи Бог увидеть русский бизнес, бессмысленный и беспощадный»*. Или: *«Тогда зачем, скажите честно, если так живет народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперед?»*

В этом что-то было, хотя не русское это, все эти штучки-дрючки-перевертыши. Так и заявили самозванцу. Но так как в нашем обществе было достигнуто полное безразличие к любым высказываниям, самозванец даже и не обиделся.

ПРОГРЕССА НЕТ, НО ЕСТЬ СПАСЕНИЕ

На такую тему проводили семинар. Это громко сказано — семинар, кто-то даже вякнул про коллоквиум (учился, значит), но как ни назови, а стоял обычный крик

в курилке. Да, спасение есть, да, прогресса нет, да, цивилизация убивает природу, экономика убивает культуру, чего тут орать, все так и есть. Первопроходцев затаптывает толпа последователей, разве не так? Чего не идти по дороге, когда она уже проделана. А тот, кто проделал, устал, в сторону его. Так и все перевороты, особенно революции. В революцию сдуру верят, ее делают искренне, потом на готовое место приходят подлецы, разве не так? Свидетелей убирают. Разве не было?

Все это истины бесспорные. Далее: деньги не делают умным, делают злым и надменным, а также прибавляют страха и недоверия, заставляют все время хитрить и выгадывать, кто оспорит? Скажете иначе? Говорите, послушаем, но думать иначе не будем.

У нас в курилке ходили в героях два рыжих, звали их самоотсебятники, так эти ребята — ухари, у них на все было свое объяснение, за это и сели. «Чем рыжей, тем дорожей», — говорил про них самозванец.

Один вещал:

— Бетховен как ни старался, не открыл дверь Россини к Моцарту.

Другой:

— Да, роскошные цветы гибнут из-за глупых претензий, и скажу как агнец на жертвеннике: душу — Богу, жизнь — Отечеству, сердце — жене, честь — никому.

— Вот из-за этого, — орал первый рыжий, — мы и загубили Россию. Честь принадлежит Родине, запомни и своему узкоглазому передай.

Это у них начинался крик — спор. Один защищал Ленина, другой — Сталина. И тот и другой к моменту спора были изрядно заплеваны, но что рыжим до того. Плюют моськи (напоминаю, что так у нас звали масонов) или их шестерки-борзописьки, от этого фигуры вождей только возвышаются, скоро никто не доплюнет. Но только вот кто выше?

— Твой лысый по Европе на велосипеде ездил, много ли он Россию знает, много ли? У него Парижская коммуна в заднице играла, Робеспьером грезил, Дантонов наплодил.

— А твой чучмек командование Красной Армии вырезал.

— Это ложь, вранье и подтасовка. Он по пять лет в Швейцарии, как картавый, не жил, он в расстреле царя не замаран, моськи его боялись, он священников привечал, отец наш родимый, болезный ты наш!

— *Тот отец в конце концов нас всех оставил без отцов,* — вставил самозванец.

Доходило до драки.

— Моего земля пожалела, приняла, а твоя мумия тутанхамонская все средства оттягивает. Да пусть она тебе приснится сто раз на ночь!

— Пусть, пусть!

Рыжие волосы летели, как осенняя ржавая листва, пол в курилке желтел, как арена, посыпанная сосновыми опилками, но и только. Рыжих растаскивали, но они расходились радостные: пострадали за свои святыни.

Беда, сердечные, беда — не только волосы, но и головы летели ни за понюшку табаку, из-за каких-то политиков. Их как собак нерезаных и из-за них драться — да тьфу! плюнуть и растереть. Для политиков нет людей, есть материал для их политики, нет человека, есть полено для костра, чтоб сжечь в нем соперников. О, если бы я не знал нынешних позиционеров и оппозиционеров, знаю всех лет по двадцать пять, смешно — кого слушают? Скверниченко и Скотского, Помуйкина и Тушонку, а особенно хороши гроссдамы Алина Старопойлова и Элла Муркова, да и дамы ли они, может, это антирусские роботы, может, их на Мальте куют? А эти пискуши с русыми волосами из отдела приватизации соцзащиты? Кто это? откуда? Или этот, Чегоизвольский.

КСТАТИ, О ЖЕНЩИНАХ

Сказать грешно, умолчать грешней того о том, что в нашей палате женского вопроса не было, и не только оттого, что не было женщин, и не только оттого, что возраст наш был далеко за барьером жениховского, только сдвинувшимся на женской, так сказать, почве был один-единственный пан Спортсмен, как его звали, неповоротливый слезливый толстяк (известно, что в России в отличие от всей Галактики дают прозвища не по сходству, а по различию). Пан Спортсмен женился, считал жену свою единственной и неповторимой, образцом, так сказать, который никогда не будет серийным. И вот... пан Спортсмен слонялся по палате, в работе мозгового треста не участвовал и всем надоедал своим нытьем про свою трегедию всей жизни. Он заканчивал вводную часть отшлифованной веками массовой литературы фразой: «Но ужасное открытие подстерегало меня...» Всем было плевать на его ужасы. Оно и несправедливо, но извиняло нас то, что мы постоянно решали проблемы покруче, например:

СЛОВО ЕСТЬ ДЕЛО

Или нет? Нет, есть. Да, есть. А спор этот возник по поводу дозволенных границ свободы слова. Конечно, демократы визжали, что свобода эта безгранична, что слово это не действие, например, не пощечина, не поджог, не выселение... «Смешно, — говорили мы, — слово, значит, не действие, а ну-ка стань сюда, стоишь? Я тебя не ударю, я тебя матом шарахну. И жаловаться не смей, цензуры нет, свобода слова». Всерьез же мы говорили, что слово и дело суть одно, что должна быть граница дозволенного, там, где даром слова пользуются для оскорблений, разврата, пропаганды пошлости и насилия, тут надо у таких словоблудов отнимать орган массовой информации, даже стенгазету. Если же, к слову, телевизионщикам прямо не терпится видеть разврат, значит, они сами такие и есть.

Тут подходил пан Спортсмен и канючил: «Ужасное, ужасное открытие подстерегало меня...» Но его отшвыркивали, разумеется, словесным действием, а не физическим. Вставал во весь горизонт очень русский вопрос.

МЫ ЛЕНИВЫ И НЕЛЮБОПЫТНЫ, НО ЭТО ОЧЕНЬ ХОРОШО

А почему хорошо? Да потому, отвечал выдвинувший такую мысль, что мы как никто заботимся о детях. Ну вот, решим мы все вопросы, все проблемы, а что останется детям? И разве неправилен лозунг: «Все лучшее — детям», хотя многие переделывают его в такое звучание: все лучшее — моим детям.

— Ты, Витя, неправ дважды, — кричали ему. — Во-первых, нет таких проблем, которые не решил бы наш коллектив. Ты что, забыл наш девиз: как только ставится вопрос, так сразу он решается? Сразу! И никому не оставляем даже щели, чтоб не пролезли в щель домыслы. Вторая неправота: ленивы и нелюбопытны не мы, а как раз дети. Это, наверное, у тебя детей нет, так ты и не знаешь, тогда и не суйся и не сплясывай, раз не спрашивают.

Но этот Витя был тот еще Витя, из Витей Витя, он не сдавался:

— Для медленно соображающих пример к тезису: мы все покупаем книги. Пусть не все. Скажем так, два класса покупателей, один книги покупает для престижности, другой класс покупателей жить без книг не может и последние штаны продаст, а книгу купит.

— Я все для нее покупал, — раздался слабый голос пана Спортсмена, — но ужасное, ужасное открытие подстерегало меня...

— Молчи! — оборвал его Витя. — Два класса покупателей приобретают книги, есть еще подкласс, подвид, разновидность, как хотите, так и назовите, читателей, которых я презираю, это читатели пошлости, бульварности, детективности и фантастики всякой-разной, их я за людей не считаю, мы вернемся к двум классам. Так вот: книги не читает никто. Книги ставят на полку. Даже те, кто жить без них не может, кто перед сном прикасается к их тисненым, коленкоровым корешкам, кто мать родную за редкую книгу продаст, даже и эти не читают книг. Они думают: это для детей. Вот они вырастут, они прочтут, они станут умными, пойдут дальше меня. Вырастают дети, вырастают они в атмосфере любви к библиотеке, книги для них выше игрушек. Они не побегут продавать ворованную у отца книгу, они берегут, они начинают и сами приобретать книги, они думают: вот мои дети прочтут, и так далее. Книги заполняют пространства квартир и хранилищ, но так можно хранить что угодно. Книги как разум и мудрость столетий не участвуют в жизни. Это доказывается тем, что люди совершают непрерывно одни и те же глупости, рецепт избавления от которых давно изложен в книгах. Люди не умнеют, они не читают. А те, кто читает, есть такая тончайшая прослойка, тех презирают, от них абстрагируются, их предают остракизму, то бишь гонениям. Наша неандертальская, экономическая власть в своих интервью так прямо и заявляет, что ей (власти) читать некогда, надо заседать, интриговать, появляться, мелькать, выезжать и ездить, а читать некогда. Но тогда, господа недотыкомки, чего ждать от этой власти, если она даже не знает, что такое демократия. Значит, эта власть — куколки заведенные, паяцы на ниточках, значит...

— Страшно, страшно было узнать то, что узнал, увидел и понял я, — ныл пан Спортсмен.

На него снова цыкнули. Следующим вопросом было:

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ, НО НАСТУПИЛО ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ

Собственно, это был не вопрос, а аксиома. Ее приняли к сведению как не требующую доказательств и решили все-таки выслушать, что же это за такое ужасное

известие. Многим это уже было неинтересно, как слышанный анекдот, но закон компании: не любо — не слушай, а другим слушать не мешай.

ВЕЛИК АРСЕНАЛ ОБОЛЬЩЕНИЙ

— Мы поехали в картинную галантерею, — начал пан Спортсмен, — не перебивайте, я не шучу, это не хохмочка вроде Бородинской пилорамы, здесь именно не галерея, а галантерея. Больше им, я не хочу даже произносить это слово, для меня они — они, больше им ничего кроме галантереи не надо. Это именно то ужасное известие, открытие, та жуткая житейская истина, которая подстерегала меня. Мы с ней увидели, что продают шляпки. Вы бы видели, что с ней сталось, она затряслась, как охотничья собака, увидевшая дичь, она заплясала, как цирковая лошадь, услышавшая музыку арены, она была как муха, летящая на варенье, повидлу, патоку, ужас! И это была она — моя жена, необыкновенное, думал я, создание небес и рая. Кстати, звали ее не Рая, а Ада. Именно так — говорящее имя. Я звал ее потом Триада, именно три, а не один. Она тряслась у прилавка, тряслись ее руки, хватающие шляпки, тряслась голова, их примеряющая, трясся голос, угодливо спрашивающий продавца (это был такой жеребец предгорий, смуглый, с усиками), все тряслось в моих глазах. Она была как все. Как все хотела красивую шляпку. Я тут же, не отходя от кассы, сошел с ума. Такие дела произошли, такой катаклизм, божество померкло, а мир не вздрогнул. Так мне и надо было, я знаю, я слышал здесь правильную критику в свой адрес: не возводи себе кумира, все правильно. Но ведь обидно! Я стал изучать законы мира — все одно и то же: ничего не кончается, все переливается в иные формы, законы физики меняются в худшую сторону, ибо их неправильно поняли и не ту дверь в них открыли, примите мою мысль даром, в подарок этому миру, вот она: природа прячет от нас урановые руды, прячет под гранитом и базальтовыми черепами, а мы копаем и разлагаем, и заражаемся, и угрожаем даже из гробов, ибо облученный человек и после смерти есть не что иное, как нечто, излучающее бета-, альфа- и гамма-лучи. То есть меняется все, даже стиль и степень захоронения, но не меняется одно, товарищи, — не меняется женская природа, ихняя природа, друзья мои, неизменна, как гудение осенней мухи в одиноком и тусклом помещении, да! Еще добавлю, что введение частной собственности в России есть ее гибель: русские за деньгами не гонятся.

— А я вот все про масонов думаю, — задумчиво вступил в обсуждение стоящих и решенных вопросов некий новичок, разве всех запомнишь, — все думаю, как их из России вывести, как им такой климат создать, чтоб сами ушли?

— Фактически им тут уже не климат, они климат создали сами и искусственно, — заметил пан Спортсмен, начисто забывший о жене до следующего раза. — Не климат был, все жалуются, даже в записках графа Калиостро жалобные ноты, еще бы — всех дурил, по Европе как сыр в масле катался, а в России ему стало не проханже. Да хоть кого взять — морозов не терпят, Наполеона взять, Гудериана. Русский Бог как даст русского морозца, у масонов и сопли наружу. То-то они, захватив богатейшую страну мира в семнадцатом году (а начали издеваться над ней гораздо раньше), то-то они стали в России климат утеплять. Стали делать плюс электрификацию, тайгу валить, на Новой Земле атмосферу ядерными взрывами утеплять. Никитка, тот всех любил учить, поехал Нил перегораживать, ему это дело, конечно, масоны внушили, египтяне не дураки, и вообще арабы не дураки, чтоб родину затапливать. С этого Асуана и пошла у нас с арабами гамсахурдия, а масончикам лафа. А Леня, разве бы Леня сам дошурупил, что надо реки повернуть с севера на юг? Это утепляло климат для житья масонов на два-три градуса, вдобавок еще увеличивало масонскую радость по поводу страданий русского народа. Итак, предлагаю: масонов выморозить, это и гуманно и эффективно. По аналогии с тем, как вымораживали тараканов. У нас в деревне их вымораживали на рождественские или на крещенские морозы. Укрывали в подполье овощи, картошку, соленья шубами, шкурами, хватало мехов, а потом двери настежь и ночевать к соседям. Тараканы бежали стаями по сугробам, аж сугробы рыжие.

Но проект забраковали, хоть и был заманчив. Двери в Россию Мишка со своим умишком распахнул — шире некуда, с петель слетели, что-то не очень масоны от нас подались, наоборот, усилились, а к каким соседям ночевать мы пойдем? Всех предали.

— Да, всех, — кричали рыжие, — и нас с тараканами не сравнивайте, — предали мы Палестину, Ирак и все остальное, Сербию предали, куда еще. Ватикан приказал Бушу, тот руки по швам, звякнул нашему, тот рад стараться, в сообщество охота, в единый европейский дом, так давай на Сербию бочку катить, забыл, что она-то в центре дома. Ватикан, Ватикан паскудит, точно, ребята.

ВАТИКАН О МНОГОМ ПОМАЛКИВАЕТ

Нынешний папа пошел дальше всех пап. Этот папа всем папам папа, он в Ватикане экстрасенсов принимает, у него ансамбль песни и пляски гремит, солисты в форме солдат советской армии. Не верите? Верится с трудом, но того чудней циркачи, плясуньи и лошади перед папским дворцом. Но мы не об этом. А о том, что нам не показывают. Цирк, ансамбль, Джуна-экстрасенска — это все для бедных воображением, мы представляем страх папы перед исламом. Имам Хомейни пресек заползание западной культуры во вверенную ему аллахом страну. Ислам — государственная политика, его ответ на происки Ватикана один — рождение все новых и новых миллионов магометан. Папа запретил аборты, что это ему даст? Почти ничего. Для мусульманок аборты недоступны, для европеидов они обычны, скоро европеиды со своей индустрией останутся в хилом меньшинстве, и папа им не поможет.

НАШ ПУТЬ ИНОЙ

Иной, но не в тоске безбрежной.

Такие рассуждения сопровождали послеобеденный симпозиум. Не надо догонять Америку, глупо догонять, ну-ка, россияне, вглядитесь из-под ладони, как Илья Муромец, кто там маячит, кого там догонять? Никого там нет, голое пространство, мы впереди всех, давно впереди. Давным-давно, оттого на нас злоба лютая, оттого шипенье и оплевывание, сами не могут ничего сочинить и изобрести, кроме порнографии и предметов роскоши, вот и тявкают. Мы плывем во вселенском просторе, русский корабль идет верным курсом, но взяли нас на абордаж, налипли со всех бортов, пищат, лезут на мостик, суются к штурвалу, набились во все каюты, только в машинное отделение ходить не любят, там мы работаем, масоны солярки боятся, от ее запаха им дурно. Это они, кстати, изобрели духи, ибо потеют сильно и пахнут мерзостно, и чтобы не было противно рядом с ними стоять, себя часто дезодорантами покрывают. И так много всякой дряни набилось на корабль, что не прокормить. Кругом паразиты.

Залез на трибуну (у нас и трибуна была, вернее, трибуны; кто ящик притащит да залезет на него, тот и повыше) еще один диссидент, он всегда лез без очереди, потому и звали диссидентом, и закричал:

— Эй вы, завернутые экстраверты и вывернутые интроверты, не бойтесь меня, от меня белая энергетика. Скажу вам и свою мысль, вот она: отстаивание своей точки зрения — путь к враждебности. Или не согласны? Вам надо сто раз повторить, чтоб вы поняли. Если кто упрется рогами в свою точку зрения, да еще и давит на всех, чтоб ее приняли, что получится? Не думаете ли вы, что масоны с вами не согласны? Очень даже согласны, хоть вы их тут ежедневно полощите. Они рады, что вы есть, вот что я вам скажу. Конечно, мы давно догнали и перегнали всякие америки, это же республика-подросток, Америка по сравнению с Россией это пэтэушник рядом с мужчиной в цвете лет. Америка втравливала нас в борьбу за мир, ну-ка, сколько мы израсходовали на одних плакатах «Мы — за мир!»?

АГРЕССИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ИДЕТ ОТ ИСКАЖЕНИЯ ПРИРОДЫ

— Хватит агиток! — кричали другие. — Дайте и нам сказать, мы тоже не без мыслей, обед у нас таков, что кровь не уходит к желудку, не больно-то он располнел. Это тоже внушенная мысль, что у нас все за гранью. Грань есть, нищета есть, недоедание и недосыпание, но бывало хуже, хотя и реже. Вытерпим! Ну, хором! Три-четыре: Вы-тер-пим! Вы-тер-пим!

— Мы не братья по разуму со всеми, мы братья по несчастью! — кричал один пациент. — Дождь падает с неба, чтобы заразиться на земле. Будущее решает не цивилизация, а сострадание и самоограничение. Самодостаточность — это самообольщение. Нельзя внушить себе, что мне хорошо. Надо быть всем довольным, но недовольным собой. Молиться и вверять себя в руки Божии, Он направит. Растворить свою волю в судьбе. А наше дело — сокращение потребления, ограничение потребления, внимание ко всем, требование к себе. Если эти несколько моих фраз выучить и исполнять, то мы спасемся. Повторить? Скажу иначе: люди или ничего не делают, или делают какую-то ерунду, лишь бы не жить. А что такое жить — это готовиться к смерти.

— Но ведь готовиться к смерти можно ничего не делая? — вопрос из зала.

— Ничегонеделание или чтоделание не есть подготовка к смерти, надо успеть покаяться, успеть собороваться.

— Тогда надо грешить, ибо не согрешивши не покаешься, — реплика из зала.

— Мы уже столько нагрешили, что... что страшно представить. Тело съели сласти, а душу страсти.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА

Перерывов в заседаниях как таковых не было, как и самих заседаний. Кто и вообще на них не бывал, спал себе или ходил по палате, кто кругами, кто по диагонали. Но музыка объединяла. Не это бесовское скакание в телевизоре, а свое, родное. Гремела падеспань.

Ходили по отделению три буквы. Они, наверное, придуривались или от скуки затеяли такую игру, говорили только на одну букву, чтоб не пересекаться в тексте. Это уже всем, кроме них самих, надоело. И еще бы. На букву «З» говорил сам с собою:

— *Заварил зеленое, знойное зелье. Запейся, залей зеницы, загуби зарницы, зарой золото знаний. Замолчи, зараза, знаю: запойное, залетное засверкает закатным звоном, закроет зрение зовущих звонов.*

Надоели они. Буква «К» слонялась и бормотала свое:

— *Красивый, кармы кочешь? Керосинит кагальский кучер? Крошево календаря кончается? Крапленые карты когорты красных куда канули, к какому краю каких кровель?*

Третий шептал доверительно:

— *Сообщаю спокойно, совершенно секретно: скорбен стал, съел самого себя, совершенство смылось, смылилась совесть, слямзил серебро, сбежал с Саней, стал страховкой спасаться, Сан-Суси стал сидеть, стервец...*

Так и слонялись. Очень эти три буквы не нравились чокнутому на справедливости. Его замели (забрали) за исполнение частушек, в том числе такой. На ней именно он и сдвинулся:

Эх, режь мою плешь на четыре части!
Хорошо-то как жить при советской власти.

— Было же хорошо, — кричал он (у нас все кричали, иначе не услышишь), — было же хорошо при советской власти, тогда не шибко демократия была, тогда жили! И я сочинял в восторге чувства, а меня за шкирку. Получается, что сказать нельзя, что жил хорошо, что даже плешь готов порезать, чтоб это доказать. И забрали как за антисоветчину. Значит, власть не верила, что при ней хорошо жить. Я думал, думал, башка облысела от думанья, завел попугая. Пусть он чего хочет кричит, я не ответчик, ночью научу, днем пусть кричит. Но попугай оказался —

КОСМОПОЛИТ БЕЗРОДНЫЙ

Я его так прозвал. Он не знал чувства родины, не имел своих слов, совсем не любил меня, не любил никого, только себя. Все время кричал: «Кеша хороший, посмотрите на Кешу, Кеша не курит, курить вредно, — еще кричал: — Пионеры, стройся в ряд, ура императорскому величеству, оркестр, не зевай», — и так далее. Он передразнивал нашу собаку, собака заболела, у нее пошел процесс гепатита печени, а это необратимо, попугай трещал как дверной звонок, мы бежали к дверям, он, подлец, гениально копировал звонок телефона, нам опять беспокойство. Ночью ляжем, он подождет, пока мы уснем, и начинает. Начинаются междугородные звонки, мы вскакиваем, звонят в дверь — срочная телеграмма? — сердце бьется, надеваешь штаны, руки трясутся. Хотел убить или себя или попугая, это ж невозможно — знает только жрать да разыгрывать, а попробуй не накорми, клетку трясет, обои рвет, занавесок не осталось, убью — и все. Но перестройка спасла. Началась, слова пошли новые, попугаю интересно, стал кричать: кворум, рейтинг, ротация, демократия, плюрализм, мондиализм, сионизм, космополитизм — синонимы. Про синонимы — это он сам, никто не учил, так что с меня взятки гладки. Я кому ни предлагал — не берут: не прокормить, жрать был здоров, яблоко дай, морковку дай, маковых зерен, рацион у него такой, мы так и до перестройки сами не питались. Друг спас. Приехал, попугая полюбил, но попугай его возненавидел, друг курил. Кеша кричит: курить плохо, помни минздрав, вредно курить, Кеша не курит, и так далее. Но друг курил, правда, форточку открывал, вот в эту форточку попугай и эмигрировал. Три дня под окном на дереве кричал, три дня мы ходили, умоляли его вернуться, мальчишек со двора просили его поймать — нет, не дался. То ли съели, то ли сам какое окно выбрал. А воробьев около него кружилось, воробьев, еще бы — птичка какая залетная, красавица. Думаю, десятка три воробьиных семей было разбито, да кто их видел, слезы покинутых воробьих?

И понурил свою голову рассказчик, жалко стало и нам попугая. А потом стало и не жалко, как подумали про погибшую собаку, про искалеченную человеческую жизнь. Но опять же как рассудить, ведь и попугай не виноват, что он такой. Так устроила его природа — инстинкты есть, разума нет, только передразнивание и комбинации слов, иногда правильных.

— *Спириты сперли спирт, сокровище сокрыто,* — бормотала буква «С». — *Собака с сеном спит. Сияет свет софита.*

ПСИХИТРИАДА

Наступал ужин, проходил в молчании, по-тюремному. Он тяготил как необходимость продолжения жизненных сил. По мне бы — перейти на таблетки. Многие у нас пили в день таблеток по двадцать, ими и наедались. Многопузовые санитары насильно не кормили, ели сами.

Проходил ужин, мы сбредались на вечернее заседание. Им полностью овладевали самодеятельные поэты. Но поэты ли они были? Скорее рифмачи-политики. Запоминать было бессмысленно, одни какие-то издерганные строки и сплошной крик:

Торговля есть война, товар не есть валюта,
Терпи, моя страна, приди, приди, Малюта!

Ну что это? Или:

Что такое СНГ? Синагога?
Сенегальцев в СНГ очень много.
На одной хромой ноге, на реформах и цинге
Будем жить в эсэнге ради Бога.

Но все это самодеятельность. Были они оттого, что за решетками, на той свободе, ходили в гениях такие же самоучки, но народ наглый, пассионарный, все рифмующий: и революцию на Кубе, и все свои знакомства с другими шарлатанами других стран. Так им легче было охмурять нас. Я как-то приехал в одну из стран, слушаю ихних критиков, оказывается, в России только и есть знаменитых поэтов, что два интуриста. Это они сами везде прыгают, как блохи, и внушают, что лучше их нет, что в России хоть и многовато пока русских, а поэты только они. «Бедная страна! — воскликнем мы. — И это после Державина!»

Чтобы доказать, что у нас поэтов пока не дюже богато, процитирую три строфы из подаренной мне «Психитриады». В ней упоминаются термины «делириозный» — это горячечный бред, «императивные» голоса — приказывающие голоса, которые постоянно слышат мои шизофреники, остальное понятно.

Беги в бреду делириозном,
Закрой все двери на засов,
Но не уйдешь от этих грозных
Императивных голосов.

Смотрю ль бредовый телевизор,
Бреду ль в какие-то края,
Мне кажется, что шизо, шизо,
Что психопато-шизо я.

Маниакально-депрессивный,
Не состоящий под судом,
Стоит среди дурной России
Наш, полный разума, дурдом.

Но у нас и гении водились. Особенно один. Георгий Томский. Его часто просили читать, так что многие строки его стали запоминаться. Вот отрывки из разных стихотворений:

«Запела курица — к несчастью! Примета древняя, как мир. Россия режется на части, как режут вздорожавший сыр... Прибалты отхватили и бендерцы, и азиаты тож, кавказцы и кайсаки. Нам показали, где зимуют раки, партократийцы и эсэсэрцы... Закончится взаимным грабежом, царапайтесь на радость интервентам, на гибель полупьяным президентам к нам входит демократия с ножом... С ножом в руках и нож

за голенищем. Логично все: забыли христианство. Погибнет Русь, останется пространство, или, верней, большое пепелище... Нам бочку арестантов наболтав, ушли по фондам мишки и политики, от коммунизма сломанные винтики, заржавленные шляпки от болта... Последний век, его совсем немного, разграблена Россия и убита. Телами русских вымостят дорогу, чтоб сатане пройти со свитой. «С вещичками!» — скомандует сержант какой-то армии китайско-европейской. Пойдем все дальше вниз по этажам, пока язык не вспомним арамейский... Проста наша жизнь, как полет червяка, кончаются веком двадцатым века... — Заканчивал Георгий самокритически: — *Заметы горестные пишет идиот, как новый Геродот упрям и светел. Стучится двадцать первое столетье, и мы дрожим от страха у ворот».*

Согласитесь, что тут есть что перечитать.

НАСТУПАЛА НОЧЬ

Я уже давно не спал по ночам, ходил по отделению. Умилительное чувство сопровождало меня — сколько умников оглашало храпом эту замкнутую часть Вселенной. Мысли мои улетали к границам России. Только ветер гулял на них. Что толку в этих границах. Когда-то на них был заслон порнографии, даже игральные карты с изображением красоток отбирали, сейчас порнография в каждом доме, лезет из цветной или черно-белой помойки телевизора. Думал я и о границе того пространства, которое занято моим отделением, тут граница была на замке. Мир отгораживался от нас, а вернее, мы от мира. У нас был свой мир, мы его сохраняли. В этом пространстве было еще одно, мое, тайное, пространство — гараж. Машины в нем не было, только подвал, в котором хранилась картошка и был спрятан магнитофон. Я часто сидел там, в подвале, иногда что-то надиктовывал на магнитофон, а чаще наслаждался тишиной и покоем, и свободой. Да, главная свобода — одиночество, другой не бывает.

Был в отделении у меня ночной собеседник, Жирафа его звали, до него все очень медленно доходило. Днем и вечером он слушал дискуссии и крики, доводы и возражения, а потом все перемалывал в своем сознании и на все имел свое мнение.

— Доктор, — шептал он с кровати, — подойдите. — Я садился у его койки. Жирафа шептал быстро и четко: — Они думают, что я пьянь ступорозная, галаперидольцы прямоходящие. Ума нет на простые вещи. Разве можно масонов как тараканов выморозить. Масоны же не тараканы, они, скорее всего, клопы или блохи, а и клопы и блохи вымораживанию не поддаются. Скорее, тут пригодилась бы прожарка, но масоны в основном из жарких стран, привыкли. Вы слушаете? А также мое мнение о слове и деле. Конечно, это одно и то же. А еще я сюда добавлю взгляд. Взглядом можно испепелить, убить, вывести из себя, разве не так? Иной взглянет — искры летят. Пощечина куда более мягкое испытание. А еще о литературе. Почему всегда было так, особенно в эстраде: как русский, так дурак, как пьяница или бюрократ, так Иванов? Это же специально, этот юмор из сортира Аркадий Раисин начал. Издевался как хотел, а мы утирались. А ведь, доктор, никто же из наших писателей не гвоздит другие нации, ведь можно же было тоже обзывать, дать героям имя Асратиани, Усрадзе, Потаскаускас или вообще Засратишвили, они обидятся, а мы скажем, что это художественный образ, так ведь, доктор?

— Спи, спи, — советовал я.

— Буду спать, — соглашался он и шептал вслед: — Заизвестковался скелет, закостенело сердце, задубела совесть, воспалилась душа.

НАШИ ГЛОБАЛИСТЫ

У нас существовал отряд глобалистов, так я их именовал, они мыслили глобально, объемно, геополитически, космически. Когда они говорили, остальные помалкивали. Они изрекали все бесспорное, необходимое к сведению и к исполнению. Они не спорили друг с другом, благосклонно или надменно кивая на любое выступление. Народ был для глобалистов предметом главным. Они сходились в одном, в его защите от сатаны, они приняли за очевидное то, что никто из людей ни в чем не виноват, виноват только сатана. Он внушает преступные мысли. Сила его внушения огромна. Простой пример: разве хочет человек поджигать здание? Но ему это внушается, и ему, и другому, и третьему, в уголовном кодексе появляется статья о поджогах. То же самое с изнасилованием, убийствами, кражами, угонами, и прочее. Глобалисты сообщили мне то, что я знал, что Алексей Батюнин готовит письменный «трактат», как они шутили, о происках сатаны. Мне докладывали, что работа движется и что скоро принесут на просмотр.

Слушать глобалистов было поучительно. По скромности профессии я в разговоры не вступал, но кое-что запоминал:

— Идея коммунизма сдохла, марксизм спекся, почему же именно от этого белой расе приходит конец? Почему нам тычут в пример закат Запада, когда мы похожи скорее на Индию? Там генерируются все новые нации, а у нас бегает техасец Боб-циник, машет дубиной и кричит: «А кто тут против реформ?» Мы все за, так ему и скажите. Но скажите, что это за реформы, от которых люди мрут?

— А помнишь, Федя, был у нас Леня, он не мог выговаривать слов «планы реализации», у него получалось: «планы парализации», ну, не смели же ослушаться и все парализовалось.

— Вопрос вопросов: с какой скоростью изменяются физические законы?

— Да ведь решили уже, — отвечали спрашивающему, — как только ты или кто-то это спросил, так мы сразу и решили. Еще тогда Люция была.

Кто такая Люция, понятия не имею. Мне понравился доклад одного глобалиста о потреблении чужого сознания, то есть об отличии мысли собственной от украденной. Своя это своя, пусть и маленькая, пусть и корявая, а вот уворованная, пусть и блестящая, она при потреблении переваривается плохо, проходит кишки сознания с запором, но выбрасывается наружу поносно, метеорно, и что вы думаете? Ее снова поедают, и так далее.

Глобалисты говорили тезисами, выражаясь вслед за Достоевским, «писали эссенциями», после них надо было еще думать.

Глобалисты имен не имели, только номера, все бритые, кто и лысый. Кто на чем рехнулся, было непонятно, истории их болезней были где-то в другом месте. Время от времени за ними приезжали какие-то четкие мальчики лет по сорока, предлагали глобалистам поехать с собой, сулили золотые горы, но ни один не покинул наше отделение, патриоты. Им было гораздо интереснее друг с другом.

— Мысль, — объявлялся очередной номер, — имеет температуру и скорость. У каждого своя. Мне говорят: излагайте медленнее — и я теряюсь, сбиваю ход мысли, а если не сбиваюсь, то теряю нагрев мысли.

— Объясни примером!

— Художественный образ и слово имеют одну природу.

— Спорно, весьма спорно. Слово — дело божественное, художественный образ чаще всего, прежде всего по природе от лукавого.

— Хорошо, проще: мы, русские, потеряли все, кроме чести и языка.

— Теперь ясно. Что у нас далее?

— Где грех, там благодать, но при условии осознания греха.

— Было.

— О двух подходах к жизни. Первый: какой же он дурак, и второй: какой же я дурак.

— Кстати, о дураках. Путь к дурацтву — гордыня. При гордыне легко и даже сладостно надменно переносить страдания, легко возвыситься над обыденностью, все же становятся быдлом, ты же совершаешь подвиг, ты судишь всех, а оценочная жизнь без самокритики — начало ада души. Решение проблемы в проверке себя через любовь к презираемым. Нет любви — падай на колени. Не верь сердцу — оно нечистое. Далее по тексту.

— У меня тезис о смерти, доказательство ее необходимости. Вот: против каждого яда есть противоядие (в народном выражении: на каждую хитрозадость есть отмычка с винтом), так, а противоядия против смерти нет, значит, смерть не яд.

Ко мне подошел (давно не подходил) мой двойник:

— Вы не забыли, я делаю письменную работу о методах и действиях дьявольской силы и злобы в обычной жизни?

— Да, я жду. Прочту с интересом.

— И пользой. Это должен знать каждый русский человек.

Очередной глобалист вещал:

— Разница между искусством и жизнью — это различие между «быть» и «казаться». То есть «кажется» нам сцена, картина, роман, кино. А кажется, так перекрестись. Кажется — это блазнится, карзится, мерещится, тут дело нечистое. Искусство — это искус, искушение; искусство — дело искусственное, а не естественное, и вы, дети, и вы, взрослые, совершенно правы, что не ходите в театр. Тем более что там над вами искусно издеваются искушенные в этом деле бесенята драмодельства и искуснейшие дрессировщики актеров, взявшие кличку режиссеров. Не ходите ни в театр, ни в кино, не слушайте искусствоведов, не надо искусственно терять время, его и так всего ничего.

— У меня философия и физика, — начал следующий, — если вам угодно переключиться в иную плоскость. Идя естественным путем, я понял, что философия не может замыкаться на себе, она — часть интеграции Единого (с большой буквы) знания. Никто до конца не понимает квантовую механику, как кто-то выразился, формулы стали умнее ученых. В философии не было своего Ньютона, Евклида, Циолковского, хотя вся наука есть грань касания Единого знания, а значит, и

философии. Главное в философии — принадлежность своему народу, главное в национальности — культурное самоощущение традиций нации. Сверхглавное в философии — понять свою сыновность и Богу и нации...

Не очень-то я любил такое умничанье, поэтому без досады отвлекался на дерганье за рукав. Это был Батюнин:

— Я вот как писать стал, — говорил он, — понял истину: к рукописи нельзя хорошо относиться, она завоображает, закапризничает. Я, чтоб она не воображала, чайник на нее ставлю, и сковородку, тогда дело идет.

Еще меня отвлек... Жирафа. Застенчиво он попросил, чтоб глобалисты дали и ему словечко сказать. Я предупредил, чтоб не больше пяти минут и чтоб что-то важное, и попросил за него.

Жирафа стал тоже говорить о литературе, в частности он сказал:

— Я не защищаю нападки на русских классиков, все они хороши, все они ушли от традиций летописей Нестора и посланий Серапиона, и писем Даниила Заточника, и жанра путешествий игумена Даниила, и Слова о законе и благодати, Бог им судья. Но ведь западные во сто крат грешней. Любого взять. Тот же Дюма, это ж стыд и срам, а не литература. И Мопассан, и Золя, и Бальзак называли Дюма позором французской культуры. А отойдем немного подальше: Рабле — обжорство, пошлость, безбожие, все вроде бы пародия на средневековых феодалов, схоластов, обжор монахов. Славил Маргариту Наваррскую, сами понимаете, неспроста, идеал оракула Божественной бутылки, это ж надо додуматься. Ответ оракула один: «Пей». Тут перекличка с Хайямом, тоже штучка. «Пей, и дьявол тебя доведет до конца», — вот что должно звучать, это цитата из Стивенсона. Угодливые критики называют смех Рабле «хохотом гиганта, потрясающего небесные своды», ну-ну. Вольтер — молодец в одном, с папой спорил, не со своим папой, конечно, его-то папа нотариус, но нет для Вольтера ничего святого, вот его минус. Гейне — любимый поэт Писарева, рыбак рыбака видит издалека. Все вольнодумный народ, все ниспровергатели, хорошо ли это? Народа не знали. Да кого угодно возьмем, даже детскую литературу, братьев Гримм. «Мальчик с пальчик» вывел братьев, не братьев Гримм, своих, а ведь родители уводили их в лес на съедение зверям, им, оказывается, их жалко стало, нечем кормить, пусть волки деток скушают. А почему я про Маргариту Наваррскую выразился, так она же — зеркало «Декамерона» со своим «Гептамероном», а что такое «Декамерон» как не руководство по разврату? Конечно, скажут, что, чтобы обличить порок, надо его показать. Нет, это навязанное соображение. Осуждать грех, а обличать? Кто мы такие, чтобы обличать? Будто кто не знает, где грех, а где добродетель...

Пять моих минут прошли, и я, проскакивая тьму веков, стран и наречий, торопливо делаю вывод о вреде художественной литературы. Публицистика прокричала ей надгробное рыдание и сама тоже скончалась.

ЧЕГО-ЧЕГО, А ПЕЙЗАЖУ ДО ХРЕНА

Оставим дуракам болтовню о вызывании духов, у нас в отделении спиритизма не было, не такие мы дураки. Эти пасьянсы для щекотки нервов раскладывают от сытости и глупости и ожирения мозгов. Увядающие грешницы взбадривают себя страхами, не понимая, что в реальной жизни все страшнее. В какой жизни? В любой и каждой, у Господа нет смерти, сколько можно говорить. Только Его вечность для всех разная, для всех разное будет ожидание Страшного суда, это здешний свет одинаков для всех: и для грешников, и для праведников, и для детей, и для стариков, для всех светит солнце, гуляет по небу млад-светел месяц, стерегущий стада ясных звездочек; и для нечестивцев и для страдальцев идут теплые дожди, цветет мокрая тяжелая сирень, кланяются всем без разбора лесные колокольчики, для всех, даже для сквернословов, поют соловьи, для всех глаз, даже покрасневших от беспробудного пьянства, открыты небеса, снежные горы, лесные дали, зеленые луга, желтые поля, дивные красоты земные! Иди по тропинке и славь Создателя за явленные миру тайны произрастания и цветения. Конечно, тут сразу надо крепко заметить, что мудрецы стараются не пускать в сердце красот земных, ибо они восхитят и восхитят душу от радости ожидания смерти, ибо, прельстясь земными красотами, будет трудно и горестно их покидать, но покидать придется. Нет, не красота спасет мир, а раскаяние. Блеск зарниц, шум водопадов, рассвет над морем — все это преходяще, все это бренно, все это гибельно, не надо этим любоваться, не надо это запоминать, надо одно — спасать душу.

Но как же не замечать красот севера и юга, озер и рек, как не видеть полет чайки, прыжок дельфина, бег рысака, как? Мы, грешники, сидя у костра на сухом бережку и хлопая по заднице бутылку и вышибая ей пробку-голову, разве не восклицаем: «А молодцы мы, Толя, что именно здесь решили выпить!» — «Именно молодцы, — подтверждает Толя, — город — это же спрут, каменные джунгли, асфальт канцерогенен, экология, жены ругаются, мафия кавказская, а здесь! Ты посмотри, сколько здесь пейзажу!» — «Да, Толя, уж чего-чего, а пейзажу здесь до хрена!» — «Комары, сволочи, велики ли, а и те понимают, что здесь лучше».

На утреннем обходе Батюнин вручил мне школьную розовую тетрадку, всю аккуратно и крупно исписанную. Сбоку были подзаголовочки, а вся тетрадь называлась:

БОРЬБА С БЕСАМИ В РОССИИ

Начало рассуждения

Оглянитесь вокруг — все работает: по полям ходят трактора и комбайны, гудят станки, движутся конвейеры, на лугах пасутся стада... Почему же ничего нет? Даже в войну не было такого снабжения и такого уныния и разъединенности людей. Человек изменился, нет ему радости жизни, не слышно на улице смеха, гармони и шуток. Хотя внешне мы одеваемся не хуже, а лучше иностранцев (у них больше блеска, но это блеск вредной для здоровья синтетики). Все замкнуты, все ушли в себя, и одновременно раздражительны, вспыхивают в транспорте ссоры, в магазинах склоки, причем даже не с грабителями по ту сторону прилавка, а друг с другом. То есть все страдающие еще и увеличивают страдания себе и таким же страдальцам?

Почему так? Почему детей выпихивают в детские дома, родителей сдают в инвалидные дома смертников? Говорят, нечем кормить, но что-то не слышно, чтоб сдавали в собачий приемник дорогую собаку. Люди стали эгоистичны, труд — главное содержание жизни — стал им в тягость, они хотят только удовольствий. Но удовольствия их тяжелы, мрачны, кратки и развратны. Дети говорят только о деньгах, книг не читают, даже девочки вовсю курят, их уже не отличить по одежде от мальчиков.

Где мы, о какой стране говорим?

Если бы деды встали из гробов, они не поверили бы, что я говорю о России. Решите краткую задачу. Ее условие: ты включаешь телевизор и ни по одной программе ты не видишь ни одного русского лица. Вопрос: в какой стране ты находишься? В России? Да, ответ правильный, в России. Именно в России, где культ денег был презираем, деньги стали на первом плане, желтый дьявол уже не только машет хвостом, но все пожирает: семью и общество. Одних обилием денег, других их отсутствием. Именно в России стало не стыдно «зарабатывать» деньги чем угодно: порнографией, развратом, грабежом, спекуляцией, мало того, в России оказалось правительство, поощряющее все это: взяточничество, пошлость, насилие. Усилилась агрессивность, развивается цинизм, человек не надеется больше на государство. У нации нет духовных лидеров, а если есть, их не слышат.

В чем причина этого ужаса?

И не просто ужаса, апокалиптического конца света, ибо воцарился в России антихрист. И хотя еще не конец света (хотя в одной из работ я попытаюсь доказать, что конец света уже состоялся), но все признаки налицо. Причина такого общерусского поражения в том, что сатана вмешался в глубины основ русского характера. Дошло до того, что образ честного труженика заменен образом бандита, дельца, биржевика, рэкетира и брокера. Искажена человеческая психика. А психика и жизнь духа тесно связаны. Вот отчего честные правдоискатели в нашем обществе объявляются больными. Ведь если психику вывести из нормы, это действует на общее состояние человека: ухудшается здоровье, снижаются творческие силы, теряется энергия. Именно на выведение из себя русского человека направили свои усилия сатана и его команда.

Какие наносятся удары, по каким разделам характера?

Труд для русского человека не был средством обогащения, деньги для русского — не цель, а возможность делать добрые дела. Вспомните, с какой злобой взрывались наши церкви, построенные на народные деньги, на пожертвования состоятельных людей. В деньгах навязана цель, внушается, что они — возможность удовольствий, а это останавливает рост духовной жизни. Но удар деньгами — удар всегда индивидуальный, а как же действуют на психику целой нации? А так — люди включены в природу, биологические законы природы равноценны для людей. Поэтому идет удар по природе. Мы не знаем, что едим, какую воду пьем, сроки русской жизни резко сокращены. А те, кто живут долго, уже не живут, а просто существуют как тени. Чем мы дышим?

Убивается национальное своеобразие: национальная русская музыка, костюм, кухня, обряды, национальный орнамент, угасли песни и сказки, пословицы и поговорки больше не помогают, ибо забыты, как и легенды. Остались пошлые

анекдоты, политические, развратные и к тому же опошляющие русскую нацию. Традиции есть школа жизни, такая школа не проходится, в жизнь выходят недоумки с высоким самомнением.

Когда труд — не радость, а природа — не друг, возникает сдвиг в сознании и бесцельность существования. Тут плодятся всякие спириты и секты, тут путь к самоубийствам, потому что сататна доводит до безвыходного положения, это тот момент, когда он потирает мохнатые руки.

Русских все меньше и меньше. Детство вспоминается солнечным сиянием и обилием детских голосов, где они? Разве их нерождение не такое же убийство, как и преждевременная смерть?

Куда уходит русская сила? Сила уходит на борьбу с искажением психики, на творческий труд ничего не останется. Искаженная психика получается от нарушения здоровья. Курить вредно, возьмем этот простой случай. Реклама сигарет такая заманчивая, табачные киоски сверкают ярче новогодних елок, тут же сверкание питейных этикеток, на плакатах мужественные скалозубые киногерои рекламируют этот смертоносный товар. Мы идем мимо, но нас окружают рекламные фотографии, женщины идут с модными сумками, на них все те же призывы к красивой жизни с сигаретами и выпивкой. В видеосюжетах, музыкальных клипах все мелькает, но поневоле (именно поневоле), насильно внедряется в сознание и требует подражания, особенно у подростков, этот тип волевого, курящего, пьющего «настоящего» человека. Подражательная сила в характере подростка превышает все остальное. Именно подражание героям уголовного или спортивного мира искалечило миллионы жизней. Реклама сигарет и спиртного бесстыдна, нагла, настырна и хитра. Пенистое, янтарское пиво, белоснежные фонтаны шампанского, солнечность коньяка и виски... Выражение лиц у поднимающих бокалы в рекламе, кино, на подписании соглашений, на всяких презентациях таково, что именно так и следует поступать в жизни, что вот это-то (бокал в руках, сигарета в зубах) и есть жизнь, выбор единственно правильный, и попробуй тут докажи, что от выпивки и курения гибель и смерть, порча крови, понижение рассудка, помрачение памяти, старение.

Пороки возникают от отсутствия любви Конец застолий: дым мокрых окурков, осколки тарелок, блевотина, искаженные, злые, тупые, оскотинившиеся лица. Но кто же будет рекламировать это безобразие? Конечно, кто-то может останавливаться, но этот кто-то так и живет всю жизнь в постоянном желании выпить и в постоянном понимании, что выпивка вредит его положению в обществе и что вместе с тем без выпивки в этом обществе не прожить. Особенно это заметно по комсомолу. Там непьющие не удерживаются, но и сильно пьющие тоже, там делают карьеру умеющие пить. Но что надо заметить: одна из причин выпивки — желание любви, но здесь под любовью понимается животное сближение полов. Но даже и для такого сближения нужна хотя бы иллюзия любви, отсюда и выпивка, возбуждение крови, обильная мясная еда. Партнершу заставляют выпить еще и для того, чтобы не был противен запах перегара из отравленного желудка партнера.

Словесная реклама словесной продукции Среди бесовских методов обработки русской психики главная роль отводится оружию слова. Когда читаешь на свежую голову все эти издания «Всхлипгазет», «Столичных мукомольцев», всяких «Обозрений», то диву даешься обилию злобы на все русское. Но когда кто-то втягивается в регулярное чтение-потребление, то становится обработанным этим ядом и сам становится носителем антирусской заразы. Идет подписная кампания «Выписывайте «Всхлипгазету»!» На ней профиль Пушкина. В рекламе сообщено, что такая газета должна быть (почему должна?) в каждой интеллигентной семье, что эту газету читают президенты и бизнесмены, академики. Нормальный человек сказал бы: «Ну и читайте, если вам больше читать нечего, я-то при чем?», нет, тут удар по подсознанию, хочется ж быть в читающей элите, путь легок: читешь «Всхлипгазету» — ты уже свой, элитарен, другим языком — ты уже куплен, причем за свои же деньги. И какую бы антирусскую ересь ни порола шестнадцатиполосная гадюка, ты обязан, как пес, перелаивать ее содержание и защищать ее. Тем более сообщается, что «Всхлипгазета» популярна на Западе. А последние двести-триста лет русским вбивается в сознание, что Запад нас впереди, надо ему подражать. Опять же здоровый ум с нормальной психикой сказал бы: пусть Париж шьет моды дорогим содержанкам, да пусть ходит в наших сапогах, да пусть всякие мсье Жаны изгибаются над прическами, нет, Запад оказывается диктатором.

Оружием слова не только подавляется или искажается психика, она еще и возбуждается, что тоже выводит ее из нормы. Предки-язычники слово считали Божеством (как и ранние христиане). То же относилось и к изображению. Сейчас слово и изображение, особенно в рекламах всяких интимностей, стало чувственным, утратило целомудрие, стало средством разврата.

Слово как средство видимости работы Бесовское оружие специально пустых разговоров хорошо доказывать, слушая парламентские дискуссии. Все помнят, как мы ночи не спали, слушая трансляцию съездов депутатов, и очень нескоро и до очень немногих дошла дьявольская хитрость умножения таких якобы полезных дебатов. Почему якобы? Потому что выступления полны страсти или негодования, борьбы за счастье народное, депутаты (по-русски — парламентеры) горячатся, дело доходит до драки, председатель (по-русски — спикер) прерывает, дирижирует, кипит работа. За неделю принято десять законов, в следующую двадцать — и что? И где те законы и кто их выполняет, и где то счастье народное, где тот народ? А народ, разинувши рот, снова слушает краснобаев. Человеконенавистнические силы все решают, все дела обстряпывают и обтяпывают за пределами съезда, а чаще все решают еще до открытия шлюзов словесного поноса. Когда у бесов появляется серьезный противник в том же Верховном Совете (парламенте, а в переводе с итальянского — говорильне), то бесы его обливают сиропом, для начала, говоря непрерывно в лицо во всех перерывах и между ними: «Вы потрясли эту сонную атмосферу, вы — настоящий боец, только такие, как Вы, спасут Россию, я всем говорю, что именно Вы могли бы возглавить правительство, а не эти потомки тимуровцев», — и тому подобное. Пускается в ход лесть о близости к народу, знании народных нужд, а для лести, говаривал старик Крылов, всегда отыщется в душе уголок. Борец с бесами незаметно для себя начинает поддерживать взгляды бесов, или хотя бы не выступает против них, ему неудобно же быть противником таких горячих его союзников, так его понимающих.

Но бывает у бесов и осечка, редко, но бывает. Какой-то депутат не поддается оглушению трескотней лести, смывает с себя водой самокритики сироп эпитетов, тогда против него обрушивается тоже испытанный прием объявления его некомпетентным, поверхностным, выскочкой, просто дураком, намекается о его нечистых делишках, замешанности во взятках, а особенно верят в то, что именно от него забеременела секретарша и с горя утопилась, но, точнее всего, что он сам ее утопил. «Какой-то он странный, — говорят о нем, пожимая плечами, — не знает простых вещей, он случайный человек, куда смотрели избиратели, ловко же работают национал-патриоты, кого подсунули, надо организовать его отзыв», — и опять же тому подобное.

Метод ложки дегтя в бочке меда Не бывает ни одного русского объединения, фонда, комитета, союза, движения, ассоциации, бюро, чего угодно, что не находилось бы под постоянным контролем бесовских сил. Мало того, не бывает ни одного собрания, сходки, сбора, митинга, чего угодно, куда б не были внедрены человеконенавистнические силы. Как бы умно, толково, проникновенно, дальновидно ни выступал докладчик, всегда вылезет кто-то с провокационным выступлением или вопросом, специально, чтоб назавтра только об этом инциденте и говорили. Такие мероприятия для средств массовой информации снимают и монтируют люди с внедренным в сознание синдромом ненависти к России. Они обязательно подстерегают неловкие моменты мероприятия, некрасивых людей, а чаще всего снимают своих подсадных, кричащих уток, мол, смотрите, вот эти русские борцы. Любое благородное течение поганится мерзкими струями провокаций изнутри и снаружи.

Словесные карусели И еще есть метод заматывания любого дела, это словесная карусель, окрошка бессмысленных выступлений, запросов и вопросов. Какого угодно гиганта можно свалить занудностью, однообразием вопросов и просьбами повторить снова и снова всем известное. Это, кстати, метод следователей, которые вырывают признание изматыванием сил, обвиняемый «раскалывается» от возникающего желания избавиться от такого следователя. Втягивание в необходимость отвечать на вопросы об элементарных вещах преследует две цели: спрашиваемый теряет силы и он же представляется неумным. Это по отношению к русским. Сами же бесы владеют каруселью слов блестяще, они так уверенно говорят вздор и глупости, с таким апломбом, с таким видом знатоков, что невозможно даже и сказать, что это глупость. Важен не смысл, важно, как они держатся, публике, особенно женщинам, нравится твердость, напористость, им не важен смысл, они симпатизируют уверенным в себе (вспомним депутатов Волчака и Елина, не осталось глупости, которую они не сказали бы, не осталось тупиков, куда они не завели бы,

но все равно слабонервные женщины их защищают, как же — любимые актеры). Подумать же о том, что твердость, упрямство, напористость — черты прежде всего бараньи, женщинам трудно. Двигатель мысли — сомнение. Эта простая мысль недоступна женщинам. Им понятнее дикие фразы «глоток демократии», «берите суверенитет, берите, кто сколько может», «демократические реформы реформ демократии».

Извращено понятие свободы

Православие считает свободу способностью человека бороться с пороками, бесы же внушают мысль, что свобода — это делай то, что хочется. А хочется удовольствий и безмятежности. Свобода — это не радость, а обязанность, а демократы внушили, что свобода — это независимость от других, хотя мысль эта вредна необычайно, как это быть независимым, если мы все связаны друг с другом исторически. Края и области отравлены наркотическим действием слов «свобода», «независимость», «суверенность». Тот, кто борется за свои права, за сохранение союзного жизненного пространства, объявляется врагом свободы. Поглядим реально: пришла свобода. Какая? Свобода быть бесправным, свобода жулью, ворью, мафии любой окраски, тебя очень свободно бьют по голове и плакать не дают. Самое смешное в том, что когда демократы перегораживали днями и ночами все улицы, оглушали всех криками, никто не говорил, что они мешают уличному движению и общественному спокойствию, еще бы — бьются за свободу. Когда демократы победили, они всякую манифестацию записали в беззаконные. Но об этом даже и говорить, тем более писать в тетрадь, противно и бессмысленно.

Какой сейчас общественный строй?

Сейчас никакой. Не социализм, не капитализм, сейчас сволочизм. Победила гордыня, зависть, тщеславие, снова блеск тельца, шуршание ассигнаций увлекли кое-кого. Надолго ли? И как же так нас обманули? Разве мы не радовались, что пришел руководитель, что он говорит не по бумажке, что челюсть у него работает, да и еще с народом говорит? Как же в нас вошла отрава?

Бесы использовали лень человека, его инертность

Бесы отлично знают, что русский человек доверчив, поэтому в него легко вливается отрава пропаганды, газет, радио, телевизора. Вдобавок русский человек сострадателен, его легко поднять на защиту слабых, угнетенных. На этих чертах доверчивости и сострадательности было гениально сыграно демократическое либретто нового закабаления России. Пропаганда заголосила о новых героях. Тухачевский расстреливал крестьян, Бухарин воспевал расстрелы как средство воспитания — давай их в герои. Нужны усилия сознания, чтобы противостоять оболваниванию, а на эти усилия масса (именно масса) мало способна. Она покоряется тому, что новые портреты висят в красных уголках современности, что современные жулики власти — тоже герои. И сколько массе ни говори: ты посмотри на эту харю, ты посмотри, на ней все написано, нет статей в кодексе, по которым нельзя бы такую харю судить, масса отвечает: «А что ж тогда нам по телевизору говорят, что харя хорошая, о нас заботится». Причем о харе говорит такая же харя, только еще харее и хитрее. Когда харя отрабатывает свое, то другие закулисные хари ее убирают, а телевизионные мальчики и девочки сообщают, что харя не оправдала доверия, но вот уже этот (показывают) будет всех лучше. И так далее. Разве не купила голоса избирательской массы масса прохвостов тем, что боролась с привилегиями номенклатуры? Войдя в нее, они стали хапать вдвое-вчетверо больше прежних, но сказать им это стало нельзя, они узаконили спекуляцию, взятки, прославили обогащение. Масса, конечно, возмущена, но как спросить со своих избранников, когда ей внушили, что идем к образу и подобию цивилизованных государств. Масса устроила лежачую забастовку, лежит на диванах у телевизоров, возмущается. И это уже не масса избирателей, а масса баранов, стричь которых одно удовольствие.

Предметно-физическая психообработка

В нее входит нарушение привычного для русских расположения предметов, особенно искажение пространства. Самый простой пример — заборы. Недавно в России прошла кампания по их снесению, и сразу появились голые пространства в городах и поселках, пыль и грязь. Ведь забор — это не отгораживание от мира, это организация пространства вокруг жилья. Мы не имеем в виду огромные охраняемые заборы номенклатурных дач, про которые поется в блатной песне: «А за городом заборы, за заборами вожди», нет, речь об изгородях палисадников, одвориц, домов, огородов, которые даже и происходят от слова «ограда». Заборы объявлены наследием прошлого. Нам бы ответить: да, это наследие, да, нашего прошлого, но наследие необходимое. Нет, мы покорно, как тупые ослы, снесли оградки, вытоптали зелень, дышим

пылью. Даже кладбищенские оградки — и те вне закона. А ведь оградка над могилкой — это знак выделенности ее, принадлежности роду, последнее пристанище. Даже и оно нарушено.

Использование обычаев

Уважающий русские обычаи уважается русскими людьми. Это черта любого народа. Но вряд ли где используется обычай народа против народа. Встает бес в застолье и говорит: «Предлагаю выпить согласно старинному русскому обычаю». Ну как не выпить с таким человеком? Русский человек пьет от души, по полной, а бесы только пригубливают, для них высшая радость упоить русского, посмеяться над ним, внести разлад в семью, вырвать по пьянке любое обязательство. Непьющий, некурящий русский человек страшен бесам. Это, к слову сказать, старинный русский обычай быть в трезвости и ясности ума. Бесы пускают в ход против трезвых людей оружие клеветы. Давно ли было оклеветано движение за трезвость? А ведь это движение давало хорошие результаты (данные академика Углова).

Вообще о клевете общее замечание: всегда надо быть внимательным к тому человеку, о котором говорят плохое. Кто говорит, с какой целью — это важнее, чем то, что говорят.

Еще о нарушении привычного

Когда скверы и парки — распивочные площадки, места торговой спекуляции, проституции и наркомании, в эти парки не пойдешь посидеть, поговорить, погулять с детьми. Мусор и вытоптанность выводят из себя. Здесь бесы используют принцип, который назовем левосторонним движением. Бесы за левым плечом, куда мы плюемся, отрекаясь от сатаны. Бесы стараются заставлять нас чаще держаться левой стороны. Так приглушается естественное ощущение ожидания опасности слева, происходит напряжение для головы, смена движения влияет на самочувствие. Можно вывести человека из себя самым примитивным образом — закрыть туалет, который кто-то замусорил, люди бегут за угол, запах, мухи, грязь, гадость, помойка, вороны и крысы появляются недели за две. Убрать урны — окурки летят на тротуар, и так далее. Какое будет настроение у человека? Плохое. Да еще бесы визжат во всех частях света: русские свиньи, как будто не они сами загадили Россию, ведь чистота для русских естественна как дыхание. Бани в России были еще с доапостольских времен. Русским духов не надо, чтоб скрывать запахи тела.

Бесы боятся, что их разоблачат

К каждому мыслящему русскому прикреплен, как тень, как двойник, бес. Он входит в друзья, знает на случай шантажа ваши большие и малые грехи, втравливает в бессмысленную трату времени, в удовольствия, предлагает постоянно что-то «для разрядки», внушает, как вы ему дороги, как вы устали от трудов, как вам надо отдохнуть. Почему же русский человек не стряхнет со своих плеч бесовских слуг? Ну, во-первых, они в человечьем доброжелательном обличье, во-вторых, русский всегда готов выслушать, прийти на помощь, к сожалению, скорее, не к своим ближним, а к кому угодно. Русский готов понять любого. Но именно того, что их поймут, бесы боятся больше всего. Но и всегда избегают этого методом втирания в друзья и методом вызывания на разговор. В какой области? Для человеческих существ низшего рода хватает погоды и спорта, для среднего — разговоров о ценах и плохом правительстве, для тех же, кого бесы боятся, для кого животные потребности не составляют ценности, бесы затевают разговоры в печати и устно на высшем уровне. Например, положение русских в ближнем зарубежье. Подходят:

— Ну, скажите же ради Христа (о, бесы даже самое святое имя не боятся употребить ради борьбы с Христом), скажите, ведь русский народ во многом перешел на положение малого народа, не так ли? Скажите, ведь это историческая справедливость, да, конечно же?

Как тут остаться спокойным, русские все принимают близко к сердцу, а это бесам как раз и надо, они подбрасывают новые нелепости, даже бессмыслицы, облеченные в важные проблемы. Опять же очень кстати сказать, что приставка «бес-без» означает распад, разъединение: бес-сознание, без-мыслие, без-образие, бес-плодие и далее соответственно.

— Надо же бороться, — кричат бесы, — надо добиваться прав! — Их цель возмутить, вывести из себя. — Надо организовать митинг, надо ударить по этому антирусскому правительству.

На митинге бес рядом, подзуживает, на милиционеров кричит, у него все фашисты, а то, что он сам фашист, это он знает, да нам не скажет. Сам он при стрессовом состоянии митинга спокойнехонек, чего ему волноваться, он выполняет поставленную перед ним задачу — выводить из себя прикрепленное лицо, вытягивать из него нервы и наматывать на свой кулак. Бесы — гениальные вампиры, пьют нервную

энергию, ею питаются. Замечал ли ты, друг мой ситный, как покидают тебя нервные силы после одного разговора с бесом на улице или по телефону. Ты уже с утра такой, как будто кирпичи грузил, а еще и рабочий день не начинался.

Главные черты русского характера

Слово для русских язычников было равно грому небесному, оно могло воскресить, убить, ранить, могло дать счастье, сделать несчастным, прогоняло болезни, останавливало кровь, укрощало злых духов, из язычества пришло слово «очертить», то есть сделать черту, за которую нельзя переступать нечистому, но надо было знать «слово». Словами сопровождали посадку и уборку, все времена года, все виды работ. Заклинания усиливали мощь воинов в битве. На смену заговорам, заклинаниям, нашептываниям, закличкам, причитаниям Господь дал величайшее всепобеждающее оружие: крест и молитву. Магическое значение слов одушевлялось Божественным смыслом.

Именно молитва была главной в выработке главных черт русского характера, они таковы: чувство согласия, единения, уважения к старикам, почитание могил, мужество, помощь слабым, забота о природе, милосердие и мужество, чутье правды и истины, воспитание разума, открытость, незлобивость, терпение, усердие, добросовестность, прощение врагов, чувство долга и гостеприимство. Хитрость отсутствовала в русских, ибо нигде в молитвах она не внушалась, напротив, была опознавательным знаком змия. Русские были простодушны, как полевые цветы. Эти качества вошли в сознание и подсознание, в состав национальной психики, в структуру генов, своими качествами русский не гордится, они — его естественная натура.

Так вот, задевая, искажая эти качества характера русского человека, искажают его психику. Многое, например, целомудрие, стыд объявляются смешными, а это путь к трагедиям в семье и разврату, и тому подобное.

Вспомним благословение, с каким выносится для чтения Евангелие. Таково было отношение русских к Слову, вера в него. И эту веру бесовски использовали антирусские силы. Самая откровенная печатная ложь читается с доверием, ведь это же напечатано, рассуждают люди. От лжи, которая сдабривается полуправдой, теряется ориентация, ясность мышления. Тем более добавляют охмуряющего дымного чада всякие «Костерки», «Массовые новости», «Всхлипгазеты», повторяющие визгливыми голосами, что русский человек плохой работник, раб, ни на что не способен. Да, русский человек — раб, но раб Божий, в этом все дело, а враги русского человека — рабы куска, кормушки, мафии, бича. Например, в газете с диким названием «Советская культура» (культура может быть только национальной: армянской, украинской, башкирской, татарской...), в этой газете долгие годы был лозунг: «Превратим Сибирь в край высокой культуры». Это о Сибири, историческом крае высочайшей культуры, которая убивалась и опошлялась теми же газетами и грабилась воспитанниками этих газет. Любовью к отечеству крепится любое государство, наше чернильное стадо оплевывает патриотизм. Мечта о мировом господстве объявлена любовью рассеянной нации к исторической родине, любовь же к России — шовинизм. Я очень понимаю еврея, который рвется в Израиль, если б меня занесло судьбой в Израиль, я бы оттуда рвался на родину, ушел бы пешком.

Цель печатного слова

Только русское терпение можно испытывать бесконечно. Хотя уже и оно плохо помогает русским. Русская психика подавлена или раздражена. В переводе на отдельного человека это означает слабость, вялость, апатию, быструю усталость, чувство одиночества, обиды, осознание, что некому за тебя заступиться. Еще бы, главное чувство человека — любовь к родине — объявляется чем-то нехорошим. Цель газет и журналов — довести русских до состояния дебилов и биороботов. Потоки слов захлестывают нас, как мутная вода прорванной плотины, нас несет направленное к пропасти течение. Русские, доказывают демократические органы, быдло, грязные животные. Русские дворяне возникли из какой угодно нации, только не из русской, — доказывают так успешно, что уже в прошедшие времена сами дворяне гордились, что они предки какого-то осман-паши-бея, предки кучеров и парикмахеров из Бордо. А если нет сил доказать, что Достоевский, Шаляпин, Шолохов, Ильин, Чайковский, Шмелев, Бунин, другие русские обошлись без иностранной помощи, то надо свести на нет их патриотическое творчество. Не получается — надо оболгать. Граждане из Веймара, как описанный Есениным тип, прибывший в Россию «укрощать дураков и зверей», считают, что русских можно выдрессировать. А не удается дрессировка, они и это ставят в вину русским, как же это так, что не хотят опускаться до уровня зверя, которого дрессируют. Наша брезгливость связываться с ними объявляется нашим поражением и слабостью. А тот, кто ввязывается в споры с бесами, вскоре вынужден доказывать, что он не верблюд, не шовинист, не антисемит, что он всего-навсего сказал, что Шагал — гениальный еврейский художник. Ведь не стесняется же писатель Анатолий

Рыбаков награды Тель-Авивского университета себе как еврейскому советскому писателю, вот с кого надо брать пример.

В орудии слова нет ничего нового долгие десятилетия: Иван Грозный — кровавый царь, Лермонтов — швед, арап Пушкин воевал с самодержавием, Николай — кровавый, и тому подобное. Слышать это обидно. Оскорбленное чувство справедливости побуждает русских защищаться, а бесам только это и надо, еще бы — их считают за людей. Им всерьез доказывают, что Грозный полезнее Петра, что Павел не солдафон, а патриот России, но кто ж из бесов этого не знает? Все они знают, но им дела нет до правды русской истории, им есть дело — уничтожить русскость, русскую душу. Они видят, что вывоз сырья, нефти, леса, минералов, золота никак не влияет на русское отношение к жизни, и вот тут теряются. Как же так? Для бесов главное — золото, власть, русские не цепляются ни за то, ни за другое.

Как надо бороться с бесами?

Борьба с бесами есть, и очень эффективная, — надо делать свое трудовое дело и не обращать на них внимания. Не тронь дерьмо, оно не воняет, — грубо, но точно говорит пословица. Человеку противно обвинение в воровстве и лени, но пусть человек пожмет на это плечами и идет своей дорогой. Негодяев не переделать, а дуракам надо умнеть. Если бесы называют нашу страну страной дураков, пьяниц, воров, что ж они сами живут в такой стране, такие благородные, выметайтесь отсюда. Вы — гости, мы относимся к вам как к гостям. Но ведь гостят день, неделю, месяц, год, но не три же столетия. Если бочка меда надежно закрыта, то она сохранится и в море дегтя. Еще важнейшее в борьбе — наращивание любви к России. Бесы страшно боятся нашей любви к родине. Русский оттого еще русский, что в нем постоянная связь с прошлым родины, что он не робот-европеец, живущий современностью. Враги России не понимают, что своей ненавистью к русским они как раз помогают русским обрести национальное достоинство. Тот, кто втаптывает чужие святыни в грязь, грязен сам и неотмываемо, а святыня пребудет нетленной. Ну-ка убейте Чайковского и Достоевского, Рублева и преподобного Сергия, ну-ка. А объявить, что всякие Черненки, Андроповы, Хрущевы — русская культура? Даже и не русская политика.

Смирительная рубашка — страх

Страх в подсознании переходит в инстинкт поступков. Бесы мастера запугивать. Существуют разные степени страха: застенчивость, боязнь, стеснительность, испуг. Бесы — наглецы, пользуются хорошими качествами стеснительности, застенчивости, они развивают их, превращают в комплекс. Методы просты. Прививается боязнь за здоровье. «Вы ужасно выглядите». Это скажут вам десять человек десятки раз, вы человек мнительный, вы и в самом деле заумираете. «Вы так легко одеты, простудитесь». Будете кутаться, не закалитесь: свежий воздух — главный целитель при простудах. «Не сидите у окна, продует», «Не ходите в легких туфлях». Одними только бесконечными разговорами о болезнях сатана прочно держит нас в страхе за жизнь. Как бороться? Сатанята боятся смелости. Проверьте себя так: в Крещенскую ночь, как бы вы себя ни чувствовали, в полночь идите босиком на снег, выкупайтесь в Иорданской проруби, будет только польза, даже не чихнете.

Замена естественных исцелений: бани, воды, воздуха — химическими препаратами убивает волю к жизни, внедряет страх, начинается самовнушение все новых и новых болезней.

Я дочитал. В конце были оставлены два чистых листочка и просьба перед ними: «Для согласных и несогласных замечаний».

Решил отдать читать по кругу и глобалистам, и обыкновенным.

Наши заседания продолжались. Вечером этого дня на меня набросился Петя. Петя был не один в этом набрасывании, много было Петей по палатам.

— По какому праву вы говорите от имени всего русского народа?

Но не успел я собраться с мыслями, как поднялся мой двойник, Алексей, и заговорил:

ИМ ПЛЕВАТЬ НА ЗАКОНЫ, У НИХ-СУДЬИ ЗНАКОМЫ

— Господа детишки, кто-то из вас задал интересный вопрос: по какому праву я говорю от имени всего русского народа? А по такому, что я — русский, вот и все тут мои полномочия. Забавное дело — кто только не кусает русских, а жить без них не могут. Тут уж все как на пень наехали. Вам, детишки, что ни скажи, всему не верите. Не верите, что демократию сделали плутократы для управления дураками, не верите? Зря. Именно так. Создали с помощью науки демагогии. Кто у нас демагогию преподает? В отпуске? Неважно. Включите телевизор, она вся тут. Запишите:

демократию создали плутократы с помощью демагогии для управления народом, для внушения ему мысли, что он управляет своей судьбой. Народ поверил, от этого-то демократы числят его быдлом. Все равно не верите? Простой пример: была Россия, стала СССРом. Размеры поменьше, но жить можно. Жили. Демократы видят, что СССР настолько могуч, что и считаться с собой заставляет, ботинком по трибуне стучит, надо что-то делать. Надо все скрепы ослабить, надо партию обгадить, армию и госбезопасность. Дали задание демагогам, те вприскачку заплясали, сделали, трех лет не прошло, задание выполнили, дуракам внушили, что партия — бяка, армия — дедовщина, а КГБ — застенки. Дураки верят. Дуракам говорят, что демократия — власть народа, дураки верят. Однако, дураки-то дураки, а понимают, что жить в державе безопаснее и зажиточней, сытнее. Голосуют за единое пространство, за сохранение СССР. Проголосовали, рады. И кто послушал сей глас народа? Где тот глас и где тот СССР? Очень рады демонкраты, домокрады и дерьмократы, как назвал их опомнившийся, но связанный народ. Ворочается в силках, кричит, хрипит, а голос слаб, тонок. Кому скажешь, кто поймет? В суд подать? А слугам сатаны смешно, им плевать на законы, у них судьи знакомы. В ООН? Там и подавно они, там русским ходу нет, там от их имени говорят нерусские, прямо беда. Ах, как возмущаются моими словами те, кто якобы о России пекутся. Именно якобы. Привожу пример международной политики: мы разоружаемся, враги остаются сильными, это как? Это, скажете, русские делают? Может, и есть какие, купленные, а скорее, одураченные.

РАЗГОВОР С ПЕТЕЙ

Сдвинулся мир, но куда конкретно, в какую сторону? Вправо, влево? И туда и сюда враз, от того тошнит, и как иначе; тот тянет влево, рвет глотку и свою и чужую, тот вправо, кулачком у микрофона трясет, — народ смотрит на них, вертит головой справа налево и слева направо — голова кружится. Ну их всех, думает народ и превращается в массу, которая хочет только футбол смотреть да брюхо набивать, а именно такую массу очень желательно правительству иметь. Этой массе вместе с футболом и рекламой вбивается в мозги следующая демократическая мысль: а не пора ли отсталой России в европейское содружество, в европейский, понимаете ли, дом, так сказать, в единое экономическое пространство, а перспективы какие: мир — это семья, это единое государство, вот куда Россия залетает. Лежит Петя, смотрит известия — кругом беда, надо, надо, шлепает толстыми губами очередной демократ, надо нам войска чужие звать, порядок наводить. Ошарашит Петя полбанки пойла, думает: самому мне идти на защиту рубежей страшно. Это Петя наедине с собою рассуждает, а на людях Петя вещает так, как ему внушено: мы-де со времен Рюриков порядка сами наводить не умели, оттого все наперекосяк, надо сюда войска ООН, голубые каски. Когда Пете говорят, что все беды наши оттого, что чужим умом правительство живет, Петя для виду соглашается, но торопится домой, ибо там кубок сезона и шестьдесят шестая серия опять же чужого фильма, а также полбанки.

Петя очень не хочет верить тому, что на шее России затягивается петля, ему это знать неприятно. Но при всей своей трусости и страхе за свое скотское прозябание Петя не может не знать, что в едином мировом государстве и экономическом пространстве должен быть один государственный язык, Пете придется учить язык, придется считать что почем. А не выучит Петя язык, его и заставлять не будут — Петя есть скот и быдло для хозяев, Пете поставят клеймо на лоб, присвоят номер, дадут карточку для магазина, живи, Петя! И будет Петя жить. А станет Пете грустно среди пайков, разврата, однотипности, загрустит Петя генами нации, Пете ряженых покажут, калинку и казачка перед ним спляшут, матрешку выдадут за безропотный труд, сарафан жене, и так далее. Оставлял же нам все это Гитлер, уважал же он низменные потребности рабов рейха, демократы будут еще сильнее заботиться, они даже бастовать разрешают.

БАСТУЙ, ПЕТЯ!

Бастуй, добивайся улучшения жизни. Какого улучшения? Барахольно-желудочного, другого тебе, Петя, добиваться не дадут. Зарплату требуй, снижения цен на питание требуй, а вот чтобы не развращали, не спаивали, не оглушали пропагандой насилия, пошлости и разврата, этого ты, Петя, требовать не смей, учись у шахтеров. У них были только экономические требования, ну еще кой-какие социальные, а в остальном как были управляемы, внушаемы, так и остались, сунули им пайку в зубы, за это на шею сели и ножки свесили.

Пришел раз Петя бастовать на телевидение, вернее, к нему, внутрь не пустили, требовал Петя права голоса, не дали. Дали от имени Пети бесам из Петиной среды.

А когда те, кто поумнее Пети, стали недовольны, их по голове такие же Пети, прикормленные зарплатой и вдохновленные безнаказанностью, стали бить. Мало этого? Взяли и объявили, что эти забастовщики против футбола и многосерийности, и что? Смахнули бастующих тысячи тех, кто уже жить без футбола не может. И те были русские, и эти. И с дубинками были русские, и головы, по которым били дубинками, тоже были русские. Ну как же над нами не издеваться, как же над нами после этого не смеяться, как же нас за быдло не считать?

Умнеть надо, Петя.

Ну хотя бы с античности начать. Вот тебе, Петя, старик Лосев привет передает, читай: «Аристотель учил об энтелехии, которая есть не что иное, как потенциально-энергийное и притом эйдетическое (понял, Петя, — притом!) становление всего существующего. Это следствие дистинктивно-дескриптивного характера философии Аристотеля. Это, с одной стороны (с одной, Петя, все-таки) связывало Аристотеля с ноуменализмом Платона и с веком эллинизма. В принципе энтелехии объективная субстанциональность получила окончательную форму абстрактно-всеобщего становления категорий. Дальше наступало время не просто субстанционализма и взаимопроникновения логических категорий...» Ну, Петя, дальше потом. Учи, тут будут мостики к современности. Не засыпай, пока не выучишь, понял?

ПЕТЯ НЕ УСНУЛ

Потому что чуть башку не свихнул. Пожалеть Петю? Ни за что! Мы хотели его к России подвести через эллинизм, платонизм и византизм, но дубоват Петя, дубоват весьма и зело. Петя, ты хороший парень, но лодырь, каких свет не видел. И ты не один такой, куда ни глянь — всюду Пети. Вот кричат: жидо-масоны, жидо-масоны, держи их, от них вся путаница, они везде и кругом, далеко и близко, слева и справа, сзади и спереди, во сне и наяву, прямо беда. Позвольте, Пети, сообщить вам, что вот эту самую мысль, что кругом масоны, что куда ни плюнь — в масона попадешь, эту мысль как раз масоны и внушают. Как будто они не знают, что Блаватская — обер-бесовка, что Гарибальди — масон из масонов, и так далее, этим, что ли, их удивить? Они это давно знают и знали, а нам это знать уже поздно: дело сделано, маши, Петя, кулаками и флагами, и лозунгами после драки, весели масонов.

Давая Пете задание, я хотел подвести его к книге Платона «О государстве», о том, как химичится демократия в лабораториях плутократов, как с помощью демагогии (это, Петя, наука такая, ее даже преподавали во времена античности, а у нас ею и так владеют), как с помощью демагогии охмуряются массы (такие, как ты, русский Петя), но разве Петя поверит? Дубинкой по голове — это он понимает, но и тут не умнеет, ибо потрясен и поражен страшной мыслью: его, русского, ударил по голове тоже русский! Ничего, держись. Тяжело в ученье, говорил Суворов.

К масонам мы потом еще вернемся. Хотя почему оставлять на потом, надо о них сейчас же закончить. Если они так охотно через разных берберовых рассказывают о своих якобы тайнах, это значит одно — они ушли в более тайные организации, куда Петям ходу нет, но откуда одних Петей прикармливают, других обижают и натравливают на прикормленных. А лет через сколько-нибудь нам расскажут, как и что.

ПИШИ, ПЕТЯ, ПРОТЕСТ

Кому? куда? кто нас услышит? В суд? там они. В ООН? там и подавно. Нет, Петя, не будь дураком, не пиши никуда, не радуй бесов своими воплями. Им гибель России в радость, это единственное, для чего бесы живут, они с остальными давно справились, развратили, разложили, ослепили, охмурили, а Россия не сдается. И не надо думать, что с нами покончено, вот этого не надо. Если бы так было, не выли бы бесы круглосуточно по радио и телевидению, не визжали бы по парламентам, партиям, фондам, ассоциациям и особенно банкам, все бы уже было как в Америке.

Что делать?

НЕ НОСИ, ПЕТЯ, ГАЛСТУК

Да, вот так, не носи, и всё. Ибо галстук — знак масонский, он означает, что ты смиренно согласен, что тебя вздернут за непослушание. Посмотри, Петя, из любопытства, много ли бесов носит галстук, не поленись, посиди вечерок перед телевизором, футбол отодвинь, эти зрелища тоже для дураков, чтоб о другом не думали.

Теперь далее.

НЕ СМОТРИ, ПЕТЯ, ТЕЛЕВИЗОР

Не смотри, и всё тут. Не смотри и увидишь, как сами по себе будут отмирать бесы пропаганды и агитации, бесы нового времени. Не своих же им охмурять и возмущать, именно таких Петей им и надо. И вот они шлепают губами, шлепают, даже все звуки произносят, а нет протеста. Снова шлепают, а все в пустоту. Особенно преображает несмотрение телевизора женщин. Женщина, не смотрящая телевизор, не слушающая радио, не читающая газет, — хорошеет! Молодеет и преображается. Какие еще нужны доводы в пользу нашего предложения? Это испытано и опробовано на многих.

Что смотреть? Что читать? Что слушать? Читать Евангелие. Слушать классику. Смотреть на рассветы и закаты, на цветы и облака. Любоваться женой, играть с детьми, навещать могилы родных и близких, ходить в церковь. Готовить душу к смерти, здешняя жизнь есть экзамен для поступления в жизнь будущую. Как сдашь его, на какие оценки, на то и рассчитывай. Переэкзаменовки не будет, на осень не оставят.

ТАК ЖИТЬ МАСОНЫ НЕ ДАДУТ

Это ты правильно, Петя, заметил, не дадут. Им всякие вельзевулы, люциферы, прельстители лукавые, соблазнители скользкие, сатанята шершавые не позволят от нас отступиться. Так что, Петя, выход один — выгнать масонов к их чертовой матери.

— Но как?

— Давай думать вместе.

Тут больной по прозвищу Теметте услышал этот призыв: все вместе, обрадовался и стал собирать все мужское отделение. Долго кричали, долго рвали из рук друг у друга швабру, изображавшую микрофон, и наконец решили: относиться к масонам как к комарам. Сходства много — зудят, мешают спокойно жить, кровь пьют.

— Господа детишки, — важно возгласил я, — ситдаун плюх на кровати и меня послушайте, ибо и я знаю кой-чего и у меня припасено предложение. Масон — комар по сути, но по обличью — человек. Борьба с ним как с комаром бесполезна. Ибо с комаром мы бьемся очень по-комариному. Он напьется крови, ты его прихлопнешь. Так? Вроде убавил зла, вроде как отомстил. Но! Смерть комара, одного, десятка, сотни, тысячи из триллионного комариного полчища — это ничто, это даже не доля процента. Более того, доказано, что комар летит на тепловое излучение, источником коего является человек. И еще более того — кожа человека в месте удара начинает излучать повышенное тепло, так как от удара температура кожи повышается. То есть, убивая комара, мы убиваем себя. Так и масоны, их тьмы и тьмы и тьмы, нет таких свинских стад, в отдельных членов которых, то есть в свиней, могли бы служители тьмы войти и низвергнуться с обрыва. Да и море жалко. Да и свиней мало.

— Но как иначе? — закричали все Пети. — Неужели вся жизнь наша есть борьба с масонами? Ведь это им только и надо, чтобы с ними боролись, все время им проигрывая. Масоны — гнусы и гнусь, а ты говоришь — не метод.

— А ты бачил живых масонов? — спросил я Петю. — Вот и сиди. А то ты как возьмешь родную дубину, да начнешь размахиваться, так еще при замахе своих вначале уложишь, да плакать начнешь, то-то смеху масончикам. Нет и нет всякой драке. Мой метод таков: вывозить масонов на границу, а перед тем позволить им взять с собой чего угодно, не обеднеем, не в золоте счастье, хоть все тащите, вот привезли их на границу — идите по одному. И на прощанье по заднице навозной лопатой. Вот это эффект. Лопата пошире, бочка с навозом побольше, почаще обмакивать. И каждого масона по заднице, так, чтоб шлепало, чтоб брызги летели. Сам, конечно, в фартуке и в перчатках. Работа не пыльная.

НО КАК ИХ ВЫВЕЗТИ?

На этот вопрос никто не знал ответа. Сами они не поедут, хоть какие им блага обещай. Зачем им ехать, они же паразиты, живут в грязи, на чужом теле. Развели в России грязь и живут в ней.

— Теметте живем, — сказал Теметте.

— Да, все вместе, — согласились мы. — Но они-то живут, а нам жизни нет, вот и вся разница.

— Да и пусть бы жили! — закричал прозревающий на глазах Петя. — Пусть бы жили, но зачем они действуют?

— Затем, чтобы тебе хуже было.

— Куда еще хуже? — закричал несчастный Петя.

— Всегда можно — куда, — отвечали ему.

— Они считают так, — стал объяснять я, — что они волки, а мы овцы. И что они нужны, чтобы мы не дремали, чтобы нас гонять и организовывать. Вся их жизнь в этом. Они — масоны — мешают спокойствию нашему, мы боремся за него. У них нет прошлого и будущего, только сейчас, только сегодня они хотят жить, жрать, спать, командовать...

А у нас в палате был один, который про себя говорил, что он в бане намыленный родился и намыленный умрет, так как из любого положения выскользнет. Именно он меня перебил, радостно закричал:

— Тогда всё хоккей: мы их золотым магнитом вытянем. Пообещаем, что на границе золото по талонам дают, настрижем талонов из газет, раздадим, они клюнут, они жадные. Мне за проект даже ничего не надо, я из любви к униженным и оскорбленным.

Но Намыленного обозвали дураком, ну какой же даже плохонький масонишка поверит таким талонам. Это для гоев, для нас с вами, дорогие друзья мои, всякие талоны, номера и повязки на руку, масоны шире живут, им на дом приносят.

Но еще был в палате один такой Эколог, он сдвинулся, выпуская газету «Экологист» и развешивая ее, расклеивая на автобусных остановках. Надорвался от недосыпания, все же надо ночью делать. О содержании газеты уже не думал, написать днем лишь бы что, да побольше штук, а ночью — вперед и с песней! Утром люди едут на работу — свежий номер газеты «Экологист», привыкли. Не к содержанию, к факту появления свежего номера. Восхищались энергией редактора. Но он же не железный, вот и результат — сидит у нас. Тут политики нет, диссидентства тоже, инакомыслие тоже не усматривается. Отдохнет — и на волю. А пока сидит и хлеба не просит.

— Комары не есть зло, — сообщил он, — комары есть питание для птиц, птицы полезны для уничтожения вредителей лесов, садов, полей и огородов, как-то: паутинный клещ, яблонная медяница, серая тля, непарный шелкопряд, яблонная моль, боярышница, яблонный цветоед, казарка, яблонная плодожорка (у нас не было принято перебивать) и вишневый слоник. Так вот, оставим аналогию с комарами, гораздо четче масоны рифмуются с паразитами садов, огородов и пастбищ. Но! Комары как сравнение хороши вот в чем, ведь есть места, где комаров нет. Где? В экологически чистом пространстве, вдобавок насыщенном эфирными смолами, полезными для нашего дыхания. То есть, как говорится в простом народе, есть места, где комарам «не климатит», не климат им для жизни. Посему надо создавать масонам условия такие, чтоб они понимали, что им тут не климатит, что надо собирать манатки и уматывать, а с вашим символическим, но физически осязаемым ударом лопатой я очень согласен. Но не навозной, навоз нужен самим. *Пора масонам, в ихню мать, Россию задом понимать!* — Эколог победно взглянул: — Где аплодисменты, как сказал бы Боря на моем месте? — Мы похлопали. — Убивать же не просто грубо и глупо, но и экологически тоже грязно.

ВОТ НЕ ЗНАЛ, ЧТО ЗИМОЙ МУХИ НЕ ЛЕТАЮТ

И опять ночью я слышал горячий раздельный шепот Жирафы, до которого не только чужое медленно доходило, но и свое.

— Доктор, доктор, вы не дослушали, они тоже не дослушали, а я додумал, что и «Шехерезада» — тоже вредное сочинение. Она очень чувственна. Мусульманство, запрещая пить, не искоренило до конца другие пороки. Но союз с мусульманством, буддизмом, конфуцианством необходим. У нас общий враг — масоны, сектанты и наглые женщины.

Я проходил отделение насквозь, отмыкал специальным ключом двери, выходил на крыльцо под звезды. Далеко-далеко гудела тяжелая, широкая трасса, еще дальше неровно и сбивчиво, как сердце при аритмии, стучал поезд, медленно, запоздало гудя, промигивал тяжелый самолет, и вот я думал, что пассажиры поездов, машин, самолетов спят или дремлют, счастливые тем, что преодолевают пространство и не подвергаются при этом оглуплению записными ораторами, не видят лиц комментаторов, их сытых морд, с их невыносимым пластмассовым языком. Но тут же я одергивал себя: звезды, движение, вечность, а я о чем думаю?

Скоро будет реабилитация всем моим пациентам, вот о чем надо думать, как их сохранить в сумасшедшем (с ума сшедшем) мире? В том мире, где всерьез изобретают оружие массового самоуничтожения, где хотят изменить течение природных вод, это ведь продолжение большевистского «пойдет вода Кубань-реки, куда велят большевики», в том мире, где врут с утра до вечера тыщу часов в сутки, как в этом мире выжить моим милым, все понимающим больным душой? Почему нас никто не слушает, вот вопрос, который надо будет задать моим глобалистам. О, они ответят так же, как я думаю: не слушают потому, что ненавидят нас, вот и всё. Для масонов я существо низменное, пусть мои предки и мои современники тащат этот проклятый мир, еще и за это ненавидят.

В полутемноте отделения я вновь вынужден был выслушивать неостановимое течение мыслей Жирафы:

— Когда есть порядок в государстве, правители много не болтают. Когда ценят ораторов, это значит — ценят болтологию. Оратор же никогда не есть практический

работник. Ораторство — большое, очень большое искусство, чтобы им овладеть, нужны годы и годы. Другие учат специальность, болтуны — искусство охмурять и обалтывать, искусство запутывать самую простую проблему, они ничего другого не знают, вы включите, включите наугад телевизор, и по любой программе болтают. О чем угодно, только не о гибели и не о спасении России.
— Не буду я включать, — отвечаю я, — давай спи.
— Как же спать, когда обалтывают и врут, вы же не спите. Балаболы правят страной, постулатное, бездумное балабольство, белодомский бездумный балаган безумствует, и это не библейская беллетристика. Как спать, когда кругом коммунякают, социаликают и демокакают. Так может только комдемонобанда, и комбандократы. Они уже и капиталикают и всё разбазякивают. *Большая борьба блатных банд белодомских белобилетников, большой Борискин бейсбол.*

БЕЗОТЦОВЩИНА ЕСТЬ, БЕЗМАТЕРИНСТВА НЕТ

Чтобы покончить с нытьем пана Спортсмена про жену, мы решили вообще закрыть женский вопрос. Но для начала заседания не обошлось без литературы. Блестящим было выступление — анализ поэмы Пушкина «Домик в Коломне». Отныне знайте, что в образе Параши выведен народ, что стряпуха Фекла есть прежняя идеология, а Маврушка — новая. Графиня означает интеллигенцию, а вдова — это правительство. Тут и спорить нечего, все так и есть.
Итак, женщин ругают во все века. Тыщи полторы лет рассказу о конформизме женщин, вот он: одна баба ставила свечку Георгию Победоносцу, а змию показывала кукиш. Змий, явившись во сне, сказал ей: «Ты что, думаешь к Георгию попасть? Я много кой-чего про тебя знаю, к себе утащу, а там уж тебе эти кукиши припомню». С тех пор баба стала ставить две свечки: и Георгию и змию.
Но ведь есть и другие рассказы о безотрадной женской судьбе. Поживи-ка женщиной, ой не сладко. Один сватает невесту и говорит ей: «А топора и пилы нам в хозяйстве не надо, дров я и о тебя наломаю. И воды не надо носить, твоих слез хватит». А разве не безотрадна женская доля, выраженная в частушке от имени девушки: «*На свидание хожу к мужику Авдею. Учит пить одеколон, я сижу, балдею*». Как ярко и выпукло обрисованы две женские судьбы, одна при царизме, другая при демократии.
Скажите, как за это любить мужчин? Не все же такие, кричим мы, не все. Не все, но многие. Но вот то, что женщины все разные, но все сверхлюбопытные, это точно. И сверхсловоохотливы. Один муж нашел горшок с золотом, жена пристает, как он разбогател, расскажи ей да расскажи. Он говорит: «Я кузнеца убил, закопал под дубом». И она это растрепала. Милиция, копать. И нашли под дубом закопанный спичечный коробок, в нем кузнец, кузнечик, на которого рыбу ловят.
И все-таки доля русская, доля женская по-прежнему самая тяжелая, надо их пожалеть, посадить в красный угол и сказать: «Сиди, отдыхай, будем на тебя любоваться, словечка обидного не скажем». И скажет нам милая женщина: «Некогда мне сидеть». Но мы ответим: «Не хлопочи, Марфа, всех дел не переделаешь. Читала ли ты Писание? Одно только надо — душу спасать, остальное все само собой сделается». — «Как это само?»
Но кончился воображаемый разговор, так как загремела в отделении кастрюля, заменяющая вечевой колокол, свистали всех наверх, на общий сбор.

НАШИ ПРИШЛИ

А я сидел в кабинете и заполнял бесчисленные истории болезней. Часто писал: «Окружающее неинтересно, дементен». Дементен — неподвижен, от латинского слова, обозначающего памятник. Памятник себе. У меня уже у самого начиналась дементация. С пальцев начиналась. Как гипсовые были. Крики о женщинах доносились сквозь двери. Вдруг гром кастрюли. Общий сбор, надо идти.
Пока не все подошли, на возвышение заскакивали самодеятельные ораторы. Печальный иностранец тщетно взывал:
— Вы не слушайте меня, но послушайте Пушкина, а он говорил, что Россия никогда ничего не имела общего с Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы. Проверьте по статье о втором томе истории русского народа Полевого. А вот из статьи о русской литературе, снова о Европе: «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». И если мы сегодня ставим диагноз правительству как ненормальному, то какой же диагноз поставить официальным славянофилам, которые живут по пивным Мюнхена, кафе-шайтанам Парижа и сообщают здешним дуракам, что Запад многое может. Запад может одно — губить Россию. Хилое русское зарубежье перемолото Западом. Спасение будет идти изнутри России или ниоткуда.
— Бога не забывай! — крикнули от порога.

— На Бога надейся, а сам не плошай, — удачно ответил иностранец. — И это, однокорытники вы мои, очень божественная пословица. Самим надо шевелиться.
Поднялись над нами наши глобалисты и четко, как на военном совещании, стали швырять в нас тезисы:
— Прошлый год Россия стояла у края пропасти. В этом году она делает большой шаг вперед.
— Мир проваливается в пустоты, оставленные христианством.
— В серебре и золоте завелись жучки, поедающие и то и другое. Жучки железные прожорливые, в серебре и золоте появляются дырки, как в российском сыре или как в старой мебели.
— Культура погибла от самомнения и съедена политиками.
— Все реформы в России заканчиваются умножением числа чиновников.
— Все революции в России были антирусскими.

РОССИЮ ПРОМУМУКАЛИ МЫ САМИ

И еще много тезисов высказывали глобалисты. Но им резонно отвечали, что это легкое дело — кого-то обвинить в русских бедах, сами хороши. Над нами издеваются — терпим, за людей не считают — соглашаемся, и так далее. Оно, конечно, не перед кем оправдываться, кому мы скажем, что мы лучше всех, что от нас зависит спасение мира, что если Россия погибнет, то остальные погибнут мгновенно тут же, что нас не ругать, а беречь надо, кому это скажешь? Моськам и шавкам, которые за штаны цепляются?
Главное, что говорят о перестройке ее первоапрельские прорабы, говорят, стискивая зубные протезы: Россия к демократии не готова. Это они говорят, естественно, с ненавистью, но мы скажем: никогда и не будет готова, вы со своими мондиализмами шахеры-махеры танцуйте, туфли папские ползите лобызать, Россия вам никогда не поддастся, ее вам никогда не покорить.
— А демократов не переделать! — кричали у нас. — И не надо. Горбатого ставь к стене, все равно будет горбат, все равно не выпрямится. Так, бедные, понизу и шастают.
— Например, говорят: нас грабят. Что же Россия молчит? Потому молчит, что грабят материальное, грабьте. Грабят от злобы и бессилия. — Это докладывал другой. Все они были из новеньких, я не успел их запомнить по фамилиям.
— Я говорю своему внутреннему «я»: поешь. Мне мое внутреннее «я» отвечает: я уже поел. И хотя я знаю, что я не ел, но я верю своему внутреннему «я». — А это уже был из наших, из прежних, один из рыжих. Тут и второй выскочил:
— Есть сажатели, а есть копатели, и ты тут со своим «я» не лезь, тут сбор по кастрюльному звону, а ты со своим «я». Сажатели сажают, кого куда, копатели копают, и никаких внутренних «я». Меня за раздвоение личности дед еще в детстве выпорол. «Наноси воды в баню», а я отвечаю: «Мое «я» хочет купаться в реке». За это порют, рыжий. Ты со своим лысым окончательно булькнешь в бездну антиразума. Конечно, ты веришь, что у поэтов и революционеров одинаковые черепа, но ведь это признак сдвинутости. Надо говорить о другом.
— О чем?
— Мы промумукали Россию. Кто не согласен?
— Все, все согласны, — загудело отделение.
— Как жить дальше?
— А как решим, так и будем жить, — отвечало отделение.
— Но это же неправильно! — закричал я. — Как это можно надеяться на свой слабый разум? Наша вина именно в том, что мы сами решали как жить. Или нам навязывали образ жизни. Вы же видите, что теми, кто нами управляет, управляют те, кто ненавидит Россию. Где бы, какая бы ни собиралась артель, общество, любая шайка-лейка, кодла, каганат или кагал, объединение или банда, они все управляются именно разумом. Я пришел сюда именно из-за того, что здесь царство души, здесь психика, здесь душевнобольное братство. А как же не болеть русской душе? Болит. За все болит, за весь мир. Почему мы опять пятимся к тому, что осудили? Осуждать грех, — поправился я, — то, что мы обличили, а именно: бессмысленно уповать на безбожную власть...
— Именно так! — подхватил и усилил мой двойник Алексей. — Там, за забором, царят дикие нравы, там произвол мысли. Мысль — оружие, оно наращивает мощь; но с ним можно сразиться. Мысль бессильна перед верой. Программа уничтожения России не должна перейти в программу самоуничтожения. Предлагаю: нарастить забор как можно выше, желательно до неба, чтобы к нам проникали только небесные вести.
— Нет! — возразил я, — нет. Забор до неба — это напоминание Вавилонской башни. Напротив, предлагаю углубиться в гору разума, наделать в ней пещер и тоннелей, там жить и молиться. Изредка выходить.
Эти два разных предложения — строить высокий забор или же, наоборот, закапываться в гору разума — решили обсудить по секциям, и на этом разошлись.

ВЕЧЕРНИЕ НОВОСТИ

Вечером этого дня случилось событие: в отделение, в одну из палат, во время прослушивания вечерней программы новостей из экрана телевизора вылезла комментатор Матькова. Отряхивая с рукавов и плеч осколки кинескопа, сообщила, что решила жить у нас, что у нее всюду аппендицит, особенно в голове. В других палатах, из других телевизоров лезли к нам и другие телелюди: попиковы и яшкины, анашкины и баклажкины. С трудом лезли: жидки были в коленках и вообще жидки, плечи узкие, застревали задницами. Прилезли профессиональные циники Жвакини и Сазанов. Кричали, что только у нас и можно жить, что именно здесь их поймут и оценят, что им надоело быть оплеванными, что именно здесь достигается главный идеал их жизни: жить хорошо при любых начальниках. Лезли и раскормленные пародисты, куплетисты, сценаристы, артисты разговорного жанра, граждане двух или трех стран одновременно, много их налезло, пока не сообразили выключить электричество. Но и после этого приползли коротенькие Гаврюшка и Егорка и пионер Юра Афонькин.

При свечах мы решили, что места у нас хватит, пусть живут. Пусть живут, но пусть не действуют. В изолятор их — проверить на вшивость. Работать не заставлять, кормить хорошо. Наказания: первое — круглосуточно смотреть свои передачи. Наказание это назвать лечением, ибо народная мудрость гласит: чем заболел, тем и лечись. Когда же излечатся, тогда посмотрим дальше. Второе наказание — показывать документальное кино из сериала «Лопата и масоны».

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Но перед их подведением не могу не записать, что не хотел бы я говорить все, что сказал, — жизнь заставляет. Отпустите меня — я буду описывать события из жизни цветов. Очень ошибаются те, кто перестает поливать цветы после того, как они отцвели. Именно тогда начинается созревание семян, надо поливать. Какая нынче торопливая погода, как бежит время: уже в конце июля цвели осенние цветы, астры не дождались даже августа, флоксы осыпались себе под ноги в начале июля, георгины отцвели и угасли так быстро, что не хочется глядеть в окно на сухие, склоненные их головки. Снег выпал рано, отяжелил еще оставшиеся цветы, и они склонились к своим могилам. Дикий виноград вскарабкался по водосточной трубе, прижался к ней, пожелтел и вздрагивает, когда внутри проносится, как снаряд, кусок льда. Печаль, печаль несут любимые мною цветы, какой же я старик, если помню пятьдесят их поколений. Как бы я хотел умереть садовником. У меня получается разводить цветы, они меня любят, я их жалею. Зима за окном, я перебираю сухими пальцами пакетики с семенами, они шепчутся со мною. Вот из тебя, милая крошка, вырастет астрочка, а какого цвета, это тайна. Если доживу, осторожно срежу и принесу любимой женщине, мы вместе зябнем в этом холодном времени, и ты, астра, согреешь нас на две недели.

К делу. Подведем итоги: мы, я и мои собратья по разуму, решили, что у нас дураков не осталось, во-первых; во-вторых, Россия гибнет; в-третьих, мы объявляем правительство ненормальным по нескольким признакам:

— Главный признак — постоянное вранье на всех уровнях.

— Ход событий в стране стал неестественным, так как под давлением демократии исчезают естественные ценности жизни: добросовестность, порядочность, сострадательность. Они вытеснены хамством, обманом, спекуляцией, причем все это объявляется предприимчивостью.

— Признак упадка — усиление низкопробных зрелищ, разврат и все разъедающая ржавчина пошлости.

Но не стали мы продолжать, зачем? Свои это давно знают, а метать бисер перед свиньями, да тем более свиньями, в которых сидят бесы, к чему? Надо две вещи знать любому шишке: слишком большая строгость ведет к взрывам, но к ним же ведет и расхристанность. Могут начаться гонения, правительство уже прикормило биороботов ОМОНа, навербует опричников, выпустит на народ уголовников, кого-то убьют, кого-то посадят, кого-то загонят в психушку. А дальше что? А дальше элементарно, дальше смерть для всех, ведь даже по сто лет никому не прожить. Дальше выйдет на свободу Вася — герой очередных событий — и помочится на могилу Миши, вот и всё.

«Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», — вырвалось у классика. А я людей жалею. Любых. Боже мой, Боже милостивый, нет у нас ни на кого надежды, только на Тебя. Заблудились и опаршивели, оскотинились и изгадились в скверне грехов. И нет у меня больше никаких молений ко Господу, не смею просить, только одно: дай мне смерть христианскую непостыдную и доброго ответа на Страшном Суде.

Записки кончаю: голова болит.

Да как же ей не болеть...

ПОЭЗИЯ

ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА

ОСЕНЬ

I

И я тогда как бы ушла под воду...

Сентябрь, как чаша, полная водой,
стоял в окне, и золотым дождем
струились косы брошенной березы,
в которой зыбкий облик проступал
Офелии певучей или Гретхен —
той, что уже рыдает на соломе...

Плакучей ивы горестный зало́м
переняла береза, потому что
здесь нет картинных плакальщиц —
над тусклым
овалом оловянного пруда...
Упрощены печали Подмосковья,
в осенней грусти привкус нищеты
отчетливей, чем — боли: разореньем
здесь веет, словно урожая сбор
сулит не сытость — разочарованье,
смущенье, и, идя копать картошку,
ты вспоминаешь: сколь же неохотно
она дымком сиреневым цвела...

Из птиц — царит здесь бойкая сорока,
в атласе белом, ярко-синий шелк
взяв на отделку; словно из купели —
сверкает чистотой... Ее трещотка
отрадна — деловита и проста.

Но по утрам — как будто связки свиста
разбросаны в кустах и в темной хвое:
лимонные синицы (это летом
нам не до них: как будто смыты пеньем
прилетных, соловьисто-райских хоров), —
синицы всё слышней, и пахнут снегом,
предзимней синевой их голоса...

Полубезлистый дуб, открыв кулисы,
даст увидать пугливый танец белки:
скачок иль вспорх — и бусина живая
косится сверху; тоненькое тельце —
что в ореоле — в рыжеватом мехе,
скользит, как струйка пламени глухого:
невзрачно начинается пожар...

На шиферную крышу, в желобки,
стекает жар неопалимой липы:
который день ее златая чаша,
скудея, не скудеет. Ручейки
шуршащих листьев с западного ската
крутой метлой сметает хмурый ветер,
а те опять, печальные, журчат...

Дом на запоре. Только в палисаде
кой-где на грядках доцветает жизнь:
еще восходит нежная крапива;
стоит осота серая стена;
укроп
дырявый зонтик подымает,
и лепестки капустниц запоздалых
над бархатцем шафраново-тигровым,
с холодным пряным запахом,
дрожат...

Но пуще всех — земли глубокий запах,
грибной, могильный... Вспахана дождями,
она теперь вздыхает облегченно:
последние, пустяшные заботы —
а там и отдых: снег, как вечный сон...
И ни души... Лишь бережная лапка
кота
встревожит утренний сугроб...

Как лес редеет листьями, так поле —
людьми. И во владенье тайным скарбом
вступают братья меньшие: русак
приходит к почернелым огородам,
клубками шустро катятся ежи —
как будто все заглохшие дорожки
ведут к избушке, что на курьих ножках.
Но главное — что скатерть-самобранка
еще не вовсе, смятая, пуста,
хоть дождь смывает пятна алых ягод,
и полнит лист, как братину, водою,
и в перегной вбивает семена.

На старой ели гроздья тучных шишек
подогнуты, что когти, по краям
крылатых лап, и каплет с них уныло
как будто кровь прозрачная... Не скоро
им отряхнуться: серый парус неба
к земле кренится, отягченный влагой.
Лишь розовое зарево осины,
студеное, восходит вместо зорь.

II

Как рано холода пришли к порогу! —
я думаю, но мешкаю с отъездом
под теплый кров.
И где — мой теплый кров?

Не здесь ли, под шатром широкой ели,
была я шамаханскою царицей?
Не ты ль со мной делилась смуглотою,
рябина? Не твои ли, бересклет,
я примеряла серьги — если сердце
разбито было?.. Что теперь возьму?

Теперь мне не царить, не красоваться,
не иссушать огнем очей бездонных:
стара! Охапка жидкая соломы
седому одиночеству под стать.

И я теперь покорно погружаюсь
в огромный желтый невод сентября:

как лист, несомый темною рекою;
как слово, прежде бывшее строкою, —
а вот уже ни звука не слыхать...

Но как мы запоздало понимаем,
в чем — красота и в чем приволье духа, —
тогда лишь усмирив свою гордыню,
когда никто не зарится на нас,

помимо той, что бредит косовицей,
что восседает на истлевшей кляче
и держит путь на Север наш сырой.

Тоща — как тот осмеянный идальго,
востра — как за плечами лезвиё,
она трусит уже за ближним лесом,
и ворон, точно лязгает железом,
над головою горькою кричит...

Как ускользнуть? Как разминуться с нею?
Как, бормоча «Очей очарованье!..» —
молитву прежней, позлащенной жизни, —
одевшись в плащ дождя, растаять в нетях:
в последний раз удариться в бега?

Как умолить Того, кто знает сроки:
дай мне пройти еще вершок дороги...

Дозволишь ли,
Начальник Тишины,
мне досмотреть
земли осенней сны?

III

И снится голос
из-под мокрого куста,
а речь отчетлива и, русская, чиста:
«Еще ты стопчешь
пару звонких каблуков!
Еще твой дух для вечной жизни не готов.
Еще гореть тебе в березовом огне,
еще внимать тебе гармошке при луне,
еще слезами умывать свое лицо,
еще сронить в ручей венчальное кольцо!..»
Но чу! Не ёж ли неурочно пробежал? —
и голос смолкнул...
Хлещет щеки краснотал.

...Так и рысья пробежка хорея
проскользнет в мой неровный рассказ!..
То сентябрь, словно золото сея,
мне в подол свои кудри отряс.
То лучом загорелся ответным —
от осины — просвет в облаках.
То я плачу о дубе заветном,
о цепи...
О любви.
О цепях...

IV

Но я пойду тропинкой грибников,
лиловой — от размокшей прели вяза,
кровавой — от кленовых звезд лучистых:
бежит, пестра, и валится в овраг,
чьи склоны бурою овечьей шерстью —
пожухлою дубовою листвою —
курчавятся, угрюмо рокоча
при каждом шаге, удушая горьким,
как бы дымком пропитанным, дыханьем
и купами размашистых опят
маня, — и ты распутываешь травы,
распугиваешь вспученных, безмолвных,
на скользкие булыжники похожих
колдуний-жаб, и — дальше, дальше, в бездну,
где теплится в глухом подполье речка,
где нити поседелых незабудок
еще цветут, где битые бутылки
нефритом тусклым светят, где пружинят
подушки мхов зеленых, — и внезапно
увидишь тихий черный траур смерти:
в алмазах дождевых густую шубку
недвижного крота... Четырехпало
распластаны натруженные лапы,
и свеянный черемушный листок
малиново мерцает в изголовьи.
И весь овраг покажется гробницей,
разграбленной сокровищницей, склепом
погашенного северного лета;
и, словно сумерки висят над миром,
так давит пелена сырого полдня,
и небо снова закипает гулким,
смывающим все горестные звуки
дождем, и он, процеженный сквозь хвою,
тебя заносит иглами, листвою
и вымывает из души обиды,
и вот уже глаза на всё закрыты,
помимо этой осени глубокой,
помимо этой вотчины убогой,
безлюдной, так что даже ты не в счет,
хронист упадка,
зритель кущ и вод...

V

Скажите: это сила или робость —
вот так следить убогую подробность,
без воли, плана, умысла, упрека
и хоть бы добрым молодцам урока?..
Ведь осень хмуро кажет только остов
отцветшей жизни... Может, чтоб прощанье
печальным было, но — переносимым:
и боль — по силам,
и тоска — по силам.
И смерть уже покажется легка
в сравненьи с ненасытностью расцвета.
Усни, душа, разута и раздета,
как эта истомленная земля
в последних дымных блестках хрусталя,
в обносках брачных риз, с пером вороньим,
впечатанным в суглинок — посторонним
для птицы и для ветра, для меня —
не кличущей бумаги и огня,
чтоб восхвалять, нечаянно черня,
свет невечерний гибнущего дня...

Огромный желтый невод сентября,
качай меня, качай меня как в зыбке,
листу подобно и подобно рыбке,
не знающей, что сонная волна
сама в тенетах —
сетью пленена...

«Чужую песню» Николая Попкова я прочитал как нечто особое и сокровенное. Особость ее в том, что написана она не профессиональным литератором. А сокровенное — профессиональный литератор и не смог бы написать это со столь проникающей в человеческую душу силой, он стал бы применять всевозможные литературные правила и законы, думал бы о характерах, развязке и завязке, о логике в сюжетном движении и о так называемой персонификации языка и огрузил бы вещь. У Попкова она и легка и остра, а главное — она вся из чувства и чутья, обладающих колющим проникновением: достанет, поразит и отступит, и снова готовится к уколу. А тревога и боль за человека все больше и больше, внутреннее беспокойство все отчетливей и отчетливей. И много в повести точных и серьезных наблюдений о человеке и жизни.

Валентин РАСПУТИН.

НИКОЛАЙ ПОПКОВ

ЧУЖАЯ ПЕСНЯ

ПОВЕСТЬ

1

«Он затравил мертвого птенчика в жизнь. Жил один день птенчик, жил второй день птенчик, жил третий день птенчик, жил четвертый день птенчик, жил пятый день птенчик, жил шестой день птенчик, жил седьмой день птенчик... Люди в обморок упали: почему он так живет?! У птиц были дети, как самые настоящие птенчики...»

Вихляя из стороны в сторону, будто желая столкнуть одна другую, несутся наперегонки две тропинки.

Внизу подо мной, на нижней полке, какой-то мальчик рассказывает моей соседке по купе историю странного птенчика.

За окном — Сибирь... Семидесятые годы...

В троллейбусе спрашиваю: скоро ли остановка «Автовокзал»? Люди заспорили: «Скоро», «Не скоро», «Через две», «Через три»... Вдруг кто-то меня в спину толкает: «А ты свою остановку проехал. Чего молчал-то?» И чего я, действительно, молчал?

— ...Женщина, которую оскорбили в помещении автовокзала, просим зайти в комнату милиции. Объявляется посадка в автобус рейсом...

В помещении автовокзала многолюдно, душно, грязно, дышать нечем. Но к этому быстро привыкаешь и вскоре не замечаешь вовсе.

Иду к кассам, беру билет.

Между скамьями туда и обратно курсирует мужчина с большим ломтем хлеба в руках. Шляпа и старая грязная телогрейка. Громко бормочет: «Надо мысли свои скрывать, надо мысли свои скрывать...» Вдруг останавливается, вскидывает вверх руку с хлебом и во всеуслышание заявляет: «Что заработал, то и получил!» Девушка рядом со мной вздрагивает. «Надо мысли скрывать...» — опять бормочет человек, продолжая свои блужданья между скамьями.

— ...Женщина, которую оскорбили в помещении автовокзала, зайдите в комнату милиции. Объявляется посадка в автобус рейсом...

ПОПКОВ Николай Викторович родился в 1949 году в Свердловске (ныне — Екатеринбург). Учился в Уральском университете, работал на стройке, сапожником в театре. Окончил Свердловское театральное училище и Школу-студию (вуз) при МХАТе. Служил в Новом драматическом театре и театре "Современник", снимался в кино. Живет в Москве. Предлагаемая вниманию читателей повесть написана в 1979 году.

2

...По этой дороге его везли.

Тогда весна была.

Интересно, как называется это дерево с красными листьями? Как его зовут? Почему я этого не знаю? Почему я никогда не интересовался названиями наших деревьев? А почему не спросить у соседа? Судя по виду — черный пиджак, форменная фуражка железнодорожника, — он здешний, должен знать.

Имя не прибавит дереву красоты. Просто дерево, просто прекрасное своими красными листьями.

Небо такой ровной чистой голубизны, голубое, голубиное. Белый крестик самолетика тянет, тянет за собой твердую белую нитку, разбухающую и рассыпающуюся до исчезновения.

Его везли по этой дороге.

Тогда весна была, деревья, раздетые теплом, серый снег, черные проталины, грязь. А сейчас бабье лето стоит не шелохнется, само собой любуется.

Опять эти красные деревья...

Указатель на его город.

Въехали.

Деревья. Огороды. Коровы. Люди идут. Еще коровы. Дома. Заборы. Пятиэтажные коробки. Здесь они тоже есть. Пыль-то какая.

Всё — приехали.

— Извините, пожалуйста, вы мне не подскажете, как пройти на улицу Достоевского?

— Не знаю такой.

— Извините... Простите, пожалуйста, улица Достоевского — не подскажете?

— А-а! Достоевского? Знаю. А как же! Пошли.

По пыльной бугристой площади, где остановился автобус, видимо, центральной в городе, прошли метров сорок—пятьдесят мимо сквера с памятником. Вниз от площади стекает безымянная для меня улица.

— Пойдешь прямо по левой стороне. По правую руку контора будет, до нее дойдешь, налево — Достоевского, понял?

— Спасибо.

— Ну, шуруй! — махнул рукой и пошел обратно к автобусам, на то место, где я его потревожил.

Улица Ломоносова. Дальше. Нахимова. Дальше. Впереди торчат две автопокрышки, наполовину врытые в землю. Здесь начинается улица Достоевского. Достоевского, 2, 4, 6, Достоевского, 8. Сердце стучит так, что услышали бы прохожие, если б они были. Иду к калитке не останавливаясь, боюсь даже на секунду приостановиться, откидываю с внутренней стороны крючок, открываю... и на меня со злобным лаем, гремя цепью, бросается собака. Цепь натягивается, собака прыгает из стороны в сторону и хрипит.

Из-за дома, наклонив голову, как-то боком, прищурясь на меня, выходит тетя Шура. Идет ко мне, всматриваясь в меня.

— Тетя Шура, вы меня узнаёте?

— Ох, сынок мой!..

3

— А тринадцатого числа я все наряжалась: и то платье примерю, и это... и вот перед этим зеркалом, — кивает тетя Шура, — которое теперь занавешено, на стул вставала...

Я поднимаю глаза: действительно, зеркало узкое и висит высоко, и для стоящего на полу человека — неудобно.

— ...Все хотела сношеньке понравиться... и в парикмахерскую бегала перманент сделать... а Костя всё узлы скручивал, банки заворачивал... и сало, и мед, и хренодёру, и всего... И так я засуетилась, забегалась, что единственный раз за все время, что Славочки дома не было, не помолилась за него. И так мне весь день тревожно на душе было, так тяжело, что даже не знаю... А встала легко, радостно, будто заново родилась... видно, последний раз душа себе отдых давала... А потом как пошло, как пошло: соседка в калитку стучится: «Ты, — говорит, — Шура, в Москву ничего не бери, Славик-то в больнице, заболел, к нему езжай скорее». Я — на переговорный. А девчонки там говорят: «Не волнуйтесь, хорошая вам телеграмма, сначала, правда, была какая-то, но это перепутали, это — другим», — а сами всё знают по прямому проводу... И быстро так соединили с Москвой, а там соседка: «Ничего, — говорит, — не знаю, вот вам телефон, где сейчас Нина». Перезваниваю. Нина говорит: «Шурочка, приезжайте!» Она меня все Шурочкой звала. А мне это всегда так неприятно как-то было, на работе даже плакала: какая я ей Шурочка! «Ну вот, — говорит, — приезжайте. Славик в больнице». Я ей: «Что такое? Я с ним девятого говорила — такой радостный был». А она: «С почками что-то». Я спрашиваю: «Ты хоть Славика видишь?» А она: «Меня к нему не пускают». Ну и все. А тут и Ленька, Славин отец, прибежал на почту: «Славка никогда не умрет!» — кричит.

Мы сидим с тетей Шурой вдвоем, пьем водку, закусываем. Передо мной Славина рюмочка, тарелочка, вилочка.

— Кушай, Саша, кушай, ты, наверное, проголодался. Не обращай на меня внимания... А ехала в поезде, парня одного, одних лет со Славочкой, кормила, смотрела на него и плакала. И сон мне снился, будто такая высокая-высокая стена, я у стены торгую пряниками, кругом народ толпится, толкается, а Славочка со стены смотрит на меня и кулаком грозит. Бабушка, что со мной ехала, спрашивает меня: «Расскажи, дитятко, что тебе приснилось?» Я рассказала. «Хороший, — говорит, — сон. Ты мне в Новосибирск напиши, что с твоим сыном случилось». А поезд опаздывал, а на вокзале меня Стасик маленький встретил и еще кто-то. Ты ведь был тогда на вокзале? Ну, я тебя тогда еще не знала. Мне говорят: в театр надо зачем-то. Я ничего не понимаю, едем, приехали, из машины выйти помогают. Я еще помню, у зеркала остановилась на себя посмотреть, а какая-то тетенька, гардеробщица, говорит: «У вас все хорошо, все хорошо». Вдруг я взглянула, а вверху, на лестнице, стоит один в костюме и манит: «Сюда, мамаша, сюда, пожалуйста». Захожу в кабинет — все стоят, на меня смотрят и молчат. Я спрашиваю: «Что со Славочкой?» А мне один говорит: «Крепитесь, мамаша, сердце вашего сына...» Да кто же это тебя, дитёнок ты мой, и что же это случилось за горе, да, может, я в чем виновата, да кто же мне скажет, что случилось, посмотрел бы он на свою матушку сейчас, да мне бы легче было, если бы знала, что случилось, и что же это я сыну смерти придумываю?! Да за что же мне такое горе?! Да за что?!

За окном страшным голосом взвыл Кучум.

— Да замолчи ты! — кричит тетя Шура и стучит по стеклу.

Кучум смолкает и грустно елозит цепью по щебню.

— Всю душу мне выматывает... Мне тут одна сказала: «Тебя Бог любит. Вот ты Ему предана была, не забывала, каждый день молилась Ему, так вот Он — чтоб еще больше тебя привязать к Себе страданием твоим, чтобы ты помнила о Нем всегда». Да что же это? Я не знаю. «А вот люди, — говорю ей, — и пьют, и гуляют, и воруют, и хулиганят, и ничего им не делается!» — «А Бог, — она говорит, — о них и забыл совсем, а тебя помнит!» Да как же это так?!

Тетя Шура ждет моего ответа. Я молчу.

— А вот Славочка, сынок, часто вот так сидит напротив меня и говорит: «Ты, матушка, ничего не бойся за меня, все будет хорошо, Бог — мой друг!» А я ему: «Ты что такие слова говоришь?!» А он смеется: «Да вот Он, Бог. Дай руку, Бог!» — и свою руку в пустоту протягивает и здоровается. Вот тебе и друг.

Я опять молчу.

Тетя Шура смотрит на меня долгим взглядом и, кажется, ждет чего-то.

— Тетя Шура, а вы историю Иова знаете?

— Какого?

— Библейского. Вы Библию читали?

— Нет, не читала. Саша, расскажи. Расскажи, а то мне сейчас совсем плохо будет.

— Жил человек, тетя Шура. Был он счастлив — домом, семьей, друзьями. Всего у него было вдоволь. И был он хорошим человеком. И однажды Бог сказал сатане: «Смотри — какой прекрасный человек! И все потому, что любит меня». А сатана отвечает: «А любит тебя потому, что боится. Отними у него все — возненавидит».

— И отняли?

— Всё отняли, тетя Шура, — добро, детей, здоровье. Сидит Иов, плачет. «За что, — кричит, — Господи?! В чем я виноват перед Тобой?» Пришли к нему его друзья, успокаивают. Один говорит: «Терпи, все — к лучшему». Другой: «Перестань кричать, потерянного не воротишь». Третий: «Раз это с тобой случилось, значит, не могло не случиться. Я знал всегда, что чем-нибудь в этом роде ты и кончишь. Бог шельму метит». Четвертый сказал: «Страдание излечивается страданием». Так и сказал: «Страдание излечивается страданием». Тут появился сам Господь Бог, который за всем этим наблюдал, и наказал первых трех друзей. А о четвертом помолчал, ничего не сказал. А Иову все вернул.

— Зачем же Господь с сатаной спорил?

— Не знаю, тетя Шура, хотел правым быть.

— Это перед сатаной-то правым? Разве ж это можно?

— Там очень много слов. Я быстро рассказал.

— И детей вернул?

— Вернул.

— Саша, а зачем ты Библию читал?

— Интересно. Да, тетя Шура, один из трех еще сказал: «Красиво жил, красиво страдаешь. Смотрю и завидую».

— Да, есть и такие, — говорит тетя Шура.

Помолчали. Время остановилось, застыло, одеревенело. Оно теперь — дверной косяк, стены, печка, занавеска. Время, которое помнит, которое знает, которое неумолимо.

— Вот Пушкин погиб, тетя Шура. Одни выясняют: какова вина жены? Другие говорят: имя жены — священно, и святотатственны даже предположения о вине. И вот думаю: сколько лет прошло?! Сто сорок лет! А никто ничего не знает. И вряд ли когда-нибудь что-либо узнают.

— Да, — роняет тетя Шура, — все это людской разговор. Ничего не известно.

Помолчали, выпили. Затопили печи. За окном — мрак, тишина.

— А вот, знаешь, как мне рассказывали? Женщина рожала в доме одном. А у калитки нищий стучится: «Пустите переночевать. Хоть в чуланчике где-нибудь, хоть в закутке каком». Подали ему корочку. «Нельзя, — говорят, — у нас рожают». «Возьмите, — говорит, — меня крестным отцом, я знаю, какой смертью тот ребенок умрет». Его, конечно, тогда пустили, обогрели, накормили, крестным взяли, а он и скажи: «Умрет он на свадьбе своей — у невесты, у гостей отпросится на минутку и в колодце своем утопится». И ушел в другую деревню. И вот годы прошли. Свадьбу играют этого парня, и крестный его тут же, среди гостей, — никто и не видел, как он пришел, как появился. Колодцы все на время свадьбы на замок закрыли — и не только у них во дворе, а и у соседей всех — ключи попрятали, помня судьбу его. Вдруг жених засуетился, засуетился, на стуле заерзал и просит у невесты и гостей: «Выйду на минутку! Надо мне!» И бегом, бегом к колодцу. А тот на замке! Так он на крышку бросился и умер. А крестный исчез, говорят. Я этот рассказ всю жизнь слышу. А вот, как думаешь, мучился он или нет?

Я не понял, о ком тетя Шура спрашивала.

— Давай еще выпьем, Саша, и мне налей чуточку... А как меня Владимир Александрович бил за то, что на меня бывший мой мужик пришел посмотреть. Его только отпустили, он ко мне в буфет и заявляется. Специально пришел подразнить, покой нарушить: как ты, мол, без меня? А и Владимир Александрович тут, рядом. Ну и вижу: Володя расстроенный сделался и сразу домой убежал. Прихожу с работы домой, а он уже и пьяный совсем: «Шуруп, — говорит, — бить тебя буду». И давай, и давай. А мужчина-то он крупный, мне сестра говорила: «У тебя мужик, Шура, на выставку». Ну вот, и бьет меня, и бьет, а я и не кричу, чтоб его не раззадоривать, чтоб он не распалился да и совсем не убил, а сама помню, что дверь-то на шеколду закрыла, не убежать. Пока с ней возиться буду, со щеколдой, — забьет. А чувствую: уж совсем невмоготу, убьет того гляди, я и бросилась, — а дверь-то и открытая! А я точно помню, что на щеколду закрывала. Вот ведь как. Даже не знаю. Ну, у соседей отлежалась. А потом-то он у меня в ногах валялся, водка, говорит, попутала. Да и все равно его выгнала. Да уж лучше бы убил совсем. Я даже и сейчас не знаю, что меня удерживает. Вот памятник надо сделать, вот заказать в церкви помина-

ние, вот узнать все, а все сделаю, чем жить буду? Вот мне говорят на работе: тот умер, этот умер, а я спрашиваю: лет сколько? И хочу, чтоб молодой был, потому что Славочка умер молодой, и хочу, чтобы все молодыми умирали, да зачем же мне такая жизнь, раз я так думаю?! А мне сестры говорят: «Его все равно не подымешь, для себя живи. Что ты все раздаешь и раздаешь все?» — и на это обращают внимание. А для чего мне теперь все? Вот копейку собирала и о себе думала, и где какое горе случится, всё не со мною, думаю, и всё радости ждала, а сейчас ведь где какое горе случится, я же там буду. Вот Славик, когда со Стасиком маленьким позапрошлым летом были, надумали к матери Шукшина съездить. Приходит Славочка ко мне в буфет и денег просит на поезд. А я говорю: «Ну зачем поедете? Ну кто вас там знает? И Шукшина этого тоже не знаете. Ни к чему это». Да и сама думаю: «Это ж сколько денег надо на двоих — и туда, и обратно?» Вот как мне это откликнулось. Да если б я знала, что сыночку моему так мало жить, да разве б я об этих деньгах думала? Да разве я не виновата теперь перед матерью Шукшина? Да почему я раньше такая бесчувственная была? Вот хоть и молилась я, и просила за Славочку, а не уберегла, не спасла дитёнка моего. Вот всем этим иконам молилась. И еще — другой.

Тетя Шура встала, пошла к буфету и скоро вынесла «другую» — открытку с изображением «Сикстинской мадонны» Рафаэля.

— Вот этой вот.

4

Да минует вас в жизни минута встречи с могилой друга! Как бы ты ни представлял его, это место, оно ожигает тебя своей очевидностью, самим своим существованьем, тем, что то, чего не может быть, — есть...

Да минует вас в жизни минута видеть мать на могиле единственного сына, слышать этот нескончаемый завыв и слова эти: «дитёнок ты мой!»

А березы лопочут что-то осеннее, а травка зеленая-зеленая, а лицо с фотографии смотрит строго и ясно — и на тебя, и куда-то мимо тебя, и ты никогда не видел у него этого в глазах: равнодушия, а может быть, все принимающего покоя.

Чуткими, быстрыми руками выбирает тетя Шура из травы каждый желтенький листик, что-то шепчет, шепчет, поправляет клеенку на столике, на скамеечке (здесь все такое маленькое, будто для детей), раскладывает закуску, наливает рюмочку и сыну, и мы с ней пьем и закусываем, и идем с ведром на речку, и что-то говорим, и оба плачем...

5

Идти к дяде Лене было не то что страшно, но как-то неспокойно — это точно...

— Я из деревни была — свободная, работать любила. Наша мама всегда говорила: «Муж не любит, когда при нем борщ варят». Вот он мне сказал: «Спи», — и ушел. Ушел, а я встала и давай борщ варить, стирать. А он и приходит проверить, как я его слушаюсь, сплю иль нет... Борщ вылил, белье на пол бросил, растоптал, а потом и я как пушинка в угол полетела, худенькая была... А Славочка родился, он режим весил — в шесть утра кормить. А Славочка проснулся и давай кричать — сердце материнское не выдержало, — опять полетела. Сестра мне говорит: «Если с ним жить будешь, топором зарублю и его и тебя»...

Я слушал тетю Шуру, и мне представлялось: я только на порог, он: «Иди, откуда пришел!» И что я буду тогда делать: пойду или буду стоять и ждать еще чего-то? — этого я не мог решить никак. И не только потому, что чувствовал, что прав он будет, прав! — не только потому...

— К чужим людям ушла, у дедушки с бабушкой комнату снимала, а сама уборщицей устроилась на вокзале в буфете. Славочка маленький — когда возьмешь с собой, когда не возьмешь. Дедушка и говорит: «Ты свези ребеночка в Новосибирск и оставь на вокзале, он нам надоел, и тебе легче будет». Ну, я тогда ушла от них. Ох, все было... А как Славочка умер, Ленька-то стал приходить. Солнце только встанет, слышу — в окошко стучит. Впущу его в хату, он говорит: «Давал себе слово каждый день встречать солнце одному, а сегодня не могу. Пожарь мне, что ли, хоть картошечки». А у самого на глазах слезы. И какой-то даже хороший сделается, и сидим мы с ним вдвоем, и он говорит: «Давай я к тебе перееду и будем с тобой вместе, раз такое у нас горе». На колени становится, руки целует, я в душе даже и согласилась, а потом он говорит: «Одна комната будет Славочкина. Все черным задрапируем, стены черным обобьем и портрет повесим». Думаю: как же я в таком ужасе жить буду? «Нет», — говорю. А в другой раз как чумной прибежит. Один раз все Славины книжки в мешок поклал и унес... Я ведь за двадцать два года к нему впервые иду. Вот ты приехал, и пошла, а так — ни разу. А Славочка часто к нему бегал. Иной раз вернется веселый: «Я, — говорит, — буду жить, как отец, один всю жизнь». А другой раз — злой-презлой: «Ты, — говорит, — мать, с ним три дня не проживешь»... Всю жизнь один прожил, ни разу не женился, всё книжки читал... Подходим уже...

В отличие от других домов — с горящими окнами — дом дяди Лени выделялся своей чернотой и немотой: ни огонька, ни лучика, ни звука. Вокруг нас по всем дворам шел заунывный, захлебывающийся глупой яростью собачий концерт, — во дворе этого дома стояла тишина.

Мы прошли друг за другом через канавку по еле видимой дощечке; откинув изнутри крючок, приподняли и открыли низенькую калитку, по деревянному тротуару обогнули дом, остановились перед дверью.

— Вот здесь родился Славочка...

Все вокруг заросло бурьяном, сейчас уже пожухлым.

— Это Ленька еще тогда, когда мы с ним жили, сказал: «Никаких огородов — пусть трава растет»...

Двор был запущенный, но одновременно и какой-то веселый в своей безалаберности. У самой двери, на груде всевозможного хлама, лежала громадная, чуть ли не в рост человеческий, автопокрышка.

— Вот оно, колесо, — сказала тетя Шура, — а я все думаю: про какое колесо он говорил? «Я, — скажет, — зимой печку затоплю, а дым в комнату валит, так я выйду во двор, на колесе посижу, а когда уж дым пройдет, тогда захожу в хату». Вот, значит, на этом колесе и сидит. — Тетя Шура помолчала. — Вот здесь Славочка мой бегал маленьким, только дверь была с другой стороны... Ну что, постучимся? Может, и дома...

Открыли почти сразу.

— А-а, заходите.

Пол показался каким-то странным — под ногами бугрились не пригнанные друг к другу черные резиновые квадраты, прямо — печь с железными конфорками, по углам — пблки с посудой, рукомойник, ящик с яблоками, гирлянды чеснока, лука. Запахло давно забытым детством — керосиновой гарью.

— Так и не белишь и пол не моешь? — ахнула тетя Шура.

— Здесь пол моется только в декабре. Прошу.

Работающий телевизор, что сразу резануло слух после тишины дома тети Шуры, полусвет настольной лампы, на столе бумаги, книги. Слева — застеленный топчан, над ним — политическая карта мира, по обеим сторонам комнаты — стеллажи книг.

— Что же ты так занавесился, и не поймешь, дома ты или нет?

— Светомаскировка.

— Так в темноте и сидишь?

— Прошу садиться.

В кресло, втиснутое в узкое пространство между столом и стеной, предложенное мне, я неожиданно для себя провалился, крышка стола вдруг оказалась у моего подбородка, на все пришлось смотреть снизу вверх — кресло, видимо, стояло без ножек. Первое, что я успел прочитать на стене: *«Уходишь — счастливо! Приходишь — привет!»* Вся стена, вернее, большой фанерный лист, ее прикрывающий, была покрыта рисунками и надписями. В центре композиции некто в зеленых шароварах заносил над головой худенького растрепанного брюнетика топор на длинной ручке.

— Вот самый лучший Славин товарищ, у которого он в Оренбурге жил.

— Слышал.

Тетя Шура села на стул у порога и с нескрываемым детским любопытством стала осматривать комнату.

— Посетил, значит. Это хорошо. Здесь Слава сделал первые шаги, впервые увидел дерево, скворца, паровоз.

Недавно — минуту назад — в не заполненном книгами пространстве я видел фотографию. Фотографию двадцатилетней давности. Отец и сын. Делают такие карточки в провинции в маленьких деревянных фотоателье, где окна со ставнями, а двери обиты истертой, потрескавшейся кожей с дранкой крест-накрест. Склоненные друг к дружке головы отца и сына соприкасаются; чуть вытаращенные глаза обоих, ослепленные внезапной вспышкой, хранят покой прошлого и неразгаданную тайну его невозвратного счастья.

— Да, отсюда он уехал в Москву и там погиб. Шура, не реви, раньше реветь нужно было.

Непонятно, почему надписи на фанере притягивали меня, я не мог не читать их, хотя и чувствовал, что делаю что-то не то. *«Предпочитаю надежду — обеду». «Каждый смертный ежечасно жаждет красоты». «Если тебе корова — имя, то у тебя должно быть и вымя».* Были и приклеенные картинки: летящая птица с бомбой вместо головы, человек, разбивающий молотом мотоцикл. Но особенно странной показалась короткая металлическая цепочка на плоском креплении, ввинченном прямо в фанеру: висела она как-то грустно, будто кто-то был к ней прикован и освободился, сбежал. Да рядом еще надпись: *«Кто не помнит своего прошлого, тот обречен переживать его вновь и вновь».*

— Так, рассказывать мне ничего не надо, и так все знаю. И все известно. Пили много. Ерундой занимались. Материны деньги просаживал.

Близко посаженные глаза, мясистый, набалдашником, нос, прямая прорезь рта и — главное в лице — массивный, выдвинутый вперед своевольный подбородок. Общее выражение моложавого лица, как мне показалось в первые минуты, несколько волчье. «Всю жизнь для себя прожил, как ему моложе себя не выглядеть», — скажет мне потом тетя Шура.

— Не так надо было жить, не так, — продолжает дядя Леня. — Кому он там, Слава, был нужен? Из деревни приехал. Ну, если что дознается — я их встречу на каменном мосту. Как это так — следствие ведется, виновных нет?! Что это за ответ такой? Они что думают: мы — «сельские люди»?!

— Они что думают: он — какой-то безродный, заступиться некому?! — вставляет тетя Шура.

— А то, что ты увезла его, не похоронила здесь, в городе, тебе не прощу! Всю жизнь ты от меня его уводила. И в смерти увела! — дядя Леня перевел дух. — Если бы Слава мог выбирать... простите, что я так говорю, он выбрал бы эту деревню Ярки, простор, горку, дорогу рядом, березы эти. Я знаю: он любил и вспоминал эти места, деревню эту. Сейчас кто к нему соберется, тот отправится в путь, именно в путь: туда и обратно в мыслях о нем. Теперь будет так. А городское — рядом: забежал — и опять по своим делам. Удобно.

Дядя Леня встал и вышел из комнаты.

Через минуту вернулся с громадным Славиным фотопортретом. Это была знакомая мне фотография, раз в десять увеличенная, отчего черты лица стали расплывчатыми и как бы неземными, кроме того, изображение стало цветным, преобладающим цветом был почему-то зеленый.

— Вот прислали мне — куда я его теперь дену? Может, тебе он нужен — так возьми, — дядя Леня даже усмехнулся.

— Нет, убери! Убери! — вздрогнула и отмахнулась тетя Шура. И вдруг предложила: — Леня, может, пойдем ко мне, пельмени доедим, ты памятник посмотришь?

Дядя Леня будто и не слышал, опустил портрет, приставил к стене, подошел к столу, кинул на нос массивные очки в черной оправе, глаза его за толстыми стеклами стали огромными и потеряли всякое выражение; принялся рыться в ящиках стола, вынимал какие-то папки, долго перебирал в них бумаги и наконец нашел, что искал.

— Вот что. Слава мне надгробие рисовал, а я — ему. Что это вы: «памятник» да «памятник»? Памятники в скверах стоят, а это — надгробие. — Он протянул мне листок. — Вот, смотри.

...Комната дяди Лени вздрогнула, заклубилась и исчезла, откуда-то потянуло сыростью нашей арбатской наемной комнаты полупод-

вала, на стене листы, листы, листы — только что прочитанный рассказ Славы об отце. Слава сидит на корточках, прислонившись спиной к стене, и протягивает мне рисунок — черная прямоугольная птица, перевязанная поперек то ли молнией белой, то ли дорогой белой с двумя резкими поворотами...

— А вот здесь, — дядя Леня ткнул пальцем, указав место, — будет театральная маска. Мы вместе как-то сидели и рисовали. «Ты, отец, — говорит Слава, — помрешь, я тебе такую вот плиту закажу». Для кого ставится «памятник» — как вы говорите? — вскинулся дядя Леня, сорвал с носа очки и, не дождавшись нас, сам и ответил: — ДЛЯ ПУТНИКА! ДЛЯ ПУТНИКА! Чтоб остановить его, не дать пройти мимо. Подошел, так... интересно... такой-то и такой-то Актер! — понятно. Чтоб Путнику захотелось отдохнуть, посидеть, чтоб было ему о чем задуматься, а не просто прошагать мимо. Вы ставьте свой памятник, а я вот это закажу. Ты, Шура, помрешь, я это поставлю. Пошли пельмени есть.

6

— Да... это ты дала! — долго не унимался дядя Леня, мимолетно взглянув на плиту в стайке. — Это надо же догадаться: Славке — звезду?!

— А я знаю, что надо, что не надо?! Я что понимаю? Мне говорят: «Старик — крест, молодой — значит, звезду». Делайте, говорю, как лучше.

Тетя Шура варила пельмени на кухне, а мы с дядей Леней готовили закуску. Дядя Леня бегал из комнаты в кухню, от холодильника и обратно, прыгал перед сервантом, то присядет, то подскочит — «где там у нее то? да где там у нее это?», — все быстренько, все скоренько, хитро посматривая, хитро прихмыкивая; и вновь, как когда-то, но теперь уже против моей воли, я улыбаюсь этой манере взмахивать поминутно двумя руками одновременно.

— Чего это ты меня передразниваешь? Это у меня ранение, правая рука выше плеча не поднимается. А ты думал — чего? Воевали-с, да-с, и народ русский победил, правда, ценой жизни, но это уж не его вина... Приказ: взять высоту! Не разбираются, как лучше взять: может, артиллерией накрыть, может, смельчаки найдутся?! Нет, гонят в атаку...

Да, какими-то летучими, светлыми мгновениями забвения казалось, что ничего не случилось, и вот мы все вместе, и хорошо нам, и печка топится, и тепло, и он не только где-то далеко — где-то рядом или даже с нами, и забудемся мы, и заулыбаемся, и даже засмеемся от светлого теплого воспоминания, и в самый этот момент отдохновения будто кто-то с разворота, наотмашь, по губам, по глазам — плетью, да еще, да еще, по самому нутру, по сердцу, и подступят к горлу, и брызнут горячие слезы, горькие, пьяные, голова задергается, заскачет, и чем ближе подступает радость, тем безжалостнее ломает боль. Дядя Леня не плачет, выпячивает челюсть, в глазах вспыхивает злобный огонек.

— Леня, ты бы съездил на могилку, проведал.

— Нечего мне там делать, — и, не дав опомниться тете Шуре, продолжил: — Гости мы на этой земле, только гости, и ничего более. Все идем к нему, все! И сколько кому до этой встречи осталось, того не ведаем. И зачем остались мы, а не он, знать не можем. Пусть... Пусть. И раньше люди погибали. Только невозвратимо всё! НЕ-ВОЗ-ВРА-ТИ-МО. Помнить и жить! Жить! А плачь не плачь... Завтра вот война будет, вот и выйдет, что он всех нас хитрей оказался. — Дядя Леня склонил голову, посмотрел в рюмку: — Вот опять пить надо.

Только сейчас я услышал и понял его голос, эту западающую внутрь хрипотцу.

7

Я проводил дядю Леню до его дома. Не помню, как снова очутился у палисадника тети Шуры и, еще боясь Кучума на цепи, перелез через забор и, обогнув дом, зашел к крыльцу с другой, безопасной стороны. Тетя Шура уже спала. Я лег на диван, а диван закачался подо мной и поплыл. Поднимусь, посижу — легче; прилягу — опять плыву, опять качает. Из тумана отступающей яви показался дядя Леня в кузове грузовика. Вокруг толпа, и все смотрят на дядю Леню. А у него в руках огромный зеленый портрет. Он держит его на коленях и поворачивает то направо, то налево. «Кто еще не видел? кто не посмотрел? — пожалуйста. Пожалуйста, любопытствующие. Кому интересно — пожалуйста».

Мы договаривались, что дядя Леня придет сам через два дня, но он не пришел ни тогда, ни позднее. И было неизвестно, увидимся ли мы вновь до моего отъезда или нет.

8

Передо мной — тишина, стена из тишины, я не могу прорваться сквозь нее, обойти ее, одолеть, я ощущаю ее почти физически: вот я, вот она; пытаюсь войти в нее, погрузиться в ее вязкость, разгрести ее, — глупый! — она же каменная; и тут стена будто оседает под своей тяжестью, заполняет все вокруг, тишина выталкивает меня, тишина гонит меня, и я бегу между крестов и оград, бегу к деревьям, в лес.

Зачем эти деревья? Растут, а ничего не чувствуют. А может, они как-то себя ощущают — свое безглазое, безухое тело? Ощущения хочу, боли, слова, но вижу только кору, иглы, сучья, листья. Где всё, где всё?

Не бойся леса, старайся привыкнуть к нему, вообрази себя хозяином, охотником... Нет, не могу. Здесь другой лес. Гляжу в суету муравейника, злю себя вопросом: разорить? не разорить? Знаю же, что не сделаю, и все-таки злюсь — что-то тут есть, какая-то тайна.

Сажусь в мох, оперевшись о ствол, задрав голову, гляжу в голубой колодец. Я такой живой. Почему же я ничего не ощущаю? Нет, ощущаю, но не то. Ну что ж, пусть будет то, что есть. Так, как есть. Я не могу себя сделать лучше, нежнее, настоящей. Я то, что я есть. Прости меня.

Поднимаюсь и иду обратно на кладбище.

Вот и первые кресты, обвязанные полотенцами, отвердевшими от пыли, солнца, ветра, дождя, снега. Вот здесь лежит девушка. Приехала летом к матери и забралась с парнем в какую-то избушку-строение, и заснули они там, а бабка какая-то то ли пчел выкуривала, то ли что... парень проснулся, а девушка — мертва, угорела.

А здесь — семнадцатилетний мальчик. Нашли на улице зарезанным, а рядом — нож его закадычного друга, порознь их люди не видели.

А вот богатый, под мрамор, памятник, в ограде чистота, садовые цветы. Двадцать шесть вёсен встретил парень, на двадцать седьмую осень в первые морозы напился пьян, домой пришел, жена не пускает в дом: «Иди туда, где пил», — а он возьми и замерзни ночью у порога.

Донских Мария Михеевна. Хорошо пожила старушка, 96 лет. Видно, специально на памятник фотографировалась: черный платок, выражение лица, подобающее вечности. Морщины причудливо лежат на лице-словно кора дерева.

Я опять пришел. Я посижу. Зачем ты видел во сне своих деда и бабку? Вот теперь рядом лежите. Дед был могуч. Если драка какая случалась, быстренько прятался под лавку. «Что, дедушка, боишься?» — «Боюсь, — говорит, — если встряну, убить кого ненароком». Пчеловод был страстный. Над гробом его летала пчела, то на лицо ему сядет, то на руку, и когда тронулись в последний путь, рука с руки соскользнула и убила пчелу. Старушка его была в половину его роста. Все своему старику прощала, все. Любила его, говорят. А так ведь редко о ком говорят?

Маленькая деревня — маленькое кладбище.

Дерн шелестит, стебельки раздвигаются, показывается маленькая беспокойная мордочка. Мышка садится на задние лапки и смотрит на меня, я — на нее.

Солнце еще высоко.

Ветер, перебирая ветки, играет тенями на его фотографии, и оттого выражение его лица постоянно меняется.

Вспоминаю все, что вспоминается. Бреду по лабиринту прошедших дней, как червь ползет в сухом дереве по своим же проточинам, ползет червь, удивляется: нет сока, кто виноват? У черая съедено, у меня прожито.

Тревожится о чем-то сорока, сыплет и сыплет сверху беспокойством и бранью. Непонятно, отчего вздрагивают листья трав.

Перекликаясь тонко блеющими, надрывно мычащими голосами, пошло стадо. Клином идет стадо: впереди — вожак, за ним — двое, трое, за ними — шесть, восемь, а за ними — расплывающаяся, разбредающаяся масса, которая, наверное, думает, что их ведет тот, кто впереди. А их ведет тот, кто их гонит.

Славка когда-то сказал: «Если актера из меня не получится, буду пастухом». А я тогда ухмыльнулся.

Солнце садится в деревню на взгорье. В просветы между деревьями и по крышам хлынула, заклубилась и застыла на час солнечная лучевая пыль. И уже не видно ни крыш, ни деревьев, ни деревни — все дым золотой.

А где стадо прошло, люди идут. Двое. Между собой говорят. Смеются. Молодые. Обнимаются. Слышится в мягком воздухе ласковое: «Ох ты, милая моя». Проходят...

9

— Что-то я, Саша, ничего не понимаю, что происходит. Почему они ЕЙ Славины вещи отдали?

Прошло несколько дней. Машины — отвезти памятник в центр, выбить крест — тете Шуре всё не давали, а в это утро велели ждать. Встали рано. Позавтракали.

— Я же мать. А она кто ему? И не жена вовсе. — Тетя Шура на веранде мыла в тазу посуду, я сидел на высоком пороге и курил. — Они же вдвоем в комнате были. Может, она в чем виновата? Она сама мне писала: *«Случай... Славочка не хотел умирать...»* Как же он мог хотеть такого? Всегда жизни радовался, писал мне: *«Спасибо, мама, теперь у меня есть любимая работа...»* Когда фильм со Славочкой показывали, тут все прямо с ума посходили, билетов было не достать, по радио сообщали, в газетах писали: *«Наш земляк играет главные роли»*. «Погоди, матушка, — говорил Славочка, — у меня все впереди. Я еще не такого шороху наделаю!» Вот — наделал... «Случай»... — Тетя Шура выпрямилась. — Я же имею право знать, что за случай такой, что *«умирать не хотел»* и мертвый сделался. Ну как же все это происходит?! Вот они мне бумажку прислали, что *«следствие ведется»*, а оказывается — отдали всё. И молчат. Почему они меня в Москву не вызвали? Да неужто не приехала бы за Славиными вещами?! Саша, может, надо найти кого-нибудь грамотного, чтобы мне все объяснил? А она мне все пишет и пишет, что *«красиво умирал»*. Как это человек может красиво умирать?! Что она мне пишет, я ничего понять не могу. Про старушку какую-то. Что за старушка такая появилась, что следователями командует? Что у нее за права такие?! Следователь же мне говорил, что все опечатано, все нужно для следствия, если что случится, то вызовут. И вот — и не вызвали, и, меня не спросив, все отдали. Да как же это?! А там Славочка все описал, как было в его жизни, он каждый день записывал. Там этих тетрадей целые горы, я же видела. А теперь они что им надо повырезают, а остальное сожгут... Я и в «Человек и закон» писала. А мне ответили: *«Следствие ведется»*. Как же оно ведется, если все роздали?!

С дороги у дома засигналили. Подъехал грузовой «Москвичок» с надписью «Продукты».

В его крытый кузов мы с шофером втащили плиту, положили на матрац. В кабине было два места: для шофера и пассажира, и, как я ни уговаривал посадить меня в кузов, шофер не разрешил, боясь автоинспекции.

Они уехали, в доме я остался один. На столе лежала стопка писем, которые тетя Шура просила меня прочитать. Я взял эту пачку, вышел из дома, сел на крыльцо, раскрыл письмо:

«Иной раз даже разговариваю с тобой. Другое дело, что меня постоянно перебивают. Вот-вот, кажется, напишу, ан нет, является какой-нибудь человек с какой-нибудь идеей, и вот я уже совершенно в ином мире.

Ну, ну, все. Больше я не буду тебя мучить разными разностями. Скоро Новый год. Матушка, милая, я хочу, чтобы в этом новом году жилось тебе счастливо и покойно, светло и радостно. Чтобы в доме у тебя всегда было уютно, тепло и сытно. Чтобы никакая болезнь не коснулась тебя, никакое зло человеческое не ранило тебя. Чтобы была ты у меня красивая, здоровая, добрая и нежная и любила бы меня всегда как мальца несмышленого. А уж я за любовь твою и заботу твою в долгу не останусь ни перед тобой, ни перед людьми...»

Развернул другое письмо:

«Александра Тимофеевна, миленькая! Как же так Славик ушел от нас? Видит ли он наши слезы? Чувствует ли он, как мы любим его?..»

Где же про старушку-то?

«От кого зависят наши судьбы?..»

А-а, вот!

«Меня вызвали в прокуратуру и сказали, что нужно освободить Славину комнату, потому что одна пожилая женщина должна жить в ней. Эту женщину я видела, она совсем старенькая и все говорила, что если я не освобожу комнату, то она пойдет жаловаться главному прокурору. Я ей стала объяснять, что я не могу забрать вещи, что они "мои и не мои". Тогда мне старушка ответила: «Оставь стол, шкаф, ковер и телевизор». Я на нее вспылила. Потом мы примирились. Я освободила для этой старушки комнату, оставив там стол и шкаф. Боюсь, что она думает, что все это ее... Сил никаких нет... С нежностью. Извините, что пишу карандашом...»

Сложил, сунул в конверт, взял другой, раскрыл; в нем — фотография: у серой стены с внушительной надписью: «IMMANUEL KANT 1724 — 1804» — стоит на пьедестальных ступеньках дядя Леня. Занес одну ногу повыше, оперся о собственное колено и, чуть улыбаясь, смотрит в объектив фотоаппарата. Стоит дядя Леня в носках — ботинки аккуратно, рядышком стоят ступеньками ниже.

Одно письмо, другое, третье, и вдруг то, чего никак не ждал от Славика: *«...все это суета: эти сходы, разводы. А потом придет время любви, а любить нечем...»*

Кто-то глубоко и тяжело вздохнул. Я оторвался от письма. Перед крыльцом сидел на корточках человек. Сидел, по-видимому, уже давно. Зажал в ладонях мохнатую морду Кучума и будто ловил ускользающий собачий взгляд. Крупные слезы, с горошину каждая, текли по спокойному лицу.

— Кучум меня любит, я его никогда не бью.

— Я тут письма читаю. Тетя Шура разрешила.

— Братка, я Шуру знаешь как люблю?! Она же у меня ласточка, комсомолка, спортсменка, натуральный человек!.. Я все знаю. Ты друг, ты приехал. Я ж его не знал, Славку-то. Мы все его ждали. А знаешь как мы с Шурой жили! Сидим вечером, телевизор смотрим, печка топится. Летом выйдем на крыльцо, я на гармошке играю, Шура поет. А я знаешь как пляшу?! Что ты, братка, в этом понимаешь?! А теперь что?.. Меня Константином зовут. — Константин оставил Кучума и подсел ко мне на крыльцо. — Шли по улицам Мадрида — удивление небес: донна Анна, донна... — Константин пропел нечто невразумительное, — и красавица Флорида!.. Братка, я же еще молодой, сорок пять лет, понимаешь ли это? Я же не пойду... и не потому, что все загладят... Я Шуру знаешь как люблю! Я же ее понимаю: теперь ей некуда стремиться. Она меня и выгнала. И правильно. Я — что? Напьюсь только. А она чисто плачет. Она у меня мастер спорта по боксу, все зубы выбила. Братка, я тебе так скажу: бросай ты Москву, покупай где-нибудь дом, телевизор и рыбачь... Кучум, тебя хоть кормят?.. Я знаю, она без меня загибнет... Пошел я, братка.

Константин поправил шляпу, сунул ноги в тапочки, которые он скинул, садясь на крыльцо, и исчез. Кучум сел на задние лапы и долго смотрел на калитку.

«...Слава, сынок, здравствуй. С большим приветом к тебе мама. Слава, я тебе послала посылку по старому адресу, так что найди ее там. Слава, обо мне не беспокойся, все хорошо. Здоровье пока хорошее, дома все в порядке, работаю на старом месте. Через месяц отпуск. Может, к тебе приеду. Не буду загадывать, а хочется приехать. Мне охота купить все-таки пальто, да обуви кое-какой мне надо, здесь абсолютно ничего нет. А больше всего о тебе, сынок, соскучилась. Слава, сынок, ты на меня не обижайся, что не поздравила тебя с днем Красной Армии. Я почему-то этот день не запоминаю, или потому, что никого никогда не поздравляла. Так что не обижайся, я исправлюсь. Слава, пиши о себе хоть пол-листика. Как у тебя дела, как здоровье, как на работе, пиши все. Слава, я тебя видела сегодня во сне. Вроде тебя привела женщина домой откуда-то, не знаю. Ты вроде больной и, как ненормальный, мечешься то ко мне, то еще куда. И взгляд какой-то ненормальный. Ко мне подойдешь, прижмешься, весь горячий. А я говорю этой женщине: "Его, наверное, испугали или еще что сделали, что он такой". Она мне ответила: «Не знаю».

Так что, сынок, смотри береги себя, ты уже не маленький. Лишнее не позволяй. Все, сынок, до свидания. Целую, мама...»

Пока я ходил к дяде Лене в надежде его застать — но дома его не оказалось, — тетя Шура вернулась, а меня нет. А плита тяжелая, одному шоферу с ней не справиться. Мимо шел человек, нес сетку с хлебом, тетя Шура попросила его помочь занести плиту в ограду, пять шагов всего. «Некогда», — буркнул прохожий. Хорошо, Николай, сосед, с работы шел — помог. Тут же с ним и договорились, что сегодня он пригонит машину, поедем устанавливать памятник.

Поехали шесть человек: тетя Шура, Николай с женой, рабочий, шофер и я. По шоссейке ехали быстро, видели, как на обочине горел круг автопокрышки, а когда свернули на проселочную грунтовую дорогу, разбитую сотнями машин, за нами долго гналась собака — молча, без лая, пока совершенно не выбилась из сил. И почему-то грустно было следить за ее бессмысленным гоном.

Миновали одну деревню, согнав с проселка гусей и свиней, миновали другую, через мост по полевой дороге подъехали к березовому холму кладбища.

Сняли временный памятник, верхний слой дерна под ним, положили в землю два рельсовых бруска, я сбегал за водой на речку, замесили раствор в детской ванне, захлюпала, зачавкала вода, заскребли о стенки ванны лопаты — звук этот веселый раздался как бы по обе стороны прошлого и настоящего.

Мы установили четырехугольную, неправильной формы, остроконечную плиту, в верхнем правом углу которой была выдолблена звезда, а чуть ниже, слева, напротив имени моего друга, — крест.

На обратном пути мы оставили за собой закатное солнце. Я все оборачивался и оборачивался на него: смотришь вперед через кабину машины, — кажется, летим с огромной скоростью, назад обернешься, — а солнце все на том же месте, огромное, красное... только чуть отяжелело, чуть ближе к холмам...

10

— Челдоны — кто такие?

Шофер выпил совсем немного, хотя машину уже отогнал в гараж. А рассказывать он, видно, просто любил, для этого подогрев не требовался, а просвещать «городского» доставляло ему особое удовольствие.

— Челдоны — кто приезжие, но уже давно живут в этих местах. А кержаки — это совсем другое... ну, к примеру, ты у него попросишь воды напиться, — он даст, а ковшик выбросит, или вообще не даст. Есть целые деревни кержаков. В глуши где-нибудь забредешь в такую деревню, хоть умри на пороге, а в хату тебя никто не пустит... Вот отец у меня, к примеру, челдон, а я уж — местный... Отец у меня с одиннадцатого года, трех его старших братьев Колчак убил, так он как выпьет, так плачет... Да... А вот друг у меня на Ямале служил, так у них как? — избушка стоит, ты дверь открываешь, а в тебя стрела летит — самострелы стоят. Там места есть, не то что советская власть — милиция туда не заглядывала. Народ такой: если переправляются через реку и лодку с сыном оторвет и понесет, отец за этой лодкой не бросится. Рассуждает так: сына Бог взял или там черт утащил, если я буду спасать — и меня утащит. А вот если собака его будет гибнуть, сам пропадет, а собаку вытащит! Вера у них, что ли, такая?

Мы стоим в сенях и курим. Парни слушают и смеются: «У него и отец такой: хлебом не корми — дай потрепаться».

— А ты по телевизору «Белый Бим» видал? Фильм хороший, только все неправда. Вот у нас кобёл был, Тархан, меня маленького на речку за рубашку купаться водил. Брательника моего Тархан зимой за пятку притащил, до калитки доволок, тот бы пьяный совсем замерз. А потом случилось: один там у нас женщину насиловал, а Тархан услыхал и руку ему перекусил, рука на одних сухожилиях болталась. И брат этого парня (того уже посадили) Тархана застрелил. Сначала он в него из ружья выстрелил, но только ранил, Тархан — на него, повалил, а у того в кармане браунинг пятизарядный, он ему — из кармана в пах. Хороший был пес. Отец хоронил, так плакал.

Или схожу с ума, или пьян, но мне почему-то кажется, что я до этого дня все сидел в вагоне метро, в гнетущем молчании пассажиров, и только сегодня, сейчас, впервые слышу человеческую речь. Я всматриваюсь в карие глаза шофера и пытаюсь разгадать свое ощущение: «Речь передает из уст в уста жизнь, какова жизнь — такова речь». Думаю так или примерно так, думаю и оттого не слышу, что шофер говорит.

— ...Врачи сказали: всё, готовьтесь. А она стала давать ему сулему и облепиху по ложечке. Он сначала испугался: «Что ты мне яд даешь, отравить, что ли, хочешь?!» А она ему: «Ты смотри, вот из этой самой бутылочки: ты ложечку, я ложечку, ты ложечку, я ложечку, ты ведь знаешь, мне без тебя на этом свете не жить»...

Все вдруг разом засобирались: рано вставать — и все как-то разом исчезли. Мы с тетей Шурой стали убирать со стола. После людского гомона голо и жутко звенела посуда.

— Пойдем сходим к Лене, может, дома он, — неожиданно предложила тетя Шура.

Отвязали Кучума и пошли. Как он, хороший, радовался! Казалось, из шкуры собственной готов был выскочить, исчезал в темноте, вдруг появлялся, скакал козлом, вертелся волчком, бросался под ноги, взвизгивал, покусывал нам пальцы, стремился глазами с нами встретиться, чтоб мы увидели, что рад он, а мы и так видели.

Дом дяди Лени опять погружен во мрак и тишину. Вошли в ограду. Постучались. Ответа нет. Кучум встал на задние лапы, передними стал скрести дверь. Постучали еще. Я пошел назад, обогнул дом, стукнул в окно.

— Нет его, — говорю.

Вдруг тонкое лезвие лучика скользнуло в щель неплотно пригнанной светомаскировки. Ободренный, я вернулся к тете Шуре, Кучум радостно взвизгнул, дверь открылась, с высокого порога над нами навис дядя Леня.

— Куда в комнату с собакой, куда?!

— Вот пришли мы. Смотрим, а свет не горит, — попыталась улыбнуться тетя Шура.

Дядя Леня будто окаменел на пороге — ни слова, ни жеста. В недоумении застыла и тетя Шура, даже Кучум присел и завертел мордой, взглядывая то на него, то на нее.

— Вы, дядя Леня, отдыхаете? — спросил я.

— Раз свет не горит, значит, отдыхаю.

— Я завтра зайду, дядя Леня.

— Буду знать.

— Пойдемте, тетя Шура.

Не помню, как мы дошли до дома. Каждый думал о своем. Кучум куда-то скрылся. На улице стало холодно и черно. Чуть взошли на крыльцо дома, силы оставили тетю Шуру, она опустилась на ступени, обняла меня, прижалась ко мне и взвыла:

— Зачем, зачем мне такое унижение?! Ой, мое горе, только мое! Ой, Славочка, деточка моя любимая! Я хотела сообщить, что памятник поставили, что крестик сделали. Я аж обрадовалась, когда свет зажегся. А Кучум так лапами и скребся, чувствовал, что там кто-то живой есть. Ой, да за что же мне такое горе, за что?! У меня хоть и нет образования, я никому зла не делала. И мужик тот, мужик тот, — вдруг вскинулась тетя Шура, — не захотел помочь памятник в ограду затащить! И почему люди такие жестокие?! Одна я со своим горем, одна. Никто так не страдает. Вот он какой, Ленька. Когда у него Славочка шапку увез, так он по нескольку раз ко мне приходил, все про шапку спрашивал. А когда Славочка умер, я ему ее отдала: «Вот тебе, — говорю, — ты все о шапке беспокоился». Так он ее надел и кричит: «Я ее теперь по праздникам носить буду!» Вот всю жизнь он читал. А кому пользу сделал этим чтением?! Кому от этого тепло стало?! Ты видел, у него на стенке написано: *«Делаю, что хочу»*. А я разве не делаю, что хочу? Я так же могла бы во всю стену написать. Мне муж не понравился, я его выгоняю. Я вот всей душой к нему, а он потом забывается. А все они потом, мужики мои, одинокими оставались, ни разу не женились. Каждый человек живет зачем-то, ради чего-то, ради кого-то. Вот уж когда мы с Ленькой разошлись, я в буфете на вокзале работала, он придет пирожков поесть, а они у нас третьего дня, так я бегу, несу ему с кухни горячие, а он делает вид, что не замечает, а мне все равно легче на душе — что он может один себе приготовить? Я думаю: вот, может, человек родится для страданий?.. Вот Володя был мужчина — лучше не придумаешь, мог выбирать любую женщину, ну, самую наилучшую, а сейчас вот пузырьки пьет. Директор фабрики был, его все только по отчеству звали, а тут приходит ко мне: «Шурупчик, — говорит, — вынеси мне что-нибудь». Никако-

го в людях человечества нет... Ты завтра к Леньке не ходи. И вообще больше к нему не ходи. Обещай мне.

— Обещаю, тетя Шура. Не пойду.

И когда уже потушили свет, легли спать, попрощались до утра:

— Не ходи к Леньке. Ладно? Славочка его никогда не понимал.

— Не пойду, тетя Шурочка, не пойду.

В палисаднике перешептываются тополя, брешут по черным дворам собаки, где-то далеко своим свистом пугает ночь тепловоз. Двумя простынями ложится на пол лунный свет. Нудит в ухо комар... В дальнем темном углу колышатся то ли занавески, то ли восходящие и нисходящие потоки времени...

11

Спешит, суетится вокзальный народ, топчет солнце, разбитое вдребезги об апрельские слякотные тротуары столицы...

Почти каждые десять секунд я проверяю в кармане: на месте ли бутылочка нашатырного спирта и платок. У буфетной стойки разбавляем валерьянку газированной водой, пьем...

На два часа опаздывает поезд. Есть время. Еще есть время. А вот и ОНА на перроне, тоже встречает, еще двое с ней: «Сестра», «Здравствуйте», «Муж сестры», «Здравствуйте». Не надо сейчас ничего рассказывать. Все потом. Главное — встретить мать. Как это говорится — подготовить? Да, подготовить. А в глаза лезут черточки, подробности и почти бессмысленно на конвейере времени сгружаются, сгружаются в память. В немом кино люди губами шевелят, а мы, читая титры, слышим как бы самих себя. А сейчас мы все говорим и вроде слышим друг друга, а все равно такое ощущение, что все мы — герои немого фильма. Крупный план: ее сапоги. Неожиданный план: друг мой смотрит в меня. Что ты в меня смотришь? Общий план: на раскрытой ладони привокзальной площади появляются четверо, они движутся правильной шеренгой, печатным, сурово — торжественным шагом всходят вверх по лестнице, ведущей на перрон, и становятся рядом с нами. «Мы совершенно официальные лица, — говорит один из четверых, обращаясь ко всем нам. — У нас приказ, — и, видно, на чье-то движение добавил: — Поверьте, у нас опыт в таких делах имеется». Мы предлагали один план встречи, они — другой: они везут мать с вокзала непременно в театр, во-первых, у них приказ, во-вторых, тут вообще не о чем разговаривать, это безоговорочно, ситуация чрезвычайно серьезная, мы даже не представляем, до чего серьезная ситуация и какие высшие круги в нее втянуты. Мы настаиваем на том, что мы будем встречать, а они будут в сторонке, как можно дальше. Они отвечали: «Вы нам не указывайте, где стоять». Мы возражали: «Долг можно выполнять и тихо, неназойливо». Наконец договорились, что у вагона встречаем мы, сообщаем, что он сейчас в особой больнице и туда пускают по особому разрешению, и разрешение нужно взять в театре, кстати, тут совершенно случайно работники театра встречают этим поездом еще кого-то из театра, сотрудника, встречают с машиной и как раз подбросят всех до театра, очень удобно: возьмем направление в театре и — к нему, в больницу... Где сейчас он? Он же еще занимает некое пространство в чудовищно громадной Москве, которая когда-то, уже так давно, по приезде сюда, казалась ему огромной разинутой пастью, он сам мне рассказывал, а подвальчики по улочкам-переулочкам с железными прутьями-крышками — жадными ротиками жалких организмов, раздавленных, вмятых в землю, но неистребимо жаждущих жить, жить несмотря ни на что, любым, самым жалким способом, но жить... Идут, идут люди в мутном потоке времени... То один отойдет в сторону, то другой. И я отхожу, и я хожу. Еще час. Валерьянка действует так, что все вокруг может двигаться, а ты сохраняешь абсолютно внутреннюю неподвижность и куришь, куришь, а значит, получаешь удовольствие — и до, и после, и во время! — да что за удовольствие, к черту, когда уже тошнит. Нет, это валерьяна стоит таким прохладным колом внутри, а вокруг кола все затекает, деревенеет... Почему такое ощущение, что все всё вынесут, смогут, выдержат, не подадут и вида — действуй человеку на нервы, испытывай его, не жалей, — чего его жалеть? Почему человек этот, сегодняшний, явный ужас вынести может, а другого, тайного, — не может?! Еще совсем недавно горячило и будоражило: жизнь — театр, люди — актеры; потом пьянило и развращало: жизнь — сон, люди — призраки; потом отрезвляло, пугало и давило: жизнь — механизм, машина, а ты — болт, винтик; и вдруг: жизнь — бред, и никто не хочет знать, кто он...

С объявлением о прибытии поезда одно марионеточно заскакало, задергалось, запрыгало, другое словно наполнилось воздухом, и закачалось, и поплыло, а поезд медленно вполз по желобу внутрь перрона.

«Мрась, мрась, мрась», — сзади печатает шаг шеренга. И вдруг от взбухшего тела толпы отрывается маленькая тщедушная фигурка и бежит, бежит, фалдочки пальто развеваются, бежит, скрыться хочет от какого-то ужаса, от нас убежать хочет, бежит Стасик по перрону к вагону номер 15. Первым увидел тетю Шуру...

Почему эта женщина такая родная, как будто я знаю ее давно-давно и всегда любил, и всегда предчувствовал: походку узнаю, пальто коричневое узнаю. А каждое ее движение уже утяжелено беспокойством, тревогой, бессонной ночью, а все кругом говорят, говорят что-то... Какая-то уже затравленность сквозит в ее еле приметном движении головы, краешком глаза взглянуда: что-то все к ней пристраивается какая-то тетка в зеленом пальто и будто подслушивает, что они со Стасиком говорят, и в глаза заглядывает, и сзади чьи-то шаги — ближе, ближе, и чье-то молчание сзади нависло, душу давит, и будто все от нее чего-то хотят, чего-то ждут, а ждет ведь она... Почему в театр? Зачем?! К сыну хочу! Скорее! Скорее!

В театре два служебных входа, на одном из них нас просят подождать маму. Минут тридцать ждем.

— Пожалуйста, пропустите нас, может, что случилось, может быть, помощь нужна.

— Здесь нельзя проходить, идите на другой вход.

Бежим на другой.

— Куда вы? Посторонним нельзя.

— Мы не посторонние, мы родные, близкие, нам подождать сказали.

— Раз сказали, значит — ждите.

— Мы уже долго ждем, волнуемся.

— Идите вон к замдиректору, а пропустить не могу.

Слава Богу, он с нами маму встречал.

— Мы к вам.

— По какому вопросу?

Кто-то закричал: «Что?! Что ты сказал?» Нет, померещилось. Но ведь этот человек сейчас произнес что-то несуразное, или тоже показалось?

— Еще раз вас спрашиваю: вы по какому вопросу?

— Мы хотим узнать: что с мамой, где она?

— Какое отношение вы к ней имеете?

— Мы друзья... вы же видели, мы ее встречали.

— Так что вы хотите от меня?

— Хотим, чтоб вы сказали нам, где она.

— Я не уполномочен отвечать на ваши вопросы. Вы знаете, что дело принимает серьезный, официальный характер, у нас есть распоряжение прокуратуры... Одну минуту. Чего тебе?.. Привезли? Как хорошо!.. Сколько?.. Прекрасно. Сейчас я приду, разберусь тут с друзьями. Так вот, друзья мои, есть распоряжение прокуратуры, чтобы никого из вас с матерью не было.

— Что за бред? Такого распоряжения не может быть.

— Я с вами препираться не буду. Раз говорю есть, значит, есть... Иду я, сейчас!.. Так что ничем услужить не могу. Всего доброго.

— Мы отсюда не уйдем, пока не узнаем, где сейчас мама.

— Не уйдете? Прекрасно. Сейчас вызову милицию... Да иду я!

Набираем номер прокуратуры, вызываем следователя — никакого распоряжения не было.

— ...Подождите минутку, не кладите трубку, а то товарищ нам не поверит, пусть от вас услышит... Будьте добры, начальника своего позовите... Пожалуйста, послушайте, что следователь говорит.

— Я трубку брать не буду.

— Как не будете?

— Вот не буду. Не хочу.

— Что вы тут из нас идиотов делаете?

— А ну не кричи, ну-ка убирайся отсюда!

— Это почему на «ты»?

— Потому... быстрее, живо!.. не надо, не надо совать мне трубку в лицо... не надо, не из пугливых...

Едем в прокуратуру. Следователь при нас звонит директору: «Скажите ребятам, где сейчас мама...» — «Я адреса не знаю, — отвечает ему директор, — этим вопросом занимается мой заместитель». Мы кричим: «Мы у него были!» Директор говорит: «Я ему позвоню, сейчас все выясню. Пусть ребята едут в театр».

Едем в театр, проходим к заму.

— Еще раз повторяю, — кричит зам, — что адреса я не знаю, а если бы и знал, то вам бы не сказал! Никакой директор мне не звонил!..

Сквозь кордон из вахтеров проламываемся наверх, к директору.

— На совещании. Ждите. Вот в этом кабинете.

Ждем.

Ждем минут тридцать. Заглядываем в дверь того, другого кабинета. Оттуда кричат: «Будьте добры, закройте дверь».

Солидные люди. Большие люди. Главные люди.

Ждем. Входит. Большой. Солидный. Главный.

— С кем имею честь?.. Эге... эге... эге... с вами знакомы. Очень, очень приятно.

Щедро одарил каждого рукопожатием.

— Так... какое отношение имеете?.. так... понятно... понятно...

...Какая сила перетащила его от нас в стан мертвых?

—... Ребята, я хочу, чтоб вы поняли одно: матери сейчас очень, очень тяжело. Мы сделали все, чтоб как-то облегчить ее положение, хотя вы, конечно, понимаете, что утрата ее невосполнима. Мы позаботились о помещении, она находится в хорошем уютном месте, при ней постоянно прекрасный врач, что в данный момент необходимо. Постоянно с ней кто-то из наших представителей. Все продумано, все приготовлено. Ребята, поймите мать, ей сейчас очень, очень тяжело.

— Но почему, если рядом находятся представители театра, совершенно чужие, незнакомые ей люди, почему не быть рядом близким ее сына, его многолетним друзьям? Человек в ее положении не может оставаться одиноким! Одно дело, если какие-то посторонние люди ей будут культурно пожимать руку: «Мамаша, крепитесь, будьте мужественны», — и другое дело, если рядом люди, которые будут с ней вместе рыдать, кричать. Это же так ясно! Русский обычай, если хотите, этого требует, а у нее в Москве нет никого ближе нас, и у нас нет сейчас ближе ее человека. Если хотите, она Москву не любила, даже боялась, а теперь Москва отняла у нее сына, ей же это так представится, а мы тоже все из тех краев. Мы даже не знаем, как вам все объяснить. Если вы почему-то не доверяете ей, ему, мне, то вот перед вами его лучший друг, самый близкий, дома у них гостил, мама его любит, знает, он ее сейчас встречал. Пройдет какое-то время, и спросит-ся: почему не был рядом? кто не пустил? почему не пустили? почему не добился, чтоб пустили? Неужели вы думаете, что мы недостаточно интеллигентны, столь грубы и бестактны, что будем лезть матери на глаза, спекулировать нашим собственным горем, неужели вы не понимаете нашего желания быть с ней рядом, просто где-то рядом, пусть она и не видит нас! Неужели это трудно понять? Это же плохо, это стыдно, что мы вам все это вынуждены объяснять, слова говорить эти!

— Ребята, я очень рад, что вы интеллигентные, что вы чуткие, но мать никого не может сейчас видеть, будьте милосердны. А русские обычаи я, с вашего позволения, знаю, может быть, не хуже вас.

— Но вы же не знаете, хочет она видеть кого-нибудь или нет, вы же с ней об этом не говорили. И действительно, мы согласны, может быть, сегодня нам и не надо показываться ей на глаза, но завтра, послезавтра — мы должны быть с ней. Дайте адрес хотя бы вот одному ему, мы обещаем вам, что сегодня туда не пойдем.

— Нет, адреса я вам дать не могу, но... но, если вы так настаиваете, — поверьте, я очень хорошо понимаю вас, — я могу съездить и спросить, есть ли у нее желание кого-нибудь из вас видеть.

— Если вы ее так спросите, можно предположить, что она ответит.

— Я спрошу так, как надо спросить, как считаю нужным.

— Где нам подождать вас и сколько?

— Внизу подождите, в фойе, на входе. Минут через сорок я буду.

— Мы будем на улице.

— Хорошо, ребята. Итак, простите, еще раз ваши фамилии... — и он на отдельном листочке столбиком записал наши фамилии.

На улице мы ждали выхода директора — не дождались. Директорская машина переехала на другой вход и вскоре исчезла, вероятно, ушла каким-то проулком. Минут через сорок машина вернулась к подъезду, где нам предложили ожидать, но директора в ней не оказалось. Звоним в приемную. «Нет его», — отвечают. Стоим, удивляемся. Знакомый актер говорит: «Он давно в театре, с другого входа зашел». Звоним в приемную. «Нет его», — отвечают. Мы говорим, что мы знаем, что он в театре, его видели, он зашел с другого входа, мы говорим, что это в конце концов противно, подло в конце концов! «Подождите в фойе, — отвечают, — на входе». «На каком?» Там-то и там-то.

Бежим на другой вход. Ждем в фойе. Директор входит с улицы.

— Она сказала, что никого видеть не хочет. А вас, — он ткнул пальцем в меня, — она вообще не знает.

— Конечно, ей сейчас трудно вспомнить, — произнес я.

— Вы должны, должны, должны дать мне ее адрес, я должен быть с ней, понимаете вы это... вы... вы... вы... — маленькую фигурку трясло, лицо Стасика побелело, губы дрожали; мне стало страшно.

Высокий директор взглянул сверху вниз и улыбнулся.

— Неужели вы думаете, что вы, — он подчеркнул паузу еще одной улыбкой, — именно вы можете ей помочь?

— Да, я так думаю.

— А я так не думаю. Этих молодых людей, — в голосе директора зазвучали истерические нотки, — ни под каким видом, ни по каким вопросам ко мне не пропускать! Будет гражданская панихида, там все встретитесь...

— Ты к Леньке не ходи. Не ходи, — тетя Шура еще не спала. — Славочка мой его никогда не принимал.

— Нет, не пойду. Не беспокойтесь. Сказал не пойду, значит, не пойду.

12

На следующий день, в обед, тетя Шура прибежала с работы домой, принесла банку сметаны лечить мой желудок — с утра начались знакомые мне боли. Тетя Шура готовила обед на кухне, я вышел на крыльцо, вдруг слышу голос: «Собаку убери», — у калитки стоит дядя Леня. Пока я тащу упирающегося Кучума в сарайчик, дядя Леня, прижавшись к стене дома, скачками, на цыпочках, проскальзывает к безопасному крыльцу, все будто играя в своего сына. Подрыгал одной ногой, другой, скинул ботинки, вошел в сенки.

— Что за дурацкое животное — собака!

— Хорошее животное, дядя Леня.

— Да?! Человеку когда говорят, какая же ты собака, когда он что хорошее сделает?! Скажешь, собака стережет добро, — так ей все равно что стеречь, на кого лаять, — дядя Леня терял мысль, но не сдавался. — Свинья тоже хорошее животное?

Тетя Шура даже головы не повернула. Мы прошли с дядей Леней к столу, сели, я нарисовал на листке, как легли звезда и крест.

— Ничего этого не надо. БОГА выдумали! Для утешения. Глаз нет — чем будешь смотреть? Тела нет — чем чувствовать? Душа есть принадлежность тела. Умирает тело — умирает душа. Тут же, немедленно. Я единственный тут отца откапывал. Откопал, посмотрел. Там он, лежит себе спокойненько. Никакого «другого света» нет — одни элементы. Так что на этом свете надо радоваться, того ждать нечего. Там ничего нет, всё — здесь, — он опять внимательно посмотрел на рисунок. — Это надо же додуматься: и звезду, и крест! — снял очки, весело взглянул на тетю Шуру и покачал головой. — Звезда и крест несовместимы.

— Ох и умный ты, ох и умный! Пришел бы и сказал, как нам, дуракам, делать. А то всё языком мелешь и мелешь, а помощи от тебя никакой.

— Дядя Леня, вы же сами говорили, для кого памятник: не для него, не для нас, — для путника. Чтоб было о чем задуматься. Как раз тот случай. «Странно это, — скажет, — и почему этот человек так отмечен?»

— А звездочка на небе — это ведь тоже звезда. И в стихотворении, что Славочка любил, мне все говорили, там тоже написано: *«Это от ночной звезды»*.

И вдруг все замолчали.

— Дядя Леня, я зайду к вам сегодня, дома будете?

— Буду. А зачем?

— Разговор есть, — сказал я и вышел в сени покурить...

Как странно они разговаривают. Не слушая, перебивая друг друга, горячо волнуясь, всё как-то, что называется, «в сердцах», на какой-то изматывающей душу ноте... *«Опасайтесь нервных вспышек!»* Что это? Откуда это? *«Опасайтесь нервных вспышек!»* — еще раз прочитал я надпись в правом дальнем углу. И тут я увидел весь плакат целиком. На плакате были изображены две спички: одна — словно бы чем-то взволнованная, потрясенная и... возгорающаяся; и другая рядом, по-видимому, та же самая спичка, но через минуту — почернелая, скрюченная... отсветилась.

За все эти дни, проведенные у тети Шуры, я впервые обратил внимание на этот плакат. Зачем он здесь? Как появился? Краски его побурели — видно, давно он был повешен: на время, прикрыть голые доски, и — прижился, свыкся, слился и стал неприметен. Смотрит на него тетя Шура каждый Божий день и не видит...

Дядя Леня вдруг проскочил мимо, даже не попрощался, что-то буркнул, вроде: «Ладно», — и исчез.

— Он меня все выспрашивал, что за разговор ты хочешь с ним вести. А я ему: «Я откуда знаю? Ведь это он хочет с тобой беседовать, не я», — говорила мне тетя Шура по дороге на работу. И мне казалось, что ей нужен, необходим этот предстоящий разговор с дядей Леней, хотя я и не представлял себе, о чем, собственно, я буду говорить с ним. Тогда мы жили странным ощущением того, что что-то должно каким-то образом разрешиться. Мы все чего-то ждали тогда.

— Ты только не говори, когда с ним разговаривать будешь, что я Костю моего выгнала. Если он спросит: «Как у них там?» — скажи: «Все хорошо, живут».

И вдруг догоняет нас сосед тети Шуры, Николай, лицо красное, запыхался.

— Здравствуйте, тетя Шура. Здравствуй. Ты чего прищурился? Пойдем свежину кушать. Тесть кабанчика колет.

— Пойдем, — говорю.

Проводили тетю Шуру и пошли.

Николай изредка посматривал на меня и посмеивался. Меня потихоньку стало трясти: где-то сейчас дышит, хрюкает живое теплое существо, которое непременно, обязательно — присутствие или отсутствие мое ничего не изменит! — должно умереть через несколько минут. От этой мысли я вдруг ощутил себя маленьким, ничтожным, беззащитным перед ножом неизбежного.

Хозяева приняли меня так, будто я должен был прийти, и было бы странно, если бы я не пришел, то есть никак не приняли — пришел, ну и ладно.

У них не огород — поле, не ограда — двор, не хозяйство — добро. Каждой вещи свое назначение, свое место.

— Мать, опять курицы в огороде! Кыш, кыш, проклятые! Ну, пошли, что ли.

Меня провели в тесный коридорчик, образованный огородной изгородью и сараями.

— Ты, — говорят, — как он выйдет, хватай его за правую ногу и вали. Только хватай обеими руками, а то вырвется.

Хозяин открыл дверь сарайчика и, наклонив от себя таз с отрубями, позвал: «Васька, Васька». Никто не показывался. «Васька, Васька», — еще подсластил свой голос хозяин. У меня мелькнуло соображение, что Ваську полагается покормить перед казнью, — ничего подобного: не успел хряк показаться из сарая и потянуться за предательски отодвигаемым тазом, как был резким движением опрокинут, под левую переднюю ногу ему сунули нож, хряк взвизгнул и захрипел, на него навалились, из открытой раны забила кровь; быстро угасая, хряк подергал теплыми волосатыми ногами и замер.

Ваську потащили в огород, положили на помост, специально подготовленный, заткнули рану тряпкой и стали обжигать паяльной лампой, обмывать, скрести ножами. Из грязного он превращался сначала а черного, потом в желтого и наконец в снежно-белого. Хозяйские дети крутились тут же, визжали, хохотали и канючили, выманивая хвост, уши и «пузырь». Я искал глазами укромное место, где скроюсь, когда покажутся внутренности бывшего Васьки, но вместо отвращения испытал неожиданно яркое чувство восхищения перед разумной красотой организма: все прилажено, пригнано, каждый орган имеет свое назначение, форму и цвет, ничего самодовлеющего, все слитно, переплетено, необходимо. Как завороженный смотрел я на серо-синие блестящие трубы, какие-то фантастические по форме, с таким неподходящим названием — кишки. Дети визжали, вырывали друг у друга уши, хвост и мочевой пузырь.

Печень, легкие, сердце были вынуты и подвешены темно-красной гирляндой на высовывающуюся из поленницы жердь.

Я смотрел снизу вверх на проколотое сердце Васьки. Еле заметный рубчик темнел на его блестящей поверхности. «Я себя никогда не позволю зарезать как кабана», — почему-то подумал я и пошел в дом есть уже готовую свежину.

Русский обычай — есть свежину из общей сковородки. Пили коньяк. Велись разговоры о том, как завтра будут продавать мясо, при этом хозяин волновался: спорил, горячился. По радио передавали «Приключения Буратино». Мы — старики, взрослые и дети — ели печень свиньи Васьки, совершенно не задумываясь, хорошо это или плохо. Было бы странно, если бы кто-то из нас вдруг решил, что это плохо, или, того чуднее, если б кто-то, наоборот, решил, что это хорошо, и, еще чего доброго, сказал бы об этом вслух.

Но только зачем свинье давать человечье имя?

— Чувствуешь, как все в тебе играет? — Лицо Николая, пунцовое от закатного солнца, а также от выпитого и съеденного, светилось удовольствием. — Только с непривычки может пронести. А некоторые живую кровь пьют — полезно. Но я этого не люблю. Да, хорошо жить! А хорошо жить — еще лучше. У меня сейчас работы навалом — сезон, калым идет. А зимой дома сижу, книжки читаю. Не понимаю я, как вы там в Москве живете?! Народ плохой, дышать нечем. Ох, как я там страдал! Все время под землей, как крот какой! Идешь в этой толпе, и нет тебя! Себя не чувствуешь! Я этого не люблю. Здесь много лучше. Тут хоть людей разглядишь. Я тебе скажу: всякая жизнь интереснее действительности. Слушай, а у нас вот никто не верил, что Славка на артиста выучился, думали, что врет, и я так думал. Так что тут делалось, когда первый Славкин фильм вышел! Вот и всегда так: думаешь одно, а выходит другое, верно я говорю?

Ко всему у Николая было какое-то роаное отношение, обо всем он говорил радостно-непринужденно, и становилось непонятно, как он относится к тому, о чем рассказывает, — хорошо это или плохо, и, может быть, именно поэтому звучание его голоса, образы, вызванные его речью, как-то незаметно сливались с тем, что нас окружало: с вечером, улицей, закатом, с людьми, проходящими мимо нас. Не помню нигде столько улыбок на лицах у прохожих. Многие просто пели.

— А ты слыхал, у нас парень тещу и тестя топором зарубил? Теща в больнице очнется, спрашивает: «Как мой Михаил?» — муж ее. А ей отвечают: «Так же, как и ты». А он уж похоронен давно. Чего не поделили? А ничего. Жена от него ушла, так он вроде считал, что те разлучили их. А старики им дом выстроили. Как-то пообещал их зарубить, пообещал — сделал. Ночью в окно залез. Из комнаты стариков уже выходит, а на пороге сестра жены. Она ему спросонок и говорит: «Ты еще у нас? Не ушел разве?» Во как! А тут в одной деревне, недалеко, сын родную мать убил...

Мы перешли навесной железнодорожный мост, и от станции повела нас вперед тополиная аллея. На эту аллею тетя Шура меня как-то специально приводила. По обе стороны дороги стоят гигантские тополя — близко друг к другу, сплошной темной шевелящейся громадой. И в шорохе их листьев, в движении их веток нет ничего рабского, заискивающего перед ветром, а есть лишь ровное, необходимое колыхание. По этой аллее маленький Славка бегал к матери в станционный буфет, когда она еще уборщицей там работала. По этой аллее они вдвоем шли домой. По этой

аллее зимой на санках возили картошку к ташкентскому поезду, потом торопились быстрей домой, в тепло, и маленький Славка, путаясь под ногами, заглядывая в глаза, спрашивал: «Мама, ты довольна, что всю картошку продали?» — «Довольна, сынок, довольна».

Солнце садилось удивительно быстро и, когда мы прощались с Николаем, кое-где в окнах уже загорелся свет. Я пошел к дяде Лене. Дверь мне никто не открыл, а дома хозяин или нет — определить было невозможно из-за светомаскировки. Я обошел дом, постучал в одно окно, в другое. На ближнем окне желтой масляной краской было написано: *«Cherchez la femme»*, на соседнем подоконнике стоял ночной горшок, на котором я прочитал: *«Убирайся к черту!»*

13

— А я уже волноваться стала: нет и нет. Никого ведь не знаешь, а по ночам ходишь! Тут ведь народ такой — прирежут ни за грош. Сегодня вон сторожа в магазине зарезали, понятые приходили вино пить, а у самих аж руки трясутся.

— Тетя Шурочка, пластинка кончилась, можно, еще поставлю?

Подскочила бойкая красивая официантка, на которой (по ее словам) муж, как он сам говорит, женился по любви.

— Ох, надоели вы мне. Ставь.

Ничто на земле не проходит бесследно,
И юность ушедшая все же бессмертна...

— Тетя Шурочка, мне двести и два пива. Знаете, сегодня иду с дочкой, а навстречу, слышите, тетя Шурочка, близнецы идут с мамой. Дочка и спрашивает меня: «Мама, а почему я неодинаковая?» ...Спасибо, тетя Шурочка.

— А Константин опять здесь.

— Где?

— А вон там. За занавесочкой сидит. Да я и глядеть-то на него не хочу.

Я отошел от стойки буфета, чуть отдернул занавеску, скрывающую кухню от посетителей. Днем зал служит столовой, а вечером задергивается занавеска, приходят официантки, стелят нечистые скатерти, ставят пепельницы, и запускается проигрыватель. *«Жил да был один король...»* Ресторан «Русское поле».

За первым же от меня столиком сидел дядя Костя. Неожиданно было то, что рядом с ним сидел мальчик лет двенадцати. Мальчик ел. Дядя Костя наливал себе в рюмку. Так странно и непривычно было наблюдать жизнь другого человека в течение хотя бы вот нескольких минут, думая только о нем и ни о чем другом, не ища в этом никакого смысла и почему-то получая радость. Хорошо, что он даже не подозревает о том, что на него можно вот так смотреть.

— Какие свиньи живописные, — говорит мальчик.

— К-а-а-к?

— Живописные.

— Так ты поэт будешь? Ай-ай-ай! А мясо любишь живописное? Лучше молчи, три килограмма с ботинками! Что ты в этом можешь понимать! Ты вот знаешь, как я хомут покупал? Спрашиваю хозяина: «Где покрышки?» Он смотрит — где. «Какие, — спрашивает, — покрышки?» Хомут-то украли, а он смотрит — где покрышки и спрашивает: «Где? Какие покрышки?! Хомут где?!» Я ему и говорю: «Я и спрашиваю, где покры... где покры... покры... раз хомута нет!» Это тебе не твой телевизор. А мне говорят: «Еще раз скажешь про телевизор, тетя Шура выгонит»... Братка! Садись! Выпьем, — дядя Костя увидел меня. — Племяша в гости приехал, так я решил его в ресторане покормить. Видишь, какое у них детство! «Свиньи, — говорит, — живописные!» А у меня детство было... хорошее! Отец у меня служил в городском комитете, а мать знаешь какие драники делала — поел, через полчаса опять есть хочется! Вы хоть знаете, что такое драники?.. Сейчас мы устроим, — подмигнул мне Константин.

— Не надо, дядя Костя, я не хочу.

— Ничего. Шура меня знаешь как любит! Ты поел? — обратился он к племяннику. — Ну и шуруй. А мы тут еще посидим... Братка!.. Братка, ты не обижайся, я всех так зову, будь ты хоть министр. Ты — москвич, я — мужик. А мог бы стать артистом. Приезжали из города, забирали меня в театр — я как Крючков пел и смеялся. Говорят: «Будешь представлять у нас на сцене». А я мамке в юбку уткнулся и — в крик: «Не хочу, не отдавай меня, мама-мя!»... Сейчас мы устроим... Никогда пьяницей не был, больше литра сразу мне ни за что не выпить. Шура, — мы подошли к буфетной стойке. — Шура, Маяковский сказал: «Все — наше!» Тракторы, огороды, сады, шляпы — все наше! Налей нам с браткой.

— Костя, побойся Бога! Разве ж так можно? Ведь каждый день, каждый день...

— Шура, я Богу молюсь. Как мимо милиционера еду, так молюсь. Чтоб не остановил. Один останавливает: «Дыхни», — говорит. Я дыхнул, тот упал. Другой подбегает: «Езжай», — кричит. У меня, братка, мотоцикл такой — я ему говорю: «За водкой поехали» — враз заведется. А так — нет, не поедет. Я тут с одним спорил — выиграл. Пока не сказали, зачем едем, не завелся. Я Бога боюсь, Шура, а то я бы у него спросил, почему водка восемь семьдесят шесть, а не три рубля. Налей, Шура. Комсомолка, спортсменка, натуральный человек, налей!

— Я вот тебе налью. Отойди, мне работать надо.

— Ты меня хоть раз пьяным видела?! Понял! Все, Шура, только не по голове! Я — мастер спорта по бегу!

Дядя Костя сбежал вниз по лестнице.

— Он хороший. — Тень улыбки скользнула по лицу тети Шуры. — Никогда не дерется. Только несерьезный какой-то, вот всякое собирает. Хороший. Ведь как он... Я вот тебе все рассказываю. Мы лежим, так я чувствую, он боится пошевелиться, чтоб меня не беспокоить. Мать его приходила, когда я в беспамятстве была, говорит: «Хоть хлебни чайку с медом»... Чего тебе?

К прилавку подошел высокий крепкий парень и замычал. Тетя Шура налила ему пива. Он выпил и опять замычал.

— Хорошо, Петя, хорошо. Это он говорит, если что надо, дрова наколоть, — переводила мне тетя Шура, — или картошку копать, он придет. Вот сколько живу, все его помню, и маленький такой был, бегал тут, добрый, хороший.

— Тетя Шурочка, пластинка кончилась, я поставлю?.. Иду, несу, — оборачиваясь, кричит вдруг официантка на чей-то нетвердый, но ласковый голос. — Иду, рояль тебе в ухо!

Жил да был, жил да был,
Жил да был один король...

— Тетя Шура, я схожу пока к дяде Лене, может, вернулся.

— Если будет спрашивать, как мы живем, скажи: хорошо живут, не говори, что я Костю выгнала, — еще раз напомнила тетя Шура.

— Ты что, пошел, братка? — остановил меня Константин у выхода из ресторана.

— Я скоро приду.

— Ты не обижайся на меня, братка. Мне тут говорят: «Ты чего молчишь, когда с Шурой разговариваешь?» А ты знаешь, как один машину заводил? Она не заводится, так он ей все фары выбил, а я подъезжаю, крутанул разок, она и завелась. А он и говорит: «Где же я теперь фары-то возьму?» Ну, иди, иди куда тебе надо.

Жил да был, жил да был...

14

Шум ресторана «Русское поле» где-то по дороге отстал, дышалось легко и свободно, и я почему-то был уверен, что дверь мне откроют.

— А я заходил — вас не было.

— Не знаю, все время дома был.

— А-а, так у вас телевизор работает, может, и не услышали из-за шума.

— Может быть.

— Странно, что я ничего не слышал, — к окнам близко подходил, правда, с другой стороны.

— Это я не для тебя написал, — для пьяниц, ходят, заглядывают.

— Я так и понял, что не для меня.

— Выпить хочешь?

— Нет, спасибо.

Дядя Леня вышел из комнаты, немного погодя вернулся, поставил на стол польской водки с плавающей травкой, пузатые рюмки, яблоки, хлеб.

— Обыкновенный хлеб, обыкновенные яблоки. Сейчас кофе будет. Вода плохая, но я пока не отравился.

Надолго замолчали.

Дядя Леня уставился в телевизор, делая вид, что поглощен зрелищем, и время от времени произносил восклицательные хмыки. Шла цирковая программа.

— Смотри, что делают.

— Чепуха все это.

— Почему чепуха? Ты же так не сумеешь.

— У меня другая профессия.

— Это верно.

— Мертвая жизнь.

— Как это — «мертвая жизнь»? Такого не бывает, не может быть.

— Сказки читали?

— Не помню.

— Там часто, в русских сказках, речь идет о живой и мертвой воде. Окропили мертвой водой разрубленное тело — все склеилось: руки, ноги, голова, все на месте, а души нет. Окропили живой — и встает человек. Так и телевизор. Души нет. Мертвая жизнь.

— Ишь ты. Мудрено.

— Да вот так. А вы говорите, почему тетя Шура телевизор не включает!

— Да пусть хоть все программы смотрит!

— Суррогатом душу лечить, дерьмом на раны поливать — авось заживет? Бред какой-то. И вот с чем я пришел, дядя Леня... Можете отнестись к моим словам, как вам угодно будет: соглашаться, не соглашаться, пропустить мимо ушей, посмеяться, но возражать не надо, ни к чему, не для спора говорю, я скажу, а вы делайте как знаете...

И меня понесло. Я уже ничего не видел перед собою: ни комнаты, ни дяди Лени, ни прошлого, ни будущего, ни к чему было. Миг настоящего взвился как ошпаренный — может быть, рюмкой водки, которую я все-таки выпил; ощущение времени исчезло, я говорил и чувствовал, говорил, что чувствовал, а чувствовал я главным образом то, что говорю я хорошо.

— ...Мы вот сейчас с вами разговариваем нормально: не кричим друг на друга, не перебиваем друг друга, потому что друг друга хотим понять, никто ни на кого верхом сесть не хочет. А что же вы стараетесь свою правду тете Шуре втолковать? И ведь заранее знаете, что не поймет она вас, не примет она эту вашу правду, что всю ее опять сотрясете, издергаете, солью на раны посыплете, а все-таки хотите победителем выйти, ее своим миром, как колпаком, накрыть. Но она ничего не увидит, темно станет, велика шапка-то! И не ее это вина и не ваша заслуга, да и не в этом все дело, и вы всё прекрасно понимаете, и всё же ее мучаете. Понятно говорю?

— Дальше.

— Вот вы всё говорите тете Шуре: «Телевизор смотри, не плачь, радоваться надо жизни», то есть то же самое, что и все кругом ей говорят: «Шура, для себя живи, его не вернешь». А умеет она для себя жить? Знает она, что это такое, когда она всю жизнь для других прожила? Доброе слово говорят родственники, мудрое, а она ждет их каждый день. «Вот зайдут, вот зайдут, а у меня не прибрано», — ждет, и нет никого. Человеку в радости много надо: и поесть хорошо, и попить, и чтоб одеться, и чтоб по телевизору хорошую программу показывали, а в горе человеку очень, очень мало требуется — взгляда сочувственного, человеческого, прикосновения легкого, словечка, а больше молчания твоего рядом, много-то не надо. Вместо поучений, разговоров: так — не так. Идете мимо — зашли: «Как ты, Шура?» — и всё. Встретить, проводить до дома после работы, страшно одной-то в такую темень.

— Больно уж вы с ней носитесь. И сегодня пойдешь провожать? Все на часы смотришь?

— Пойду.

Дядя Леня затих.

— Эгоизм, говоришь? А я им раньше был нужен? Ну, ладно, выпили... Как они с Константином?

— Живут. Хорошо.

— Врешь. Я же знаю.

Мы опять замолчали. Дядя Леня вновь уставился в телевизор. Кто-то про что-то говорил.

— Сказал бы ты что-нибудь другое, — пробурчал дядя Леня. — Был тут у нас один поэт. Не у нас, в городе. Выпустил сборник под названием *«Ранимость»*. Вдруг появляется у нас в книжном магазине. И я там же сижу, у директорши, острю по давней привычке. Заходит поэт, вынимает свою *«Ранимость»*, делает надпись, презентует директорше и в скором времени пытается уйти вот с такой

объемистой стопочкой. Я с табуреточки встаю: «Ничего?» — спрашиваю. Не понимает. «Я насчет вашей ранимости беспокоюсь. Нигде не больно?» Да... Но вот он помер недавно. От разрыва сердца... Через три года я вас, друзей, соберу, — продолжал дядя Леня, — вызову телеграммой на один день. Выпьем, поговорим, вспомним. Комнату Славочкину сделаю. Отдельный вход будет. Один ключ Шуре дам, если кто приедет, а меня не будет. Памятник — чтоб не я, а вы одобрили... Да никто, ни один человек не приедет. Ну, ты, Стасик и — всё.

— Кому надо, тот приедет.

— Никого приглашать не буду. Чтоб на мою личность смотреть? Шурины вареники есть, а потом философствовать? Зачем?.. По этой дороге ходил?

— По какой?

— Ко мне.

— Ну, естественно. Как же мне к вам иначе попасть?

— Вот. Жил у нас тут один — Чистов. Ишь какая фамилия. И вот этот Чистов с калекой хромым повели человека по этой вот дороге туда, на окраину, где пустырь; там раздели, ограбили и убили. Отсидел пятнадцать лет. Вернулся. Поступил на фабрику. Она там, за пустырем. Поработал. Шляпу надел. Я часто из-за занавесочки смотрю: идет. На работу, с работы. Двенадцать раз в неделю, и все мимо того места, где человека убил. Я все думал: «Как же это так?» Недавно он умер. Печень разрушилась. На поминках племянник мой спрашивает: «Как он умирал? Ему, наверное, больно было? Кричал, наверное?» — «Да, мучился, сердешный», — отвечают. «А тому, кого он убил, не больно было?» — опять спрашивает племянник. Его, конечно, с поминок прогнали.

По телевизору шла передача об Александре Грине. Дядя Леня немного послушал и сказал:

— Не люблю, когда жалуются на одиночество. — Надел очки. — Я тут два списочка составил. По одному выходит, первой виновата ОНА, любовь, значит; вторая — Шура, ну а третьим, конечно, я стою. А теперь думаю: второй списочек вернее будет. Она, он, ты... повторяю: она, он, ты, потом — Шура, потом — отец, то есть я... Любовь! Выдумали слово! — дядя Леня даже засмеялся. — Любовь есть розовые очки. Щелчок наваждения. «Средь шумного бала, случайно...» А потом расходятся, и она говорит: «Я не могла предположить, что он такой негодяй!» Да он такой же, как был, это ты изменилась... Любовь!.. Ты посади его на необитаемый остров, так он самке обезьяны будет рад. «Откуда ты тут появилась, милая?!» Хотел бы я посмотреть на такого, который всю жизнь одну любит, — или врет, или слабосильный... Хочешь, я тебе один листочек покажу? Мне из столицы любезно прислали. Рассказ Славки обо мне.

— Хочу.

— На, читай. А я пока кофе займусь.

«Ты вот в глаза мне заглядываешь с идиотской улыбкой и как бы все понять меня хочешь и никак не можешь.

Что же это, мне гордиться своим отцом или стыдиться его надо? Зарылся он в бумаги и читает, и читает. А для чего? И пишет, и пишет, и даже не анонимные письма, что, казалось бы, и странно. И никому ведь не показывает, что он там пишет, значит, и пишет-то зря! Не сумасшедший ли он?!

Нет, сын мой, я не сумасшедший, а пророк, и сейчас скажу почему. Да, живу один, без жены, сына, друга, словно отвергнутый компанией человеческой. Но речь, впрочем, пойдет не обо мне, а о тебе. Вот ты мне сейчас долго объяснял, что человек должен быть такой-то, потом ты обрушился на некую систему, которая якобы зажимает твой дух, и сказал, что Шукшина «довели», — таким образом, ты объявил жизни нескончаемую войну, и жизнь несомненно сотрет тебя в порошок. И где и в какой стране ты видел, чтобы человек умирал так, за здорово живешь?! Дух твой зажимают, говоришь? Может, на то есть важные причины?! Спрошу тебя: что ты есть в свои 23 года? И отвечу тебе: ничто! В театральный, говоришь, поступил? Так если тебе Бог дал маломальский талант, то в этом не твоя заслуга. А я вот люблю жизнь и люблю Родину, люблю мир, наслаждаюсь миром, потому что я за этот мир на двух войнах воевал. Народ русский победил, правда, ценой жизни, но это уж не его вина. А тебя Родина бесплатно в школе учила, в институте учит, плохо, говоришь, учат, а сам-то ты что сделал, чтоб выучиться?! Что такое сегодняшняя жизнь? Отвечу тебе: темп, темп и темп. Там надо успеть, здесь успеть, вопросов много, много вопросов возникает в этом темпе об этой жизни, а ответить некогда, а ведь жизнь-то дается один разочек и потому требует постижения — зачем же она всего один разочек-то дана. И вот я здесь, в конуре своей, постигаю ее и любуюсь ею и живу ею. Ничего, что рассказы мои не получаются и не будут напечатаны, и до нас с тобой столько понаписано хорошего, умного, талантливого, и ты можешь всю свою жизнь читать, и я, и всего не перечитаем. И таких, как я, постигающих, много сейчас по всей России, очень много, и мы — это уже недалекое ее будущее!"

Дядя Леня разливал кофе.

— Прочел? Бред. Ни одной своей мысли.

— Почему бред? Он же не свои мысли записывал, а ваш с ним разговор.

— Свалка слов. Не помню такого разговора. Сказать много — значит ничего не сказать... Давай сюда. Завтра порву. Ни к чему все это.

Я промолчал. Положил листки на стол ближе к себе. Дядя Леня не реагировал.

— Да, затянул я паузу, затянул... Толстой вот двенадцать лет мучился: уйти — не уйти. А я взял и ушел! Вот умру я, и, может быть, только через месяц меня найдут. — Дядя Леня оскалил зубы, вроде улыбнулся, сыграл улыбку. И на том оскале, глядя на меня в упор, спросил: — На сколько лет «избранница» старше Славки?

— На тринадцать, кажется.

— Что рассказывала-то?

— То же, что и всем. Она заходит в комнату, а он с кресла валится. Что голову ему держала, он стихи читал.

— При проколотом насквозь сердце?! Ну, леди... «Красиво умирал!» — так было здесь матери сказано. Шура ее с собой на похороны привезла, знаешь? Ходила тут по улицам, на колени падала, на солнце молилась. Идет, упадет, идет, упадет, молится. Люди меня спрашивают: «Она что, баптистка?» — «Нет, — говорю, — литератор». Ну, Шурка дала! Билет ей туда и обратно оплатила! Леди ей в самолете свое «предсмертное письмо» вслух

читала. Удостоила и меня посещением. Вот здесь сидела, где ты...

— Ну, и как она вам?

— Не вписалась в интерьер... Что же это он? Всего добился, прописку получил, комнату, в кино снимается, в газетах о нем пишут, а он зарезаться решил?!

— Она говорит: «случай». Решил ее попугать и не рассчитал.

— Это она говорит?

— Да.

— Что-то из области женской логики. На нас не похоже. Мы кого пугаем, на того и замахиваемся.

— Экспертиза покажет.

— Что?

— Экспертиза покажет, — повторил я.

Дядя Леня рассмеялся.

— Экспертиза может показать все что угодно. Если лгут люди, будут лгать и документы. Ложь, если она чего-то стоит, понятие документальное. Ты можешь мне ответить: почему ее сразу не задержали? На каком основании? Эксперты! Я бы посмотрел, если бы на этой экспертизе Шура оказалась, а я бы под креслом валялся. Ждала бы Шура неделю, когда ее к следователю вызовут, а она пока по друзьям, по адвокатам походит, посоветуется, на чем стоять, о чем молчать? По Союзу бы Шура рекламировала? Неутешное горе рекламировала? Да о чем мы говорим?! Ответ получен: *«Следствие ведется, виновных нет!»* На измор нас берут или концы с концами сводят? Экспертизу под следствие подгоняют или следствие под экспертизу? Эх ты, эксперт! У нас жизнь человеческая ничего не стоит, а ты предлагаешь им смерть Славки на весах взвесить! Это раньше богиня слепая была, а теперь прозрела. Все видит! Кто есть Славка и кто леди? Парень из райцентра, которого нет, или фигура союзного значения, которая есть? Литератор! Это сколько же сценариев о том, что нам хорошо живется, нужно будет на полку положить?! Где-то там, в глубинке, трагедия, да черт с ней, с глубинкой! Пообвыкнутся. Его не вернешь, им легче не станет. А в высших кругах неприятности. Спасти ее для советского искусства! Свидетелей нет? Нет. Двое в комнате. Ходатаев нет? Нет. Мать — безграмотная, я вообще в списках не значусь. Друзья — артисты. Личности? Да, они личности, пока их лично ничего не касается. Случай! Решил попугать старушку, а то уйдет. Кто там на линии? Эксперты? Эскорты? Соединяйте! Куда пошлют, туда и поедут! Небось не впервой: надо, чтоб росла кукуруза, — значит, будет расти! — Дядя Леня неожиданно ударил себя в грудь и сам поразился произведенному звуку: — Контрабас!.. А ты еще удивляешься, почему вас к матери не пускали. Русским же языком сказано: не лезьте не в свое дело. Мы с матерью разберемся, утешим, отправим, бумажками завалим. А вы под ногами путаетесь!.. То, что для тебя существенно, для других вообще не существует! Ты у него спроси, что есть постоянно движущееся, он тебе ответит: эскалатор!.. — Дядя Леня не мог остановиться. — Экспертиза... Это еще как посмотреть... Один французик картинку нарисовал — освежеванную тушу быка запечатлел в назидание потомству. Туша и туша. Висит на крюках. Я и так верчу картинку, и этак — ничего понять не могу. Для чего краску переводили? Вдруг вижу: да это же распятие! Посидел еще чуток и говорю сам себе: «Это ты брось. Это еще не распятие. Но уже и не туша». Вот так-то. Уже не туша.

Я взял с полки книгу «Подорожники», перелистал. Страницы испещрены карандашными пометками, на полях — комментарии. Некоторые слова в стихах зачеркнуты, сверху проставлены другие.

— Что ищешь?

— «В горнице моей светло»...

— Рубцова? Знаю Рубцова. Но как-то не обратил внимания.

— Слава пел. Сам музыку сочинил и пел.

— Напеть можешь?

— Я сам не слышал. Мне потом сказали.

— Почему не слышал?

— Последний год редко встречались.

— Дела? Понятно.

Дядя Леня надел очки. Прочитал стихотворение. Заложил закладку, отложил книгу в сторону.

— Хорошо. Когда уезжаешь?

— Завтра.

15

РАССКАЗ МОЕГО ДРУГА*

Тетка моя... э-э... смотри-ка, даже не помню, как зовут... ну, эта, как ее? Да младшая же самая! Вот так-так, собрался о ней историю рассказывать, а как зовут ее — не помню...

Тетка моя... э-э... как же ее?.. ну, эта... Да что ты будешь делать! Забыл. Ты смотри, ведь забыл же. Вот так-так. Ну, эта... Да что такое?! Значит, самая старшая из них будет теть Мотя, она теперь в деревне живет, в Ярках, следующая будет теть Тася, она, наоборот, в городе, вернее сказать, в пригороде, в Кривощекове. Третья — это теть Маша, вот где она живет — точно не знаю. Потом идет мать моя, Александра, а последняя, значит, будет... Да что такое, в самом деле?! Нет, не так, еще одну пропустил, теть Галю, она будет тогда за теть Тасей, той, что в Кривощекове, а вот и последняя, младшая... А-а-а! Вспомнил: Вера! Вера! А может, и не Вера, может, Люда... Нет, и не Люда. Какие еще имена-то есть?..

Бывает такое. Иной раз ищешь какую-нибудь вещь, а она, вещь эта, преспокойненько лежит себе на видном месте и улыбается. Так и тут. Столько лет когда-то вместе прожили, сколько всего было, сколько не было... Жила она у нас одно время, что-то там у нее в семье было, какие-то нелады, а я что понимал? Школа — рыбалка, рыбалка — школа. Пролетели годы — не воротишь. А захочется возвратиться на истоки свои, пробиться к какому-нибудь светлому воспоминанию — ан нет, не так-то просто, забито сознанье черт знает какой шелухой, «каждодневностью», свалялась память, вся в колтунах, и вот, пожалуйста, — имя родной тетки забыл.

Давай-ка по порядку.

Мать меня стеснялась. Это было видно. Ну, еще бы: деревенская, обыкновенная, а я совсем уж другой с ног до головы, в лаковых ботинках, артист.

— Ты уж потерпи, сынок. Недолго осталось. Вот только увижу ее и — домой. А то я тебе тут надоела, как редька горькая. Дома у меня ведь тоже дела, и в огороде...

*Рассказ Станислава Жданько *(прим. автора)*.

— Перестань. Ты что? Я очень рад, что ты приехала. Правда.

— Да я ничего. Это я так.

Здесь, в Москве, жила ее сестра... Вспомнил наконец — Катерина. Мы ехали к ней. Они не виделись лет семь-восемь. Как уехала из деревни, так и пропала. Ни слуху от нее ни духу. Как-то раз пришло письмо одно-единственное, в полстранички. Мол, жива-здорова, но жизнь моя паскудная, хоть удавись. Если можете, пришлите денег, рублей сто пятьдесят, очень нужны. И все. Адрес такой-то. По этому адресу мы и ехали теперь.

Катька в семье у них была последняя, малая. Шебутная росла, развеселая. А скучать-то не приходилось. Это правда. С утра до ночи работали. Время военное, тяжелое. Семьи по двенадцать душ населения. Мужиков нету. Кто на фронте, кто в тюрьме. Бабы. Одни только бабы. И работы невпроворот. Развеселая жизнь.

Работали, мать говорила, где-то далеко от деревни, до глубокой ночи работали. А в самую ночь бегали в деревню на танцы. Бегали — а куда денешься? Душа просится, и ничего с ней не сделаешь, с душой. Танцевали друг с дружкой. Под патефон. Чуть не до самого утра. А утром снова на работу.

И вот что удивительно. Вспоминают они эту свою девичью пору как самое светлое, драгоценное в жизни.

А потом? Потом война кончилась. Кто вернулся, кто погиб. Поплакали, попричитали. Пропустили за помин души по чарочке. И зажили новой жизнью. Мирной, трудовой.

И как хлобыстнула та жизнь всей своей мощью по нашим девкам-девочкам, как завертелась эта карусель! Где что, кто как — не разберешь. Ау, сестричка моя, ау, подружка моя, ау, радость моя, ау, счастье мое... И — тишина.

— Кажись, здесь. Точно по адресу прибыли. Квартира сорок пять. Только бы дома была.

— Сынок, у меня что-то ноги не идут. Боюсь я.

— Ну, вот тебе раз. Чего боишься?

— Да я не знаю. Шибко времени много прошло, как в последний раз виделись.

— Ну и что, какая разница?

— Дак это... Ну, пойдем, пойдем.

— Ну, пойдем. Только ты не плачь раньше времени-то.

— Я не плачу, не плачу.

На звонок никто не откликнулся.

— Никого нет, мать, давай в другой раз.

— В какой другой-то, в какой другой, ты что? Она дома, ты что, где ж ей быть-то? Дома она. Ты постучи хорошенько.

Постучал. Тот же эффект.

— Говорю тебе, нет ее.

Мать сама подошла к двери, прильнула, послушала. Посмотрела на меня. Опять послушала. И вдруг тихо-тихо стала звать:

— Катя! Катя... сестричка моя... это я, Шура. Ты же дома, Катенька, ты же дома. Открой мне.

Мне стало немножко не по себе. «Черт меня дернул тащиться в такую даль, да еще нервы трепать», — думал я, а у самого комок к горлу.

— Матушка, ты это... не шибко-то расстраивайся, мы еще приедем, хоть завтра, а?.. Да отойди ты от двери в конце концов, чего без толку...

— Кто там?

...Они были очень похожи друг на друга. Только та поминутно моргала глазами, при каждом моргании на лице появлялась гримаска и тут же исчезала. Нервный тик какой-то...

— Шура, это ты?

— Я, Катенька, я.

— Шурочка, это ты?

— Я, Катенька, я.

— Ты приехала?

— Приехала.

— А я сон видела, что кто-то приедет. А это ты, родненькая, ты, Шурочка.

— Ага, я.

— А это с тобой кто? Муж твой?

— Да ты что? Это же Славка, сынок.

— Ой, Господи, Славонька, сынок ты мой хороший. Тетка-то тебя не узнала, совсем дура. Ведь не узнала же. Вырос-то как, Господи.

«Ну и встреча, — думал я себе, — от такой встречи дураком сделаться можно. Запросто».

— Ну, проходите, проходите в комнату-то. Проходите. Я здесь живу. У меня и прописка есть, и комнатка вот. Я работаю.

Комнатка действительно была «комнаткой» — малюсенькая. Квартира коммунальная, три хозяина. Да что квартира. Меня вдруг страшно заинтересовала тетка. В роду у нас все вроде здоровые, крепкие, а эта худая, дерганая. Я слышал от матери кое-какие истории относительно тетки, даже историю о том, как она избила собственноручно первого драчуна, короля местной шпаны, мужа моей матери и моего отца. Может, и легенда, да он ее побаивался грешным делом. Необыкновенно пела. Так пела, аж заслушивались, на гулянке первый человек. Единственная из всей своей семьи закончила десятилетку, даже какие-то высшие курсы. Одним словом, деваха была хоть куда, кровь с молоком. И вот, на тебе...

— Катя, милая, скажи мне, ты пьешь? — мать, видимо, тоже подрастерялась маленько.

— Да как тебе сказать. Не то чтобы совсем уже пью, а так, выпиваю кое-когда. По праздникам. А вообще я живу хорошо. Ой, Шурка, ты не знаешь, какой у меня мужик! Ой, какой мужик, золото, не человек. Поп. Истинный Бог, не вру. В церкви служит. Такой добрый, такой ласковый. Покупает мне все. Жалеет меня. Правда, он немножко одноглазый. Так ведь для жизни-то разве это важно? Главное, чтоб человек был хороший. А ты как? Ты-то с кем живешь, одна или с мужем?

— Да с мужем тоже. Пьянчужка, не приведи Господи. Да ты его небось знаешь. Володька Ерш. Не помнишь, что ли? Ну, красивый такой, высокий, кудрявый. Вспомнила? Ну, вот. С ним и живу. Не живу, а мучаюсь. Как не пьет, мужик как мужик. А как зарядит, хоть из дому беги. А тут еще ружье купил, двухстволку. И знаешь зачем? Надо мной издеваться. Наставит в голову и начинает — с кем была? да что делала? А с кем я была-то? С кем что делала? Мне ли делать-то, у меня сын уж жених какой. А ты с этим попом-то давно, Кать?

— Да какой давно — с месяц. Но он добрый, такой добрый. И все, знаешь, Богу молится, все молитвы мне читает, учит. А я и не сопротивляюсь. На коленки станем с ним и молимся. Я теперь, Шура, очень в Бога верю, так верю. Поговоришь с ним, и вроде как на душе полегче. А ты-то веришь, нет?

— Верю, Катенька, верю. Катя, милая, а что это ты так моргаешь и моргаешь?

— Ох, Шурочка, моргаю. Молодая была, помнишь, и красивая, и здоровая. А теперь ничего не осталось, все подевалось куда-то. А моргаю я от болезни. Нервы никуда стали, вот и моргаю. Мне здесь плохо, Шурочка, милая, ох, как плохо.

— Дак что ж ты домой не едешь? Дома-то у нас вон как хорошо. А сейчас весна, каждая травинка солнышку радуется, каждая животина вроде как заново на свет рождается. Поедем. Мы тебя встретим, хатенку какую купим, поможем. Там же земля, она и сейчас как пух мягкая, ждет не дождется, когда за ней ухаживать начнут. Грядок понаделаем, насадим всего. Это ж любо-дорого так жить. А здесь ведь беда, беда, Катенька, все мертвое какое-то, и люди как заводные. Плюнь ты, брось ты этого попа, пусть он себе здесь молится. Ну его. Да еще одноглазый. Мы тебе нашего какого подберем, своего. Ванька вон Рогов, ох, и парень, пляшет, поет, работник хороший. Ой, Катька, а ну-ка запоем-ка мы с тобой, небось забыла уже, как она, песня-то, поется?! Запоем?

— Да я уж и не знаю. Что ты.

— Ой, не упрямься, тяни. «Стоят вербы возле гребли. Я их посадила...» Ты чего, ты чего, сестричка, не плачь, песне радоваться надо.

— А я радуюсь, я радуюсь, Шурочка, милая, я радуюсь. «Стоят вербы...»

...И пока они пели, там, далеко-далеко, в небольшой деревушке на краю земли, топал босыми ножками по дороге белокурый мальчуган лет шести от роду, веселый, лупоглазый, косолапый. Вот он входит в хату, открывает дверь и прямо с порога летит к потолку, подхваченный старыми, но сильными руками, и, не успев еще захлебнуться от восторга, от внезапно нахлынувшей бестолковой радости, плюхается на огромный табурет перед алюминиевой тарелкой, до краев наполненной золотисто-прозрачным медом. И молоко, белое-белое молоко. Студеное, мягкое. Рядом дед. Сидит, улыбается.

— Ты один, что ли?

— Один.

— А мамка где?

— Не знаю.

— Ну и ладно.

16

Огромная красная луна.

Я опять иду во тьме деревенской ночи. Огромная красная луна за моей спиной ничего не освещает. Я на нее один раз взглянул и теперь все время чувствую ее присутствие.

На какую мелодию он пел?..

Многие годы я почему-то думал, что есть какая-то «другая» жизнь, не эта, а совсем иная, и вот-вот она наступит, и все изменится, и тогда мое «я живу» и та «жизнь» сольются и наполнятся друг другом.

Какая мелодия? Какая?

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

И я какие-то слова говорил, какие-то поступки совершал именно для того, чтобы это неведомое будущее вдруг в эту минуту моего явления меня заметило, отличило меня в людской толчее, но оно не замечало меня, неслось мимо, поднимая пыль чужих взлетов и удач, и в этой пыли расплывались очертания моих дней и ночей, оставляя в душе какую-то горечь.

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Не то, не то, не то!

Это ожидание было пустым!

Я ждал того, кто стоял за моей спиной. Пока я смотрелся в зеркало, пытаясь различить причины моих неудач, оно буравило мне взглядом затылок и шептало: «Ну, повернись, повернись, посмотри мне в глаза, я за твоей спиной, твоя жизнь, да не смотри ты по сторонам!» Не я повернулся, она сама меня развернула, и мы встретились.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

И я зашептал что было сил, в ночь, в пустоту, в неведомо откуда взявшуюся песенку «Жил да был»: «Художник! Целуй землю, по которой ступаешь. Приникни к ней ухом и слушай, слушай: земля живая — она родит... Художник! Не падай духом перед неизбежным! Твой первый враг — ты сам. Не ищи славы, славы не ищи!» — почти крикнул я, испугавшись того, что меня слышат.

17

До свидания, улица Достоевского, дом 8.

Достоевского, 8.

Этот дом охраняет Кучум, беспородный, ласковый зверь.

Никогда не заходит в комнаты, даже зимой, кот Васька. Если сидит на пороге и умывается — жди гостя.

От щедрот стола Кучума и Васьки в ограде кормится огромное количество разношерстных котов.

От любопытных взглядов заслоняют дом по улице Достоевского два великана. Их видно отовсюду, издалека. Стоят они, высокие, рядом и под ветер переговариваются одинаковыми ровными голосами. Года два назад, по совету соседки, тетя Шура ошпарила кипятком корни, что вылезли прямо в ограде, и не так чтоб очень они и мешали, но вот послушалась «доброго» совета, и тополь, что справа, вдруг пожелтел не по времени и стал сохнуть. И тоска поселилась тогда в письмах матери и сына, теребили душу матери тревожные вопросы: *«Что тополь, матушка, отошел?»* И долго нечего было отвечать матери, и вдруг летит радостная весть в столицу: ожил! ожил тополь! И с тех пор ни одна ветка, ни один кустик в ограде не трогались, не обламывались. Ветка яблони прошлым летом вдруг сама обломилась под собственной тяжестью и была отложена под навес до приезда сына, чтоб посмотрел и по слому понял, что сама она.

Его письма на родину иногда заканчивались так: *«Привет всем, кто меня помнит, а также тополям, Кучуму и котам».*

Вот он, тополь, стоит сейчас, шевелит живыми ветвями, будто и не было ничего.

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ АГАЛЬЦОВ

И ПАМЯТИ, И СЕРДЦУ, И ДУШЕ

Подстрекатель

Нет, не вершил ты черных дел,
Когда без трепета глядел,
Как рушил храм
Не иноземец-супостат,
А твой единокровный брат
За триста грамм.

И грейдером ровнял погост,
А ты, как продувной прохвост,
В те дни следил,
Чтоб ни сиреневых кустов,
Чтоб ни дубовых там крестов
И ни могил.

И вот стоишь ты наг и нищ
У разоренных пепелищ
В зловещей мгле,
Не ведая, куда идти:
Кривые все твои пути
На сей земле.

И мысль на ум приходит вдруг:
Приладить петельку на крюк
И — всем привет!
Нет, брось-ка вервие свое
И за постыдное житье
Держи ответ.

Ты, безусловно, сукин сын,
Доживший мирно до седин,
Забывший честь.
Легко ль тебе держать ответ?
И порешил под старость лет
Ты в петлю влезть?

Терпи. Живи. Коль жив другой:
Тебя незримою рукой
Всегда он вел,
Хоть не могуч и не велик:
Он — оборотень, он — двулик:
И добр и зол.

Лукав: и днем и ночью бдит.
Его герой не победит
В святом бою.
Он тут же свой изменит вид.
А в жизни неизменно чтит
Корысть свою.

Не причинили столько зол
Руси ни немец, ни монгол,
Как эта гнусь,
Что кровь чужую жадно пьет
Уж сколько лет за годом год —
И любит Русь!

АГАЛЬЦОВ Сергей Александрович родился в 1954 году в селе Сараи Рязанской области. Окончил Рязанский педагогический институт, работал на Дальнем Востоке и в Туркмении. Служил в армии. Автор книг стихотворений «Утренний проселок», «Шиповник». Член Союза писателей. Живет в Москве.

Поэт

Вино помутило и сердце и голову,
Когда он совсем опустился на дно.
Наутро поднялся с похмелья тяжелого,
Глядел из пустого жилища в окно.

Шумела, гудела воскресная улица,
Куда-то поток многолюдный несла...
С утра — одиноко...
Не пьется, не курится,
Окутала душу тяжелая мгла.

А в комнатке бедной его, неприкаянной,
Луч солнца на зеркале дивно сиял,
И радио пело...
А он, словно каменный,
Подавленно, мрачно и тупо стоял.

И думал опять о своем одиночестве.
Лишь только на улице станет темно,
Ему так мучительно, остро захочется
Рукою неверное выбить окно.

А дальше все будет и сладко и радостно:
Парение дивное, чудный полет.
И ангел незримый и тихо и благостно
Над ним свою песню во мгле пропоет.

* * *

Под сенью тихой вечного покоя,
Где умолкает самый дерзкий дух,
Где всюду тишь, безмолвье вековое,
Где смертный завершает жизни круг, —

Питомцы многих славных поколений
Последнее пристанище нашли...
Не оттого ль не отыскать священней,
Роднее и запущенней земли?

Не оттого ль цветы чертополоха
Так ярко расцветают только тут,
Чтоб помнила прекрасная эпоха,
Что и ее могилы зарастут.

Когда не воздадим любовью предкам
И русское утратим без труда, —
То грош цена великим пятилеткам,
Шуметь над ними будет лебеда.

Шло чередом обычным погребенье,
С кустов срывалась ржавая листва.
И, освящая каждое мгновенье,
Звучали тихо вечные слова

О человеке, завершившем битвы,
Что был теперь к словам прощанья глух.
Но возносились к небесам молитвы
У гроба в стайку сбившихся старух.

Я бросил горсть сырой земли в могилу,
Чтоб горький прах усопшего почтить.
Уйти пытался — недостало силы.
И чудилось: невидимая нить

Меня с чужой утратою связала.
И медлил я. И думалось уже:
Своих утрат всегда бывает мало
И памяти, и сердцу, и душе.

* * *

На болоте деревья корявы и кривы
И водою болотною, смрадной пропахли.
Как стволов их причудливо-дики изгибы!
Как они и убоги, и жалки, и чахлы!

Корни их поглотила болотная тина,
И одела ноябрьская тусклая наледь.
Ветки эти деревья простерли змеино:
Подойди к ним поближе — и могут ужалить.

...Как ты любишь безумно и звонко смеяться,
Коротая со мной в тесной комнатке вечер.
Но скажи — почему твои руки змеятся,
Когда ты их ко мне простираешь навстречу?

Вот я вздрогнул опять — и отпрянул невольно,
Свой испуг за улыбкой натянутой пряча.
...Ах, ужаль меня сладко, мучительно, больно...
И смертельно ужаль — все равно не заплачу.

* * *

Пустырь...
Два деревца торчат уныло:
Сюда недобрая, слепая сила
Два семени когда-то занесла.
Зной деревца палит...
Но дождь заплещет —
И вся листва, ликуя, затрепещет,
Восторженна, блаженна, весела.

Продлись ты, влага редкая, скупая,
Листву затрепетавшую купая, —
Пусть деревца красуются, чисты!

Их веточки болезненны и хилы,
Недостает им гибкости и силы —
Так смилуйся, продлись над ними ты!

Но улетела туча дождевая,
Пылающее небо раскрывая —
Недвижные томятся деревца.
И не понять:
воспряли, засыхают?
А небеса над ними полыхают,
И адскому томленью нет конца!

ПРОЗА

НИКОЛАЙ ФОМЧЕНКО

КОГДА ПРИДУТ НАШИ...

ПОВЕСТЬ

Лешке было стыдно за мать. Тимка-Старик так и сказал: «Сука она у тебя. Я с такой бы не жил». А Кузя-Дылда, длинноногий верзила, поправил: «Не сука, а шлюха немецкая. И сам Лешка ни больше ни меньше подонок...»

Лешка не знал, что означает слово «подонок», но почувствовал в нем что-то скользкое и такое же ехидное, как и сам Кузя. Ему захотелось съездить Дылде по роже. И он бросился бы на него, но руки у Кузи длинные, с огромными кулаками, и тягаться с ним мог только Тимка-Старик. А Лешка — слабак слабаком, мосластый и хилый, за что и прозвище носит двойное: Лешка-Мосол, Лешка-Слабак.

— Но-но!.. Ты не очень! — отпихнул Кузю в сторону Тимка. — Леха — парень будь спок.

Он сунул руки в карманы, сплюнул сквозь зубы, двинул плечом. Означало это — «пошли». Лешка не шевельнулся.

— Ты что? — удивился Старик. — Не пойдешь?

Лешка заложил руки за спину, прислонился плечом к холодной стене. Ему не хотелось смотреть на ребят — тугой комок подкатывал к горлу. Лешка тыкался носом в замызганный ворот бушлата, долбил загнутым ботинком мерзлую кочку. Рука за спиной крутила витую веревку.

За спиной были санки, старые, с перекошенными полозьями и оторванной у основания стойкой. Когда везли груженые санки или катились на них с горки, стойка соскакивала с полоза и оставляла на скованной гололедом земле белую когтистую полосу.

Лешка косился на «кривоножки» и думал: «Эх, припаять бы!..» Но мысль эта была мимолетной; скользнув вслед за взглядом, она возвращалась тут же к Тимке, к Кузе — к тому, что сказали они.

«Подонок... А сам-то ты кто?» — шептал Лешка неслышно, все еще кипя злостью на Кузю.

Он не мог спокойно глядеть на Дылду. Его бесили наглые Кузины глаза, светлые, навыкате; большеротая ехидная улыбка; слова, вихлявость которых он вовсе не понимал. А главное — его обжигающе-едкая прямота. Он с радостью расквасил бы Кузе физиономию, но сделать этого не отваживался. И чувствовал — мог бы Кузя смолчать, мог! Не к чему было б придраться, если бы мать...

К матери Лешка испытывал сложное чувство. Соткано оно в основном из обиды, стыда за нее. А злоба вкрапливалась где-то подспудно, еле заметно, и проступала отчетливо, когда оставался Лешка один.

Теперь же он злился на Кузю, подбирал и не мог подобрать обидное прозвище.

— Айда, что ли? — повторил с нетерпением Тимка. — А то Левка с Косым небось уже на вокзале.

Лешка смолчал, а Тимка, снизив голос до полушепота, словно боясь, как бы кто не подслушал, затараторил:

— Вчера Косой хвастал: после нас полбулки подбили... И пару сигар. Во какие! — Он выпростал из затрепанного рукава старой стеганки пунцовую, в грязных разводьях, ладонь. — То-олстые!.. Как торпеды! — И спокойно уже пояснил: — Поезд вчера приходил. Дополнительный. Гансов приезжих — тьмища!

Лешка опять промолчал, поддернул поближе санки, прижался затылком к стене. Ощутив неровность, повернулся, увидел в стене рваную дыру, выщербленную осколком, подумал: «Стоять бы мне тогда вот так...» И ему вдруг стало нестерпимо жалко себя, жалко мать, которую он сейчас ненавидел и в то же время любил. Она, конечно, не перенесла бы его гибели... Она хорошая. Лешка помнит, как испугалась за него в первый налет... И никакая она не шлюха — Дылда всегда загибает. А что с дядькой Федькой живет — не его собачье дело.

Тимка опять поторопил — уже настойчиво, с недовольством: чего, мол, резину тянуть? А Кузя, кривя губы в ухмылке, добавил:

— Ломается, как сдобный пряник.

И Лешка взорвался:

— А я не пойду! Дуйте, если хотите!

— Чиво?! — приблизился Тимка. — Как это ты не пойдешь? А уговор?

— «Уговор, уговор»... Сказал, не пойду... Пока эта Дылда не сгинет.

— Чиво-о?! — спросил в свою очередь Кузя и тут же задергался в наигранном смехе: — Ха-ха-ха! Гляди-кось, обиделся! Может, тебя попросить? — И, скорчив слезливую рожу, начал паясничать: — Лешенька, милый, возьми нас, пожалуйста. Как же нам, слабакам!..

Набычившись, Лешка смотрел на кривлянье Кузи и, сдерживая ярость, твердил про себя: «Давай, давай! Посмотрим — без санок-то как?..»

Дылда, пожалуй, еще долго кривлялся бы, но это, видимо, надоело Тимке, и он сказал примирительно:

— Ладно, Мосол, а санки-то дашь?

— А во — не хотел?

— Чиво?!

— Во, говорю.

Тимка-Старик побледнел, а Кузя, задрав голову, снова заржал, обнажив белые редкие зубы. Потом внезапно оборвал свой дурашливый смех, сунул руки в карманы. Вобрав голову в плечи, двинулся к Лешке. Подошел, оглянулся, как бы убеждаясь, что рядом нет посторонних. Чуть наклонился и, не выпуская рук из карманов, зашептал. Жарко, шумно, в самое ухо:

— Лешенька, это ты маме своей покажи. Она у тебя на это падкая.

— Что-что? — не понял Лешка и вдруг, сообразив, о чем говорит Кузя, с силой пихнул ему под ноги санки...

Домой Лешка шел с расквашенным носом. По дороге обмылся колючей водой из колонки, выдернул из бушлата клочок серой ваты. Разделив ее надвое, сунул в запухшие ноздри и уже на ходу, расстегнув засаленный брезентовый ремень, приложил к саднившей скуле медную бляху. Заметив на бляхе бурые пятна, подумал: «Опять будет мать приставать». Ну и пусть, решил он и со злостью дернул свои «кривоножки». Тренькая оторванной стойкой, забегая то вправо, то влево, они виновато катились за ним.

Нет, он их не отдал. Он навалился на них, однако Дылда с силой рванул за веревку — вбок, под углом. Лешка слетел, но тут же вскочил. Санки, задравшись полозьями вверх, громыхали по кочкам вслед за Кузей. Лешка кинулся было вдогонку, но Тимка предательски выставил ногу, и Лешка носом сунулся в стену. Боли он не почувствовал, а только дикая ярость вдруг охватила его. Поднимаясь, нащупал какой-то обломок, затравленно глянул на Тимку. Старик стоял напружинясь, готовый утнуться, подпрыгнуть или сделать в сторону выпад.

Через дорогу, напротив, заливался Дылда. Лешка провел свободной рукой возле носа, искоса глянул на красные пальцы, растопырил и резко ими встряхнул. Шмыгая носом, нагнулся, взял еще кусок кирпича и, вытянув руки вниз, двинулся к Кузе. Лошадиное ржание враз оборвалось. Воздух вспорол резкий щенячий фальцет: «Н-но, н-но!.. Только кинь!..»

Кузя не стал дожидаться Лешку — двинув санки ногой, кинулся к Тимке...

Дома нет никого. Мать ушла на хутор — что-нибудь выменять на кукурузу. А дядька Федор приходит под вечер.

В комнате сумрачно, тихо. Сквозь щели в окне, занавешенном одеялом, сочится бледный уличный свет. По потолку и стенам сломанными конусами ходят зыбкие тени.

Лешка не разувается — в потемках боится спутать шнурки; проходит прямо к столу. Открыв створки, садится на корточки. В столе темнота, пахнет луком и чем-то зацвелым. Лешка шарит рукой, сдвигает груду тарелок и натыкается на толстую мягкую тряпку. В тряпке — хлеб...

Лешка ищет нож — не находит. Тянется через стол, отгибает угол колючего одеяла. В комнату ломится свет, бродячие тени вмиг исчезают. Нож находится — он тут же, в столе. Лешка дует в ладони, прижимает хлеб к животу — режет.

Хлеб синий и черствый. И, словно глина в соломе, весь в остюках. Глазом Лешка прикидывает — сколько останется. Пожалуй, поровну. Может быть, Лешке чуточку больше. Так и положено: он ходит за хлебом. А это не просто. Хлеб дают раз в неделю, и вставать надо рано — хватает не всем. А тут еще комендантский час. По городу можно только с шести. А в шесть — уже очередь тьмущая. Говорят, немцы нарочно затеялись с хлебом. Подачка — сто граммов на душу. Не везде, а где им захочется. Заигрывают с населением, а получается — издеваются. Вот и крутись: и хлеба хочется, и рано идти невозможно. Хорошо, кто близко живет. Выскочил, занял очередь — и снова домой. А ты — тащись через город: магазин-то один. «Эх, жизнь! — думает Лешка. — Завтра снова идти». И вздрогнул, словно ожегся: «А идти-то как?! Идти-то ведь не с кем!..»

До этого он ходил с Тимкой и Кузей. Обычно под вторник Лешка ложился спать очень рано. Засыпал быстро, словно проваливался. А в третьем часу мать будила его. Лешка вскакивал, ошалело глядел на стенные часы и снова падал в постель. Мать, уговаривая, будто трехлетнего, снова будила его. Он отмахивался, брыкал ногами. Потом, не отняв головы от подушки, вставал на колени и

Николай Павлович ФОМЧЕНКО родился в 1931 году в городе Севске Орловской (ныне Брянской) области. [illegible] Литературный институт им. А. М. Горького. Работал составителем поездов, собственным корреспондентом газеты «Гудок», в журнале «Наш современнию». В настоящее время — на рыбном промысле. Выступал с очерками, рассказами в газетах и журналах. Живет в городе Пушкино Московской области

мучился еще минут пять. Мать начинала злиться, и Лешка, жмуря от рези глаза, будто в них был наждак, опускал с койки ноги. Мать отходила, а он снова валился на бок. Не выдержав, мать шлепала по голой мосластой спине, и Лешка, визжа поросенком, скатывался с постели.

Потом с закрытыми глазами он одевался. Путаясь в рубашке, он временами будто исчезал, растворялся в пространстве. А мать кричала плаксиво и зло: «Бельмы-то, бельмы открой, черт шелудивый!»

Окончательно просыпался Лешка на улице. Поеживаясь, он рысцой бежал к Тимке. Приподнимаясь на цыпочки, барабанил пальцами в раму и дожидался стука в ответ... Потом приходил Кузя, и втроем они, млея от страха, крались темными улицами...

Так было всегда... А как будет завтра? Завтра ведь вторник. Лешка мрачнеет, не раздеваясь ложится на койку. По-взрослому — ноги на стул. Думает. Мысли вразброд... Вначале — здесь, близко: он — Старик — Кузя... Не-ет, простить он не может!.. «Старик еще ничего, а Кузя — сволочь!..»

Потом мысли уносятся к Ольге. С Ольгой он дружит давно. Сколько помнит себя. Ольга — девчонка что надо. С ней хорошо, они не ссорятся. Ольга признает за ним право сильного, хоть и старше его. Скажет только: «Злюка ты, Лешка!» Или упрекнет: «Говорила же веды!..» Жаль, что Ольга уехала.

Он вспоминает, как играли с Ольгой, когда мать уходила на хутор. Тогда еще дядьки Федора не было. И немцев тоже. Ольгина бабушка, старая, с больными ногами, просила обычно Лешкину мать: «Ты уж, голубушка, пожалуйста... Хоть ведро кукурузы... Куртка-то новая... А я уж за Ленькой твоим присмотрю».

Но смотреть за Лешкой она почти не смотрела. Да Лешка и сам не желал. Что он, маленький, что ли? Он уж и воду носит, и топку сам промышляет. Правда, он все еще не привыкнет, когда тревожно воют гудки, а в небе угрожающе слышится: «уу-уу». Тогда ему хочется с кем-нибудь быть. Один он не может. Конечно, об этом мало кто знает. Мать. Да Ольга, пожалуй.

Странная Ольга. Девчонка ведь, а страху ни капельки... Воет фугаска — по коже мороз. А ей — хоть бы хны! Да еще...

Тут Лешкина мысль неожиданно запнулась, будто кто ей — подножку. Вспомнив еще одну Ольгину странность, а вместе с ней и свой позор, он, конфузясь, стал размышлять — думать или не думать об этом? Стыдно ведь!..

Тогда они с Ольгой играли. Часто играли. Она, Ольга, — мать, а он, Лешка, — отец. У Ольги — кукла и тряпки, у Лешки — машина. Большая. Из старой детской коляски. Он, Лешка, — шофер. Возит камень, дрова — строит дом. Ольга шьет кукле платья, варит обед.

Лешке это нравилось. Вот он кончает работу, ступает по-мужски устало, садится за стол. Ольга суетится, ахает, сетует: вот, дескать, Лешка пришел, а у нее еще ничего не готово. Хватает посуду, что-то трет, чем-то гремит — словом, хлопочет. А он, положив рабочие руки на стол, ждет терпеливо и важно.

Наконец у Ольги готово. Наспех она наливает какого-то месива, хватает белую тряпку и хочет воткнуть Лешке за ворот. Лешка пялит глаза, не зная, зачем это. Ольга, поняв оплошность, прячет в ладонях лицо, заливается:

— Ха-ха-ха!.. Ое-е!.. Я ж забыла!.. Я думала, ты дитё, а ты...

Лешка резко двигает миску, встает. Похоже, что будет семейная драма, но Ольга не хочет скандала — соседи услышат. Хватает Лешкину руку, просит — ласково, нежно:

— Леш, ну, пожалуйста... Я не хотела... — Потом говорит: — Ух, злюка же ты!..

Мир восстановлен, игра продолжается. Но Лешка теперь не хочет есть Ольгино месиво, а предлагает другое: он с получки приносит сыр, колбасу, леденцы и, конечно, бутылку водки. Леденцы — кукле, а им — водка и сыр с колбасой. Выдумкой Лешка доволен. Ольга тоже согласна. Только вот кукле надо бы тоже дать колбасы, водку же Лешка будет пить сам... Нет, так не пойдет, протестует Лешка. Если уж пить, то пить надо вместе.

Лешка помнит, как мать выговаривала бате, когда тот являлся с получки «под градусом»: «Шляешься где-то!.. Нет прийти бы домой да выпить по-человечески... Вместе...»

Довод вполне убедительный, но Ольга просит, чтобы тогда была не водка, а красное вино. Лешка не соглашается — что он, девчонка? Но Ольга просит уж очень настойчиво: «Ну ладно, Леш?.. Ну, пожалуйста...» И он уступает: что поделаешь — женская блажь!

Ольга сияет. Водку-воду она вмиг обращает в вино, наливает две рюмки. Лешке — побольше, себе — поменьше. Лешка берет рюмку, хочет чокнуться с Ольгой, но в этот момент совсем рядом жутко вдруг что-то взвывает. Вначале низко, потом выше и выше, достигает неимоверных высот, держится с полминуты и замирает в низком душераздирающем стоне. Стон этот, исполненный дикой тоски и острой щемящей боли, ледяной жутью входит в Лешку. Он начинает мелко-мелко дрожать.

Проходит секунда, вторая. Зловеще висит тишина. Но вот откуда-то издали, словно из подполья, надсадно и глухо доносится: «уу-уу-уу». Заполняя пространство, нарастает, ширится, переходит в сплошной угрожающий гул, и в тон ему басовито начинает вибрировать в раме стекло.

— Много, кажись, — шепчет Ольга. — Вот бы взглянуть!.. — Она смотрит на Лешку; любопытства в ней больше, чем страха. — Я капельку... Взгляну — и назад...

Лешка молчит, но глаза его, полные ужаса, молят — «останься, не надо!» В нерешительности Ольга медлит, прислушивается. Начинают хлопать зенитки. Стекло в окне дрожит и звякает так, что вот-вот, кажется, выскочит.

«Отче наш, иже еси на небесех, — шепчет Лешка и забывает, как дальше. — Отче наш... — млея от страха, начинает он снова и опять запинается. — Все, конец! — пугается Лешка. — Теперь не вспомнить... Надо бы на ночь...»

— Леш, давай под кровать, — предлагает вдруг Ольга.

Он молча кивает и первым ныряет под койку. Следом, пыхтя, на коленях вползает и Ольга.

Под койкой Лешке спокойней. Как-никак — сверху постель. И Ольга рядом, прижалась. Ольге, видно, не страшно. Она так, ради Лешки.

Гул не утихает. Обкладывает небо — грознее, гуще. Остервенело, хором лают зенитки, и высоко в небе лопается что-то гулко и часто, и сыплет по крыше, словно горохом.

Лешке становится жутко. Он жмется к Ольге, и та обнимает его за шею. В другое время Лешка подобного не потерпел бы. Сейчас — все равно.

Ольга заглядывает в лицо:

— Ой, Леш! А глазища-то — те-емные-те-емные!.. С чего бы то, а? На улице синие, а тут...

Она вдруг прижимается к его носу теплой упругой щекой.

— Чёй-то ты?! — отстраняясь, удивляется Лешка. И часто-часто моргает.

— А ничё... Хороший ты... — сдавленно шепчет Ольга, и пальцы ее щекочут ему подбородок.

Для него это — слишком. Он берет ее руку и осторожно — а то, чего доброго, Ольга рассердится — отводит в сторону. Но Ольга не сердится, а обнимает Лешку сразу обеими.

— Н-ну, в-вот еще!.. — не зная, что делать, бормочет Лешка стыдливо и хочет высвободиться.

— Чего ты, Леш? Хорошо ведь... И не боязно, — не разжимает объятий Ольга.

— Хм!.. Еще чего! — возмущается Лешка. — Ей боязно, а я должен тут...

Он отрывает ее руки и сбрасывает их через голову. Ольга обиженно отворачивается.

— Дурной ты, — говорит она тихо. — Я — как лучше, а ты...

— «Лучше, лучше»! Не надо мне «лучше»! Что я тебе?..

— Ты же боишься, — Ольга смотрит на него с усмешкой. — И потом...

— Кто?! Я?! Боюсь?! Сама ты дрейфишь! — взрывается Лешка. — «Потом, потом», — передразнивает он. — Что «потом»? Ну что, говори!

— Ничего, — отвечает чуть слышно Ольга. На глазах у нее слезы. — Играли же ведь...

— Ну и что?

— Ничто...

— То-то же!

— Глупый ты, — роняет Ольга по-взрослому, с мягким укором. — Играли ведь... Ты кто мне?

— Ха! — восклицает Лешка насмешливо. — Мало ли кто! Ну и что?..

— Ничто. Положено так.

— Так мы ж понарошки!

— И я... понарошки.

— Не-е, — тянет Лешка. — Так понарошки не делают. Так только взаправдашние. Вот если...

Досказать Лешка не успевает. Стремительно, с нарастающим воем, приближается что-то, замирает на миг и вдруг ахает так, что ходуном ходят стены и сыплется штукатурка. Забыв, «кто он» и «что он», Лешка бросается к Ольге и шепчет ей со страху «Отче наш...»

— Что-что?! — кричит Ольга. — Не понимаю!..

«Ий-й-ю-ю-ю-ю...» — вынимая нутро, пронзительно воет опять, и вместе с воем, не выдержав, Лешка вопит как резаный:

— Ма-а-а!..

«Стыдоба-то какая, — терзает себя Лешка. — Думал не думать, а вот же — подумалось!.. Ну и срамило! Надо же — «ма!» Хорошо хоть Ольга такая. Будь другая — конец. Смеялся бы не только Кузя — улица вся смеялась бы!»

А Ольга молчала. И виду не подала. Как будто бы Лешка и не орал. Спросила только: что, дескать, он «Отче наш» всю знает или...

«Да, Ольга — девчонка что надо! С ней бы завтра за хлебом, — мечтает Лешка и сожалеет, что Ольга уехала с бабкой жить в хутор — родственники переманули. — А может, приедут? — в надежде думает он. — Хутор здесь где-то, близко. Вот бы!.. Не-е, — качает головой Лешка, — Ольга сказала: приедут, *когда придут наши...*»

«Наши... Где они?.. Их и не слышно. Гансы вон ходят, шнапс пьют, на губнушках пиликают. И не думают сматываться. Правда, что-то румыны, союзники ихние, дюже поперли. Нагнали их — тьма-тьмущая. Старик уверен, шугнули их где-то. И немцев скоро шугнут, говорит. Может, и вправду? Вот бы... Ольга бы приехала... И по городу ночью — запросто бы... Иди себе, никто тебя и ты никого».

Он бы, Лешка, всегда первым был. Правда, ночью вставать — мука одна, но все равно лучше было бы.

Не так уж много Лешка прожил, не так уж много в жизни постиг, но главное для себя уяснил: наши есть наши. Это желанное для Лешки слово было в то время, в тех обстоятельствах наполнено особым смыслом. С ним он связывал не только все хорошее, доброе. В нем он чувствовал что-то родное, теплое, по чему тосковалось, чего хотелось, без чего не мыслился сам и люди вокруг.

Понятно, всего этого он не мог объяснить, как не мог объяснить, кто и когда заронил в его детскую душу подобное. Но оно жило, двигало его поступками, чувствами, волей. Лешка верил: рано или поздно наши вернутся. А с ними вернется все лучшее, нужное. И хлеб... Его обилие не представлялось Лешке без наших. «Наши сделают все, наши придумают». И эти постылые очереди исчезнут... Ему представлялось: как только наши придут — хлеб повезут по домам. Все может быть, думал Лешка, может, на каждом углу булочные стоять будут. А может... Может, всех ребят пропускать станут... Да только ли это? С нашими, полагал он, любое чудо возможно. Может, батя... Его словно вдруг осенило: «А что, может, батя объявится?!»

Мысль эта, возникнув внезапно, казалось, без всякой связи с мечтами о хлебе, вдруг захватила Лешку, закружила и понесла. Без удержу, без остановок.

Теперь, о чем бы ни думал Лешка, все было связано только с отцом. Для начала он постарался найти подходящее объяснение, почему это вдруг тот объявится. Конечно, не потому, что воскресенье, а потому, что батя, возможно, разведчик. К немцам спускался на парашюте. А наши, чтоб не пронюхал кто и не выдал, — похоронную матери... Все может быть...

Размечтавшись, Лешка представил, какой будет встреча с отцом. Возможно, он увидит батю на улице, а может... Нет, лучше на улице: в такой момент должны быть свидетели. И лучше, если батя первым увидит его. Увидит — окликнет. Понятно, Лешка сделает вид, что не узнал, — где уж там! Отец в зеленой форме, в скрипучих ремнях. И награды — все, сколько есть. Лешка этак взглянет — ничего дядечка! — и отвернется, а батя крикнет: «Лешка, паршивец, что же ты?!»

Лешка всмотрится пристальней — батя, ты! И кинется... Нет, не кинется, в подойдет, по-мужски крест-накрест обнимется. И долго батя будет трясти ему руку.

Разумеется, рядом должны оказаться Тимка и Кузя. Они будут пялить глаза и рот разевать. Еще бы: герой — Лешкин отец! Он подарит Лешке пистолет, и пойдут они вместе домой. Понятно, ребята — гурьбой за ними. В окнах — расплющенные носы любопытных девчонок. Все восхищаются, ахают и смотрят им вслед.

А Лешка на все — ноль внимания. Знай идет, пистолетом помахивает.

Потом взбегает на крыльцо, открывает дверь и с порога: «Мам, гляди, кого я привел!» Мать...

Внезапно Лешкины брови резко сдвигаются. Глаза, только что излучавшие свет, мгновенно тускнеют. У губ залегает морщинка.

«Мать», — думает Лешка, и пестрые картинки вмиг исчезают. Нет, ничего у него не будет. Ничего-ничего!.. Ему невозможно даже мечтать. Да и зачем это — думать, мечтать, когда все уже без него... Мать с дядькой Федькой, а батя — навечно... под Гомелем. «Если б она не связалась, тогда бы еще...» — с горечью сетует Лешка. И удивляется: зачем это ей? Живут же другие! Вон мать у Кузи. Чуть ли не с первых дней похоронка, в ничего, живет же. И Кузю — попробуй поддень. Нечем. А он тебя — «шлюха немецкая»!

Лешка сжимает кулак, бьет им в ладонь. В нем снова вскипает злоба. К кому? Он и сам не знает — к кому. Скорее, ко всем: и к Кузе, и к Тимке, и к матери, и даже к себе самому. К Кузе — за то, что гнет через край. «Шлюха немецкая»! К чему это он?! Дядька Федор вовсе не немец. К Тимке — за то, что клюнул на Кузину удочку: мог бы Лешке с глазу на глаз... Ну а к матери — известное дело, не надо бы ей. Глядишь, батя и вправду еще объявился бы... К себе — должно быть, за то, что «слабак». Кузе надо бы сразу по роже, в матери прямо: не буду — и баста! Живи, мол, сама!.. Или дядька Федор пусть убирается! Кто он ей, родственник, что ли?

Лешка кусает губы, трется лбом о подушку и жмурится. Веки смыкаются так, что в глазах красный туман. Внезапно всплывает картина: вокзал, теплушки и головы. Прощаясь, отец поднял его высоко, и Лешке почему-то запомнились только головы. Море голов. И среди них — мать. Такая маленькая, жалкая. Она висла сбоку, обхватив отца за шею, и выла. Выла так жутко, что Лешка порой пугался — не умрет ли?.. Отошла, ничего. И даже когда принесли похоронку — голосила не очень. Это Лешка заметил. Дядька Федор тогда уже был... На квартире. И утешал... После дядьку Федора тоже забрали. Мать и его провожала. Но Лешку с собой уже не брала, и он боялся, как бы мать не уехала.

Но она не уехала. Только ходила журная и все ждала чего-то, ждала... А вскоре и немцы пришли. Жуть сколько пленных нагнали! Вели и вели, без конца. Бабы, все как одна, ходили смотреть: нет ли мужей?

Лешка тоже ходил. Он видел, как мать, подавшись вперед, вглядывалась в серые лица, и думал: кого она ищет? Ему хотелось, чтобы мать, как и он, высматривала бы батю. Пусть чуда не будет, пусть, но остается же у человека хоть капля надежды!.. У Лешки осталась. Угасшая, смутная, но еще живая. Она двигала Лешкой, заставляла вместе со всеми идти и смотреть. Может, и у матери что-то подобное, может, и она... Не-ет!.. Чувствовал Лешка — не батю ищет она...

Квартирант заявился дней через пять. Мать преобразилась, ходила радостная и говорила: «Свалился, Федя, нежданно-негаданно». И сияла, светилась вся. А Лешке было все равно. Он удивлялся только: откуда тот мог свалиться?

Три дня квартирант отсыпался, в на четвертый уехал неизвестно куда. Лешка тоже «залился» с братвой, а когда явился под вечер, увидел: за столом дядька Федор и мать. И Лешка еще сильней удивился: дядька Федор был в облезлой форме красноармейца. На столе, рядом с ним, лежала фуражка — настоящая, лейтенантская. Только без звездочки. Остолбенев, Лешка таращился на фуражку, на продавленный след от звездочки, и ему казалось, что вот-вот откроется дверь и в затылок наставят дуло. Ощущение это было столь велико, что он с испугом оглянулся на дверь. Возможно, все это воспринялось бы по-иному, если бы не один случай. Два дня назад Лешка с ребятами видел, как к бараку, где они жили, подлетел мотоцикл с коляской. Два немца — один с автоматом, другой с пистолетом — метнулись в темный подъезд. Минут через пять вывели человека. Был он в такой же защитной форме...

Лешка смотрел на дядьку Федора не мигая, не двигаясь.

— Что стал столбом?! Проходи... — сказала мать недовольно.

Лешка чувствовал: что-то не то. Плохое настроение матери, видимо, вызвано преображением дядьки Федора. Она вздохнула, тяжело оперлась о стол, поднялась, заходила по комнате. Поднялся и дядька Федор.

— Пошел я, Мария, может, к ночи приду.

Вобрав голову в плечи, Лешка шмыгнул мимо матери, на цыпочках, словно боясь кого разбудить, вернулся назад, пролез между койкой и сундуком к ящику, в котором был всякий хлам, служивший Лешке игрушками, и опустился на корточки. Но ему не игралось. Он оглянулся: мать стояла у печки, положив подбородок на сжатые руки.

— Мам, — позвал Лешка.

— Чего тебе?

— А чёй-то дядька Федор... в таком?.. Немцы ведь...

— Оно тебе надо!

— Дак как же?.. Могут забрать... Батино ж есть вон...

— Ишь сердобольный какой! Сиди вон, копайся.

Но Лешке уже не сиделось. Страх, охвативший вначале, исчез, и теперь ему непременно хотелось узнать: почему это дядька Федор так запросто вырядился в наше и пошел себе, как будто немцев нет и в помине?

— Мам, в куда он пошел?

— На кудыкино село.

— Что тебе, жалко?

— Отстань.

— А его не поймают?

— Кто?

— Немцы.

Мать промолчала, а Лешка сказал:

— Вон дядьку какого-то позавчера... На мотоцикле... Только и видели. Ребята потом говорили — разведчик... Ма, а дядька Федор случаем...

— Господи, перестань же ты наконец!

— Ха-ха-ха! — Лешка схватился за живот.

— Чего скалишься, черт зубастый?! Ты еще тут — измываться! — взорвалась вдруг мать.

— Не-е, — испугался Лешка. — Я так... Просто. — И пояснил: — Смешно дюже. Богу-то — перестань!..

— Что-о?! — не поняла мать.

— На Бога шумишь, говорю, а Он...

— И-и, охульник бессовестный! — покачала она головой. — Давно ли молитву творил? Отлегло? Постой-постой, приспичит еще!..

Лешка смутился, вспомнив свои недавние страхи, когда под ногами гудела земля и полыхало пламя в полнеба, а он, упав на колени под койкой, просил Бога спасти его, грешного. Тут же подумал: «И вправду приспичит. Не век же тут немцу быть».

А мать продолжала, как будто нарочно:

— Забыл, как под койкой реву давал?

И Лешка, злясь на себя и на мать за то, что «колет глаза», — зачем вспоминать?! — крикнул:

— А ты-то, ты... Когда на путях аммонал ахнул... На корточках — в дверь! А мыло с полки — ка-ак даст по горбу!

— Ну и что? Не убило же ведь.

— В том-то и дело. Ты думала — осколок. И закричала: «Убило, убило!..»

— Не ври!

— Ой, «не ври»!.. Забыла, что ль?

Мать начала сердиться:

— Ладно, иди-ка отсюда... пока не огрела.

— Ой, «огрела, огрела»! Как чуть — так «огрела». Правда ведь.

— Ладно, ладно, ступай! — толкнула она Лешку в затылок. — Да, постой!.. Ты не очень-то шпане... про Федора...

— Нужен он мне!

— Знаю тебя, сороку хвастливую. Зачнешь там басни свои сочинять.

— А что, мам... — загорелся Лешка опять...

— Иди, иди!

— Правда, мам, чёй-то дядька Федор запросто так... не боится.

— Охранник он. На путях.

— Охра-анник?! — изумленно уставился Лешка. Его буйное воображение рисовало все, только не это. — Охранник?! — не веря, переспросил он. — Это как же?.. Немецкое охраняет?!

— А не все ли равно! — ожесточась, крикнула мать. — Жить-то всем хочется.

Нет, лучше бы он от них отказался. Лучше бы Леве платили за «прокат»... Но не было сил устоять. Дядька Федор знал, чем угодить. Санки эти грезились Лешке даже во сне. Сколько раз он клянчил их у Левы, чтобы съездить на вокзал подработать. Мог бы и теперь... Но Лева — жмот, требовал долю. А последнее время совсем обнаглел. Говорит: давай только хлеб. А гансы не больно щедрые: за рейс пару сигар — и вали.

И вот дядька Федор...

Он принес их под вечер. Вошел, хитро так посмотрел и сказал: «Леша, выдь в коридор, полюбуйся». Лешка хотел отвернуться — будто и не слышал, будто и нет дядьки Федора, но это его любопытство... Оно побороло... Ну, ладно — вышел, увидел. Но зачем надо было проявлять телячий восторг? Ведь он ненавидит обоих. Прошло уже несколько дней, как мать призналась, а он все не может забыть ее крик... Он понимал, что мать в угоду себе совершает что-то не то, отступает от чего-то заветного — от того, за что отец сложил голову. Мысль, что мать его — с «квартирантом, который служит у немцев», не давала покоя. Он терзался несколько дней, избегал встреч с Тимкой и Кузей. Ему казалось — выйди на улицу, и все мальчишки начнут улюлюкать. Не только Кузя будет издеваться — будет донимать Тимка, будет смеяться Лева. Но ребята молчали, виду не подавали. И Лешка чуть-чуть поостыл — забылся немного. И тут дядька Федор с подарком...

Лешка раскаивался, что взял тогда санки. Чувствовал: в них вся беда. Не будь их — не за что было бы Кузе зацепиться.

А может, он сам виноват? Может, не стоило ему над Кузей смеяться?.. Но Кузя — комик, над ним нельзя не смеяться. Особенно когда «канючит». Отвезут они гансовы вещи, Лешка с Тимкой станут и ждут, а Кузя «талант проявляет». Скорчит кислую рожу, руку протянет и затрясется, как паралитик. Ганс за труды ему — сигары. Кузя возьмет — и тут же на пальцах: «Не-е, пан, я некурящий, я, видишь, больной. Вот бы — "ам-ам"!..» Немец морщится, но лезет в рюкзак и ломает полбулки. Для приличия Кузя протянет грязную лапу — на, мол, пан, твои сигары, мы, дескать, народ честный. Но «пан» как замашет рукой — «найн-найн!» Все ясно, скажет Кузя, и подкинет в руке сигары. «Данке зихь, пан!»

Кузин номер часто срабатывал. На этот же раз... Вначале все было как и положено. Тимка и Лешка стояли, а Кузя «канючил». Немец был здоровенный и толстый, и два чемодана — под стать, да сумка еще. В ней, видимо, был провиант. Кузя чувствовал это и старался как никогда. Он понимал, что поработал прилично — санки с вещами ганса тащить пришлось чуть ли не три километра — и за свой тяжкий труд должен быть прилично вознагражден.

Как всегда, Кузя скорчил кислую мину и вытянул руку. Но вместо привычных сигар немец сунул ему... монету. От неожиданности Кузя раскрыл рот и часто-часто захлопал глазами. Пока Кузя приходил в себя, немец вскинул рюкзак и взял чемоданы.

— Э-э, па-ан! — заорал Кузя как сумасшедший.

Немец вздрогнул, поставил чемоданы и обернулся. Ничего не подозревающий Кузя — он в этот момент был начисто лишен способности что-либо соображать или видеть — кинулся немцу под ноги, жестикулируя и что-то мыча.

Немца хватило на то, чтобы выждать, когда Кузя кончит кривляться, затем он осклабился, обнажив мелкие ровные зубы и синюю верхнюю десну, кивнул головой — «яволь», нагнулся, делая вид, будто хочет что-то достать, и неожиданно быстро вдруг цапнул Кузю сбоку за шею. Кузя испустил странный кошачий звук, вцепился немцу в огромную лапу, дернулся: хотел отстраниться — не тут-то было. Бурея в лице, склонил к плечу голову. «Задушит!» — заметался Лешка, но Тимка придержал его за руку.

К счастью, Кузя в такой не очень удобной позе оставался недолго. Немец крутнул его вдруг, не совсем вежливо перегнул, так что Кузин тощий зад отчетливо обозначился, и резко двинул пинком. Кузины руки вскинулись крыльями, а длинные ноги, почти не касаясь земли, раздвинулись и снова сомкнулись, будто огромные ножницы.

Пролетев метра три, Кузя шлепнулся жердью, вскочил на четвереньки и, мельтеша

всеми конечностями, пробежал еще столько же. Немец коротко гоготнул и быстро сунул руку за пояс. Лешка и Тимка кинулись прочь...

Потом они хохотали. Кузя не сердился, а только морщился и, потирая ушибленный зад, говорил жалостливо, словно оправдываясь:

— У меня тут косточка, знаешь, болючая... Так он, тварюга, прямо в косточку жахнул.

— Куда-куда?.. В косточку?.. На заду-то?.. — давился от смеха Лешка.

— Осел... — ругался Кузя незлобно и пояснял: — Хвостовик это... Ну, знаешь, где позвоночник кончается?

Но Лешка не слушал, продолжал заливаться, и Кузя, махнув безнадежно рукой, сказал:

— Где уж тебе!.. «Гадкого утенка» прочел, и то небось до середки! — И, чтобы сменить разговор, обратился к Тимке: — А знаешь, в сумке у ганса... хлебины — во! Углами торчат.

— Да ну?! — удивился Тимка. — Вот бы спереть!

— Где уж! Видел: за пояс... рукой-то? Я думал, палить начнет.

— Не-е, это он, похоже, штаны поддернул.

— Ха, штаны! А чего же вы с Мослом тягу дали?..

— А ты-то, ты!.. — вмешался Лешка. — Ха-ха-ха!.. По-собачьему... Аж лед когтями зашкрёб!

— «Зашкрёб»! — гнусаво передразнил Кузя. И, обращаясь к Тимке, отрезал: — Всё, баста! Хватит с меня!.. В следующий раз пусть канючит Мосол.

— Я?! Канючить?! — Лешка чуть не поперхнулся от удивления.

— А что, на халтурку? Хватит! Кончилась лавочка! На кой оно мне... — Кузя сплюнул сквозь зубы.

— Не буду! — упрямо боднул головой Лешка.

— Это почему же? — Кузино лицо сделалось ехидным и злым.

— Не буду — и всё!

— До свидания, Лешик, — пропел Кузя фальцетом. — Есть — медведь, просить — заяц... Фиг пройдет! Не будешь — пайка твоя станет моя!

— А я санки не дам, вот!

— О-о! Слышал, Старик? Он санки не даст. Гляди-кось, капиталист! А санки-то чьи? Ты знаешь, чьи санки?

Кузя вплотную приблизился к Лешке, и тот близко увидел пучеглазую рыжую рожу с растянутой верхней губой, над которой, будто в изморози, уже пробивался легкий пушок. Увидел и удивился: «Гля-я!.. У Кузи — усы!..» Но тут же забыл, потому что заданный Кузей вопрос был важнее, в нем таилась новая каверза. Лешка это почувствовал и не сразу нашелся с ответом. А Кузя, воспользовавшись его замешательством, тихо, с растяжкой, сказал:

— Мои это санки, мои. Понял?

— Твои-и?! — Изумление Лешкино было беспредельным. — Как это — твои?! Да ты!.. Дв у тебя их сроду не было!

— А у тебя? — Кузя ехидно сощурился.

— Мне... Мне дядька Федор достал...

— Ах, дядька Федор!.. А почему — тебе, а не мне?

— Да кто ты ему?!

— А ты?

— Я... я... — Лешка смешался. — Он у нас квартирант.

— Квартирант? Неужели?.. — На лице у Кузи отразилось наигранное изумление. — А я-то думал... Слушай, а квартирант с мамой твоей ляльку тебе еще не купили?

— Чиво-о?! — Лешка почувствовал, как полыхнуло лицо...

Неизвестно, чем бы все кончилось, не вмешайся Старик. Он сказал, чтобы Кузя «заткнулся». И Кузя «заткнулся».

А утром сегодня, когда прошло целых шесть дней, когда и Лешка уже пообмяк, и Кузя молчал, и, в общем, обиды чуть-чуть попритерлись и страсти утихли, когда они уже собирались в новую вылазку, Тимка вдруг ни с того ни с сего ляпнул — как в бочку: «А мать-то твоя... с квартирантом... того, под ручку шла... Сам видел».

И, помолчав, отколол еще хлеще...

Тогда и сделалось Лешке стыдно за мать.

Тогда и сказал Кузя, что Лешка — подонок (а Лешка и слова такого отродясь не слышал).

Тогда и хотел он съездить Кузе по роже (и не съездил).

Тогда и подставил Старик ему ножку.

И лежит он теперь с расквашенным носом. Лежит и все вспоминает. Все, кажется, вспомнил, все передумал. Чего бы еще?.. Свет в окошке уже посинел и тени по стенам не ходят. А Лешка лежит... Снится ему: на улице ночь, ветер волнует кусты, гулко бухает жестяная крыша. А Лешке надо куда-то идти. Куда — сам не знает. В доме Лешка один, дом незнакомый, странный и жуткий. Он как будто бы недостроен, без потолка. Над головой смутно белеют столбы. Они впечатались в черную темь, и темь эта прячет что-то зловеще огромное, черное и бесформенное. Оно, это «что-то», движется — Лешка чувствует это по тяжкому скрипу брусьев и балок. Все ближе и ближе. Лешка хочет крикнуть, но крика не получается. Он бросается в дверь, шарит — ищет ручку и не может найти. И чувствует, что оно уже за спиной — вот-вот протянет к нему косматую руку. Лешка кидается к окнам, но длинные узкие окна — в железных решетках. Его охватывает ужас, он кричит и от крика своего просыпается...

За окном уже ночь, в комнате — тьма, густая, черная. Лишь незавешенный угол окна слабо синеет.

Лешка прислушивается. Тихо. Стучат отчетливо ходики.

«Сколько же времени? — думает Лешка и снова прислушивается. — Много, похоже... А дядьки Федора нет, — вспоминает он вдруг. — И дверь не заперта. — Лешка хочет подняться, чтобы накинуть крючок. — А что если... — мелькает тревожная мысль. — Что если кто-то вошел и... сидит, притаился?»

Лешке становится боязно. Упираясь затылком в подушку, он выгибается, потихоньку тянет из-под себя одеяло, чтобы нырнуть с головой, но стул, на котором лежат его ноги, предательски вдруг скрипит. Каменея, Лешка остается лежать в неудобной позе.

В коридоре за дверью слышится шорох. Что-то дзинькает, словно дужка ведра; что-то неожиданно с грохотом падает. Лешка вздрагивает, зарывается носом в подушку. Напрягаясь, слушает. Тихо...

Проходит минута, другая. Снова слышится шорох. Лешка одним глазом косится на дверь. И вдруг... Ошалело, утробно орет дурным голосом кот. Его исступленное дикое «мяу» противно до жути. Оно порой похоже на вопль заживо раздираемого, особенно когда кот обалдело, на самых тоскливых нотах, тянет последний звук.

У Лешки немеют ноги. Он опускает их на пол, осторожно встает к двери.

«Тук-тук-тук», — раздается внезапно в окне. Лешка вздрагивает и замирает на месте. Стук повторяется.

— Кто там?! — взвизгнул Лешка чужим испуганным голосом.

— Леха, открой — это мы...

С плеч будто что-то скатилось.

— Тимка! — забыв обо всем, кричит радостно Лешка. — Я щас!..

Утро серое, мглистое. С мутного неба сыплется мелкий сетчатый дождь. Он то спускается сивой туманной изморосью, и тогда размытым пятном темнеет за площадью церковь, то сеет, словно из лейки.

У магазина — квашнею грязь. На скользкой раскисшей земле густо, один на одном, отпечатки следов, кое-где уже залитые водой.

Лешка, Тимка и Кузя еще не промокли. Вернее, промокли, но не так, чтобы здорово. Они стоят на крыльце под навесом. Им повезло, они сегодня чуть ли не первые — Тимка второй, Кузя третий, Лешка четвертый.

Только что «посчитались». Посчитались — значит, сменили очередь. Создали новую, или, как ее называют, «живую». Так бывает всегда, когда уходит последний или если счет заходит за сотню, а людей на самом деле не больше десятка. Тогда обязательно найдется такой, который не хочет быть сто тридцатым, а хочет быть, скажем, пятым. И он начинает шуметь, подбивая оставшихся на «переворот». И в конце концов добивается своего.

Ребята таких «подбивал» называют «баламутами». Обычно ими бывают деды или визгливые тетки. У ребят это не получается. Кузя пытался однажды и чуть не остался без шапки. Такая же вот визгливая тетка, которая и сама подбивала не раз, подскочила вдруг к Кузе, рванула его треух и бросила прямо на крышу.

Сегодня тоже нашлись «баламуты». Но Лешка, когда решили считаться, кинулся первым к дверям. И тут же протиснулись Тимка с Кузей.

И вот они на крыльце. Народу — уйма, сверху льет дождь. А хлеб не везут.

Под навес, на крыльцо, где и троим развернуться негде, набилось человек семь или восемь. Лешку прижали к стене, и с крыши за ворот ему льется тонкая струйка. Лешка гнется, отклоняется в сторону. Струйка перемещается на плечо и брызжет на шею холодной пылью.

— Леха! — кричит через головы Тимка, и Лешка видит в узком пространстве курносую, в кофейных крапинах, физиономию. — Ты как, ничего?

— Ничего! — машет Лешка рукой. — Капает только!

— Проклятье, — ворчит сбоку дед в вытертой шапке. — Как прорвалось.

— Да-да, — соглашается рядом старуха. — Захмврило как. Думали, снег, а он на тебе — дождь.

— К урожаю, должно быть.

— И-и, милай! Нам-то чего? В этом году хлеба какие вымахали, а проку? По сто граммов, и то — стои вот, гибей.

— Этто-то да, — трясет головою старик. — Прахом... Все идет прахом.

«Бо-о-умм, бо-о-умм», — раздается над площадью. Старуха взглянула на церковь и закрестилась мелким крестом. Старик тоже взглянул, ио вместо крестного знамения — разгладил жидкую бороду:

— К обедне, должно быть. — И усмехнулся: — Чудно как-то. Давненько не слыхали... Почитай, лет десять, а то и боле... Забыли уже...

«Бомм-бумм, бомм-бумм», — призывно несется над площадью, и народ непривычно, со смешанным чувством пытливости и суеверия смотрит на церковь.

— Леха, вылазь! — командует Тимка.

— Куда?

— Вылазь, говорю. Чего тут торчать? За шиворот льет все равно.

— А там что, не льет? — отзывается Кузя.

— А мы — в тепло.

— Гдей-то тепло?

— После скажу.

— А хлеб привезут? Или считаться? — тревожится Лешка.

— Увидим.

Они выходят под дождь. Кузя ежится:

— Бр-р-р... Лучше бы там стояли. Куда переть-то?

— Вот что, робя... в церкву айда.

— Тю-ю, сдурел! Кто тебя пустит?

— А других кто пускает?

— Другие молятся, а ты...

— А я что?! Я тоже молиться буду.

— Ты-ы?! Да ты знаешь, как молятся там? На коленки становятся, а ты...

— Что ты растыкался?! — злится Тимка. — Что я, не такой? Я тоже могу на коленках...

— По-ддо-охнешь!.. Он — на коленках... — Кузя качает головой и насмешливо щурится. — Шкары потрешь, в мешков пустых нет, шить новые не из чего...

Тимка психует:

— Это у тебя, может, нету, а у нас — навалом. — И обращается к Лешке: — Айда, Мосол! Дрейфиков нам не надо!..

Он прыгает через лужу и, не оглядываясь, направляется в церковь. Лешка медлит секунду, потом тоже идет.

— Постой, — догоняет их Кузя. — Ты серьезно?

Тимка останавливается.

— Не, поснарошки. Надо тебе, гнись хоть до вечера тут.

— Хм, не все равно, где гнуться, — ехидствует Кузя.

— А все равно, чего прешься? — рявкает Тимка.

— Не, я что... — сникает Кузя. — Я сроду там не был.

— Я, что ли, был?

— А как же молиться? Вытурят ведь.

— Кто тебя вытурит? Стой да молись.

— Молись! Тоже мне!.. Молиться надо с молитвой...

— А я «Отче наш» знаю! — выпалил радостно Лешка.

— Что?

— «Отче наш».

— Гляди-кось, шустрый! — удивляется Кузя. — Где же это ты нахватался? Не от квартиранта случаем?

Лешка останавливается, плотно сжимает губы, так что верхняя заходит под нижнюю. Прищурив глаза, дышит шумно и часто.

— Чего ты, Мосол? — не понял Тимка.
— Ничего, — дрогнул губами Лешка. — Вон... Дылда... опять...
Тимка повернул голову.
— Не, я так... про молитву, — ловчит Кузя, — хотел узнать, всю он знает или половину, а он... псих ненормальный!..
Они подходят к покосившейся железной ограде. Тимка останавливается, вкладывает пальцы в сырую ржавь замысловато свитых узоров. Лешка, вертя головой, разглядывает церковь.
— Гля-я!.. — удивляется он. — Окна-то узкие. Как в тюрьме.
— «В тюрьме»! — гнусаво передразнивает Кузя. — Ты-то видел ее?
— А то не? Когда с мамкой ездили...
— «С мамкой»!.. А может, с папкой?
— Кончай базар! — обрывает Тимка. — Стоять-то чего? Идти так идти...
В церковь они входят гуськом. Тимка первым, Кузя вторым, Лешка последним.
«Ой ты-ы!» — хочет воскликнуть Лешка, пораженный множеством ярких картин, изображающих никогда не виданных им людей в розовых и золотистых материях, перекинутых через плечи и волнами спадающих к босым ногам. Но не успел Лешка остановиться и очарованно оглядеться, как кто-то шлепает ему по затылку. Шапка слетает, Лешка сгибается — ищет ее. А над головой простуженный голос — не то мужской, не то женский — бубнит:
— Эт те не драмсарай, а храм Божий... Чему вас только учила советская власть!
Лешка хватает шапку, снова хочет напялить ее, но в этот момент замечает, что Тимка уже впереди — и тоже без шапки, а Кузя, согнувшись в три погибели, ищет свою между ног.
«Гля, по шапке дают!» — удивляется Лешка и осторожно, чтобы не топать ботинками, пробирается к Тимке.
— А чего они?.. — зыркнув по сторонам, шепчет он Тимке. — Могли бы сказать, а то сразу — по шее...
— Тихо, ты! — шипит Тимка. — Видишь вон, рядом с попом, волосатый... лупает. Щас гаркнет...
— Тю-ю!.. А чёй-то он, в юбке, што ль? Гля, и поп... Ой ты...
— Да заткнись же!.. — сверкает глазами Тимка и, отвернувшись от Лешки — будто вовсе не знает его, — начинает креститься.
Лешке смешно: Тимка крестится. И крестится не понарошки — по правде. И крест кладет всей пятерней до самого пупа. Прыснув в кулак, Лешка отворачивается и видит Кузю.
Кузя неподражаем. Страдальчески скорчив физиономию и подкатив по-куриному глаза, он стоит с запрокинутой головой, и губы его, шевелясь, шепчут что-то, одному Богу известное. Тот, что рядом с попом, смотрит уже не на Тимку и Лешку, колюче уставился Кузе в лицо.
Похожая на коромысло старуха кладет торопливо и низко поклоны, пугливо косится на Кузю.
Толстощекая тетка, улыбаясь, говорит что-то костлявому деду со сморщенным, как сушеная груша, лицом и показывает на Кузю глазами.
А Кузя — статуя. Бровью не поведет. Та же поза, та же страдальческая маска и те же по-куриному закатившиеся глаза. Откуда это у него? Тут, пожалуй, и Богу уже неизвестно.
Лешка смотрит на Кузю и снова прыскает в кулак, на этот раз так громко, что обращает на себя внимание не только Тимки, метнувшего на него быстрый бешеный взгляд, но и того, волосатого.
Лешка пугается, чуть отступает назад и прячется на всякий случай за широкую спину упитанной тетки. Секунду он видит крутые, обтянутые тонким сукном теткины плечи и снова косится на Кузю, затем на Тимку и на того, волосатого. Его опять подмывает хихикнуть, но тот, волосатый, смотрит в упор, и Лешка, чтобы, чего доброго, не хохотнуть, вслух начинает читать «Отче наш». Это почти помогает.
«Во! — удивляется он. — Правду мать говорила: "Отче наш" — от всего».
Но он, кажется, перестарался. Тетка, за которую прятался Лешка, вдруг обернулась и, неестественно пуча глаза, изумленно, как на помешанного, уставилась на него.
«Вот жабина!.. Услыхала!» — смущаясь, думает он и отходит на всякий случай подальше.
Теперь он почти рядом с Кузей. Тот косится на Лешку, едва заметно подмигивает. Лешка тянет шею к нему, хочет спросить: чего, мол? Но Кузин остренький подбородок ни с того ни с сего начинает как-то странно вибрировать.
Не успел Лешка прийти в изумление от подобного трюка, как вдруг раскатисто-гулко раздается под самыми сводами: «Господи, поми-и-илу-уй...» Слышится шум — все падают ниц. Тимка тоже. И только Кузя остается в полунаклоне. Но длилось это — мгновение. В следующее — он встрепенулся, будто кто его стегнул крапивой, быстро из стороны в сторону крутнул головой и со всего маху грохнулся на пол, высоко подняв свой тощий, в заплатах, зад. Наэлектризованному Лешке этого было достаточно. Он не выдерживает, заливается хохотом и, топая гулко ботинками, бросается вон...

— Дурак невоспитанный, — корит его Тимка и отворачивается.
— Лошадь ты мохноногая! — цедит с презрением Кузя и далеко посылает сквозь зубы плевок.
— Сам ты кляча! — огрызается Лешка и улыбается: ловко придумал.
— Смотри-ка, — удивляется Кузя. — Совсем уже взрослый! — И, ломая голос, заменяя шипящие звуки свистящими, сюсюкает: — Слушай, Лешенька, ты щё, недоносок? Или притворяешься?..
Лешку коробит, уголок его верхней губы начинает подергиваться.
— Кончай! — Тимка двинул Кузю ладонью.
— А чего кончать?! — ершится Кузя. Он все еще пытается взять прежний тон, но голос у него теперь не тот, ломаный, а свой, настоящий, — визгливый. — Обедню-то кто испортил? А по ребрам попало кому?
— А ты не кривлялся бы, стоял бы, как люди...
— «Как люди»!.. Люди лежали, молились, а он, лошадь германская, вздумал ржать и топать копытами...
«Германская... Это он намекает на связь с дядькой Федором...» — В глазах у Лешки все полыхнуло и покатилось вниз горячей волной.

— Кончай, схлопочешь по роже!.. — Вид у Тимки решительный: набычился, руки в карманах.
Кузя взглянул на него, должно быть, хотел возмутиться, но, встретив насупленный взгляд, отмолчался, тоже сунул руки в карманы и отвернулся.
Лешка почувствовал к Тимке внезапную нежность.
— Тим, а что, правда, тот, волосатый, за вами погнался?
— Не, не успел, — буркнул Тимка. — Этот, — он указал глазами на Кузю, — как только увидел, что ты побежал, — как рванет! И чуть не упал. А дед какой-то его — костылем.
Кузя чуть шевельнулся, поежился. Лешка взглянул на него и снова почувствовал щекочущий приступ смеха, но удержался, переступил с ноги на ногу, облегченно вздохнул. И вдруг всполошился:
— А хлеб?! Про хлеб-то забыли!
Кузя вильнул глазами на Лешку, скривил в презрении рот:
— Дура! Ликует... Будто булку нашел... Старик, — обратился он к Тимке, — в ты расскажи про себя... Как прыгнул, когда толстуха зонтом по горбу...
Но Тимка будто не слышал. Приложив ладонь ко лбу козырьком, смотрел через площадь.
— Братва, а там, никак, хлеб привезли! Гляди-ка, толпища... Ну, точно — хлеб... Аллюра-а!..

Очередь поменялась.
Напрасно встали они спозаранок, напрасно чуть свет тащились через город, напрасно мокли под дождем... А все этот Тимка!.. Нет, не Тимка, скорее всего, этот дождь. Он, как нарочно, уже перестал, и небо, в разрывах белесых жиденьких туч, — как весной: словно осколки цветного, ослепительно-синего стекла...
И откуда он, дождь этот, взялся? Было бы так с утра — и не возникла бы у Тимки затея прятаться в церкви, и очередь не проспали бы... Нет, дождь тут тоже — постольку поскольку. Дело не в нем. Тут все намного серьезней: наших нет — некому позаботиться...
Так думал Лешка, стоя в толпе, точнее — рядом с толпой, на вросшей в землю каменной глыбе и с тоской наблюдая, как там, у крыльца, где они утром мокли, шумел людской водоворот.
Творилось невообразимое. Живой кишащий клубок: колышущиеся головы, всплескивающиеся руки, раскрытые рты. И надо всем этим — многоголосый, визгливый гвалт, из которого вряд ли что можно понять. Сотнеголовая плотная масса, беспокойно пружиня — то сжимаясь, то расширяясь, — напирала на ветхий крыльцовый навес, и непонятно, каким чудом он мог еще держаться.
В самой гуще кого-то затерли, вынесли наверх, и он, будто хилый пловец, нелепо взмахивая руками, пытался выбраться прямо по головам. Лешке хорошо было видно, как люди, желая скорее избавиться от непрошеной ноши, не глядя толкали его кулаками, угиная и пряча лица от сапог, облепленных грязью.
По головам и рукам человек добрался до края, мешком свалился на землю, перевернулся, встал на карачки, медленно, не до конца разогнулся и, приложив растопыренные пальцы к тощей груди, натужно зашелся приступом кашля, протяжно икая и пуча глаза. Потом как-то боком, дергаясь и шатаясь, побрел на полусогнутых ногах в сторону площади. Лешка заметил: то был тщедушный старик с изможденным лицом.
— Ну, что, — спросил Тимка, — поперли?
Лешка повернул голову: Тимка смотрел на него, Кузя молча кусал сухую былинку. Лешка еще раз окинул глазами толчею. Большая бесформенная амеба, колыхаясь, переваливалась из одной стороны в другую, и края ее, контуры, постоянно менялись.
А взбудораженный центр у крыльца бурлил и неистовствовал. Те, кто был в первом десятке прежде, ни за что не хотели остаться последними теперь, а те, кто стал первым теперь, не желали быть «хвостовыми», как прежде. Уступать никто не хотел. И шла война не на жизнь — насмерть. Потому что хлеба сегодня привезли еще меньше.
Лешка слез с камня — забрался Тимка. Постоял, посмотрел, спрыгнул обратно.
— Ну, как? — спросил Лешка.
— Как... Пробиваться надо... по головам, — сказал Тимка. И на Кузю взглянул косяком — что скажет тот. Кузя опять смолчал, в Лешка удивился:
— По головам?! Ты что!.. Задолбают. Уж лучше как раныше. Промежду...
— Балда! — не выдержал Кузя. — Ну, олух царя небесного! Надо же додуматься: «Как раныше... Промежду...» Ты видишь, что там творится?! Враз мослы посчитают!..
Лешка на этот раз не обиделся. Почуял — прав Кузя: пробраться между ногами сейчас невозможно. Раздавят — не пикнешь. Но и Тимкина выдумка не подходит: свалят, сомнут и будут топтать... Нет, поверх голов — не пойдет. Надо что-то другое. Но Кузя молчит. «Сам балда, а других обзывает».
— Знаете что, — предлагает вдруг Кузя, — давайте на силу... Локтями...
— Тю! — удивляется снова Лешка и... осекается. Он хотел сказать Кузе: «Ты что, сдурел? Задавят ведь!» — но вспомнил, что Кузя на целую голову выше его и сильнее, а он, Лешка, слабак. Шкетом был — им и остался. До Кузи надо расти ему целых три года.
— Что ты тюкаешь? — не поняв Лешку, зло шмыгнул глазами Кузя. — Локтями надо... Раз-раз!.. Не видишь, самое бабье.
Лешка забеспокоился. И впрямь — Кузя локтями, и Тимка за ним... А он, Лешка, может остаться без хлеба.
— Не, — рубанул ладонью Тимка. — Так не пойдет. Мы-то еще ничего, а как же Мосол?
— Ну, что вы!.. Я — как-нибудь... — залепетал смущенно Лешка. От умиления он готов был броситься Тимке на шею. — Я — так... Между ног... — И тут же подумал: «А что, пусть они так, а я так...»
Кузя опять взглянул косяком, хмыкнул, крутнул у виска пальцем. И отвернулся, посвистывая.
— Мосол, — сказал Тимка, — ну-ка дай твои карточки.
— Это зачем?
— Давай-давай!..
Кузя скривил в иронии рот:
— Благодетель какой... Выгорит, думаешь? Дудки — фамилия в карточках другая... Ты считаешь, для чего они карточки дали — для

хлеба? Как же, держи... Им надо знать в городе каждого, а ты — дава-ай!..

— Попробую, — буркнул Тимка не глядя и стал подкалывать Лешкины карточки сверху своих.

— Не надо, Тим, а? Может, я так...

— Ладно... Разнылся! Стой вон и стой!.. Нет, знаешь что? — встрепенулся он. — Ты-ы... можешь забраться на крышу? Ну... на магазин... А потом на крыльцо?

— Сигнуть, что ли?

— Не, зачем. Будешь на этой будке. Что от дождя... А голову свесишь к дверям. Как только я подойду... к прилавку, брать буду хлеб — голос подай: тут, мол, я... Понял?

Лешка восторженно закивал головой, а Тимка повернулся к Кузе:

— Двинули, что ли?..

Лешка не сразу забрался на крышу, а постоял, посмотрел, как Тимка и Кузя, зайдя с другой стороны, водят руками по воздуху — обсуждают, как лучше пробиться. Вот Тимка сказал что-то Кузе, тот отмахнулся, спиной отступил. Шаг, другой. Остановился, оглянулся, еще отступил. И, разогнавшись, кинулся в самую гущу. Гуща, спружиня, отбросила Кузю. Он повернулся, уперся спиной, тужась, стал разгибать колени и подскочил выпрямленно, мотнув головой, — очередь снова спружинила. Кузя опять отступил, разогнался и врезался боком в толпу.

Тимка не стал разгоняться, как Кузя, а, подойдя, всунул руку, напрягся — вклинил плечо и, упираясь ногами, втиснулся сам...

Когда Лешка забрался на крышу, а затем — на крыльцовый навес, Тимка и Кузя были уже у самых ступеней. Но дальше пробиться никак не могли. Как только они приближались к дверям (Тимка однажды даже просунул руку между стойкой и чьей-то спиной), их оттирали. И Лешка сверху видел тогда стынущие в беспокойстве Тимкины глаза и страдальчески скорченную физиономию Кузи. В такой момент Лешке хотелось — была не была — свалиться на головы, на эти вытертые колышущиеся платки и треухи. И пока спохватятся — туда, в магазин. Сунуть карточки и...

«Эх, зря... — в нетерпении думает Лешка. — Если бы не отдал Тимке карточки, можно было бы попробовать, тут невысоко».

— Э-эй! — не выдержав, машет Лешка. — Давай сюда-а! Я сигну-у!..

— Я т-те сигну, стервец! — взвизгнул кто-то внизу. — Я т-те... Ишь, выдумал! И так моченьки нету, а он...

Лешка взглянул — кто это? Впалощекая тетка в растерзанном сером платке, из-под которого выбились черно-седые пряди, задыхаясь, цеплялась за стойку и с тревогой косилась на Лешку. Худые теткины пальцы то и дело отрывались от стойки, гребли воздух, цеплялись за куртки, платки.

Лешка прикинул: если прыгнешь, то прямо на тетку. Но прыгать на нее ему не хотелось. Уж больно жалко было смотреть — тужится, буреет лицом, а ни с места. Понятно, прыгнуть можно и чуть в сторону, но тогда вряд ли пробьешься: далеко от края... А тетка пучит глаза, гребет воздух и на Лешку косится, косится...

Тимка и Кузя, должно быть, поняли, что не пробиться, стали делать знаки руками. Но Лешка не догадался — чего они: карточки-то у них!.. Он смотрит на ребят, они — на него. Наверное, что-то придумали...

Вот опять пробиваются — ближе, ближе. Тимка вытянул руку, показывает что-то — карточки! Спрашивает лицом и глазами (в голос нельзя, услышат и помешают): понятно?

Как не понять? Конечно, понятно. Лешка кивает — смекнул: передадут ему. И тут же подумал: «А дальше как?» Ну, прыгнет, пробьется... А хлеб-то выдадут на его только карточки! К чему затея тогда?

Снова взглянул на Тимку — не придумал ли еще чего? Тимка ожидал, ловил глазами. Как только увидел, опять замахал и даже губами задвигал. Непонятно — чего? Лешка смотрит недоуменно. Тимка и Кузя зашевелили плечами и головами одновременно. Кузя даже выпрвстал обе руки, показывает. Чего-чего?.. Ах, вот оно что! Он, Лешка, прыгнет, а они — подтолкнут, чтобы не мешкая... Здорово, конечно. Пока чего да откуда, в он в магазине! Но как получить одному на все карточки? Надо, чтобы они рядом были и голос подали...

— Тимка! — кричит Лешка и закусывает губу. Косится — не догадался ли кто? Виновато смотрит на Тимку. Тот приложил кончики пальцев к раскрытому рту, едва заметно трясет подбородком — дескать, молчи!

И Лешка молчит. Терпит, ждет: когда же протиснутся? Тимка еще далеко, а Кузя и вовсе отстал — видно, как силится, гнет дугой спину. И плечами — туда-сюда, туда-сюда — дергает.

«Должен пробиться, — глядя на него, думает Лешка. — Вон как лупит локтями!» А Тимка — молчком. Вклинивается, будто бы клещ, даже не шевелится. «Вот силища! — восхищается Лешка. — Куда там Кузе тягаться! Мне бы такую...»

Лешка вздыхает, отводит взгляд от ребят — смотрит, куда лучше прыгнуть. «Гля, а тетки нема! — изумляется он. — Неужто пробилась?» Шарит глазами — не видно. И облегченно вздыхает: «Пробилась...»

Теперь можно прыгать, остальных Лешка не выделяет: все беснуются, орут и все толкают друг друга. Для него главное сейчас — Тимка и Кузя. Он их ждет, переживает. Впился глазами, телом напрягся, будто бы сам с ними, будто бы не они, а он работает там локтями, до ломи в костях пружинит тощие мускулы... Он — весь нетерпение: ногти впились в карниз. «Скорее, скорее!.. Так-так, так-так!» — горячится мысленно Лешка. Он — как ярый болельщик за рингом, только ринг этот жуткий, огромный. Он будто бы переместился, поменялся ролями — он и зрительный зал. И в этом зрительном зале Лешка — болельщик в едином числе. Но и он вот-вот ринется в свалку, где каждый сам за себя и никто за других...

А потом Лешке мучительно остро хотелось колупнуть на уголке хлеба ноздревато-шершавую корку. Желание это было так велико, что Лешка даже не успевал сглатывать слюну, и, когда пытался что-либо сказать, она предательски брызгала.

Он все же не удержался и колупнул, и Тимка с Кузей это заметили. И отвернули глаза.

Лешка медлил; сжимая, повертывал отщипанный хлеб между пальцами. Свежая корка с капелькой мякиша приятно шершавилась. Вынести это было сверх всяких сил. Рука сама собой поднесла и отправила корочку в рот, и, хрустнув раз или два, Лешка сглотнул ее целиком. Почувствовал только, как, продрав горло, кольнула она у самого сердца.

А потом он пересилил себя, не глядел. И даже не думал, шел молча. И молча сглатывал слюну. И ребята шли. И тоже молчали...

А ведь недавно все было иначе. Втроем они шли, и все трое жевали. Тимка отламывал ломоть и ел, а Кузя щипал мелкими крохами.

Лешка тоже щипал. А иногда, чтобы острее почувствовать вкус, вгрызался в буханку зубами: съедал перво-наперво все восемь углов, затем, округляя хлебину, обкусывал корочки. Какое было блаженство!.. Мать, понятно, после ворчала — поросенок ты, дескать, Лешка, терпения нет. Но что значит ее ворчание в сравнении с тем, что Лешка испытывал! Ради этого можно было бы вынести все: и мучительную тяжесть пробуждения, и ночные пересчеты, и слякоть, и давку. И все-все остальное.

Теперь же... Нет, это невозможно — идти и чувствовать... Они, может быть, и не смотрят, но все равно: Лешка не отщипнет больше ни ка-пель-ки!..

Да, думает Лешка, в те разы все было не так. Тогда он не чувствовал той вороватостыдливой неловкости перед Тимкой и Кузей. Хотя и тогда и сейчас это был его хлеб, и он мог его есть. Но тогда такой же хлеб был у Тимки и у Кузи, и они могли есть. А сейчас — он был у него, и не было у них.

Виноват в этом, конечно, не Лешка. Это все понимают. И Кузя — он даже не упрекнул. Шел, отворачивал глаза и посвистывал, будто бы в норме все. Уж лучше бы что-нибудь говорил. А, собственно, о чем говорить? Говорено было вначале, как только Лешка выскочил с хлебом...

В ту минуту он совсем ошалел. Обалдело тараща глаза, он с восторгом рассказывал, как это здорово: сверху — на руки, с рук — в магазин. И — к прилавку... Будто в цирке, аж дух захватило.

Рассказывал все это Лешка взахлеб. Рассказывал и не видел, как, не слушая, слушали Тимка и Кузя. Как мрачнели их лица, в бездонной скорби тускнели глаза, в безутешье сжимались губы.

— ...Сигал — жуть! Душа в пятках. Летю-ю!.. Аж мрет все... А потом... Тетки — ка-ак звизганут! Глазища — во, шарами. Покуда — откуда-что, вы — на! Я — бух!.. Законно подтолкнули!.. Коленка только вот... — торопясь, сыпал Лешка. Потом спохватился, будто очнулся. Увидел — и сам потускнел. Потупил глаза и выдавил через силу: — Н-не дали... — И стал долбить вросший в землю кирпич.

Тогда Тимка с укором (а может, так просто) сказал:

— Чего же ты... Уж если не дали, не брал бы себе... Брал бы на Кузю...

— Чиво-о?! — изумился Лешка и... замолчал, стараясь понять, с чего это Тимка раздобрился к Кузе.

А Тимка, чтобы Лешка не шибко ломал себе голову, стал толковать, что, дескать, у Кузи-то ртов не два, как у Лешки, а чуток побольше...

— Ну и что? — уже злобясь, переспрашивал Лешка и удивлялся, чего ради он должен печься о Кузе (пусть у него хоть еще двадцать пять ртов), если тот ему... В общем, Лешка сам знает, кто ему Кузя. Тимка — дело другое, а Кузя...

Кузя стоял и молчал, и Лешке было чудно — Кузя молчит! Будто нет его тут. А Тимка опять, осторожно и тихо:

— Кузе без хлеба нельзя — малышки загнутся...

Это, кажется, тронуло. Потому что Лешка притих, не ответил. Знает сестренок Кузиных: бледные, щупленькие девчушки. Только-только начали топать ножонками. И Лешка как будто согласен: надо бы... Хотя опять непонятно — в магазин пробивался он, Лешка, а хлеб должен есть Кузя.

«Фиг ему, — думает Лешка. — Если бы только малышки, тогда бы еще ничего, а то еще — Кузя... — И успокоил себя: — Спорить-то чё? Хлеб уже в сумке...»

И вправду — хлеб уже в сумке. В его сумке, его хлеб. И он «чует» его, трогает руками, радуется: сегодня он будет есть суп не с вареным зерном кукурузы, а с хлебом. Пусть не совсем настоящим, как до войны, — ноздреватым и пышным, — а все-таки с хлебом, хотя и похож он внутри не на хлеб — на саман из соломы и глины.

Но радость Лешке не в радость. Он будто и хочет радоваться (как же, он с хлебом!), и тут же не хочет — ребята идут и молчат. Еще бы, попробуй без хлеба! Особенно Кузе. У Лешки и Тимки — хоть кукуруза, у Кузи и этого нет, потому и воротит глаза. Потому и молчит. Тимка нет-нет да обронит, буркнет что-нибудь, а Кузя ни слова. Знай идет и посвистывает. Лешке такое невмоготу. К тому же — идти далеко. И хлеб соблазняет, шершавится.

— Тим, а Тим, — зовет Лешка и тут же пугается. Но поздно, Тимка уже обернулся, ждет: чего, мол, тебе? А ему ничего... Просто Лешке захотелось вдруг предложить, поделиться... Будто кто подтолкнул, будто кто изнутри за веревочку дернул. И тут же опять — жалко... Опомнился: мать заругает. И промолчал.

Тимка, должно быть, понял Лешку, не стал приставать, а только взглянул удивленно.

Долго шли молча. Тимка покусывал губу, Кузя насвистывал. И Лешку опять заскребло — заныло что-то под ложечкой. Стало отчего-то тоскливо, будто что потерял. И неловко. Будто отнял что у кого или выбил из рук. К тому же думаться стало — про Кузю, малышек его. И пока думал, пальцы сами собой, невзначай стали шарить по хлебу, общипывать корку... Опомнился — руку отдернул. Вильнул воровато глазами и обозлился: чегой-то он? Хлеб-то его!.. А Тимка и Кузя, как по команде, — головы в сторону, заговорили между собой: Кузя — громко, Тимка — чуть слышно.

— Нет, — сказал Кузя, — у нас еще немного макухи осталось, заварим похлебку...

Тимка опять забубнил, что — не понять. Снова о чем-то спрашивал.

— ...Ложкой, конечно, — сказал Кузя и улыбнулся. А Лешка подумал: чегой-то Старик будто неумный? И Тимка, на этот раз громко и резко, словно сердясь не на Кузю — на Лешку, сказал:

— Понятно, что ложкой. Я не о том. Узнать хотел, едите как? Горькая ведь... Остюки...

— Что ты, горькая! — возразил Кузя. — Попробуй приди — во! — Он вытянул боль-

шой палец. — Особенно с хлебом... макать — м-м!
Кузя причмокнул. Глаза его вспыхнули и тут же погасли. Он, видимо, увлекся, представил, какое блаженство — хлеб и похлебка из жмыха, и тут же поник — хлеба-то нет и не будет... Он отвернулся, умолк, даже свистеть позабыл.
У Лешки запершило в горле, защипало глаза. Снова вспомнились Кузины малышки. «А что, они тоже похлебку едят?» — хотел спросить Лешка и не спросил. Понял: не к месту... Да и зачем? Известно и так, что у Кузи — шаром покати... Нет, что ни говори, Кузе труднее, чем ему с Тимкой. Что эти сто граммов! Наверное, Кузя и сам их не ест. Вон какой тощий да длинный... А если и ест, то самую малость. Поэтому и хвалит с причмоком похлебку, которую Лешка в жизнь не ел бы. А впрочем, кто его знает: может, и ел бы, может, и впрямь вкусная, — жмых Лешка пробовал, а чтобы суп из него — никогда.
«И все-таки хлеб — вкуснее всего, — думает Лешка. — Если бы вволю, можно без супа. А если бы настоящий, тогда...»
Лешка тоже причмокнул и стал думать, что было бы тогда. И пока думал, пальцы снова стали шарить по хлебу. И снова он будто ожегся, отдернул руку и покосился на Кузю с Тимкой.
«А если все же отдать? — подумал вновь. — Мать взбеленится. Будет шуметь: оставил без хлеба, паршивец! Ешь, мол, теперь кукурузу! Потом плакать зачнет, укорять, что я такой непутевый. Как же! Подумать только — отдал две хлебины... Ну и пусть! — ожесточился вдруг Лешка. — Пусть орет!.. Пусть кормит кукурузой. Пусть!.. Пусть высечет даже, зато...»
— Ребята!.. Знаете что, давайте есть хлеб!
Тимка с Кузей остановились. И не успели открыть рты, удивиться, как Лешка вытащил булку... Он немного подержал ее на весу, как бы раздумывая — есть или не есть. Лицо его вдруг приняло озабоченное выражение.
— Не, вот что, давайте чуть-чуть, по кусочку, а остальное... — Лешка лизнул губы, взглянул исподлобья. — Остальное... пусть Кузя берет...

Дома мать не высекла Лешку. И не ругалась, даже не плакала. Потому что еще не прознала — наврал он про хлеб. Сказал, не досталось — и баста!.. Правда, врать он не думал, а вот, поди ж ты, слетело вдруг с языка.
Мать поверила, поваздыхала, поахала, на том и смирилась: что, мол, поделаешь, хорошо хоть кукурузы с картошкой принесла — выменяла на батин костюм. Правда, чуть не удавилась — несла-то почти пятнадцать километров, но зато теперь будет на рушилке рушить и кашу варить.
Но сама рушить мать раздумала — заставила Лешку. А Лешке рушить — каторга. Лучше воду носить, дрова колоть, чем шарманку эту вертеть. Шарманка железная, приделана к доске. На доску садишься и крутишь.

Вначале — будто бы просто: знай сыпь с горстки по зернышку да смотри, как крупа получается. Шарманка скрипит, жует-мелет зерна. Отполированно-блестко мелькают железные зубья, подпрыгивают и бьются в железе глянцевито-желтые зерна, хлебно пахнет мукой — хотя внизу по кольцу крупа пробивается. А мука сверху крупы. Чуть-чуть, самая малость.
Лешка сунет палец в муку и ко рту: оближет и крутит опять. Все хорошо, но рука устает, ломит плечо — шарманка урчит сердито, неровно. Доска оттого, что Лешка крутит рывками, начинает ерзать, сдвигается с места и больно щиплет за кожу. Лешка прыгает, будто ужаленный, мостится поудобней. Но стерва доска точно сбесилась... Лешка соскакивает, люто глядит на шарманку и трет исщипанный зад. Потом стелет фуфайку, садится, чуть-чуть отдыхает и принимается снова.
Сегодня решил он надрать кукурузы побольше. А чтобы не соскакивать и чтобы лучше было крутить, сходил в сарай, принес две скобы, поставил шарманку на пол и стал прибивать.
Пока прибивал, думал, как бы сделать так, чтобы мать не дозналась, не заглянула в карточки. Заглянет — взбучки не миновать. Мать, когда распалится, сечет по чем попадя. Но порки Лешка уже не боится — приноровился. Недавно секла — вцепился в ремень и таскался с нею по комнате. Хуже другое. Хуже, когда мать гонит из дому. Старик говорит: я бы ушел. А вот Лешка не может. Мать кричит, гонит в урканы, а Лешка как раз урканов больше всего и боится. Кузя однажды из дому сбежал, бродяжничал две недели, а Лешка и дня не пробудет — со страху умрет...
Знает мать Лешкин характер и как чуть что — гонит. Хотя взаправду выгнать еще ни разу не выгнала.
Крепит Лешка шарманку, в в голове одно: что бы придумать? А придумывать нечего. Заглянет — придется признаться. Правда, Старик выход нашел: предлагает у гансов заработать и Лешке отдать. Только вряд ли, у немцев не больно теперь разживешься.
Лешка вбил вторую скобу, хотел тут же опробовать, но вошла мать и всплеснула руками:
— Ты что наделал, стервец?! Пол загубил! Ах ты, ирод несчастный!.. Ну, проклятущий! Я т-те помудрю, я т-те...
Она заметалась по комнате, ища ремень, а Лешка — шмыг в дверь и с маху — кому-то в ноги.
— Это что тут у вас? — спросил кто-то над головой. Лешка, еще не распрямившись, успел скосить глаза — дядька Федор! На плече — вещмешок, под рукой — хлеб и сверток какой-то.
Лешку он подтолкнул в комнату и сам шагнул следом.
— Дак как же!.. — крикнула мать и кинулась к Лешке.
Дядька Федор обнял Лешку за плечи и спрятал за спину.
— Поостынь, — сказал он спокойно и лвсково. — Ишь распалилась.
— Да я его!.. Так испакостить пол!..
— Ладно, — махнул дядька Федор. — Испакостил... Стóит ли? Тут землю испакостили, а ты... Проходи, Леш, не бойся.
Мать, утихая, сварливо ворчала: ишь, мол, заступу нашел, а Лешка, довольный, что все обошлось, топтался на месте.
— Я, Марья, паек получил, — сказал дядька Федор. — Мучицы ячменной полпуда, хлеба и — вот, — он протянул сверток, — на юбку тебе.

— Мукá! — обрадовалась мать. — Глянь, настоящая, синяя только. — Взяла в щепотку, растерла, понюхала, выпачкав нос. — Господи, пахнет-то как!.. Ой, Федя, да я же тебя!.. — Она бросилась дядьке на шею, испудрила сзади ему гимнастерку.
— Ладно, не стóит, — вяло сказал дядька Федор и сел у стола, взял пустую солонку, покрутил-покрутил и поставил на место. — Поесть бы чего...
Мать встрепенулась:
— Хошь блинов? Я мигом... — И засуетилась, забегала. И Лешку толкнула: — А ну, воды, живо!
— А я не буду блины, — сказал Лешка и сглотнул слюну.
— А тебя никто и не просит, — хлопая ситом в ладонях, весело пропела мать. — Тащи воду да убирай свою громыхалку.
— А что, не надо уже? — обрадовался Лешка.
— Обойдемся сегодня, — оглянулась мать и улыбнулась так хорошо, так светло, как будто не Лешке она отвечала, а дядьке Федору. Лешка понимал: мать в настроении. По всему видать — и по лицу, и по голосу. И по тому, как суетилвсь, как проворно все делала. И у Лешки заскребло: с отцом такой радости у нее не получалось. Чувствуя материно настроение, Лешка не торопился.
— Эт ты еще не ходил? Я вот тебе!.. — крикнула мать. Но крикнула так — просто, без злобы. Злиться сейчас — у нее не вышло бы. И это чувствовал Лешка. И еще чувствовал, что в такую минуту мать не откажет, если что и попросишь. И что натворишь — не побьет.
Лешка сходил за водой, принес два ведра, поставил у печки. А мать и не видела, что он принес два ведра. Правда, чуток расплескал. Но все равно — теперь он всегда будет носить по два ведра.
Пока Лешка ходил за водой, дядька Федор вышел куда-то. Мать взбалтывала в алюминиевой погнутой чашке жидкое тесто. А на плите уже грелвсь большая черная сковородка, в комнате чувствовался горьковато-горелый масляный запах.
Лешка повел носом, шумно втянул в себя воздух и снова почувствовал, как во рту, у самого нёба, пресным комком сбивается слюна...
Чуть погодя Лешка выпытывал:
— Мв, это за службу ему?
— Что? — не поняла мать.
— Ну, мукá... И это... вот...
Мать не ответила. Подошла, стала лить в сковородку синее тесто. Оно шипело, пузырилось, расползалось неровно и, застывая, темнело. Духовито и вкусно пахло печеным.
Блин вышел ноздреватым и тонким. И только по краю, с каёмки, — сухой и ломучий. Мвть поддела нóжом, подхватила щепоткой. Дуя, кинула из ладони в ладонь, протянула Лешке: «На, ешь».
Лешка сглотнул слюну и затряс головой: «Не хочу».
Мать изумилась: «Ай очумел?!» И умолкла. Стояла, держала в руке остывающий блин и смотрела на Лешку. Потом, будто очнувшись, пропела: «Ба-алда!» И отвернулась. Кинула блин нв тарелку.
Лешка вскочил.
— Ну и пусть! А я все равно дядькино Федькино есть не буду!
— Да и не надо! — раздраженно перебила мать. — Подумаешь, принц! Кланяйся еще ему!.. — Отошла, погремела посудой, подошла снова. — Ты думаешь, он для себя? Для нвс же старается!.. Вон у Кузи твово сёстры — жалко смотреть. Кожа да кости. И у самой — ноги будто колодки, в ты... Мучитель несчастный!.. Вымотал все мои нервы! Сидел бы, готовое ел... А нет — мотай к чертовой бабушке! Чтоб и духу твоего тут не было!..
— Ну и уйду! — сказал Лешка и испугался.
— Валяй-валяй! — разъярилась мать. — Ишь, он еще мне грозится! Выкормила, вынянчила, а он — коники выкидывать!.. Валяй!!! — Она толкнула дверь, выпрямилась...
Обида, горе, испуг враз захлестнули Лешку. Он не помнил, как очутился на улице, как бежал, глотая слезы, кусал губы... Как встретился с Тимкой.
Тимка тревожно заглядывал в глаза, что-то выпытывал, что-то говорил, но Лешка не слышал — что — и видел только, будто сквозь воду, расплывающееся, озабоченное лицо и сбившийся набок вытертый Тимкин треух. Тимка говорил и махал руками, и оттого, что махал, треух качался, поднятые и незавязанные клапаны его прядали, и Тимка сквозь слезы казался Лешке смешным всполошенным зайцем. Но Лешка не смеялся, а вздрагивал только и старался понять, что говорит ему Тимка.
Тимка предлагал пойти к тетке, но Лешка не понимал — к какой тетке, зачем? У него нет тетки. Наконец дошло: тетка — это Тимкина тетка. Живет в хуторе, там, где и Ольга. И если Лешка согласен, то они — хоть сейчас. А мать с дядькой Федором пусть остаются. Нужны они Лешке! Что он, без них пропадет?
Пока Тимка его убеждал, Лешка раздумывал — как быть? И уходить не хочется — жутко, и оставаться нельзя. Если остаться — значит, проситься. А проситься ему надоело. Каждый раз, как чуть что, так и гонит. А было б за что! Возьми хоть сейчас. Что он, обязан есть дядькино Федькино? Это ж за службу, от гансов!.. Если бы честно, тогда бы...
Лешка задумался, вспомнил, как подрабатывал у немцев и как Кузя просил. Вспомнил и тут же подумал: не все ли равно? Они — у гансов, и дядька Федор — у гансов... Подумал так Лешка и усомнился. Выходит, и они, и дядька Федор едят одинаковый хлеб? Так почему же свой, заработанный, Лешка ест, а дядькин Федькин не может? Кто его знает, думает Лешка, может, зазря он и погордился? Не стоило, может? Мать говорит: есть хочется всем — и Лешке, и Тимке, и Кузе, и дядьке Федору тоже. А если не есть... «Не, все равно, так, как дядька Федор, нельзя. Лучше санки таскать или канючить, как Кузя, чем так, с винтовкой, как дядька Федор...»
В хутор идти увязался и Кузя. Они его встретили тут же, как только Тимка надумал сбегать домой, чтобы запастись на дорогу. Кузя тоже смотался, принес бурого жмыха и желтую луковицу. Тимка выложил хлеб и печеную тыкву. Хлеб, луковицу и тыкву Тимка спрятал за пазуху, а жмых тут же разбили на камне.
Время близилось к вечеру, на улице было сыро и ветрено. По небу, роняя капли, ползли белесые жидкие клочья, а под ногами, на размытых кочках и между ними, скользило и хлюпало.
Шли долго. Вначале по дороге с оглядкой, пока не скрылись из виду белые кубики го-

родка и две заводские трубы, похожие издали на воткнутые в землю длинные жерди. Потом, когда потемнело и город вовсе исчез за холмами, они пошли прямиком, через темное стылое поле, через овраги, жухлый кустарник. Мокрый колючий жибрей вымочил ноги, настегал колени...

Лешке было жутко и холодно. К тому же влажной холщовой штаниной растерло ногу, и он стал отставать. Останавливаясь и поправляя перекрученную штанину, Лешка какое-то время еще видел ребят; их сгорбленные фигуры вначале еще смутно маячили, а потом, растворяясь в чернильной темени, исчезали совсем. И Лешка тогда, обмирая от страха, пускался бегом — догонял.

А потом и вовсе стало невмоготу. Отсыревшая штанина жгла и щипала так, словно ее раскалили. Кусты шиповника цепко хватали одежду, царапали руки. Колюче и сыро стегал жибрей. А они все шли и шли, и под ногами была все та же стылая скользкая темь. И Лешке от холода, боли и страха и оттого, что вышло все так, — лежал бы он теперь дома в теплой постели, — хотелось упасть в эту черную темь, вцепиться руками в колючий мокрый бурьян и реветь...

В хутор пришли они на рассвете. Тимкина тетка запричитала:

— А-я-ешут-ки-и!.. Да как же это — ночью?.. Ай случилось чего? Да Господи! Что же ты за душу тянешь!.. Брательник-то как? Жив-здоров?.. А Настя?..

Лешка не сразу понял: о ком это тетка?.. У Тимки отродясь «брательников» не было. Потом уж смекнул: «брательник» — Тимкин отец (инвалид, без ноги... дома он, и с ним ничего не случилось), а Настя — Тимкина мать. Но это потом, а тогда... Он пялил на тетку глаза, а Тимка стоял, хмурил брови и тяжко вздыхал.

Кузя, шмыгая носом, косился на печь, на черный чумазый чугун. В комнате устойчиво пахло печеной свеклой и вареной картошкой. Лешка тоже шмыгнул, переступил с ноги на ногу. Кузя, плюща широкие ноздри, на этот раз особенно шумно втянул через нос и выдохнул ртом.

— Фу ты, Господи! — вздохнула тетка и скорбно сложила руки, покачала туда-сюда головой. — Нелегкая дернула вас... Ночью... В такую даль!.. — И кивнула на Лешку и Кузю: — А это кто же с тобой?

— Это? — Тимка посмотрел на Кузю (тот вытянул в ровную линию губы, передернул плечом), затем на Лешку. — Вот у него, — ткнул он пальцем, — мать вчера бомбой убило... Нет ее больше...

Тетка словно этого и ждала.

— И-и-и-и... Да сиротинушка ж-ж ты моя, горемычная-я! — запричитала она, качая головой и жалостливо глядя на Лешку. — Да что ж теперь с тобой будя-я...

Кузя громко и как-то странно хрюкнул. Тетка вздрогнула, недоуменно и, как показалось Лешке, с испугом покосилась на Кузю. Полыхнув темным глазом, Тимка резко двинул Кузю локтем. Тетка заметила, хотела что-то сказать, но вдруг, спохватившись, всплеснула руками.

— Ну, а брательник!.. Брательник-то как?!

— Во! — вытянув большой палец, ляпнул вдруг Кузя и покраснел.

Тетка опять удивилась, глянула на Кузю как на помешанного, отошла к печке, снова взглянула и загремела ухватом. Кузя, смущаясь, пялил в землю глаза. Тимка, волнуясь, тер ладонь о ладонь.

Лешке сделалось грустно. Он посмотрел на скорбный лик Божьей Матери, висевший в левом углу, на длинный обшарпанный стол, сколоченный из грубо отесанных досок, на темную русскую печь с зияющим зевом, на длинные темные лавки и на оконце с запотевшим тусклым стеклом. Посмотрел, и ему захотелось домой. Он потянулся к Тимке, что-то шепнул. Тимка сердито сдвинул брови, затряс головой. А едва тетка вышла в чулан, забубнил грубовато и ласково:

— Ну, чего ты, Леш?.. Сдрейфил, что ли?.. Говорю тебе — в норме. Тетка — будь спок!.. Видел, как выля?.. Когда узнала, что бомбой...

— А зачем ты так, Тим? Ведь...

— Надо! — перебил Тимка. И, помолчав, пояснил: — Жалостливая она... И потом... — Тимка кивнул на икону. — Богу верит. У них тут... ну, вроде как в церкви... молятся кучей.

— Кучей? — переспросил Лешка. — Как — кучей?

— Ты что, Леша, неумный, что ли? — вмешался Кузя. — «Как-как». Свалятся в кучу и молятся — вот как! Правда, Старик?..

— Тим, пошли, а? Я не хочу, — заныл Лешка. — Я лучше дома... в сарае...

— Хо! Смотри, какой богомол-одиночка! — Кузю явно разбирал зуд ехидства. — Ничего, и в куче потерпишь.

— Заткнись ты! — взбесился вдруг Тимка, замахнувшись на Кузю сплеча. И тут же Лешке: — Что ты заладил: «дома... в сарае...»

— Не-е! — затряс головой испуганно Лешка. — Я не молиться. Я — жить...

Вошла тетка, поставила на стол влажную темную кринку.

— Вот, — сказала, — будем завтракать.

Она ловко подхватила пузатый чугун и опрокинула в чашку. Дымя, посыпалась мягко картошка. Кузя подпрыгнул, беззвучно захлопал в ладоши. Тетка отвернулась к иконе, стала молиться, кладя торопливо поклоны.

Помолившись, она пригласила к столу.

— Только хлебушко, — тетка развела руками и закивала слегка, — хлебушко поел дедушка... Выгребли немцы... Всё подчистую... Даже на семя... Фу ты, Господи, Матерь Божия! — Она потянулась к полке, достала тарелку с тощей синей лепешкой. — Вот... Если не погребуете... Картофельник. Холодный только...

Она разломила и дала по куску. У Кузи тотчас заработали челюсти. А Лешка еще долго вертел в руках это синее подобие хлеба, сдобренное отрубями и какой-то травой. Потом разломил — от кусочков тянулись тонкие мутные нити...

Когда Тимка с Кузей ушли, Лешку охватила тоска. Он ходил и все думал: что теперь будет? Мать определенно хватилась уже, мечется, ищет. И, конечно, голосит. «Ну и пусть», — думает Лешка. «Пусть», — повторяет он вслух, и голос дрожит у него и срывается. Лешка сглатывает слюну, но глотается трудно, потому что горло сдавило чем-то, будто жгутом. Лешка дергает носом и трет кулаками глаза. Под ними хлюпает мокро и плывет темное с красным.

Он выходит во двор, смотрит на речку, на опустевший огород, на пологую лысую гору, на дальний синий обрыв. У речки колышутся голые вербы, качаются пикообразные тополя. Через огород, прыгая, скачет грязный шар перекати-поля.

Лешка с тоской озирает все это, и слезы снова душат его. Он заходит за угол каменного полуразрушенного сарая, садится на присыпанные серой соломой холодные камни и, уже не боясь, что кто-то его услышит, голосит, уткнувшись в колени...

Вечером к тетке пришли богомольцы. Пришел длинноусый толстый старик с круглым блестящим черепом и круглыми розовыми щеками. Пришла прямая, злая старуха, низко покрытая черным платком. Пришли еще пять или шесть богомолок, и с ними — к удивлению Лешки — Ольгина бабка. Лешка страшно смутился, хотел улизнуть, но та заметила и удивилась не меньше его.

А потом ему довелось пережить ужасный конфуз. Тимкина тетка сказала про мать. Про то, что «бонбой» ее... И Лешка чуть не сгорел со стыда. Ольгина бабка всплеснула руками, запричитала. Кинулась было его обнимать, но он увернулся, стал бормотать, отнекиваться и все порывался уйти. Его окружили, стали жалеть. Кто-то накрыл Лешку курткой — хотя в доме было тепло; кто-то шершавой ладонью гладил по голове; кто-то, должно быть, старуха в черном, совала к губам икону. И все ахали, охали, восклицали: «Вот, прогневили Всевышнего!» И, качая головами, щелкали языками...

А потом был молебен, и толстый лысый старик с детскими щеками читал нараспев по маленькой пухленькой книге. И все молились — неистово, остервенело. Закатывали глаза, воздевали руки. И Лешка уже не смеялся, как в церкви: ему было жутко...

Утром Лешка встретился с Ольгой. С самого лета он не видел ее и теперь удивился: Ольга стала выше его.

Встрече Ольга обрадовалась, но виду не подала; в разговоре смущалась, не глядела в глаза. Лешку это огорчало, но в общем — не очень, потому что Ольга, как показалось ему, стала дурнушкой. К тому же — худая. С ней что-то стряслось. Лешка это чувствовал, но понять не понял, спросить же не осмелился. Да и случая не было как-то: Ольгина бабка рядом крутилась.

Позже Лешке стало не по себе. Он и не предполагал, что Ольга будет такая: ходит, не видит, будто чужая, или копается, что-либо делает... А Лешке хотелось — чтобы как раньше, чтобы Ольга смотрела в глаза и смеялась. И говорила: «Ой, Лешка!» Но Ольга молчит. Если и спросит чего, то слушает как-то странно, будто знает все наперед. Даже про мать — спросила, а слушать не стала. А Лешке хотелось ей правду сказать.

«Ну и пусть!.. Ну и ладно!..»

Лешка обиженно смотрит в окно, и у него начинают дергаться губы.

— Я, наверное, пойду, — говорит он. Ольга молчит, возится с тряпкой. На ней дырявая бабкина юбка и засаленный френч. Ольга стоит к Лешке спиной, и он видит, как под грязно-зеленым сукном вздрагивают худые лопатки. «Плачет, должно быть», — думает Лешка и зовет нерешительно:

— Оль, а Оль?

Она оборачивается, и Лешка видит искаженное злобой лицо и сухие глаза.

— Ты чё, ты чё?.. — лопочет он скороговоркой, а сам пятится-пятится... У порога стукается о косяк, толкает спиной дверь и... налетает на бабку.

— Ты что это, внучек?

— Там... — сдавленно шепчет Лешка и тычет пальцем через плечо. — Ольга чего-то...

Бабка без слов кидается в дом, а Лешка вздрагивает, зябко поводит плечами — ждет.

Бабка выходит, обнимает его.

— Ты иди, внучек, иди... Я — после... Придумаем что-либо обчеством.

— Ба, а Ольга чего?

— Оля?..

Она лезет в карман, достает измятую грязную тряпку, сморкается, мутно смотрит на Лешку. По изрытым, рыхлым щекам текут слезы...

Мать явилась внезапно, после обеда. И хотя Лешка чувствовал, ждал — даже высматривать бегал, — и все-таки просмотрел.

Тимкина тетка выпучила глаза. И заквохтала, забегала.

— Дак как же это, голубушка?! А мы-то, мы!.. — сыпала она. — А он... Ай, безбожник!.. Ай, паршивец!.. Да где это видано — врать-то так?!

— Я чё, — бубнил Лешка, глядя затравленно в сторону. — Сами вы это...

Мать долго смотрела на него вымученными глазами и не сдержалась вдруг, засветилась улыбкой.

— Мучитель ты, окаянный! Надо ж додуматься!..

Потом они вместе были у Ольги, и бабка ее долго шепталась с Лешкиной матерью. А Ольга молчала и все возилась в углу. И Лешка опять удивлялся: что это с ней? И все старался подслушать, о чем шепчутся мать и Ольгина бабка...

А когда шли домой, Лешка узнал про Ольгу. Про то, что немцы над ней измывались. Правда, мать не больно-то была разговорчива. Сказала только, что немцы будто бы хлебом сманули ее, а сами — шнапсу силком. После уже измывались. И девка с тех пор — «тово». Ходит, зверушкой смотрит и чурается всех — все норовит в угол забиться... Словом, испортили девку.

Лешке хотелось узнать про Ольгу подробней, но мать сказала, что знать Лешке много нельзя — быстро состарится. А ему это совсем ни к чему — в морщинах ходить, как Ольгина бабка. И стал он тогда думать: отчего это гансы сволочные такие? Что взбредет им в голову, то и чинят. Захотели — Кузю под зад, надумали — плетками всех без разбору. А недавно, Лешка сам видел, старика на вокзале прикладами... За то, что хлеб выпрашивал.

Лешка порой не понимал происходящего, но чувствовал, что все это временно, что возмездие рано или поздно свершится. Когда придут наши. И это неотвратимо. А пока... Пока в работу включалось только Лешкино воображение.

Он уже представлял, как бы он поступил, будь у него возможность... «Вот бы прознать, — думал он, — где живут, да "лимонку" в окно. То-то бы шуму... А если б еще невидимкой забраться, да с пистолета... А если бы достать автомат... Нет, пулемет... А лучше всего танкетку с пулеметом и пушкой. Ка-ак разогнался бы, ка-ак чесанул... И потом...»

Мысли у Лешки рождались молниеносно, одна лучше другой. У него уже были не только автоматы и пушки — у него были танки,

десятки танков. И даже самолеты. Он уже мстил не этим фашистам, что измывались над Ольгой, — он воевал со всеми: освобождал города, брал с налету села... Он так расходился, так стал махать руками, ухать, шипеть, что мать забеспокоилась: «Что с тобой?» — и потрогала лоб.

Дома он снова встретился с Тимкой и Кузей. К тому, что Лешка уже «объявился», они отнеслись снисходительно. Правда, Кузя сказал, что Лешка — осел. На его месте можно было бы еще поманежить — пусть бы побегала! А он, дурак, сдрейфил, раскис... Как же, мамин сынок!

Но Лешка не сердился. Дома он отоспался, наелся блинов, и теперь ему было чихать, что скажет Кузя.

К утру раскисшую землю снова сковал гололед, и Тимка с Кузей пришли, чтобы «двинуть опять на вокзал — на добытки». Но Лешке отчего-то уже расхотелось. К тому же мать сказала, чтобы далеко не забивался — к обеду будут лепешки и затирка.

Лешка теперь не очень вникал, откуда все это, и не раздумывал больно, чем он лучше Кузи и Тимки, а ел до отвала — и все. Лешкина мать сказала: думками сыт не будешь, в жизнь живет всяк как умеет. И Лешка спорить не стал, потому что сытому все же лучше.

Санки Лешка отдал, хотя отдавать их тоже не больно хотелось: жалко, вдруг замотают... И все же отдал. Сказал только, чтобы к вечеру были. Тимка кивнул головой, а Кузя съехидничал — дескать, может, и долю еще? Лешка не понял, отмахнулся — в, мол, чего там... И Тимка с Кузей ушли.

А вечером все трое стояли в подъезде. Тимка был злой, очень измученный и ругался все матерно. А Кузя молчал и хмурился. И Лешка хмурился, а Тимка возмущался...

Сначала им с Кузей никак не везло: гансов — тьмища, а всё мимо и мимо. И только с обеда впряглись. Таскали, возили туда и сюда. Не один километр оттопали, и все напрасно. Гансы совсем обнаглели: не то что хлеба — сигар не дают. Мало того, нашелся один, тщедушный, в очках, который на собственность Лешкину «лапу хотел наложить» — на санки позарился. То-то пришлось походить. Умучились в доску. Вещей у ганса пропасть, а ехать — за город. К чертям на кулички... Вот и намаялись. А вместо хлеба — кукиш под нос...

Пока Тимка ругался, Кузя молчал и все кривил губы, будто от боли. А потом вдруг сказал, не глядя, так, между прочим:

— У нас макуха... тово... кончается...

И замолчал. Ни слова больше.

Лешка взглянул на Кузю и удивился. Будто увидел Кузю только что. Он никогда не думал, что может быть такое лицо у живых. У Кузи оно было ни бледным, ни черным и даже ни серым. Оно, будто студень, было прозрачным, с синевато-зеленым оттенком. Кузю будто бы током убило. Убило давно, по крайней мере полдня назад... Лешке отчего-то почудилось, что Кузя и вправду мертвец, поставленный к стенке. И сходство это было особенно сильно, когда Кузя не двигался, стоял и молчал, опустив плетьми руки.

Падал легкий снежок, вихрились игриво снежинки, залетали в подъезд и, не тая, ложились на щербатый порог. Серовато светлело в проеме дверей.

— Ну что, по домам? — спросил Тимка.

— По домам, — кивнул Лешка и сглотнул слюну. Вспомнил: дома осталась стопка лепешек, испеченных к обеду. Они вкусные даже холодные. И когда разломишь, не синие — желтые. Лешка их ест и наесться не может.

— Пошли, — сказал Тимка и повернулся.

— Айда, — сказал Лешка и еще раз взглянул на Кузю. Тот стоял как стоял, в той же позе. Даже не двигался.

— Ты чего? — спросил Тимка.

— Ничего, — дернул головой Кузя. И к Лешке: — Мосол, ты санки оставь до завтра. Лады?

— Чиво-о?! — изумился Тимка и крутнул выразительно возле виска. — Ты, никак, тово, обалдел. Да тебя же ночью — как кутьку... за шкирку.

— Ну и пусть, а мне-то чего? — сказал Кузя, сказал так, будто это не к нему относилось. — Домой я... — Он подвернул губы, сжал рот и затряс головой. — Боюсь я — домой. Там Аленка, наверное... Ну, меньшая что... В общем... — Он снова затряс головой. — Нельзя мне без хлеба.

— Дурак, — сказал Тимка. — Немцы могут подумать — составы считаешь...

— А-а, — отмахнулся досадливо Кузя. И вдруг встрепенулся: — А что? — В голосе его появилась вызывающая интонация. Глаза заблестели. — Посчитал бы!.. Не веришь?! — Он даже подался вперед, как бы доказывая всем своим видом и позой готовность действовать, действовать тотчас, без промедления. — Посчитал бы! — повторил он упрямо. — Только вот... кому сообщить?..

— Ну даешь! — Тимка покрутил головой, и Лешка не понял: то ли он удивляется Кузиной прыти, то ли осуждает ее. — Да-а-ешь! — повторил Тимка. А Лешка вдруг испугался. По тону почувствовал, догадался: Старик не только не осуждает — он восхищен внезапно пришедшей идеей. Его, словно что-то вдруг озарило. Нет, сказать он больше ничего не сказал — ходил, потирал руки, но Лешка видел: Кузины слова что-то тронули в Тимке. Он нервно пощелкивал пальцами, пристально, как бы оценивая, поглядывал на Кузю, а Кузя...

Кузя стоял безучастный.

— Ребята, — заныл Лешка, — не надо, а?.. Лучше я вам... Подождите. Я мигом... Домой... — И он крутнулся, чтобы сбегать.

— Не стоит, Леха. Мы сами... Санки только...

Но Лешка уже не слушал, побежал.

Из дому припер он целый ворох лепешек и тут же протянул Кузе — на, ешь... Действовал он не столько из жалости к Кузе, сколько от страха за себя и ребят. Он отвлекал. Он готов был остаться голодным, лишь бы замять, увести от той мысли, которая так внезапно возникла у Кузи и захватила сознание Тимки. Он понимал: это опасно, связано с риском. Но ребята не звали его, словом еще не обмолвились, да и пойдут ли они вообще... И все же ему было страшно, страшно даже подумать, и он гнал эту мысль. Ему казалось: не будет он думать — забудут ребята. Но...

Кузя засунул лепешки за пазуху, потоптался на месте, затем потянулся к санкам. Лешка забеспокоился.

— Ты чё, ты чё! — залепетал он. — Мало, что ль? Так я еще принесу.

— Ладно, Мосол, не надо, — сказал Тимка. — А то мать...

— Что мать! Ничего... — заартачился Лешка. — Я сам... я... н-не боюсь... — Он опустил голову, заговорил глухо, будто с обидой: — Я им скажу... Не ихнее это... И про Кузю скажу...

— Не надо, Леха, — повторил Тимка. — Пусть. — Он подошел к Лешке, стал рядом, близко так, что Лешка увидел на голой Тимкиной шее круглую темную родинку. — Ты не обижайся, Леха... Ты — парень будь спок, а мать твоя... Ну, в общем, сам знаешь. Ее, как только наши придут, — к стенке...

Лешку будто прострелило. Откачнулся от Тимки, посмотрел на него не мигая, расширив глаза. А в сознании тут же забилось: как?! мать?! его мать — и к стенке?! Он на секунду представил и содрогнулся. Ему и впрямь показалось, что мать, пока он тут, поставили к стенке. И вот-вот раздастся, грянет выстрел, и она, простоволосая, в расстегнутой окровавленной кофте, сползет по стене и повалится на бок. Видение это было хоть и коротким, но до того отчетливо резким, что Лешка не выдержал, дернулся, сжал руками виски и, запрокинув голову, закричал:

— Ма-аа-а!.. Ма-а-а-моч-ка-а-а!..

Ночью город не спал: был первый налет наших бомбардировщиков. С непривычки казалось странным, что где-то над городом наши, русские.

В залитый тьмой коридор барака вышли почти все его обитатели. Сомневались, чтобы русские бомбили свой, русский, город и тревожно прислушивались. Надсадно выла сирена, хлопали гулко зенитки, длинно, взахлеб, строчил пулемет. А в небе, сходясь-расходясь, метались раскаленные добела гиганты-столбы. Шарясь, они упирались в низкие тучи, высвечивали их взлохмаченное нутро, стремительно падали, рубя, словно мечом, серые крыши, и, снова взметнувшись к небу, опять скрещивались в исполинские знаки.

Лешка стоял рядом с матерью. Он чувствовал ее тепло, чувствовал, как зябко вздрагивала она, как молилась, прося о чем-то Всевышнего. Лешка знал, о чем просила мать, — она боялась за дядьку Федора. На днях, когда уходил он на службу, она сказала: «Ой, Федя, страшно мне за тебя... Сон плохой видела».

И вот теперь молилась, порывисто, страстно, взахлеб. «Господи, спаси его душу... Господи, отведи от него... Господи, дай ему сил...» Ей казалось, что он уже не вернется, что он там, на путях, в самом пекле, и обязательно попадет под первую бомбу. В эту минуту она не думала о себе, не боялась за Лешку. Она была там, с ним и думала только о нем...

Лешка тоже дрожал, прижимался к матери и все тянулся взглянуть: что там, на улице? Ему не было страшно, как раньше, потому что в голову не приходило, чтобы наши, русские бомбы могли убивать своих, русских. Ему почему-то казалось, что наши бомбы особые. Они понимают, где свой, где чужой, и бояться поэтому нечего. И Лешка не боялся.

А мать все молилась, шептала, и ему уже надоело слушать ее, он отошел, встал ближе к двери. И хотел уже выйти наружу, как полыхнуло, брызнуло ослепительно-ярко. Белое с желтым, красное с черным взметнулось, взвихрилось вдруг и, клубясь, обгоняя друг друга, устремилось в черную высь. Вздрогнув, вздыбилась под ногами земля, и, ахнув, обрушилось всей своей мощью черное небо.

Упругой холодной волной Лешку швырнуло обратно в подъезд, ударило обо что-то мягкое, опрокинуло, подмяло и впечатало в пол. Чей-то пронзительно-резкий, берущий за душу вопль вспорол черную темь, взвился штопором и застрял в густом сумраке ночи.

В потемках в коридоре слышались стоны. Кто-то ругался тихо и жутко, кто-то кого-то звал монотонно и жалобно...

Утром дядька Федор не пришел со службы. Не пришел он и на второй, и на третий день. А на четвертый опять был налет. И опять дрожала земля, пунцово светились тучи, полыхая, горели составы. И мать уже не молилась, не просила за дядьку Федора — стояла бездумно, сцепив у груди побелевшие пальцы. Глаза ее отражали багровую ночь.

Этой же ночью был сбит самолет. Он упал где-то за городом. Лешка видел все — от начала до конца. Сначала гигантские щупальца прожекторов сошлись в исполинские парашютные стропы. Сошлись под углом, в одной точке. И в ней — ослепительно-белый, будто слепок креста, самолет. Щупальца плотно впечатали его в небо, и с земли казалось, будто бы он неподвижен, будто вклеен во что-то.

Остервенело и злобно били зенитки. Белые рваные точки, словно следы от снежков, облепили пространство вокруг самолета. Все ближе и ближе. И вот за ними не видно уже его. И Лешка подумал — прорвался! Но это — так, только подумалось. Не разжимая объятий, белые щупальца цепко держали его, и когда, пробитый снарядом, он, воя, падал к земле, казалось, что он падает не сам, а его увлекают эти вот липкие жгучие щупальца...

Лешка, когда встретился с Тимкой и Кузей, только и спорил об этом — не верил, что сбили снарядом. Думал — прожектор это... Тут же решили сходить утром за город, убедиться — взаправду прожекторы?.. Или снарядом? Да и не только поэтому: уж больно хотелось взглянуть — особенно Лешке — на звезды, что под крылом... И почти сговорились, да вспомнили — за хлебом идти, вторник. Лешка совсем огорчился, придумывать стал: как бы так, чтобы и за хлебом, и к самолету. И Кузя сделал тогда одолжение: ладно, дескать, валите. Только, чур, ненадолго. Сами знаете — хлеб...

Самолет оказался почти целым. Он стоял накренившись, припав на одно колесо. Грунт, вздыбленный круто, зигзагом, свежо темнел среди блеклой травы. Вывернутые бурые комья с вросшими в них полынью и жухлым жибреем громоздились под задранным в небо крылом.

— Стоп, — сказал Тимка и, оглянувшись, стал осматривать землю. Потом опустился на корточки, потрогал что-то рукой.

А Лешка не видел, не слышал. Шел и шел и смотрел в одну точку. Он видел звезду. В сумеречном свете осеннего дня она, словно тюльпан, рдела кровью, и Лешка, завороженный ею, тянулся, как мотылек нв огонь. Он забыл обо всем. Он видел звезду, и ему хотелось коснуться, погладить ее. И он шел, вытянув руки, словно незрячий.

— Леха-а! — пронзительно вскрикнул вдруг Тимка. Лешка вздрогнул и, испугавшись, кинулся прочь. Он не знал, чего испугался, и не знал, от чего убегал. Он мчался, а вслед неслось: — Леха-а! Постой!.. Ты чиво-о!..

— Сбесился, что ли? — сказал потом Тимка. — Я же... вот!.. — И он выхватил из-за пазухи что-то тускло блеснувшее.

— Наган! — изумился Лешка. Рот и глаза его сделались круглыми.

— Осел!.. Какой же это наган?.. Ракетница!.. Не видишь — дуло широкое? И вот еще... — Тимка выпростал руку. На ладони лежали две гильзы-ракеты. — Видно, посеяли ночью... когда летчика волокли. Следы там вокруг от машин...

— О-о! — испуганно выдохнул Лешка и еще больше округлил глаза.

— Да ты не дрейфь, — сказал Тимка. — Немцы теперь не вернутся. Летчика, должно быть, пристрелили. Вон сколько гильз пустых.

Они стали осматривать землю — может, еще что найдут, а может быть, кровь... Но следов крови не было видно.

— Слушай, Тимок, — загорелся вдруг Лешка, — а если его не пристрелили?.. Если убег!.. Спрятался, ждет... Чтобы ночью в самолет и... фьють...

Лешкин палец сделал спиральку.

— Мелешь ты, Леха, — сказал рассудительно Тимка. — Какое тут «фьють», если подбили... В землю, гляди-ка, зарылся.

— А может, и можно как, — не унимался Лешка. — Может, там не очень — тово... поломано что. Вот бы...

Лешка оглянулся на самолет и, млея от нетерпения, задергал плечами.

— Вернемся, Тим? Мы быстро, а? Взглянем — и назад...

— Ладно, айда... Только вот ракетницу где спрятать?..

Назад неслись они что есть духу. И все равно опоздали: у магазина снова была толчея. Еще издали увидели: Кузя их ждет. Стоит в стороне и машет руками. Когда подбежали — оказалось, все в норме. Кузя был молодцом. Считались бессчетно, но он успевал. Беспокоился только: хлеб подвезли, и очередь вот-вот, в Тимка с Лешкой как провалились! Теперь же все — чин-чинарем: очередь рядом, почти у крыльца. Только бы пробраться.

Кузя всунул руку — втиснулся. Тимка тоже недолго стоял. Теперь дело за Лешкой. Он лезет в карман. В кармане — пустые гильзы, винтики, шарики, гайки. Он лезет в другой — то же самое. Под сердцем у Лешки что-то екнуло. Он лихорадочно шарит, ищет и вдруг застывает, округлив глаза.

— Ты чё? — чуть ли не вместе крикнули Тимка и Кузя.

Лешка вздрогнул, встревоженно, как полоумный, уставился расширенными зрачками и, ничего не ответив, стал судорожно выкидывать все из карманов.

— Леха, ты чё?! — еще раз крикнул Тимка.

Лешка, таращв глаза, поднес ко рту дрожащие пальцы, всхлипнул, затрясся и, повернувшись, вдруг побежал.

Тимка с Кузей переглянулись. Кузя выпятил губы:

— Ты что-нибудь понял, Старик?

Тимка нажал на Кузю спиной, уперся руками и вылез из очереди.

— На́ вот, держи карточки... Может, получишь...

— Ты чиво?! — Кузины губы вытянулись в трубку, в веки захлопали белесыми гребешками. — Ты чиво? — повторил он, изумленно пялясь на Тимку. Тот не ответил, и Кузя, крутнув головой, усмехнулся: — Вот малахольные!..

Тимка и Лешка обшарили весь самолет — карточек не было.

Внвчале Тимка пытался припомнить все по порядку, с чего начали и чем кончили. Проверили все уголки, заглянули в каждую щель — впустую...

Потом ходили кругами, след в след.

Потом как придется — и все без толку. Карточки как провалились... Потом Тимка ходил один; ходил, мучил глаза, а Лешка сидел. Вначале он бегал как ошалелый, а теперь вот сидел будто бесчувственный. Вначале бросало и в холод и в жар, а теперь было все равно: будто это неправда, будто все это снится.

Подошел Тимка — Лешка даже не слышал, — присел рядом.

— Все, — сказал он.

И тут Лешка будто очнулся, будто ожгло его чем: «Все... Пропало... Конец...» И съежился так, будто на него что рухнуло.

Тимка сбоку взглянул и поморщился.

— Леш, ты не очень... тово... — сказал он и придвинулся. — Мы, если что, будем ночью ходить на вокзал. Сам знаешь, Кузя — хоть щас...

«Ночью, — машинально подумал Лешка и удивился: — Ночью? Зачем это ночью?..»

Дядьки Федора не было третью неделю. Мать истомилась, осунулась, стала черной лицом. И ходила как неприкаянная. Лешку она словно не замечала, да и сам Лешка старался быть незаметным — боялся, как бы мать не хватилась, не спросила про карточки.

Иногда она уходила из дому, и Лешка не знал, куда и зачем. Делалось это молча, будто Лешка был ей чужой или вовсе не было Лешки.

Обычно она исчезала на несколько дней, и Лешка жил как хотел. Поначалу его тревожило, что мать исчезает, но потом он обвык, и его это даже устраивало, потому что свободней было: можно бродить целыми днями, и мать не знала про это.

Вечерами, как только темнело, к нему заявлялись Тимка и Кузя. Втроем они топили плиту и пекли пресные желтые пышки. Лешка был щедрый хозяин. Ему это нравилось. Было чудно смотреть, как, чавкая, пучил глаза от усердия Кузя и как, смущаясь, степенно и медленно ел Тимка. У Кузи никогда не хватало терпения. Он не ждал, когда подрумянится пышка, а, обжигаясь, жадно хапал ее, дул, кидал из ладони в ладонь и ел, давясь и икая.

Тимка с Кузей дневали у Лешки почти всю неделю, и холщовая сумка, из которой Лешка греб муку, под конец стала тощей. Лешка не сразу это заметил. Греб и греб, даже не думая, а когда хватился — уже поздно.

Мать всплеснула руками и ударилась в голос. Это Лешка увидел, как только вошел. Он не думал, что она уже дома... И не думал, что будет вот так... Обхватив ладонями голову и причитая, как по покойнику, она стояла, качалась и выла.

Лешка кинулся было к дверям, но передумал, встал и оперся о косяк.

— Мам, ну, чиво ты, мам?..

— О Господи-н-и!.. — ломая пальцы, судорожно тянула мать. — Да за что же ты-ы та-а-а... Да почему же я-я-я... та-а-а-акая-я... несчастли-и-ивая-я-я... Фе-едя-я-я...

Лешка вздохнул облегченно и как-то сразу вдруг успокоился. Ему показалось даже смешным, что мать так голосит. Стоит ли!.. Он думал, мать обнаружила сумку, а тут... Подумаешь, Федя!.. Отыщется, если живой. Главное, мать не дозналась пока про муку и про карточки, а все остальное... Остальное не больно тревожило. Он воспрянул духом, почувствовал себя сильным, захотелось сделать матери что-то приятное...

— Мам, — сказал он. — Я, если хочешь, сам буду... тово... — И запнулся, язык прикусил. «Вот дурень, чуть не выболтал!.. Мол, сам буду муку приносить. Хотел сделать как лучше, а вышло... Ляпнул бы вот — и пошло бы, поехало...»

Мать не слушала — а может, не поняла — и, тиская руки, ходила все и ходила. Потом повалилась на постель и голосила в подушку — глухо и низко. Лешке уже надоело, он постоял-постоял и потихоньку вышел. На улице было серо и мглисто. Сыпало мелкой крупой. Поскрипывал нудно разболтанный ставень. На веревке, протянутой от сарая к столбу, коробилось жестью чье-то тряпье. От нечего делать Лешка поддел ногой пустую консервную банку. Громыхая, она покатилась по кочкам.

Лешка постоял, покрутился, подфутболил еще раз жестянку и направился к Тимке. И пока шел, думал: что это с матерью? Чего убивается? За батей бы так, а то...

Потом думал уже про муку и про карточки. С мукой, понятно, Лешка сглупил. Надо бы как-то чуть-чуть, а они навалились. Тимка — тот успокаивал: не дрейфь, мол, все обойдется, если, мол, что, скажи матери прямо. Мука-то не ихняя... А будет ругать, беги, мол, и точка!

«Беги, — думает Лешка. Легко говорить! Бегать, спасибо, он уже бегал. — А делать-то что? — тревожился Лешка. — Карточек нет. И дядьки Федора нет...»

Лешка мрачнеет. Думает: с чего это он жалеет, что нет квартиранта? Ах, вот оно что: муку принес бы!..

«А-а! — досадует Лешка и машет рукой. — Все тут такое!.. Все сплелось...»

Он уже злился, не понимал, с чего это «все» запуталось так. Он, Лешка, хочет есть. И должен бы есть. А еду может достать только он, дядька Федор. Это мучило Лешку.

С Тимкой идут они к Кузе, и все трое решают идти ночью на вокзал. Кузя уверен, клянется — им повезет. Он-де чувствует это. У него даже есть план. Идти они будут так же, как и ходили. Только не утром, а вечером. Санки, чтоб не гремели, будут нести. Не дойдя до вокзала, где-нибудь спрячутся. Будут следить. И как только появится поезд, Кузя делает вылазку.

— А сцапают вдруг? — беспокоится Лешка.

— Ха, «сцапают»!.. Сцапают — значит... — Кузя задирает подбородок, оттягивает кожу на горле и выразительно «цвыкает». — Понял?

Лешка обескураженно смотрит, молчит и мигает. Тимка толкает Кузю локтем, тайно от Лешки дергает веком.

— Ладно, Мосол, — говорит Кузя, — давишь труса, можешь остаться, без тебя провернем.

Лешка страдальчески смотрит на Тимку — ищет сочувствия. Тот кивает:

— Точно-точно. Мы ведь, сам знаешь, тово... И на твою долю — тоже... Так что ты — оставайся.

— Не, я чё, — пугается Лешка. — Я только вот... мамке скажу.

— Что-о?! — разом воскликнули Тимка и Кузя.

— Не-е! — поняв, что брякнул не то, протестующе машет Лешка. — Я хотел вот что... — Он тут же находится: — Я, мол, к вам... ночевать. — Поднимает голову, смотрит на Кузю — поверил иль нет?

Кузя жует губу, усмехается. Лешка заметил.

— Чё? — заносчиво вскинул он подбородок. — Не пустит, думаешь?

— Ничего я не думаю... Пусть думает лошадь: у нее голова здоровенная... Правда, Тимок?

Тимка смолчал, сделал шаг и — руку на плечо Лешке:

— Вот что, Мосол. Мы тут малость загнули... про санки. Санки мы не возьмем.

— Как это?! — ошарашенно уставился Лешка.

— А так, перебьемся.

— Дак я ж... Я ж ничего, — боясь, что ребята сочтут его скрягой, торопится Лешка. — Я хоть — бери насовсем!..

— Нет, мы не про то... Санки — взаправду не надо. — Тимка смотрит на Кузю. — Мы раньше, без тебя еще толковали... — И умолкает, колеблется: сказать, не сказать? Но тут же — была не была! — Мы, Леха... Короче, нельзя нам запросто... ночью. Сам знаешь, гансы... В жисть не поверят. В общем, надо — чтобы не видели... Выследим, где составы, и...

Лешку будто жаром осыпало. Он догадался, на что решились ребята. И понял теперь, зачем Тимка прятал ракетницу. Им важен не хлеб, важно другое — то, о чем Лешка боялся даже подумать, старался перевести разговор. А теперь... Это так его потрясло, что он едва удержался, чтобы не крикнуть: «Я не пойду!» Но не крикнул, только шевельнул губами, звук какой-то издал. И сам не понял — какой. Но Тимка с Кузей, наверное, поняли. Потому что Кузя опять ухмыльнулся, а Тимка — руками, словно ветряк:

— Не, Леха, не думай!.. Мы сами... И потом... Хлеб тоже нужен. Особенно Кузе. Ему без хлеба — никак... А в вагонах часто мука... Немцам, сам знаешь, не до того: как бомбежка — все врассыпную... Так что ты... Впрочем, как хочешь. Можешь идти, можешь остаться... если боязно...

Лешка хотел возразить: дескать, чего там, дело нужное. Даже рот приоткрыл, а язык — колодка, не шевельнулся. Тимка с Кузей что-то еще говорили, водили пальцами в воздухе, а Лешка не слышал.

— Так как? Согласен? — прорвалось внезапно.

И Лешка почувствовал, как уходит из-под ног земля. Он видел: ребята смотрят на него выжидательно. И знал, что не сможет отказаться. И кивнул невзначай. Кивнул, а внутри будто что оборвалось...

Они залегли у развалин. Когда-то здесь было узкое длинное здание в два этажа, теперь же — угластые глыбы, битый кирпич и гнутые ржавые балки.

Лешка дрожал и лязгал зубами и все возился — никак не мог умоститься. Дорогой, когда шли сюда, он все озирался, «шикал» на Кузю. Ему все казалось, что кто-то крадется за ними, заходит то справа, то слева. В каждом темном углу мерещились немцы. От страха, от мысли, что их могут услышать, он всю дорогу шел на цыпочках, и пальцы ступней ломило, будто ушиб.

Тимка с Кузей, как только пришли, стали шептаться. Кузе хотелось поближе к вокзалу, чтобы взглянуть: может, рядом составы? Тимка советовал не кипятиться. Зачем, мол, горячку пороть? Новый поезд прибудет — тогда «под шумок»...

И Кузя почти согласился, но все беспокоился — а вдруг да просмотрят, ведь до места еще не дошли. Он вертелся, вскакивал и был по-чудному взвинчен, будто чувствовал что, и эта взвинченность будоражила, передавалась Тимке и Лешке.

Лешку вновь зазнобило. Он встал на колени, судорожно передернул плечами и, присев на пятки, с тревогой уставился в густую вязкую темь.

Небо опять отсырело и моросило мелкой въедливой влагой. Разжиженный мутный туман белесою мглою жался к земле. Вокзала не было видно. Не светился ни один огонек, и только звуки, похожие чем-то на тяжкие вздохи, наплывали откуда-то снизу, с реки.

Лешка настораживал ухо, ловил их, старался понять, что это, а Кузя тер в беспокойстве озябшие руки и вытягивал шею, пытаясь что-либо увидеть.

— Сидел бы ты, что ли, — сказал ему Тимка. — Дрыгать чего? Услышим, как будет идти.

И впрямь скоро услышали. Вначале далеко-далеко, будто сносимый ветром, пропел растянуто-длинно гудок, а минуту спустя уже шумело, стучало и грохало — шел эшелон.

Кузя, как только услышал, вскочил и было рванулся, но Тимка сцапал сзади за ногу.

— Знаешь что, — сказал, задыхаясь, — я лучше сам, если чего...

— Иди ты! — двинул Кузя ногой. — У меня сеструхи с голоду, а ты!.. — Он снова вскочил, споткнулся, оперся руками о глыбу и побежал. Тимка кинулся следом.

Лешку обуял страх.

— Тимка-а! — завопил он. — Тимка-а-а!.. — Вскочил, выгнулся, ладони — рупором: — Тимка, куда-а-а ты-ы?! — неслось в темноту. Ему показалось, что его бросили и он остался один на один с этой настороженной жуткой темью. Он судорожно сглотнул слюну, поперхнулся, стал кашлять. И, кашляя, лихорадочно думал, как бы его не услышали. Инстинкт заставлял его сдерживаться, быть осторожным. Но, откашлявшись, он с прежней силой принимался за свое.

— Ти-и-и... — запел он опять и... осекся: кто-то резко и сильно двинул в бок кулаком.

— Тише ты! — услышал он над самым ухом. — Орешь чего?!

— Я-я... Н-ни-ни... — обалдело вытаращился Лешка. — Тим, это ты?!

— Слепой, что ли? — буркнул не глядя Тимка и — шапку на землю. — Все, — сказал он и замолчал. И оттого, как сказано было, Лешке вдруг показалось, что Кузя... нет больше Кузи!.. По телу его что-то поползло, посеяло чем-то мелко и колко.

— Тим, — заныл Лешка, — пошли-и...

— Ну и балда! — сказал Тимка, не слушая Лешку. — Влипнет!.. Точно, влипнет!.. Э-эх!.. Просил же!.. Как человека... Чтобы все — как уговорено. И согласился же ведь! А теперь!.. Хлеб ему важен... — Он заходил, заметался, сел на что-то глыбастое, но тут же вскочил и — Лешке: — Двинули, что ли?..

Они перешли полотно железной дороги, поднялись на насыпь, пошли косогором, оскользаясь и падая... Дождь перестал. Срывался откуда-то сверху одинокими крупными каплями — рядом была телеграфная линия. Туман тоже рассеивался.

Сбоку, чуть впереди, неожиданно вспыхнуло что-то — багрово и дымно, стрельнуло раз-другой и вдруг взревело мощно и жутко.

— Танки! — крикнул шепотом Тимка. И прыгнул куда-то, исчез.

Со страху Лешка кинулся было следом, но споткнулся обо что-то живое и мягкое, шлепнулся с маху, тут же вскочил. Жестокий, ни с чем не сравнимый ужас захлестнул его вдруг, мгновенно всосался во все уголки его тела и вырвался в истошно-отчаянном вопле. Сзади кто-то дернул его за штанину. Лешка затих, оглянулся — Тимка!

— Ты чё, очумел? Не видишь, что — я? — Подполз и — в нос кулаком. — Во!.. Понял?.. Больше ты с нами — ни в жисть...

Сбоку снова взревело, потом еще и еще, по всей длине, от вокзала и дальше. Тимка оттолкнулся ногами — отполз. Забыв свое обещание, оглянулся на Лешку:

— Танки! Тьма-тьмущая! Сгружают, видать.

И опять оттолкнулся, отполз.

Лешка чуть успокоился, придвинулся к Тимке. Его обуревало сомнение: правильно ли он понял Тимку? Ведь тот радуется — это чувствуется в голосе. А коль так — стало быть, замышляет что-то. Не любуется же он этими чужими страшными чудищами?.. И еще беспокоило Лешку: зачем они, он и Тимка, здесь? Ведь уже возвращались...

— Тим, — позвал он и замолчал, заробел. Вспомнил, как с испугу вопил. И чего он такой? Тимка — тот сразу смекнул, а Лешке вечно мерещится. Толком не понял: что и чего — и ну глотку надсаживать! Он еще долго бы, пожалуй, истязал себя, если бы не Тимка. Тому было не до Лешкиных чувств. Не замечал он и своего восторженно-возбужденного состояния. Он млел и не думал скрывать этого.

Тимкино возбуждение передалось Лешке. Он осмелел и даже решился спросить: зачем, мол, танки сгружают? Но сам догадался: туго приходится гансам... А танки, видать, на подмогу.

— Во! Повезло! — Тимка хлопнул ладонью по лбу (должно быть, придумал что-то). И Лешка (уже с любопытством) уставился — в чем повезло?.. Но Тимка внезапно вспомнил про Кузю, стал волноваться: где он и что?.. Может, и впрямь уже влип.

Опять они шли косогором, и Лешка снова видел Тимкину спину. Но страху больше не было. Напротив, прошлый страх казался смешным и никчемным. Внизу, рыгая огнем, утробно ревели стальные чудовища, слышалась чужая гортанная речь, смрадило горьким сожженное масло. И вообще все звуки были чужими и страшными. А Лешке — все нипочем. Как будто бы так и должно, так и надо: ревут, рычат, смрадят — ну и пусть. Лешка шел и будет идти, потому что Тимка идет. С Тимкой не страшно. Вот только Кузя...

— Леха! — остановился вдруг Тимка. И рукой сделал — «тихо»! А сам — треух набок, голову тоже: ухо выставил — слушает. Лешка забеспокоился: что там еще? Тимка пришикнул досадливо — тихо, дескать! И ладонь — к уху. Лешка тоже стал слушать, но ничего не услышал, потому что ревели, ворочались чудища. Сползая с платформы, они на секунду стихали — слышалось лишь торопливое лязганье гусениц — и вдруг срывались, падали глыбами, сотрясая землю, качая вагоны.

— Во! Во!.. Так и есть! — воскликнул Тимка и — Лешку в плечо. И снова — голову набок, а ухо — в ладонь. Стоит, слушает. А Лешка не понимает...

Внезапно рев оборвался. Как по команде застыли, замерли чудища. И только вдали, в самом конце эшелона, все еще рокотало, фыркало, лязгало. Но и там вскоре стихло. Секунду-другую в ушах стоял звон. И вдруг сквозь него Лешка услышал далекое, ровное: «у-у-у-у».

— Ну, что?! Я говорил! — воскликнул радостно Тимка.

Если бы не тьма, Лешка наверняка увидел бы, каким неподдельным восторгом блестят у Тимки глаза, как от возбуждения лучезарно светится его лицо. Но... Лешке было не до Тимкиных чувств — в этот миг он не мог сладить с собственными. Он хотел, очень хотел подавить в себе страх; хотел хоть капельку походить на Тимку. Чтобы ничего не бояться, искренне радоваться, азартно кричать. Хотел бы, но вместо этого... Он снова чувствовал неприятный холодный ком, который все подкатывал и подкатывал к сердцу; снова кожа его покрылась липкой испариной...

Пока Лешка боролся с собой, Тимка все бегал, суетился и взахлеб повторял: «Я говорил!.. Я говорил!.. Ну, теперь будет каша!.. Ну, держитесь!..»

В руках у него что-то тускло блеснуло — ракетница! Лешка испуганно метнулся.

— Ты чё?! — изумленно уставился Тимка.

— А?.. Что?.. — забегал шальными глазами Лешка.

Он знал: все так и будет. Он ждал этой минуты, готовился к ней, как больной к операции. Настраивался, свыкался с мыслью. Больше того — гнал ее, старался не думать. Но вот настал миг — и все в нем напряглось, все окаменело. Ему вдруг захотелось домой.

— Тим, — шевельнул он губами и почувствовал, что они у него деревянные. — Тим, а Тим! — выкрикнул он с тоской.

— Иди ты!.. — пульнул Тимка матом. — Бросить все, убежать, да? Накось выкуси!..

Лешка притих, сжался в комок...

— Ну, чего ты, дурашка? — чуть погодя сказал Тимка (видно, жаль стало Лешку). — Боязно, што ль?

Лешка затряс головой — нет, дескать, чего там! А сам сцепил зубы, чтобы не выдать своего страха.

Тимка, должно быть, понял его состояние, пододвинулся ближе.

— А ты не очень боись... Сам знаешь — наши ведь!..

Лешка закивал, соглашаясь, — да-да, дескать, знаю. Кивал, в сам в толк не мог взять: о чем это Тимка? А понял когда — удивился: «Гляди-ка, и Тимка!.. Значит, и вправду наши бомбы — не то что немецкие...» Подумал так — и страх соскочил. И тут же пришла в голову шальная мысль.

— Тим, а мне пальнуть дашь? — спрашивал уже Лешка. Спрашивал и удивлялся собственной смелости.

— Не, — сказал рассудительно Тимка. — Ракет только две... Надо, чтоб точно...

— А я что — не точно?! — заартачился Лешка. — Я, может, лучше тебя...

Тимка ему не ответил, прислушался и поднял ракетницу. «Пфу» — хлопнуло глухо, и к танкам помчалась зеленая точка. Лешка, забыв обо всем, восторженно завопил и стал рвать из рук Тимки ракетницу: «Дай я!.. Дай я!..» И не успел. Над головой заухало часто, будто с места в карьер рванул паровоз, и в ту же секунду тьму вспороли ослепительно-яркие клинья...

Что было потом, Лешка не помнил. Он оглох от ужасного треска, ослеп от огня, задохнулся от смрада. Он не видел, как рычали-метались в пламени чудища, как опрокидывались, разламывались вагоны, как гнулись, корежились рельсы, как, наливаясь багровым, светился туман. Его вдавило, впечатало в землю, будто в ненастье сорванный лист, будто щепку в расплавленный вар. Он готов был слиться с землей, зарыться в нее... Ему было жутко до одури...

Кузя, как только пихнул Тимку, вгорячах кинулся в сторону — вовсе не в ту, в какую бы надо, влетел в огромную круглую яму — видно, воронку с размороженной грязью на дне, еле выбрался — стенки ямы были крутыми и скользкими. А пока выбирался, горячка прошла, и Кузе бежать расхотелось. Он было крутнулся — чтобы к Тимке, назад, да гордость взыграла.

Сел, отдышался, стал думать о доме. Вчера мать в обморок падала... Хлеб уже три недели не дают. И макуха...

Два дня назад похлебку варили последнюю, так Ленка с Танькой — до капельки, всю... Потом просили еще. А где ее взять?.. Мешок даже вытрясли.

Вчера он, правда, лепешки принес — Лешка дал... Из последней муки... Ленка с Танькой визжали от радости, а мать отвернулась и плакала.

Кузя вздохнул, шевельнулся. Опять защемило под ложечкой. А вдруг все напрасно? Что если там не подступишься? У немцев наверняка охрана... А может, там — ни муки, ни хлеба, тогда все пропало. А Ленка с Танькой...

Кузя вскочил. Не-ет, будь что будет!.. Надо бежать!.. Мать говорит: Танюшка с Аленкой больше трех дней не протянут. Они и сегодня уже не встают, сидят на кровати и стонут: «Леба-а... леба-а...» А сами глазенки — на брата: знают, кто хлеб приносит. Поэтому он и сбежал — не выдержал больше. И домой не пойдет, пока не достанет хлеба.

«Хлеба... хлеба...»

Кузя заломил пальцы, закусил в отчаянии губу...

Внизу, у моста, опять загудело. Кузя забегал, замыкался. Он то бросался вперед, то останавливался и, тяжело дыша, озирался. Он словно чувствовал что-то. Ему страшно хотелось достать хлеба сейчас, сию секунду, — страх за сестренок гнал его, но смутное чув-

ство тревоги толчком изнутри постоянно сбивало, одергивало, и он колебался, не понимая, что с ним. Потом оно проходило, и, шалея, он снова бежал...

Насыпь была крутая и длинная. Он прыгнул было к путям — так ближе, ровнее, но там вдруг взревело, забило пламенем. Кузя — низом, к вокзалу. Хотел нырнуть под состав, чтобы обогнуть, зайти с другой стороны, но кто-то схватил его за руку, заломил с такой силой, что Кузя взвизгнул от боли — забился, задергался, извиваясь и приседая. Кто-то гнусаво пробулькал над ухом и сильней завел за спину руку. Кузя рванулся — острая жгучая боль пронзила все тело. Он сразу обмяк, подался вперед, сделал шаг, другой, оглянулся: над ним нависал кто-то огромный, глыбастый. В потемках Кузя не видел лица, вместо него смутно серело что-то неровное. Вот оно качнулось, сопя приблизилось к Кузе. Тускло блеснула рогатая каска. В этом густом хрипящем дыхании, в этом рогатом блеске ему померещилось что-то нечеловеческое. Инстинктивно он дернулся — закричал, закрутился. Его подтолкнули. Боль опять полыхнула по телу, перед глазами поплыли цветные шары. Теряя сознание, он еще раз успел оглянуться: глыба казалась теперь еще темней и бесформенней...

Потом до Кузи дошло, что над ним человек, и он еще сильней испугался. Внезапно вспомнил сестренок, стонущих: «Леба... леба...», — почерневшую от голода и горя мать. Вспомнил, и ему мучительно остро захотелось домой.

— Пан!!! - в безумном отчаянии закричал Кузя. — Хлеба мне!.. Хлеба!.. Понимаешь: ам-ам!.. — Он захлебывался. — Нельзя мне!.. Понимаешь!.. Там — кляйн, маленькие!.. Понимаешь: маленькие!..

Он кричал и с ужасом чувствовал, что слова его исчезают бесследно, что отчаянный вопль проходит мимо, не задевая эту живую нависшую глыбу. Бездумно, как утопающий, он хватался за все:

— Пан!!! Я больше не буду!.. Я — так!..

С искаженным от боли лицом он еще раз обернулся, увидел снова рогатую каску и закричал дико и жутко: «Аа-аа-а-а-а!..» Но глыба молчала, и в этом молчании было что-то жестокое, неумолимое.

Кузя еще раз рванулся. И в этот миг рядом, сбоку, взметнулся калено-оранжевый клин. Кузю швырнуло, ударило о что-то тупое — опрокинуло, перекрутило и вогнало в узкую тесную щель.

Он не сразу лишился сознания... Он видел, что вокруг были бревна, они горели. Пламя бежало по мелкой жухлой коре и перехлестывалось острым согнутым жалом на соседние бревна. Кузя хотел шевельнуться, но нестерпимая жгучая боль прострелила вдруг позвоночник, разлилась жаром у самого сердца...

С Лешкиной матерью творилось что-то неладное. Она то голосила целыми днями, то ходила бесчувственная, ко всему безразличная. Лешка ни разу не видел, чтобы она что-нибудь ела, и ни разу не слышал, чтоб беспокоилась, ел ли что Лешка.

Поначалу такое устраивало: мать не вникает — и хорошо, не дознается, где карточки. Позже, когда все же узнала (Лешка сам признался, набрался духу, пришел и сказал), его стало тревожить ее безразличие. Он стал бояться за мать и потихоньку доглядывать: как бы она, чего доброго, с голоду не упала. Иногда с ней случалось такое, что пугало Лешку совсем. В такие минуты, когда она убивалась, в безутешье ломая руки, ему тоже хотелось реветь...

Лешка не раз собирался выведать у матери, куда исчез дядька Федор, но та ударялась в голос, и Лешка решил, что дядька Федор исчез, так же как исчез в ту страшную ночь Кузя — куда он девался, они и по сей день не знают.

По городу ползли слухи, что русские самолеты прилетают по чьей-то наводке н бомбят не абы как, а с толком, расчетливо, каждый раз накрывая немцев в тот час, когда станция вся запружена эшелонами. Тимка прибежал как-то к Лешке весь взбудораженный н, снизив голос до полушепота, стал рассказывать, как соседка ихняя, тетка Настя, видела вечером у высокой насыпи наших наводчиков. Говорит, трое было — в белых полушубках н с автоматами. Не шли, говорит, а бежали, согнувшись, рысцой. Насыпь пересекли и скрылись. А потом, говорит, послышался гул, в небо взвились ракеты. И самолеты давай... Тимка хитро мигнул: стало быть, не они одни... Правда, соседка про полушубки и автоматы могла выдумать, но факт есть факт...

Тимка все говорил-говорил, а Лешка округливал губы, клонил голову набок и все удивлялся: неужели кто еще кроме них?

А потом Тимка про Кузю напомнил, и Лешка подумал: «Вот бы он сейчас был! Как бы он?..»

Тогда они бежали будто ошпаренные. Они боялись, что немцы накроют, сцапают их. В тот миг даже Тимка про Кузю забыл. И спохватились, когда уже были дома...

На следующий день к ним приходила Кузина мать. Лешку поразил ее вид. Черное, искаженное горем лицо, вздутые синие руки и тумбообразные ноги. Она не шла, а шаркала ими, тяжело волоча их, будто это были не ноги, а глыбы из камня... Она не кричала, не убивалась, а стояла, слушала, прикрыв глаза веками.

И вот Тимка напомнил. Сказал, что Кузина мать не встает. Лежит, не двигаясь, пятые сутки. Девчушки, Кузины сестры, уже не кричат, ослабели совсем... Соседи, конечно, приходят, но у них самих — ничего.

О многом рассказал ему тогда Тимка. Лешка узнал от него и про то, что наши, русские, — рядом, близко уже. Тимка однажды сам слышал, как где-то ухало. И, понизив голос, предложил сделать новую вылазку — пробраться ночью опять на вокзал. Вот только ракет раздобыть... Лешка кивнул, соглашаясь, но тут же засомневался: успеют ли? Ведь наши скоро придут. Он понимал, что это все отговорка. Каждая клеточка его противилась, била тревогу. Но, прислушиваясь к себе, он чувствовал: сигналы эти стали слабее. И позови его Тимка настойчивей — он пойдет. Состояние раздвоенности, когда желание действовать вытесняется страхом, потихоньку истаивало; восторг, испытанный им той жуткой ночью, был намного сильнее. Этот восторг, эта радость от того, что и они теперь стали похожи на тех, о ком говорили в бараках шепотом, жили и росли в нем постоянно. И, вызрев, выплеснулись, перевалили невидимый барьер в тот миг, когда Лешка понял, что не только Тимка, а и он способен совершить

такое, о чем прежде и думать боялся. Он не совсем осознал, что с ним происходит, но чувствовал, что теперь сможет пойти с Тимкой хоть куда. И все-таки сигналы, идущие откуда-то из глубины души, заставляли Лешку хитрить. И он боялся, что эту хитрость поймет, расшифрует Тимка. И это было страшнее всего...

Наши и впрямь не заставили себя долго ждать. По крайней мере, после разговора с Тимкой. Дня через два Лешка сам все услышал. Вначале почудилось — будто зенитки бьют, часто и глухо, и будто что-то гудит. Но гул не такой, как обычно, когда самолеты. Тот идет сверху — этот шел по земле.

А еще через день, когда землю сковало морозом и лег по-зимнему первый снег, случилось такое, чего Лешка даже во сне не видел. Сначала был самолет и высыпал ворох листовок. Кружась и колыхаясь, они сыпались серыми хлопьями, н Тимка с Лешкой ловили их на лету. Потом, когда Тимка ушел, а Лешка еще оставался, чтобы послушать, как ухает, ему внезапно почудилось, будто снова где-то гудит. И гудит грозно и жутко, будто рядом — тут, за домами. Гул этот, схожий с тем, который он слышал ночью на станции, пересекался время от времени короткими четкими строчками: «та-та-та-та... та-та-та-та...»

«Танки, — подумалось Лешке. — Те, что сгружались.. Видно, не все их тогда...»

Гул то стихал, то усиливался. Временами он был басовитым, и тогда казалось, что издает эти звуки земля, но порой, взмывая, достигал высокой воющей ноты и несся над крышами — танки, наверное, в этот момент развивали предельную скорость.

Лешка, как только услышал, — тотчас бегом. Чтобы узнать — «те иль не те». И только улицу пересек, только свернул за угол, как полыхнуло острое пламя и оглушительно ухнуло. И тут же взревело... Заговорила, залязгала сталь. Лешка зажмурился, кинулся было назад, но в последний момент оглянулся и... обомлел: наискось от него, белый, будто выряженный в саван, несся танк. Вот он вырвался на заросший бурьяном пустырь, сделал крутой разворот, замер на миг и повел угрожающе хоботом. Блеснула короткая вспышка — впереди, метров за триста, взметнулся фонтан. Танк дернулся (поплыла, рокоча, отполированная добела лента), сделал еще разворот, и Лешка на приплюснутой округлой башне увидел звезду. Ошеломленный, он секунду таращился, затем ухнул, хлопнул в ладони, заорал в восторге как бешеный: «Нна-ашш!» — и кинулся следом.

Из-за угла на простор вырвались еще два белых танка и, развернувшись, пронеслись мимо, обдав Лешку гарью и комьями снега.

— Урра-а-а!!! — завопил Лешка и, выгнувшись, замахал им вслед шапкой.

«Та-та-та-та...» — рассыпалось дробью. Пунктиры огненных точек понеслись туда, где метались в испуге фигурки в грязно-серых шинелях.

В первые дни улицы будто вымерли. Немцы куда-то исчезли. Городок затих, притаился, и только за рекой, на окраине, ухало часто и строчил гулко, взахлеб пулемет.

Поначалу Лешка с матерью забились в убежище, но лютый холод заставил вернуться в квартиру. Мать набросала на койку одежды, подушек, но Лешке на этот раз уже не сиделось. Он поминутно вскакивал — слушал, высматривал: не появятся ли снова танки?

Танки больше не появились. Один из тех, что Лешка видел, остался у насыпи. Закопченный, с бурыми пятнами на броне, он стоял накренившись, опустив безжизненно ствол. Рассказывали, что он почему-то замешкался...

Ребята с соседней улицы видели: три танка, огромные-огромные, с крестами и толстыми пушками... Наш отбивался, стрелял. Потом стал уходить, а тут — насыпь, крутая, высокая. Он разогнался — не взял. И заглох. Здесь и накрыли его.

И вот Лешка ждет, думает: танки будут еще.

А Тимка — тому вдруг взбрело (он и Лешке так объясняет), что это разведка. Но Лешка не верит. Какая разведка на танках? Разведка — пешком или в самолете. А чтобы на танках — не слышал.

Два дня он выглядывал, слушал, а на третий... в городе стало гореть: немцы жгли свои склады. Изголодавшийся народ кинулся прямо в огонь. Тащили мешки с сухарями, мукой, консервы, шнапс, одежду.

Лешка, как только узнал, примчался к Тимке — пошли да пошли. Тимка удивился: с чего это на Лешку храбрость нашла? А Лешка... Какая тут храбрость, если вчера.. последнюю кукурузу. А тут еще причина: Кузины малышки умирают. Как их спасти?

Они опоздали: кинулись в одно место — сгорело, в другое — тоже. Тогда они сбегали в город. И там точно так же. Свернули затем на окраину и тут — натолкнулись. Вначале услышали гвалт, сразу не поняли: что это? Увидели чуть погодя объятое пламенем здание. И народ — муравьиное скопище. Облепили, снуют, копошатся... А здание все уже в огне. Косматое рыжее пламя беснуется, рвется, гудит, лижет двери, бока. И трещит, пышет жаром.

Лешка, как только увидел, оторопел: крики, огонь, искаженные черные лица. Это не очередь... там, в магазине. Это намного ужаснее. И в это ужасное, для того, чтобы выжить, надо было бросаться...

Они задыхались от чада, слепли от дыма, спотыкались, падали, ползли, им наступали на руки. Они кричали, вскакивали, натыкались на какие-то ящики, щупали их, пытались поднять. Ящики были тяжелые. Ребята суетились — и все без толку.

Потом повезло: они обнаружили что-то шершаво-упругое. Много-много — целый угол, от пола до крыши. Они не знали — что, но чуяли: там будет то, что им надо. А им обязательно надо, иначе... Может, кто-либо сегодня осудит их, упрекнет: грабили склады. Но Лешка об этом не думал, как не думал никто из прибежавших сюда. Людей гнал не только голод — гнало сознание: гибнет добро...

Они немного замешкались. Тимка только что сволок сверху один из кулей и хотел было вскрыть его чем-либо острым, как вдруг взвился отчаянный режущий вопль. Лешка вскочил... В дальнем углу (склад был длинный, барачного типа) что-то трещало, светилось, багровый дым рвался кверху. Люди кучей бросились к выходу. Лешка кинулся было тоже, но Тимка крикнул: «Садись!» — а сам заработал руками: стал яростно дергать и рвать. Потом вскочил, не выпуская мешка,

обернулся, бешено рявкнул: «Чего стоишь?! Помогай!..»

Лешка вцепился, стал подымать. Что-то сыпучее, шурша, заструилось к ногам... «Зерно», — мелькнула догадка. Горы зерна, того зерна, которого так не хватает малышкам, ему, Тимке — всем людям. И оно, нужное всем, погибнет, никому не достанется. «Зачем, зачем жечь? Воевали бы себе, а хлеб, зерно оставили бы... Есть хотят все, а воевать... Вот и воюйте, а зачем трогать хлеб?» — так думал Лешка, лихорадочно, мельком, отрывисто. Ему, изголодавшемуся, настоявшемуся в очередях, видевшему умирающих Кузиных сестренок, такое казалось безумием...

Когда они выбрались, народ все толпился. Галдели, кричали, но в пекло лезть никто не решался.

Они дотянули мешок до угла. Распрямились и только хотели взглянуть — что в мешке, как вдруг сбоку, там, где толпились, сверкнуло что-то и, расколовшись, ахнуло, вздыбилось тысячью жал. Толпа шарахнулась в сторону. А там, где она стояла, остались глыбастые темные комья и редкий желтый дымок...

Потом стреляли еще — уже из пулемета, и Лешка с Тимкой, лежа за углом, видели, как, спотыкаясь, махая нелепо руками, падали люди.

Вечер. Морозно. В полнеба разлитый закат.

Над высокими трубами фабрики, над огромными сизыми корпусами кружат самолеты. Их много. Пикируя, они порой исчезают за зубчатой кромкой строений, но тут же снова взмывают, словно воронье, и Лешка догадывается, что это вовсе не над фабрикой — дальше, за ней. Там же, до самого неба, багровый шлейф дыма.

Два дня назад там шел бой. Целые сутки гремело, ухало, выло — взвивались ракеты, длинно бил пулемет; ветер нес запах сгоревшего пороха и нестройные, едва различимые звуки: «у-а-а!»

Утром стрельба прекратилась, сделалось тихо. И только в западной части города все еще гудело и ухало: там шел уличный бой.

Вчера прибегал Тимка. Он где-то прослышал, что наши заняли поселок Южный, вот-вот возьмут фабрику — они уже обложили ее, но немцы засели в бетон и железо и бьют с высоты. Так что нашим туго пока...

И вот утром, когда стрельба прекратилась, Лешка подумал, что наши выбили немцев, и стал дожидаться: может, появятся? Но целый день было тихо, так тихо, что временами казалось: там, у фабрики, нет никого — ни наших, ни немцев.

И вдруг — самолеты! Лешка вначале подумал: наши. И Тимка тоже. Но когда пригляделись — узнали, чьи это. Горбоносые, желтые, с отвратительной свастикой и черными, словно раздвоенными крестами. Они шли двумя группами.

Лешка и Тимка стояли в толпе. Вышел почти весь поселок. Стояли, галдели, охали, ахали. Кто-то сказал, что там теперь каша. Потому что за фабрикой луг — ровное гладкое поле, за лугом река, и если наши отступили от фабрики — деваться им некуда.

Самолеты кружили, падали в черный, багрово подсвеченный дым, взмывали, снова шли в пике, глуша пулеметами пронзительный вой.

Потом самолеты исчезли.

И опять было тихо. И ночь была тихая. А утром, едва забрезжило, в коридоре загромыхали, затопали, послышалась чужая гортанная речь... Забили, забарабанили в дверь.

Лешкина мать, как только услышала, испуганно вскочила. Она не успела даже накинуть пальто. Немцы сорвали крючок и ввалились вместе с морозными клубами. В белых маскировочных куртках и белых, натянутых поверх сапог брюках немцы казались огромными, будто вылепленными из снега. Висевшие на груди автоматы болтались будто игрушечные.

Лешка и мать онемели от ужаса. Они не знали еще, что немцы, придя в себя после паники, которую устроили им русские танки, теперь ходили и отбирали у населения растащенные со складов продукты. Но больше всего их интересовало другое.

— Матка! Шнапс! Шнель-шнель! — еще с порога заорал пухлорожий детина с кровавой повязкой на лбу.

Мать развела руками, залепетала испуганно:

— Нету, пан, нету...

Немец выкатил глаз, гаркнул отрывисто и повел автоматом. Двое других кинулись, стали искать, а здоровило, наставив на мать автомат, пригрозил:

— Найдем, матка, будем — пук-пук!

Не успели эти уйти, нагрянули другие — рылись, шарили. Не находили свое — брали чужое.

Вечером прибежала Степаниха, Левкина мать. Спросила:

—Твой дома? — Увидев Лешку, всплеснула руками: — Вот проклятущий!.. Где же он залился?

Лешка понял, что это про Левку. Степаниха часто бегает, ищет его, делает вид, будто беспокоится. На самом деле — приходит посплетничать.

— Надо же, смотался с утра! — тарахтела Степаниха. — А тут думай что хошь. — И, оглянувшись на дверь, как-то враз похитрела лицом, быстро подсела к Лешкиной матери, зашептала скороговоркой: — А тут, голубушка, страсти-то, страсти какие! И-и-и! — Степаниха закрыла глаза, покачала головой и, будто испугавшись, что не успеет выложить все за минуту, засыпала дробью: — Бегу я намедни — свово-то ищу, а кума мне навстречу: «Новость слыхала?» — «Нет», — говорю. А она мне... — Степаниха снова закрыла глаза. И вздрогнула, будто проснулась, заговорила уже от себя, с пояснением: — Наших-то, наших там, на лугу, страсть наложили!.. Да рази его, супостата, голой рукой одолеешь?! У него — танки, пушки, эропланы... А наши — штыками. Кума-то рядом живет. Грит, видела все. Наши — ура! А он — с пулеметов... Потом давай с пушек смолить. А нашим — деваться куда? Луг... Голое место... Спрятаться негде. Вот и побегли. А тут — самолеты. И ну косить... Всех положил. А раненых... — Степаниха перевела дух, помрачнела и заговорила пореже: — Раненых, что в подвалах наши пооставляли, грит, не успели их унести, так немец их карасином... Потом по земле дух... Мясо горелое... Вот уж страсти Господни!.. А еще... — Лицо у Степанихи снова преобразилось. — Отца-то Настиного — того... ухлопали немцы... Чьей?.. Фу-у ты!.. Как ее?.. Ну, той, что мальчонка косенький... С

Левкой моим шастает все... Так вот, ухлопали будто за то, что прятал ихнее чтой-то... со складов. А немцы искали — нашли. И тут же — раз-раз — с автоматов... И еще с поселка будто двоих... Объявили, что будут расстреливать всех, кто ихнее спрячет. Так что — будь оно проклято!.. Ну, я побежала, а то мой — того и гляди! — затороопилась Степаниха и, накинув платок, тут же исчезла: надо было еще пробежать по дворам, пока не стемнело.

Утром на улицах появились мешки, какие-то ящики, свертки. За каждым углом валялись бутылки со шнапсом, консервы, одеяла, одежда. Народ, напуганный обысками, выкинул все, что тащили со складов.

У Лешки с Тимкой дух захватило — столько еды, столько добра! Лешка перво-наперво сбросил ботинки и облачился в добротные крепкие сапоги с короткими голенищами. Тимка нашел себе вязаный шлем.

Потом они с Тимкой ходили, кололи граненым штыком блестящие банки. Проколят, чуть ковырнут — и на язык. Понравится — тут же едят.

В одном месте Тимка нашел бумажный куль с сухарями — белыми, сладкими. Таких они давно не едали. Лешка откусил, и во рту, показалось, кусочек стал таять, как сахар. Тимка набросился, с жадным хрустом стал их грызть один за одним.

— Стой! — крикнул вдруг Лешка. Глядя, как Тимка уплетает, он вспомнил внезапно Кузю, его умирающих сестренок. Они отнесли им немного зерна. Но зерно — не совсем еще хлеб. А вот сухари... — Хватит, Старик! — Ему показалось, что Тимка с его аппетитом съест все, ничего не оставит. — Хватит, кому говорю!..

Тимка, как был с набитым ртом, так и застыл изумленный. Чего-чего, а такого тона от Лешки-Мосла...

— Ты чё? Сбесился? — спросил он после того, как с трудом проглотил.

— Давай сухари! — Лешка потянул за мешок. Тимка смотрел на него как на психа. — Давай, говорю... Спрячу... Затихнет — Кузе снесу... Малышкам его.

Глаза у Тимки враз потеплели. Он хмыкнул, потянулся было снова за сухарем — механически, но тут же отдернул руку.

— Ну, Мосол!.. Ну, молодец! Надо же!.. А я того... не додумался... Лады... Но... — Тимка развел руки. — Куда мы с кулем?

А Лешку уже трясло, его охватил зуд нетерпения. Он радовался и волновался. Радовался тому, что первым вспомнил Кузиных малышек и первым решил сделать им добро. Волновался, потому что еще не придумал, как поступить, где спрятать такое богатство. Но он придумает, опять он, а не Тимка. Придумает первым.

— Знаешь, что? Давай ко мне... В коридор. Там есть лаз... под порогом, сейчас он забит. Вечером, как только стемнеет, — приходи, разберем и засунем... И будем понемногу носить...

Тимка смотрел на него не узнавая, смотрел восхищенно. Словно это был Лешка и вовсе не Лешка. И тот, чувствуя это, входил все больше в азарт. Ему захотелось еще что-нибудь «отколоть». Он вспомнил, как Тимка стрелял из ракетницы и как ему тоже хотелось пальнуть.

— Знаешь, что, — сказал он Тимке и, оглянувшись, радостно зашептал: — Давай мы с тобой еще разочек стрельнем.

— Ракет больше нет.

— Не-е, давай с пулемета.

— Тю! — удивился Тимка. — Где это ты возьмешь пулемет?

— Я знаю... Айда!..

Тимка заупрямился, стал отговаривать, а Лешку обуяла прыть. Пулемета он никакого не видел и ляпнул так потому, что внутри у него что-то будоражилось, просилось наружу. В этот миг он готов был не только из пулемета строчить — из пушки палить!

Тимка, видно, почуял Лешкину блажь, обнял за плечи.

— Дурачок ты, Леха, — сказал он по-взрослому ласково. — Вот что... Давай-ка мы по домам.

Но Лешке домой расхотелось, ему вздумалось пожеманиться, поломаться. Чтобы Тимка его отговаривал, а он упирался бы, не шел. Он почувствовал себя страшно храбрым и упивался этим новым, внезапно нахлынувшим на него ощущением. От сознания, что ему теперь все нипочем, Лешка хмелел, входил все больше в азарт. Он стал вырываться от Тимки и, вырвавшись, побежал, но, наступив на что-то круглое, шлепнулся, больно зашиб себе зад. Оглянулся — бутылка со шнапсом. Посмотрел игриво на Тимку. Обидевшись, тот отвернулся. Лешка сунул бутылку за пазуху...

Дома Лешка не сразу спрятал плотный бумажный куль с сухарями. Он решил еще и тут покуражиться. Засунув в него бутылку, он оставил куль в коридоре за дверью и, прикинувшись пьяным, ввалился в квартиру. Мать всплеснула руками, заохала, стала кричать. Лешка, довольный, что так ловко провел ее и еще оттого, что мать испугалась — значит, уже забылась, отошла, — стал еще больше ломаться.

— И-и, пьяница!.. Вылитый батя! — качала укоризненно головой мать.

За «батю» Лешка обиделся, выскочил в коридор босиком. Вспомнил — прятал бутылку. Покрутился: как быть? Надо бы выбросить. И только сунул руку в мешок, зашуршал плотной бумагой, как на крыльце загремели, затопали снова. Послышался говор — вновь немцы шли с обыском.

У Лешки внутри что-то екнуло, осыпало спину горячим. Он заметался, забегал. Хотел было шмыгнуть за дверь, что с черного хода, но в полумраке споткнулся, опрокинул пустое ведро, поднял и сунул в него бутылку...

Потом начались страхи. Он лежал на постели, а в коридоре, длинном и темном, гремели и топали. Лешку лихорадило, било в ознобе.

«Вот-вот!.. Сейчас!.. Вот!.. Уже открывают!..»

Бесконечно длинно тянулись минуты, бесконечно долго топали в коридоре.

«Вот-вот!.. Вот-вот!..»

Впившиеся в одеяло пальцы; широко открытые, заполненные ужасом глаза... И гулкое, насмерть испуганное Лешкино сердце... Мыслей не было. И только где-то внутри затаенная слабая искра: «Может, пройдут?! Может, не станут?!»

Внезапно ему показалось, что все вдруг исчезло: немцы, страхи, исчез, растворился он сам. И было это до блажи приятно, словно Лешку несло по ласковой теплой струе. Но длилось это миг, не больше. В следующий — все стало на место. Вон мать снует, суетится,

7*

бросает зачем-то на пол тряпье. Стулья на бок кладет и дверь открывает... Вот села, вскочила и к Лешке подходит. Гладит: дескать, не бойся, все обойдется. У Лешки — брызгами слезы. «Ма!» — хочет он крикнуть, сказать, что там, в коридоре за дверью... Чтобы мать знала... Чтобы придумала что-нибудь... Чтобы...

Мать дернулась, напружинилась вся. Лешка глянул и обомлел: в черном проеме, как в рамке, стояли три немца...

На этот раз главный из них был тощий и маленький, а двое других — огромные, грузные.

И вчерашнее все повторилось.

Тощий, как и тот, нухлорожий, заорал:

— Матка, шнапс! — и повел автоматом.

Мать показала на взъерошенную постель, на грязный, заслеженный пол, на сундук с открытой крышкой и развела руки — нету, мол... Ваши уже побывали...

Немец сморщил хрящеватый маленький нос, шмыгнул им раз, другой, хитро прищурился:

— Найн, я?

Мать встревожилась, торопливо стала выкладывать все из сундука, показывая, что нет ничего.

Немец шагнул к ней, упер в нее автомат. Мать, распластавшись у стенки, с отчаянием крикнула:

— Ну нету, пан, нету!..

Лешка вскочил на колени, подтянул одеяло до рта. Застыл, округлив глаза.

Мать затряслась, заплакала. Немец опустил автомат.

— Ладно, — сказал он по-русски, чисто, — будем искать... — и снова сморщил свой маленький нос.

Мать облегченно вздохнула. Лешка замер, сделался белый.

Немцы затопали, задвигали стульями, стали рыться, швырять — все вновь пошло вверх ногами.

Мать почти успокоилась. Стихла, обмякла и, вложив подбородок в ладони, молча смотрела на Лешку. На губах ее тлела улыбка.

Немцы все рылись, кидая тряпье, а тощий ходил и косился на мать. Мать улыбалась, глядела на Лешку, а Лешка, будто обложенный льдом, все больше и больше стыл, костенея. И только глаза его, встревоженно-круглые, затравленно бегали.

Тощий вышагивал, нервно покусывая губу. Вдруг он крутнулся и рявкнул:

— Ты что, стерва, смеешься?! — Ткнул автоматом: — Н-ну! Говори!!

Улыбку у матери сдуло. Она замигала, попятилась, затрясла подбородком. Лешка напрягся, подался вперед.

— Н-ну! — Немец сорвался до визга, нос побелел, на щеках заходили желваки. — Н-ну!..

— Я н-не...

— Не знаешь?! — перебил ее немец. Глаза его узко сощурились. — Не знаешь... — повторил он будто в раздумье. — Ну, хорошо... — И вышел за дверь.

Лешку кинуло в жар. Ему показалось, что койка качнулась, стала крениться. Руки его взметнулись, вцепились ногтями в шершавую стену. «Ма-а-а!» — хотелось крикнуть ему, но пересохшее горло выдавило что-то хриплое...

Остальное длилось не больше минуты. Немец влетел, потрясая тощим мешком и бутылкой:

— А это?! Это — не знаешь, да?! Не знаешь, чье это?!

Мать онемела. Ошеломленная, она секунду-другую стояла не двигаясь. Потом слабо вскрикнула, поднесла дрожащие пальцы к губам, забилась, будто в ознобе.

— Нет-нет!.. Не может быть... — лепетала она, отступая. — Нет-нет... Это не наше... Нет!.. — трясла ладони у рта. А глаза, округляясь, смотрели на Лешку — смотрели, молили, спрашивали. Она все еще не верила, не желала верить...

— У-у, дрянь!.. — Немец сорвал автомат. Что-то щелкнуло.

Взвизгнув, Лешка скатился с кровати.

— Пан-н! — в последнем отчаянии крикнула мать. Лешка метнулся, вцепился в ствол автомата — повис. И близко увидел колючие злые глаза...

Немец резко рванул автомат и с силой двинул Лешку ногой. Падая, Лешка видел, как кинулась мать, почувствовал, как навалилась... И тут же треснуло что-то — сухо и коротко...

— Ма-а! — взвизгнул Лешка пронзительно. — Ма-амочка-а-а!

Красный горячий туман заполнил сознание, и Лешка уже не слышал, как рядом, за корпусами завода, грозно и гулко ухнули наши орудия.

Начинался новый штурм города.

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР ВОЛОБУЕВ

СЛЕДЫ ЧУЖОЙ ДУШИ

* * *

Вот кто-то рощу рубит исступленно,
Кому-то — просто дятел, просто рысь.
А для другого все одушевленно:
Во всем здесь души умерших сошлись.

Тот, кто по жизни шел походкой злою,
Казнь совершал нажатием курка,
Возможно, ныне клонится травою
При дуновенье слабом ветерка.

А тот был небогат, с судьбой невинной
Творил добро. Он и теперь не гость —
В осеннем солнце светится рябиной,
Ни в чьих глазах не зарождая злость.

Взгрустни в лугах, в лесах и на опушках,
Не порти тишину, не мельтеши,
Тогда начнешь в деревьях и зверюшках
Ты различать следы чужой души.

Разговор

Я в селе у колодца
Говорю с мужиком:
— Редко кто отзовется
На добро кулаком,
Русь на щедрых богата...

— Не пойму ни черта:
Постепенно куда-то
Изошла доброта.

— Ты не хмурься, Василий,
Не смотри, как злодей.

— Много русских фамилий,
Мало русских людей...

ВОЛОБУЕВ Александр Тихонович родился в 1939 году в Москве. Окончил Московский авиационный институт, работал конструктором, редактором в издательстве и журнале. Автор поэтических книг «Отблески неба», «Предчувствие полета», «Передай все хорошее сыну», «Символы» и других. Член Союза писателей. Живет в Москве.

* * *

По воле злой дебила и нахала,
Кто всю страну бесстыдно развалил,
Промерзнув, молча очередь стояла, —
Роптать и то ей не хватало сил.

Не верилось, что это — часть народа,
Умевшего сражаться до конца, —
Почти что низведенная до сброда
Стараниями жалкого лжеца.

* * *

Одежда не нужна ему по моде,
Не ищет он ни женщин,
Ни винца,
А просто во саду ли, в огороде
Лежит в тени
с улыбкой мудреца.

Мелькают
все разгонистей
эпохи,
Вершатся то трагедия,
то фарс.
И не понять —
шумят ли скоморохи
Или полет готовится на Марс.

Но бросит он любимое занятье,
Погладит отлежалые бока
И скажет сокрушенно:
— Что ж вы, братья,
Забыли про Ивана-дурака?

* * *

Стою один среди России.
Ни человека, ни души.
Ох, сколько грязи намесили
В России всякие мужи.

Казнили, вешали, стреляли,
Невинно сгубленных — не счесть.
Но люди верили в те дали,
Где правят — правда,
Совесть,
Честь.

Но, может, зря мечтали всуе?
Еще порядочно преград.

У нас — крикливые буржуи,
Безмолвный пролетариат.

У нас не те порой у власти,
Лишь тот всегда у нас народ.
И человеческое счастье
Когда-то, видимо, придет.

Пока все светлое далеко.
Но кто же в этом виноват?
...А туч лиловые подтеки
Сползают медленно в закат.

ПОЭЗИЯ

Сегодня мы предоставляем страницы журнала двум авторам — Марине СТРУКОВОЙ и Денису КОРОТАЕВУ.

Кажется, нынешнее состояние общества мало способствует поэтическому творчеству, появлению новых имен, но эта публикация, надеемся, несколько потеснит такое расхожее и во многом ошибочное мнение.

Марина СТРУКОВА учится в 10-м классе и живет в селе Первая Березовка Тамбовской области.

Денис КОРОТАЕВ родился в 1967 году в Москве, где получил высшее образование, а ныне преподает математику в одном из столичных вузов.

Возраст молодых поэтов не оправдывает, но объясняет все то, на чем может остановиться взыскательный взгляд критически настроенного читателя.

МАРИНА СТРУКОВА

* * *

Не ангел-хранитель,
Не демон с мечом:
Две музы — за левым
И правым плечом.

Без перьев гусиных
Пишу и без свеч.
И только два лика
Глядят из-за плеч.

И справа: о свете,
О счастье пиши!
И слева: их нету! —
О злобе, о лжи...

А вьюга — сквозь ставни,
А снег — не зола...
Та муза, что справа, —
Замерзла, ушла.

Не ангел-хранитель,
Не демон с мечом:
Жестокая правда —
За левым плечом...

* * *

Жги, луна, черным блеском степь,
Тени вновь в овраг опрокидывай...
Вот опять переполнен свет
Неоплаченными обидами.

Сколько их накопилось вдруг,
И прогнулась земля под ношей.
Видишь, камни лежат вокруг —
Каждый был в человека брошен.

Здесь для светлого утра — дождь,
На любую свечу есть стужа...
Здесь на каждую правду — ложь
Или тридцать монет, что хуже.

Мир смеется, грозит, кричит,
И обиды нам все привычней,
Словно он, потеряв ключи,
Ковыряет в душе отмычкой.

Вновь пожар за холмом блестит,
Чью-то жизнь чёрный дым уносит...
Пусть сегодня кто-то простит,
И, поднявши камень, — не бросит.

* * *

От моста до моста — суета,
От реки до реки — грусть,
От зари до зари — красота,
От огня до огня — Русь!

Птица-Русь, меж огнями зла
Как себе дорогу найдешь?
Два крыла твоих, два крыла —
Это правда твоя и ложь...

Это — черное тянет вниз
Задохнуться в жару огней.
Это — белое рвется ввысь
К золотому солнцу полей...

А пока расползается дым,
Пробирается в каждый дом —
И под черным крылом твоим,
И под белым твоим крылом...

* * *

И вновь живу я на авось,
И с этим миром дружба — врозь,
Ведь я живу и вкривь и вкось,
Не так, как хочет он.

Он: «Замолчи!»... А я пою
И на обочине стою.
Когда другие — все в строю,
То я из ряда — вон!

И не цветы — колючки рву,
И на окраине живу,
И мну сожженную траву
В нерадостном краю.

Пусть миру это не с руки,
Я пью не из его реки
И поперек его строки
Всегда пишу свою...

Степь

Здесь почти небо,
Но еще степь, —
На краю света
Вольно так петь.

Время в движении,
Но его здесь нет...
Нет поражений,
Нет и побед.

Кони бьют вереск,
Пьют облака, —
Здесь почти берег,
Но и река.

Ковыли-свечи,
Воля да грусть, —
Здесь почти вечность,
Но еще Русь...

ДЕНИС КОРОТАЕВ

* * *

Абсурд и вера на Руси
опять в одной цепи:
все чаще — «Господи, спаси!»,
все реже — «Укрепи!»

На этот немощный призыв
откликнулись века,
вздохнув: «Спасать, не укрепив, —
что строить из песка...»

* * *

Зряшное дело — оплакивать прошлое,
снегом ли белым следы запорошены,
смыты ль водицей.
Нет, не из слез и руин обесславленных,
нет, не из пепла церквей обезглавленных
Русь возродится.

Сквозь поколения кровь пробивается,
долготерпение рабством венчается
в тихой сторонке.

Сколько пророкам ни биться, ни тужиться,
только гражданская доблесть и мужество
скрепят обломки.

Дети безвинные, люди безвестные
брошены заживо в глотку разверстую
века ревущего.
Кровью окрашено жаркое крошево.
Зряшное дело — оплакивать прошлое
в пламени сущего...

Гимн

Долгая жизнь — утомленная скачкою лань —
мчится к обрыву, петляя и путая след.
Если собьешься, — протянет ли верную длань
Господи, иже еси, ну а нет — значит, нет.

Снова наносит судьба за ударом удар,
снова не видно конца вакханалии бед.
Если смиришься, оценит ли царственный дар
Господи, иже еси, ну а нет — значит, нет.

Слава тебе, безрассудная мощь бытия.
Слава тебе, одержимость грошовых побед.
Слава тебе, мой единственно правый судья,
Господи, иже еси, ну а нет — значит, нет.

Верю — еще я дождусь осиянного дня.
Верю — над миром взойдет непорочный рассвет.
Верю — настанет момент, и услышит меня
Господи, иже еси, ну а нет — значит, нет.

* * *

Растает тень давно почивших тождеств,
настанет день — и сменит наконец
эпоху титулованных ничтожеств
эпоха очарованных сердец.

Она придет — обыденно, неспешно
из сумрака, из грез, из пустоты...
Я знаю, эта смена неизбежна,
но ночь черна и серость белоснежна
на фоне рукотворной темноты.

Сгущаются минорные мотивы,
но полночь приближается, и вот
мне снится сон нелепый и счастливый:
тайком от всех я сделал негативы
и спрятал их в холодный, мшистый грот.

Когда душа отравлена печалью,
я всматриваюсь в пленки при свечах:
земля рябит березовой вуалью,
и все так безмятежно и реально,
как может быть лишь в юношеских снах.

Но рвется нить былых ассоциаций.
Застигнутый рассветом, словно крот,
я плачу — от боязни просыпаться,
мне страшно не найти заветный грот...

ГЕННАДИЙ АВРЕХ
ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

МЗДОИМСТВО И ЛИХОИМСТВО НА ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ

«Малый вор бежит, а большой лежит...»

В массовом сознании коррупция, по-русски говоря, мздоимство и лихоимство, выступает как абсолютное зло, родовой признак всякого «начальства». Власти используют такую «манихейскую» оценку и время от времени выдают коррупцию за отрицательную и обязательно внешнюю по отношению к собственным действиям силу, противостоящую, например, «успешному ходу радикальных реформ». При этом, конечно, помалкивают, что всплеск служебных злоупотреблений здесь и сейчас объективно вызван и выбранным типом реформ, и способом их осуществления. Образуется заколдованный круг, когда **направление и скорость преобразований объективно порождает коррупцию, а коррупция столь же объективно меняет направление и замедляет скорость этих преобразований**. Понятно, что речь идет именно о **всплеске коррупции**, поскольку в своем умеренном «аркадском» варианте она преследует род людской с незапамятных времен, с момента осознания ограниченности материальных благ и привилегий и возникновения института собственности.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Как все обыденное, коррупцию довольно-таки трудно строго определить. На языке юристов коррупцией называется сложное социально-правовое явление, связанное с подкупом лиц, находящихся на государственной или общественной службе, получением ими дополнительных доходов, благ и привилегий за совершение умышленных действий или бездействий (в том числе в интересах третьих лиц) вопреки интересам государства и общества.

Коррупция как форма служебного злоупотребления шире взяточничества, хотя без разного рода «могарычей» и здесь дела не делаются, то есть прямая или скрытая корысть присутствуют обязательно. В дореволюционном российском праве предусматривалось наказание чиновного люда — «крапивного семени» — за мздоимство и лихоимство. Мздоимством называлось получение должностным лицом дополнительных сверх казенного жалованья, доходов, благ и привилегий за выполнение служебных обязанностей. А лихоимство — это принятие вознаграждений за нарушение или невыполнение таких обязанностей (с оттенком вымогательства).

ПОДЕЛЬЩИКИ

Чтобы сложились коррумпированные отношения, прежде всего должно быть должностное «важное лицо», постоянно или временно состоящее на государственной или общественной службе. Надо, чтобы оно обладало так называемыми организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными функциями, было уполномочено на совершение юридически значимых действий, иначе говоря, могло бы «казнить и миловать» все и вся в круге предписанных ему обязанностей. Следующий непременный соучастник коррумпированных отношений — посредник. Он-то фактически и влияет на производство тех самых юридически значимых действий и, будучи ловкачом, активно участвует в их подготовке и осуществлении в интересах третьего лица. Наконец, то самое третье, собственно заинтересованное лицо, для которого требуемые административно-мошеннические действия и совершаются.

Как только коррупционеры договорятся и ударят по рукам, складываются «преступные треугольники», подвижные, с меняющимися вершинами и размерами сторон. Они, эти треугольники, то хаотично накладываются друг на друга, то выстраиваются в подобие башен со строгим соподчинением ярусов и этажей, то сцепляются в запутанные, на первый взгляд, цепочки, тайны переплетения которых тщательно скрыты в главном звене. И вот уже созданы обстоятельства, а под них — законы, при которых «всякий человек да

ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович родился в 1955 году. Кандидат юридических наук. Один из авторов книги «Постперестройка». В нашем журнале опубликовал статьи: «Финансовая война» (5, 1991 год, в соавторстве), «Контрперестройка» (5, 1992). Живет в Москве.
АВРЕХ Геннадий Липанович. Родился в 1941 году. Кандидат экономических наук. Один из авторов книг «Экономика на уровне молекул» и «Затраты и результаты». В нашем журнале опубликовал статью «Финансовая война» (5, 1991 год, в соавторстве).

опасно ходит, откупщик же да принесет дары».

Есть у коррупции и собственная динамика, похожая на поведение инфляции, которая, как известно, бывает скрытой, ползучей, галопирующей и перешедшей в состояние гиперформы. Скрытая и ползучая инфляция — почти постоянный спутник современного хозяйства и особых тревог не вызывает. Но в переходных периодах, которые сопровождаются порой нарочно спланированными социально-экономическими неурядицами, инфляция создает разрушительный для наличной экономики эффект, приобретая трудно «гасимую» гиперформу. Сегодня гиперинфляция переплетается у нас с «гиперкоррупцией», причем при ближайшем рассмотрении обе эти напасти оказываются взаимоувязанными.

ПРИЗНАКИ

Имеет хождение миф, будто чиновник — нечто вроде слуги или лакея. «Важное лицо» подписало указ, а стряпчий обязан провести предначертанное в жизнь. Это заблуждение. Сегодня под напором всеобщей критики чиновники объединились, ответив на нее почти всеобщей коррупцией. Если хотите, это форма подтверждения не то что своей нужности, а силы, способной победить любого гордеца всего лишь взятием подписки о невыезде. Воскресни ныне Кречинский, и к своей типологии взяток и служебных злоупотреблений он добавил бы новейшие признаки коррупции, большинство из которых, кстати, уголовно не наказуемы.

Сплошь и рядом должностные мужи, государственные служащие, народные избранники, если не сами, то через подставных лиц, участвуют в коммерческой деятельности, что запрещено. Служебное положение используется для перевода государственных средств в коммерческие организации. Риск невелик — если уволят, добром отплатят другие. Даются льготы политическим, религиозным, национальным группам за счет казны. Должностные лица воздействуют на средства массовой информации с целью получения групповых или личных выгод. С размахом пошел «бюрократический рэкет» — когда у коммерсантов вымогают средства не для личной выгоды, а с тем, чтобы перебросить товар или деньги в другие предпринимательские конторы, политические партии, общественные фонды.

Принятие нормативных актов сопровождается давлением на законодателей, так, чтобы буква закона отвечала групповой, а не общественной пользе. Избирательные кампании у нас ведутся теперь «как у них», то есть с солидной денежной подпиткой. В фонды кандидатов даются финансовые и материальные ресурсы из казны — самого доступного сегодня источника. Что же касается приватизации госимущества, то таящиеся здесь возможности поживы трудно вообразить.

В учреждениях наблюдается искажение содержания деловых бумаг, хранение под сукном, затягивание их прохождения. Законодательные акты превратились в набор знаков, с помощью которых идет доверительный обмен сведениями между чиновниками. По сути дела, истинное содержание большинства документов понятно только кругу «посвященных», а профан-проситель может лишь

сетовать на неясности. Смысл разъясняют с непременным напоминанием, что «бесплатно поют только птицы». Извлечь пользу из должности можно, например, создав умышленный беспорядок в оформлении и прохождении деловых бумаг. Надо ли говорить, что иной листок с гербом и печатью дорогого стоит! Между тем чиновник сегодня волен собирать какие-то сведения, а волен — не собирать. Если захочет, предоставит сведения, не захочет — не предоставит.

Легко вызвать коррупционный эффект, сделав пробелы и нестыковки в законодательстве и подзаконных актах. Сегодня почти всякий документ такого рода, если и содержит порядок применения, то в самом общем виде. Начертание букв закона совершенно лишено единообразия, каждый столоначальник закон толкует исключительно по своему разумению. И не знаешь, через какое плечо в тот закон заглянуть, чтобы с собственными правами ознакомиться.

ИСТОРИЯ

Коррупция без лишней огласки цвела в стране и до эпохи «нового мышления». «Старое мышление» допускало это явление по обычному праву, если хотите, «в плановом порядке», с установлением негласных норм, заметные отклонения от которых, как правило, карались. То же самое относилось, кстати, и к ограничению пределов теневой экономики. Ее оборот поддерживался на уровне, который требовался несостоятельному госсектору для затыкания распределительных и производственных дыр. Число таких дыр со временем неуклонно возрастало: объективно — по причине усложнения управленческих и хозяйственных связей; субъективно — по причине сговора между властными лицами и преступниками, когда реальные дыры расширялись и протыкались мнимые с паевым распределением доходов. Бюрократия могла получать дополнительный групповой или личный доход сверх ею же назначенного, в пропагандистских целях умеренного максимума. «Ключ» к справедливому делению прибылей по вкладу в дело: власть знала, где и что «плохо лежит», а «теневое братство» — как это что «хорошо поднять».

Оформлялось объединение интересов и сращивание криминальных групп с партаппаратом и «концом пера вскормленной» бюрократией. Ведь задолго до августа 1991 года кадровые партработники и хозбюрократы стали в массовом порядке покидать служебные кресла и с поразительной легкостью устраиваться в «классово чуждые» коммерческие организации. Здесь усматривается, если хотите, не бегство, но отход на заранее подготовленные позиции. Другими словами, **часть бюрократии уже совместила свое право распоряжения с правом владения собственностью.**

Все это в разных формах продолжается. «Новое» оказалось вытянутым в иные обстоятельства «старым». Теперь «новое» породило уже свою почву для мздоимства.

В Москве, например, сложилась ситуация, при которой соединились воедино функции хозяйственного управления и власти как таковой. Это произошло после включения префектов административных округов в правительство Москвы и соединения в единую структуру органов хозяйственного и административного управления.

По существу отраслевые хозяйственные службы стали играть главенствующую роль в правительстве и диктовать свои условия муниципальным округам, префектурам и административным органам. Возник новый тип гипермонополизации в основных сферах хозяйствования. Естественно, повысился и уровень коррумпированности правительственных структур, поскольку в лице одного властно-хозяйственного субъекта сосредоточены и функции организации производственной и распределительной деятельности, и функции организации контроля за ней со стороны органов внутренних дел, налоговой инспекции, контрольно-финансовых органов, органов экологического, санитарного, пожарного надзора и других административных органов.

Одновременно сконструирована ситуация, при которой вместо решения задач максимального удовлетворения потребностей населения, в частности приближения к жителям органов управления, фактически выставляются преграды на пути передачи муниципальным округам большего объема полномочий. Это происходит из-за того, что в пирамиде «супердемократической» московской власти включенные в правительство префекты административных округов фактически «перехватывают» несвойственные им полномочия у префектов округов муниципальных, сами заключают договора с отраслевыми главками правительства, на своем уровне создают структуры, дублирующие городские ("миниправительства"), занимаются коммерческой деятельностью в целях получения максимальной прибыли.

В этом промежуточном звене управления происходит также «перехват» муниципальной собственности и, по существу, в чистом виде осуществляется так называемая «номенклатурная» приватизация, которая отражает корпоративные интересы хозяйственных органов и префектур административных округов, а не населения города.

В результате создалась социальная энергетика, которая при скоростном реформировании питает и возвращает на круги своя все отрицательные свойства отвергаемой системы. Как в дошедшей до нас античной басне, в которой «верблюд переходил реку с быстрым течением, и когда стал испражняться, то быстрое течение вынесло его навоз ему перед глазами. Сказал верблюд: "Что это значит? что было сзади, то вдруг оказалось спереди!"» Во всяком случае, при «либеральных прослаблениях» родимое пятно коррупции не просто появилось, но и разрослось. Масштабы же бывших злоупотреблений бюрократии вытеснились из памяти обвальной коррупцией дней настоящих.

Говорят, перед смертью бывший первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин заметил, что весь теневой оборот расстрелянного в «его время» директора Елисеевского гастронома Соколова был меньше однодневного оборота нынешнего владельца коммерческой палатки, а взятки, получаемые сегодня единолично московскими супрефектами, превышают годовой объем подношений в системе столичной торговли эпохи застоя.

Да, мог бы Виктор Васильевич предположить, что в «образцовом коммунистическом городе» всего за 7 лет «перестройки» начнется реализация проектов, подобных «КНИТ — Калужская застава», в соответствии с которым 60 гектаров, включая площадь Гагарина, были отданы малоизвестной французской фирме на 99 лет... аж за 10 долларов в год?!

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Важно уяснить, что размах, характер и способы борьбы с коррупцией нельзя выдергивать из наличествующих обстоятельств. Коррупция не просто социально-правовое, а социокультурное явление, на которое влияет состояние общества в целом. Даже при анализе причин «аркадской» обыденной коррупции отделаться фразой «слаб человек» совершенно недостаточно. Ну а для достижения наблюдаемых ныне у нас масштабов коррупции особенно нужно, чтобы на неоспоримые человеческие слабости накладывались обстоятельства не просто привходящие, но подстрекающие и потакающие.

Известно, что при инфляции каналы обращения заполняются купюрами в количествах, превышающих реальные нужды. Обычно государство запускает «денежный станок» при резком увеличении бюджетного долга, расстройства экономики, сокращении реального товарооборота. За всем этим скрывается сложное переплетение интересов власти и различных групп населения.

Инфляция может случиться, конечно, нежданно, но она оказывается на удивление кстати, если требуется «на законном основании» ограбить подданных и нужным образом перераспределить доходы и имущество. Поэтому инфляция наступает не обязательно стихийно, особенно если она раскручивается одновременно с правительственной программой смены владельцев и распорядителей собственности.

Инфляцию можно и растянуть во времени, чтобы за счет средств большинства населения перераспределить доходы и имущество вплоть до полного удовлетворения «нужных людей». Например, в «послесоциалистических» странах такое удовлетворение наступит не раньше, чем новой властью будет создан класс буржуазии из ничего. Под этим «ничего» подразумеваются деньги обывателей и государственное казенное имущество. Стабильный рубль не позволил бы сколачивать состояния путем спекулятивной переброски из рук в руки добра, созданного еще до возмущения умов «новым мышлением». Это добро небесконечно. И его раздачу «нужным людям» сподручнее провернуть в условиях «научно обоснованной» инфляционной неразберихи. Разумеется, среди самых активных организаторов хозяйственной нестабильности всегда присутствуют участники коррумпированных отношений.

В России идет не просто экономическая реформа, а общественное преобразование. И не специалисту видно, что эти преобразования осуществляются у нас порой с грубыми нарушениями социокультурного закона. Неприемлемо большое количество новых, в том числе и чуждых для сложившейся культуры, социальных отношений вменяется куда угодно и как угодно. Это, как если бы пятилетний

вузовский курс заставить студентов усвоить в течение одного семестра. Между тем рост правонарушений, включая должностные преступления, наблюдается и при более взвешенном ведении столь серьезных реформ, не ввергающем все вокруг в состояние ошеломления.

Беда в том, что генотип будущего общества в условиях насильственного разрыва постепенности, которая собственно отличает реформаторство от гражданских войн и революций, складывается в аморальной, а зачастую и в преступной обстановке. К сожалению, из такого «сора» и рынок у нас растет с не ведающим стыда криминальным уклоном. Тому, впрочем, вполне способствует идеологическое обрамление экономических реформ. Усиленно пропагандируется и создается рынок образца прошлого века с преобладанием авантюрного спекулятивного капитала в ущерб производительному. Приобретший респектабельность элитарный слой иностранных дельцов опасается сотрудничать с «тружениками» столь дикого рынка. И международные экономические связи могут превратиться в челночные операции мошенников с вывозом национального богатства России.

Романтическим ореолом окружаются теневики, воры застойных времен, те, которых во Франции называют «нуворишами», в Германии «шиберами», а в России, простите, «по-всякому». Хитрые бестии, подмешивающие в коньяк перцовку, а в строительный раствор — песок вместо цемента, выдаются за сметливых предпринимателей и даже за «борцов с тоталитаризмом». Но все они — любимые дети тоталитаризма, их «деловые качества» тем же самым тоталитаризмом и порождены, и за пределы тех качеств и навыков им не выйти. Даром, что в именно для них созданные организации перекачивается казна коррумпированной бюрократией, и именно они, в конечном итоге, окажутся первыми в очереди за государственным добром. Ибо, как писал Салтыков-Щедрин, «ежели человек, произведший в свою пользу отчуждение на сумму в несколько миллионов рублей, сделается впоследствии даже меценатом и построит мраморный палаццо, в котором сосредоточит все чудеса науки и искусства, то его все-таки нельзя назвать искусным общественным деятелем, а следует назвать только искусным мошенником».

Россия, вслед за Союзом, своеобразно ответила на либеральные веяния сверху — ее территорию образуют теперь практически суверенные регионы. Власть неуклонно перемещается «далеко от Москвы», от бюрократии центральной к местной. Число участников дележа наших хронических дефицитов, а ныне и госимущества чрезвычайно умножилось. Коррумпированный государственный аппарат в условиях регионализации теряет власть, причем на фоне пока неуклонного ухудшения экономического положения. Это крайне опасно. Ведь обстановка может потребовать эффективного государственного управления в любое время, в том числе для обеспечения выживания больших масс населения. **С учетом накопленных вооружений и значительного числа предприятий высокого риска коррупция в России — это не внутреннее дело одной страны.**

Прямо и косвенно организуется противодействие борьбе с коррупцией. Летом 1992 года в республиканской газете Узбекистана «Правда Востока» была опубликована статья под заголовком «Предательство, или О главном покровителе узбекского дела». В ней резко критикуется Рафик Нишанов. Ему ставится в вину, что с 1988 года — года избрания его первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана — он занимался активным разоблачением «рашидовщины», «хлопкового дела», заменой руководящих кадров. Авторы статьи требуют вызвать в Узбекистан Нишанова, Гдляна и Иванова, чтобы «на основании Конституции республики привлечь их к ответственности, согласно местным законам». Это своего рода предупреждение тем, кто противостоит сегодня коррупции и в России: смотрите, мол, времена нынче быстро меняются. Тем более что сейчас вовсю идет кампания за освобождение «хозяйственных» преступников, осужденных при «социализме».

ОБМЕН «ОПЫТОМ»

Есть ли коррупция в так называемых «цивилизованных» странах, то есть там, где рынок? Конечно, есть, вопреки утверждениям, что в «свободной» экономике для мздоимства и лихоимства условия якобы отсутствуют. Например, в США каждый год всплывают сотни больших и малых скандальных историй о коррупции государственных служащих самого высокого ранга. Считается, что все рекорды по части мошенничества и взяточничества побила администрация Рейгана. Уж не его ли экономические реформы тому виной?

Учебный пример коррупционных действий — деятельность на этом поприще бывшего министра труда США Донована. Этот Донован внес в избирательный фонд республиканцев 600 млн. долларов. Возможно, по этой причине при позднейших разоблачениях Рейган продолжал заявлять, что верит Доновану. Тот же, став министром, не оставил вниманием строительную компанию, в которой до перехода на государственную службу был вице-президентом. Донован регулярно передавал компании информацию о порядках управления шоссейных дорог в Нью-Джерси. Данные из служебных источников компания с выгодой использовала на торгах: заявляла низкие цены, а затем, обойдя конкурентов, пересматривала цены в сторону повышения.

В 1988 году Донован предстал перед судом как руководитель преступной шайки по обвинению в заговоре. Дело касалось хищения крупной суммы денег через подставную подрядную организацию. Имея связи с мафией, Донован угрожал главному свидетелю убить его жену и детей, если он не откажется от показаний...

Вполне добротный детектив, типичный для той «цивилизации». Надо сказать, что наши доморощенные аферисты и коррупционеры в этой части уже достаточно «цивилизовались». Это объяснимо, поскольку российский рынок организуется на основе неограниченных заимствований и подражаний. **Перенесенные на нашу почву институты западной экономики**

сплошь и рядом из инструментов рынка превращаются у нас в инструменты коррупции. Риск проведения реформ по чужим шпаргалкам подтверждается, в частности, недавними аферами в нашей банковской системе.

Центральный Банк России один к одному скопировал принятую за рубежом и приспособленную к рыночной экономике двухуровневую банковскую систему. Коммерческие банки были выведены из так называемых межфилиальных оборотов и переведены на работу по корреспондентским счетам. Из Германии «вывезли» идею создания расчетно-кассовых центров, которые в наших условиях стали буквально разрушать кредитно-финансовую систему страны. Раньше платежные документы пересылались по цепочке: плательщик — банк плательщика — банк получателя — получатель. После перенятия зарубежного опыта цепочка удлинилась: плательщик — банк плательщика — расчетно-кассовый центр банка плательщика — расчетно-кассовый центр банка получателя — банк получателя — получатель. Начались постоянные сбои и беспрецедентные задержки в расчетах, масштабные мошеннические операции.

Летом 1992 года в Расчетно-кассовом Центре и Центральном Операционном Управлении Центрального Банка России появилось множество подложных кредитовых авизо на десятки миллиардов рублей. Эти фальшивки были тем не менее обработаны, а деньги перечислены на счета коммерческих банков. Кроме того, немало таких же поддельных авизо всплыли в региональных расчетно-кассовых центрах Магадана, Брянска, Нальчика, Ростова, Калининграда также на десятки миллиардов рублей. А всего в ходе расследования данной аферы выявлено более 800 подложных финансовых документов, с помощью которых преступные группировки хотели похитить более 100 млрд. рублей. Согласитесь, деньги значительные, если вспомнить, с каким «скрипом» правительство выделило 13 млрд. рублей на поддержку предприятий оборонных отраслей.

Аферу удалось предотвратить, хотя более 3 млрд. рублей преступники успели обналичить, тем самым усугубив инфляцию. Трудно предположить, что многоопытное банковское чиновничество пребывало в полном неведении.

Немалый ущерб нанес и выпуск в хозяйственный оборот расчетных чеков «Россия», значительное число которых по коррупционным каналам оказалось в руках преступников. Только по 5 возбужденным уголовным делам в конце 1992 года рассматривались факты незаконного сбыта чеков на сумму более 4 млрд. рублей. Фактически это открывало возможность собственной эмиссии денег запускавшим эти чеки коммерческим банкам. Иными словами, была открыта возможность обналичивания огромной массы денег, полученной мошенническим путем из-за случайно «допущенных» пробелов в нормативном регулировании операций с чеками.

При инфляции иногда полезно замедлять скорость оборота денежной единицы, что способствует некоторому подъему покупательной способности. Но такого рода операции следует проводить с учетом всей совокупности обстоятельств, влияющих на курс рубля. В частности, если реальный, в доинфляционных ценах товарооборот падает и вливание купюр в обращение продолжается, то банковская «защелка» дело не улучшит. Собственно, так и получилось. Рубль падать не перестал. Затягивание обработки банковской документации увеличило объем взаимных неплатежей предприятий до 3 триллионов рублей. Приняв поддельные, не обеспеченные кредитными средствами авизо, Центральный Банк России произвел, по сути, дополнительную эмиссию денег. Замедление денежного обращения в кредитной системе вызвало оживление сделок по наличным расчетам, минуя банки. При инфляции скорость наличного оборота чрезвычайно возрастает, поскольку торговля объективно перерождается в спекуляцию, уводя торговые обороты из сферы финансового контроля государства.

Кто же выиграл? Во-первых, мошенники, успевшие обналичить часть полученных по поддельным документам денег. Во-вторых, коммерческие банки, взимавшие за кассовое обслуживание поступлений липовых средств до 20 и более процентов от сумм. В-третьих, работники расчетно-кассовых центров, которые начали брать с клиентов фантастические взятки только за то, чтобы отыскать документы в скопившемся ворохе бумаг. И все это происходило, мягко говоря, при попустительстве бывшего руководства Центрального Банка России. Благоприятные условия для коррупции банковских служащих и проведения махинаций были созданы копированием зарубежного опыта без оценки последствий.

Трагедией, сопряженной с новым коррупционным всплеском, грозит обернуться и вся идея реформаторов о быстрой конвертируемости рубля. Банковская система России к этому не готова. «У нас нет необходимой инфраструктуры, — заявил один из новых руководителей ЦБР А. Хандруев в интервью «Московскому комсомольцу» (30. 09. 92), — нет службы финансового контроля, нет валютной инспекции, нет достаточных валютных резервов, не закончен процесс «утряски» цен, продолжается спад производства, очень не рациональна структура производства, нерациональная структура экспорта и импорта... большие проблемы с рублевой зоной...» Кому в таких условиях выгодна конвертация? Прежде всего тем, кто импортирует алкоголь и табачные изделия (даже при курсе 400 рублей за доллар им выгодно прокручивать эти операции), и, конечно же, зарубежным покупателям сырья и потенциальным приватизаторам отечественных предприятий (когда за 1 млн. долларов можно купить завод, реально стоящий сотни млн. долларов).

Банковская афера лета 1992 года разошлась кругами «от Москвы до самых до окраин». В Благовещенске управляющий одним из банков брал взятки за предоставление и продление сроков возврата кредитов частникам. Коммерческие фирмы и банки в Ижевске, Москве, Самаре, Анапе путем финансовых махинаций изъяли из оборота 210 млн. рублей. В оренбургском филиале Центрального Банка России по поддельным документам была похищена сумма в 50 млн. рублей, попытку тем же путем умыкнуть в банке 100 тыс. рублей удалось пресечь.

Директор Амурского областного центра стандартизации за взятки искажал результаты экспертизы качества продукции. Частные предприятия и кооперативы продавали эту

продукцию в Китай. Из-за недоплаты коммерсантами таможенной пошлины государству нанесен миллионный ущерб.

Инфляция стимулирует вывоз товаров из страны. Чтобы вывезти, надо пройти через «кабинетные круги». Но можно и упростить процедуру — войти в коррумпированные отношения с работниками государственных предприятий и совместно украсть для продажи за границу что угодно. Достояние республики насыщенным потоком течет в «далекое и близкое зарубежье». Вокруг лицензий на нефтепродукты, цветные и редкоземельные металлы идет поистине дьявольская свистопляска. Только в одной Псковской области продажные руководители администрации способствовали вывозу в Прибалтику в нарушение всех нормативных предписаний более 800 тыс. литров ГСМ, 1,7 тыс. тонн цветных и редкоземельных металлов. Все это легко понять. **Государственные предприятия поставлены реформами в условия, при которых без коррупционных афер нельзя выжить.** Странно, конечно, но **коммерческий сектор не конкурирует сейчас с государственным, а наоборот, поддерживает его, спекулируя государственной продукцией.** В свою очередь, государственные структуры за соответствующее вознаграждение оказывают услуги коммерсантам. Так, был задержан начальник отдела земельных договоров Москомимущества, способствующий за валютную взятку передаче в аренду на длительный срок земельных участков представителям коммерческих организаций. При получении взятки за предоставление земли под фермерское хозяйство взят с поличным заместитель главы администрации Ногинского района.

Массовые злоупотребления и коррупция вскрыты Контрольно-ревизионным управлением Министерства финансов Российской Федерации при проверке в 65 регионах различных благотворительных фондов, большинство из которых превратилось в инструменты обналичивания, «отмывания» и «раскрутки» многомиллионных денежных средств в обход действующего законодательства.

Коррупция превратилась в то, что называется «делом житейским».

Занижается выкупная стоимость объектов «малой приватизации». Так, сумма выкупа одного из московских магазинов — «Козерог» — была показана в 27,7 тыс. рублей, а после проверки она увеличилась до 402 тыс. рублей. Как говорится, не слабо. В Октябрьском районе Москвы, получившем какую-то даже гангстерскую известность, остаточную стоимость популярного когда-то магазина «Ванда» ухитрились определить смехотворной суммой в 460 тыс. рублей. Между тем, по данным Москомимущества, сумма эта составляет не менее 29 млн. рублей.

В страну хлынули «международные урки». Гражданин США заключил фиктивный контракт от имени двух американских фирм на поставку частному московскому предприятию 500 автомашин «Крайслер» на сумму более 1 млрд. рублей. Как видите, есть уже частные конторы, способные выкладывать миллиарды. Но в данном случае подвела «телевизионная» вера в «западную цивилизацию», представитель которой оказался мошенником. Часть полученных денег этот аферист пустил в оборот, а поставлять автомашины не спешит.

В нашей печати промелькнуло сообщение, будто посол США в России Роберт Страусс вышвырнул из здания мошенника-американца, который со своим «русским другом» хотел провернуть некую махинацию на государственном уровне. Мошеннические действия гражданина США Кеннета Стебинса причинили ущерб финансовой системе России в 1,5 млрд. рублей. А ведь это представитель страны, где работает «цивилизованный» рынок...

ВСЕ ВЫШЕ, И ВЫШЕ, И ВЫШЕ...

Надо говорить и о разных «этажах» российской коррупции. Приведенные выше примеры отражают в основном нижний и средние «этажи». Что касается верхних, — то и здесь время от времени появляются прорывы информации. Чего стоит, например, заявление секретаря правительственной комиссии по борьбе с коррупцией М. Гуртового в интервью «Независимой газете» (8.10.92): «В какое министерство сейчас ни приди, главные специалисты, замминистры — по сути, коммивояжеры иностранных фирм. Каждый проталкивает заказ именно той фирмы, которая ему, мягко говоря, симпатична по каким-то причинам». Нельзя не согласиться с М. Гуртовым, и моральное право у него так говорить есть полное: с небольшой группой энтузиастов он смог остановить ряд незаконных трансфертных операций на десятки миллионов рублей (по схеме, описанной нами в статье «Финансовая война», — «Наш современник», 1991, №5); пресечены попытки ликвидационного комитета Минэкономики СССР передать госимущество в СП, а также продажи инофирмам геологической информации, составлявшей ранее гостайну...

Но почему по материалам комиссии М. Гуртового никто из мздоимцев не понес наказания? И почему от него уходят лучшие специалисты, такие, например, как В. Калиниченко — бывший старший следователь по особо важным делам при Генеральном Прокуроре СССР, который в застойное время сумел довести до суда знаменитое дело о коррупции — так называемое «рыбное»?

Газета «Бостон глоб» (30. 09. 92), которой В. Калиниченко дал интервью, пишет, что «сломался» он на делах «о контрабандном вывозе природных ресурсов России, о взяточничестве среди руководителей парламента и деле, к которому причастны высокопоставленные бывшие советские руководители — быть может, и президент М. Горбачев, — о покупке западных товаров на специальные чеки, обеспеченные российским золотым запасом». По словам В. Калиниченко, он собрал все документы, доказывающие экстраординарные примеры коррупции, но российская прокуратура на это никак не отреагировала.

Никто не понес наказания и за грандиозную аферу с чеками «Урожай — 90» (опять чеки!), в которой, кроме небезызвестного А. Тарасова, замешаны и бывший премьер РСФСР А. Силаев, и бывший министр внешнеэкономических связей России В. Ярошенко.

Никого не задев, прошла волна публикаций в германской прессе в августе 1992 года о крупномасштабных аферах и злоупотреблениях представителей командования Западной группы войск в Германии при продаже военного имущества.

По делу о «140 миллиардах» было проведено парламентское расследование. Плохо ли, хорошо ли, но государственный механизм предотвращения крупномасштабной аферы сработал. А что же происходит сейчас?

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Говоря о наказании, мы имеем в виду не только и не столько уголовно-правовые репрессии (хотя отсутствие уголовных дел по вопиющим фактам коррупции характеризует ситуацию как правовой беспредел). В те же застойные годы худо ли, бедно ли, но существовали для кого-то карикатурные, а для кого-то весьма грозные органы КПК (Комитета партийного контроля) и КНК (Комитета народного контроля). Первые выступали как структуры внутренней инквизиции для партийной номенклатуры, вторые — как органы внесудебных репрессий в основном для исполнительной власти и хозяйственников. И в тех, и в других главенствовал принцип разборки — «не по чину берешь». Но он действовал, механизм саморегуляции государства работал, и некоторые «немотивированные» самоубийства и неожиданные инфаркты происходили именно после заседаний КПК или КНК.

Сейчас идет попытка заполнить ниши, образовавшиеся после ликвидации КПК и КНК. Созданы структуры, которые даже по одним своим названиям можно определить как государственные антикоррупционные органы. Это и Контрольное управление Администрации Президента России, и Государственный комитет Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, и Комитет по защите экономических интересов Российской Федерации при Президенте России, и Федеральная служба России по валютному и экспортному контролю. Одновременно созданы мощные подразделения по борьбе с организованной преступностью и коррупцией в МВД и МБ России. Впервые в российской истории принят Закон об оперативно-розыскной деятельности, который снимает все вопросы о правомерности использования специальных методов в борьбе с мздоимством и лихоимством.

Казалось бы, опухоль коррупции должна быть локализована. Да и у правоохранительных органов результативность в борьбе со взяточничеством улучшилась. Но коррупция разрастается и все глубже пронизывает тело российского государства. Выходит, не в законах и структурах дело, а в объективных причинах, которые определяются **типом экономических реформ.** И не случайно, видимо, для спасения от коррупции и мафии в Белоруссии уже с осени 1992 года по существу стали сворачивать «шоковый» вариант рыночных реформ и специальным правительственным постановлением по защите экономических интересов республики ввели монополию государства на продажу за пределами республики цветных и черных металлов; запретили продажу на биржах централизованно распределяемых ресурсов; вновь установили государственную монополию на продажу алкогольных напитков, табачных изделий и пива, производимых в республике и странах СНГ; провели сплошную проверку операций коммерческих банков республики по распределению прибыли, выдачи и использованию кредитных ресурсов в целях пресечения экономических злоупотреблений.

Учиться надо у соседей, которые нашли мужество отказаться от навязанных силовым и мошенническим путем программ МВФ. Смена типа реформ предполагает и смену идеологии «компрадоров» на идеологию государственников. Тогда в полную мощь заработают и законы, и все защитные механизмы. Без этого разрушение экономики, натиск мафии и гниение коррумпированной бюрократии не остановить.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Геополитика

БОРИС ТАРАСОВ

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ

I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Чему учит нас опыт исторического бытия нашего народа? Все Евразийское пространство от Ла-Манша до берегов Тихого океана испокон веков являлось полем перемещения народов, больших масс людей. Основным направлением преимущественно было движение с Востока на Запад. Есть что-то завораживающее и даже магическое в этом периодическом выбросе огромных масс людей из глубин Азии. Несомненно, что это обстоятельство сыграло решающую роль в исторических судьбах славян вообще и русского народа в частности. Много спорят о том, «откуда есть пошла русская земля». Нашу историю пытаются начать с X века н. э. Некоторые вообще ставят под сомнение факт исторического бытия русского народа. К нашей теме уместным будет такое рассуждение. Славяне, как известно, принадлежат к индоевропейской семье народов. История находит в Европе греков, римлян, т. е. ариев уже с начала последнего тысячелетия до нашей эры. В середине этого же тысячелетия Геродот упоминает о землепашцах в долине Днепра. Есть веские основания полагать, что это были праславяне, которые замкнули собою движение ариев в Европу. Но почему такую отсталость мы находим у славян по сравнению с греками, римлянами, даже с германцами? Ответ на этот вопрос нам подсказывает само Евразийское пространство. Периодически нашествия народов «смывали» славян с географической карты, разрушали плоды их материальной и духовной культуры. Но что помогло выстоять, сохранить самобытность, язык?

Видимо — лес. Могучие, труднопроходимые леса укрывали каждый раз под своей сенью уцелевших от резни и погромов людей, остатки племен. Набрав сил, окрепнув, славяне вновь начинали свое извечное движение к теплым морям и странам, на юг и запад.

Наши предки пришли в Европу, замыкая движение ариев, и оказались на восточной окраине ойкумены. По этой причине они первыми встречали нашествия других народов с Востока. Уцелели лишь потому, что каждый раз, откатываясь далеко на север, находили укрытие под пологом могучего леса. Так было после татаро-монгольского нашествия в XIII в., видимо, примерно так же все происходило и при нашествии гуннов. Эти два события разделяли 800 — 1000 лет. Можем ли мы сказать, что все это предмет истории и не имеет сегодня ценности?

Здесь я хотел бы напомнить одно высказывание де Голля, предрекавшего, что конец XX столетия будет знаменоваться войнами не классовыми, а расовыми, национальными. На фоне полыхающих кругом межнациональных войн и конфликтов нельзя с полным спокойствием смотреть на подходящие к критической массе этносы на востоке и юге. Кто даст гарантию, что стремление к пространству, чистой воде, воздуху не приведет народы Востока вновь в движение по проторенной тропе? Конечно, все это достаточно гипотетично. Но и не может быть отброшено как негодный хлам. Анализируя исторический материал, мы должны иметь в виду еще одно важное обстоятельство нашего прошлого. Каждый раз, проходя могучим валом по Евразийскому пространству, очередное нашествие подобно ударной волне оставляло за собой сильное разрежение. Именно этим объясняется характер и масштабы русской колонизации Урала, Сибири, Дальнего Востока. Кроме эфемерных Сибирских ханств русские люди не встречали там сильных государственных образований, мало-мальски заметных городов. Все было сметено предшествующим нашествием. Такой неожиданный «подарок судьбы» в несколько миллионов квадратных километров исторически возложил на государство громадную нагрузку в смысле организации обороны. Впервые мы почувствовали это в русско-японской войне. В последующую эпоху над нами уже постоянно висел призрак войны на два фронта. Не будет преувеличением сказать, что именно громадные расходы на усиление группировки войск и сил на Дальнем Востоке в 60 — 70-х годах послужили одной из главных причин деградации экономики, крушения социальных программ, в значительной мере «съели» доходы от нефтяного экспорта. Именно в этом регионе мы имеем наибольшее количество как явных, так и пока завуалированных территориальных претензий к нам. Очевидно, что задача обороны и удержания этих необозримых пространств потребует очень больших усилий, комплексного подхода.

ТАРАСОВ Борис Васильевич, генерал-лейтенант запаса, родился в 1932 г. в Серпухове Московской области. Закончил Воздушно-десантное училище в 1954 г. и Военно-политическую Академию им. В. И. Ленина — в 1969 г. До ухода в запас служил в Приволжско-Уральском военном округе. Народный депутат России, координатор фракции «Отчизна». Живет в Москве.

Если мы обратим свой взор на Запад, то увидим здесь картину не менее впечатляющую. История соперничества германцев и славян насчитывает уже более тысячелетия. Натиск на Восток (Drang nach Osten) особо усилился после татаро-монгольского нашествия. Ледовое побоище, Грюнвальд, 1812 год, первая мировая и, наконец, Великая Отечественная война — лишь главные вехи этого процесса. Любопытно, что идея завоевания жизненного пространства (lebensraum) на Востоке уже давно владела немецким имперским сознанием, во многом именно она направляла политиков немецких государств, а затем и Германской империи. 1 августа 1914 года, выступая в Рейхстаге при объявлении войны России, тогдашний канцлер империи Бетман-Гольвег прямо указал, что эта война прямое продолжение тысячелетней борьбы германизма с варварским славянством. Еще свежи в памяти страшные деяния германского фашизма, его расовые теории, чудовищный геноцид, устроенный над славянскими народами. Да, национальная катастрофа 1945 года во многом отрезвила немцев. Весь вопрос в том, надолго ли? Так уж получилось, что стремительный взлет, экономическое чудо на фоне наших неурядиц способствует оживлению старых националистических предрассудков. Могут сказать: «Очнись, посмотри открытыми глазами — Германия, немцы изменились неузнаваемо. Страна задыхается от золота и богатства. Идеи свободы и либерализма глубоко проникли в сознание и душу народа. Зачем немцам новые земли, завоевания, связанные с этим беды?» Со всем этим трудно не согласиться. Однако... Не будем слишком простодушны. Все, что связано с сознанием, идеями, представлениями, раз запав в голову, имеет способность через многочисленные превращения вновь появляться, часто внешне изменившись до неузнаваемости. Память подсказывает сразу череду фактов и явлений на этот счет. Тут и особая одержимость, проявленная при объединении Германии. Не является тайной дружная поддержка всеми власть имущими в Германии идеи объединенной Европы. Не вылезает ли здесь из мешка острие пангерманизма, но в новом обличье. Известно, что в Германии уже длительное время существует целая наука, занимающаяся изучением стран славянского Востока, изысканием путей влияния, разработкой основных направлений немецкой восточной политики (ostforschung). В последние годы об ostforschung в нашей стране мало что было слышно. Но с каким блеском проведены операции по расчленению славянских государств Югославии и Чехословакии, как расцвела и стала господствующей идеология украинского национализма, ростки которого были заботливо выращены генштабами Австрии и Германии еще в давние, досоветские времена!

Здесь логично встает вопрос об объединенной Европе. Создание ее — факт несомненно мирового значения. Образуется центр силы глобального порядка. Несомненно, с его возникновением ускорятся процессы интеграции, будет расти, повышаться и так уже высокий жизненный уровень. Все это несомненно вольет в Европу новую энергию, отодвинет ее закат. Но закат в общем-то уже виден. В беспощадной конкурентной борьбе с Америкой и особенно Азией Европа будет все более отставать (здесь не место разбирать причины). Начинается обострение национальных противоречий, снижается рождаемость, наступает «усталость духа». Уже сегодня объединяющаяся Европа настойчиво ищет пути обеспечения своей безопасности на Востоке. Скорее всего она пойдет навстречу просьбам поляков, чехов, румын, прибалтов о приеме в НАТО. При этом будет решаться в интересах Европы целый ряд проблем. Через экономическую экспансию и политические механизмы будут решены вопросы о западных землях Польши, а также о Чешских Судетах. Европа получит неисчерпаемый источник рабочей силы, этнически родственной и послушной. Кроме всего, Европа обретет возможность создать «санитарный пояс», пояс безопасности.

Самый главный вопрос — какова степень угрозы, которую мы можем ожидать с Запада. Думается, что в ближайшие десятилетия Европа органично не будет стремиться к экспансии. Ее усилия будут направлены на обеспечение безопасности, создание мощного защитного пояса, недопущение возникновения крупных государственных образований, ликвидацию невыгодных для Германии итогов II мировой войны. В этом контексте важно выяснить весь комплекс вопросов, связанных с ближним зарубежьем.

II. НАШЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

У нас нет никаких сомнений в наличии мощных центростремительных сил в Восточном славянстве. Поэтому главнейшей задачей Российской внешней политики должно быть стремление к образованию или воссозданию России в исторических границах как минимум в составе славянского ядра. Это снимет многие проблемы и значительно ослабит остроту других. Государство с населением 200—250 млн. человек сможет быть реальным противовесом объединенной Европе. Линия объединенной обороны вновь вернется на исторические рубежи. Объединенное государство будет мощным центром притяжения для восточноевропейских стран. В целом такой вариант развития событий значительно усиливает нагрузку на государство по обороне западных границ. В противном случае все будет выглядеть гораздо драматичнее. Линия государственной границы вернулась бы к эпохе Ивана III. Москва оказалась бы от границы на глубину фронтовой наступательной операции. Что это значит, легко понять, если вспомнить, что все завоеватели подходили к Смоленску уже сильно ослабленными, их наступательный порыв на этом рубеже, как правило, иссякал.

Украина в таком варианте станет едва ли не самым главным источником нестабильности в регионе. Здесь в тугой узел сплелись многие противоречия и напряжения, как внешние, так и внутренние. Исключительно сильным будет ее стремление к великодержавной политике, к объединению с другими странами в целях противостояния России. Может показаться, что это надуманная коллизия. Нет! В обозримом будущем другой украинской политики при господстве националистических сил быть не может. Но эйфория независимости, тем не менее, проходит. Выясняется, что далеко не москали съедали украинское сало. Сильнейшим образом будут проявляться противоречия между «левым и правым берегами Днепра», между православием и униатством, между идеологией славянского

братства и внедренным галицийством. На все это наложатся проблемы Донбасса, Крыма, русских, татар и многое другое. Сильное сопротивление встретит политика насильственной украинизации, стремление строить унитарное государство, силовыми приемами решать сложные политические, социальные и национальные проблемы. В этом свете легко объяснимы стремления Киева к созданию сильной армии, флота, сохранению статуса ядерной державы. В случае усиления нестабильности в России, ослабления ее военной мощи, можно предвидеть реанимацию претензий на «слободскую Украину» и Кубань. Не исключено и скрытое влияние в целях обострения межрегиональных и межэтнических противоречий в самой России. (Вспомним «смутное время»).

Не все просто и с Белоруссией. Республика будет испытывать серьезное антироссийское давление со стороны Польши и Украины. Уже сейчас интенсивно прорабатываются идеи создания Черноморско-Балтийской федерации. Конечно, если Россия будет могущественным и процветающим государством, Белоруссия предпочтет союз с нами. Но если не произойдет возрождение России, Белоруссия может стать на многие годы фактором, значительно ослабляющим всю нашу Западную политику.

Очень запутанной представляется обстановка на Кавказе. За несколько лет потеряны плоды труда многих поколений, ликвидированы итоги многолетних войн, оказались зря пролитыми моря крови и бесполезным принесение на алтарь кавказской политики неисчислимых жертв и затрат. Думается, что все три страны Закавказья потеряны для России. Если внутренние процессы где-либо приведут вновь к желанию вернуться к интеграции с Россией, к этому надо отнестись с большой осторожностью, ибо здесь больше опасностей, чем выгод. Закавказье поглотило за последние 200 лет много сил и энергии России, почти ничего не давая взамен.

Для России выгодней уйти на естественный рубеж Большого Кавказа. Правда, и здесь нас ждут сегодня большие опасности: воинствующий национализм горских народов, крепнущий региональный сепаратизм части казачества — все это требует сильной и гибкой политики. Такой политики мы сегодня не видим. Авторитет России топчут все, кому не лень. Русский человек на Кавказе, впрочем, как и по всему периметру наших границ — гонимое существо. Российская армия на глазах всего мира подверглась неслыханному унижению. В этом районе чуть ли не каждая этническая общность требует себе национальной государственности, со всеми вытекающими отсюда «привилегиями». По-прежнему сюда направляется самый большой поток субвенций. Именно эта политика слабости, заигрывания, уступок искусно используется экстремистскими группами в борьбе за власть. Это же неслыханно вообще в мировой практике — часть государства фактически находится длительное время в состоянии мятежа. Однако никаких мер руководством государства не принимается. Мало того, и в этом году Чечне выделено 3,5 млрд. рублей субвенций, Дагестану — 7 млрд. рублей. Заметим, что в этих республиках самый высокий в России уровень рождаемости. Характерно, что та же Самарская область, задыхающаяся под бременем оборонного комплекса, экологических проблем, получила субвенций всего лишь 0,6 млрд. рублей. Чтобы покончить с подобным положением, надо твердо провести в жизнь принцип: в России — всем жить по одному закону, по одной справедливости.

Таким образом, на Кавказе России предстоит строить границу по перевалам Большого Кавказа. В худшем варианте — по границам Краснодарского, Ставропольского краев, Калмыкии. За пределами этих границ российской дипломатии предстоит очень осторожно и взвешенно вести работу по предотвращению образования коалиций, имеющих целью устранение России из бассейна Черного моря и вообще с Северного Кавказа.

Требует очень выверенного и точного взгляда наша оборонная политика в Средней Азии и Казахстане. Сознание до сих пор отказывается признать образовавшиеся здесь реалии: миллионы русских — за рубежами России. Самарская, Омская, Новосибирская области стали пограничными. Управление Сибирскими и Дальневосточными регионами резко затруднилось.

В последние десятилетия рост численности среднеазиатских народов, развитие их «национального самосознания» привели к всплеску разрушительной энергии. Не будем забывать, что именно в этих районах в XIV веке сформировалась держава Тамерлана. Сегодня здесь образуется колоссальный резервуар энергии и силы, объединенный общей религией с соседними Ираном, Афганистаном, Пакистаном. События в Таджикистане — яркий пример агрессивности этого процесса. Не исключено, что именно отсюда может возникнуть прямая угроза России.

Резонно спросить, что может стать яблоком раздора между нами и этим анклавом нарождающейся силы. Многое. Укажу только на один пример. Вспомним, как настойчиво несколько лет назад раздавались требования отдать воду сибирских рек полям Средней Азии. Не возобновятся ли они со временем? Прибавьте сюда многочисленные призывы изгнать русских, выплатить репарации за разрушения, причиненные в Афганистане.

Особо стоит вопрос о Казахстане. Очевидно, что нынешнее руководство Казахстана хочет строить свое государство как государство казахов. Не допускается даже мысль об автономии проживающего там славянского населения. Однако для Казахстана союз с Россией геополитически необходим. Для России союз с Казахстаном это также приоритетная, жизненно важная задача. Это возможность создать глубокое предполье в целях обороны, это возможность получить относительно дешевый хлеб, минералы, это, наконец, способ спокойного и справедливого решения проблемы русских в Казахстане. Как видим, в союзе равно заинтересованы оба государства.

Политика России в отношении других государств Средней Азии должна быть чрезвычайно осмотрительной, строиться с учетом указанных выше геополитических факторов. Экономически для России здесь представляет интерес главным образом хлопок и некоторые минералы. Не можем мы игнорировать и факт проживания в этом регионе большого числа русских. Наиболее заинтересован в союзе с нами Узбекистан — здесь наиболее интегрированная с Россией экономика. Союз с Россией для узбеков — шанс сохранить равновесие, возможность развития в наиболее оптимальном варианте. Для других республик региона характерно появление новых мощных полюсов притяжения. Для Туркменистана — это Иран, для Киргизии — Китай, для Таджикистана — Пакистан, Афганистан, в целом исламский мир. В то же время в каждом из этих государств сохраняются немалые силы, тянущиеся к России. Мы не вправе отталкивать их. Но при этом мы ни на минуту не должны забывать наши национальные интересы. Нельзя допускать возможности превращения России в безответного донора и заложника. Нельзя без предела расширять наши военные обязательства, с риском вовлечения в многочисленные этнические, религиозные и прочие конфликты. Российская политика должна не допустить образования здесь мощных центров силы. Одновременно следует всемерно содействовать образованию пояса союзных государств. Таким образом, в этом регионе для России приоритетными являются цели установления тесного союза с Казахстаном и близких к этому отношений с Узбекистаном. С остальными государствами Средней Азии надо строить отношения с учетом указанных выше обстоятельств.

Если события пойдут по худшему варианту, то мы можем прогнозировать в недалеком будущем обострение этнического конфликта в Казахстане. Тогда придется решительно встать на сторону русскоязычного населения. Мы добьемся справедливого решения вопроса с национальным самоопределением Казахстана путем создания широкого пояса автономий в его составе или даже, в крайнем случае, их присоединения к России через волеизъявление населения. Хотя этот путь очень нежелателен, но ход событий может поставить нас перед лицом необходимости решения этой проблемы. Политики в обеих странах должны постоянно помнить об этом.

Сохраняет свою актуальность указание М. В. Ломоносова о том, что могущество российское будет прирастать Сибирью. Этот регион — самый крупный обладатель чистой воды, сырья, минералов. Во-вторых, для нас жизненно важно обладание выходом к Тихому океану. Как показывает прогноз, в XXI веке именно сюда, в АТР переместится центр мирового экономического развития. В наличии здесь наших позиций заключена возможность подключиться к этому процессу, быть на уровне требований новой эпохи. Лишь имея эти обстоятельства в уме, можно строить нашу военную политику на Дальнем Востоке.

О Сибири. Надо срочно создавать государственную программу развития этого края. Крайне необходимо, в частности, во что бы то ни стало сохранить «БАМ», обязательно создать транссибирскую автомагистраль. Привлекая иностранный капитал в целях экономического освоения, ни в коем случае не допускать создания территориальных анклавов, заселяемых выходцами из других государств. А голоса в пользу такого варианта, к сожалению, раздаются. Надо постоянно вести работу с Китаем по уточнению границы, установлению ее легитимности, международного признания, предотвращая тем возможные в будущем агрессивные поползновения. Важнейший здесь императив — с Китаем надо дружить, откладывая в сторону идеологические соображения, интересы третьих держав, доводы абстрактно-гуманитарного порядка.

На Дальнем Востоке мы имеем дело с целым рядом партнеров. Помимо Китая важнейшими являются Япония, обе Кореи, Вьетнам. На втором плане Филиппины, Индонезия, Сингапур, Австралия. Важнейший фактор — присутствие США. Здесь налицо сложный клубок интересов, противоречий. Нужна чрезвычайная гибкость, настойчивость, твердость. Российским политикам в отношениях с Японией необходимо изжить синдром вины, ощущение неполноценности. Японцы должны почувствовать, что с нами нельзя разговаривать с позиций силы. Надо раз и навсегда заявить всем: «отдавать» ничего не будем. Надо искать иные пути взаимопонимания — не за счет ущемления интересов и национального достоинства великого народа. Следует снять ограничения на использование иностранных капиталов и технологий в целях разработки природных богатств, развития туризма и т. п. Делать это следует, соблюдая три главных условия: не допускать посягательств на государственный суверенитет и достоинство России; освободить процесс от диктата московских чиновников, дать максимум свободы местным органам власти. В этом плане заслуживает всемерной поддержки деятельность губернатора Сахалина В. Федорова. Приоритетная задача здесь — это защита очень развитой островной и проливной зоны, обширных районов рыболовства. Решение всех перечисленных задач требует сильного военного присутствия России на Дальнем Востоке.

Сделанное здесь даже беглое перечисление военно-стратегических интересов нашей страны показывает, что раскинувшаяся на бескрайних просторах Евразии Россия по-прежнему обречена играть роль одного из важных слагаемых мировой политики. Сознательный уход от этой роли возможен только при условии расчленения государства, потери Сибири, Дальнего Востока, выходов к морям, возвращения в границы Московского Княжества XIV—XV веков. Похоже, что такой вариант имеет много сторонников в нынешнем правительстве России. Но мы верим, что разум, чувство национального самосохранения возьмут верх. Проводники иностранного влияния, разрушители государства будут устранены от руля политики.

Роль великой державы возможна лишь при развитой экономике, высоком уровне благосостояния населения. Это ключевая задача политики. Только при таких условиях Россия станет центром притяжения для других народов. Нынешняя политика обнищания большинства и неправедного обогащения немногих служит опять же расколу общества и государства. Именно поэтому необходимо требовать смены экономического и политического курса правительства. В России есть все необходимое, чтобы в короткий срок стать процветающей страной. Колонизация огромных евразийских пространств, осуществленная русским народом в XIV—XIX веках, не сопровождалась горами скальпов и черепов, как в «богобоязненной» Америке, а привела к созданию уникального естественно-исторического государственного образования, в котором нормой сосуществования народов стал мир. Механизмом, буквально на глазах взрывающим этот естественный плод цивилизации, стала идея национального самоопределения, доходящая до создания национальной государственности. Здесь главная опасность для России, ее территориальной целостности. Поэтому следует решительно выступать за союз народов, против дробления России на множество государств, территориальных образований, против продолжающейся дискриминации русского народа. Укрепление внутренней сплоченности народов России — важное условие ее крепости и процветания.

Наконец, мы должны, если хотим сохранить мощь и силу государства, стабильность общества, сделать все необходимое для резкого демографического скачка. Огромные пространства обезлюдели. Находятся «умники», призыва-

ющие заселить исконно русские земли выходцами из других государств. Создается реальная угроза самой возможности воспроизводства населения.

Необходимо призывать все здоровые силы общества включиться в поиск путей выхода из этой ситуации. Многое может сделать интеллигенция, церковь, все национальные силы. Надо добиваться индексации прожиточного минимума, брать на обеспечение государства детей матерей-одиночек, третьего ребенка в семье (при отсутствии в ней прожиточного минимума), поддерживать молодежь, семью вообще, требовать принятия законов об охране детства и материнства, вести решительную борьбу с пьянством, наркоманией.

И, наконец, последняя по счету, но не по важности задача сохранения научного потенциала России, его способности решить самые сложные научно-технические задачи. Осуществление конверсии, сокращение военных расходов не должны привести к разрушению станового хребта нашей обороны. Таковы, на наш взгляд, главные проблемы внутреннего развития России, от решения которых прямо зависит ее будущее, а также успехи ее военной стратегии.

III. К НОВОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ РОССИИ

Теперь время перейти к чисто военному аспекту рассматриваемой проблемы. Сделанный анализ поможет нам посмотреть на все ее слагаемые более здраво и трезво. В настоящее время идет разработка военной доктрины России. Начато осуществление военной реформы. Точек зрения, подходов к проблеме множество. Бросается в глаза, что тон в дискуссиях задают кабинетные ученые-политологи, конфликтологи, культурологи. Профессиональные военные нередко следуют за модными теориями, некритически оценивают иностранный опыт, выбрасывая за борт богатейший свой, отечественный. Это отражение всеобщего кризиса духа, упадка, потери ориентиров. Необходимо быстрей преодолеть эти пагубные явления. Не надо доказывать, что организация обороны частично евразийского пространства — задача исключительной сложности. Она требует комплексного подхода, использования всех возможностей государства. Рассмотрим некоторые ее аспекты.

Прежде всего необходимо уяснить, что решение задачи обороны России по всему периметру ее границ невозможно без сохранения ракетно-ядерного оружия. Это обстоятельство надо учесть всем российским политикам за исключением тех, которые заведомо поставили себя на службу иностранным интересам. Ракетно-ядерное вооружение — это овеществленная цена за опустевшие русские деревни, за низкий уровень жизни людей, за многое другое. Наш народ слишком дорого заплатил за это оружие, чтобы так легко отказаться от него. Он вправе требовать, чтобы это оружие служило делу его защиты. Мы не можем возражать против сокращения количества этого оружия. Мы за усиление гарантий, в том числе международных, в том, что оно не будет употреблено в целях давления, агрессии, шантажа. Но мы за то, чтобы это оружие в разумных пределах было сохранено, чтобы оно являлось важнейшим компонентом нашей национальной безопасности. Потенциальный противник не должен сомневаться в нашей решимости пустить в ход это оружие. На сей счет должны быть сделаны специальные заявления. Пример такого подхода — Франция. Исходя из этого, ядерное разоружение допускается только до известных пределов. Должны осуществляться мероприятия по модернизации стратегических сил, их защите и обеспечению действий. Должна быть, с учетом экономических возможностей государства, сохранена вся триада стратегических сил. Такой подход дает возможность России в течение ближайших десятилетий надежно обеспечить свою безопасность в предвидении глобальных и региональных конфликтов.

Заслуживает серьезной переоценки роль и место флота в общей оборонной системе России. На период сосредоточения и собирания внутренних сил нам целесообразно уйти из эпицентра мировой политики. Это место должны занять США-Объединенная Европа; США и страны АТР. В свою очередь, это позволит нам отказаться от претензий на господство в мировых океанах, сосредоточить усилия на задачах, не требующих громадных затрат.

Будущее Северного флота видится в качестве важной части ядерных сил, прежде всего подводных, как фактора, обеспечивающего безопасность всего необозримого северного побережья вплоть до Берингова пролива. Следует решительно отказаться от оружия и содержания сил, предназначенных для действий на океанских просторах, борьбы на дальних коммуникациях. Автору этих строк и ранее решение этих задач представлялось заведомо обреченным на неудачу, ввиду явного неравенства сил. В случае конфликта исход борьбы на коммуникациях был бы для нас менее благоприятным, чем для Германии в 1942 — 1944 годах.

Самым мощным флотом России со временем должен стать Тихоокеанский флот. Если мы хотим активного присутствия в АТР, если хотим, чтобы нас здесь признавали и уважали, мы должны держать здесь мощный флот. Флот должен иметь достаточно сил для охраны побережья, обороны проливных зон, островов, для выполнения десантных операций, защиты экономических интересов государства.

Россия усилиями собственных политиков почти вытеснена из акваторий Балтийского, Черного, Каспийского морей. Хорошо, если события пойдут по оптимальному варианту и удастся сохранить Черноморский флот. В любом случае объем оперативных задач, возможности базирования сократились настолько, что речь может пойти о преобразовании этих когда-то прославленных флотов во флотилии ограниченного состава.

Россия — это прежде всего огромный массив суши. Поэтому сухопутные войска исторически были центром и основой ее Вооруженных Сил. Сейчас идет много дискуссий о возможном характере их развития. Люди, зачастую не знающие элементарных вещей, берутся за разработку основ военного строительства, активно внедряют чуждые нам — исторически и психологически — начала в организацию войск, систему комплектования, организацию снабжения, тыла и т. д. Хотелось бы по этим направлениям поделиться своими соображениями.

Все наблюдатели давно уже отмечали как сильную сторону русских войск умение действовать в коллективе большими массами, проявляя при этом большую стойкость и пробивную способность. В этом проявлялась национальная особенность русских — строить свою жизнь, практическую деятельность на общественных началах, в общине. Опыт последней войны показал, что эти достоинства в основном удалось сохранить. Поэтому, видимо, будет правильным сохранить структуру, как говорил Наполеон, «больших батальонов». Принятое Министерством Обороны России решение переходить на бригадную систему будет означать дробление подразделений и представляется ошибочным. Хотя бригада, как форма организации войск, бесспорно должна найти свое место.

Наконец, одна из самых больных точек в строительстве нашей армии — это вопрос о качестве офицерского состава. Уже давно военные наблюдатели отмечали высокое качество солдата, низкие организаторские способности у офицеров и никудышные у генералитета. В этом несомненно есть доля преувеличения, но есть и доля правды. В горниле Великой Отечественной войны были закалены превосходные кадры, к руководству войсками пришли талантливые командиры и полководцы. Однако в 50-е и 60-е годы в ходе многочисленных сокращений из армии были уволены многие носители боевого опыта и лучших традиций офицерства. Была фактически оборвана связь поколений. В последующем бесправие, социальная незащищенность, отсутствие условий для нормальной службы отрицательно влияли на моральное состояние и уровень профессиональной подготовки основной массы офицеров. Государство должно осознать, что хорошо подготовленное и воспитанное офицерство, социально защищенное, имеющее материальное обеспечение, высокий профессиональный уровень — это основа оборонной мощи государства. На этом участке экономить нельзя. Одновременно следует выработать и осуществить критерии оценки морально-бытовых качеств и профессиональной пригодности офицеров. Офицер, в хорошем смысле, должен быть «штучным товаром», только в этом случае он оправдывает расходы на его подготовку и содержание. Здесь уместно сказать, что предстоит большая работа по освобождению военного мышления от многих мифов и отживших стереотипов. Один из них «танковый фетишизм». Успехи танковых войск немцев в последней войне наложили глубокий отпечаток на сознание командных кадров и военных теоретиков. Даже тогда, когда новые виды вооружения позволяли в считанные минуты сжигать целые танковые дивизии (как это неоднократно случалось во время арабо-израильских войн), главные надежды возлагались на применение больших масс танков.

Чрезвычайно актуальным представляется вопрос строительства сухопутных войск. Важнейшим их звеном явятся войска быстрого реагирования, основу которых составят аэромобильные соединения. Для защиты государственной границы на наиболее ответственных участках потребуются «тяжелые», чрезвычайно сильные в огневом отношении войска (раньше их называли крепостными). Но по моему глубокому убеждению, базу Вооруженных Сил России должны составить войска второй линии, личный состав которых в основном находится в запасе. Боевая техника, вооружение, транспорт для этих соединений имеются в наличии. Офицерский состав будет содержаться в них в очень ограниченном количестве. Личный состав периодически будет проводить учебные сборы в специальных учебных центрах. Системой законодательных, экономических и организационных мер необходимо избавить эти соединения от пороков, присущих нынешним кадровым соединениям. Реалии геополитической ситуации, евразийского пространства в любой, самый неожиданный момент могут потребовать от России развертывания массовой, хорошо оснащенной армии. В этом уникальность нашего положения. На это, можно сказать, мы обречены.

Сделаем краткие выводы. Главное звено нашей оборонной стратегии на ближайшее десятилетие — ракетно-ядерное оружие. На случай невозможности применения этого оружия или противоборства с многочисленными армиями необходима база для развертывания массовых Вооруженных Сил. Для действий в «горячих точках» необходимы войска быстрого реагирования. Для защиты границы на наиболее ответственных участках необходимы «крепостные» войска типа укрепленных районов. Основные усилия оборонительной стратегии государства должны быть направлены на защиту европейской части страны. На Среднеазиатском направлении — на создание глубокого предполья, организацию совместной с союзниками системы коллективной обороны, противодействие попыткам создать здесь враждебные нам центры силы.

В журнальной публикации невозможно охватить все аспекты столь обширной темы, которая явилась предметом данной статьи. Автор не претендует на категоричность своих суждений, но надеется, что его мысли и рассуждения могут оказаться полезными для всех, кто задумывается о судьбах Родины, для тех, кто сегодня практически должен заниматься делом ее защиты.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В. ВЕСЕЛОВ, Д. ЕВСТАФЬЕВ, П. СКОРОСПЕЛОВ

РОССИЯ В ЭПОХУ «СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ»

Кажется, что история идет по кругу. В 80 — 90-е гг. XX столетия повторяется коллизия его первых десятилетий, когда зримо проявился великий раскол в русском обществе, зародившийся в эпоху безвременья николаевского царствования. Характеризуя подобные эпохи, ныне покойный профессор Л. Н. Гумилев писал, что острота ситуации и связанный с ней накал страстей определяют стремление к радикальным решениям. Одни видят идеал в возврате к «старому доброму времени», а другие — в цивилизованной жизни, наблюдаемой за «бугром». Все понимают, что надо жить иначе, но каждый предпочитает заставить другого жить иначе, а не искать компромисса.

Сумеем ли мы разорвать этот порочный круг? Положение порой кажется безнадежным... Но отчаиваться рано. Чтобы использовать свой шанс на спасение, достичь «золотой осени» цивилизации, необходима трезвая стратегия, основанная не на абстрактных теориях, а на здравом смысле, учитывающая исторический опыт народов, населяющих нашу великую страну. И прежде всего необходимо обрести вновь «геополитическую ориентацию в пространстве и во времени», утраченную значительной частью нашего общества под влиянием разочарования в неоправдавшей себя идеологии.

В начале века, в тот самый момент, когда П. А. Столыпин, провидческим оком углядевший то состояние надлома, в котором находилась Россия, говорил, что надо хотя бы четверть века прожить без войны, чтобы выросло новое поколение крепких хозяев, геополитические иллюзии втянули страну в ненужную, гибельную для нее мировую войну. И сейчас, уже на излете столетия, когда положение во сто крат тяжелее, чтобы не повторить старых и в нынешних условиях фатальных ошибок, никак не обойтись без того, чтобы с «высоты птичьего полета» не обозреть всю панораму происходящих в мире событий, пытаясь понять, где тот единственно правильный курс, который сулит России спасение в эпоху «Сражающихся Царств» — ибо именно так, с периодом Чжаньго («Сражающихся Царств»), наполненным ожесточенной борьбой между государствами древнего Китая за гегемонию в «Поднебесной», сравнивают грядущую эпоху современные китайские аналитики.

На рубеже 80 — 90-х гг. окончилось наложившее свой недобрый отпечаток на всю историю XX столетия противоборство двух претендовавших на всемирность идеологических систем: западной концепции «общества материального изобилия», основанной на обожествлении технического прогресса, и порожденной ею религии «светлого будущего». С крушением коммунизма и последовавшим за ним «самоубийством Советского Союза» — главный конфликт XX века оказался исчерпанным.

Однако эйфория от наступившей победы охватила далеко не всех на Западе. Трезвомыслящая часть американской элиты ясно отдает себе отчет в том, что исчезновение старой угрозы, которая в образе могучей «империи зла» на протяжении десятилетий цементировала единство западного мира, ставит под вопрос дальнейшее существование Великой антикоммунистической коалиции США, Западной Европы и Японии.

Чтобы разобраться в сути дела, посмотрим на нынешнее состояние Америки. Оно характеризуется во многом парадоксальной ситуацией. С одной стороны, за годы «холодной войны» возникла и процветает подлинно мировая империя американского капитала, не вписывающаяся в рамки национальных границ США, рост которой в настоящее время все в большей степени идет независимо от метрополии. Американский капитал в нынешнем столетии проник в экономики многих стран мира. Прямые инвестиции, дающие материнским фирмам контроль над зарубежными предприятиями, позволили создать обширную сеть филиалов американских корпораций, совокупный оборот которых в середине 80-х гг. составлял 1,5 трлн. долларов, то есть в 2 — 3 раза больше ВНП таких стран, как ФРГ (до присоединения ГДР) или Франция. Реализуемая за пределами метрополии товарная масса равна 80 — 90% от внутреннего производства США. По стоимости товары, производимые американскими транснациональными корпорациями (ТНК), составляют 40% мировой торговли. Под контролем американского капитала находится мировая торговля нефтью, морской транспортный флот, мировой рынок продовольствия.

Однако, несмотря на колоссальный производственный потенциал «второй экономики» США, она представляет собой лишь верхушку айсберга. Куда более важную роль в структуре Pax Americana играют банки, подчинившие себе после второй мировой войны кровеносную систему мировой экономики — мировые финансы. Имеющиеся косвенные данные позволяют лишь обобщенно судить о степени их могущества. Так, например, в общей сумме прибылей от зарубежных активов, что составляло около 180 млрд. долларов в середине 80-х гг., на долю доходов от прямых инвестиций приходилась лишь третья часть. Две трети падало на деятельность финансового капитала.

Проникновение американского капитала в хозяйство многих стран мира в сочетании с контролем за мировой торговлей, транспортной и финансовой системой позволяет США удерживать в своей орбите даже те государства, которые на первый взгляд успешно конкурируют с американским бизнесом. Так в контексте отношений между японским и американским капиталом картина несбалансированности японо-американской торговли выглядит следующим образом: стоимость экспорта из Соединенных Штатов и продукции, произведенной филиалами американских ТНК в Японии и третьих странах, значительно превышает стоимость японского экспорта в США.

Процветание «второй экономики» США соседствует с прогрессирующим упадком их «внутренней экономики». По сути, она послужила трамплином для строительства мировой империи американского капитала. Проведение глобальной геополитики потребовало таких затрат при одновременном поддержании привычного для американцев высокого уровня жизни, что это в конце концов привело к закономерному итогу: истощению внутренних резервов роста экономики и катастрофической нехватке нормальных бюджетных поступлений для покрытия государственных расходов. В результате США вынуждены во все возрастающем объеме импортировать иностранный заемный капитал — порядка 90 — 100 млрд. долларов ежегодно в 80-е годы, то есть около 9% сбережений капиталистического мира. Такое положение таит в себе серьезную угрозу для дальнейшей судьбы Pax Americana, ибо наличие мощного центра, способного поддерживать стабильность в этой невиданной в истории мировой империи, не давая прерваться крупным потокам товаров, ресурсов и капиталов, циркулирующих между входящими в систему странами, — абсолютно необходимо для выживания этой жесткой конструкции.

Одним из наиболее серьезных признаков намечающегося — для американцев неблагоприятного — развития событий стало возрождение во второй половине 80-х гг., казалось бы, давно утраченного интереса к строительству трансконтинентальных евроазиатских коммуникационных систем. Прежде всего речь идет о проекте создания целой сети взаимно стыкующихся трансазиатских магистралей: трассы Стамбул — Тегеран — Дели — Бангкок — Сингапур с железнодорожным паромом Сингапур — о. Ява; Пекин — Урумчи — Дружба — Актогай (далее через Среднюю Азию и Иран до Стамбула). И наконец, еще севернее проходит знаменитая Транссибирская магистраль. Фактически можно говорить о возрождении «Великого шелкового пути», который объединит в единую сеть железные дороги практически всех стран Азии и соединит их с Европой и Африкой. И, что особенно важно, экономические оценки свидетельствуют о том, что по срокам и эксплуатационным затратам железнодорожные перевозки более целесообразны, чем морские.

Политико-экономический вывод из этого был сделан еще в начале нашего века известным британским геополитиком Х. Макиндером. С его точки зрения, широкое развитие трансконтинентальных железнодорожных магистралей с неизбежностью приведет к вытеснению торговли морских держав из континентальных районов. Это означает, что контроль американского капитала за международным судоходством и господство ВМС США в Мировом океане утратит свое значение, а «вторая экономика» США, вернее та ее часть, которая размещена на «Мировом острове»[1], окажется отрезанной от метрополии, и филиалы американских ТНК должны будут в одиночку противостоять натиску местного капитала, поддержанного национальными правительствами.

Дробление функциональных основ «Pax Americana», таких, как господство морской торговли и существование единого мирового рынка, соседствует с процессом выделения «Мирового Острова» в достаточно обособленную хозяйственную целостность, связанную воедино возрождающимся «Великим шелковым путем». Причем на большей части пространства «Мирового острова», куда неуклонно смещается центр мирового экономического развития, господствуют, напротив, интеграционные процессы, свидетельством чему и являются проекты трансконтинентальных коммуникационных систем. Но не только они.

За последнее время мы стали свидетелями «второго издания» оси Берлин — Токио, на этот раз в экономическом варианте в виде союза между западногерманским концерном «Даймлер-Бенц» из группы «Дойче Банка» и крупнейшей японской финансово-промышленной группой «Мицубиси», а также рядом других крупнейших немецких и японских корпораций. Параллельно с этим идет интенсивный процесс строительства региональных экономических комплексов в Восточной Азии и Западной Европе.

Проекты строительства трансазиатских коммуникаций, процесс регионализации мирового хозяйства и союз между двумя мощнейшими экономиками мира надо рассматривать кроме всего прочего в свете глобальных тенденций в развитии мировой экономики. С точки зрения кондратьевской теории «длинных волн» в развитии мирового хозяйства, на конец XX века приходится период нисходящего цикла, характеризующегося значительным сужением мирового рынка (как правило, в то же время происходит структурная перестройка мирового хозяйства, смена оборудования, подготовка к новому технологическому рывку, смена модели роста и т. п.). В этих условиях единственным крупным резервом роста в мировой экономике станет процесс формирования трансконтинентального транспортно-экономического комплекса, включая развитие портово-железнодорожных «полюсов индустриализации», расположенных на протяжении «Великого шелкового пути».

Неблагоприятные тенденции в развитии мировой экономики, которая впервые с 1945 г. переживает глобальный спад производства и дефицит главного источника роста — свободных капиталов (неудовлетворенная потребность по кредитным ресурсам в текущем десятилетии будет составлять, по оценке банка «Морган стенли», 200 млрд. долл. ежегодно), уже отразились на экономическом положении метрополии Pax Americana. Приток иностранного капитала в США в размере 166 млрд. долл. в 1987 г. сменился только за первое полугодие 1991 г. оттоком в размере 52 млрд. — как следствие того, что свободные финансовые средства двух главных мировых «денежных мешков» — Германии и Японии — нашли себе иное применение, нежели финансирование военно-политической гегемонии США. В случае с Германией — значительная часть немецких сбережений оказалась поглощенной объединением страны. А избыточный капитал Японии устремился из Северной Америки в Восточную Азию, где в рамках «стратегии комплексной безопасности» интенсивно строится «иеновый блок». Это означает, что во время борьбы за удержание позиций на «Мировом острове» метрополия не будет располагать финансовыми ресурсами для экономической и военно-политической поддержки «второй экономики» США в Европе и Азии. Это сулит неминуемый проигрыш и оттеснение американского капитала в границы Западного полушария. Оценивая такую перспективу, Дж. Най из Гарвардской школы управления мрачно констатирует: «Мы будем заперты в самом бедном регионе (мира. — Авт.) с самыми низкими темпами роста».

Отсюда следует, что поскольку могущество Америки поддерживается в настоящее время не столько энергией ее народа, сколько инерцией накопленной техноструктуры, причем зависящей не от национальной, а от глобальной минерально-сырьевой базы (США потребляют около трети сырья, производимого в мире), то лишить Соединенные Штаты возможности «потреблять» в прежних объемах — значит разрушить весь архетип американской цивилизации, ибо жить по средствам Америка не может.

Понятно, что допустить подобное развитие событий американская элита никак не могла, первым подтверждением чему стала война в Персидском заливе. Если, оценивая ее результаты, рассматривать конфликт как один из эпизодов многоходовой партии за гегемонию в мировом масштабе, разыгрываемой американской элитой, то можно говорить о достигнутом США тактическом успехе, который при определенном стечении обстоятельств грозит обернуться стратегической катастрофой. Ибо изначально американским интересам более соответствовала бы не война, а возможно более длительное состояние напряженности в Персидском заливе — своего рода «локальная холодная война», которая, не подвергая американцев испытанию ведением кровопролитных боевых действий, вместе с тем требовала бы присутствия в регионе американских войск.

Если добавить к этому, что в 1989 г., по данным «Вашингтон Пост», Европа получала из Персидского залива 47% потребляемой нефти, а Япония — 63%, то становится очевидным, что с учетом ограниченного военного потенциала даже таких «экономических сверхдержав», как Япония и Германия, не говоря уже о менее крупных европейских и азиатских странах, — любое длительное состояние нестабильности в этом ключевом для развития мировой экономики регионе вынуждало бы все эти государства продолжать всемерно поддерживать военно-политическую гегемонию США в мире.

Однако развитие событий с начала осени 1990 г. спутало все карты США. Восприятие иракского лидера как нового Салах ад-Дина, в одиночку бросившего вызов нововявленным крестоносцам, угрожало, в случае затягивания конфликта, дестабилизацией политической ситуации в союзных американцам государствах, например, в Саудовской Аравии или Египте. Так же весьма вероятно, что Токио и Берлин, чья реакция на кризис, не в пример многим, оказалась весьма сдержанной, отказались бы финансировать затяжную войну[2]. Такое развитие обстановки давало иракскому руководству реальный шанс в союзе с Иорданией и Йеменом образовать мощный военно-политический блок, буквально «обреченный» на гегемонию в регионе.

Таким образом, начало Соединенными Штатами боевых действий явилось вынужденной реакцией на неблагоприятное развитие политической ситуации, прежде всего на региональном уровне. Это привело к срыву варианта «мягкой стабилизации» центробежных тенденций в Pax Americana, предполагавшего за счет использования стратегии «управляемого кризиса» сплотить мировое сообщество против «угрозы» со стороны «диктаторского режима С. Хусейна» — противника слабого и потому не опасного.

События конца прошлого — начала нынешнего года показывают, что США заняты интенсивным строительством нового «железного занавеса», призванного «сдерживать экспансионистские замыслы исламских фундаменталистов», угроза со стороны которых заслонила ушедшую в небытие «коммунистическую угрозу» и сменившую ее на короткий миг «угрозу со стороны диктаторского режима С. Хусейна». Это свидетельствует о том, что «Мир Ислама» и примыкающие к нему регионы (Кавказ, Средняя Азия) продолжают оставаться центральным звеном, обеспечивающим выполнение американского плана «нового мирового порядка». И это не случайно.

«Поле боя» новой «холодной войны» уже давно освоено США — ибо еще с начала 1970-х гг. экономический, политический и идеологический узлы (начиная от первого нефтяного шока 1973 — 75 гг. и кончая «исламской революцией» в Иране в 1979 г.), затягиваясь все туже, превратили Ближний Восток в одно из ключевых звеньев глобальной геополитики США[3]. Причин тому несколько. Первая из них лежит буквально на поверхности: Ближний Восток, а точнее район Персидского залива, удовлетворяет четвертую часть мировых потребностей в нефти и здесь расположено 66% ее разведанных запасов. Стратегическая важность этого региона в мировом балансе сил очевидна.

Однако при этом, как это отмечается многими компетентными наблюдателями, правящие политические элиты в странах региона малочисленны, имеют узкую социальную базу и по доминирующему среди местной общественности представлению

ВЕСЕЛОВ Василий Александрович родился в 1962 году. Окончил МВТУ им. Баумана.
ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадьевич родился в 1966 году. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. Младший научный сотрудник отдела военно-политических исследований Института США и Канады АН РФ.
СКОРОСПЕЛОВ Петр Петрович родился в 1967 году. Окончил исторический факультет МГУ. Научный сотрудник кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ.

[1] «Мировой остров» — геополитический термин. Ядро «Мирового острова» составляет Евразия или Хартленд (от Печорского бассейна и Восточно-Сибирского моря на севере до Каспийского моря и Байкала на юге), которая окружена «внутренним поясом приморских стран», включающим в себя побережье Европы, Ближний и Средний Восток и муссонные страны Африки

[2] По данным газеты «Вашингтон Пост», 88% всех расходов на войну до 1 января 1991 г. финансировали Германия, Япония, Саудовская Аравия и Кувейт, причем предполагалось, что они возьмут на себя значительную часть расходов и в дальнейшем (The Washington Post, 3.03.1991).

[3] Косвенным подтверждением чему может служить строительство американцами в 80-е годы Саудовской Аравии и на саудовские деньги автоматизированной системы ПВО, аналогичной НОРАД в Северной Америке и НЕЙДЖ в Западной Европе.

сохраняют власть лишь благодаря поддержке Запада. Это является второй причиной, по которой регион Ближнего Востока является на протяжении последних 20 лет постоянной головной болью правящих кругов США. Ибо внешняя слабость режимов, продемонстрированная серией проигранных арабо-израильских войн, соседствует с бурным ростом исламской активности в этих странах, которая пока еще концентрируется на их внутренней жизни. Ибо, как заметил американский исследователь Б. Льюис: исламские традиционалисты «делят... врагов на две категории: внешние и внутренние. Внешний враг представляет неисламский мир... Но для революционеров первым и главным является враг в самом исламе». Таким образом, до поры до времени основные силы уходят на создание т. н. «контркультуры», и потенциал внешнего эффекта исламского взрыва оказывается ограничен. Но коль скоро «внутренний враг» уничтожен, неизбежен сильнейший выплеск активности вовне, как это случилось после победы ислама в Иране.

В настоящее время, спустя более 10 лет после иранской революции, воинствующий ислам вновь пришел в движение, преображая повседневную жизнь в странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, в Средней Азии и бросая вызов правящим режимам на всем протяжении «Благодатного полумесяца». В Алжире приход к власти исламистов, выигравших всеобщие выборы, был остановлен лишь военной силой. В Судане они уже находятся у власти, и, что особо примечательно, растущие связи между Ираном и Суданом свидетельствуют о преодолении исторического раскола между шиитами и суннитами. Сильны позиции исламистов и на Среднем Востоке — в Пакистане и Афганистане. Даже в «благополучном», вестернизированном Египте около 5 млн. египтян входят в различные религиозно-политические организации, связанные с «братьями-мусульманами». Об усилении активности исламской «контркультуры» свидетельствует и поддержка Ираном боснийских мусульман, а также непосредственное участие моджахедов из Саудовской Аравии, Туниса и Афганистана в югославской войне.

После распада СССР эта волна докатилась и до Мавераннахра — традиционного, наряду с Кавказом, пограничья между «Миром Ислама» и Евразией. То, что происходит сейчас в Таджикистане, — не просто борьба за власть между кланами и тем паче не столкновение между «демократами» и «партократами». Точнее было бы назвать это начальным этапом исламской революции. Начавшись со сравнительно легкого разрушения постсоветских структур власти, она чем дальше, тем больше приобретает черты непримиримого столкновения между сторонниками и противниками создания исламской теократии в Таджикистане.

Ситуация еще не кристаллизовалась — старые коалиции, образовавшиеся в период борьбы за передел «коммунистического наследства», еще окончательно не распались. В первую очередь это относится к бывшей антинабиевской оппозиции: брак по расчету между исмаилитами-памирцами и таджикскими демократами (апологетами зороастризма и технократической цивилизации Запада), с одной стороны, и исламистами из ИПВ, с другой, — вещь слишком противоестественная, чтобы этот союз был долговечен. Грядущее столкновение внутри оппозиции неизбежно, как неизбежно и то, что из него исламисты выйдут еще более окрепшими, вытеснив своих бывших союзников на политическую периферию.

Накал страстей в Таджикистане, о чем свидетельствуют уже тысячи погибших, неумолимо ведет к втягиванию в раздираемую республику гражданскую войну соседних государств, и прежде всего Узбекистана, который потенциально является кандидатом 2 на исламскую революцию в Средней Азии. Ташкент уже сейчас активно поддерживает кулябцев — главную опору противников теократии в Таджикистане. Следует отметить, что участие Узбекистана в этом конфликте, вероятнее всего, пойдет не по линии противостояния между таджиками и узбеками. Водораздел, как и в соседней республике, пройдет между сторонниками и противниками теократии, на которых расколется Узбекистан после того, как свое веское слово скажет Ферганская долина — этот могучий оплот исламизма в Средней Азии.

Другим активным участником конфликта становится Тегеран: таджики традиционно ориентированы на Иран, и идея «Великой Персии» весьма популярна во всех слоях таджикского населения. С иранцами (как, впрочем, и с «братьями-мусульманами») активно поддерживает контакты и истинный вдохновитель и организатор свергнувшей Р. Набиева оппозиции — кази-колон Хаджи Акбар Тураджонзода. Одним словом, совсем не случайно победа оппозиции была расценена в соседних государствах как приход к власти в Душанбе проиранских сил.

Есть еще три потенциально активных участника разворачивающихся в Мавераннахре событий — это Россия, Китай и Турция. (Пакистан не сможет стать активным участником этих событий до тех пор, пока сильны будут позиции Хекматиара в Афганистане). Но об их роли мы поговорим особо, прежде выяснив до конца ту функцию, которую осуществляет исламский фундаментализм в разыгрываемой американской элитой «шахматной партии». А для этого нам придется еще раз вернуться к итогам холодной войны. Ее ход трактуется американскими стратегами и аналитиками совершенно однозначно: холодная война окончилась поражением одной стороны и победой другой. Советский Союз развалился и то, «что не так давно было грозной сверхдержавой, сейчас все более переходит под фактическую западную опеку».

Если бы все было именно так, то это снимало бы для американцев многие проблемы. Ибо в тот самый момент, когда центр мирового экономического развития перемещается на «Мировой остров», контроль за Хартлэндом приобретает ключевое значение, подтверждая пророчество Х. Макиндера о том, что тот, кто правит Хартлэндом, управляет «Мировым островом», а кто правит «Мировым островом» — господствует в мире. Это и понятно: благодаря своему центральному положению Евразия контролирует трансконтинентальные транспортные магистрали, одновременно являясь богатейшей кладовой природных ресурсов. Если добавить к этому колоссальный промышленный потенциал, то, с точки зрения параметров развития индустриальной цивилизации, Евразия сегодня — это Америка начала века. Причем в новых условиях роль самих Соединенных Штатов, исчерпавших свой психологический и экономический потенциал, будет неизбежно падать.

Именно на понимании логики развития индустриальной цивилизации, на стремлении утилизовать огромный имеющийся потенциал техносферы и строят свои расчеты все наследники «старого режима» в СССР — от открытых неокоммунистов до чистых «атлантистов»-западников. Причем надо прямо сказать, что стратегия интеграции в «мировое хозяйство», предложенная последними, выглядит с этой точки зрения наиболее убедительной. Ибо внутренних средств на модернизацию или хотя бы просто на поддержание существующей техносферы в разоренной стране нет. И взять их неоткуда, кроме как на мировом финансовом рынке.

В то же время экономическая элита Америки, которая как раз и контролирует те рычаги, которые управляют мировыми денежными потоками, — представлена прежде всего финансовым капиталом, по природе своей космополитичным и имеющим склонность перемещаться туда, где создаются оптимальные, в стратегической перспективе, условия для его роста. Если добавить, что средоточие могущества американского капитала вне финансовой сферы тоже все в большей степени концентрируется за пределами Соединенных Штатов, и принять во внимание ключевое значение Хартлэнда — этой, по словам Макиндера, «осевой области мировой истории» — в складывающемся новом мировом балансе сил, то перспектива смены центра развития мирового хозяйства не представляется совсем уж невероятной.

Если события будут развиваться именно в этом направлении, то новые тенденции в развитии геополитической обстановки после окончания холодной войны — рост влияния исламизма и перемещение центра мирового экономического развития на «Мировой остров» — не представляют для американской финансовой элиты опасности. Контроль за Хартлэндом и следование Турции в фарватере американской политики означают, что в руках американского капитала будут находиться ключи к мощнейшей индустриальной экономике мира (через инвестиции и передачу технологий) и к трансконтинентальным транспортным артериям (через политическое влияние в России и влияние Турции в Средней Азии).

Любопытно отметить, что появление в середине 60-х годов интереса к созданию трансазиатских коммуникаций было обусловлено последствиями арабо-израильской войны 1967 г. и последующим закрытием Суэцкого канала. Считалось, что наличие железнодорожного и автомобильного сообщения между европейскими и азиатскими странами (через Турцию и Сирию), более короткого, чем путь через Суэцкий канал и тем более через Атлантику и мыс Доброй Надежды, сделает евроазиатские торгово-экономические отношения независимыми от политической нестабильности на Ближнем Востоке.

Таким образом, наличие трансконтинентальных коммуникаций и возможность переключить снабжение индустриальных экономик мира с ближневосточной на евразийскую нефть как бы отбрасывают главный источник нестабильности современного мира — исламский фундаментализм — на обочину мировой истории. Новый «железный занавес» отрежет «Мир Ислама» от мирового хозяйства — как это в свое время произошло с СССР, после чего воинствующий ислам, сжатый тисками новой структуры сдерживания, раскалываемый извне точечными ударами психологической войны, будет предоставлен возможности рассыпаться сам собой под гнетом внутренних противоречий. Такова логика новой стратегии сдерживания.

Главное на этом пути — плавное преодоление переходного периода. А вот тут американцев подстерегают большие опасности. Среди аналитиков стало уже общим местом уподоблять исход холодной войны таким событиям, как поражение наполеоновской Франции в 1815 г., кайзеровской Германии в 1918 г. или нацистской Германии и милитаристской Японии в 1945 г. Поражения такого масштаба часто ведут к длительным периодам политической нестабильности в проигравшей стране. Причем в данном случае речь идет не просто о крушении СССР, а фактически о развале просуществовавшей не одно столетие великой Российской империи, — непутевым наследником которой, промотавшим незаслуженно доставшееся ему богатство, был Советский Союз. Масштабность происшедшего свидетельствует о том, что переходный период, — «прежде чем осядет пыль», — будет более трудным и намного более продолжительным, чем «реконструкция» Германии и Японии после 1945 г. Признается весьма вероятным и то, что вслед за крушением СССР и единство собственно России окажется под вопросом и, например, «у дальневосточных провинций... появится искушение создать собственную сепаратную западно-сибирскую республику».

Что это сулит для нынешних вершителей судеб мира из дома Морганов, клана Рокфеллеров, финансовых групп «Ситикорп», «Мануфекчурерс Ханове Траст»? А ничего хорошего! Иран, выдержав изнурительную войну, стремительно восстанавливает силы и уже активно пополняет свои изрядно поредевшие за время войны с Ираком арсеналы, вновь претендуя на роль политического и духовного лидера исламского мира. Еще во времена шаха иранцы вынашивали планы превращения Персидского залива в «Персидское озеро». И не исключено, что удар будет нанесен именно здесь — ведь ослабевший Ирак не сдержит натиска персов. А в это самое время объем добычи нефти в России сокращается каждый месяц, и, по расчетам, менее чем через два года — к началу 1995 г. — объем ее добычи упадет до минимального уровня внутренних потребностей. Впрочем, экспорт нефти может прекратиться и раньше по политическим причинам — вследствие распада России.

Из этого следует, что два крупнейших в мире поставщика энергоресурсов — Ближний Восток и Россия — могут выбыть из игры, причем одновременно. Последствия этой катастрофы несложно себе представить — современная промышленная цивилизация просто рухнет — ибо без нефти станет невозможен тот образ жизни, к которому так привыкли жители индустриальных государств: невозможным будет существование колоссальных урбанистических агломераций, в которых проживает основная масса населения этих стран. Транспортные артерии — эти нервы мирового рынка — будут парализованы. 400 млн. автомобилей, 80% которых приходится на долю т. н. промышленно развитых стран, и 70 тыс. морских судов, которые вместе пожирают 55 — 60% всех производимых в мире нефтепродуктов — превратятся в металлолом.

В первом приближении такое развитие событий мало затронет США (Америка получает лишь около 10% импортируемой нефти из Персидского залива и вовсе не вывозит ее из Евразии, в то же время располагая собственными значительными запасами нефти и доступом к месторождениям в Мексике и бассейне Карибского моря). Главный удар придется по Западной Европе, Японии и части новых индустриальных экономик Азии, промышленность которых будет парализована. При более внимательном анализе последствия этой гипотетической катастрофы для американской элиты выглядят значительно менее благоприятными. Паралич мировых промышленных центров неизбежно приведет и к разрушению мирового рынка, а вместе с ним и к гибели части «второй экономики» США, расположенной на «Мировом острове». Это будет означать полное крушение Pax Americana и оттеснение американского капитала в границы Западного полушария. В дополнение ко всему Америка окажется отрезанной от многих жизненно важных источников сырья и импорта. Короче говоря, это будет повторение Великой депрессии 30-х гг., только в еще более жестком варианте, и в условиях, когда «вписанность» американской экономики в мировое хозяйство выросла на несколько порядков. И, что может быть хуже всего, страны ЕЭС во главе с Германией, а также Япония и азиатские «драконы» могут предпочесть катастрофе уплату «дани» исламистам (в виде «справедливой», скорее всего более высокой, чем ныне, цены на нефть).

Американские политики и бизнесмены всегда испытывали ужас перед возможностью повторения «Великой депрессии». Одно дело контролируемые «спазмы» мирового хозяйства, вроде валютного кризиса и «нефтяных шоков» 70-х гг., совсем другое — перспектива тотальной, неуправляемой дезинтеграции мирового рынка. Причем ясно, кто от этого выиграет: страны с традиционной экономикой, основой которой является сельское хозяйство и местная промышленность, — Китай, Иран, а также исламисты в Северной Африке и на Ближнем Востоке, которые, очевидно, не упустят возможность сместить местные прозападные режимы, оставшиеся без поддержки. Это заставит американцев всеми доступными средствами — политическими, экономическими, военными, — поддерживать существующую структуру единого мирового рынка. Но сделать это в условиях тотального дефицита средств и роста изоляционистских настроений внутри американского общества чрезвычайно сложно. Ситуация усугубляется отсутствием единства взглядов внутри самой американской элиты, что зримо проявилось в ходе избирательной кампании 1992 г. По логике двухпартийной политической системы США, победитель Саддама Хусейна, человек, во время президентства которого победоносно завершилась холодная война, должен был быть без особого труда переизбран на второй срок. Но действительность опрокинула все ожидания. Предвыборная борьба неожиданно достигла такого накала, какого Америка не знала со времен поединка между Кеннеди и Никсоном в 1960 г. В чем причина такого развития событий?

Исторически в Америке власть принадлежит верхушке экономической элиты — финансовому капиталу. В прошлом, в кризисные периоды, такие, как война за независимость, Гражданская война, Великая депрессия, первые послевоенные годы, когда усиливалось влияние иных группировок элиты — иногда военных, а чаще политиков, финансовая аристократия стремилась обеспечить свою гегемонию прежде всего путем ужесточения контроля за исполнительной властью. С точки зрения финансистов, президент не должен обладать свободой действовать по собственному усмотрению в момент, когда интересы страны могут начать расходиться с интересами финансового капитала, логика которого диктуется мировым рынком. Кто из двух кандидатов больше удовлетворял этим критериям — достаточно очевидно.

Еще одним фактором, повлиявшим на ход нынешней избирательной кампании, являлся процесс изменения этнокультурного состава американского общества. Несмотря на космополитизм своих лидеров, республиканская партия традиционно ассоциировалась с тем типом «стопроцентного американца», который обозначают как ИАSР (белый, англосакс, протестант). Действие законов этногенеза и волны эмиграции из Европы и Азии заметно потеснили «стопроцентных янки» на американской политической сцене. Все более активными в политике и бизнесе становятся представители других этнических групп — выразителем интересов которых является демократическая партия. Таким образом, Буш, своим происхождением тесно связанный с новоанглийской аристократией, является представителем слабеющей группировки в американском правящем классе и обществе в целом.

Сужение электоральной базы заставило лидеров республиканской партии еще в 60-е гг. искать себе новую опору, которую они обрели в жителях «субурбии», да простится нам этот варваризм, — пригородах крупных городов, где проживает основная масса среднего класса. Однако и это сыграло против республиканцев, ибо Буша настойчиво упрекали в забвении политики внутренней в пользу внешнеполитических приоритетов. Это серьезное обвинение для среднего американца, которого мало волнует положение в мире, но весьма трогает все, что отражается на его материальном благополучии.

Против администрации Буша были настроены и промышленники, представляющие новейшие отрасли производства. Республиканские администрации через обильные государственные (чаще всего военные) заказы, как правило, поддерживали эти отрасли. Сейчас же, в условиях сокращения государственных и прежде всего оборонных заказов, для них складывается совершенно противоположная ситуация, что толкает промышленников в оппозицию.

Итак, каков же будет курс американских стратегов в условиях, когда в стране нет ни единства, ни финансовых средств? Чтобы понять логику американской стратегии — надо вернуться немного назад, в середину 80-х, к началу так называемой перестройки в Советском Союзе. Тогда советское руководство еще вынашивало амбициозные планы, одним из которых был сценарий окончания холодной войны. Смысл его, насколько нам позволяют судить имеющиеся данные, состоял примерно в следующем. Небывалое пропагандистское наступление Кремля, целью которого было «расширить и углубить» пропасть между американским империализмом и мировым общественным мнением (куда включались и простые американцы), сочеталось с активной игрой на «межимпериалистических противоречиях» между «тремя центрами силы» современного капитализма — США, Западной Европы и Японией — и политикой нормализации отношений с Китаем. Искусное применение этой стратегии должно было привести к «изгнанию» США с евроазиатского континента. В то же время форсированная модернизация промышленности за счет использования остатков нефтедолларов и полученной по случаю ослабления международной напряженности западной (прежде всего европейской и японской) технологии — должна была поставить СССР в положение сильнейшей континентальной державы.

Существенным внутриполитическим компонентом стратегии «перестройки» служили меры, направленные на подавление сильнейшего сопротивления со стороны партаппарата на местах, как бы чувствовавшего скорую гибель системы. Для парирования этой угрозы в качестве «рычагов влияния» на несговорчивых «удельных князьков» предполагалось использовать активно создаваемые с помощью Центра «демократические» и «национальные» движения. Эта же тактика использовалась для проведения необходимых кадровых перестановок в восточноевропейских странах.

Результаты этого масштабного замысла известны: мирное наступление социализма на капитализм в мировом масштабе «захлебнулось», начался стремительный процесс развала СССР, сопровождаемый кризисом построенной коммунистами индустриальной цивилизации. Обнаружилась странная потеря внутренней структуры российским обществом, лишившимся в войнах и эмиграциях своих наиболее активных элементов, а

также того, что «заставляет сердца биться в унисон» — традиционной культуры. Если добавить к этому люмпенизацию значительной части оставшегося населения, то полный паралич воли страны не вызывает особого удивления. Немудрено, что в этих условиях «рычаг давления» на местных аппаратчиков перешел в другие руки и стал использоваться уже для давления Запада на кремлевское руководство. А сдвиг в массовых настроениях после кампании десталинизации, когда идеал «светлого будущего» переместился за океан, довершил то, что известный журналист А. Васильев назвал переходом от «нового мышления для СССР и всего мира» к «мы хотим как можно большей зависимости от США» (историческая фраза, сказанная Горбачевым на его последнем саммите с Бушем).

Слабый, но единый Советский Союз, с встроенными «рычагами давления» и проамериканским правительством вполне устраивал США. Но процесс распада пошел дальше — в стране началась «феодальная революция». Ухудшение экономического положения, вызванное неизбежным распадом техносферы, поддерживать которую в стране больше не было сил, вылилось в стремление местных властей, поддержанное населением, обособиться и переждать крушение этого монстра — отсюда всплеск «суверенизации» и «колбасного национализма». Приход к власти нового российского руководства, казалось, породил надежду на плавное преодоление кризиса, но положение продолжало ухудшаться, и к весне 1992 г. у американцев сложилось впечатление, что положение безнадежно — процесс распада необратим и к власти в Москве скорее всего придут коммунисты. Это означало необходимость смены логики.

Теперь надо было ждать, «пока осядет пыль» и будущий объединитель страны, столкнувшись с необходимостью восстанавливать разрушенную техносферу, пойдет на поклон к Западу. Так возник сценарий «санитарного кордона», при котором центробежные тенденции в Pax Americana гасились сами собой за счет легкого напряжения в зоне Персидского залива и «гигантской неопределенности» в России.

Тем временем ситуация продолжала меняться не по дням, а по часам. Появилась надежда, что центральное правительство в Москве сумеет удержать ситуацию под контролем, хотя вариант полного распада России не мог быть полностью исключен из числа возможных вариантов развития событий, в то же время стало очевидно, что Германия плотно увязла в своих внутренних проблемах и благодаря этому на ближайшие несколько лет выведена из «Большой игры». Одновременно стремительно стала ухудшаться ситуация на «Великом полумесяце кризиса» — от Северной Африки до Японии. Постоянно вспыхивающие здесь конфликты не давали покоя американским стратегам в течение всей второй половины XX в. На западном окончании полумесяца война в Персидском заливе вместо того, чтобы стабилизировать ситуацию в регионе, оказалась катализатором новой волны исламизма. А на противоположном его окончании — в Восточной Азии — наметилась тенденция, давно прогнозируемая китайскими аналитиками, считавшими, что Токио, понимая, что США просто так не допустят, чтобы финансовое могущество утекло от них к японцам, в конце концов пойдет на наращивание экономического сотрудничества с Китаем. Соединение японского капитала и технологий с китайскими ресурсами будет означать создание восточноазиатского регионального экономического блока, политическая гегемония в котором будет безусловно принадлежать «Срединному государству». С этой точки зрения весьма показателен визит японского императора в Китай.

Складывающееся критическое положение требует и соответствующих решительных действий. В этом изменении ситуации в мира кроется, на наш взгляд, еще одна причина, по которой шансы Дж. Буша в избирательном марафоне с весны стали неуклонно снижаться. Буш, Бейкер и Скаукрофт — мастера «закулисных» операций в стабильной обстановке, внезапная «революционная ситуация» — не их амплуа. Традиционно ориентированной на кризисы была партия демократов. На их долю обычно отводится роль нанесения точечного удара в «солнечное сплетение» существующей системы международных отношений. Таким узлом противоречий в настоящее время является мир ислама. Исходя из опыта холодной войны и особенностей «геополитического кода» американской элиты, вероятный «план игры», разработанный американскими стратегами, представляется следующим.

В его основе лежит использование уже существующих противоречий между набирающим силу «исламским фундаментализмом», ядром которого является Иран, и соседними державами, подпадающими под его действие, — прежде всего Турции, России, а также Китая.

Так, например, радикальная иранская печать в последнее время прямо говорит о возможности войны между Тегераном и Анкарой, и такие прогнозы отнюдь не беспочвенны. В разгорающемся конфликте ключевая роль принадлежит вопросу о контроле за Мегрийским районом Армении, сквозь который проходит железнодорожная трасса Баку — Нахичевань. В случае захвата союзным Турции Азербайджаном мегрийского участка армяно-иранской границы Тегеран отсекается от возможности прямо воздействовать на происходящие в Закавказье события, в то время как «мягкое подбрюшье» Ирана — населенный тюрками Иранский Азербайджан — продолжает оставаться открытым влиянию пантюркизма. Для Турции это означает беспрепятственный выход к Каспию — к нефти, к паромной переправе Баку — Красноводск, откуда прямой путь по железной дороге к союзным Анкаре посткоммунистическим режимам Средней Азии и далее аж до Пекина. Тем самым идея Великого Турана от Стамбула до Джунгарских ворот приобретают вполне зримые очертания. Для Тегерана это означает крах всех надежд на превращение иранской теократии в ведущую силу духовного и политического возрождения «Мира Ислама».

Но все расчеты турок и поддерживающих их американцев может опрокинуть начинающаяся исламская революция в Таджикистане, грозящая в любой момент перекинуться на соседний Узбекистан. И тут вступает в дело Россия со своей концепцией миротворческих сил СНГ. Возникшая в среде среднеазиатского руководства, видевшего в них дополнительного гаранта стабильности их режимов, эта идея (поскольку реальные войска имеет лишь Россия) в случае своего осуществления означает, что Россия де-факто превращается в гаранта безопасности входящих в СНГ стран, получая таким образом наряду с рублем мощный рычаг влияния на их политику.

Все в этой концепции хорошо, кроме одного. Исходя из имеющегося опыта применения миротворческих сил, можно утверждать, что их использование эффективно только в двух случаях: либо в случае исчерпания военного конфликта, либо на стадии полного истощения борющихся сторон. В условиях же эскалации конфликта, как это имеет место в действительности в Средней Азии, миротворческие силы, наряду с проживающими здесь русскими, превращаются, по сути, в заложников. Далее ситуация начинает разворачиваться по «афганскому сценарию» постепенного вползания в конфликт без четкой стратегии и ясных целей, — но зато надолго.

В случае, если сил Турции и России не хватит, чтобы сдержать исламистов, — в дело неминуемо вступит Китай, который воспринимает разворачивающиеся в Мавераннахре события как угрозу новых волнений в Восточном Туркестане и шире — во всех некитайских областях «Поднебесной». Активизация действий китайской разведки в Казахстане на фоне конфликта между казахскими жузами и киргизскими родами, учитывая имеющийся исторический опыт, свидетельствует в пользу того, что Китай не останется в стороне.

Таким образом, если события будут развиваться именно в этом направлении, неизбежно постепенное смещение эпицентра «исламского взрыва» на восток, куда будут отвлекаться все внимание и ресурсы Ирана. Что значительно облегчит США возможность организовать оборону Персидского залива. Доведя до конца Кэмп-Дэвидский процесс, то есть объединив против персидско-исламистской угрозы прозападные арабские режимы и Израиль и выдвинув на передовые позиции вдоль «большого нефтяного пути» СЕНТКОМ, опирающийся на уже созданную разветвленную инфраструктуру для ведения «технологической войны», Соединенные Штаты будут стремиться достичь достаточной глубины стратегической обороны для сдерживания Ирана.

В этих условиях никто — ни Россия, ни Европа, ни тем более Япония, для которой прекращение поставок нефти с Ближнего Востока будет означать экономическое самоубийство, с последующей полной и безоговорочной капитуляцией перед Китаем, — не посмеют бросить вызов американской гегемоиии.

Насколько реалистичен этот сценарий и что он означает для России? Руководство Исламской Республики Иран — это не Совет Революционного Командования Ирака, и тем паче не Политбюро ЦК КПСС, и искушенность его в борьбе с «большим сатаной» велика. События последних 50 лет на всем пространстве «Великого полумесяца кризиса» (Корея, Вьетнам, Афганистан, ирано-иракская война) свидетельствуют о взрывном росте потенциала расположенных на нем государств. Так что сдерживание «исламского фундаментализма» таит в себе много неприятных сюрпризов для тех, кто рассчитывает, что этот процесс будет сколько-нибудь напоминать статичное состояние мировой политики эпохи «холодной войны». Столь же сомнительной выглядит и эффективность экономических рычагов новой стратегии сдерживания, поскольку видение мира сквозь призму обновленного ислама, в отличие от коммунистического мироощущения, отнюдь не ставит во главу угла развитие технического прогресса, что в сочетании с весьма скромным индустриальным потенциалом, находящимся в распоряжении исламистов, делает маловероятным их вовлечение в гонку вооружений с США. В то же время опыт войн в Индокитае и Афганистане свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с ситуацией, в которой сдерживание может очень легко перерасти в прямое военное столкновение, где недостаток техники будет с избытком компенсирован высоким боевым духом, притягательностью идеологии и искусностью стратегии и тактики.

Приведенный выше краткий анализ основных тенденций мировой политики и динамики изменений мирохозяйственных связей в преддверии эпохи «Сражающихся Царств» позволяет нам сделать вывод, что соотнесение нынешнего состояния России с огромным потенциалом «Великой дуги кризиса» говорит в пользу того, чтобы остаться в стороне от надвигающегося конфликта, помня пророческие слова П. А. Столыпина и руководствуясь чеканной формулой князя А. М. Горчакова: «Россия сосредотачивается!»

В дороге — в поезде, тряских автобусах, холодных номерах областных гостиниц — так вспоминается мне Галина Ильинична. Движение — это ее стихия, динамика образа. И отзывчивость: куда бы ни позвали выступать — откликалась мгновенно. Проблема была в том, чтобы «состыковать» многочисленные выступления. Она приезжала прямо к вечеру «Нашего современника» в Ленинграде — откуда-нибудь из Минска, в ночным самолетом уже летела в тогдашний Свердловск.

Спрашивал ее: не боитесь отстаивать патриотические идеи в цитадели «демократов»! Отвечала со смехом, но твердо: «А что мне бояться, я в своем отечестве...»

В ее устах это не звучало как проходная фраза. Галина Литвинова действительно ощущала «эту страну» своей Родиной. И стремилась защищать ее богатейшие недра, отданные на разор иноземцам; могучие леса, переводимые на финскую целлюлозу; а главное — людей, ставших заложниками безумной авантюры собственного руководства. Она защищала их с красноречием талантливого публициста и с отвагой женщины, истинной россиянки, которую не пугают ни хула, ни преследования.

После выступления на научной конференции в Вологде в начале восьмидесятых, где Литвинова впервые сказала о катастрофическом положении русской нации, о том, что мы вымираем, ее перестали печатать. В академическом институте, где она работала, Галина Ильинична оказалась изгоем. У нее осталось единственное оружие — живое человеческое слово, обращенное к сердцу слушателя. И она пользовалась им блестяще!

Я горжусь тем, что журнал широко предоставлял ей возможность общаться с аудиторией. А когда цензурные ограничения ослабели, опубликовал то, вологодское выступление Литвиновой — в одном номере с «Русофобией» Игоря Шафаревича (№6, 1989).

Галина Ильинична служила России не только словом. Когда страну потрясла волна русских погромов — в Баку, Душанбе и других городах, она создала и возглавила Комитет помощи беженцам. И тут она действовала в тесном союзе с нашим журналом: впервые сбор средств в помощь русским беженцам был проведен на вечере «Нашего современника» в московском Концертном зале имени П. Чайковского в декабре 1989 года.

Знаменательно, что последняя работа Галины Литвиновой — путевые заметки. Они родились из той атмосферы движения, которая сопровождала автора всю жизнь. Это американские зарисовки. Русские американцы, услышав однажды выступление Литвиновой о положении русского народа, организовали ее лекционное турне по США. Многочисленные аудитории были потрясены правдивыми рассказами о наших бедах, столь отличными от бравурных репортажей об успехах «перестройки».

Галина Ильинична вернулась из США и собиралась ехать с делегацией нашего журнала в Прибалтику. И вдруг 2 мая в ответ на мои поздравления с праздником слабым голосом (как не соответствовал он образу этой воительницы!) сказала: «Что-то плохо с головой.. Только что уехала бригада скорой помощи». И в ответ на утешения и пожелания скорее поправиться: «Ничего, ничего, в Прибалтике я обязательно буду с вами...»

Это был наш последний разговор — спустя несколько дней она попала в госпиталь, в палату к ней никого не пускали...

Почти полгода ее нет в живых. А я по-прежнему не могу представить ее вне стихии движения, борьбы. Она — воистину! — с нами. Подвижники не оставляют свою землю и после смерти: она нуждается в их помощи.

А. КАЗИНЦЕВ.

ГАЛИНА ЛИТВИНОВА

РУССКИЕ АМЕРИКАНЦЫ

«Родиться русским слишком
мало.
Им нодо быть, им надо стать».
И. Северянин

Я и представить себе не могла, что в Америке так много русских, а главное, что они не менее, а то и более русские, чем мы, живущие у себя дома. Сказанное относится к мигрантам первой и второй волны и их потомкам. На встречах были в основном они, жила я в их домах, общалась преимущественно с ними, хотя встречалась и с представителями третьей, последней волны, в которой русские составляют явное меньшинство. Пожалуй, слова «русская миграция» следует относить только к первой — революционной и второй — военной миграции. Третью миграцию правильнее называть русскоязычной.

Удивило социальное и материальное положение русских американцев. Нет нужды доказывать, что уровень материального благополучия среднего американца выше, чем у советского гражданина. Это всем известно. Но то, что материальное и социальное положение русских американцев выше среднеамериканского, оказалось неожиданностью. Меня, хорошо знавшую статистические данные, свидетельствующие, что социально-экономическое и культурно-политическое положение русских в СССР гораздо ниже, чем у среднего советского гражданина, — положение русских американцев приятно удивило. Оно опровергало нелепые попытки объяснить приниженное положение русских в СССР нашими национальными недостатками, неумением работать, леностью и т. д.

Я познакомилась с судьбами многих мигрантов. Многие прошли тяжелые испытания дипийцев, названных так по первым буквам английских слов displaced persons (переме-

щенные лица). Почти все знают по нескольку иностранных языков. Специальное образование получали на чужом языке. Как специалисты зарекомендовали себи с наилучшей стороны.

Русские американцы, сохранив в строгости многие из тех национальных обычаев и традиций, которые мы умудрились утратить, кое в чем американизировались. В частности, они редко обращаются друг к другу по имени и отчеству. Ограничиваются либо именем, либо фамилией, добавляя в последнем случае перед фамилией слово «господин» либо «госпожа». Поэтому отчества многих для меня остались неизвестными. Я обращалась к ним также по имени или фамилии.

НЬЮ-ЙОРК

Перед выступлением в Отраде я обедала в семье господ Римаренко. Отец Андриан много сил вложил в Ново-Дивеевский монастырь, создание красиво оформленного русского кладбища. Сын его Сергей — хозяин дома — медик, создал крупную медицинскую лабораторию, обеспечив ей высокий престиж непогрешимостью производимых здесь анализов. На обеде кроме меня присутствовали супруги Зарудские и Ермаковы. Профессор медицины Ермаков рассказывал о том, какое у него чудесное поместье. Приглашал в гости. Договорились навестить господ Ермаковых вместе с супругами Римаренко на их страшно умной машине. Машина эта не только показывала скорость в милях и километрах, температуру по Цельсию и по Фаренгейту, но даже, получив программу маршрута, сама знала, где на какую дорогу надо свернуть.

Я никогда не была в гостях у русского миллионера, и было любопытно увидеть, как они живут, каков их быт.

Жили Ермаковы в стороне от большой дороги. Дом стоял на высоком живописном холме. За домом — стена елового леса. Перед фасадом — цветник и фонтан. Дальше — большой луг, по которому к реке плавно спускается несколько искусственных прудов. В одном из них плавало множество золотых рыбок.

Известный профессор медицины, большой знаток и любитель классической, особенно русской музыки, свободно владеющий несколькими иностранными языками, Валентин Ермаков в русском языке постоянно делал ошибки, мешая великорусские и малорусские слова. Его жена Алла — профессор русского языка — постоянно поправляла супруга: «Не слухаю, а слушаю, не трошки, а немного» и непременно добавляла: «Турок ты завоеванный».

— Валя, почему Алла зовет Вас турком? — спросила я.

— Так я турок и есть. И в паспорте так записано.

— Вы турок? А я думала, казак.

— Я сын русских эмигрантов, из казачества. Но родился я в Турции. Потому и национальность записана по законам Турции — турок. Вот уже несколько десятилетий пытаюсь доказать, что воробей, рожденный в конюшне, не лошадь. Никого пока убедить не удалось. Так и хожу в турках.

Действительно, во многих странах национальная принадлежность определяется гражданством. В США ты можешь принадлежать к любой этнической группе; но если ты гражданин США, то ты американец и никаких национальных суверенитетов, кроме американского, быть не должно.

Съездили в расположенный неподалеку Джорданвильский монастырь. Посмотрели библиотеку, русский музей, зашли в издательский отдел. В издательском отделе все монахи были выкрестами (из евреев). Они пожелали работать именно здесь. (Кстати, среди выкрестов есть негры, французы и другие, по разным причинам принявшие православие.) Взяв с собой отца Петра, вернулись к Ермаковым.

После ужина говорили о новых властях России. Валентин ругал тезис Ленина, что кухарка или рабочий способны управлять государством. «Смотря какой рабочий, — возразила я. — Лех Валенса тоже рабочий, да и русский рабочий из Сибири Матюха, выступивший на II съезде народных депутатов, высказал больше дельных мыслей, чем иные академические словоблуды». Валентин оживился: «Как фамилия, на каком съезде? Сейчас проверим». Он ушел в видеотеку. Это целая комната, где на стеллажах видеокассеты. Быстро нашел нужную пленку. Послушал. «Да, дельное выступление. А я его пропустил. Услышал, что рабочий, и прокрутил». Я спросила, как он ухитряется столь тщательно следить за жизнью в России, иметь все видеозаписи концертов русских музыкантов, композиторов, певцов, выступлений политических деятелей. «Я — русский», — гордо ответил Валентин. «Но ведь Вы работаете, когда успеваете записывать?» — спросила я. Он сказал, что просматривает заранее программу телепередач, программирует запись с телевизора нужных программ и уезжает на работу, а вечером просматривает уже записанные кассеты. «А Вы так не поступаете? — спросил он. — Это удобно». У меня не только столь совершенного, но и вообще никакого телевизора в доме не было. И меня это совсем не огорчало. Валентин сказал, что некоторые американские семьи тоже отказываются от телевизора, особенно если в семье дети. Но русские должны видеть Россию — хотя бы по телевидению.

Разговор о России, ее судьбах, ее культуре, о богатстве и бедности затянулся за полночь. В ответ на мое заявление, что впервые присутствую в компании столь богатых русских людей, услышала: «Мы беднее вашего бедняка, у которого есть самая большая ценность — Родина». Еще раньше, в Ново-Дивееве, один из русских грустно сказал: «Я прожил жизнь и, подводя итоги, могу сказать, что мои немалые силы и способности отданы на благо чужой страны и чужого народа...»

Еще об одной яркой личности, жительнице Нью-Йорка, хочу вспомнить — об Ольге Карповой. Отец ее серб, и она часто ездит в Сербию, где много родни. Иногда бывает в России, откуда родом мать. Русским был покойный муж. Она осознает себя одновременно сербкой и русской, но не американкой, хотя в США прожила большую часть жизни. Ольге за 60, но человек она совершенно неукротимой энергии. Доктор филологии с хорошим знанием русской литературы. Диссертацию защитила в США, когда ей было около 50. Работала много лет в ООН. Сейчас вышла на пенсию. Ольга настояла, чтобы я непременно побывала в ее доме и познакомилась с библиотекой.

Библиотека была действительно любопытной. Много книг о России и Югославии. Показала недавно изданную в Белграде на сербско-хорватском языке огромную книгу о масонах XX века. Есть в ней и раздел о масонах-коммунистах. С удивлением нашла в ней материал о маршале М. Тухачевском и других наших известных соотечественниках.

У Ольги есть дача на побережье, недалеко от ее городской квартиры в Лонг Айленде. Я предложила поехать посмотреть дачу. Мне, как члену садово-огородного кооператива научных работников, было любопытно увидеть дачу американского научного работника-пенсионера.

Дача оказалась небольшим уютным домиком, размером почти такая же, как у нас, приблизительно 6 на 6 метров (то есть 36 квадратных метров), одноэтажная, с полуподвалом. Гостиная, столовая, две спальни и две ванных комнаты, расположенных наверху и в цокольной части дома. Ванная комната такая же, как и в городской квартире. Земельный участок соток пять. Точно определить размер трудно, так как в США до сих пор сохранилась архаичная система мер: акры, фунты и т. д. Как правило, большими участками земли обладают лишь очень богатые люди. Средний американец, живущий в индивидуальном доме, — а большинство русских, у которых я была, живут именно в односемейных частных домах, — имеет прилегающий к дому участок размером 5-6 соток. Частные дома, как правило, собраны из тонких панелей, между которыми проложен утеплитель. Наружные стены иногда очень похожи на досчатые. Но «доски» эти пластмассовые. Дерево стоит очень дорого.

Общаясь с Ольгой, я имела возможность еще раз убедиться в глубоких симпатиях сербов к русским. В США они объединяются с русскими в одних и тех же церковных приходах.

Ольга выросла в Югославии, где мигранты первой волны нашли добросердечный приют. В Белграде до 40-х годов был русский кадетский корпус, в котором обучались дети русских мигрантов. Они до сих пор регулярно проводят съезды кадетов. Причем съезды проходят раз в два года в разных странах: в Аргентине, Канаде, США и других. К ним готовятся серьезно, собираются дружно, с семьями. В числе организаторов упомянутый выше Валентин Ермаков и его брат Алексей. Мне показывали видеозапись одного из таких съездов: торжественное открытие, внесение знамен, праздничное настроение, патриотические речи, концерт из русских произведений, исполнители тоже все русские. В современной России такого не увидеть.

БОСТОН

Согласно программе, составленной Людмилой Дмитриевной Горкуша, из Нью-Йорка я направилась в Бостон, а затем через все часовые пояса Америки от Атлантического до Тихого океана проехала поездом.

Американцы народ общительный. Легко, порой наивно и доверчиво, делились они своими бедами и радостями, рассказывали, куда и зачем едут.

Молодые девушка и парень — члены какой-то христианской секты (я так и не поняла, какой; возможно, это были менониты) — объясняли основы их религии, уверяя, что она мудра и прекрасна. Выяснив, что я из православной семьи, но не очень верующая, стали убеждать перейти в их веру. Стараясь не обидеть настойчивых спутников, я сказала, что никогда не одобряла переход в другую религию, воспринимала это как измену, предательство веры предков. Моя недостаточная крепость веры не есть отказ от веры предков, а результат богоборческой деятельности государства и общества, в котором выросла и живу.

Доброжелательность, улыбчивость — приятная особенность американцев. Но были и исключения. Правда, эти исключения нередко составляли новообращенные американцы.

В. Аксенов в статье «Новые русские племена», опубликованной в американской газете «Русская жизнь» от 12 сентября 1991 года, так характеризовал это племя мигрантов: «...страдая от всех этих омерзительных «пятых пунктов», эти люди вдруг оказались «русскими», покинув свою родину. Не думаю, что это замечательное приобретение или предмет гордости — замечательным приобретением для этих людей является как раз возможность больше не смущаться своего еврейского происхождения, а, напротив, гордиться принадлежностью к своей великой нации — это всего лишь данность; они не могли стать русскими среди русских, и они стали «русскими» среди нерусских... Если уж тянет современного русско-еврейского интеллигента в храм, то это скорее православная церковь, чем синагога».

Однако в Америке, называя себя русскими и православными, евреи, как правило, оставались евреями, людьми, озабоченными прежде всего судьбой и интересами еврейского народа. Я столкнулась с этим в Бостоне, где небольшая, но очень активная группа таких «русских» (человека 3-4) пришла на доклад в церковь, прихожанами которой они были. Они-то и засыпали меня вопросами не вполне доброжелательного тона. Первый вопрос звучал примерно так: не кажется ли Вам, что Ваш рассказ о положении русских может навести американцев на ошибочную мысль, будто в России русские находятся в наихудшем положении, тогда как самыми угнетенными и обездоленными являются там евреи.

Я напомнила, что тема моего доклада «Положение русских», но это не означает отсутствия каких-либо национальных проблем у других народов СССР. Добавила, что об угнетенном положении в России евреев задавшая вопрос дама может предложить свой доклад. Я же такими данными не располагаю.

Дама поспешила заверить прихожан, что она не еврейка и что о трагическом положении евреев в России знает весь мир, о нем свидетельствует и дело Осташвили (американские газеты в тот день как раз сообщили о его гибели в тюрьме).

Я попросила поднять руки тех, кто что-либо слышал о деле Осташвили. Почти половина присутствующих подняла руки.

— А теперь, господа, поднимите руки, кто из вас что-либо читал или слышал о судебном

процессе по делу погромщиков в Душанбе, где было убито несколько десятков людей, преимущественно русских и русскоязычных. Погром этот проходил в то же самое время, что и мелкий скандал в Доме литераторов с участием ныне покойного Осташвили.

О душанбинском погроме и его жертвах никто не слышал. Не поднялась ни одна рука. Тогда я спросила, кто знает о 17-летнем Диме Матюшине, которого забили насмерть в присутствии толпы на центральной улице города Кишинева только за то, что он русский. Выяснилось, что не знает никто. О пяти русских солдатах, заживо сожженных в Намангане озверевшими русофобами, тоже никто не слышал.

— Почему вы об этом не слышали? Не потому ли, что ваши (и наши) сионизированные средства массовой информации считают некорректное, устное слово Осташвили в адрес евреев преступлением куда более опасным и жестоким, чем убийства, изнасилования, избиение тысяч русских, которых господа демократы за людей, видимо, не признают и права человека на них не распространяют. Евреев, слава Богу, не убивают за их национальную принадлежность, а русских убивают, притом многих и безнаказанно.

— Как не убивают, — возразили мне из той же группы. — А Александр Мень?

— Мень убит по не выясненным пока причинам. Но, по логике вещей, русским его убивать было не за что. Он принял христианство, чего ему могли не простить иудеи. Но коль скоро вы хорошо информированы об убийстве А. Меня и вы называете себя православным христианином, назовите, пожалуйста, фамилии или хотя бы общее число русских священников, убитых в том же году, что и Мень, притом со следами жестоких пыток и издевательств. Ведь их жизнь и их смерть не может быть безразлична вам только потому, что в них нет еврейской крови. Не так ли?

Ответная реакция этой маленькой «русской» группы была неожиданной. Они стали призывать присутствующих не верить Литвиновой, потому что все, что она говорит — ложь, а сама она агент КГБ. Вот она сказала, что беспартийная, а имеет ученую степень доктора наук. Они лишь недавно уехали из Москвы и знают, что беспартийный в СССР не может иметь высоких ученых званий и степеней.

Тогда я попросила назвать, когда и в какой партийной организации коммунистов состоял академик А. Сахаров, ведь звание академика выше доктора наук. Нападавшие «русские» озадаченно молчали. Они сидели в первых рядах и не видели неодобрительных взглядов зала. Первым не выдержал их некорректного поведения настоятель храма протоиерей Роман Лукьянов. Он вынужден был выразить свое недовольство недавно приобретенной паствой.

Интеллигентные прихожане, в большинстве своем люди пожилые, были также явно недовольны наглым поведением новообращенных. Видимо, они не скрыли своего отношения: о происшедшем стало известно всей православной Америке. Почти в каждом городе меня просили повторить вопросы и ответы, прозвучавшие в Бостоне. Но шума больше нигде не было, а «русские», если и приходили на мои доклады, вели себя благопристойно и больше не «возникали». Кстати сказать, среди евреев, принявших христианство, есть люди, возглавляющие крупные православные храмы Америки. Так, окончивший Свято-Владимирскую семинарию (под Нью-Йорком) отец Меерсон стоит во главе храма Христа Спасителя. Его матушка — дочь израильского раввина Шнитке. В православии все равны, «нет ни эллина, ни иудея».

В Бостоне я жила в русской семье рентгенолога Гансона. На свою зарплату он мог безбедно содержать неработающую жену, троих детей-школьников, огромный двухэтажный дом с прекрасным парком. Хозяйка дома — Верочка для детей нанимала учителя музыки. Делала она это не только из любви к детям и к музыке, но и из стремления деликатно оказать материальную помощь русскому музыканту, не пожелавшему возвращаться в Россию.

Гостивший в доме дочери отец Митрофан Зноско-Боровский неодобрительно относился к людям, которые по доброй воле отказываются от Родины. Меня он встретил грустно и настороженно, приняв за невозвращенку, но узнав, что я не желаю оставаться в более сытой Америке и скоро возвращаюсь домой, с облегчением сказал: «Да благословит Вас Господь».

В свои 82 года отец Митрофан был бодр и энергичен, а живые голубые глаза, сохранившие яркость и блеск, опровергали его календарный возраст. Я не сразу сообразила, что это тот самый Зноско-Боровский, который выступал с интересными статьями на религиозные темы в «Литературной России», который пожертвовал 10 тысяч долларов на восстановление Храма Христа Спасителя и оказал немалую помощь православной России.

Как и большинство русских мигрантов революционного и военного лихолетья, отец Митрофан до того, как окончательно обосноваться в США, многие годы скитался по чужбине. Родился он в Бресте в семье полкового священника пятнадцатым ребенком. Как и отец, стал священником. С восстановлением в Бресте в сентябре 1939 года советской власти его стали вызывать в НКВД. На первой беседе майор Стрельников, тоже сын священника, беседовал вежливо. Предложил сотрудничество. Отец Митрофан отказался. Зачитал цитату из Священного писания, запрещавшего предавать интересы паствы, и добавил: «Вы свой устав соблюдаете. Я тоже чту свой». Чекист велел снять облачение священнослужителя. Отец Митрофан ответил: «Вы обязаны носить свою форму, а я свою». Расстались вежливо. Однако через некоторое время его вызвал другой чекист. Этот был груб. Бил, угрожал пистолетом. Дал на раздумье несколько дней. Пришлось бежать. В годы войны был священником в лагере. Жил в Польше, Австрии, Германии. С 1948 по 1959 год жил в Африке (в Марокко, Алжире, Тунисе). Был священником. Арабы относились к нему доброжелательно: многие помнили, что их предки были христианами. В 1959 году переехал в США, получил приход в Сиклифе (район Нью-Йорка), в котором работает по сей день.

КЛИВЛЕНД

Выехав из Бостона вечером 3-го мая, 4-го утром я была в Кливленде. В каждом городе меня, как правило, встречал хозяин того дома, где мне предстояло жить. В Кливленде встречал настоятель храма Сергия Радонежского, сын белоэмигрантов Петр Бурлаков, в прошлом один из последних выпускников кадетского корпуса. Он рассказал, что король Югославии, сам бывший кадет, поддерживал кадетов. В годы войны Петр работал инженером в строительной фирме, стараясь брать к себе на работу русских. Немецким властям донесли. Был допрос. Бурлаков держался невозмутимо, заявил, что русских он никого не взял, а работают у него турки, поляки, французы. По документам все так оно и было, ибо русские эти родились в Турции, Польше, Франции. Немцы, проверив документы, Бурлакова отпустили, а доносчика наказали. После смерти жены стал священником, и вот уже тридцать лет живет с матерью.

Вместе с отцом Петром поехали в храм, где после воскресной обедни должен был состояться мой доклад.

Во время службы я обратила внимание на очаровательного, в буйных кудрях малыша лет 3-4. Уже знакомый с православными обрядами, он, войдя в храм, перекрестился, приложился к иконе, потом к другой, постоял, шевеля губами, видимо, о чем-то тихо беседуя с богом. Через какое-то время малыш, притомившись, подошел к матери, вынул из ее сумки мягкий коврик, расстелил рядом со мной на зеркально чистом полу храма и уснул, мирно посапывая. К моменту окончания службы он проснулся, помолился, взял на длинной ручке колпачок для тушения свечей, со знанием дела обошел храм, потушил свечи и подошел к родителям, с еще тремя детьми стоявшим рядом со мной.

— Это все ваши?

— Да.

— А сколько их у вас всего?

— Пока четверо, но мы еще молоды.

Отцом семейства оказался 39-летний инженер Николай Родзянко. Я спросила, не внук ли он того самого Родзянко. Оказалось, правнук.

Доклад состоялся в просторном зале цокольного этажа храма. Здесь прихожане часто собираются, чтобы посмотреть русский кинофильм или видеозапись, послушать русскую музыку. Все разместились за столиками с кофе и пирожными. Поскольку храм носил имя Сергия Радонежского, я рассказала, как несколько лет назад талантливый русский скульптор Вячеслав Клыков, изваяв прекрасный памятник Сергию Радонежскому, принес его в дар Отечеству для установления в том поселке, где родился Сергий. Постаментом памятника служил задерненный холм, насыпанный из земли, которую привезли и наложили школьники. Местные власти особой помощи не оказывали, но и не мешали.

Открытие памятника было назначено на воскресный осенний день. Но накануне в субботу по телевизору в программе «Время», которую смотрит большая часть населения, было объявлено, что власти запретили открытие памятника как мероприятие националистическое. Скульптура Сергия Радонежского была «арестована» и доставлена в отделение милиции. Утренние автобусные рейсы на Радонеж были на воскресенье отменены, машинисты электричек получили приказ следовать мимо этой станции без остановок. Посты автоинспекции не пропускали машины, перекрыв движение по шоссе.

Но случилось непредвиденное: приученный к покорности народ взбунтовался. Он шел к месту открытия памятника пешком, преодолевая долгий тяжелый путь в скверную погоду (шел дождь с мокрым снегом). И пусть с большим опозданием против первоначально назначенного времени открытия памятника, но пришел. Народу собралось несколько тысяч. В толпе было много милиции и провокаторов. В условленное время — три минуты молчания. Тишина стояла грозная, громкая. Потом по одному каждый подходил к холму-постаменту (сам памятник был в это время в милиции), преклонял колено и клал цветок. На это время дождь вдруг прекратился, засияло яркое солнце, на небе появилась радуга, словно божественный подарок собравшимся. Люди крестились, даже те, кто раньше этого не делал.

Затем начался стихийный, и вместе с тем блестяще самоорганизованный митинг. Один оратор сменял другого. И все были доброжелательны, беззлобны, но суровы и решительны. Говорили о героических традициях и патриотизме русского народа, возродить который настало время. Стоявшие рядом офицеры, в том числе генерал МВД, а также секретарь Московского обкома партии и другие чиновники молча слушали и явно удивлялись: собрались не хулиганы-националисты, а граждане-патриоты. Впечатляло. Видимо, по рации было вызвано более десятка новых вместительных автобусов. В конце митинга власти извиняющимся тоном попросили народ сесть в автобусы, которые бесплатно отвезут их в Москву. Но люди отказались. Ушли назад пешком. Автобусы уехали пустыми.

А через некоторое время власти оповестили, что государство берет на себя расходы по переводу памятника в мрамор и его торжественному открытию после завершения работ. Все так и было.

Рассказ этот произвел на слушателей впечатление, растрогал их, тем более что о самом Сергии Радонежском они знали, пожалуй, лучше меня и часто вспоминали его в молитвах.

САН-ФРАНЦИСКО

Так случилось, что мой приезд в Сан-Франциско совпал с днем похорон неизвестной мне Зинаиды Прокофьевны, погибшей в автомобильной катастрофе в молодом, с точки зрения американцев, возрасте — 64-х лет. Георгий Васильевич и Лидия Фердинандовна Куманские, в доме которых меня поместили, предложили мне либо остаться дома, либо пойти вместе с ними. Я решила пойти с ними, тем более что никогда не присутствовала на похоронах, проходивших с соблюдением всех православных обрядов. Лидия Фердинандовна закончила приготовление салатов для поминального стола, поставила их в машину, и мы отправились в собор, где должно было состояться отпевание.

Новый огромный белый пятиглавый собор Пресвятой Богородицы сверкал золочеными куполами. Наружные стены были украшены мозаичными изображениями святых. Первый раз в своей жизни я видела такой великолепный новый собор. В России мне не приходи-

лось нигде и никогда увидеть новый, построенный не то что недавно, а хотя бы за последние три четверти века храм, пусть даже небольшой, зато разрушенных и разрушаемых видела печальное множество. На противоположной стороне улицы располагалось здание, вся фронтальная сторона которого состояла из огромных зеркальных стекол. В этой зеркальной стене отражался храм. Здание оказалось русской гимназией и одновременно Домом орюровцев (русских скаутов). Вокруг собора стояло огромное количество машин разных марок, и мы не сразу нашли место, чтобы поставить свою.

При входе в храм каждому вручалась свеча, пахнущая медом, с красивой картонной подставкой для оплывающего воска. Лидия Фердинандовна, поющая в церковном хоре, оставила нас. Храм был полон. Георгий Васильевич провел меня на хоры, откуда все было хорошо видно и слышно.

Красивый гроб с телом покойной стоял в окружении изысканных венков и корзин с цветами. В руках каждого из христиан, заполнивших храм, горела свеча. Звучали песнопения великолепного церковного хора. Я была уверена, что усопшая была в Сан-Франциско знатной дамой, и очень удивилась, узнав, что Зинаида Прокофьевна не занимала никаких постов и не имела никаких званий. Была простой парикмахершей, заботливой матерью и бабушкой, доброй христианкой, готовой всегда прийти на помощь.

Все это было для меня так неожиданно. Вспомнила, как хоронили мою мать, жившую и умершую в пригороде Смоленска. С огромным трудом, отстояв очередь, удалось купить грубо сколоченный гроб огромного размера (других в продаже не было). Венков тоже в продаже не было. Делали сами, помогли соседки. Привезти на отпевание усопшую в Смоленский храм трудно — нет машин. Съездили в церковь, заказали заупокойный молебен и привезли горсть освященной земли, чтобы бросить в могилу. До деревенского кладбища, где мать завещала себя похоронить, добраться было неимоверно трудно. Февраль. Дороги занесены. Все было убого и сложно, как и сама жизнь моей матери. Ее первый муж — мой отец — был объявлен врагом народа, а второй муж, удочеривший меня, не вернулся с войны. Ни человеческой жизни, ни нормальных христианских похорон.

Красиво организованный печальный обряд похорон русской американки заставил с особой горечью прочувствовать убожество жизни и смерти русского человека в современной России. Слезы заливали лицо, я едва сдерживала рыдания. Стоявший рядом Георгий Васильевич был, верно, удивлен моим слезам, не ведая их причины.

Хоронили Зинаиду Прокофьевну на большом православном сербском кладбище, чистом, ухоженном, с красивыми надгробьями. Я обратила внимание на даты рождения и смерти. На этом участке в основном были захоронения конца 80-х — начала 90-х годов. Даты же рождения относились в большинстве своем к концу прошлого — началу нынешнего века, подтверждая известное долгожительство русского народа, утраченное им в пореволюционной России.

На кладбище я обратила внимание на небольшой колумбарий. Фамилии там были русские или славянские, но вместо крестов — масонские знаки. Спросила Георгия Васильевича, что сие означает. Он объяснил, что здесь урны с прахом кремированных масонов.

— Но почему они на православном кладбище?

— Потому что они русские и завещали после кремации поместить урны с прахом рядом с могилами русских (усопших православных не кремируют).

— А разве они не делают тайны из принадлежности к масонским ложам?

— Тайными обычно остаются дела масонов высокого ранга, да и то не все.

По дороге с кладбища в храм, в цокольном этаже которого должны были состояться поминки, Георгий Васильевич обратил мое внимание на приземистое серое, цилиндрической формы, тяжеловатое здание без окон и сказал, что это масонское капище.

— Откуда вы знаете?

— Смотрите и читайте.

Он притормозил машину. По окружности здания шли крупные выпуклые серые буквы «Mason's Temple». Слово Temple в английском означает храм, но если оно соединено со словом масон, русские переводят его как капище, масонов православные не одобряют. Неподалеку от капища расположен комплекс новых малоэтажных зданий из красного кирпича. Это масонский центр здоровья. Выглядел он добротным и процветающим.

На поминках было около сотни семей с детьми, бабушками, дедушками. Организация простая. Каждая семья готовила и приносила одно-два блюда, но в большом количестве. Устраивался длинный шведский стол. Каждый брал, что хотел. Вино и водка стояли на столах, но пили мало. Говорилось много слов в память усопшей.

Когда собор опустел, Георгий Васильевич провел меня по нему, показывая богатое убранство. Иконы — в значительной части — новые, недавно написанные. Выделялась икона святой семьи Великомученика Николая II. Но немало было и икон старинных. Оказалось, что многие из них, в том числе очень больших размеров, в серебряных окладах, куплены за огромные суммы долларов у евреев последней волны миграции.

— Как же они провозят такие ценные и огромные по размеру иконы через таможню? Ведь я была свидетельницей строжайшей бдительности таможенников, даже маленькую баночку икры не пропустили.

— Мы у них спрашивали, как это им удается. Ответили, что у них везде, на всех уровнях есть свои люди.

Мой доклад был назначен на воскресный день в Русском центре. В отличие от Русского центра в Москве, имеющего в своем распоряжении лишь убогий угол, который и предоставляется-то всего раз в неделю, Русский центр в Сан-Франциско занимает большой особняк с прекрасной библиотекой, музеем, хранящим немало подлинных ценных исторических документов и материалов, с хореографическими, музыкальными и другими студиями, театром и киноконцертным залом, рестораном с русской кухней, кабинетами для работы различных секций.

Встреча прошла хорошо, было много вопросов, долго не расходились. Я осталась довольна. Но Георгий Васильевич был явно огорчен малочисленностью аудитории. Почти

треть мест в зале пустовала, а ведь в Сан-Франциско проживает много тысяч русских. Но долго огорчаться ему не пришлось. Едва мы вернулись домой, как стали раздаваться телефонные звонки и разные люди просили повторить встречу, ссылаясь на то, что заранее не были оповещены и уехали на субботу-воскресенье в гости, к тому же был праздник (не помню какой).

У меня в запасе было целых два свободных дня, и я согласилась повторить выступление. Оно было намечено на вечер, когда люди вернутся с работы. Местом встречи на сей раз был избран Дом Святого Владимира — хранителя русских воинских традиций и патриотизма.

ЧИКАГО

Путешествие с западного побережья США на восточное я проделала на самолете. В аэропорту меня встретил Ростислав Иванович Диакон, с которым я познакомилась ранее, будучи проездом в Чикаго. Они с супругой Любовью Алексеевной жили в небольшом доме в зеленом пригороде. Как и во всех домах русских американцев, здесь были палех, хохлома, русские книги, особенно по истории и искусству. Стол украшал настоящий тульский самовар. На почетном месте под стеклянным колпачком старинные серебряные часы фирмы «Павел Буре» с золотым гербом России на крышке. Часы эти принадлежали Николаю II и были им подарены деду Ростислава Ивановича по матери — Евгению Федоровичу Торопову.

Ростислав Иванович помнит рассказ деда о встрече с императором во время поездки последнего на австрийский Юго-западный фронт. Евгений Федорович работал тогда начальником железнодорожного депо. Вдруг стук в дверь, и входит император. Один, без охраны. Заметив сильную взволнованность Евгения Федоровича, успокоил, сказав, что вчера сделан был смотр железной дороги и его депо. Все в прекрасном состоянии. В благодарность за отличную службу Отечеству Николай II снял с руки часы и подарил Евгению Федоровичу. Часы до сих пор идут исправно. Их мерное тиканне продолжается целый век, ставший трагическим и разрушительным для Российской державы.

Ростислав Иванович рассказал, что после революции за границей стали появляться самозванцы и самозванки в надежде заполучить наследство царя в зарубежных банках. Некая Евгения Смит, например, выдавала себя за великую княжну Анастасию Николаевну, Голенский — за царевича Алексея. Русская эмиграция помогала разоблачать самозванцев. Но когда стало известно, что у русского царя не было личных счетов в зарубежных банках, самозванцы растворились.

Ростислав Иванович — сын священника, фармаколог по своей основной специальности — с 1953 по 1984 год, т. е. более 30 лет, вел в Чикаго ежедневные часовые передачи русского радио «Вечерний звон». Он тщательно составлял программы и готовился к ним, чтобы в небольшое время, отведенное для регулярных передач русского радио, дать своим слушателям наиболее важную информацию о национальной культуре, традициях и тенденциях ее развития; напомнить им о важнейших датах славной истории великого русского народа, рассказать о его лучших представителях, подготовить к приближающимся православным праздникам; рассказать о последних важных событиях и проблемах русского народа, в том числе демографических, экономических, религиозных, как в США, так и в России и других странах, где есть русские колонии. Главная цель передач — поддерживать национально-культурные русские силы, не дать им угаснуть. Кроме того, лет 50-60 в Чикаго действует другая русская национальная передача «Волжские бурлаки», объем вещания которой 45 минут в неделю.

Супруги Диаконы пригласили меня пообедать в польском ресторане. Ресторан, расположенный в районе Чикаго, заселенном преимущественно поляками, отличался не только разнообразием национальных блюд, но и своим оформлением. Его четыре наружные стены как бы изображали четыре города, которые поляки считали своими лучшими городами: Варшаву, Вильно, Краков и Львов. Это воспринималось как наглядная агитация за передел мира. Несколько лет тому назад в музее Кракова я видела изображение еще одного «польского» города — древнего Смоленска.

Господа Диаконы не пожалели времени, чтобы познакомить меня с Чикаго и его пригородами, а заодно рассказать обо всем, что касается русской культуры и православия. Посмотрела безбрежное озеро Мичиган, связанное каналом и рекой Св.Лаврентия с Атлантическим океаном. Здесь, на пирсе военно-морского и торгового флота, русские арендовали красивый зал на несколько тысяч мест для торжествениого празднования тысячелетия крещения Руси. Все было торжественно, нарядно. Крестный ход растянулся почти на два километра, а ведь в Чикаго живет лишь около 10 тысяч русских. Здесь несколько десятков православных храмов, в том числе сербских, украинских, белорусских, греческих.

САН-ПЕТЕРБУРГ

Американцы, не мудрствуя лукаво, часто дают своим городам названия известных европейских городов. Не знаю, как обстоит дело с другими, но Сан-Петербург получил свое название благодаря своему основателю — выдающемуся русскому вмериканцу Петру Александровичу Дементьеву-Деменсу, как его звали в Америке.

Правда, существовали попытки приписать эту честь Д. Вильямсу, но они были решительно отвергнуты русскими американцами, объединенными в Конгресс Русских Американцев, и Флоридским отделом Конгресса, возглавляемым Л. А. Сокольским.

Дементьев родился в 1849 г. в Петербурге, вырос в родовом имении родителей в Тверской губернии, служил в гвардии, вышел в отставку в чине капитана В 1872 г. был избран предводителем дворянства. В 1881 г., оставив блестящее положение, уехал с семьей в Америку. Начинал с рабочего лесопилки, затем стал ее владельцем, а к 1888 году сумел уже провести железную дорогу от Санфорда до маленького поселка из шести домиков с населением всего 30 человек. Ныне это благоустроенный город, расположенный на берегу Мексиканского залива, в котором живет почти четверть миллиона человек. И все это

произошло всего за 100 лет. П. А. Дементьев был не только преуспевающим предпринимателем, градостроителем, но и журналистом, поэтом, переводил на английский стихи Лермонтова. Став русским американцем, он никогда не забывал Родину.

Сан-Петербург — в противоположность северному С-Петербургу — город солнца, тепла, прекрасных песчаных пляжей и апельсинов. В теплом городе много пенсионеров, так как на Юге жить легче, но трудно получить работу. Почти все население — белое, в основном англо-саксы. Много поляков. Русских здесь около тысячи. Они предпочитают селиться компактными группами. Имеют свои храмы, национальный культурный центр.

Гостила я в семье Бориса Святославовича и Людмилы Константиновны Максимовых. Они много лет жили в Канаде, на севере США, и выйдя оба на пенсию, перебрались в Сан-Петербург вместе с отцом — Святославом Васильевичем Максимовым. Ему 102 года, и он навсегда остался подданным Его Императорского Величества. Перемену гражданства Святослав Васильевич рассматривает как измену Родине, на которую он всю жизнь мечтал вернуться. Его сын и внук — оба инженеры, — обсуждая инженерные дела, переходят на английский. Оба получили высшее образование в Америке и не знают специальной инженерно-технической русской терминологии.

Людмила Константиновна — потомок дворянской семьи, ее мать была репрессирована. Во время войны уехала в Германию. Много лет безуспешно разыскивает своего двоюродного брата — единственного родственника, оставшегося в живых (как она надеется). Зовут брата Андрей Иванович Медведев, 1934 года рождения. До 1943 года жил в Пятигорске на Сенной улице. Если кто-то из читателей знает его, сообщите, пожалуйста, в редакцию журнала. Помогите людям найти друг друга.

Надо сказать, что сейчас русские американцы стараются восстановить связи с Родиной, разыскать родственников. Раньше опасались делать это, боясь повредить родне. Один из моих дальних родственников в 1937 году был расстрелян «за связь с мировой буржуазией», а вся вина его была в том, что его старший брат, 16-летний деревенский парень, в 1914 году уехал в Америку и стал впоследствии крупным предпринимателем.

После доклада, вернувшись в дом Максимовых, я решила пойти искупаться. Их дом стоял на берегу, но благоустроенный пляж был чуть подальше. На пляж я отправилась одна. Вода залива была слишком теплой и совсем не освежала, скорее даже расслабляла. Народу было немного. Ко мне подошла дама и спросила: «Это Вы сегодня делали нам доклад?» Мы разговорились. Евгения Грузинова оказалась соседкой Максимовых. Она уговорила меня по дороге зайти к ней.

Я вошла в дом. Муж Евгении представился — Алексей Грузинов. Поговорили. Они оба мигранты второй волны, оба инженеры, оба работали в знаменитой фирме Сикорского[1], у обоих хорошая пенсия. Алексею (к сожалению, не спросила его отчество, а он его не назвал) 85 лет. Он попросил меня остаться в его доме и погостить, сколько захочу. Я поблагодарила, сказала, что здесь хорошо, но пора домой, в Россию. Помолчали. Вдруг Алексей поднялся: «Идите за мной». Прошли в его кабинет, куда, как я потом выяснила, этот замкнутый человек никогда никого не приглашал. Алексей показал на стену, где висели две фотографии. На обеих были изображены родители Алексея, снятые в одной и той же позе. Слева — красивая, счастливая молодая супружеская пара в великолепных нарядах. На фото справа — они же, едва узнаваемые, изможденные, подавленные, в серой одежде, только что вернувшиеся из ссылки. Вся вина их была лишь в том, что они представляли русскую интеллигенцию, стало быть и классово чуждые элементы.

Алексей во время войны, попав в плен, не вернулся на Родину. Эти две фотографии — все, что ему удалось сохранить от жизни в России и еще неизбывную, не прекращающуюся, а даже усиливающуюся с годами тоску по Родине, по России, тоску, которая угрожает стать смертельной.

На следующий день мы с Максимовыми отправились к обедне в храм и там повстречали человека, судьба которого схожа с судьбой Алексея. Кубанский казак Александр Павлович Ордынский в 1943 г. раненым попал в плен к немцам, затем к американцам. Американское гражданство не принял, все надеялся вернуться на Родину. И сейчас не оставляет этой надежды, хотя считает, что происходящие в России события очень похожи на февраль 1917 г. Опасается, чтобы перестройка не переросла в еще одну разрушительную для России революцию.

В православном храме Сан-Петербурга настоятелем является отец Владимир Дорошевич — белорус из восточной Польши. Учитывая преклонный возраст прихожан, у стен храма поставили скамейки, и многие сидят во время службы. Прихожане, обращаясь ко мне, говорили:

— Вы присядьте, ведь не привыкли стоять. В церковь-то в Москве, чай, не ходите?

— Спасибо, стоять мы поболе вашего привычные, только не в храмах, а в очередях.

— Так, может, потому и в очередях стоите, что в храмы ходить перестали?

— Может, и потому.

Вечером отец Владимир и семья его прихожан пригласили меня поехать на освящение нового дома, приобретенного большой трехпоколенной семьей. Семья была интересна своим пестрым этническим составом: хозяйка дома — русская, муж (недавно умерший) — японец, одна из дочерей замужем за американцем англосаксонского происхождения. В семье все православные. Помолившись, сели за праздничный стол в просторном красивом доме. Освящение нового дома приурочили ко дню рождения старшей внучки. Ей исполнилось 16 лет, накануне она получила водительские права и стала обладательницей серебристо-голубой машины. Я спросила, не рано ли делать девочке такие дорогие подарки. С удивлением узнала, что машину Кате никто не дарил, она купила ее на деньги, заработанные ею. Оказалось, что с 14 лет девочка днем училась в школе, а вечерами работала и за два года заработала себе на машину. Американцы, в том числе богатые, рано приучают детей к самостоятельным заработкам, причем никому в голову не приходит считать это зазорным.

Зашла речь о массовом разрушении православных храмов в годы хрущевской «оттепели». Я удивилась, почему священники России не выступили с протестом. Отец Владимир поведал, что патриарх Алексий обращался к Н. С. Хрущеву. Тот пригласил его на аудиенцию одного. Разговор продолжался без свидетелей 2 часа. Вышел патриарх весь в слезах. О чем была речь, никто так и не узнал.

Южные сан-петербуржцы наперебой приглашали меня в гости. Не желая обидеть кого-либо отказом, посоветовавшись с моей хозяйкой дома, живой и энергичной Людочкой, я отвечала, что всем моим свободным временем распоряжается она, а я ей подчиняюсь. На ее машине мы успели сделать несколько визитов и зайти к ближайшим соседям. Все они были людьми чрезвычайно интересными, со сложной судьбой, большинство уже прожило шесть, семь и более десятилетий. О каждом можно было написать целую книгу.

Игорь Леонидович Новосильцев по материнской линии из той ветви рода Гончаровых, к которой принадлежала супруга Александра Сергеевича Пушкина Наталья Николаевна Гончарова. Он отличался невероятной для своего возраста (ему за 70) энергией, бурными всплесками эмоций. На докладе он засыпал меня вопросами, свидетельствовавшими о его хорошей осведомленности о жизни сегодняшней России, в том числе русского села. Оказалось, что он недавно вернулся из России, выступал на московском телевидении и был переполнен впечатлениями.

Игорь Леонидович часто выступает на собрании Пушкинского общества, пишет публицистические статьи, собрал и частично передал А. И. Солженицыну материалы о дипийцах, многим из которых он помог переехать в США, избежать участи принудительного репатрианта. Об этом он пишет книгу, главы из которой уже опубликовал.

В одной из них повествуется о том, как Игорь Леонидович работал в Риме в 1946 — 1949 годах представителем переселенческой организации, созданной при Синоде Русской Православной Церкви за рубежом. Ко времени его приезда в Рим в 1946 г. эмиграционным комитетом уже было зарегистрировано и отправлено в Америку около 3 тысяч мигрантов. Но оставались сотни людей, которые не имели никаких документов или которым было отказано в статусе беженца. Многие из них находились в концлагере под Неаполем, ожидая передачи советским властям. Среди них было немало советских офицеров и солдат, сражавшихся в отрядах итальянских партизан, которых должны были отправить в СССР, куда они ехать не хотели, опасаясь, что им не простят плена и даже побега из плена в отряды итальянских партизан (было у нас и такое).

Игорь Леонидович помогал им оплатить визы, оформить документы. Часто документы приходилось оформлять на вымышленные имена. Отказали в визе Иванову, он оформляет ее на Петрова. Когда его помощнику Алеше, внуку Хомякова, не хватало фантазии на изобретение новых имен и фамилий, Игорь Леонидович посоветовал: а Вы берите фамилии из литературы. Так появился новый гражданин Владимир Евгеньевич Онегин, отцом которого был записан Евгений Онегин, а матерью — Татьяна Ларина. Владимиром же был наречен в память о Ленском. Устраивали побеги из концлагеря, хитрили, обманывали, но делали это во имя добра и спасения жизни людей, а потому полагали, что Бог простит. Новые фамилии новых американцев до сих пор сохраняются. Им трудно восстановить свои настоящие, так как возникает вопрос о лжеприсяге, которую они давали, получая статус беженца, утверждая к тому же, что рождены на территории, которая до войны в СССР не входила, а стало быть, гражданами СССР не были. В США было одно нашумевшее дело: когда дипиец решил восстановить свою настоящую фамилию, его по суду чуть не лишили гражданства, как приобретенного нечестным путем. Многие русские и их потомки, не любя псевдонимов, вынуждены прибегать к ним, тем более что никаких правовых актов об их реабилитации в СССР принято не было.

Тяжело было прощаться с теми, кто по старости или по болезни уже почти не имел надежды увидеть Россию. Раньше не могли, нельзя было. Теперь можно, но не могут по немощи. Некоторые считают, что нужно собраться с последними силами и вернуться, чтобы умереть и быть похороненными в русской земле.

МЫ И ОНИ

Самое сильное впечатление, которое я вывезла из русской Америки, то, что они там более русские, чем мы. Они (я имею в виду первую и вторую миграции) в большей мере, чем мы, озабочены судьбами России, ее разграблением и распадом. Когда Украина проводила референдум о своей независимости, господа Диаконы позвонили из Чикаго и со слезами вопрошали, почему не препятствуем развалу страны, почему позволяем политической мафии, подпитываемой мировой финансовой олигархией, как и в 1917 году, разрушать и грабить державу. Неужто не осталось на Руси патриотов, способных защитить государство от растаскивания, а народ от разграбления?

Разговор был долгий. Я стала беспокоиться, что для пенсионеров он может дорого стоить. В ответ услышала: «Какое все это имеет значение, когда перед угрозой гибели наша многострадальная Россия? Делайте что-нибудь, не позволяйте рушить!» К сожалению, позволяем.

С удивлением узнала, что, в отличие от Российского парламента, в американском есть люди, готовые заступиться за русских. Когда мигранты 80-х годов создали мафиозные группы (в основном, из евреев) и их стали называть «русской» мафией, то Конгресс Русских Американцев заявил решительный протест и добился успеха: под страхом штрафных санкций мафию теперь не называют русской. Еврейской ее тоже не называют. Именуют советской.

Вернувшись в Москву и включив радио, услышала наглые разглагольствования работника КГБ о черных делах международной

[1] Отмечу, что Сикорский с особым вниманием относился к своим соотечественникам и предпочитал брать на работу именно их. Престиж русских инженеров в Америке был очень высок. В двадцатые годы нашего века американские банкиры предпочитали вкладывать деньги в те предприятия, где среди инженеров был высок процент русских. Это воспринималось как гарантия технического прогресса.

«русской» мафии. Он мог смело позволить себе любые оскорбления русских, зная, что никто не станет на их защиту, а если кто и найдется, то ему сейчас же приклеют ярлык «антисемита» и «русского фашиста». А Р. Рейган, кстати, выступил в защиту русских, напомнил об их крупном вкладе в развитие культуры, науки и техники США. В руководстве же России нет русских людей — русских не по паспорту, не по крови, не по присвоенным фамилиям, а по личной озабоченности, причастности к судьбам Родины, к бедам и радостям русского народа.

В США действует несколько русских общественных организаций, имеющих свои центры и печатные органы. Одна из крупнейших — Конгресс Русских Американцев (КРА). Конгресс так определил свои основные цели:

1. Возрождение, сохранение и популяризация русско-американского культурного и этнического наследия США.

2. Помощь христианам в Советском Союзе, особенно русской его части — первой и самой угнетенной жертве интернационального коммунизма.

3. Борьба с распространенной в прессе и по каналам вещания тенденцией приравнивать русских к «советским» или «коммунистическим», а также Россию к СССР.

Деятельность Конгресса Русских Американцев освещается в журнале того же названия, а также в ежедневной газете «Русская жизнь», выходящей в Сан-Франциско уже восьмое десятилетие, в то время как в России с 1917 года до недавнего времени не допускалось издание русских газет и журналов. Их заменили советские, российские, коммунистические, то есть произошла та самая подмена, против которой выступает Конгресс Русских Американцев.

Конгресс опротестовал резолюцию ассамблеи штата Нью-Йорк, согласно которой в руководство для учителей включены «сведения» о том, что голод на Украине 1932 — 33 гг. искусственно создан русскими коммунистами, доказав, что русские от этого же голода также страдали.

Конгресс Русских Американцев активно боролся за отмену «Закона о порабощенных нациях» (P. L. 86 — 90), принятого в США в 1959 г., требуя устранения русофобских позиций этого закона, называющего коммунизм русским и исключающего русских из числа порабощенных коммунистами наций. Конгресс оказывает помощь и поддержку русским национально-культурным мероприятиям, хотя не всегда все проходит гладко. Черпая «информацию» из антирусских средств массовой информации, конгрессмены присоединились к тем, кто «озабочен» угрозой «русского национализма» и «русского фашизма», хотя оснований для этого не больше, чем для наклеивания ярлыков «русский коммунизм», «русский большевизм», «русская мафия».

Русские американцы старательно защищают свою национальную культуру. Выходящие в Америке русские издания постоянно обращаются к читателю с призывами такого рода: «Русские! Ваша обязанность перед детьми в годы изгнания: сохранить в них Русский дух, память о России и желание служить ей. Говорите дома всегда по-русски и требуйте того же от детей». Вот уже 60 лет ежегодно в конце апреля отмечается в США «День русского ребенка». Это большой праздник с выступлениями русских детей, русскими песнями, танцами, стихами. В этот день проводят сбор пожертвований для русских детей из необеспеченных семей, живущих в разных государствах, газеты сообщают о проблемах русских детей. Так, выходящая в Сан-Франциско газета «Русская жизнь» сообщила 7 мая 1991 г., что, по прогнозам американских ученых, в России растет детская лейкемия, как последствие Чернобыля и других экологических катастроф, что в 90-е годы возрастет смертность от раковых заболеваний.

На встречах часто задавался вопрос:

— На что вы надеетесь, наблюдая бедственное положение русского народа?

— Надеюсь, что он, наконец, осознает крайнюю степень своего угнетения, поймет, что властям с 1917 г. до его национальных интересов дела не было и нет, объединится и сам возьмется решать свои национальные вопросы. И еще на то надеюсь, что враги наши, как и в прошлые века, недооценивают одной особенности многотерпеливого народа — способности встать и победить тогда, когда все уверены, что русские побеждены, раздавлены окончательно. Ведь Лжедмитрий сидел в Москве, когда родилось ополчение Минина и Пожарского. Наполеон праздновал победу над русскими в Москве, а вскоре казаки победно гуляли в Париже. Гитлер мог разглядывать Москву в бинокль, и чем все кончилось? Не может погибнуть, не погибнет этот многострадальный, добрый и мужественный народ.

Я интересовалась, как удается сохранить русский этнос в Америке, где русских в составе населения и полпроцента не наберется, и неизменно слышала один ответ: православие, церковь. Именно православие объединяет всех русских, где бы они ни жили, не деля их на великих, белых и малых россов, казаков и русинов.

Возникновение православия в Америке относится к концу XVIII века. В 1793 году Святейший Синод отправил в Америку православную миссию, которая начала свою деятельность на Аляске. В 1868 г., после продажи Аляски США, с разрешения американских властей была учреждена архиерейская кафедра в Сан-Франциско. Православных русских епархий в чужих государствах нигде не было, только в США. В 1904 году по предложению епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона, будущего патриарха Московского и Всея Руси, замученного большевиками в 1925 г., архиерейская кафедра была перенесена из Сан-Франциско в Нью-Йорк. В 1946 г. Епархия Русской Православной церкви разделилась на две митрополии: американскую и православную зарубежную[1].

Русские украсили американские города прекрасными храмами. Один только Н. С. Падюнов — талантливый архитектор, построил в США 16 православных храмов. Сегодня в США сотни православных храмов, многие из которых возведены в последние 70 лет, в тот период, когда в Советском Союзе они осатанело разрушались. В 1952 г. в сорока милях от Нью-Йорка был заложен Ново-Дивеевский женский монастырь с двумя храмами, в одном из которых хранится образ Спасителя, принадлежавший Николаю II и бывший с ним в Екатеринбурге. При монастыре большое православное кладбище, где упокоены тысячи русских. На кладбище, засаженном березами, стоит часовня, поставленная в память воинов, погибших во вторую мировую войну.

[1] Подробнее см. журнал «Зарубежная Русь», США, 1976, №7, с. 70 — 71.

Большинство русских, с которыми я встречалась, либо их родители, прошли тяжелый путь репрессий и скитаний. Оценивая первую русскую миграцию, И. Бунин в речи, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г., сказал: «Нас рассеянных по миру около трех миллионов... Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков; перед тобой миллион душ, облеченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить домы и гробы отчие, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всякого человеческого благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству...»

Вторая мировая война выбросила за границу 10 миллионов советских граждан. Половину из них составили военнопленные, другую — перемещенные лица, в том числе насильственно вывезенная на работу в Германию молодежь с оккупированных территорий. К концу войны от этих 10 миллионов осталось около 5. Часть уцелевших вернулась на Родину, чтобы продолжить свой путь в концлагерях. Другие рассеялись по миру.

Трудным был их путь самоутвержденья. Начинать приходилось с чернорабочих, шоферов. Образование получали на чужом языке, да и самих языков приходилось изучать несколько: кому-то сербско-хорватский, другим — турецкий, французский, немецкий, испанский, наконец, английский. Кто каким путем добирался до Америки, чтобы осесть в ней.

Изменения, происшедшие в России со второй половины 80-х годов, позволили многим кинуться на поиски родственников, не опасаясь навредить им родством с иностранцами. Многим, но не всем. Некоторые до сих пор опасаются. Да и поехать на любимую Родину не каждый рискует. Боятся не только и даже не столько того, что им придется объяснять, как и почему оказались за границей, но и того, как сами они вынесут встречу с Родиной.

Рассказали об одном русском, поехавшем в свою родную деревню, которую он покинул 17-летним парнем, будучи вывезен на работы в Германию. Он увидел почти мертвую деревню, где доживали свой век несколько его одноклассниц, превращенных непосильным трудом в глубоких старух. Ни одного его сверстника в живых уже не было. В современной русской деревне не многие мужчины доживают до пенсионного возраста. Не было и школы, в которой он учился, так как не было в деревне ни детей, ни молодежи. У старух была одна забота: как перезимовать зиму. Хлеба и летом не достать, муки тоже. А зимой по сугробам и бездорожью за несколько километров до ближайшего магазина пешком не дойти. Заболеть зимой не дай Бог. До больницы не добраться. Увидел он в таком виде свою мечту — деревню родную, сердце не выдержало. Вернувшись в Америку, не мог говорить и вскоре умер. Евгений М., побывавший на Родине, в Белоруссии, рассказывал со слезами на глазах о том бедственном положении, в котором он застал своих земляков.

Отторжение от России большевистским переворотом и второй мировой войной миллионов русских людей обескровило Россию, обеднило русский народ. Мигранты, пройдя путь тяжелейших испытаний, преодолели их, выжили и к старости, живя на чужбине, сохранили веру православную, национальную честь и достоинство, имеют прекрасные, по нашим меркам, бытовые условия, социально защищены, материально обеспечены. Им тяжко видеть, как унижены, оскорблены и ограблены русские на своей Родине, в разрушенном, обесчещенном государстве, где русским отводится преимущественно роль дешевой рабочей силы.

Если в США закон запрещает платить менее 5 долларов в час, то в России сегодня по существующему курсу можно платить 5 долларов в месяц. Не потому ли американцы, преимущественно из наших недавних граждан, устремились в Россию, скупая по дешевке все и вся, надеясь перевести сюда экологически грязные производства с дешевой русской рабсилой, благо новые «демократические» законы позволяют.

Русский в собственной стране человек второго сорта, религию которого позволительно оскорблять в выступлениях по телевидению на многомиллионную аудиторию, русских отстранили от органов власти в России, где они представлены в 2 — 5 раз меньше по сравнению с другими народами; их лишили не только национальной государственности, но и каких бы то ни было национальных государственных структур; довели до демографической деградации.

Как живется русским дома, объяснять не надо. А вот как живет русский американец, знают не все. Среди русских немало занятых в здравоохранении, где самая высокая зарплата, поскольку самая большая ценность здоровье. Средний заработок врача 150 тыс.долларов в год. Затем идут юристы, получающие в среднем 100 — 125 тыс.в год, ведь после здоровья важнейшая ценность — защита прав человека. За ними идут архитекторы и инженеры — около 100 тысяч. Портовые рабочие и крановщики — около 40 тыс.в год. Минимальная пенсия 300 долларов в месяц, максимальная — 1000 в месяц. Но можно получать одновременно несколько пенсий: государственную, военную и от частной фирмы. Военные пенсии могут достигать 40 — 50 тысяч в год. Их получают проработав 20 лет, независимо от возраста.

Продолжительность жизни русских в Америке гораздо выше, чем в России. И долгожителей среди них также много, как было в дореволюционной России. Я встречалась там со многими, кому за 80 и за 90. Старательно пыталась вспомнить, есть ли сегодня среди моих русских личных знакомых в России хоть

один человек, которому было бы за 80, и не нашла ни одного.

Почти все, рассказанное в этих моих заметках, относится к первой и второй миграции и их потомкам. Общалась в основном с ними. Среди мигрантов последних десятилетий большинство составляют русскоязычные. Но есть и русские. Люди они разные, симпатий часто не вызывают. Для многих материальное благополучие — высшая цель в жизни. Бог им судья. Они просто другие. Есть среди них изгнанники, которых Родина предала, а не они ее, Солженицын, например. Но таких единицы. В Сан-Франциско ко мне подошла молодая девушка.

— Галина Ильинична, Вы не узнаете меня?

Это была русская беженка из Баку. Мы встречались с ней в Москве, в Комитете русских беженцев.

— Леночка, как Вы здесь оказались?

— Вы же знаете, России русские беженцы не нужны. Принимают и турок-месхетинцев, и азербайджанцев, и армян. Армян в одной Москве несколько тысяч худо-бедно, но обустроили. Только русским в России места не нашлось. Вынуждали уезжать обратно, туда, откуда бежали, спасая жизнь, честь и достоинство. Многие вернулись. А я решила, лучше в Америку, чем назад в этот ад межнациональных конфликтов. Дальняя родственница прислала приглашение и — вот я здесь. Работаю няней за гроши. Деньги собираю, чтобы заплатить 2 тысячи долларов юристу за оформление статуса беженки.

Знаю другую семью, которая приехала в США по израильской визе и без хлопот получила статус беженцев. Спрашиваю молодого мужчину: как Вы обосновали статус беженца, ведь в Москве Вас, русского, никто не обижал.

— Сказал, что мои работы не публиковали по политическим мотивам.

— Какая политика, к тому же Вы — математик?

Сработала израильская виза, оформленная на жену-еврейку, но тоже русскую по паспорту.

Встретились мне и две «жертвы любви». Одна очень молодая, 17 лет, красивая и глупая, если, конечно, глупость может быть красивой. Ее пригласил американец, с которым случайно познакомилась в Ленинграде, обещал жениться, но передумал. Домой вернуться денег нет, да и стыдно: «Все мне так завидовали».

Вторая не молодая, с хорошим знанием английского, неглупая, но, видать, влюбившаяся без памяти в американца. Им приглашенная и брошенная. Работает нянечкой у многодетного раввина. Человек он добрый. По воскресеньям отпускает в церковь, но у него из-за нее возникают сложности с кагалом его прихожан: зачем приютил православную.

В одном из православных храмов Нью-Йорка, где я была со своей старой московской знакомой Татьяной и ее сыном, подошла дама лет 55 — 60. Сказала, что она — доцент филологического факультета МГУ, рассказывала об ужасах голодной Москвы. Я спросила, когда она выехала из Москвы и кто ее пригласил в Нью-Йорк. Дама ответила, что прилетела в феврале 1991 г. Никто ее не приглашал, просто купила вызов на черном рынке Москвы за 2 тысячи. Я сказала, что прилетела в Нью-Йорк из Москвы на месяц позже и не видела там умирающих с голоду, особливо людей, способных заплатить две тысячи за фиктивный вызов. Дама рыдала, просила помочь найти любую работу и жилье. Таня спросила: «Пойдете ухаживать за больным СПИДом?» Дама согласилась. Мне она показалась аферисткой, но добрейшая Таня помогла ей устроиться.

Светловолосый, голубоглазый, типичный русак — Юра — художник-модернист. Когда-то в Москве ему не было хода. Рассердился, уехал с женой и ребенком. Поначалу было тяжко. Теперь устроен, и неплохо. Художник-декоратор одного из крупнейших театров США. Его жена Елизавета, разделившая с ним все трудности жизни, ныне тоже имеет хорошую работу. Помня свои мытарства, старается всячески помогать землякам. Узнав, что я остановилась в вегетарианской семье, пригласила к себе на роскошный мясной ужин с московским бородинским хлебом, ветчиной, солеными огурцами, картошкой, селедкой, водкой и прочими яствами.

Немного выпив, Юра весело шутил. Обстановка была домашняя, непринужденная. Разговор зашел о неожиданно открывшейся для меня возможности остаться в США без больших проблем. Лиза посоветовала воспользоваться этой возможностью. Услышав ее рекомендацию, слегка охмелевший весельчак Юра прорычал: «За-мол-чи!» Одной этой его репликой сказано было много.

Да, русские должны жить дома. Не приживаемся мы в пусть и богатом, но чужом мире. У нас свой отсчет ценностей.

Порой, при виде трагедии русского народа, возникает сомнение: а может, русские оказались у себя на Родине в положении людей второго сорта оттого, что нация, как таковая, исчерпала себя и должна погибнуть, как погибли во тьме веков многие народы, о культуре которых мы можем судить по археологическим раскопкам и музеям.

Русские американцы опровергли это сомнение. Эти русские занимают наиболее престижные должности, широко представлены в сфере науки и культуры, их вклад в эти сферы намного выше, чем удельный вес русских в составе населения. У них выше среднего уровень образования, доходов, выше процент людей, прославивших свои имена на весь мир.

Белая миграция при поддержке второй волны, рассыпавшись по всей планете, именуемой Земля, украсила ее храмами и школами, прозвучала хорами Жарова и густым басом Шаляпина, сверкнула балетами Анны Павловой, Лифаря и Дягилева, покорила талантами Рахманинова, Бунина и Северянина, техническим гением Сикорского и Зворыкина.

Если люди смеют гордиться своей принадлежностью к популяции, именуемой человечеством, то не в последнюю очередь они обязаны этим русским, возвеличившим человечество такими именами, как Ломоносов и Менделеев, Глинка и Чайковский, Пушкин и Достоевский, Королев и Уланова. Это русский сержант Егоров водрузил знамя победы над рейхстагом, а его земляк Гагарин первым открыл путь в космос. Русский Чехов написал пьесы, которые целый век не сходят со сцен всех театров мира. Современное человечество зачитывается Солженицыным и смотрит в телеэкран, зажженный русским Зворыкиным. Такой народ не может, не смеет погибнуть. Он вечен.

Март 1992 года

Поражение Белой Идеи в гражданской войне заставило русских эмигрантов искать принципиально новую идеологию, способную с успехом противостоять Интернационалу. И такая идеология была найдена: евразийство, синтезировав основные положительные моменты трех основополагающих мировых политических доктрин (коммунизма, фашизма, демократии), быстро завоевало популярность как в среде самой эмиграции, так и за ее пределами, в т. ч. и в СССР. Привлекательность учения евразийцев объясняет прежде всего тот факт, что они не являлись вульгарными реставраторами или либеральными болтунами, но стремились найти ту «золотую середину», позволившую бы вплотную приблизиться к русскому варианту «государства-правды». В своих теоретических изысканиях евразийцы нисколько не порывали с традициями русской философской мысли, напротив, творчески переработав и развив прежние идеи, они включили их в свою программу. Так, евразийством были приняты на вооружение древняя идея мессианизма России, разработки К. Леонтьева и Н. Данилевского. Но евразийство не было бы самостоятельным философским течением, если бы не создало ничего оригинального. Евразийцы вели активную исследовательскую деятельность в различных областях: их наследие в сфере политологии, геополитики, историософии сохраняет свое значение до сих пор, и требует пристального изучения. Так, в публикуемой ниже статье одного из лидеров движения — П. Н. Савицкого анализируется вопрос о влиянии политических идей на умонастроения общества, на развитие государства, на выбор страной исторического пути. В наше смутное время это более чем актуально. Идеологический вакуум, образовавшийся после падения коммунистического режима, не может быть вечным. Нужна великая Идея, способная сплотить народы нашей страны в единую нацию, вывести государство из кризиса и достичь социально-национальной гармонии. Попытку обозначить национальные приоритеты «истинной идеологии» и представляет собой работа П. Н. Савицкого «Подданство идеи».

Текст данной статьи воспроизводится по сборнику «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». — София, 1921.

Русская мысль

П. САВИЦКИЙ

ПОДДАНСТВО ИДЕИ

ОДНОГО отрицания недостаточно для победы. В обстановке, в которую мы попали, может быть плодотворным только то историческое действие, которое подхватят и поддержат крылья огромной исторической идеи... Эта идея должна быть огромной, всесторонней и положительной, в размахе и упоре соравной и превосходящей историческую идею коммунизма... Если будет идея, будут и личности. Историческая личность создается в обстановке и при посредстве исторической идеи. Даже крупные сами по себе личности вождей белых армий пали в ничтожество, ибо их не выносили вверх крылья вдохновенной исторической идеи, и наоборот — на упоре сатанинской и злой, но огромной идеи коммунизма даже ничтожества подняты до роли крупных исторических фигур...

Идея воспитывает личность, питает ее соками, дает силу, ведет в действие. Прежде чем говорить о личности, нужно говорить об идее. Идеи сложны и потому в большинстве случаев только первоначально и упрощенно воспринимаются народом. Но на народе лежат, его освещают и окрашивают отблески над ним воздвигнутой идеи... В полной мере идея никогда не осуществляется в жизни, она всегда возносит с собой ей, в существе, чуждый груз; но идея дает толчок и движение — и крылья ее явственно различимы, какой бы груз она ни возносила с собою... Обратившись к идеям, составляющим государственно-общественный идеал, мы прощупаем во многих случаях исторической действительности, при разнообразнейших формах устройства, за внешностью правления, учреждений и лиц реальное и объемлющее явление идеалоправства (или идеоправства). Вдумываясь в исторические процессы, можно дать еще более резкую формулировку: всякое длящееся правление, будь оно единодержавным, народодержавным или иным, есть та или иная форма осуществленного идеалоправства. Более реально и ощутимо, чем люди и учреждения, народами и странами правят идеи. Идеи могут быть различной природы: чисто религиозными, религиозно-национальными, по преимуществу национальными, национально-правовыми или чисто правовыми. Не столько действительный и тленный царь, сколько религиозная идея

царя правила монархиями Древнего Востока, и не столько консулы и императоры, сколько национально-религиозная идея Рима вела к победе римские легионы; и более, чем тот или иной министр, правила и правит отчасти, скажем, новейшею Англией идея правового государства.

В качестве общего начала исторического бытия явление «идеалоправства» не менее действенно, чем то влияние хозяйственно-производственных отношений, о котором говорит теория исторического материализма, и не менее «самоначально», чем оно, поскольку вообще можно говорить о «самоначальности» в мире причинных соотношений. И как раз осуществленное правление приемлющей теорию исторического материализма коммунистической партии в гораздо большей степени может быть характеризовано как образчик «идеоправства», чем как «надстройка над экономической базой». (Хотя бы это «идеоправство», отнюдь не являясь «идеалоправством», поскольку мы приписываем «идеалу» положительное содержание, было и есть в реальной сущности — подлинным «злоправством».) И потому также приобретенным нами историческим опытом можно обосновать теоретическое вознесение и живое видение «идеи-правительницы», как определяющего начала исторической жизни... «Идея-правительница» рождается и растет в недрах общей духовной обстановки момента и эпохи. Ее колыбелью и отчим домом является духовное самосознание и духовный опыт интеллектуальных предстоятелей народа, его «интеллигенции», как бы она ни называлась и в какой бы обстановке ни жила. То, что интеллигенция рождает и взращивает сейчас, то народные массы воспримут и осуществят через некоторый промежуток времени. Так было с революционной идеологией русской интеллигенции, так будет с ее положительно-утверждающей идеологией, поскольку таковая создается и создана... Из понимания этих обстоятельств вытекает сознание сугубой исторической ответственности духовно-интеллектуальных предстоятелей народа, его «интеллигенции» — и в частности, сознание исторической ответственности той, в определенном смысле, особо квалифицированной ее части, каковою является идейная эмиграция. (Основная наша концепция: где бы ни находились эмигранты — они составляют часть того духовного мира, который именуется Россией; представляют собою его отпрыски, ответвления, щупальца; почва под ногами значит далеко не все, иногда значит совсем мало; важнее духовная почва, которая и питает каждого эмигранта — подданного идеи: насыщенная почва культуры российской; материальность приютивших такого эмигранта земель и стран временами призрачна: она живет в России, которая, хотя материально и охватывает только положенные ей пределы, духовно обнимает весь мир.)

В обстановке России можно наметить особые причины, почему исторически действенной может оказаться в ней только идея чрезвычайно широкого размаха. Мысль о мировом призвании России восходит к XV веку. В различных формах и видоизменениях она держалась в последующие века. В XIX веке она получила новое развитие в русской философской и историософской литературе. Царская Москва и императорская Россия, подходя к осуществлению русского мирового призвания, проводили его методами и в формах национального государства. Но и в явлении коммунизма, эмпирическая сущность которого в гораздо большей степени сводится к разрушению, чем возвеличению России, все-таки, помимо вождей и наперекор их решениям, явлена в искаженном и обезображенном виде мысль о русском мировом призвании; явлена притом в размахах дотоле неслыханных. Нет сомнения, что коммунизм преходит и прейдет. Но возрожденная национальная Россия должна в полной мере сохранить в положительном виде то **мировое чувство**, которое в извращенной форме запечатлено в коммунизме...

Деникин был побежден, между прочим, потому, что по широте своего идейного горизонта, в сравнении с большевиками, он был провинциалом. Этот провинциализм должен быть отвергнут и преодолен.

Положительные задачи русского духовного деланья вырисовываются как задачи воплощенья и рощенья **русского национализма**. Имеют высокую настоятельность **прикладнические** заданья реалистической и упорной сознательно-собранной и целесообразно-рассчитанной русской национальной работы. В ней не нужно бояться упреков в национальной узости и эгоизме. Без того, что называют «эгоизмом» и «узостью», не прийти к возможностям широты и жертвы... Но в отличие от многих других «национализмов», имеющих только один слой — прикладничества и узкого себялюбия, национализм русский — можно положительно утверждать — имеет два основных «слоя», друг другу соподчиненных, но существенных, каждый в себе: слой **прикладнический** и слой **вселенский**. Следует придавать обоим одинаковое значение: без прикладничества, иной раз расчетливого и цепкого, в этом мире, увы, неосуществимо вселенское служение: чтобы дать, нужно собрать; без вселенскости прикладничество ведет к оскудению, потемнению, духовной смерти... Будем строить град земной, ибо Бог даровал нам просторы и материалы, и мы должны его строить, но в душе своей будем строить Град Небесный. Обычное в каждом повышенном национализме и уже несколько веков присутствующее в русском сознании ощущение, что народ наш есть особый и исключительный, в отношении к народу русскому, на основании пережитого и в происходящем почувствуем как истину новую и сияющую. И не будем бояться и самих несчастий наших: быть может, и рассеяны мы (выходцы), в горести и бедах, по всему лицу земному потому, что есть у России помимо прикладнически-национального также национально-мировое призванье и что делать ей предстоит не только в ее собственных немалых просторах, но и в просторах больших, всей земной оболочки... Будем страстно любить данную Богом земную плоть нашей страны; но будем знать, что, и оторвавшись от этой плоти, став «бесплотными» и летучими, мы все же призваны сохраняться, жить и творить. Россия **почвенная** и Россия **взметенная** имеют, в наши годы, каждая свое призванье. Явственнее, чем другие народы, русские одновременно имеют две родины: Россию и мир; поэтому повторяем: наряду с делом национально-прикладническим, делом внутреннего сплочения и оздоровления, делом внешнего мироустроительства Россия предопределена к действию вселенскому, призвана поднять и понести уроненную западным человечеством нить веры; нить, без которой человечество непременно и скоро заблудится и сгинет в темном лабиринте...

Порою думается, что в настоящий момент только в России возможны чудеса — не только в виде благодатного ответа на личную молитву, что составляет тайну общения человека с Богом, и везде и всегда существует, но также в виде явленных в народе знамений славы Божьей (церковные золоченья и обновленья)...

Трудность дела духовного восстановления мира заключается в том, что в этом деле Россия, весьма вероятно, может рассчитывать почти исключительно на свои собственные силы; тот мир, с которым Россия в последние годы наиболее близко общалась, — мир культуры западноевропейской, ей в этом не поможет или поможет мало; ибо к тупикам, в которые попал, он пришел в силу внутренних необходимостей и неотъемлемых свойств своего новейшего развития... Россия должна решиться одна идти в поиски и путь; одна взять на плечи бремя немалого дела: творенья эпохи **«органической»** посреди «эпохи **критической»**.

Между духовным опытом «отечества» и «рассеянья» есть глубокое сопряжение. И то, что происходит и чувствуется **там**, имеет чувствоваться и **здесь**; и, быть может, именно здесь отольется в законченные выявленные **формы сознания**.

Глубоко нужно вобрать в себя воздух и знать, что жизнь, которую живем, есть не та обычная жизнь, которою привыкли жить пред 1914 годом, — но новая, страстная и зоревая... На долго, на коротко ли, эпоху нашу мы должны ощутить как поворотную и героическую; такую, какой столетия не было пред 1914 годом... Во мраке отыщем ли нить веры? Все потеряем ли или все приобретем? — Более, чем было в прошлом, мы должны, в расчете на будущее, копить и точить **героическую волю**. Героическое чувство и героическая воля... Нам ли, недостойным, произносить эти слова? — Но потребность жива и настоятельна. В том мире, в котором живем, горизонт вспыхивает зловещими отблесками, знаками неслыханных провалов, и вслед за тем грозит все поглотить сгущающаяся тьма. В эти сроки знамя должно быть лучезарно, и знаменосцы крепкя!

Россия должна освободить мир от рабства пред новейшим романо-германским шаблоном. Это освобождение есть прежде всего духовная проблема. И потому, формулируя задание, следует всячески подчеркнуть, что дело идет именно о духовной сущности, а никак не о явлениях вроде науки и техники. Сами по себе подлинная наука и опирающаяся на нее техника материально полезны и необходимы, и именно в наш век, когда и злая метафизика (исторический материализм!) выступает в обличии науки, — подлежат сугубому утверждению; ниспровержению подлежит: романо-германское **отношение** к науке и технике, затем — кичливая уверенность, что романо-германская цивилизация есть венец творения и завершение «прогресса». Более же всего должно быть изжито охватившее Европу и Россию обеспложивание духовной жизни, проистекшее из утраты живого и действенного религиозного чувства... Из ниспровержения названных духовных начал следуют многообразные последствия.

Основное из этих последствий для России есть имеющее возникнуть совершенно новое, по сравнению с недавним прошлым, значение церковного творчества... Можно быть какого угодно мнения о положении христианства в современной Европе. Можно признавать, что вероисповедания в ней сильны и организованы. Но для каждого имеющего чутье к духовному творчеству совершенно ясно, что если новейшая и современная Европа имеет клерикальную историю, то давно уже она находится вне рамок истории церковной. Есть некоторая страшная реальность в том, что из всех стран христианского мира церковную историю в настоящий момент ведет только Россия. Образы святителей и мучеников, владык и священноправителей, смутьянов, еретиков, отступников, разгорание и утихание гонений, движение масс и страсти их, власть богоборческая и сатанинская, народная податливость и народное горение — все это, в сложной и волнующейся картине, предстоит в русской церковной действительности, напоминая и воскрешая самые страшные и поворотные, грозные и вдохновенные моменты церковного прошлого. Не нужно закрывать глаза на глубинную трагичность момента. Но каждый, кому дороги заветы Христа и предания Вселенской Церкви, — должен понимать, какое огромное, и творческое, и «революционное», задание представляет собою сохранение и вознесение во славе Церкви Одной, Православной...

Среди смятения современности и пред поставленными ею задачами дух наш, как никогда раньше, может быть подавлен несоразмерностью наших сил стоящим задачам. Купол Православия лег широко и высоко. Не только мы, не только народ русский, но и другие народы мира умещаются под его сводом. В делах же мирских мы пребываем без государства и без вождя. В самом точном юридическом смысле многие русские в настоящий момент являются бесподданными. Но так же и многие, многие из тех, кто формально находится в советском подданстве, существенно и основоположно считают себя бесподданными. Нет государственной рамки, нет средоточия и вождя, которые объединяли бы нас. Внимание к движущим силам и реальностям истории предостерегает от поспешных, чисто внешних поисков и нахождений вождя. Личность плодотворна и победоносна тогда, когда ее держат и несут упруго-крепко крылья огромной и творческой идеи. Идея должна заменить нам государство, средоточие и вождя, до тех пор, пока наши государство, средоточие и вождь не будут реально созданы, сделаны идеей... Для тех, кто мыслит Россию как мир «новый», как мир, построяемый на основе напряженного православно-духовного творчества и широчайшего культурно-национального и государственно-созидающего размаха, — для тех единственно возможным подданством является в настоящую минуту подданство идеи. Ранее и первее того, чем поставить над собою правителей — лиц или учреждения, мы должны провозгласить и поставить Идею-Правительницу... Для этого ее нужно выносить и взлелеять в глубинах сознания, увидеть и обрести на путях **личного опыта**, с тем чтобы в порядке последующего раскрытия личный опыт этот стал опытом коллективным. Было бы преступною гордынею думать, что эта идея обречена. Здесь нужно умножить усилия и не отчаиваться от неудач, нужно верить, что каждая неудача есть этап на пути к конечному достижению, нужно помнить, что мы призваны сохранить и умножить наиболее священные и заветные религиозные и национальные ценности, что мы призваны в борьбе с отрицанием вознести и укрепить утверждение. Если мы не сумеем этого сделать, то поистине окажемся рабами лукавыми. И потому, в усилиях непрестанных и творческих, пусть станет нашей задачей: взрастить и избрать ее, грядущую Идею-Правительницу, а взрастив и избрав, быть верными, самоотверженными и действенными **подданными идеи**.

Предисловие и подготовка к публикации
Александра ШАТИЛОВА

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Русская мысль

НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЛЯ

Перед нами одна из первых программ русского национального сопротивления. Ярко и энергично написанная — как и все, что вышло из-под пера Ивана Солоневича. Несколько лет назад журнал «Наш современник» впервые познакомил российскую аудиторию с итоговым сочинением выдающегося публициста эмиграции «Народная монархия». Теперь мы представляем другую его основополагающую работу. Читатель, сопоставляющий два текста, получает возможность проследить эволюцию автора. Яснее обозначается и то неизменное начало, которое одухотворяет все его творчество,— любовь к России.

Национализм — Солоневич верил, что именно эта идея воспитывает и скрепляет нацию. Причину русской трагедии XX века он видел в измене своему национальному лицу и своим задачам. Возрождение возможно только на пути восстановления национальной идентичности. «Возврат к истокам нашего... бытия есть в основном возврат к государственным принципам Московского Царства,— декларировал Солоневич.— В наших... условиях все это сводится прежде всего: а) к установлению основных линий органического развития России и б) к воссозданию правящего слоя, который обладал бы достаточной волей и разумом, чтобы успешно поставить себя на службу основным принципам российского национального бытия».

Манифест Солоневича по-прежнему современен. Настолько, что возникает искушение, слегка модернизировав его, выпустить как сегодняшнюю программу. Именно такую попытку предпринял московский исследователь творчества И. Солоневича Игорь Дьяков. Однако, если вдуматься, искусственное подновление этого текста не только научно некорректно, но и противоречит концепции автора Манифеста. Солоневич одним из первых понял: программу национального развития невозможно придумать, ее следует открыть в истории России. Тысячелетний путь страны указывает дорогу новым поколениям.

Вместе с тем Солоневич решительно подчеркивает ориентацию на будущее, а не на прошлое. Русский национализм — пишет он —"категорически отметает пережитые стадии национального роста, которые давно стали не по мерке". Не идеализация прошлого, а восстановление идеалов прошлого, разрушенных революцией,— такова позиция публициста.

Поучительно, что и к революционному наследию Солоневич подходит со свойственным ему бережным практицизмом. Он предлагает оставить городскую недвижимость в собственности государства, крупные заводы также должны оставаться под государственным контролем или же передаваться «коллективам инженеров и рабочих данного предприятия». Солоневич был противником бездумного разрушения совхозов. Сегодня, когда село вновь становится объектом губительных экспериментов, особенно актуален мудрый призыв: «Россию прежде всего надо накормить. «Накормить Россию» не в состоянии никакое правительство мира — ее может накормить только крестьянство». Поэтому — провозглашает Манифест —"первая и основная забота нашего движения — это забота о крестьянстве".

Конкретность, ориентация на практические задачи выгодно отличает работу Солоневича от сочинений видных политиков первой эмиграции (П. Милюкова, П. Струве). Полемически заостряя свою позицию, он составляет программу от имени более молодого поколения —"штабс-капитанов" (в противовес «генералам»). Он выступает идеологом широкого слоя простых людей, разочаровавшихся в абстрактных политических доктринах маститых лидеров.

Работа Солоневича привлекает зрелой энергией, силой. Волевой заряд — пожалуй, самое ценное в ней. Сегодня, когда общество поражено анемией, атрофией воли, это качество столь же редко, сколь и необходимо. В этом смысле статья Солоневича актуальнее недавнего эссе А. Солженицына «Как нам обустроить Россию». Реакция на публикацию Солженицына показала, что с боевиками диктаторов типа Гамсахурдия или самостийными политиками нельзя говорить языком сентименталистов. Сила — только ее способны понять эти окаменевшие в самодовольном упоении властью люди.

Правда, и абсолютизация силы в Манифесте не правомерна. Когда он провозглашает: «Основной добродетелью нации является сила»,— согласиться с Солоневичем невозможно. Да он и сам ощущает, что такая декларация порывает с русской этической традицией. Поэтому и вынужден делать многочисленные уточнения: православная сила направлена «не к господству, а к служению, не к подавлению, а к помощи», и т. д.

После серии таких поправок понятие силы вовсе растворяется в идиллической «любви». Что, конечно, также не может удовлетворить ни самого Солоневича, ни его единомышленников из поколения «штабс-капитанов». Лучшим решением проблемы было бы четкое разграничение Правды и силы. Правды — как высшей этической добродетели, а силы — как ее «слуги».

Далеко не со всем в Манифесте можно согласиться. Опрометчиво определение Московской Руси как самой тоталитарной державы мира. Тут налицо произвольное словоупотребление: для Солоневича «тоталитарный»— положительное понятие (весьма расплывчато очерченное им).

Ряд положений Манифеста откорректирован в поздних работах. Так, жизнь побудила отказаться от идеализации советской интеллигенции. Вначале Солоневич благодушествовал:

«Она превосходит зарубежную уровнем воли, жертвенности и умственных способностей... Она национальна в смысле отрицания всего антирусского». Публицист верил, что люди, вышедшие из толщи народной жизни, будут походить на Ломоносова и Менделеева, а не на своих дореволюционных коллег, сыгравших роковую роль в судьбе России.

Именно новых (народных) интеллигентов Солоневич видел во главе возрождающейся России. Он безжалостно «отбраковывает» иных претендентов на власть. Дворянство («неудачный наследник неудачного русского феодализма»), буржуазию («в качестве кандидата на власть русская буржуазия отсутствует начисто»), советский правящий слой («его эволюция немыслима, его наследие неприемлемо, его навыки неприменимы»). Подводя итог, Солоневич провозглашает: «Вся власть русским мозгам». Он увлеченно фантазирует: «"Вся власть" будет принадлежать русской интеллигенции — то есть настоящим профессионалам умственного труда, как е д и н с т в е н н о с у щ е с т в у ю щ е м у слою, по своему культурному уровню способному разрешить задачи русского национального и государственного строительства».

Какой удар по этим иллюзиям нанесла нынешняя катастройка, рьяно поддержанная советскими интеллектуалами! Впрочем, Солоневич уже после войны изменил свое отношение к интеллигенции. Видимо, он обнаружил, что подтвердилось его опасение, высказанное в Манифесте,— образование, оторванное от национальной традиции, способно воспитать грамотных разрушителей России, но никак не строителей ее.

И все же надежды, которые Солоневич связывал с интеллигенцие, отнюдь не беспочвенны. С присущей ему трезвостью от отметил неоспоримый факт — без активного участи «мыслящего сословия» продуктивные изменения в России невозможны. Пафос общественного служения — отмеченная в Манифесте родовая черта русского интеллигента — позволяет надеяться, что он (подобно работнику одиннадцатого часа в евангельской притче) еще потрудится на благо Отечества. В сущности, говоря об интеллигенции, Солоневич имел в виду ее идеальное предназначение, бытийную задачу, поставленную перед нею (в силу талантливости, образованности, совестливости) ходом русской драмы. Задачу до сих пор малодушно отклоняемую.

Программа Ивана Солоневича не просто намечает цели — ставит высокие задачи перед каждым, кто принял ее. Указывает путь и мобилизует на преодоление. В этом своевременность Манифеста.

А. К.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЗИСЫ российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения

1. РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

1. Каждый народ мира, в особенности великий народ, имеет свои неповторимые в истории пути роста, имеет свое неповторимое лицо и свою неповторимую миссию в истории человечества. Эта миссия не может быть выполнена никаким другим народом. Не существует никаких «исторических законов» развития, которые были бы обязательны для всех народов мира: каждый народ имеет свою собственную судьбу.

2. Идея всякого национализма есть идея, объединяющая и воспитывающая нацию к исполнению ее исторической миссии на земле. С этой точки зрения — шовинизм есть дурное воспитание нации. Космополитизм — отсутствие всякого воспитания. Интернационал — каторжная работа нации для чуждых ей целей.

3. Русский национализм, как идея, объединяющая и воспитывающая русскую нацию, в его самых глубинных истоках неразрывно связан с православием — понимая под православием не сумму обрядов и догматов, а христианское и православное мироощущение. Вне религиозной основы не может быть обоснован никакой национализм, как не может быть обоснована и никакая этика. Русский национализм без православия есть логическая нелепица.

4. Русский национализм, как идея, государственно оформляющая нацию, неразрывно связан с единоличной наследственной монархической властью, олицетворяющей в себе религиозный смысл нашего социального бытия. Республиканский национализм — если бы он и существовал — означал бы отрыв России от ее глубочайших религиозно-нравственных истоков.

5. Русский национализм, как идея, политически оформляющая нацию, неразрывно связан с существованием Империи Российской, исторически соединяющей азиатский материк с европейским полуостровом, обеспечивающей нации российской беспримерное в истории мира непрерывное жизненное пространство, которое заключает в себе все необходимые материальные ресурсы для самостоятельного и самобытного развития. Российская Империя есть, с одной стороны, необходимая материальная база существова-

ния российской нации, с другой стороны — необходимая территория для осуществления основной религиозной задачи нации российской — поисков Божьей правды на грешной земле.

6. Российский национализм, как идея, воспитывающая нацию, не обязан культивировать все стороны национальной жизни и национального характера, как он не обязан канонизировать все прошлое России. Российский национализм есть идея не только сущего, но н, главным образом, должного — религиозного должного, точно так же, как и православие не есть отражение реальной жизни на земле, а только указание на тот идеал, к которому эта жизнь обязана стремиться. Поэтому в состав русского национализма должно входить не только чувство национальной гордости, но также и чувство национального сознания тех ошибок, которые нация российская совершила по отношению к своей миссии или, иначе говоря, по отношению к себе самой.

7. Российский национализм, как идея Божьей правды на грешной земле, никак не обязан заниматься примирением сословий, классов и каст. Он обязан их ликвидировать или, по крайней мере, стремиться к их ликвидации. И если эта программа-максимум в наших данных условиях останется недостижимой материально-технически, то, во всяком случае, мы обязаны бороться с духовными надстройками всякого деления народа русского на «пролетариев» и «буржуев», на «белую» и «черную кость». Вместо понятия сословия, касты и класса, российский национализм выдвигает понятие государевой службы, то есть подчинения всякого частного интереса интересу общенациональному. В переводе на современный язык это будет означать замену сословного или классового строения государства корпоративным строением, то есть таким строем, где каждый русский занимает в нации то или иное положение только и исключительно в зависимости от своих личных качеств и своей личной работы — безо всякой оглядки на родословные и на капиталы.

8. Русский националнзм относится с глубочайшим уваженнем к каждому русскому человеку, в меру сил выполняющему свою личную часть общенационального долга. С этой точки зрения для русского национализма нравственно равновелики — и русский ученый, и русский мужик, точно так же, как и ученый и мужик религиозно равновелики в глазах православной церкви. Поэтому русский национализм не может быть сословным национализмом. Поэтому же одной нз основных задач русского национализма, как духовно объединяющей и воспитательной системы, является отбор и возвышение всего ценного, талантливого и добросовестного, что имеется в любых слоях всех народов Империи.

9. Русский нацноналнзм есть явление прежде всего прогрессивное: он зовет не назад, а вперед. Он категорически отметает пережитые стадии нвционального роста, которые давно стали не по мерке. Русский национализм стремится вооружить нацию самым современным духовным, экономическим, культурным, техническим и военным оружием, какое только может дать самая современная культура и техника мира. Русский национализм стремится также и к тому, чтобы именно Россия явилась творцом самого современного оружия.

10. Русский национализм обладает достаточной долей мужества, чтобы все собственные ошибки отнести на свой собственный счет — и не взваливать их ни на чьи чужие плечи — масонские, немецкие, еврейские, английские, японские и какие угодно. Там, где мы терпели поражения, мы терпели их только и исключительно по своей собственной аине. Слабость есть величайший грех, который может постигнуть нацию или национальную идею. И расплата за грех слабости является неотвратимой расплатой, где бы эта слабость ни проявлялась. Большевицкая революция есть расплата за наши собственные грехи, накапливавшиеся в течение двух веков.

11. Основной добродетелью нации является сила. Основной добродетелью национальной идеи является тоже сила. Там, где нет силы в нации, — бывает Уругвай. Там, где нет силы в национальной идее, — бывает Коминтерн. Нация без силы — логическое противоречие. Без силы могут быть народцы, племена н кланы — но нации не может быть. Сила, основная н величайшая доблесть нации, в нашем русском случае может быть только православной силой, то есть силой, направленной не к господству, а к служению, не к подавлению, а к помощи, не к эксплуатацин, а к дружбе. Русская сила — не сила разбойника и бандита, а сила работника и отца, сила Микулы Селяниновича. Вне этой концепции — русской силы не может быть. Россия сильна только в том случае, если она следует законам своего — а не чьего-нибудь чужого — национального бытия. Нация оказывается слабой, когда она сходит с пути своей самобытности, своего самостояния.

2. БОЖЬЯ ПРАВДА

1. Оперируя терминами «православие» и «Божья правда», мы считаем необходимым с доступной степенью точности очертить наше понимание этих терминов. Мы отдаем себе ясный отчет в том, что наша довоенная церковность прочно стояла на стороне нашей антинациональной реакции (правда, и против интернациональной революции) и что современная церковная организация есть результат распада национально-религиозных связей России. Если бы мы попытались идейно или организационно опереться на какую бы то ни было церковную организацию — нам пришлось бы выбирать между пробольшевицкой сергиевской «юрнсдикцией», реакционной карловацкой, либерально-масонской евлогиевской — не говоря уже о таких разветвлениях, как новостильцы и старостильцы, или как живоцерковники и староцерковники. Из существующих официально православных церковных организаций нас, как политическую организацию, не устраивает ни одна — ни одна не интересует. Наиболее коренной, наиболее русской формой православия следует считать, собственно, только старообрядчество.

2. Если бы термин Божьей правды мы поручили бы разъяснить нынешней церкви, то мы получили бы целый ряд ответов — от откровенно большевицких до откровенно реакционных, — поэтому ни одну церковную организацию мы об этом спрашивать не будем. Мы будем спрашивать русскую историю.

3. Искания Божьей правды являются одним из характернейших свойств русского народа — и это свойство очень резко изменило характер византийского православия при переходе его на русскую почву. В качестве наиболее яркого примера мы можем привести историю смертной казни в России. Мы можем примыкать или не примыкать к той группе криминалистов, которая отстаивает принцип смертной казни, — но мы не можем изменить отношения к ней русского народа.

Уже бояре Владимира Святого протестовали — и успешно — против предложения византийских миссионеров ввести на Руси смертную казнь. От этих бояр идет непрерывная линия к известной морально-религиозной концепции к Елизавете, к судебным уставам Александра II и к тому отвращению к смертной казни, которое со стороны русских масс проявлено в революционное время.

Русское — не византийское — православное сознание ищет Правды-Справедливости, достигаемой не путем насилия и обмана, а путем понимания и любви, на путях преобладания во всех человеческих отношениях духовного элемента над материальным. Именно поэтому у нас никогда не расценивались — чин, как он расценивается в Германии, титул, как он расценивается в Англии, или деньги, как они расцениваются в Америке, — у нас преобладала или имела тенденцию преобладать чисто духовная оценка человеческой личности.

Наша литература и даже наши революционеры в их героический период показывали н давали примеры исключительной жертвенности во имя того, что им казалось олицетворением высшей и окончательной правды-справедливости — но безбожной и атеистической — на земле. Дальнейшее развитие этой атеистической правды, не признающей высшей, надчеловеческой ценности человеческой жизнн, — прнвело к бесчеловечности голода, концлагерей и чрезвычаек: коммунизм есть попытка осуществить абсолютную и вбсолютно безбожную правду единственно возможным для нее путем — путем абсолютного насилия.

3. ГРЕХИ ПРОШЛОГО

1. Россия не является нацией Иванов, не помнящих родства. И русская нстория не может быть сброшена со счетов, как нечто, уже пройденное, что уже ничему научить не может. Именно в русской истории вещественно отразились черты национального духа н религиозный смысл существования России. Это вещественное отражение имеет свои греховные стороны — как имеет свои греховные стороны все существующее на земле. Для русского националиста совершенно обязательно самое тщательное изучение русской истории и самый беспощадный анализ ее грехов. Историческое покаяние так же необходимо, как и историческая исповедь нации перед ее Творцом — перед той частицей Бога, которая имеется в душе каждого человека и которая именуется совестью.

2. Основным грехом России является ее собственная измена ее собственному национальному лицу. Измена эта проникла в Россию через ее правивший слой — то есть через дворянство. Была нарушена идея национальной индивидуальности внедрением иноземцев и иноземного влияния, отколовшего дворянство от самых глубинных корней русской духовной культуры. Кульминационным пунктом этого процесса была измена русскому языку н замена его французским.

3. Оторвавшись от истоков русской духовной культуры и создав эпоху исторической неустойчивости и, следовательно, «исторических случайностей» (эпоха русской порнократии), дворянство изменило и второму принципу бытия России — принципу государева служения — и заменило его другим принципом, в корне несовместимым с идеей православия в России, — принципом рабовладельческим.

4. Отрыв от духовных истоков России вызвал отрыв и измену православию. Правящий слой, в его верхах, дал России масонство, вольтерианство, материализм, марксизм и атеизм. Душа православия была заменена внешним обрядом, совершаемым в видах политического приличия. Духовное возглавление церкви было заменено синодской бюрократией, которую правивший слой не удосужился за два столетия заменить исконной формой патриаршества. Культурное творчество России оторвалось от его религиозных истоков и стало в подавляющем большинстве творчеством разлагающим и разрушительным — в особенности в литературе.

5. Отвязавшись от всякого принудительного долга перед страной и нацией, превратив огромное большинство православного русского народа в рабов, нещадно эксплуатируя бесправный труд этих рабов, дворянство всем ходом своих завоеваний было вынуждено создать аппарат для защиты этих завоеваний от русского народа — бюрократию. Точно так же для защиты завоеваний большевицкой революции коммунистическая партия была вынуждена создать аппарат советской бюрократии. Вследствие этого:

монархия, «исправляемая цареубийствами», была заменена столоначальниками,

православие было заменено обер-прокурорами,

армия была заменена сухомлиновыми.

Гений русского народа был зажат в железные тиски крепостничества н тех его пережитков, которые существовали вплоть до 1917 года.

6. С этой точки зрения революционное состояние России, которое хронически длилось весь прошлый век и закончилось рядом взрывов в начале нынешнего, — есть неизбежное последствие внутренней борьбы русского народа за его освобождение. Отвратительные и кровавые русские революции 1905 н 1917 годов есть неизбежная расплата за основной грех русского народа, за грех его бессилия: за то, что он в течение двухсот лет не сумел справиться со своим дворянством.

7. С этой точки зрения влияние всех чужих и чуждых сил на ход нашей истории нужно признать совершенно второстепенным. Здоровый правящий слой, не оторванный от народа, от его языка, его верований и его идеалов, — не стал бы лезть в масонские ложи, не допустил бы поражения даже и в борьбе с азиатскими противниками, не позволил бы еврейству захватить руководящую роль и не стал бы этому еврейству продаваться и оптом и в розницу. С той же точки зрения основная проблема возрождения России есть проблема нового правящего слоя.

4. ЗАКОН И ДУХ

1. Все существующие н в России и в эмиграцин политические программы стоят еще меньше, чем стоят «писаные конституции». Государство управляется не на основе писаной конституции, оно управляется на основе реального соотношения общественных сил, то есть в основном — соотношения сил различных групп правящего слоя. Английская неписаная конституция выражает собою стабилизированное соотношение общественных сил и продержалась столетия. Балканские писаные конституции меняются приблизительно ежегодно: другое соотношение сил. Южно-американские — сменяются раза трн в год: третье соотношение сил.

2. Управляясь на основании соотношения общественных сил, государство существует не благодаря писаному закону, а благодаря известному уровню общественной морали, делающей технически возможным применение

закона. Если нация морально разложена, то не найдется ни добросовестных судей, ни добросовестных городовых: «всуе законы писать, если их некому исполнять», — наступает распад нации и государства. Воруют все. Так у нас воровали перед 1905 годом.

3. Поэтому всякая разумная политическая программа может совершенно свободно оставить в стороне, на втором плане, вопросы будущего административного деления или технику организации волостных партийных ячеек. Первый вопрос, который должен быть предъявлен всякой политической программе, — это вопрос о духе: во имя чего строится нация и государство. И второй вопрос: каким именно орудием строились и будут строиться нация и государство.

4. Никакая разумная политическая программа не может быть изобретена, как не могут быть изобретены свойства национального духа или обстоятельства национальной истории и географии. Изобретенная политическая программа в самом успешном случае будет иметь своим последствием национальную катастрофу (у нас — либеральная программа кадетов и марксистская программа коммунистов).

5. Основные исходные точки разумной политической программы должны быть найдены, раскрыты в русском прошлом. В нем же должны быть найдены и раскрыты причины всех болезней национального роста и национального бытия.

5. ДВА ПЕРИОДА

1. Национальные основы русского государственного бытия нашли свое наиболее яркое выражение в Московском Царстве. Писаной конституции в нем не было никакой. Не было никакого закона, который регулировал бы отношение церкви к государству. Не было никакой хартии вольностей, которая ограждала бы права русских феодалов перед лицом русской короны. Однако: когда нужны были соборы — созывались соборы, и они даже и не пытались захватывать власть, как это делали западно-европейские парламенты и как это пыталась сделать их неудачная копия — Государственная Дума. Власть и церковь никогда не боролись, одна — за обладание мечом духовной власти, другая — за обладание мечом светской: обе силы всячески поддерживали друг друга. При страшной тяжести внешних условий Московское Царство имело наиболее справедливый социальный строй из всех современных ему государств мира. Оно имело также наиболее крепкое и законченное национальное единство. Именно эти данные позволили Московской Руси выполнить исторические задачи, которые России петербургской уже были не под силу. Московская Русь была относительно сильнее и культурнее России петербургской. Именно она разрешила величайшие и труднейшие задачи национального бытия: ликвидацию Степи, подрыв Польши и Ливонского ордена, присоединение Украины, завоевание Сибири, начало завоевания Кавказа. Империя только собирала плоды московского цветения. Кроме того Москва боролась и в основном проломала ту экономическую, техническую и культурную блокаду, которою ее окружили Польша, Ливонский орден и Швеция. Дворянство Московского Царства было служилым слоем — служилой интеллигенцией — и по своим экономическим и психологическим основам ничего общего, кроме названия, не имело с дворянством петербургского периода.

2. Петербургский период нашей истории был периодом неуклонной национальной деградации России. Взяв кое-что (очень немного) от европейской техники, — Петербург продал русский национальный дух. Девятнадцатый век был веком непрерывного государственного отставания России от ее соседей и соперников. После взлета 1812 года, созданного народной войной, войной, в которой регулярная армия сыграла сравнительно второстепенную роль, — Россия отстала от Германии, от Америки, от Англии и даже от Японии. К началу мировой войны русская армия, по свидетельству русских же военных авторитетов, превратилась во второстепенную армию. И Империя Российская, несмотря на ее гигантские материальные и человеческие ресурсы, превратилась во второстепенную державу — игрушку чужой дипломатии.

3. В Отечественную войну нас втянули англо-масонские влияния (убийство имп. Павла), как втянули и в мировую. Московская Русь никогда не воевала под иностранными влияниями. Почти половина наших войн петербургского периода носила чисто авантюрный характер — как итальянские походы Суворова, как подавление венгерской революции, как авантюрно начатая и бездарно законченная японская война. Москва никаких авантюрных войн не вела. Москва была Империей и до Петра — как Англия была Империей и до Биконсфильда. Петр только зафиксировал положение вещей, созданное Москвой — как Биконсфильд зафиксировал положение вещей, созданное Ост-Индской компанией.

4. Возврат к истокам нашего национального бытия есть в основном возврат к государственным принципам Московского Царства — единения царя, церкви и народа — единоличной государственной власти и единоличной церковной власти, опирающихся на единство и нераздельность национального, государственного и религиозного сознания народа. Эти же принципы включают в себя и принцип бессословной «государевой службы», подчинения частного интереса национальному, борьбу с «местничеством», в чем бы оно ни выражалось, в титулах, в чинах или в капиталах.

5. В наших данных условиях все это сводится прежде всего: а) к установлению основных линий органического развития России и б) к воссозданию правящего слоя, который обладал бы достаточной волей и разумом, чтобы успешно поставить себя на службу основным принципам российского национального бытия.

6. МОНАРХИЯ

1. Монархия является не только формой правления, типически свойственной русской национальной идее, но точкой концентрации всех творческих национальных сил.

2. Наше движение отметает вопрос об абсолютной самодержавной или ограниченной монархии — как вопрос чисто схоластический. Ни абсолютной, ни самодержавной монархии никогда в истории мира не было и быть не может. Может быть самодержавие гения, не связанного с монархией, как Наполеон и Гитлер, или связанного с монархией, как Петр I. Но всякие гении преходящи, как преходяща отдельная человеческая жизнь. Монархия есть принцип, далеко выходящий за пределы отдельной человеческой жизни.

3. Московская монархия ни в каких конституциях не нуждалась по той простой причине, что, идя во главе общего течения национальной жизни, она на своем пути встречала не попытки ограничения, а всяческую поддержку основных сил русского народа. Эти

силы были заинтересованы никак не в ограничении, а только в усилении роли монархии. Церковь, купечество, тогдашнее дворянство и крестьянство неизменно приходили на помощь монархии во все моменты ее неустойчивости. Дворянство московской эпохи было служилым элементом, московской технократией. Роль позднейшего дворянства тогда выполняли князья и княжата. Опричнина и Смутное время были двумя революциями против этого слоя: опричнина — революцией сверху, Смутное время — революцией снизу.

4. После смерти Петра I монархия попала под дворянский арест с угрозой смертной казни в случае неповиновения правящему слою. Монархия девятнадцатого века не сумела повторить опричнины и была увлечена гниением и гибелью дворянского правящего слоя. Монархия будущая мыслима только и исключительно как общенародная монархия, идущая нога в ногу с новым правящим слоем, то есть с русской национальной интеллигенцией.

5. В порядке иерархии земных ценностей наше движение ставит на первое место Россию, потом монархию, потом династию, потом отдельных членов династии. Идеальным, но от нас мало зависящим выходом из сегодняшней катастрофы было бы гармоничное сочетание династии с историческими нуждами России и с современными требованиями сегодняшнего века.

6. Наше движение пытается и будет пытаться создать общественную атмосферу, которая ликвидировала бы пустоту, существовавшую между Династией и нацией — средостение между Царем и народом. Или, иначе, мы будем создавать монархическое общественное мнение, категорически враждебное каким бы то ни было формам сословной реставрации.

7. Учитывая тяжкий, кровавый и позорный опыт реставрации Бурбонов во Франции, принесшей на иностранных штыках реставрацию старого правящего слоя, — наше движение категорически выступит против всех представителей Династии, которые свяжут себя с этим слоем, — как оно выступало против представителей Династии, связавших себя со второй советской партией. Мы отдаем себе совершенно ясный отчет, что борьба за монархию, прикрывающую старый правящий слой, будет борьбой прежде всего совершенно безнадежной. Тогда перед нашим движением, как и перед всей Россией вообще, станет вопрос об отказе от принципов легитимизма. Уклонение от этого отказа было бы равносильно политическому самоубийству во имя мертвых идей и мертвого прошлого.

8. Осуществление русской национальной революции при участии монархии приведет к самодержавию интеллигенции, ограниченному монархией и теми моральными принципами, которые она воплощала в себе. Осуществление той же революции без участия монархии приведет к диктатуре интеллигенции с неизбежной борьбой за первое место в этой диктатуре. А также с неизбежным расколом нового правящего слоя и, следовательно, с новым отсутствием национального единства. Отсутствие национального единства вызовет новый припадок национальной слабости — так сказать, государственный обморок России.

9. Мы рассматриваем Династию Романовых как хранительницу огромной моральной ценности — единственно существующий источник бесспорной и бессословной власти. Мы, однако, отдаем себе ясный отчет в том, что, при слабости и изуродованности общественного мнения русской эмиграции, — Династия может быть вовлечена в ошибки, которые совершенно аннулируют весь ее моральный авторитет — как начисто был аннулирован моральный авторитет Бурбонов: в период ста дней Бурбонов не поддержал во Франции никто, и после ста дней Бурбоны снова были водружены силой иностранных штыков. В этом — катастрофическом — случае перед Россией станет вопрос о диктатуре бонапартистского типа с последующей необходимостью восстановления монархии не безусловно легитимным путем.

10. Наше движение отдает себе, с другой стороны, ясный отчет и в чрезвычайно тяжелом положении Династии — и до и после революции. В предреволюционные годы, как и сейчас, Династия была отрезана от народа нашим «средостением», которое предало и Россию, и Династию. Средостение это почти целиком перекочевало в эмиграцию. Для его преодоления необходимы усилия с обеих сторон.

7. ПРАВОСЛАВИЕ

1. Православие является не только и не столько «религией большинства русского народа», сколько религиозно-нравственной основой русского национального государственного творчества.

2. Принцип свободы совести в той формулировке, в которой преподносит его миру западно-европейский либерализм, есть принцип лицемерный: Британская Империя не признает свободы для индусской секты туговдушителей, как американская республика не признает свободы мормонского многоженства. Западно-европейский принцип свободы совести не имеет к России никакого отношения: в России и без этого принципа еретиков не сжигали, альбигойских войн не организовывали и не мешали каждому народу Империи исповедовать всякую общественно-приемлемую религию. Секта скопцов, разумеется, никак не может быть отнесена к общественно-приемлемым религиям.

3. Отстаивая православие как наиболее совершенную религию мира, как величайшее духовное сокровище, сбережение которого поручено русскому народу, Россия только в самых крайних и самых редких случаях посягала на свободу вероисповедания иноверцев. В большинстве случаев это делалось в целях самозащиты. Эти цели, цели национально-религиозной самозащиты, неизбежно встанут перед будущей Россией и перед ее будущим правящим слоем.

4. В периоды великих потрясений Московского Царства церковь неизменно стояла на страже национальных интересов России и всей своей нравственной мощью поддерживала власть в минуты ее слабости. Сословное разложение всего русского национального строя отозвалось и на состоянии церкви. Ее нравственный и государственный авторитет был принижен: сильная церковь не могла бы допустить рабовладельчества, порнократии и цареубийств. Правящему слою нужно было слабое православие.

5. Постепенно деградируя под синодским чиновничьим управлением, церковная организация дошла до полного бессилия, так исчерпывающе проявившегося в 1917 году. Не было нравственного авторитета, не было и авторитетных иерархов. Вместо патриарха были обер-прокуроры — до акушеров включительно, и вместо иерархов были юродствующие, карьерствующие или лакействующие чиновники духовного ведомства. Государство подорвало церковь — и в роковую годину церковь оказалась отсутствующей.

6. В настоящее время ни одна церковная юрисдикция не вправе претендовать на исключительное представительство православия. Ни зарубежные юрисдикции, наследники синодской традиции, по своей воле разорвавшие церковное единство, ни советские митрополиты, не по своей воле пребывающие в юрисдикции ОГПУ.

7. Поэтому перед будущим правящим слоем России встанет настоятельная задача помощи православию — не считаясь с тем, пожелают ли этого или не пожелают отдельные иерархи.

8. Основные задачи возрождения православной церкви сводятся к следующему:

а) Восстановление российского патриарха — с выбором патриарха собором духовенства и мирян.

б) Подготовка и организация православного духовенства в тех формах, которые обеспечивали бы ему необходимый в современных условиях культурный и материальный уровень и вместе с этим достаточный авторитет в глазах своей паствы.

в) Организация православного прихода, как первичной религиозной ячейки, осуществляющей задачи религиозного воспитания и православной взаимопомощи.

г) Предоставление приходам права отвода недостойных пастырей и в то же время обеспечение низового духовенства от административного произвола высшей иерархии.

д) Восстановление монастырей исключительно в качестве рассадников религиозного подвижничества, но никак не в качестве торгово-промышленных предприятий

е) Запрещение какой бы то ни было иноверной проповеди — при сохранении полной терпимости по отношению к уже существующим религиям.

9. Православие, и как национальная религия, и как основа национальной государственности, должно быть поддержано в годину его слабости. Мы не можем допустить удовольствия дальнейшего развала национального единства путем создания новых уний, новых молокан, новых живоцерковников или новых евлогиан. Между тем, уже и сейчас иезуитские организации, с одной стороны, и масонские организации — с другой, создают по всем пограничным пунктам России всякого рода «библейские», «трудовые христианские», униатские и прочие организации, которые при падении большевицкого барьера сразу хлынут в Россию со своими проповедниками, литературой, деньгами и планами. Тогда нам вместо того, чтобы как-то постепенно и с великим тщанием позаботиться о ликвидации раскола с одной стороны и унии с другой стороны, — придется иметь дело с десятками новых уний, новых расколов и новых сект, руководимых и поддерживаемых из заграницы, где, как известно, особо искренних друзей России и в заводе не имеется.

10. Наша организация, хотя и имеющая религиозные основы, но все же чисто политическая, не имеет права вмешиваться во внутренние религиозные дела церкви. Однако она обязана будет поставить перед церковью как перед организацией вопрос о перемещении центра тяжести с формально обрядовой стороны православия на религиозно-воспитательную — и с этой целью настаивать на реорганизации духовного образования и практической деятельности духовенства в народных массах.

8. ПРАВЯЩИЙ СЛОЙ

1. Никакая нация не можст жить без своего правящего слоя — орудия реализации ее жизненных основ. Правящий слой — есть техническое орудие, выполняющее некий общенациональный «заказ». Это орудие никогда не бывает и не может быть совершенным орудием — но оно может проржаветь окончательно, как проржавело русское дворянство девятнадцатого века и как проржавела французская буржуазия начала двадцатого — как ржавел польский правящий слой все последние три столетия. Правящий слой есть орудие нации. Нация без правящего слоя есть нация безоружная.

2. Если первой задачей разумной политической программы является установление исходных начал национального бытия, то вторая задача — это формирование правящего слоя, по мере возможности идейно отвечающего этим исходным началам и технически способного провести их в жизнь.

3. Правящий слой точно так же не может быть изобретен, как не могут быть изобретены исходные начала национального бытия. Правящий слой будущей России будет состоять из русских людей, ныне живущих или под гнетом рассеяния, или под террором ОГПУ. При этом совершенно неизбежно и количественное и качественное преобладание людей, перестрадавших все то, что перестрадала вся Россия за последние двадцать лет. На долю людей зарубежья остается только: раскрытие идей и формирование идейного костяка будущего правящего слоя.

4. Основные слагаемые будущего правящего слоя легко поддаются определению путем исключения.

а) Дворянство — неудачный наследник неудачного русского феодализма, невероятными темпами разлагалось и до революции — и материально и морально. Оно немыслимо не только в качестве иосителя власти, но и в качестве ее соучастника. Иначе говоря, дворянство, как ограниченная законом, экономикой или даже бытом и сознанием группа — мертво совершенно.

б) Русская буржуазия не успела не только прийти к власти, но не успела принять в этой власти решительно никакого участия. Революция уничтожила и те слабые ростки русской буржуазии, которые стали расти в начале двадцатого века. Буржуазии фактически нет ни за рубежом, ни в СССР. Или, во всяком случае, в качестве кандидата на власть русская буржуазия отсутствует начисто.

в) Советский правящий слой — коммунистическая партия, отрезан от народных масс морями крови и ненависти, воспитан на атеизме и насилии, на грабеже и терроре. Его эволюция немыслима, его наследие неприемлемо, его навыки неприменимы.

Остаются, следовательно, два мыслимых кандидата на власть:

а) Некая еще несуществующая партия, которая обопрется на часть интеллигенции и пролетариата и организует аппарат вооруженного выдвиженчества. Это будет очень маловероятным и, во всяком случае, очень кратковременным повторением коммунистической партии — вероятным только в том случае, если ликвидация большевизма произойдет путем партийного раскола.

б) Наша организация, оформив и закрепив основы русской национальной идеи и создав некий, хотя бы и немногочисленный, правящий отбор, будет идти к идейному завоеванию национального отбора всей России.

В первом случае это будет тип диктатуры, опирающейся по преимуществу на временное и организованное насилие. Во втором случае это будет тип монархии — ие отрицающей вполне и насилия (хотя бы в форме уголовных законов), но в основном опирающейся на

чисто нравственный принцип, который по самому существу своему не может вступить в противоречие с интересами и чаяниями основной массы русского народа.

И в том и в другом случае «вся власть» будет принадлежать русской интеллигенции — то есть профессионалам умственного труда, как единственно существующему слою, по своему культурному уровню способному разрешить задачи русского национального и государственного строительства.

5. Само собою разумеется, что этот новый правящий слой не имеет права отметать ни представителей бывшего дворянства, поскольку они являются носителями культурного творчества, ни представителей русской буржуазии, как носителей хозяйственного творчества, ни советской интеллигенции, поскольку она наиболее полно выражает страдания и нужды русского народа и наиболее точно знакома с нынешним положением дел в России — то есть с исходной точкой хозяйствениого и культурного (но не идейного!) строительства страны. Решающая роль будет неизбежно принадлежать нынешней советской интеллигенции. Поэтому «завоевание» большинства эмиграции, невозможное технически, более или менее безразлично практически. Одна из основных задач — подготовка к идейному завоеванию ныне советской интеллигенции. Ленин не завоевывал большинства тогдашней эмиграции — и мы не собираемся завоевывать большинства нынешней.

6. Задача подбора и воспитания этого правящего слоя — из остатков русской национальной интеллигенции за рубежом, из остатков старой русской интеллигенции в СССР и из определяющей массы иовой русской интеллигенции, родившейся в годы коммунизма, — является основной и первоочередной технической задачей восстановления России.

7. Обе последние группы — старая и новая интеллигенция СССР — неизбежно определят собою общее развитие правящего слоя: эти группы превосходят зарубежную интеллигенцию и по своему количеству, и по своему жизненному опыту, и по своей связи с русскими массами. Зарубежная интеллигенция может сыграть только одну роль: роль идейной закваски. Командование будет ей принадлежать или не принадлежать в завнсимости от того и только от того, в какой степени она выполнит эту роль — роль идейной закваски. Техническое использование зарубежной интеллигенции — военной и гражданской — конечно, не является предметом политической программы, как не является предметом политической программы вопрос о приглашении или неприглашении тех или иных иностранных специалистов или концессионеров. Зарубежный профессиональный работник умственного труда, чуждый русской национальной идее, явится таким же наемным «спецом», как иностранные техники и офицеры в китайской промышленности и армии. Или, как спецами или военспецами являлись и являются старые русские инженеры и офицеры в рядах красной промышленности и красной армии. Нам нужны свои работники, которые бы на каждом участке национальной работы — помимо своего ремесла, — давали бы этой работе и свою душу. «Спец» этого дать не может.

9. ПРАВЯЩИЙ СЛОЙ БОЛЬШЕВИЗМА

1. Ведущий слой революции сформировался из революционно-космополитической части русского дворянства. Его родословная: Радищев, декабристы, Герцен, Кропоткин, Плеханов, Савинков, Ленин. Революционная часть дворянства подавляюще превосходила реакционную и в культурном, и в умственном, и, отчасти, в моральном (Герцен, Кропоткин) отношении. Но, объективно, она шла против века налаженной государственной традиции, против основных национальных интересов России.

2. Идя против этих интересов, революционная часть дворянства, уже более или менее потерявшая свое национальное лицо, естественным ходом внутриполитической борьбы вовлекалась в союзы с врагами России вообще — с еврейством в частности и в особенности.

3. Эта борьба, постепенно обостряясь и ожесточаясь, создала в России своеобразную атмосферу почти непрерывной гражданской войны: на низах шли крестьянские и рабочие «беспорядки», обычно с кровавыми результатами; на верхах — схватка двух фракций дворянства превращалась в обнаженный террор с обеих сторон. Апогей всего этого приходится на 1905 — 1906 годы. Екатеринбургское злодеяние символически можно рассматривать как месть одного слоя другому слою — месть Ленина за его казненного брата.

4. Столыпинский период, как ни короток он был, исторически внес в позднейшую историю России нечто, к сожалению, принципиально новое для обеих борющихся фракций: интересы Россин вообще. Столыпинские реформы дали выход творческим силам страны, — и эти силы стали отходить от реакции с одной стороны и от революции с другой стороны. Однако в этот слишком короткий период времени эти силы не успели сорганизоваться. После гибели Столыпина, перед самой войной, организованными оказались: с одной стороны союз объединенного дворянства, плотно окруживший Престол, и с другой стороны — коммунистическая (тогда еще РСДРП(б)) партия, то есть две самых ожесточенных и самых беспринципных силы, какие только и вообще имелись на русских просторах. Первая сила вела к разгрому России извне, вторая — к разгрому ее изнутри. Основная масса культурного слоя России к этому времени уже успела отойти от революционных позиций и стремилась к сближению и с монархией, и с правительством («Вехи»). Союз объединенного дворянства («сферы») сумел удержать свою монополию у Престола — и погиб вместе с ним.

5. Молодые национальные силы этого периода, во-первых, не успели сорганизоваться — главным образом потому, что в условиях бюрократического зажима всякая политическая организация — в особенности молодежная — должна была или подвергнуться полной бюрократизации, или перейти на более или менее нелегальное положение — то есть или потерять всякий смысл, или стать в одни ряды с врагами России.

6. Поэтому после крушения монархии наиболее организованной силой оказался большевизм — все остальные были распылены и неорганизованы. Попытка лучшей части русской молодежи противопоставить большевизму вооруженную силу белых армий была оседлана реакционными элементами — и провалилась совершенно.

7. Большевицкая партия оказалась хозяином России, но сама она попала в пустоту: недавно еще революционная интеллигенция отвернулась от нее, квалифицированный пролетариат ее не поддержал, крестьянство было настроено против большевиков. Большевикам пришлось прибегнуть, с одной стороны, к беспощадному террору против «интеллигентского саботажа» и с другой стороны — к помощи целого ряда нерусских и анти-

русских сил (еврейство, военнопленные, китайцы, латыши и пр.).

8. Таким образом, большевизм, который рассчитывал на поддержку значительной части своих недавних единомышленников, после захвата власти оказался без людей. Началась вербовка сволочи с постепенным истреблением, — уже в рядах самой партии, — всех тех, кто со сволочью идти не хотел. В настоящий момент можно констатировать, что большевицкая партия — такая, какою она пришла к власти, — более или менее полностью съела самое себя. У власти стоит принципиально новый слой, искусственно сформированный из еврейства и подонков всех остальных населяющих Россию народов. В вооруженном подчинении этому слою находится, в частности, и советская интеллигенция всех призывов.

9. Если в свое время не смогли эволюционировать ни французская аристократия, ни наш союз объединенного дворянства, то всякая возможность эволюции большевицкого правящего слоя исключается целиком. Ибо эволюция означает не перемену вывески — хотя бы «интернациональной» на «национальную», а главным образом — если не исключительно — изменение экономической системы или — говоря иначе — уничтожение партией ее собственной питательной среды. Отказ от советских способов хозяйствования, во-первых, в страшной степени укрепил бы позиции наиболее непримиримого врага компартии — крестьянства, во-вторых, перевел бы большинство партии на положение безработных и, что самое важное, в-третьих, вырвал бы из рук партии ее самое сильное оружие: экономический террор. Настоящая эволюция означала бы сдачу на милость победителя.

10. Мы совершенно единодушны с коммунистической партией в оценке того обстоятельства, что в случае подобной капитуляции ни на какую милость рассчитывать не приходится. Следовательно, нам нужно считаться, как с объективно неизбежным фактом, — с полным истреблением ныне существующего правящего слоя СССР, — таким же полным, каким было истребление якобинцев термидором, директорией, консульством, империей и реставрацией. С той только разницей, что во французском случае якобинские остатки некоторое время духовно и материально прокармливались за счет побед революционной Франции, остатки же компартии на такую отсрочку рассчитывать не могут. Иначе говоря: мы будем иметь дело с окончательным физическим истреблением последних остатков русской революционной традиции. Это, однако, еще не означает психологического истребления наследия советского режима и предшествующих ему течений.

11. Новая интеллигенция, полуинтеллигенция и четверть-интеллигенция СССР составит подавляющее большинство будущего правящего и служилого слоев России. Править Россией будет тот, кто сумеет найти общий язык с этой интеллигенцией и руководить ею. Всякие разумные политические тезисы, рассчитанные на реальность, а не на миф, могут с полным безразличием отнестись к их оценке со стороны любых эмигрантских групп — ибо если эти группы и придут в Россию, то уже на нечто готовое, на нечто уже более или менее сформированное. Разумная политическая программа должна быть сформулирована в расчете на подсоветские массы вообще и на подсоветскую интеллигенцию в частности и в особенности.

12. Эта интеллигенция уступает зарубежной в профессиональной квалификации и в уровне формальной культуры. Она превосходит зарубежную уровнем воли, жертвенности и умственных способностей. Она не заражена вождизмом и местничеством и подчинится всякому толковому и вразумительному руководству — не «командованию» начальственного типа. Живя под еврейским давлением, она ликвидировала интернациональное и космополитическое наследие своих отцов, а под давлением голода и «уравниловки» во всех ее видах ликвидировала всякие уравнительные тенденции русского социализма. Она национальна в смысле отрицания всего антирусского — но она еще не знает, в чем именно заключается специфически русское. Она ликвидировала чисто распределительные иллюзии социализма и его ненависть к «буржую», но она только подходит к решению вопроса о новом хозяйственном строе. Вообще: подсоветская интеллигенция следует петровскому завету: «аз есмь в чину учимых и учащих мя требую». Зарубежная, при неизмеримо более слабом политическом опыте, искренне считает себя солью земли, которой политически учиться уже нечему.

13. Однако основное отличие зарубежной национальной интеллигенции от советской, которая «национальна» более зарубежной, заключается в том, что подсоветская интеллигенция в своем подавляющем большинстве совершенно арелигиозна. То есть, не будучи активно антирелигиозной, к вопросам религии равнодушна совершенно. Между тем вне религиозного понимания России — никакая творческая работа нации невозможна вообще.

14. «Общий язык» с советской интеллигенцией никак не означает какого бы то ни было снижения — в пользу демагогии — наших основных идейных установок. Но он означает формулировку этих установок иа понятном для подсоветской интеллигенции языке. Так, тезис монархии не может аргументироваться «помазанием», а тезис православия не может аргументироваться катехизисом. И в том и в другом случае необходима чисто национальная, историческая и философская аргументация. Отстаивая идейные основы православия, мы должны помогать церкви, но на ее помощь рассчитывать не имеем никакого права: тех проповедников, которые имеются в эмиграции, — подсоветские массы вообще и интеллигенция в частности просто не будут слушать. После двадцатилетнего террора и после измены митр. Сергия — у нас нет основания рассчитывать на наличие нужных проповедников и в СССР.

15. Следовательно, нашему движению надлежит всячески отстаивать **идейные основы православия**, категорически отказаться от какой бы то ни было **церковной аргументации**, — а тем более от аргументации доводами какой бы то ни было из многочисленных церковных фракций. На этих путях может быть найден общий язык. И на этих путях может быть найдено и постепенно выковано и закалено то идейное оружие, которое почти полностью отсутствовало у нас в течение последних двух столетий. И так как подсоветская масса и по крови и по духу осталась русской массой, то нет никаких оснований предполагать, что возврат к русским истокам был бы в какой бы то ни было степени утопическим.

10. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

1. Под интеллигенцией мы понимаем слой профессиональных работников умственного труда, т. е. тех людей, для которых умственный труд является единственным или по крайней мере главным источником их существования.

2. Принадлежность к интеллигенции не зависит от социального происхождения, хотя, разумеется, и происхождение, и в особенности среда накладывают известный отпечаток на работу и творчество работников умственного труда. Так, у нас Толстой отражал аристократию, Достоевский — разночинство, Горький — люмпен-пролетариат, Есенин — крестьянство. С другой стороны, господствующие или борющиеся за господство слои и идеи подчиняют себе труд и творчество интеллигенции. Так, во Франции Расин, Корнель и Буало выполняли — сознательно или бессознательно — «социальный заказ» аристократического абсолютизма, Вольтер, Руссо и энциклопедисты — идеи третьего сословия. В современном мире самые грубые выражения этого «социального заказа» мы наблюдаем в СССР и в Америке. В первом случае этот заказ утверждается наганом ОГПУ, во втором — долларом и монополиями миллиардеров.

3. В своем историческом развитии интеллигенция не едина внутри себя и не может быть четко отграничена во вне себя. В ней боролись и борются такие же разделяющие тенденции, какие были и среди дворянства и буржуазии (например, борьба крупного и мелкого дворянства, борьба между финансовым и промышленным капиталом). Интеллигенция не является и не может явиться резко отграниченным слоем. Так, помещик, лично ведущий свое хозяйство, соединяет в своем лице и землевладельца-собственника, и агронома-интеллигента. Так, директор завода обычно является и капиталистом-акционером и организатором-интеллигентом. С другой стороны, в своих низах умственный труд незаметно переходит в механический или физический труд.

4. Тем не менее, основная тенденция развития выражена достаточно ясно. Наиболее типичными представителями интеллигенции, т. е. слоя профессионалов умственного труда являются люди типа Аристотеля, Ломоносова, Канта, Гете, Менделеева, Эдисона. Высшие, т. е. решающие достижения во всех видах духовного творчества доступны только профессионалам, т. е. людям, подчиняющим весь строй своей жизни задачам своей работы.

5. Независимо от своих политических взглядов, интеллигенция является фактически существующей духовной элитой человечества — умственным отбором всего мира. Сословное и классовое наследие прошлого приводит к тому, что в число этого отбора не попадает некоторое, нам неизвестное, число дарований, погибших или гибнущих в силу юридического бесправия (крепостное право) или материальной нужды (пауперизм). Общий культурный подъем мира приводит к тому, что умственный отбор человечества с каждым годом все шире и шире черпается из все более и более широких народных масс.

6. Этот процесс создает, во всяком случае, подавляющее количественное превосходство интеллигенции, вышедшей из народных низов, и снимает с очереди дня марксистские тезисы о дворянской, буржуазной, пролетарской, крестьянской и пр. интеллигенции. Интеллигенция все больше и больше становится отбором не одного сословия или класса, а всей нации, взятой в целом, т. е. внеклассовым и внесословным отбором всего наиболее одаренного, что есть в стране. Иначе говоря, интеллигенция становится общенациональным отбором и общенациональным достоянием. Ломоносов, сын крестьянина, Менделеев, сын дворянина, и Павлов, сын священника, ни в какой степени не отражают в себе их происхождения.

7. Национальная, т. е. внесословная, интеллигенция, естественно, будет ставить интересы нации выше интересов сословия или класса, и с этой точки зрения всякие сословные или классовые психологические пережитки будут служить неизбежным тормозом в любой отрасли умственной деятельности, — в особенности в политической деятельности. Поэтому совершенно не случайно то обстоятельство, что в современной Европе, при всем различии ее политических систем, политически ведущая роль уже перешла к представителям низовой народной интеллигенции. В Англии это группа Чемберлена (внук сапожника), Ллойд-Джорджа (сын мелкого торговца), Мак-Дональда (рабочий). Во Франции — Даладье (сын булочника), в Италии — Муссолини (сын народного учителя), в Германии — Гитлер (сын мелкого чиновника).

8. Одновременно с этим происходит процесс экономической эмансипации интеллигенции: она не нуждается в меценатах. Если средневековый химик был вынужден торговать при герцогских дворах алхимией, а средневековый астроном — астрологией, то современный ученый, писатель, изобретатель или поэт от такой необходимости почти полностью освобождены.

9. Интеллигенция должна ясно осознать свою роль в истории человечества — и свое место в ряду других сословий, классов, слоев и групп. Интеллигенция является единственным или почти единственным творцом всех духовных и интеллектуальных ценностей. Европейское дворянство выступало как класс вооруженных завоевателей, и всякая государственность возникала и крепла не при помощи, а при преодолении дворянства. Буржуазия явилась организатором материального осуществления технических идей, выработанных интеллигенцией. В феодальный период общегосударственная идея вырабатывалась и поддерживалась тогдашней интеллигенцией (французские легисты, наши дьяки и служилые дворяне). Величайший переворот в истории человечества — окончательный разгром феодального строя и замена его буржуазно-капиталистическим — был подготовлен английскими изобретателями и французской философией. В настоящее время вся современная промышленность держится инженерами, конструкторами, изобретателями, экономистами и пр. Большевицкая попытка организовать диктатуру пролетариата закончилась полнейшим провалом: русский пролетариат с полной очевидностью убедился: вопреки марксистскому лозунгу никакого мира он не завоевал, а цепи приобрел совсем уже неудобоносимые. Разрушена иллюзия пролетарского творчества вообще: пролетариат является только слоем технических исполнителей, а никак не слоем руководителей-творцов. Руководители и творцы, вышедшие из его среды, — становятся интеллигенцией и перестают быть «пролетариатом». «Мозолистые руки» имеют право на всяческое уважение, но не имеют никакого права на руководство.

11. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

1. Русская интеллигенция, отчасти развиваясь параллельно западноевропейской интеллигенции, отчасти опережая эту последнюю, имеет свое индивидуальное прошлое, свое индивидуальное настоящее и, следовательно, и свое индивидуальное будущее. К общечеловеческим целям русская интеллигенция шла, идет и будет идти своим неповторимо национальным путем, даже и тогда, когда этот путь называется космополитическим или интернациональным.

2. В прошлом русской интеллигенции был отсутствующий в других странах Европы период служилой технократии — это период Московской Руси, где государственный строй стремился стать строем чисто технократическим, т. е. утверждаться не на принципе происхождения (ликвидация феодализма, борьба с местничеством, разгром княжат и в конце этого периода — табель о рангах) и не на принципе частной земельной собственности (поместная система и ее борьба с вотчинной системой) и, наконец, не на принципах капитализма, которого тогда и вовсе не было. Строй Московской Руси был, по преимуществу, служилым строем (государева служба и государево служение).

3. Этот строй создавал совершенно исключительное по тем временам религиозное, национальное и политическое единство страны. Именно это единство позволило Москве вынести испытания, которые не были бы под силу никакому другому народу, но также и никакому другому строю.

4. Русская интеллигенция 19 века явилась следствием той части петровских реформ, которая угасила русский дух во имя голландского кафтана, которая поставила русскую национальную идею в учебное и подчиненное положение по отношению к национально и государственно отсталым идеям тогдашнего Запада. В течение 18 века был подготоален и закреплен раздел русской служилой интеллигенции, потерявшей свое национальное лицо. 19-й век уже был веком жестокой и кровавой борьбы между двумя течениями разделившегося правящего слоя. На одной стороне было дворянство, ставшее из служилого рабовладельческим, на другой стороне — дворянство, ставшее из национального революционным. Первая часть боролась со второй тюрьмами и виселицами, вторая часть с первой — браунингами и бомбами. Первая часть забыла о России во имя своих сословно-шкурных интересов, вторая — во имя отвлеченных идей социализма, космополитизма и интернационализма. Правая часть забыла о православии, оставив за собой голый официальный обряд и забыв о поисках какой бы то ни было социальной правды на Русской земле. Левая часть вообще отбросила и Бога и церковь во имя поисков правды атеистической. Россия осталась без правящего слоя, без национальной идеи и без православной правды.

5. Политическому делению правящего слоя соответствовало и культурное деление. Реакционно-охранительная часть правящего слоя оказалась культурно отсталой по сравнению с революционно профессиональной интеллигенцией. Эта последняя состояла из людей чрезвычайно высокой личной культуры. Наша профессура, литература, юриспруденция, медицина, техника и пр. почти целиком стояли на революционно-разрушительной стороне. Реакционно-охранительная часть правящего слоя переживала полное безлюдие, моральное и умственное вырождение.

6. В этой братоубийственной распре поражение потерпели обе стороны. С той, однако, поправкой, что реакционно-охранительная часть правящего слоя погибла навсегда, а революционно-интеллигентская, пройдя сквозь советский голод и террор, тюрьмы и концлагеря, дает первые ростки национальной интеллигенции. Точно так же, как гибель жирондистов и террор санкюлотов не поколебали факта победы третьего сословия во Франции — так и пролетарский террор в СССР не колеблет конечной победы русской интеллигенции. Реставрация старого сословно-бюрократического слоя немыслима ни при какой расстановке внешне- и внутриполитических сил. Капиталистических элементов, могущих составить конкуренцию нынешней интеллигенции, нет ни в эмиграции, ни тем более в СССР. Таким образом, русская интеллигенция попадает в беспримерное в истории мира положение: она является единственным слоем в стране, который способен взять власть, единственным существующим и мыслимым наследником коммунистической бюрократии.

7. Русская интеллигенция СССР годами голода и морями крови заплатила за свои уравнительно-космополитические заблуждения. Она познала ценность государственности и долг иерархии — это же познали и народные низы. Она почувствовала долг властвования, как и народные низы поняли ее обязанность властвовать и руководить. Однако интеллигенция СССР, целиком отрезанная от политического опыта всего мира, раздробленная большевицкой слежкой и большевицким террором, лишенная возможности духовного общения, — не в состоянии найти своей стержневой национально-религиозной идеи. Ее в основном уже сформированная технократическая идеология могла бы быть сформулирована так: «Вся власть во имя стройки автотракторной промышленности». Ответа на вопрос о том, во имя чего же нужна автотракторная промышленность, советская интеллигенция еще не имеет, как она не имеет и ответа на вопрос об индивидуальной неповторимости русского государственного бытия.

8. Русская интеллигенция СССР прошла, в частности, длительный опыт непосредственного и равноправного соприкосновения с народными массами, суровую практику советских строек и советских лагерей. Русская интеллигенция зарубежья этой практики не прошла. Обе ее части — и правая, и левая — остались в основном на старых дореволюционных позициях. Левая часть — на позициях еврейского либерализма и космополитизма, правая часть — на позициях старого сословно-бюрократического мировоззрения. Молодые общественные течения эмиграции (по преимуществу фашистского типа) имеют тенденцию уклониться от чисто русского пути и предложить России, вместо голландского кафтана, итальянский или немецкий.

9. Таким образом, русская интеллигенция СССР ищет своего пути, но не может его найти. Интеллигенция зарубежья делает вид, что ищет, но не хочет найти. Русская интеллигенция зарубежья живет или идеями, унаследованными от русского 19-го века, или идеями, заимствованными от нерусского 20-го. Между тем, основной проблемой русского государственного бытия является проблема создания и оформления и нового русского правящего слоя. В данный момент по сравнению с этой задачей все остальные являются второстепенными и производными. Без правящего слоя, который соответствовал бы насущнейшим нуждам русского государственного бытия, не удержится ни монархия, ни республика, как они не удержались в феврале и октябре 1917 года. Новым правящим слоем может быть только интеллигенция, ибо никого другого нет. Для превращения интеллигенции в правящий слой необходима идея, которая объединила бы «специалистов» военного, врачебного, инженерного, учительского и пр. дела вокруг общей национально-государственной идеи и работы. Над профессиональным сознанием представителей отдельных профессий необходимо создать общенациональное сознание прав, обязанностей и долга правящего слоя в его целом.

10. Идея нового национально-православного бессословного и культурно вооруженного правящего слоя есть, если не единственное, то самое ценное, что зарубежье может дать подсоветской России. Опыты идейно безоружной антибольшевицкой борьбы кончились полным и абсолютным провалом. Духовные опорные точки в подсоветской массе вообще и в подсоветской интеллигенции в особенности не могут быть найдены ни на путях сословно-бюрократической реставрации (все белые армии), ни на путях еврейского либерализма (все виды керенщины), ни на путях заграничных заимствований. Они могут быть найдены только в глубочайших корнях нашего прошлого и в совершенно точном учете нашего настоящего. Наше настоящее — это стовосьмидесятимиллионный народ, среди которого отсутствуют и представители феодализма, и представители капитализма, народ, который разными путями выдвинул свой отбор, отчасти изуродованный марксизмом, отчасти искупивший неслыханными страданиями свой вольный и невольный марксистский грех. Этот отбор нуждается в своей идее, ищет эту идею, и эту идею обязаны дать мы.

11. И мы должны сказать, что в данных условиях воля к власти есть наш нравственный долг перед Россией. Но воля к власти не во имя голого аппетита к властвованию и связанных с ним привилегий, а во имя жертвы, подвига и труда. Мы не можем утверждать, что историческая неизбежность прихода к власти интеллигенции обозначает приход к власти нашего поколения. Если у нашего поколения по обе стороны рубежа не хватит воли к власти, воли к дисциплине, воли к жертве и воли к борьбе, то России придется пройти через испытания более тяжкие, чем большевицкий режим: через анархию и раздел, т. е. повторить пути польской шляхты и польской республики. Если у русской интеллигенции не хватит национального чутья для единения на единственно исторически проверенных и практически приложимых основах русского национального бытия, власть может быть захвачена какой-то интеллигентской сектой, которая будет держаться тем же, чем держится интернациональная интеллигентская секта большевиков: террором, грабежом и разорением России.

12. Русской интеллигенции предстоит пройти путь, подобный путям третьего сословия Франции. Это последнее на развалинах феодализма создало неизмеримо более совершенный общественный строй. Этот строй, однако, со дня рождения своего был заражен морально: он отверг религиозные основы человеческого бытия и становится жертвой нравственного вырождения и разложения. Русской интеллигенции предстоит создать общественный строй, который настолько же будет выше буржуазно-капиталистического, насколько этот последний выше феодально-аристократического. Ей предстоит создание православной технократической монархии, — которая будет построена не на вооруженном нвсилии, как феодализм, и не на голом чистогане, как капитализм, а на православной справедливости, на основах духовной свободы, духовной непорабощенности человека. Или — иначе — на приоритете духа над материей, духовных ценностей — над экономическими, любви и дружественности — над рублем и долларом.

13. Устанавливая нашу конечную цель — построение русского православного государства, и технические пути к достижению этой цели — создание нового правящего слоя, мы утверждаем не только необходимость создания этого слоя, но и безусловно возможность этого. Мы категорически отвергаем холливудско-чеховский лубок о безволии и мягкотелости русской интеллигенции. В братоубийственной распре, разделившей русский правящий слой, обе его части — и пристав и террорист — с одинаковым мужеством шли на смерть от бомбы или от виселицы и с одинаковым упорством стояли до конца. Непримиримость к большевизму основной массы эмиграции и затяжка почти на целые четверть века внутрирусской гражданской войны не были бы возможны без тех же качеств воли, упорства и жертвенности. Русская интеллигенция, наконец, при всех ее вольных и невольных грехах, ошибках, поисках и падениях, является группой, более остальных в мире способной действовать во имя нравственных принципов — даже и тогда, когда эти принципы прикрыты уродливой вывеской материалистической философии.

14. Итак, мы считаем приход к власти русской интеллигенции принципиально неизбежным и технически возможным. Отсюда основной лозунг нашего движения: «вся власть русским мозгам», то есть не русской безмозглости и не иностранным вольтерам, гегелям и марксам.

12. СЛУЖИЛЫЙ СЛОЙ

1. Результаты каждого правительственного мероприятия зависят не только от идеи, вложенной в это мероприятие, сколько от того исполнительного вппарата, который будет это мероприятие проводить в жизнь на местах.

2. Исполнительный аппарат будущей России явится слабым местом всего нашего государственного строительства. Довоенный чиновник был очень плох, и самое слово «чиновник» совершенно заслуженно получило ругательный оттенок. Нынешний совслуж — еще хуже. Свойства и довоенной и советской бюрократии являются неизбежным последствием классового строения России — дворянской до революции, пролетарской после нее. И в том и в другом случае власть навязывала своему исполнительному аппарату или сословные или классовые задачи — то есть задачи, шедшие более или менее вразрез с основными интересами народных масс, вызывала недоверие в этих массах, создавала атмосферу (по Каткову) или бездействия, или превышения власти. Это же вырабатывало тип чиновника, который очень плохо служил, но очень хорошо прислуживался.

3. Исполнительный аппарат будущей России в своем подавляющем большинстве составится из представителей нынешней низовой советской интеллигенции, ибо кадры, которые может дать эмиграция, во-первых, сравнительно незначительны и, во-вторых, попадут в Россию далеко не сразу после переворота. Нужно опасаться, что созданные советским бытом навыки администрирования еще долгое время будут сказываться в работе административного аппарата. Тем настоятельнее потребность выработки хотя бы незначительных количественно, но ясно знающих свою цель служебных кадров в эмиграции.

4. Это слабое место русского государственного строительства может быть в некоторой степени укреплено: а) строгой законностью всего государственного управления вообще, б) жестким контролем сверху, в) самым широким и действенным контролем органов местного самоуправления снизу, д) свободой печати в рамках, ограниченных законом, и е) подготовкой в эмиграции схемы и основных кадров служилого слоя.

5. Двухмиллионная масса эмиграции располагает некоторым количеством людей — по преимуществу бывших офицеров, которые не смогут вернуться к своей прежней профессии и которые не нашли никакой новой. Наше движение пытается и будет пытаться подготовить из этих людей остов будущего служилого слоя России. Основная задача в этом отношении — ликвидация всяких иллюзий о возвращении старых традиций, старого сословного строя и старых навыков администрирования.

6. В тех случаях, когда сделать это будет невозможно технически и профессионально, мы будем пытаться подготовить этих людей психологически: указывать им на необходимость нового отношения к народным массам, нового стиля управления и новых задач этого управления.

а. Формирование слоя

1. Феодально дворянский правящий слой вырос из естественного отбора наиболее сильных физически и наиболее воинственных людей, родившихся несколько сот лет тому назад. Буржуазно-капиталистический правящий слой — из наиболее хозяйственных элементов, выдвинувшихся по преимуществу в последнее столетие. В обоих случаях этот отбор шел стихийно. В обоих случаях наследственные признаки слоя — воля и способность к власти, воля и способность к стяжанию — или уже выродились, или вырождаются в ближайших поколениях.

2. Отсюда идет современная тенденция ликвидации всяких наследственных привилегий. По отношению к дворянству мы имеем дело с уже завершившимся фактом. По отношению к буржуазии мы имеем дело с развивающимся процессом (наследственные налоги, капиталистическая конкуренция, кризисы). Ход всего современного исторического развития ведет к тому, что отбор по признаку голубой крови и отбор по признаку толстого кошелька заменяются отбором по признаку одаренности.

3. Если отбор феодальной элиты производился в процессе истребительных феодальных войн, то и нынешний отбор умственной элиты производится (в особенности в общественно-политической области) в обстановке развращающей партийной борьбы, которая в одних случаях создает атмосферу продажности, а в других случаях — атмосферу пресмыкательства. Правильный отбор культурно-правящего слоя затрудняется также дороговизной высщего образования и отсутствием государственной заботы о дарованиях, гибнущих на низах народной жизни.

4. В формирование правящего отбора будущей России — на первых порах неизбежно войдут стихийные и противоречивые факторы. Этот отбор составится из подсоветского большинства и эмигрантского меньшинства. В него с одной стороны попадут люди, еще не пережившие в себе наследия марксистской идеологии, и с другой — люди, не пережившие в себе остатков сословной. В эту элиту неизбежно попадет весьма значительное количество карьеристов и авантюристов. В дальнейшем — перед государственной властью иеизбежно станет вопрос о сознательном и продуманном подборе правящего слоя России.

5. Этот подбор должен быть основан не на случайных и преходящих признаках партийности и не на волчьей борьбе всех против всех, а на исконных, веками проверенных принципах православно-национальной российской государственности. Эти принципы мы понимаем так:

Православный принцип
никак не обязывает граждан Империи — ни к исповеданию догматов православной церкви, ни к исполнению ее обрядов. Православный принцип, — поскольку он выражается не в церковном, а в государственном строительстве, означает: признание духовной свободы каждого человека и, следовательно, уважения к этой свободе; стремление к осуществлению Божьей правды на земле; технически возможную замену принуждения — дружественностью, страха — любовью. Отсюда православная терпимость ко всякой религии, проявляюшей такую же терпимость к религиям России.

Национальный принцип
не означает духовного или материального подавления русским народом остальных населяющих Россию народностей. Принцип православной терпимости и православной дружественности автоматически переносится и в национальное строительство России. Русский народ не является ни избранным народом, ни народом господ: это только народ, которому историческая судьба вручила почетную и тяжкую задачу осуществления Божьей правды на одной шестой части земной суши.

Государственный принцип
означает техническую и административную организацию страны для утверждения внутри и защиты вовне религиозных и национальных основ Империи Российской.

6. В этих очень твердо очерченных, но в то же время и широких рамках — школа, внешкольные организации, армия, церковь, профсоюзы, администрация и пр. обязываются — помимо своих прямых задач — отмечать, поддерживать и выдвигать всякое дарование, попавшее в сферу ведения данной организации. Руководитель всякой организации — и командир полка, и председатель профсоюза, и директор школы, и начальник контрольной палаты — служебно и общественно оцениваются не только по результатам своей непосредственной работы, но и по подбору новых кадров правящего слоя — новых русских дарований.

7. Правящий слой организуется по профессиональному признаку — корпоративная система. Каждая корпорация (построенная приблизительно по типу довоенного «адвокатского сословия»), во-первых, реализует свою власть в своей области и, во-вторых, технически и морально формирует свой состав. Таким образом, например, корпорация инженеров путей сообщения, с одной стороны, реализует свою профессиональную власть на транспорте, представительствует его нужды и интересы в руководящих органах страны и, с другой стороны, поддерживает на возможно более высоком уровне и техническое и моральное состояние корпорации, — беспощадно отметая все технически непригодное и морально неблаговидное.

8. Живым историческим примером и бесспорным доказательством возможности построения таких корпораций является довоенное — отчасти и нынешнее — русское «врачебное сословие», которое, в условиях общей культурной отсталости страны, стояло на самом высоком техническом уровне современности и, в условиях общего морального разброда в стране, — неизмеримо выше любого современного морального уровня.

9. Правящий и служилый слой должны строиться на тех же основах, на каких в свое время строилась и должна строиться дальше русская государственность вообще: широкое самоуправление, самодеятельность и инициатива на низах — ограниченные абсолютной авторитарной властью основных принципов русской государственности. Следовательно, перед правящим слоем стоит задача соединения государственной дисциплины с индивидуальной свободой — проблема, которая не может быть решена никакими законоположениями и которая решается только раскрытием и воспитанием свойств, заложенных в самом существе русского народа.

10. Правящий и служилый слой, наряду с самой суровой ответственностью перед нацией и государством, наряду с самым суровым отсевом всего непригодного — должен быть поставлен в моральные и материальные условия, соответствующие роли этого слоя в строительстве Империи. Сочетание иерархии с независимостью и дисциплины с духовной свободой должно вернуть этот слой на ту государственную высоту, которую он занимал в Московской Руси.

11. Мы считаем наше движение первым и в эмиграции и в СССР движением, пытающимся сознательно оформить и организовать историческую стихийную неизбежность смены правящего слоя и подготовить для этой смены необходимые идейные и организационные предпосылки. Мы будем организовывать и укреплять наше движение в качестве, так сказать, кадрового состава будущего правящего слоя. Идейный костяк этих кадров должен быть сколочен уже в эмиграции — из людей, которые разумом понимают и сердцем приемлют эту безусловную и повелительную историческую необходимость, которые готовы для нее работать и жертвовать, независимо от своих личных, профессиональных, классовых или сословных интересов. Наше движение есть точка кристаллизации нового и неизбежного правящего слоя Российской Империи.

13. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

1. Народно-имперское движение признает право собственности, как изначальный человеческий и творческий инстинкт, но ограничивает это право велениями высшего национально-религиозного сознания. Или, иначе, чувство собственности, могущее иметь и созидательную, и разрушительную роль, наше движение подчиняет высшим национальным интересам. Хозяйство будущей России должно строиться на уважении к праву собственности, приобретенной законным и моральным путем и используемой во благо нации и личности. Из круга этого уважения — а следовательно, и законной защиты — изъемлются растратчики отцовского наследия — типа купеческих саврасов, или хищники народного хозяйства — типа биржевых жидов.

2. Мы отрицаем основной принцип римского права, по которому имущество считается благоприобретенным, пока не будет доказано его незаконное происхождение. Мы выдвигаем другой принцип: в сомнительных случаях доказательство законного и морального происхождения права собственности лежит на обязанности владельца этой собственности. Иллюстрация: если какие-либо «трудящие» или «нетрудящие» христиане или язычники, нефтяные или каменно-угольные журналисты, демократические или тоталитарные политические деятели и министры, взяточники, стависские и барматы, проститутки и прочие разновидности общественного воровства никак не могут быть уличены в том, что вот такого-то числа и из таких-то рук они получили такой-то чек, — то при малейшем сомнении указанные деятели привлекаются к соответственному суду, перед каковым они обязаны доказать законность приобретения своего имущества. Пока эта законность доказана не будет — имущество находится под государственным контролем. Если она не будет доказана вообще — имущество конфискуется. Для честного человека доказательство честного происхождения его имущества обычно ие составляет ровно никаких затруднений — как для нашего движения не составляет решительно никаких затруднений самая публичная отчетность во всех наших поступлениях.

3. Для переходного периода восстановления русского народного хозяйства все ныне государственное имущество СССР принципиально признается государственным имуществом России. Нарушение этого принципа создало бы такое обилие наследственных и прочих исков и тяжеб, которое привело бы русское хозяйство еще в худшее положение, чем оно находится в настоящее время.

4. Следовательно, всякие иски о каких бы то ни было убытках революции и о возмещении за эти убытки отвергаются принципиально. Люди, которые имеют желание такие иски предъявлять, должны понять: именно они являются лицами, понесшими от революции наименьшие убытки: они остались в живых. Аннулируются все довоенные и советские бумаги, займы и обязательства, в чьих бы руках они ни находились.

5. Немедленной денационализации подлежат:

а) мелкое землевлвдение крестьянское, пригородное и усадебное;

б) мелкая недвижимость подгородная и во второстепенных городах;

в) мелкие промысловые и кустарные предприятия, поскольку они не были синдицированы советской властью.

6. Те крупные предприятия, с которыми государственное хозяйствование справиться будет не в состоянии, передаются или частным арендаторам и концессионерам (возможно, и иностранным), или кооперативам, или частным или смешанным акционерным обществам, или — предпочтительно — коллективам инженеров и рабочих данного предприятия. Возможно дальнейшее закрепление отдельных предприятий на правах частной собственности. Машинно-тракторные станции, а также совхозы местного значения передаются органам земского самоуправления. Совхозы, имеющие или промышленное, или опытное всероссийское значение, остаются в управлении центральной власти.

7. Наше движение обязано наметить зарубежных русских техников, инженеров и промышленников, имеющих наибольший и наиболее успешный опыт Западной Европы и Америки, которых оно могло бы рекомендовать (или в неблагоприятном случае — просто назначить) для управления отдельными предприятиями или трестами и синдикатами предприятий.

8. Вопрос о том, какие именно предприятия могут быть оставлены в непосредственном управлении государства, какие переданы на арендных и прочих началах, какие могут быть проданы или переданы на праве новой собственности — может быть решен только в России.

9. Однако, ведущие и крупнейшие отрасли промышленности, транспорта, кредита, стра-

хования, а также и недра, открытые до момента переворота, считаются вечною собственностью государства.

10. Городская недвижимость крупнейших городов или центров остальных городов объявляется национальной собственностью — исходя, во-первых, из общих установок отказа от общей реставрации довоенных имущественных отношений и, во-вторых, из технической необходимости полной перестройки почти всех русских городов.

11. Вся церковная собственность, за исключением монастырских земель, а также земель и предприятий промышленного пользования, немедленно возвращается церкви.

12. Имущество ведомства уделов возвращению не подлежит: Царь есть хозяин всей России, и роль его в качестве частного землевладельца и частного конкурента несовместима с идеей русской монархии.

13. Государство, церковь, печать, школа и общественные организации обязуются воспитывать в нации отношение к собственности, как к обязательству перед государством и нацией, а не как к привилегии, дающей право не делать ничего.

14. ХОЗЯЙСТВО И ПЛАНЫ

1. Вследствие длительной социальной неурядицы в стране, Россия в экономическом отношении являлась самой отсталой страной в Европе. И если хозяйственная производительность России, выраженная в абсолютных цифрах, давала весьма внушительные величины, то та же производительность, выраженная в цифрах на душу населения, а также и потребление, выраженное в душевой средней норме, — были самым низкими в Европе.

2. Советское хозяйствование, создавшее ряд чудовищных диспропорций между тяжелой и легкой промышленностью, в корне подорвавшее сельское хозяйство, окончательно уничтожившее всякую частную инициативу в стране, — обеспечило для России самый низкий хозяйственный уровень в мире.

3. Основной задачей для ближайших десятилетий русского государственного строительства будет хозяйственное строительство. Все остальные внутри- и внешнеполитические задачи России должны быть безусловно подчинены задаче хозяйственного восстановления России и хозяйственного освоения имперской территории. С русской нищетой во всех ее вариантах должно быть покончено навсегда.

4. При неизбежной количественной и качественной слабости государственного аппарата основная работа по хозяйственному восстановлению России неизбежно выпадает на долю частной инициативы. Эта инициатива должна быть руководима единым общегосударственным хозяйственным планом, который должен иметь не характер плана директивы, как в Германии, и не плана-насилия, как в СССР, а плана-предвидения и руководства. При этом надо иметь в виду следующее:

а) И теория, и, в особенности, практика государственного планирования взяты Европой от России. Довоенная Россия имела наибольший в мире сектор государственного хозяйства (казенные заводы и недра, казенные железные дороги, казенные земли и, в особенности, чисто-государственный банк без участия в нем частного капитала). Советское хозяйство все построено на государственном планировании.

б) Современное государственное планирование взято от России — американский «нью дил», германская четырехлетка, итальянская трехлетка. Следовательно — одинаковые тенденции государственного планирования дали: в Германии блестящие результаты, в особенности, в военной области, в Америке — никаких результатов, в СССР — результаты катастрофические.

в) Германское плановое хозяйство построено на принципе подчинения частной инициативы. Американское — на принципе ограничения ее. Советское — на принципе полного ее искоренения. Будущее русское плановое хозяйство должно быть построено на принципе поддержки всякого производительного, то есть неспекулятивного частного почина. И дальнейшего развития почина государственного.

г) Будущее русское правительство — совершенно независимо от своей воли или от своей программы — явится верховным распорядителем хозяйственных судеб России. Это произойдет оттого, что весь основной капитал промышленности окажется в руках правительства, что в его же руках окажется внутренний кредит страны, а также и те иностранные кредиты, которые Россия будет получать из заграницы. В его же распоряжении останутся обычные способы государственного воздействия на хозяйство — тарифная, таможенная, налоговая и кредитная политика. Следовательно, государство будет перегружено хозяйственными задачами, заведомо превышающими возможные наличные силы любого русского правительства. Отсюда — первоочередная задача: разгрузка правительства от хозяйственных мелочей.

д) Народное хозяйство планирует не государство: его планирует государственный чиновник, от качества которого зависят не только принципиальные установки планирования, но и его ежедневная практика. Качества будущего русского чиновника нам даны уже и в настоящем. Само собою разумеется, что основные плановые кадры будут взяты от большевиков: люди Госплана — единственные люди, которые имеют хотя бы приблизительное представление о состоянии русского народного хозяйства.

е) Нужно иметь в виду, что Россия включает в себе все климатические зоны мира — за исключением тропической, и все существующие системы экономического быта — начиная от полудиких охотников севера, через кочевое скотоводство Средней Азии — до самых современных промышленных предприятий и объединений. Единое планирование в этих административных и географических условиях возможно и желательно только в виде самого общего направляющего руководства, но никак не в той форме, в которой оно привело к успеху в Германии и к катастрофе в СССР.

ж) Таким образом, первым этапом государственного планирования народного хозяйства явится раскрепощение и поддержка всякой здоровой частной инициативы — при сохранении за государством ключевых отраслей народного хозяйства: крупнейших предприятий, внешней торговли, транспорта, страхования, кредита. Следующий этап — использование и координация частной инициативы и государственного хозяйства.

5. Перед русским народным хозяйством стоит опасность не недопланирования, а перепланирования. Или, иначе, опасность бюрократизации, тем более острая, чем ниже качества того административного аппарата, на который мы имеем право рассчитывать. Во всех этих условиях — эмигрантская пропаганда планового хозяйства есть почти стопроцентная экономическая безграмотность. Реализация этой пропаганды на практике означала бы отрыв хозяйства от хозяина и передачу его в руки черт его знает какого выдвиженца.

6. Основные линии государственного руководства народным хозяйством в течение восстановительного периода сводятся к следующему:

а) Первое и основное: восстановление сельского хозяйства с последующим его переводом от хозяйства по преимуществу зернового к хозяйству по преимуществу животноводческому и техническому.

б) Разгрузка государства от перегружающих его производственных и торговых функций.

в) Поддержка мелких и средних частных предприятий.

г) Поддержка всех видов общественного, кооперативного, товарищеского и проч. хозяйствования.

д) Восстановление транспорта.

е) Восстановление жилищного фонда.

7. Основные задачи русского народного хозяйства: обеспечение широких народных масс всеми предметами первой необходимости. Самая суровая, пуританская экономия в вопросах роскоши. Отказ от всяких расходов вывесочно-рекламного характера: нужно строить приходы, а не Исаакиевские соборы, нужно строить жилые дома, а не дворцы советов, нужно ввозить племенной скот, а не шампанское. Иначе говоря — народное хозяйство должно стать лицом к народу, а не к дворянской усадьбе или мировой революции.

15. АРМИЯ

1. Российская национальная армия должна быть восстановлена в размерах и в силе, способных противостоять коалиции возможных вооруженных противников России. Количественный коэффициент этой потребности будет зависеть от конкретной международной обстановки.

2. Основное значение должны получить сухопутная армия и воздушный флот. В армии — учитывая неизбежный дальнейший прогресс военной техники — основное значение получают технические части.

3. Морской флот — надводный и подводный — сохраняет лишь подсобное значение береговой обороны в тех случаях, когда эта оборона недостижима технически другим путем, а также как форма сохранения кадров, могущих пригодиться при возможной перемене направления технического прогресса.

4. Создание большого флота откладывается, во всяком случае, до момента решения проблемы соединения хотя бы трех или четырех возможных театров военных действий — Ледовитого океана, Балтийского и Черного морей и Тихого океана (проблема северного морского пути, Беломорско-Балтийского и Черноморско-Балтийского каналов).

5. Решающее значение приобретает авиация, как наиболее мощный вид современного оружия, допускающего переброски в кратчайший срок на любой театр военных действий.

6. Перед военными специалистами будущей России должна быть поставлена задача выработки русской национальной военной доктрины, которая, базируясь на неизменных психологических данных народа — в данном случае на традиции Московской Руси, Потемкина и Суворова, — и на переменных величинах промышленности, техники и возможных противников, создала бы единство военной мысли и, следовательно, единство военного руководства на всех ступенях командования и подчинения.

7. Традиции русской армии последнего столетия никак не могут быть допущены в возрождающуюся национальную русскую армию — ибо это традиции слабости и второсортности, прусской муштры и русского крепостничества, окончательно проверенные целым рядом последовательных разгромов.

8. Организационное построение нынешней красной армии — за некоторыми техническими поправками и при условии полного идеологического перелома — вполне соответствует требованиям современности и нуждам России. Основное: превращение армии из орудия коминтерна в орудие национальной России, из орудия насилия над русским народом в орудие его защиты от внешних врагов, превращение красной армии в армию национальную и православную. Основные линии организации: тесная связь армии с нацией — со всеми слоями нации. Обязательная допризывная и широкая вневойсковая подготовка. Замена строевой муштры спортивной тренировкой. Всяческая поддержка государством спортивных, гимнастических, стрелковых, планерных, авиационных, авиамоторных и других организаций. Обязательное прохождение элементов военной техники в школе: в зависимости от ее типа: в низшей — основы военного дела, в высшей — основы офицерской профессии, в специальных — подготовка военных специалистов в данной области. Передача в распоряжение военного ведомства решающих заводов военной промышленности. Непрерывная связь различных родов оружия путем периодического, хотя бы и поверхностного, дообучения (напр., летчиков — зенитной стрельбе и зенитчиков — авиации). Тесная связь армии с наукой.

9. Традиции довоенной сословно-офицерской касты так же не могут быть допущены в будущей национальной армии, как и традиции советских политкомов. Армия должна быть плотью от плоти всего русского народа, его защитницей, предметом его гордости и его заботы, а не отдельным, изолированным от народа организмом. Русский офицер должен быть поставлен в совершенно иные материальные и моральные условия, чем это было до революции. Совершенно недопустим подбор офицерского состава по принципу отсева из общеобразовательных учебных заведений, то есть из наименее одаренной части юношества. Совершенно недопустимо замыкание офицерства в новую «касту». Система выслуги лет в армии больше, чем где бы то ни было, должна уступить место принципу подбора по одаренности: бездарность в промышленности оплачивается убытками, бездарность в войне оплачивается кровью. Можно допускать бездарных писателей, но бездарный генерал угрожает существованию России. Необходимо добиться такого положения, когда русский офицер был бы предметом гордости не только для себя самого, как это было во времена сухомлиновых, но и для русского народа в его целом, как это было во времена Суворова и Потемкина.

10. В свод основных законов Империи Российской входит закон, безусловно гарантирующий всякому взрослому и неопороченному по суду русскому гражданину право свободного владения ручным огнестрельным оружием: нужно вооружить национальную часть России; антинациональная всегда оказывается вооруженной и помимо закона. Нужно так же возродить в народе свое самоуважение. Угрозе новой дворянской шпаги и нового активистского нагана должна быть противо-

поставлена общерусская винтовка. Так всем будет намного спокойнее.

16. КРЕСТЬЯНСТВО

1. Крестьянство является становым хребтом русской нации — основным источником ее физического, материального, а также и духовного благосостояния. Из всех слоев и сословий русского народа крестьянство наименее повинно в изменах монархии, России и православию. На наших западных окраинах крестьянство оставалось верным России и православию, несмотря на самые жестокие гонения, — в то время, как дворянство приняло католичество и перешло в польский стан. В центре России именно крестьянство сохранило в себе инстинктивные начала государственного строительства, которые даже и в большевицкое время остановили угрожавший России распад. На востоке — именно крестьянство осталось верным старообрядчеству — самой исконной и самой мощной форме православия. В последнее столетие крестьянство, несмотря на то, что оно было ограничено в правах гораздо больше, чем еврейство (еврейство не знало крепостного права), дало России ряд ее наиболее выдающихся хозяйственных деятелей. Историю новейшей русской культуры принято считать от Пушкина. Не отрицая пушкинских заслуг, доступных всякому, правильнее было бы считать родоначальником новой русской культуры Ломоносова, заслуги которого понятны не всякому.

2. И в то же время крестьянство явилось объектом самых мучительных экспериментов со стороны и крепостнического, и коммунистического дворянства. В первом случае — во имя идеи дворянского кармана, во втором случае — во имя идеи мировой революции.

3. Белые движения совершили чудовищную и преступную ошибку, оттолкнув крестьянскую поддержку. Мы считаем, что вне этой поддержки никакое дальнейшее государственное строительство невозможно. Крестьянство является не только подавляющим большинством населения России (в особенности принимая во внимание рост и пролетариата и интеллигенции за счет выходцев из крестьянства), но и тем слоем, в котором государственное и религиозное сознание сохранилось в наименее испорченном виде.

4. Слабые стороны крестьянства: его распыленность — неизбежное следствие земледельческого труда, и его культурная отсталость по сравнению с его более счастливыми западно-европейскими сотоварищами — следствие искусственной задержки крестьянского просвещения во всех его видах — в особенности в течение 19 века.

5. Будущая национальная власть России обязана сделать то, что сделали итальянский фашизм и германский национал-социализм: вернуть крестьянству его почетное положение в нации и в Империи. Обеспечить его культурной, технической и экономической помощью. Создать широкое крестьянское самоуправление (волостное земство, все виды сельской кооперации, участие организованного крестьянства в управлении страной).

6. Первая и основная забота нашего движения — это забота о крестьянстве. Россия изголодалась до степени биологической неполноценности. Россию прежде всего надо накормить. «Накормить Россию» не в состоянии никакое правительство мира — ее может накормить только крестьянство. Без его свободной самодеятельности, обеспеченной всеми видами государственной помощи, Россия не может быть сыта. Без крепкого, культурного, православного мужика Россия никогда не сможет ни построить своей культуры, ни отстоять своего мирового места в ряду других держав, ни создать боеспособной армии, ни построить мощной промышленности: все «русские вопросы» упираются в конечном счете в «крестьянский вопрос», то есть в вопрос о материальных и моральных условиях существования подавляющего большинства русского народа. Вне удовлетворительного решения этого вопроса не может быть найдено удовлетворительное решение никаких вопросов русского государственного бытия.

7. Основная проблема крестьянского устроения — земельный вопрос — в основных чертах решена столыпинской реформой, революцией и НЭПом: это мелкое и среднее трудовое землевладение, предельные размеры которого будут установлены в зависимости от местных условий разных областей России. Возвращение бывших помещичьих земель исключается совершенно. Современные машинно-тракторные станции и совхозы передаются в ведение органов местного самоуправления (земства). Существование крупных земельных владений промышленного характера — на правах собственности или на правах долгосрочной аренды — решается в порядке отдельных лицензий, выдаваемых уполномоченными органами государственной власти.

17. РАБОЧИЙ ВОПРОС

1. Россия не имеет или почти не имеет наследственного пролетариата Западной Европы, выросшего столетиями на базе цехового ремесла. Незначительный наследственный пролетариат довоенной России или погиб в гражданской войне, или перешел в ряды советской бюрократии, или распылился среди пролетариата советского происхождения. Этот последний в своем подавляющем большинстве состоит из тех крестьянских выходцев, которым пребывание в деревне было особенно неудобно — то есть из представителей так называемого кулачества. Однако, неизбежное превращение России из чисто аграрной страны в аграрно-индустриальную ставит крест над всеми славянофильскими попытками отмахнуться не только от решения, но и от постановки рабочего вопроса.

2. От существования мощной русской промышленности зависит самостоятельное существование России вообще. Мощная промышленность невозможна без существования культурного, квалифицированного и обеспеченного рабочего класса. Власть обязана принять меры по крайней мере к тому, чтобы не создавать для этого класса источников постоянного недовольства. Эта проблема для будущей России будет тем более простой, что советская практика излечила русский пролетариат от его революционно-марксистских иллюзий и продемонстрировала всю тщету «пролетарской диктатуры».

3. Основные линии решения рабочего вопроса сводятся к следующему:

а) Обеспечение рабочих тем жизненным уровнем, который допускается состоянием производительных сил страны. Следовательно — рабочий, с одной стороны, не имеет права претендовать на привилегированное положение за счет крестьян и служащих и, с другой стороны, имеет право на государственное внимание к его нуждам. Повышение жизненного уровня рабочих не может быть достигнуто путем простого повышения заработной платы, грозящего новой инфляцией. Главный вопрос — продовольственный — может быть решен только раскрепощением крестьянства, которое, с одной стороны, создает для промышленности сбытовой рынок и, с другой стороны, ликвидирует хроническое советское недоедание. Другой вопрос — жилищный — может быть решен, во-первых, форсированием жилищного строительства и, во-вторых, значительным отливом в деревню искусственно созданного большевизмом городского населения.

б) Система социального страхования и медицинской помощи, ныне существующая в СССР, должна быть сохранена и улучшена. С ликвидацией советской нищеты эта система даст автоматическое улучшение своей работы и обеспечит рабочим достаточную уверенность в завтрашнем дне.

в) Профессиональные союзы должны быть построены по производственному, а не по политическому принципу. Их задача: культурное и бытовое обслуживание рабочих масс, представительство рабочих интересов в органах местного самоуправления и в корпоративном народном представительстве.

г) Вопросы участия рабочих в прибылях и в управлении производством должны рассматриваться исключительно как технические, а отнюдь не как принципиально-программные вопросы. Они могут быть решены только экспериментальным путем: из однотипных ста заводов данной отрасли промышленности — на десяти ставится опыт участия рабочих в прибылях и в управлении. Национальная государственная власть учитывает результаты этих экспериментов и в зависимости от этого принимает дальнейшие решения.

д) Государство, совместно с промышленностью и профсоюзами, принимает самые широкие меры к повышению профессиональной квалификации рабочих масс. Государство, промышленность и профсоюзы должны создать такую политическую и моральную атмосферу, в которой рабочий класс чувствовал бы себя не привилегированным классом страны, но и не заброшенным, обиженным и потому принципиально враждебным государству «угнетенным классом». Русский рабочий должен чувствовать себя русским рабочим — то есть полноценным и полноправным членом Российской нации.

18. ШКОЛА

1. Относительное отставание России в течение последнего столетия от остальных государств мира отразилось также и на ее культурном отставании. В потемкинскую эпоху неграмотный русский солдат воевал против такого же неграмотного немецкого. В мировую войну плохо грамотный русский солдат воевал против хорошо грамотного немецкого: это в значительной степени определило и ход войны. Советская власть, подняв элементарную грамотность низов (в том числе и техническую), приложила чрезвычайные усилия для снижения общеобразовательного уровня молодежи и для подавления ее национально-религиозных основ. Перед будущей властью России станут, следовательно, две задачи: а) ликвидация общей культурной отсталости страны и б) ликвидация марксистского наследия во всех его разновидностях. Эта двойная задача будет одной из самых насущных задач восстановления России.

2. Мы считаем, что педагогика вообще — является одной из самых отсталых отраслей человеческого знания: если нет науки о человеке, то тем более нет науки о воспитании человека. Не претендуя на создание этой последней, мы в то же время должны указать основные цели русской школы и отмести ее основные недостатки.

3. В числе этих недостатков основным было преобладание «образования» над «воспитанием». Мы считаем, что качества воли и характера неизмеримо важнее формальных знаний — в особенности в той схоластической и оторванной от жизни форме, в какой давала их довоенная низшая и средняя школа.

4. Таким образом, мы выдвигаем на первый план задачи воспитания — национального воспитания, и формальным знаниям отводим подчиненное место — иначе у нас снова будут хорошо образованные и хорошо подготовленные разрушители России. Формальные четкие знания необходимы только там, где вопрос идет о технике жизни: таблицу умножения нужно знать назубок. Дату Куликовской битвы знать назубок никак не обязательно. Но Куликовская битва должна быть пережита эмоционально, должна войти в состав национального сознания каждого русского.

5. Должна быть проведена самая серьезная борьба со всеми остатками схоластики в преподавании. Преподавание иностранных языков в том виде, в каком оно существовало в наших гимназиях, — вообще не имеет никакого смысла. Изучали три языка (латинский, французский, немецкий) и не знали ни одного. Это же относится к целому ряду других предметов: бесконечные даты и имена в истории — без ясного представления об исторических процессах. Зубрежка на память географии без ясного представления об основных данных отдельных стран, — вообще преобладание притупляющей зубрежки над задачами развития творческих способностей, понимания, ума и воображения.

6. С другой стороны школа, за исключением высшей, страдала чрезвычайной оторванностью от всяких практических жизненных задач.

7. Нам нужна школа:

а) по преимуществу воспитывающая, а не натаскивающая,

б) ярко национальная,

в) близкая к практическим требованиям жизни. То есть сельская школа — с сельскохозяйственным уклоном, городская рабочая — по преимуществу с техническим уклоном (советский фабзавуч), средняя — или чисто техническая, или с установкой на подготовку к более или менее определенной группе высших школ.

8. На школьное и внешкольное воспитание, образование и техническую подготовку молодежи и взрослых государство должно дать максимально возможное количество внимания, усилий и средств, используя все методы и способы: прямое и заочное образование, прессу, радио, кино, общественные организации, армию и пр., создавая экспериментальные педагогические учреждения для поисков более совершенных форм национального воспитания и образования. Накапливавшаяся веками культурная отсталость масс должна быть наверстана в кратчайший промежуток времени: именно от этого зависят в первую голову дальнейшие судьбы России.

19. САМОУПРАВЛЕНИЕ

1. Государство, столь сложное по своему национальному составу, по географическим и климатическим условиям, не может рационально управляться только централизованной администрацией. Поэтому техника управле-

ния должна быть в основном передана органам местного самоуправления — волостным, уездным, губернским и областным земствам.

2. Это самоуправление не должно, однако, противоречить ни государственному единству России, ни единству ее государственной и национальной идеи. Верховная власть устанавливает рамки самоуправления, указывает ему те общегосударственные задачи, которые должны быть выполнены местными силами, и то направление, которого должно придерживаться это самоуправление в местных делах. Верховная власть распускает те органы самоуправления, которые или пожелают стать в оппозицию верховной власти, или окажутся неудачно подобранными. Права самоуправления ограждаются законом от административного произвола, но не ограждаются конституцией от вмешательства верховной власти.

3. Основная ячейка русского самоуправления — волостное земство, избираемое всеми крестьянами волости и при обязательном вхождении в него всех представителей волостной интеллигенции (священник, врач, учитель, агроном). Волостное земство созывается на известный срок и по истечении своих полномочий избирает представителей в уездное земство — то есть людей, уже проверенных на работе в волости. В уездное земство входят также и представители профсоюзов (профессиональных корпораций) данного уезда. Уездное земство, заканчивая срок своих полномочий, таким же путем избирает представителей в губернское земство. Верхней точкой земского самоуправления будет земский собор, составленный из просеянных в практической работе людей. Партийное голосование во всех этих выборах, как и вообще существование политических партий, воспрещается безусловно.

4. Земский собор выделяет специальные комиссии для совместной и постоянной работы с верховными органами управления (министерствами, назначаемыми верховной властью непосредственно). Таким образом, принципы самоуправления практически сливаются с принципами централизованной верховной власти.

5. Земский собор принципиально отличается от парламента системой подбора его членов, его работой с правительством и, в особенности, общим направлением его деятельности. Собор представительствует территориальные и профессиональные интересы, сумма которых, объединенная общей национально-государственной идеей, является интересом России вообще. Но собор никак не представительствует политических партий. Собор — это подсобный орган управления страной, а не конкурент верховной власти. Он, в частности, контролирует работу всей администрации, но, как и эта администрация, он безусловно подчинен верховной власти Монарха.

20. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

1. Мы категорически отбрасываем ту систему насильственной или полунасильственной русификации, которая существовала в России в последние десятилетия. Мы рассматриваем Империю Российскую, как один общий дом, имеющий общие стены и общее центральное отопление, — но в этом доме каждый народ имеет свою квартиру, в которой он, в рамках общегосударственной идеи, устраивается, как ему удобнее.

2. Каждый гражданин и каждая этническая или иная группа населения имеет право говорить, печатать и учиться на любом языке, который эта группа пожелает — однако, не посягая на права государственного языка, поскольку они диктуются технической необходимостью: почта, железные дороги, армия... Таким образом, если на Украине найдется достаточное количество студентов, желающих учиться по-украински — что более чем сомнительно — то государство обязано организовать украинский университет. Но государство также обязано поддерживать и русские университеты на Украине. Мы совершенно уверены, что, при отсутствии политики насилия, чисто технические преимущества русского языка автоматически ликвидируют всякие самостийные тенденции. Культурная самостийность, переходящая в государственный сепаратизм, рассматривается, как государственная измена.

3. Национальное самоуправление реализуется в рамках областного самоуправления. Так, Грузия, как отдельная область, имеет свое областное земство, которое ведет свою работу на грузинском языке, но которое не вправе нарушить общегосударственный принцип путем ущемления законных прав как общегосударственного, так и других языков области.

4. Таким образом, если начальная школа будет по преимуществу или даже исключительно, например, грузинской, то всякий грузин, который пожелает подняться по общественной лестнице, будет поставлен в техническую необходимость знать русский язык. Для работников известного масштаба это знание должно быть государственно обязательным, как оно будет технически обязательным для всей квалифицированной интеллигенции.

21. ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

1. Национальное русское правительство должно закончить попытки всех своих предшественников — начиная с киевских князей — и ликвидировать еврейский вопрос окончательным образом. Единственно возможной формой такой окончательной ликвидации будет эмиграция всех русских евреев в страны, не имеющие с Россией общих границ.

2. Русское правительство, подавляя всякие попытки физического насилия над еврейским населением (погромы), обязано немедленно принять все необходимые административные, экономические и дипломатические меры, чтобы обеспечить выполнение этого плана. Впредь до его выполнения правительство обязано очистить от еврейского участия и еврейского влияния все ведущие отрасли русской национально-государственной жизни.

3. Евреи принципиально не признаются гражданами России и рассматриваются в качестве временных и нежелательных иностранцев.

22. ПЕЧАТЬ

1. Старый правящий слой, по отсталости своей, совершенно выпустил из своих рук такое мощное орудие воспитания нации, как печать. За единичными исключениями, на стороне правительства стояли только бездарные и казенные официозы. На стороне либерально-революционной стояла почти вся русская печать — которая к тому же переживала процесс полного захвата ее еврейством. Советское правительство оказенило вообще всю печать.

2. Мы признаем принцип свободы печати, ограниченной рамками национально-государственной идеи. Свобода печати заключается в праве всякого русского высказывать печатно свои мысли и убеждения. Рамки национально-государственной идеи охраняются законом и судом — а не административным произволом и губернаторскими штрафами.

3. На ряду с прочими корпорациями создается корпорация профессиональных журналистов, состав которой регулируется общими принципами национальной корпоративности. Корпорация, верховно руководимая государством, реализует на своем участке работы общие национальные принципы.

4. Всякое издание обязано публичной отчетностью в своих доходах и расходах. Не допускаются никакие анонимные предприятия. Не допускается т. н. желтая пресса. Не допускается какое бы то ни было участие евреев. Не допускается никакой административный нажим на печать — свобода русской печати ограничивается только законом, судом и корпоративной этикой.

23. ПРАВО

1. В ряду задач, которые станут перед русским государственным строительством, будет стоять задача переработки русского права в сторону очистки его от влияния римского права и тех католических и схоластических элементов, которые проникли к нам вместе с французским правовым сознанием. Нужно будет отойти от принципов Кодекса Юстиниана и вернуться к принципам ярославовой «Русской Правды», к принципам крестьянского мира, к принципам службы и тягла Московской Руси. Нужно ликвидировать раздвоение в правовом сознании русского народа и создать систему правовых установок и правовых норм, соответствующую и характеру, и истории русского народа.

2. Задача эта приобретает тем большую важность, что Россия прежде всего нуждается в праве и законе — а не в административном произволе, какими бы пышными фразами этот произвол ни прикрывался. Русскому человеку нужна твердая уверенность в дозволенном и недозволенном, в труде, имуществе, свободе и жизни. Именно в этом пункте наше движение расходится с группировками фашистского типа, недооценивающими ту жажду твердой, но законной и законно действующей власти, которая явилась неизбежным результатом и предреволюционного периода, и тем более революционного.

3. Эта задача облегчается тем обстоятельством, что в юридическом отношении Россия представит собою пустое место. «Свод Законов» уже умер и его восстание в целом невозможно технически — так как не существует тех имущественных и юридических отношений, на каких он в свое время вырос. Русское право придется строить совсем заново, и нельзя допустить в самых истоках этого правотворчества повторения ошибки раздвоения русского правового сознания. Временное законодательство переходного периода, в которое неизбежно войдут элементы спешки, произвола и неточности, должно все-таки сразу же поставить перед собою определенные правовые цели, а не возводить временный произвол в окончательную систему.

4. Закон должен быть прост, ясен и доступен пониманию всякого среднеразумного человека. Казуистическое наследие средневековой юриспруденции («сенатские разъяснения»), созданное в экономических интересах адвокатского сословия, — должно быть ликвидировано, как и это сословие вообще. Нельзя превращать суд в спортивное состязание между двумя крючкотворцами или краснобаями. Они должны быть заменены институтом корпоративных или государственных правовых советников. Часть гражданского процесса должна быть передана судам присяжных для решения вопроса не только на основании формальных данных («шейлоковский вексель»), но и на основании моральной и национальной целесообразности.

5. В области уголовной репрессии формальные признаки должны быть заменены органическими. Точно так же, как современная медицина отказывается от лечения болезни и лечит организм, взятый в целом, — так и суд должен отказаться от формальных признаков («кража со взломом или без взлома») и оценивать правонарушителя только с точки зрения его пригодности или непригодности для общенационального сожительства. Таким образом, профессиональный вор будет судим не за взлом или отсутствие взлома, а за свою профессию вообще. Нации не нужны субъекты с десятками судимостей. Для них на русских просторах можно найти место для их постоянного и пожизненного жительства. Такое же место можно найти и для пропагандистов всяких новых революционных экспериментов, нужно им предоставить возможность прежде всего попробовать данный эксперимент на самих себе — где-нибудь на Новой Земле или на острове Врангеля.

6. Верхи интеллигенции, ее творческая часть, то есть те люди, которые двигают человечество вперед, — духовно и творчески заинтересованы в том — как заинтересована и вся нация, — чтобы их искания и их творчество не подвергалось уродованию ни со стороны выдвиженцев любого режима, ни со стороны полицейского участка, ни со стороны ОГПУ. Государственная власть никаких духовных ценностей творить не может — как не может создавать поэтов, композиторов, ученых и изобретателей. Административная опека над творчеством этих людей угрожает задержкой роста духовной культуры страны. Но вместе с тем эта культура должна быть законом охранена от всяких разлагающих и революционных влияний — в чем бы они ни выражались.

7. Следуя основной тенденции русского правотворчества, мы принципиально отметаем смертную казнь — допуская ее лишь в случаях особо тяжких государственных преступлений и в особо тяжкие национальные моменты (война и смута).

8. Мы также отметаем принцип возмездия за грехи революции, за исключением верхушки компартии. Для остальных — уцелевших в момент переворота — должна быть объявлена полная и окончательная амнистия. Это вызывается, во-первых, моральной необходимостью дать русской земле отдых от какого бы то ни было террора и, во-вторых, технической невозможностью разобрать все десятки миллионов преступлений революционного периода.

24. РУССКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. Наша программа в своих основных чертах рассчитана не только на переходный период бытия России — она рассчитана на века, ибо она исходит не только из политической потребности и политической моды сегодняш-

него дня, а из самых глубинных, вековых истоков русского национально-государственного инстинкта — такого, каким он проявился не в воображении творцов различных идеологий, а на практике национально-государственной и религиозной деятельности русского народа. Наша программа исходит из того предположения, что основные свойства народа есть неизменные данные, подлежащие только раскрытию, а никак не «исправлению».

2. Самый основной принцип национально-государственной жизни России нам дан в православии. Мы понимаем под православием не ту или другую организацию церкви (до или после никоновскую, патриаршую или синодскую, официальную или старообрядческую, зарубежную или сергиевскую) и не сумму обрядов, меняющихся в веках, и, наконец, не то профессиональное понимание роли православия, которое неизбежно свойственно всякому профессиональному работнику религии, а только и исключительно самую и глубинную основу православия. То есть ту духовную основу, которая отличает православие от всех остальных религий мира. Мы считаем православие национальной религией и национальным сокровищем русского народа. От других религий мира оно отделено точно так же, как русский народ свойствами своего духовного «я» отделен от других народов мира. Проекты слияния христианских церквей (экуменическая ересь) мы считаем такими же антиправославными проектами, как проекты всяческих интернационалов — антинациональными проектами.

3. Отличие православия от всех остальных религий мира заключается (помимо догматической стороны этого вопроса) в признании личной духовной свободы человека, дарованной Искуплением, и личной духовной связи человека с Творцом. Если католицизм есть религия насилия и организации, протестантизм — сделки и расчета, то православие есть религия милости и любви — религия величайшего света и величайшего оптимизма. Это есть основная и неистребимая духовная ценность России, которая не может быть подчинена никаким преходящим задачам государственного строительства, хотя бы потому, что всякое подчинение этой религиозной ценности какой бы то ни было другой — неминуемо и автоматически влечет за собой ослабление и уничтожение России.

4. Политический строй России — монархия — так, как он складывался в веках, не есть чье бы то ни было изобретение или результат чьего бы то ни было насилия — это есть результат вековой работы религиозно-национального инстинкта.

5. Этот политический строй с той степенью точности, которая вообще возможна в земных делах, — отражал идею свободного, не обусловленного насилием, добровольного подчинения свободного человеческого духа высшим ценностям. Поэтому православная монархия оказалась организованной не по принципу конституционной сделки, выраженной в «великой хартии вольностей», и не по принципу вооруженного насилия, выраженного в законе «крови и железа», — а по закону Христа. Этому закону были одинаково подчинены и Царь, и Мужик. Оба, безо всяких конституций, шли к одной и той же цели — и шли одинаковыми путями, и прошли через одну и ту же Голгофу.

6. Мы отдаем себе совершенно ясный отчет в том, что восстановление и очищение этих глубинных истоков религиозно-национальной жизни не может быть достигнуто ни прокламациями, ни даже программами. Антихристовы наследия и дворянского и большевицкого крепостного права потребуют многолетней работы гениев и чиновников, воинов и проповедников, поэтов и изобретателей. Но мы первые вступаем на путь сознательного и продуманного возрождения нашей исконной религиозной, национальной и государственной мощи.

7. Именно поэтому для нас принципиально неприемлемы ни кровавый и насильнический религиозный опыт Западной Европы, ни также опыт ее государственно-строительной истории. Наша религиозная жизнь, как и наша государственная жизнь, — при всех их грехах, — были и останутся впредь — самыми совершенными на земле формами религиозной и государственной жизни. Мы не смущаемся ни Ярославскими-Губельманами с их «Безбожником», ни наследниками Ленина с их коминтерном: все это пройдет. Россия грешна, и Россия больна. Болезнь приходит к самым сильным мужам и грех приходит к самым святым людям. Пытаясь излечить русскую болезнь всеми доступными нам средствами, мы достаточно культурны, чтобы знать: всякая болезнь есть неизбежное последствие предыдущих прегрешений против здоровья.

8. Наши протесты против попыток напялить на русскую спину пиджак с чужого плеча имеют глубочайший религиозно-национальный смысл: они не продиктованы «полемикой». Мы считаем, что даже и те методы национально-государственного строительства, которые в других моральных условиях и у по-иному одаренных народов дают современные успехи, — будучи применены к нашим моральным условиям и к по-русски одаренному русскому народу — дадут результаты катастрофические. Мы считаем, что всякие попытки навязать русской истории нерусские государственные системы, вызванные к жизни задачами внешней торговли и задачами внешней политики (на противоположных полюсах — Англия и Германия), являются новыми попытками замутить и отравить истоки русского религиозно-национального и государственно-творческого инстинкта и сознания. С этими попытками мы боролись, боремся и будем бороться, откуда бы они ни исходили. Россия — сама по себе. Ничего доброго от заграничных идейных импортеров мы до сих пор не видали — и не увидим.

9. Основной грех, который России предстоит преодолеть, — это грех крепостнического наследия и, как его последствие, грех марксистского наследия. Мы никак не отталкиваем живых людей, не по своей вине попавших в дворянство, как не отталкиваем живых русских людей, не по своей вине попавших в марксизм. Но мы с одинаковой беспощадностью относимся как к преступлению крепостничества, так и к преступлению марксизма. Мы не верим в эволюцию советской власти, ибо все, что оттуда произойдет, — произойдет из принципиально зараженного источника. И те люди, которые родятся для политической жизни из «советской эволюции», будут неизбежно носить на челе своем каиново пятно марксизма, хотя бы и прикрытое эволюцией, национализацией и великодержавностью. Нам нужна великодержавность духовной свободы, а не великодержавность универсального рабства.

10. Мы также не верим в эволюцию русского Кобленца — верхов русской эмиграции. Ибо если крепостничество есть грех — то и вся психология и все мировоззрение, возникшее на почве насилия, грабежа и греха, — есть психология религиозно-греховная и национально-преступная, — по ведению или неведению — это более или менее безразлично.

11. Мы — тонкая, но неразрывная нить между необъятным прошлым России и ее неизбежным будущим. Мы — напоминание о великом прошлом и призыв к еще более великому будущему. Наше прошлое — в православном приятии Бога и Мира, и наше будущее — только в том же приятии. Мы не ищем ни союзов, ни соглашений. Мы требуем безусловного подчинения той идее Православия и России, которой и до нас подчинялись поколения и поколения русских людей, создавших самое великое и самое справедливое государство мира.

12. Если мы признаем, что исконной самодовлеющей (онтологической) сущностью национальной идеи России является идея православия, то с совершенно неизбежной логической последовательностью мы должны будем признать, что уроки какой бы то ни было иной государственности, возникшей на какой бы то ни было религиозной системе, для нас непригодны и для нас неприемлемы. Политические заимствования из Америки или Германии будут такой же политической ересью, какой являются религиозные заимствования из Ватикана или от Лютера (уния и секты). Эти попытки под внешне соблазнительными лозунгами протаскивают в русское национальное сознание такие же чужеродные элементы, какие протащили шляхетство, масонство, либерализм, иезуитизм и марксизм. С той только разницей, что результаты нынешних, даже самых благонамеренных, попыток нам угрожают только еще в будущем.

13. Мы являемся ортодоксальными (православными) православными и поэтому ортодоксальными (православными) националистами. Догматы русского национализма для нас также непреложны и непререкаемы, как и догматы православия.

14. Один из самых глубоких и самых симптоматичных догматов православия заключается в том, что никакое таинство не может передать своей благодати без добровольного и сознательного приятия его. Следовательно, таинство, переданное автоматическим или насильственным путем, не имеет никакого значения. Это есть принципиальный отказ от автоматизма и от насилия, а также принципиальное признание свободы человеческого духа, долженствующего сделать свой свободный выбор между добром и злом. Поэтому православие не «понуждает» притти к Богу, как католицизм, и не торгуется с Богом, как протестантизм. Отсюда и идет совершенно иная, чем на Западе, тенденция национального и государственного развития России:

«Единство, говорит оракул наших дней,
Быть может спаяно железом лишь и кровью,
А мы попробуем спаять его любовью
И там посмотрим, что прочней».

Национальное единство страны не трудно удержать в дни счастья и успехов. Наше удержалось в дни величайших страданий и величайшего унижения.

15. С этой, православной, точки зрения мы рассматриваем и жгучий ныне вопрос о тоталитарности, соблазняющий русских «малых сих». Вот наша точка зрения:

а) Тоталитарность есть свойство, имманентно присущее каждому суверенному государству. То есть, каждое суверенное государство принципиально имеет право на жизнь, собственность и действия всех составляющих его граждан.

б) Вопрос о практическом приложении этого принципиального права есть вопрос не идеи, а практики. Русское государство в среднем выводе из истории веков было наиболее тоталитарным государством мира — только это само собой разумелось: Самодержец Всероссийский и «Державный Хозяин Земли Русской». В эпохи величайших напряжений (Отечественная война) все было построено на подчинении всех и всего одной задаче. Александр Первый и толстовский Ферапонт делали одно и то же дело, ибо это дело было делом для всех русских людей само собою разумеющимся.

в) Самые демократические и «свободолюбивые» нации мира в минуты политической необходимости прибегают к самому крайнему тоталитаризму. Так, в Англии в 1940 году правительству предоставлена бесконтрольная власть над жизнью и собственностью всякого гражданина — до членов династии включительно (ссылка герцога Виндзорского).

г) Современные тоталитарные государства строят свою организацию для решения жизненно необходимых внешнеполитических задач. Так, Япония перешла к тоталитарному режиму только на четвертый год затянувшейся сверх всякого ожидания китайской войны.

д) Для России границы «личной свободы» и тоталитарного государственного принуждения будут решаться не в зависимости от «принципа», который нам понятнее, чем кому бы то ни было иному, ибо на тоталитарности самодержавия мы воспитывались тысячу лет, — а только и исключительно в зависимости: а) от технической необходимости и б) от технической возможности. Так, в первые же годы бытия новой России нам будет технически необходим и технически возможен тоталитарный режим в отношении всех иностранных дел, связей и влияний, в том числе, следовательно, и тоталитарный режим по адресу попыток навязать нам чужую идеологию. Будет также технически неизбежным и технически возможным тоталитарный режим в области местной торговли во всех ее вариантах. Будет технически нежелательным, а также и технически невозможным тоталитарный режим в области народного хозяйства, взятого в целом. Целесообразным и возможным будет только контроль над группой предприятий ведущей промышленности — как тяжелой, так, в особенности, легкой. Тоталитарный режим в области администрации будет технически желательным, но и технически невозможным, в силу отсутствия слоя доброкачественных служилых людей. Тоталитарный режим будет политически неизбежным и технически возможным в случае серьезной внешней опасности. Тогда недостаток и недостатки служилого слоя будут компенсироваться общим моральным подъемом страны. Во всех этих случаях наша тоталитарность должна быть тоталитарностью православной: то есть, подчинение всех не классовым, сословным и даже национальным эгоизмам, а равномерная жертва всех во имя идеи православной, русской государственной справедливости.

25. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы — не группа, не партия, не союз и даже не организация. Мы, просто, представители движения, которое началось за тысячу лет до нас и которое будет продолжаться тысячи лет без нас и после нас.

Отечественный архив

«Я НЕ ОТРИЦАЮ СВОЕЙ ВИНЫ...»

(«ДЕЛО» ПЕТРА ОРЕШИНА 1937 ГОДА)

Петр Васильевич Орешин... Единственный из репрессированных крестьянских поэтов старшего поколения, чье творчество было возвращено читателю почти сразу же после официальной реабилитации. Уже в 1958 году была издана его первая посмертная книга стихов.

Возвращение Петра Орешина облегчалось несколькими обстоятельствами, и в первую очередь — его собственным творчеством. Пожалуй, никто более из наделенных Божьим даром крестьянских поэтов не пел с такой открытостью и без всякой задней мысли гимны советской власти.

Петр Орешин заслужил полное право именоваться гражданским певцом и поэтом социалистического реализма. Естественно, что была и оборотная сторона его быстрого посмертного признания, очевидная в наши дни. Его книги выходили до тех пор, пока в забвении пребывали Николай Клюев, Сергей Клычков, Алексей Ганин — его друзья и сподвижники. С возвращением их творчества об Орешине как-то быстро забыли, во всяком случае, он тихо и почти незаметно исчез из контекста разговора о новокрестьянских поэтах — их творчестве и судьбах.

Это несправедливо. Если судьба Орешина «нетипична» для поэтов его поколения, то она весьма «типична» для массы «певцов социалистической деревни» последующей поэтической генерации. Другое дело, что полностью поэт не умещается и в эту злополучную рамку.

Великий эпический поэт Клюев. Тонкий лирик Клычков. Гений русской поэзии Есенин...

А Орешин — «поэт гражданский»? «поэт колхозный»? Мало того, что он уступал в таланте своим друзьям. Он всю жизнь метался — жаждал «спаяться» с революцией и не мог подавить в себе пронзительной лирической ноты.

Не его одного это был удел. Но в случае с Орешиным, поэтом по-настоящему одаренным, этот «разрыв» привел к последствиям буквально катастрофическим.

Сопоменная Русь, куда ты?
Какую песню затянуть?
Как журавли, курлычут хаты,
Поднявшись в неизвестный путь.
....
И что ж? Крестом, как прежде было,
Никто себя не осенил.
Сама земля себя забыла
Под песню журавлиных крыл.

Ой, Русь соломенная, где ты?
Не видно старых наших сел.
Не подивлюсь, коль дед столетний
Себя запишет в комсомол.

Удивительное стихотворение. Подчас кажется, что в одной и той же строке слышатся и радость, и отчаяние, и гнев, и удивление... Пройдет еще несколько лет, прогремят на всю страну бухаринские «Злые заметки», и Орешин ответит на них стихами, исполненными недоумения и решительного несогласия по отношению к филиппикам партийного идеолога: «Не верно, сельские баяны, певцы крестьянской стороны, как будто родине багряной мы стали больше не нужны!» А потом...

А потом коллективизация. Раскулачивание и высылки. Голод и людоедство. А Орешин жаждет доказать, насколько нужны власти «сельские баяны». Он пишет поэму о «Свет-заре Вере Ивановне» (Засулич) и «Свет-Сереженьке Нечаеве», о Руси «с комитетами, с партбилетами... с женотделами, с подотделами!» (эти поэмы — «Вера Засулич» и «Васька» подверглись язвительному и злорадному разносу Осипа Бескина, которого тошнило от самого слова «русский»).

Дальше — еще пуще. В 1938 году Орешин пишет стихотворение, выдержанное в самых восторженных интонациях, в котором, однако, (по воле автора или помимо ее?) возникает картина, будто из кошмарного сновидения.

Село, где я страдал и вырос,
Казалось мне таким родным,
Что от разлуки истомилось
Все сердце, полное былым.

И вот невольно я немею,
И мысли хлынули толпой.
Я ждал всего, но жизнь смелее
Моей фантазии скупой.

Всю степь, всю ширь перекроили,
Узнать нельзя! И нет болот,
И над рекой, где утки жили,
Стекольный пенится завод.

Пришли совсем другие степи —
Железа, стали, кирпича...
И люди все здесь носят кепи
Такие ж, как у Ильича!

Это был все же не сон, а жестокая реальность, вполне реалистическое отражение стандартной уродливой жизни советской деревни 30-х годов. И Орешин с увлечением поет столь полюбившуюся ему современность.

* * *

Так и жил он, пытаясь совместить в своей душе несовместимое — неискорененную любовь к старой России и искреннее увлечение «новью», которая обрекла эту Россию на гибель. И все же одно дело лицемерно восхвалять современность и совсем другое — попытка вписаться в нее без всякой задней мысли, желание стать своим, без оговорок советским поэтом.

Не видеть кошмара окружающей жизни Орешин не мог. Коллективизация нанесла страшный удар по его иллюзиям, а стремление принять и понять ее, одновременно вырывая из себя кровное, родственное, порождало в душе разлад, который неминуемо вел к трагедии, к крушению всей жизни. Оставаясь в своем творчестве вполне лояльным поэтом, Орешин выплескивал всю боль, накопившуюся в душе, на улице и в кругу друзей. Естественно, ему тут же пришлось вплотную познакомиться сначала с органами милиции, а потом и с НКВД.

Еще в 1923 году Орешин стал одним из «героев» печально знаменитого «дела четырех поэтов», когда он вместе с Есениным, Клычковым и Ганиным за откровенные высказывания по адресу властей и их культурной политики был обвинен в антисемитизме (старый и, как видим, живучий метод расправы с недовольными!). Второй раз он встретился лицом к лицу с представителями репрессивных органов в 1934 году.

«Протокол в качестве свидетеля. Город Москва. 1934 год. Ноября месяца, 22 дня, 5 отделение милиции.

Показание свидетеля. Богомолов Григорий Николаевич. 1906 год рождения.

Место работы: 2-го городского дивизиона Фрунзенского района. Третий взвод.

Получаю 135 рублей зарплаты. Женат. На иждивении два ребенка. Образование — сельская школа. Рабочий. Беспартийный. Член профсоюза с 33 года. В запасе. Под судом не был. Место жительства: 2 Извозная улица, 17, барак 7. По делу показываю. Я, Богомолов, стоя на посту 22 ноября 34 года в шесть утра, неизвестный мне гражданин, будучи в нетрезвом виде, вышедши из ресторана «Прага», назвавшийся Орешин, писатель, выйдя на Арбатскую площадь назойливо приставал к проходящим гражданам, выражаясь площадной бранью, наносил оскорбление гражданам. И при том он же с выкриками площадной бранью кричал, что «я вам покажу вместе с товарищем Кагановичем, органами НКВД и так же РКП». Наносил оскорбления мне и часто выкрикивал, что я такая сволочь и так далее.

«Такую сволочь и так далее, как товарища Кагановича, вместе с вами терпеть не могу, как негодяев». В особенности вел себя вызывающе с матом на товарища Кагановича. При доставлении в пятое отделение милиции оказывал сопротивление и в отделении милиции вел себя вызывающе в продолжение своих действий с выкриками на товарища Кагановича. Больше показать ничего не могу.

Записано верно и прочее.
Богомолов.»

*«Помощнику начальника отдела ГУГБ товарищ Алехину
старший участковый инспектор 5 отделения милиции Торцова*

Рапорт

Настоящим сообщаю, что в шесть часов 22 ноября милиционером пятого городского дивизиона товарищем Богомоловым в пятое отделение милиции доставлен гражданин Орешин Петр Васильевич, 1887 года рождения, литератор... Беспартийный. Документов не имеет. За то, что последний, будучи в средней степени опьянения, произносил оскорбления нецензурными словами товарищу Кагановичу, ругая органы НКВД. Последнее могут подтвердить свидетели.

Смотри протокол заявления.

В десять часов утра в личном со мной разговоре гражданин Орешин подтвердил свои выражения по адресу товарища Кагановича и других на тему, почему застрелился Маяковский. «Ваш коммунистический поэт, вы это знаете сами, так как вы до этого довели.»

По вопросу, за что он ругает товарища Кагановича, он заявил, что последний — друг Гронского, никчемного человека. Но в виду этого, что за него Каганович заступается и всячески поддерживает — он идет вверх.

Приложение: протокол и рапорт 22 ноября 34 года».

*«В партком Союза советских писателей
от парторга ДСП товарища Крылова А. Г.*

Заявление

24 февраля сего года Дом советского писателя проводил вечер, посвященный 17-й годовщине Рабоче-крестьянской Красной Армии совместно с подшефной кавшколой. По окончании официальной части концерта командованием кавшколой был организован товарищеский чай для комполитсостава кавшколы, куда были приглашены работники облотдела Осоавиахима и часть наших писателей. Примерно в 12 или в час ночи пришел в ДСП товарищ Орешин (поэт) в сильно нетрезвом состоянии. Спустя некоторое время товарищ Орешин стал вести себя неприлично, нарушая общий ход товарищеской беседы. При содействии писателей — товарищей Матэ Залка, Низового и военных работников Орешин был выведен из гостиной номер восемь вниз. Когда его оставили участники вечера, он снова поднял шум и отбросив окружающих его сотрудников дома начал буянить и разбил канделябр. Я подошел к нему с предложением успокоиться. Он на мое предложение, вызывающе повысив голос, стал ругать площадной бранью советскую власть и товарища Сталина, примерно так: «Советская власть не дает жить порядочным людям, Сталин — сволочь, не может ценить порядочных работников» и так далее. Мне с большим трудом удалось его вывести из дома и отправить в милицию. Проступок товарища Орешина я рассматриваю, как вылазку классового врага, который, будучи в трезвом состоянии, затаенно носил ненависть к советской власти к ее вождям, в пьяном виде которую выразил.

Парторг Дома советского писателя
(подпись неразборчива).
Прилагаю заявление товарища Орешина.»

«Заявление товарища Орешина» в «деле» отсутствует и текст его неизвестен. Никаких следов того, как поэту удалось выкрутиться из этой истории, в имеющихся документах также нет. Далее следуют уже описания 1937 года.

7 сентября был допрошен близкий друг Орешина Сергей Антонович Клычков. Из его «дела» явствует, что протокол первого допроса не

удовлетворил следователей, а жалоба Клычкова на незаконные методы ведения следствия привела их в ярость. За Клычкова взялись всерьез, и поэт, не выдержав мучений, стал давать показания. Вот что, в частности, показал он на очередном допросе.

«**Вопрос**: Что вы можете показать об антисоветской деятельности Орешина?

Ответ: С Орешиным я знаком двадцать лет. Последнее время я встречал его на квартире Кириллова, в редакциях, в групкоме писателей, а чаще всего — в пивных и ресторанах. До последнего времени Орешин поддерживал самую тесную связь с Кирилловым, Павлом Васильевым, Герасимовым, Приблудным и Андреем Новиковым. Орешин по своим убеждениям крайне контрреволюционен. Всем писателям, да и не только писателям известны его погромные антисоветские выходки в общественных местах.

Известно, например, его участие в судебном процессе четырех поэтов во времена Есенина, привлеченных к ответственности за погромное антисемитское выступление в пивной. Должен отметить, что в числе этих четырех поэтов был и я — Клычков.

Я неоднократно слышал от Орешина его оголтелые угрозы и ругательства в адрес руководителей партии и советского правительства. Он неоднократно заявлял: «Перебить нужно всех, перерезать, перевешать, они порядочным людям жить не дают». Особую злобу Орешин питал к Сталину. Такие выпады Орешин допускал не только в узком кругу своих ближайших друзей, но и в общественных местах. Орешин — человек, злобно ненавидящий советскую власть и готовый пойти на любые острые формы борьбы с ней.

Со слов Кириллова мне известно, что в начале 1936 года Орешин им был вовлечен в террористическую группу».

После этого на Орешина было заведено ДЕЛО 14481.

Из справки, предваряющей «дело».

«Орешин Петр Васильевич, 1887 года рождения, беспартийный, русский, образование — низшее. Урожеиец села Галахово бывшей Саратовской губернии Откарского уезда. Литератор.

Проживает: Москва, Трехпрудный, 2, квартира 1 Телефон Г-3-75-89.

Орешин — поэт кулацкой идеологии. Начал печататься с 1919 года. Издано больше тридцати книг его стихов. Враждебная советскому строю направленность стихов Орешина неоднократно разоблачалась советской критикой. Орешин вращается в кругу реакционных антисоветски настроенных поэтов. В прошлом его ближайшими друзьями были поэты — Есенин Сергей, Клюев (выслан).

Неоднократно Орешин в общественных местах устраивал дебоши, вел контрреволюционную агитацию, открыто высказывал угрозы и ругательства по адресу вождей партии.

В 1923 году Орешин был арестован вместе с Есениным за погром, за черносотенную агитацию в ресторане и при задержании оказали сопротивление органам милиции.

В ноябре 1934 года Орешин был задержан на улице при выходе из ресторана «Прага» за антисоветскую агитацию и нецензурную брань по адресу ЦК ВКП(б).

В 1935 году в феврале месяце он также устроил дебош в Доме советского писателя, где вновь допустил контрреволюционные выпады, угрозы и площадную брань по адресу ЦК ВКП(б).

Подобные погромные антисоветские выпады Орешин допустил в марте 1937 года в ресторане и в августе 1937 года в доме отдыха писателей в Гаграх. В процессе следствия по делу участников террористической группы Клычкова С. А. установлено, что Орешин поддерживал тесную связь с террористами — Васильевым, Кирилловым, Герасимовым, Приблудным (осуждены) и в начале 1936 года Кирилловым был вовлечен в террористическую группу...

Арест. Обыск.

Начальник 9 отделения 4 отдела ГУГБ капитан государственной безопасности Журбенко.

Сентября 1937 года».

«Ордер 640. 28 октября 1937 года.

Выдан сотруднику Главного управления государственной безопасности НКВД Балашову на производство ареста и обыска Орешина Петра Васильевича.

Большой Могильцевский переулок, дом 6, квартира 4.

Зам. народного комиссара внутренних дел СССР, начальник 2 отдела ГУГБ (подписи неразборчиво)»

«Народный комиссариат внутренних дел. Главное управление государственной безопасности.

Протокол допроса.

1937 года, октября месяца, 31 дня.

Я, нач. 9 отделения 4-го отдела лейтенант Колосков допросил в качестве обвиняемого

Фамилия — **Орешин.**

Имя, отчество — **Петр Васильевич.**

Дата рождения — **1887 год.**

Место рождения— **город Саратов.**

Место жительства — **Москва, Арбат, Большой Могильцевский, дом 6, квартира 4.**

Национальность и гражданство — **русский. Подданный СССР.**

Паспорт — 5 **отделение милиции города Москвы.**

Род занятий — **литератор по договорам.**

Социальное происхождение — **Отец — приказчик, имущества не имел.**

Социальное положение:

до революции — приказчик,

после революции — литератор.

Состав семьи. **Разведен в 1929 году. Фамилия жены — Криницкая. Сын Константин, 15 лет. Сестра, Марья Васильевна, живет в Баку, Ольга Васильевна — живет в Саратове, Александр Васильевич живет под Москвой.**

Образование — **общеспециальное, низшее.**

Партийность — **в прошлом и настоящем беспартийный.**

Каким репрессиям подвергался до революции — **нет.**

После революции — **четыре привода в милицию за контрреволюционные выпады против ЦК ВКП(б).**

Служба в Красной Армии — **нет. Участие в белых бандах — нет».**

Орешин арестован, когда все его близкие друзья (за исключением Василия Наседкина) были расстреляны. 31 октября его вызвали на первый допрос, но никакого протокола допроса в «деле» нет. Можно только предположить, что за время нигде не отраженной беседы с Колосковым он был доведен до такого состояния, что ему не оставалось больше ничего, как только попытаться спасти собственную жизнь. После соответствующей «обработки» он получил бумагу и карандаш для написания покаянного письма Ежову. Затем последовала очередная серия «увещеваний», после которых Орешин 4 декабря написал новое заявление на имя наркома внутренних дел. А потом Орешин с интервалом в несколько дней давал письменные и устные показания.

Прочтем их в хронологической последовательности. Они дают достаточно полное представление как об атмосфере, сложившейся в кругу крестьянских писателей в 30-е годы, так и о душевном состоянии самого поэта в застенках НКВД. Думается, наш читатель уже без труда отличит правду в показаниях Орешина от самооговора. Единственное, что следует подчеркнуть: Орешин держался до конца и не признавал себя и своих друзей виновными в террористической деятельности. В конце концов его сломали предъявленные ему показания Клычкова, но и здесь он продолжал отрицать наличие каких-либо намерений совершить теракт на практике.

«Народному комиссару внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову арестованного поэта Петра Орешина

Заявление

1. Желая честно и искренне сознаться во всем, в чем я повинен, я признаю, что вел борьбу с советской властью. Я был не согласен с линией партии в деле коллективизации. Что побуждало меня на это? Я считал, что самый процесс коллективизации разорит деревню и приведет к нищете крестьянские массы.

2. Я проводил с писателями контрреволюционную агитацию, осуждающую мероприятия советской власти по линии коллективизации. Разговоры эти проходили почти всегда в квартире писателя-коммуниста Г. Никифорова. Участниками этих разговоров чаще всего были Н. Замошкин, А. Новиков, Артем Веселый и другие. Там же в квартире Никифорова я несколько раз встречал Клычкова, Нарбута, которые также отрицательно относились к коллективизации (а также и к литературной политике). И я разделял с ними эту контрреволюционную точку зрения.

3. Отразились ли эти мои контрреволюционные настроения в моем творчестве? Да, отразились. Я написал две повести «Соловей» и «Королек» и напечатал их в журнале «Красная Новь». По существу это были вредные повести, дискредитирующие политику партии и правительства в вопросе коллективизации сельского хозяйства в деревне. Любое проведение контрреволюции в творчестве выражалось в отходе от современности, от актуальности тематики, что у меня тоже было.

4. Я был в личной близкой и творческой связи с Есениным, Клычковым, Клюевым, Павлом Васильевым. Основой этих связей были общие для нас контрреволюционные шовинистические взгляды. Русь мы представляли себе только как Русь кулацкую, Русь без равноправия национальностей, а с господством русских над всеми другими национальностями. Это нами пропагандировалось и в произведениях и помимо их. Поскольку эти наши взгляды были противоположны линии партии и правительства, то вполне понятно, что проводимая советской партией политика нами резко осуждалась, а руководители партии и правительства дискредитировались.

5. Кроме вышеуказанных причин, начиная с 1928 года мои колебания и контрреволюционные настроения держались под впечатлением разговоров на злободневные темы (о коллективизации и литературных делах) с писателями — Никифоровым, Андреем Новиковым, А. Яковлевым, Андреем Платоновым, Нарбутом, Н. Никандровым и другими. В разговорах этих осуждалась деятельность партии и правительства в деле коллективизации, особенно по линии выкорчевывания кулацких элементов в деревне. В этих антисоветских разговорах я занимал резко враждебную позицию к проводимым партией и правительвом мероприятиям.

6. Начиненный всеми этими контреволюционными разговорами и настроениями я ругательски высказывался о руководителях партии и правительства, в частности, по адресу Сталина.

7. Я не отрицаю своей вины, я виноват в контрреволюционных моих настроениях и выпадах.

Прошу вас, народный комиссар, пощадить меня, дать мне возможность работать, ибо пройденный мною в ошибках и заблуждениях путь теперь позади. Я докажу всей моей последующей жизнью мою чистосердечную преданность нашему народу и правительству.

8. В подробностях о своей контрреволюционной деятельности и антисоветских связях я расскажу в процессе следствия со всей искренностью и чистосердечием.

Петр Орешин 15 ноября 1937 года

Народному комиссару внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову от арестованного поэта Петра Орешина

Заявление

В добавление поданному мною вам, народный комиссар, заявлению должен добавить, что в начале следствия мне было неясно и я плохо понимал сам, что является самым существенным в моем деле.

Указывая в первом моем показании на 22-х страницах на пройденный мною контрреволюционный путь, приведший меня в тюрьму, я сам того не желая, по своей политической отсталости делал неправильные формулировки, тем самым вводил следствие в заблуждение. Заявляю, что я, народный комиссар, делаю сейчас вам самые чистосердечные признания по делу моего контрреволюционного прошлого. Мне было тяжело самому ходить с этим грузом в душе. И я долгое время следствия не умел политически правильно оформить и показать этот груз.

Связанный в начале революции с Есениным, Клюевым и Клычковым, я разделял их шовинистические контрреволюционные настроения, приведшие Есенина, Клычкова и меня на скамью подсудимых.

Позже я был связан дружескими узами с Клычковым, Клюевым, Н. Незлобиным, Никифоровым, Наседкиным, Павлом Дружининым, Спириным, Карповым, Павлом Васильевым, Артемом Веселым. И эта связь с ними, как с поэтами и писателями, привела меня к контрреволюционным действиям, к поступкам, известным следствию. Также я дружил с писателями Александром Яковлевым, Николаем Никандровым, с Герасимовым и Кирилловым. Разговоры с этими людьми создавали мои контрреволюционные настроения, и я был продуктом той среды, которая меня окружала.

Выбившись без всякого образования, я оставался во власти тьмы до последних дней, не понимая, что некоторые из моих друзей с образованием и с большой политической школой сознательно вели контрреволюционную работу, были троцкистами и вели таких как я или Павел Дружинин за собой, скрывая свои истинные намерения, но увлекая не только Павла Дружинина или меня, но, может быть, и других в тяжелые преступления, которые складывали жизнь, на первый взгляд, из «незначительных мелочей». Так случилось и со мной.

Начиненный душевными дружескими разговорами сплошной контрреволюцией, недовольством политикой партии и правительства в деле коллективизации и литературы, я проникался этими глубоко контрреволюционными настроениями. В жизни я видел также недостатки, я проникался злостью на свою не совсем удачную литературную жизнь и материальную необеспеченность. Я стал в ряды недовольных и стал двурушником. С одной стороны писал и печатал книги (всего 42), а с другой продолжал вести контрреволюционные разговоры с «приятелями», и докатился до того, что очутился в никифоровской группировке контрреволюционеров и террористов, куда входили Клычков, Артем Веселый, Андрей Новиков, Николай Замошкин с женой Ольгой Николаевной, сын Никифорова Евгений, Григорий Петрович Князев — коммунист-хозяйственник, приехавший с Сахалина без партбилета и паспорта (старый друг Никифорова).

В течение последних трех лет я три раза был задержан милицией, сопровождался в НКВД за контрреволюционные террористические выпады против Сталина и Кагановича. Очевидно, что получались эти выпады как результат участия в контрреволюционной террористической группе, отмеченной пословицей: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Николай Иванович, я не скрываю от вас ничего. Я с чистым сердцем подхожу к вам, чтобы просить вас о пощаде. Позвольте через вас, Николай Иванович, просить прощения за мои тяжкие грехи у Иосифа Виссарионовича Сталина и Лазаря Моисеевича Кагановича. Я не сплю по ночам в тюрьме. Я сознаю всю тяжесть моих преступлений. И не хочу от вас

скрыть ничего, чтобы очиститься от контрреволюционной скверны до конца.

Пощадите меня. Я отдам жизнь за эту пощаду к своей работой докажу преданность стране и правительству.

Подробные показания о деятельности контрреволюционной террористической деятельности указанной выше группировки и моей лично я расскажу вам на следствии полностью и со всей откровенностью.

Петр Орешин 4 декабря 37 года

Личные показания обвиняемого Петра Васильевича Орешина от 4 декабря 1937 года

Сегодня я подал заявление Народному комиссару внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову, в котором обещал чистосердечно рассказать следствию о деятельности контрреволюционной террористической группы, участником которой я являлся, и подробно рассказать о своей преступной деятельности в этой организации.

Каким образом, какими путями я пришел к этой организации и контрреволюционной террористической деятельности против Иосифа Виссарконовича Сталина и Лазаря Моксеевича Кагановича?

Творческая и личная связь моя с Есениным, Клюевым, Клычковым, Павлом Дружининым, Наседкиным, П. Васильевым, Никифоровым, Яковлевым, Никандровым, Замошкиным окутывала меня с давних пор контрреволюционным плотным туманом, сквозь который я смотрел на революцию и на нашу советскую социалистическую действительность.

Кроме того, высокое положение в литературе лучших писателей и поэтов — М. Пришвина, Сергеева-Ценского, Б. Пастернака, Вересаева, не создавших полезных для революции и социалистической родины художественных произведений, ушедших от революции, а, вернее, не приходивших к ней, поддерживает и, вероятно, будет еще поддерживать всех реакционно и контрреволюционно настроенных писателей меньшего калибра. Зачем же жить интересами революции и родины, интересами сегодняшнего дня, когда можно обойтись без этого и отойти от революции?

Но отказ от революции явно должен привести писателя к контрреволюции. И я тоже, взирая на ряды этих непоколебимых в своем величии вершин художественного мастерства, откатывался к ним, откатывался от революции под сень их могущественного влияния и покровительства

В квартире Никифорова я появился в 1929 году и был постоянным его «гостем». Контрреволюционную зарядку в этой квартире я получал обязательно за вечерним чаем, где присутствовали в разных комбинациях — Клычков, Артем Веселый, Андрей Новиков, Николай Замошкин, сын Никифорова Евгений, жена Никифорова, Г. П. Князев, постоянные гости. Основными темами разговоров 1929 года служили — коллективизация деревни и положение на литературном фронте.

Как относились все вышепоименованные к делу коллективизации? Рассказывались контрреволюционные антиколхозные анекдоты (Никифоров), читались кулацкие контрреволюционные частушки (Артем Веселый). Сам Никифоров показывал гостям кусок деревенского «хлеба», изготоаленного из травы и жмыха отвратительного вида, какого-то серо-бурого цвета. «Вот чем-де питается сейчас деревня. Вот до чего довели деревню, и будет еще хуже, если всех кулаков вытолкнуть из сельского хозяйства. Ведь они же лучшие знатоки сельского хозяйства. Если посеют — хорошо посеют, если вспашут — хорошо вспашут, по-настоящему, не как колхозники, которые на землю смотрят как на чужую, работают нехотя, потому что нет никакого импульса, то есть материальной выгоды от этой работы. Ведь Ленин (разговор Никифорова с Князевым) говорил о кулаках как о деревенской прослойке, пользующейся наемной рабочей силой, а наши-то дураки растряхивают зажиточных, то есть середняков, которые своими руками сколотили зажиточные хозяйства».

Во всех этих разговорах участвовал я, соглашаясь с ними. Подобные разговоры, само собой разумеется, наводили присутствующих не только на контрреволюционные мысли и осуждение генеральной линии ЦК партии, но и решительную борьбу с этой линией. Было ясно, что за столом собирались люди, ненавидевшие генеральную линию партии и ее руководителей, и люди, каждым своим словом боровшиеся с линией партии и создававшие своими разговорами такие настроения, которые можно было бы характеризовать как настроения террористические. И неизвестно, конечно, куда бы докатились эти люди, и я в том числе, с этими своими настроениями борьбы с генеральной линией партии, если бы НКВД во главе с народным комиссаром Николаем Ивановичем Ежовым не оборвали существование этой группы арестом.

Личные показания обвиняемого Петра Васильевича Орешина от 10 декабря 1937 года

В дополнение к моим личным показаниям от 4 декабря 37 года на вопрос следствия о характере и фактах моих террористических высказываний сообщаю. На протяжении всего времени моего участия в контрреволюционной и террористической группе, в которую входили, как я уже показал, Сергей Клычков, Артем Веселый, Андрей Новиков, Николай Замошкин, сын Никифорова Евгений, жена Никифорова Евгения Романовна и Князев Григорий Петрович, нами велись контрреволюционные разговоры, которые в конечном счете сводились к тому, что нужно бороться с той политикой, которую проводит партия, почему я и говорил выше, что «за столом собирались люди, ненавидевшие генеральную линию партии и ее руководителей и каждым своим словом боровшиеся с линией партии и создавшие своими разговорами такие настроения, которые можно характеризовать как настроения террористические».

Такие контрреволюционные террористические разговоры исходили со стороны всех нас.

Считаю нужным заметить, как я понимаю состав этой контрреволюционной группы

1. Никифоров Георгий Константинович. Морально разложившийся человек, мечтающий о славе. Инициатор контрреволюционных разговоров и сборов, которые, как правило, происходили у него на квартире.

2. Никифорова Евгения Романовна, страдавшая от распущенности мужа и находившаяся всецело под его «владычеством».

3. Евгений Никифоров, молодой литератор, пьющий, под влиянием отца не находится, но не меньше всех остальных принимал участие в разговорах.

4. Замошкин Николай Иванович, литературный работник журнала «Колхозник». Ближайший друг Никифорова, посещавший квартиру и участвовавший во всех разговорах.

5. Андрей Новиков. Вечно во хмелю, как и Никифоров. Недовольный советской действительностью. Литературно отошедший от современности.

6. Клычков, террорист.

7. Князев, троцкист.

9. Артем Веселый, троцкист».

Из протокола допроса Орешина Петра Васильевича от 25 декабря 1937 года.

«Вопрос: Вы арестованы как участник антисоветской группы среди литераторов. Признаете ли вы себя виновным?

Ответ: В своем заявлении Народному комиссару внутренних дел я откровенно признал свое участие в антисоветской группе литераторов. Сейчас я вновь подтверждаю свою вину в этом преступлении.

Вопрос: Предлагаем вам дать подробные показания о составе антисоветской группы и о времени ее организации.

Ответ: Должен признать, что еще в 1923 году в результате моего сближения с реакционными поэтами Есениным, С. Клычковым, Клюевым я всецело попал под их влияние и был участником ряда открытых антисоветских выступлений, приобретших широкую известность. Так, в 1923 году после публичной антисоветской выходки мы, то есть я, Орешин, С. Есенин, С. Клычков и начинающий поэт А. Ганин, были привлечены к судебной ответственности. Тогда же наше поведение в советской печати было подвергнуто резкому осуждению. Но это ни меня, ни моих друзей ничему не научило. Мои встречи с Есениным и Клычковым по-прежнему продолжались, и во время этих встреч мы в еще более злобном духе осуждали положение в литературе, характеризуя его как окончательное удушение «истинно русских писателей». Мы говорили, что во всех редакциях и издательствах засели евреи, а «русские писатели сидят на заднем дворе». В связи с такими шовинистическими настроениями у нас родилась мысль о создании своего журнала «Россияне», который должен был бы, по нашим замыслам, сгруппировать вокруг себя «подлинно русских писателей» и проводить «борьбу с еврейским засильем в литературе».

Следует упомянуть, что этой нашей идее сочувствовал довольно широкий круг писателей, из которых назову — А. Чапыгина, А. Неверова, С. Подьячева, В. Шишкова, М. Пришвина, И. Касаткина, С. Малашкина и других.

С. Малашкин, знавший о моих шовинистических настроениях, уже после суда над Есениным выступил с большой статьей в «Рабочей Москве» в мою защиту, всячески восхваляя меня, называя новым Некрасовым. Коммунист И. Касаткин, зная мои антисоветские настроения, усиленно продвигал мои стихи в редактируемом им журнале «Красная Нива» и писал обо мне восторженные статьи.

Наша антисоветская группа встречала полную поддержку и со стороны редакторов больших литературных журналов — троцкистов В. Полонского и А. Воронского, широко печатавших произведения участников нашей группы.

Когда в 1926 году[1] покончил самоубийством С. Есенин, по инициативе С. Клычкова была организована антисоветская демонстрация. Этот факт также был использован нами для широкой агитации среди литературной и художественной интеллигенции «об удушении русской литературы». На фасаде Дома Печати был вывешен плакат с надписью: «Здесь покоится прах великого русского национального писателя Сергея Есенина». Похороны Есенина благодаря нашим стараниям вылились в антисоветскую демонстрацию. Со смертью Есенина наша антисоветская группа не распалась. Мы (Клюев, Клычков и я — Орешин), часто собирались в замкнутом кругу и обсуждали в антисоветском духе положение в стране и в литературе. От открытых антисоветских выступлений мы воздерживались, боясь разоблачений.

Наша антисоветская группа существовала до 1929 года и лично я считаю себя участником этой группы до этого времени.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствию известно, что и после 1929 года вы продолжали антисоветскую деятельность в соучастии с другими лицами. Предлагаем вам дать показания по этому вопросу.

Ответ: Должен признать, что в 1929 году мои политические взгляды и настроения встали в резкое противоречие с политикой, проводившейся коммунистической партией по социалистическому переустройству страны. Я не только не был согласен с политикой коллективизации деревни, но и всем своим существом был против этого. Я искал себе союзников и тянулся к людям, стоявшим на таких же реакционных, кулацких позициях. Как поэт «кулацкой идеологии» я к тому времени был уволен из «Известий», все реже и все труднее мне удавалось напечататься и это меня еще больше озлобляло.

В 1929 году я встретился с писателем-коммунистом Г. Никифоровым и в нем нашел человека, разделявшего мои политические взгляды. С этих пор я стал постоянным гостем Никифорова. В квартире Никифорова часто собирались по вечерам С. Клычков, Артем Веселый, Андрей Новиков, Николай Замошкин, сосед Никифорова троцкист Г. П. Князев. Кроме того, всегда присутствовали при этих беседах жена Никифорова и его сын Евгений.

На этих антисоветских сборищах обсуждалась политика ВКП(б), делались контрреволюционные выпады против руководителей партии и производилась читка антисоветских произведений...

Мне хорошо запомнился такой случай. В конце 1932 года на квартире Никифорова собрались — я, Орешин, троцкист Князев и сам Никифоров. Мы втроем во время беседы о коллективизации сельского хозяйства пришли к выводу, что ЦК ВКП(б) ведет вредную и губительную политику, при этом наши высказывания о руководителях партии носили характер гнусной контрреволюционной клеветы.

Вопрос: Вы показали, что на квартире Никифорова с 1929 года регулярно происходили антисоветские сборища. Уточните, кто был инициатором этих сборищ и кто систематически в них участвовал?

Ответ: Как я уже выше показал, эти сборища носили организованный характер. Инициатором сборищ был Никифоров, представлявший свою квартиру для наших антисоветских собраний. Ядром антисоветской группы, образовавшейся вокруг Никифорова, были — я, Орешин, Князев Григорий Петрович, литератор Николай Замошкин, поэт Сергей Клычков, писатель Андрей Новиков. Помимо этого частым гостем Никифорова и участником наших антисоветских собраний был Артем Веселый, столь же злобно выступавший против политики коллективизации, как и все мы. Бывал на наших сборищах литератор Нарбут, впоследствии арестованный, который всегда активно поддерживал Никифорова, меня и других участников группы, когда мы в антисоветском издевательском духе говорили о политике партии в области литературы. Реже бывал на квартире Никифорова Павел Васильев.

Вопрос: Вы не все показали о преступной деятельности вашей лично и других участников антисоветской группы. Следствие предлагает вам дать показания.

Ответ: Я полностью рассказал о своих преступлениях, известных мне фактах преступной деятельности других участников антисоветской группы. Ничего к этому добавить не могу.

Вопрос: Вами, Никифоровым и другими участниками антисоветской группы были написаны ряд антисоветских произведений, направленных против коллективизации. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Этот факт я признаю. Действительно, Никифоровым была написана кулацкая книга под названием «Встречный ветер», а мною были написаны две повести, явно вредные, кулацкие.

Вопрос: Вы продолжаете запирательство. Преступная деятельность вашей антисоветской группы не ограничивалась только антисоветской агитацией. Дайте показания о террористических намерениях вашей группы.

Ответ: Я это отрицаю.

Вопрос: Предъявляем вам показания С. Клычкова от 7 сентября 1937 года.

«Мне известно, что в начале 1936 года Орешин был вовлечен в террористическую группу. Я неоднократно слышал Орешина и его оголтелые угрозы по адресу руководителей партии и советского правительства. Он неоднократно заявлял: «Перебить нужно всех, перерезать, перевешать, они порядочным людям жить не дают».

Особую злобу Орешин питал к Сталину. Такие выпады Орешин допускал не только в узком кругу ближних своих друзей, но и в общественных местах».

Будете ли вы и после этого отрицать свою террористическую деятельность?

Ответ: Я вынужден признать, что на протяжении всего времени моего участия в антисоветской группе литераторов, в которую входили, как я указал выше, Г. Никифоров, А. Новиков, С. Клычков, Н. Замошкин, Г. П. Князев, жена Никифорова Евгения Романовна, сын Никифорова Евгений Георгиевич и к которым примыкал Артем Веселый, мы неоднократно обсуждали вопрос о необходимости решительной борьбы с руководством партии. Все перечисленные мною люди, собиравшиеся в квартире Никифорова, глубоко ненавидели руководителей партии. В своих выступлениях на наших сборищах говорили о необ-

[1] Так у П. Орешина.

ходимости организации решительной борьбы против партии и советского правительства. О необходимости устранения существующего руководства всеми мерами, вплоть до организации террористических покушений. Я лично озлоблен за свою не совсем удачную литературную жизнь, проникнутую резким недовольством политикой партии и правительства, в порыве такого озлобления выступил с контрреволюционными террористическими призывами не только на сборищах нашей группы у Никифорова, но и в общественных местах...

Вопрос: Какие конкретные действия вами предпринимаются для осуществления ваших террористических намерений?

Ответ: Я на следствии рассказал со всей откровенностью о совершенных своих преступлениях. Я прошу поверить мне, что дальше контрреволюционной агитации и террористических выпадов моя преступная деятельность не шла и никаких конкретных действий для осуществления террора мною не было предпринято.

Вопрос: Что вам известно о террористических планах других участников вашей антисоветской террористической группы?

Ответ: Мне известно только то, что происходило на наших сборищах в квартире Никифорова. Я об этом дал показания. Предпринимались ли какие конкретные шаги другими участниками группы, я не знаю.

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан.

Орешин

Допросил оперуполномоченный (подпись неразборчива)»

В январе 1938 года следствие по «делу» Орешина было закончено. 28 января Орешин письменно подтвердил свои показания, а потом за подписью оперуполномоченного 9 отделения 4 отдела ГУГБ старшего лейтенанта госбезопасности Иоселевича и начальника 9 отделения 4 отдела ГУГБ старшего лейтенанта госбезопасности Журбенко было составлено обвинительное заключение, по которому Орешин обвинялся по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР. На обвинительном заключении и расписались начальник 4 отдела ГУГБ старший майор госбезопасности Литвин и прокурор Союза ССР Вышинский.

После этого еще полтора месяца Орешин просидел во внутренней тюрьме на Лубянке. 15 марта состоялось закрытое судебное заседание военной коллегии. Председатель корвоенюрист Матулевич, члены — бригвоенюристы Кандыбин и Каждан, секретарь — военюрист 1 ранга Батнер, при участии зам. прокурора СССР Рогинского.

Заседание длилось ровно 15 минут. Орешин признал себя виновным, отрицая террористическую деятельность. Приговор — расстрел с конфискацией имущества.

В 1956 году сын Петра Орешина Константин написал секретарю правления СП СССР А. Суркову письмо с просьбой содействовать в деле реабилитации его отца. Тогда же в секретариат поступило письмо от Александра Твардовского.

«Я всячески поддерживаю ходатайство сына покойного поэта Петра Орешина, К. П. Орешина, о реабилитации и восстановлении в правах члена Союза писателей его отца. Не вдаваясь в характеристику творчества Петра Орешина, принадлежащего уже истории советской литературы, полагаю, что издание избранных его стихов было бы делом вполне справедливым в отношении его обширного литературного наследия.

П. В. Орешина я знал лично, будучи с ним соседом по квартире около 1937 — 1938 годов. Он производил впечатление человека честного, любящего родину и стремившегося послужить ей в меру своих сил. Восстановление справедливости в отношении одного из самых ранних певцов революции — акт, который с удовлетворением будет принят нашей литературной общественностью.

22 апреля 56 года.

А.Твардовский».

В Главную военную прокуратуру, 1 спецотдел МВД СССР заведующему отделом ЗАГС Исполкома Моссовета

21 февраля 1959 года.

В 1946 году Первым спецотделом МВД СССР было дано указание в ОАКС управления милиции города Москвы о регистрации смерти Орешина Петра Васильевича, 1887 года рождения, как наступившей 18 марта 1943 года. Эта же дата смерти Орешина была подтверждена письмом Военной коллегии от 12 декабря 1956 года. На основании этого смерть Орешина П. В. была зарегистрирована в Куйбышевском райбюро ЗАГС города Москвы.

В настоящее время установлено, что смерть Орешина наступила 15 марта 1938 года, а не 18 марта 1943 года. Прошу дать указание об исправлении актовой записи о смерти Орешина П. В. и выдачи нового свидетельства гражданину Орешину К. П.

Свидетельство о смерти Орешина П. В. возвращаю.

Зам. председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР генерал-майор юстиции *П. Лихачев.*

Петр Орешин был единственным из репрессированных крестьянских писателей, чья подлинная дата смерти была установлена в период первых посмертных реабилитаций.

Публикация, подготовка текста и комментарии С. ВОЛКОВА.

ВАДИМ КОЖИНОВ

ИСТОРИЯ РУСИ И РУССКОГО СЛОВА

Итак, князь Аскольд, освободивший в середине IX века Киев от хазарской власти, затем, по всей видимости, потерпел поражение и стал вассалом Каганата. Это ясно выразилось в том, что в 860 году Аскольд, в отличие от своего предшественника Кия, пришел в Константинополь во главе не дружелюбного посольства, а агрессивного войска[1]. Его воины, сообщает летопись, «осадили Царьград двумястами кораблей». Император «всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой Богородицы и омочили в море ее полу. Была в это время тишина... но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны, чтобы разметать корабли язычников русских»...

Помимо русской летописи, нападение Руси на Константинополь, свершившееся 18 июня 860 года, отражено в целом ряде современных этому событию документов — византийских и западноевропейских (даже вполне точная дата события известна!). Но особенное значение имеет гораздо более позднее сочинение, принадлежащее одному из наиболее выдающихся деятелей Византии, константинопольскому патриарху (1353 — 1376 гг., с перерывом) Филофею Коккину. По-видимому, в 1360 году, то есть к 500-летней годовщине нападения Руси на Константинополь, он сочинил «Молитву по акафисте и каноне к Пресвятой Богородице», где сказано об Ее помощи (как и в русской летописи):

«...спасла еси царствующий град от скифского воеводы, свирепого вепря онаго трегордаго кагана, и рассвирепеющимся морем тьмочисленные корабли потопила еси»[2].

Возможно сомнение, что столь отдаленный во времени отклик (через 500 лет!) может быть достоверным. Однако сам текст убеждает, что патриарх Филофей основывался на не известном нам источнике, относящемся ко времени самого этого столь давнего события. Ведь в XIV веке никто уже не помнил о «кагане» и не мог называть русских «скифами», а их предводителя — «в о е в о д о й» этого самого «к а г а н а». Молитва Филофея Коккина дошла до нас только в древнерусском переводе, но важно знать, что славянское слово «воевода» было заимствовано греческим языком не позднее X века[3] и, надо думать, перешло в молитву Филофея из того древнего текста, на котором он основывался. Словом, сами «реалии» Филофеевой молитвы ясно говорят о том, что ее сведения восходят к источнику пятисотлетней давности.

Не исключено читательское сомнение в том, что событие 860 года столь отчетливо помнили через пятьсот лет. Но факты неопровержимо свидетельствуют именно о такой длительной памяти об этой первой атаке Руси на Константинополь. Автор обобщающего труда о «внешней политике» Руси А. Н. Сахаров, обрисовав целый ряд византийских сообщений о 860 годе, относящихся к IX — XI векам, пишет далее:

«В XII в. версию о чудесном спасении Константинополя от врагов при Михаиле III повторил в письме к византийскому патриарху Иоанну император Алексей II Комнин. В XIII в. о фактах нападения руссов на столицу империи в 860 г. упоминал император Феодор Ласкарис... Таким образом, нападение Руси на Константинополь в 860 г. на протяжении почти пяти веков неизменно становилось сюжетом греческих хроник, переписки, религиозных песнопений, благодарственных слов, проповедей, официальных циркуляров, речей... поход 860 г. не был для Византии ординарным пограничным конфликтом с одним из «варварских» племен, а... стал из ряда вон выходящим событием... прогремевшим на весь тогдашний европейский и ближневосточный мир...»[4]

А. Н. Сахаров завершил перечень византийских сообщений о событии 860 года ссылкой на высказывание императора Феодора Ласкариса, правившего в 1208 — 1222 годах, то есть через три с половиной столетия после похода Руси. Молитва, сложенная еще через сто сорок — сто пятьдесят лет, в 1360 году, патриархом Филофеем, не попала в поле внимания А. Н. Сахарова, но в самом ее, этой молитвы, появлении нет, как мы видим, ничего неожиданного и удивительного.

Первое дерзкое нападение на Империю войска до того неведомых ей «россов» должно было, очевидно, сохраниться столь долгий срок в исторической памяти. Особенно если учитывать, что ответом на это нападение явилась начавшаяся в том же 860 году «хазарская миссия» посланцев патриарха Фотия — святых Кирилла и Мефодия.

Окончание. Начало в №№ 6—11 за 1992 год.

Л. Н. Гумилев обратил пристальное внимание на самый характер военных действий Руси против византийцев в более позднем походе на Константинополь, состоявшемся в 941 году. Он писал, исходя из летописного рассказа об этом походе: «...начались такие зверства, которые были непривычны... Русы пленных распинали (sic![5]), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа; жгли монастыри и церкви, несмотря на то, что многие русы приняли православие еще в 867 г. (об этом говорилось выше. — В. К.). Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов...»[6], — разумеется, «инструкторов» из Хазарского каганата.

Кстати сказать, Л. Н. Гумилев напрасно не обратил внимания на рассказ константинопольского патриарха Фотия — непосредственного свидетеля и участника более ранних трагических событий 860 года — то есть первого нападения Руси на византийцев. Фотий в своих знаменитых беседах «На нашествие россов», произнесенных сразу же после этих событий, говорил, что напавший враг «истребил живущих на этой земле... не щадя ни человека, ни скота, не снисходя к немощи женщин, не жалея нежности детей, не уважая седину старцев, не смягчаясь ничем, от чего обыкновенно смягчаются люди, даже дошедшие до свойства зверей, но всякий возраст и пол поражая мечом. Можно было видеть, как младенцы, отторгаемые от сосцов, лишаемы были молока и самой жизни и готовым гробом для них были — увы! — те скалы, о которые они были разбиваемы... Эта свирепость простиралась не только на человеческий род, но жестоко умерщвляла и всех бессловесных животных: волов и лошадей, птиц и прочих, какие только попадались...»[7].

Последнее явно поразило патриарха Фотия, но выше было приведено суждение Л. Н. Гумилева об именно таком «способе» ведения древнейших войн в Палестине — способе, который «возродили» правители Хазарского каганата. Как сказано в Ветхом завете о необходимом поведении иудеев в отношении врага: «...и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла» (Первая Книга Царств, 15, 3); даже за не совсем полное следование этому требованию израильский царь Саул был свергнут с престола...

Хазарские правители вели войны именно так, что подтверждает их собственная переписка, где сказано, например, о нападении иудейского военачальника Песаха на крымские владения Византии: «...и пошел он в гневе на города Романа (византийского императора. — В. К.) и избил и мужчин и женщин... и поразил всех оказавшихся из них там и умертвил мечом»[8].

Ни в каких рассказах о позднейших войнах Руси, уже не руководимых хазарскими «инструкторами», нельзя найти и намека на подобное тотальное смертоубийство. А строки из молитвы Филофея Коккина, где предводитель похода на Константинополь в 860 году назван не самостоятельным правителем Руси, но воеводой кагана, объясняют, кто на самом деле предпринял этот поход и руководил действиями войска.

Выше уже приводились слова Л. Н. Гумилева о том, что русским походом руководили «инструкторы» из Каганата. Но нельзя не сказать здесь о том, что Л. Н. Гумилев, стремясь раскрыть суть похода Руси на Константинополь в 941 году, опирался почему-то только на рассказ летописи, не учитывая «оригиналы» этого рассказа; ведь русские летописцы широко использовали византийские хроники. И те подробности, которые привел Л. Н. Гумилев из летописного сообщения о поведении русского войска в Византии в 941 году, изложены сильнее и яснее в византийской хронике, созданной вскоре после самого события:

«Много злодеяний совершили росы... из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов»[9].

Все это происходило во время правления императора Романа I, о котором в хазарском документе, известном под названием «Кембриджского», сказано: «... было гонение на иудеев во дни злодея Романа. И когда стало известно это дело моему господину (царю-каганбеку Иосифу. — В. К.), он ниспроверг множество необрезанных»[10], то есть казнил большое количество христиан. Еврейский историк Ю. Д. Бруцкус писал по этому поводу: «Наш источник говорит о том, что «злодей Романус» возбудил жестокие преследования против евреев в Византии, что вызвало репрессалии со стороны царя Иосифа... Мы находим упоминание о них («жестоких преследованиях». — В. К.) у Масуди, известного арабского писателя X в.: «...византийский император Арманус принуждал всех евреев своего царства к принятию христианства. Многие евреи удалились вследствие этого из Византийского царства в хазарскую землю...»[11]

Важно обратить внимание на смысловые «оттенки» сообщений. Ю. Д. Бруцкус определяет политику императора Романа как «жестокие преследования», а действия царя Иосифа — как некие неясные «репрессалии»; между тем дело шло в первом случае о требовании к иудаистам принять христианство или же покинуть пределы Византийской империи, а во втором — о казни хазарскими иудаистами христиан за то, что они христиане. Арабский автор был не только «нейтрален», но даже, без сомнения, враждебен Византии, и тем не менее он сообщает лишь о «принуждении» евреев принять христианство или же «удалиться» из Византии.

Во всем этом необходимо разобраться, — иначе мы не сможем понять действия войск Руси в 860 — 940-х годах по отношению к Византии.

Уже не раз упоминался один из самых выдающихся деятелей византийского христианства святой Фотий, который был патриархом Константинопольским в 858 — 886 годах (с перерывом в 867 — 877), но играл важнейшую роль в церковной политике и ранее, с 840-х годов. Он был горячим и волевым распространителем христианства; так, именно его учениками и исполнителями его замысла являлись первоучители славянства святые Кирилл и Мефодий. По инициативе Фотия состоялось крещение Моравии, Болгарии и первое утверждение христианства на Руси в 866 — 867 годах. Трудно усомниться в том, что именно он настаивал и на обращении в христианство иудаистов, находившихся на территории Византии.

Разумеется, «приказ» креститься или же покинуть государство — это чисто средневековое решение проблемы, закономерное в IX — X веках, но неприемлемое для правового и этического сознания в нашу эпоху. Однако можно все же «понять» жившего тысячу с лишним лет назад патриарха. Христианство не только определяло всю жизнь Византии, но и было по доброй воле принято в целом ряде соседних государств; между тем внутри Византии и даже в самой ее столице, Константинополе, обитали (и играли немалую роль) десятки, а, может быть, и сотни тысяч людей, исповедующих религию, которая по своей сути враждебна христианству.

Сообщение о попытке крестить византийских иудаистов во второй половине IX века содержится в жизнеописании императора Василия I (867 — 886), составленном впоследствии, в середине X века, его внуком Константином Багрянородным. Давно установлено, что внук стремился приписать все инициативы (например, крещение Болгарии, состоявшееся, как точно известно, до восшествия Василия I на престол, а также и первое крещение Руси в 866 — 867 годах) своему деду. Гораздо достовернее представление, что религиозно-церковные инициативы того времени принадлежали святому Фотию, фактически возглавившему Константинопольскую патриархию еще в 857 году. И есть все основания заменить в цитируемом тексте слово «царь» словом «патриарх»: «...царь не устранился и не отступился от апостольских дел, но прежде всего уловил в сети Христовы... жестокосердый сам по себе народ иудеев. И вот он приказал им явиться на диспут с доказательствами своей веры и показать, что доводы их прочны и неколебимы, или, уверовав, что Христос — глава Закона и пророков и что Закон — не более как тень, рассеиваемая сиянием солнечного света[12], обратиться к учению Господа и креститься... У многих снял царь пелену с глаз и обратил в веру Христову, хотя немало их, когда он ушел из этой жизни, яко псы вернулись к своей блевотине...» Далее сообщается, что «точно так же обошелся он (царь. — В. К.) и с болгарским племенем»[13]; однако хорошо известно, что Болгария приняла крещение в 864 — 865 годах, а Василий стал императором только в 867 году. Вполне естественным будет прийти к выводу, что и попытка крестить иудаистов относится к более раннему времени и была предпринята энергичным поборником распространения христианства святым Фотием, а не императором Василием. И, конечно, именно Фотий, а не малообразованный Василий устроил конфессиональный диспут с византийскими иудаистами.

В ответ на это иудаистский Хазарский каганат организовал нашествие флота Руси летом 860 года на Константинополь, нашествие, в ходе которого, по сообщению тогдашнего папы римского Николая I, «сожгли церкви»[14], а помимо того, в соответствии с древнеиудаистскими заветами, «свирепость — по свидетельству патриарха Фотия, — жестоко умерщвляла и всех бессловесных животных... лежал вол и около него человек, дитя и лошадь получали общую могилу, женщины и птицы обагряли кровью друг друга»[15].

Как уже говорилось, ничего подобного не было в истории всех других войн Руси, и такую «практику» можно объяснить только распоряжениями скрытно руководивших походом на Византию властных лиц Каганата.

В Константинополе, без сомнения, стало известно, откуда и кем было направлено войско Руси, ибо уже осенью 860 года патриарх Фотий и тогдашний император Михаил III посылают великих мужей Кирилла и Мефодия для переговоров не в Киев (хотя, возможно, они потом побывали и в Киеве), но к хазарскому кагану, чья резиденция находилась тогда, в 860 году, еще не в волжском Итиле, а на Северном Кавказе, в Семендере. В «Житии Мефодия» сказано: «Настало же время такое, и послал цесарь за Философом (св.Кириллом. — В. К.), братом его, чтобы пошел к хазарам и чтобы взял его к себе в помощь. Были же там евреи, что сильно хулили христианскую веру»[16]. А вскоре, в 863 году, Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность, с помощью которой Византия, в частности, должна была превратить славян и в том числе русских в своих союзников и друзей. Уже в 866 году христианство, как было отмечено выше, пришло в Киев.

***

Говоря о начале христианства в Киеве, никак нельзя не коснуться достаточно широко распространенного представления, согласно которому провозвестниками русского православия были именно великие первоучители славянства святые Кирилл и Мефодий. Правда, это воззрение, отстаиваемое еще в середине XIX века выдающимся историком русской церкви митрополитом Московским Макарием (М. П. Булгаковым)[17], многими (в частности, и ныне О. М. Раповым) оспаривалось. Но едва ли есть основания вообще отвергнуть эту вдохновляющую концепцию.

Полная уверенность в том, что святые Кирилл и Мефодий первыми проповедали христианство на Руси, выражена в сочинении одного из крупнейших русских славистов, В. И. Ламанского (1833 — 1914)[18]. Уже в наше время это убеждение высказал видный филолог-славист А. С. Львов[19]. Но наиболее убедительно говорится об этом в труде знаменитого историка русской Церкви и общественного деятеля А. В. Карташева (1875 — 1960; с 1919 года в эмиграции).

Речь идет о том, что святые Кирилл и Мефодий, посланные вслед за нападением Руси на Константинополь в 860 году в Хазарию (откуда и был «направлен» поход Аскольда), побывали затем и у русских.

А. В. Карташев исходил, в частности, из свидетельства рукописи XV века, сохранившейся в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре; здесь сказано о деянии «преподобного отца нашего Мефодия, епископа Моравьска, учителя руськаго... Кирилл же умоли брата своего Мефодь итти с собою, яко умеяше язык словеньск». Тут особенно важно, что, как известно из древнейших источников, именно Мефодий владел с самого начала славянским языком и, значит, посылая его вместе с Кириллом к хазарам, Византия ставила цель воздействовать не только на хазар, но и непосредственно на Русь. А. В. Карташев ссылается и на новгородскую рукопись того же XV века, но восходящую, по-видимому, к XI — XII векам: «...древле приходи в Русь философ учити... ему же имя Кирилл»[20].

Но эти свидетельства — не самый существенный аргумент А. В. Карташева, ибо ведь вполне можно их оспорить, утверждая, что перед нами — возникшая позднее легенда, стремившаяся возвеличить русское христианство, возводя его к великим первоучителям славян. Главное доказательство А. В. Карташев усматривает в *самом тексте* древнего жития святого Константина-Кирилла, созданного еще в 870-х годах, но позднее не раз переработанного. В содержащемся здесь достаточно пространном рассказе о миссии к хазарам, «как будто две разных миссии... слиты в одну и смешаны до непонятности... (это «смешение», очевидно, совершилось при позднейших переделках жития. — В. К.) А именно: как будто все должно происходить во дворце в присутствии самого кагана. Между тем мы вдруг чувствуем, что споры происходят под открытым небом, на лоне природы, в простонародной толпе. И диалог ведется не с учеными книжными начетчиками, не с иудеями и мусульманами, а с неграмотными язычниками и даже врагами ученых и грамотных. Все это не подходит к хазарам» (там же, с. 79). И, утверждает А. В. Карташев, «вторая» миссия святого Кирилла совершается на Руси.

Опровергнуть этот вывод историка не так уж легко, ибо в «хазарской» части жития Кирилла в самом деле имеются заведомо разные «пласты». Сначала Кирилл спорит с убежденными иудаистами, а в конце рассказа обращается к людям, которые явно не принадлежат ни к иудаизму, ни к мусульманству. И один из этих людей «сказал... приятелям евреев: «С Божьей помощью гость этот (Кирилл. — В. К.) ниспроверг наземь всю гордыню сарацинов, а вашу отбросил на иной берег, как нечто нечистое». И сказал всем людям: «Как дал Бог власть над всеми народами и совершенную мудрость христианскому (то есть византийскому. — В. К.) цесарю, так дал ему и самую лучшую Веру из всех, и без нее никто жить не может жизнью вечной».

И далее следует своего рода вывод слушателей Кирилла: «...повелеваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по своей воле, если пожелает. А тот из вас, кто... еврейские молитвы читает, или держится веры сарацинской, скоро смерть от нас примет»... Крестились же из них двести человек, отказавшись от мерзостей языческих...»[21].

А. В. Карташев говорит об этом эпизоде жития: «...все происшедшее относится не к столице, а к какой-то провинции хазарской (как будет показано ниже, Русь именно в это время была подчиненной «провинцией» Хазарского каганата. — В. К.), где иудейство и ислам были чужими и даже вражескими религиями... речь идет об особом народе, а не о хазарах... Таким образом, хазарская миссия в центр страны, в столицу, к кагану, не исключала для Константина Философа, а включала в себя и его особую «провинциальную» миссию в русскую часть Хазарии, к тем руссам, которые недавно нападали на греков» (цит.соч., с. 82).

Целый ряд историков стоит на той точке зрения, что в цитированном тексте имеются в виду все же не русские, а какие-то хазары-язычники. Однако вопрос — по крайней мере пока — не может быть решен окончательно. И поэтому воззрение, согласно которому первыми провозвестниками Православия на Руси были именно святые Кирилл и Мефодий, обладает правом на существование. Признание истинности сообщений о русской миссии Кирилла и Мефодия не противоречит сведениям о позднейших событиях. В 861 году великие первоучители славян побывали (еще до своей моравской миссии 863 года!) на Руси, а позднее, в 866 или 867 году, на Русь был уже послан из Константинополя епископ.

Христианское «посольство» святых Кирилла и Мефодия к хазарскому кагану, а затем к русскому князю целиком и полностью «соответствует» тогдашнему положению вещей и замечательно проясняет всю ситуацию. Вместе с тем не приходится сомневаться, что Каганат впоследствии вновь совершил нападение на Русь и в той или иной мере «подавил» христианство в Киеве (достоверно известно, например, что в 932 году Каганат заставил отказаться от христианства алан). Это привело и к возобновлению атак Руси на христианскую Византию.

Давно уже уяснено, скажем, что поход Руси на Константинополь, совершившийся через восемь десятилетий, в 941 году, был «выступлением... направленным хазарами» и даже был непосредственно «организован с ведома и при сочувствии хазар»[22], хотя избранное М. И. Артамоновым слово «сочувствие» слишком «мягкое» определение. Вернее высказался об этом походе другой историк, Ю. Д. Бруцкус, отметив, что он был совершен «по наущению хазарского царя»[23]. При этом важно иметь в виду, что сей историк всячески «идеализировал» Каганат, без каких-либо доказательств утверждая, что последний создал немало «культурных ценностей» (с. 3) и подготовил-де «к государственной жизни те южные области, из которых в X веке русские дружины сколотили (!) Киевское великое княжество» (с. 19).

Ю. Д. Бруцкус только сетует, что «внутренние связи этого пестрого государства (Каганата. — В. К.), в котором насчитывалось 25 подчиненных народов[24], были очень слабы, вследствие немногочисленности основной культурной народности, окруженной варварскими племенами» (с. 15).

Тот факт, что в походе 941 года, предпринятом (согласно его собственному слову) «по наущению» этой самой «культурной народности», — византийских христиан, как сообщает «Повесть временных лет», «одних распинали, в других же, расстанавливая как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов», Ю. Д. Бруцкуса почему-то не смущает...

Но решительно не соглашаясь с «оценками», которые дает этот историк Хазарскому каганату, следует признать верность целого ряда рассуждений, содержащихся в его работе. Так, он вполне обоснованно говорит о «долголетней борьбе между хазарами и русскими, тянувшейся в течение целого столетия от взятия Киева Аскольдом около 850 года до разрушения Белой Вежи (Саркела) Святославом в 965 году... эта борьба составляет основной фон (точнее — ход. — В. К.) всей начальной истории Киевской Руси» (с. 18); даже «в сороковых и пятидесятых годах X века хазарское царство еще было очень сильно, простиралось от Оки и Волги до Кавказского хребта и Крымского побережья и успешно выдерживало натиск... славяно-руссов» (с. 30).

И прямым отражением, доказывает Ю. Д. Бруцкус, «упорной борьбы, которая велась с переменным счастьем между варяго-руссами и иудео-хазарами в южных степях, являются... известные былины о борьбе Ильи Муромца с Жидовином-богатырем, пришедшим из земли

Жидовской в «степи Цецарские» под «горою Сорочинскою»... Рассказ хазарского еврея о расправе детей Израиля над русскими дружинниками в земле Цесарской (византийской) у крепости Шуршунской (то есть Херсонесской. — В. К.) может объяснить нам и былинные названия «степей Цецарских» и «горы Сорочинской», где Жидовин напал на Добрыню Никитича» (с. 44).

Это узкое приурочивание былины к сражениям в Крыму на рубеже 930-940-х годов не очень убедительно, ибо эпос «отражает» скорее целую эпоху, нежели отдельные события. Но так или иначе в этой былине открыто и недвусмысленно запечатлена борьба Руси с Хазарским каганатом.

До самого последнего времени былины, как правило, изучались не в качестве исторического *источника* в подлинном смысле этого слова; они представали в работах, затрагивающих проблему «историзма» былин, главным образом или даже только как своего рода поэтический «комментарий» к сведениям летописи, — хотя едва ли не большинство серьезных исследователей русского эпоса пришло к выводу, что былины создавались *раньше*, чем летопись, и, следовательно, их надо изучать как самостоятельный и, в частности, *более древний* исторический источник.

Нельзя не сослаться здесь на недавнюю работу историка-источниковеда, в которой сообщается, что «последние годы отмечены особым интересом к новой отрасли знания, условно названной устной историей (oral history)... В 70-е годы во многих странах произошла институционализация (проще будет сказать — узаконение. — В. К.) устной истории в качестве самостоятельной ветви исторической науки... Устная история... и писаная история... — две *последовательные* стадии развития исторических знаний... Устная история в форме эпоса, сказаний, легенд, генеалогий явилась *самой ранней* формой исторического сознания... Основной формой устной исторической традиции на Руси, как известно, являлись былины»[25] и т. д.

Однако, повторю, до сего времени былины изучаются, в сущности, вовсе не как наиболее *ранний* и потому, в частности, вполне «самостоятельный» исторический источник, а как некое «приложение» к летописям; в былинах обычно стремятся «отыскать» то, о чем сообщает *более поздний* источник — «Повесть временных лет». И для таких «находок» оказывается, например, вполне достаточным совпадение *имен* былинных и летописных персонажей (как будто одно и то же имя не могло иметь множество людей, живших в самые разные времена!). Остается надеяться, что былины начнут, наконец, изучать как более ранний, нежели летописи, и совершенно самостоятельный источник.

И именно с этой точки зрения обратимся к былине об Илье Муромце и Жидовине.

Очень характерно, что Ю. Д. Бруцкус, упоминая об изображенном в былине поражении Добрыни, умалчивает о последующей, воспетой в этой самой былине победе Ильи Муромца над Жидовином. Но прежде чем говорить о былине как таковой, нельзя не отметить, что это поистине гениальное произведение, записанное еще в 1840-х годах в Архангельской губернии, подверглось после 1917 года своего рода изгнанию: несмотря на то, что различные сборники былин издавались в 1930 — 1950-х годах десятки раз, впервые в послереволюционное время это творение появилось в печати только в 1958 году, в составленной А. М. Астаховой *научной* антологии «Илья Муромец» (здесь было бы просто неприлично «опустить» эту былину), изданной малым, десятитысячным тиражом.

Прямо-таки замечательно, что видный исследователь народного творчества Н. П. Андреев (1892 — 1942), издавая в 1938 году антологию «Русский фольклор», не мог вообще отказаться от публикации этой прекраснейшей былины, но, не имея возможности напечатать ее целиком, представил читателю такие ее фрагменты, где нет речи о Жидовине[26]. И только в совсем недавнее время В. И. Калугин сумел опубликовать это драгоценное звено русского эпоса пристойным тиражом 300 тыс. экземпляров в составленной им антологии[27].

В былине речь идет о том, как

Под славным городом под Киевом,

На тех на степях на Цицарских
Стояла застава богатырская...

Один из «братцев» этой заставы,

Добрыня Никитич езди ко синю морю...
В чистом поле увидел ископоть[28] великую,
Ископоть велика — полпечи...
...Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь...

И Добрыне поручают настичь и победить Жидовина (который, понятно, воплощает в себе всю мощь Хазарского каганата). Но когда этот «могуч богатырь» начал битву с Добрыней,

Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалыся,
Под Добрыней конь на коленцы пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу возмолится
И Мати Пресвятой Богородице:
— Унеси, Господи, от нахвальщика. —
Под Добрыней конь посправился,
Уехал на заставу богатырскую...

И теперь уже

Говорит Илья Муромец:
— Больше некем замениться,
Видно ехать атаману самому.

Начинается тяжкое сражение; русский эпос нисколько не преуменьшает силу и опасность врага:

Бились, дрались день до вечера,
С вечера бьются до полуночи,

Со полуночи бьются до бела света
Махнет Илейко рукой правою, —
Поскользит у Илейки ножка левая,
Пал Илья на сыру землю;
Сел нахвальщина на белы груди,
Вынимал чинжалищё булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову...
Лежит Илья под богáтырём,
Говорит Илья таково слово:
— Да не ладна у святых отцёв написано,
Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцёв,
Удумано было у апостолов:
«Не бывать Илье в чистом поле убитому»,
А теперь Илья под богáтырём! —
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнет нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового[29]*,*
Пал нахвальщина на сыру землю,
В сыру землю ушел дó-пояс.
Вскочил Илья на резвы ноги
Сел нахвальщине на белы груди...
По плеч отсек буйну голову...

Здесь невольно вспоминается древнегреческий миф об Антее, который обретал неисчерпаемую силу, соприкасаясь со своей матерью Геей — то есть землей. Но образ-символ русского эпоса не только сложился, конечно же, независимо от древнегреческого, но и имеет совершенно иной смысл. Ведь связь Антея с землей предстает в сущности как своего рода «слабость»: достаточно оторвать его от земли, и он побежден. Между тем в русской былине так или иначе воплощено осознание нераздельной связи Ильи с родной «сырой землей» — связи, которая противопоставлена «беспочвенности» его врага...

Еще в 1852 году Алексей Хомяков писал, что эта былина (он, согласно тогдашнему словоупотреблению, называл ее «сказкой») «носит на себе признаки глубокой древности в создании, в языке и в характере... Ни разу нет упоминания об татарах, но зато ясная память о козарах, и богатырь из земли Козарской, названной справедливо землею Жидовскою, является соперником русских богатырей; это признак древности неоспоримой... Спокойное величие древнего эпоса дышит во всем рассказе, и лицо Ильи Муромца выражается, может быть, полнее, чем во всех других, уже известных сказках. Сила непобедимая, всегда покорная разуму и долгу, сила благодетельная, полная Веры в помощь Божию, чуждая страстей и — неразрывными узами связанная с тою землею, из которой возникла»[30].

***

Былина «Илья Муромец и Жидовин» «отвергалась» советскими издательствами, вполне понятно, потому, что в ней усматривали пресловутый «антисемитизм». И в этом поистине необходимо разобраться, так как вообще многое из того, что сказано в моем сочинении, с привычной легкостью может быть интерпретировано именно как «антисемитизм»[31], «юдофобство» — то есть негативное или даже открыто враждебное отношение к определенному народу, национальности, этносу, который-де и в целом, и в лице каждой составляющей его личности способен только наносить вред другим народам.

Антисемитизм в точном смысле сего слова это заведомо ложное умонастроение (и, тем более, порождаемое им поведение), которое, если всерьез вдуматься, по-настоящему вредит как раз его носителям, а вовсе не тем, против которых оно направлено.

Во-первых, враждебное отношение к евреям как таковым несовместимо с христианством, легшим в основу тысячелетнего духовного бытия России, ибо никуда не денешься, например, от того факта, что первыми христианами были именно и только (за немногими исключениями) евреи, — о чем мы еще будем говорить.

Далее, негативное отношение к евреям «вообще» не несет в себе ни грана истины потому, что отнюдь не только евреи на протяжении мировой истории приносили вред и ущерб другим народам. Если постоянно говорить обо всех грехах, о тяжкой вине перед другими народами, лежащей, допустим, на англичанах, немцах, и — отрицать это бессмысленно — русских, придется, если быть последовательным, поставить эти народы в один ряд с еврейским.

Тут, правда, готово естественное возражение: речь не должна идти о народе в целом и тем более о каждой входящей в него личности; ясно, например, что русский народ не заставлял своих правителей совершать те или иные враждебные другим народам экономические, политические и идеологические акции, а «лучшие» его представители нередко протестовали, или даже самоотверженно боролись против таких акций.

Но все это полностью относится и к евреям; так, например, сегодня немало евреев самым решительным образом выступает против агрессивной политики и идеологии международного сионизма. Кстати сказать, русские вообще впервые узнали об основах «сионистской политики» из изданной в 1869 году в Вильне евреем Я. А. Брафманом — между прочим, дедом (по материнской линии) одного из выдающихся русских поэтов XX века Владислава Ходасевича (1886 — 1939) — «Книги Кагала», за которую сионисты присвоили ему титул «ренегата» и которую многократно пытались опровергнуть.

Повторю еще раз, что понятие (или, вернее, ярлык) «антисемитизм» имеет в виду враждебность к евреям как к этносу и, значит, к любому и каждому представителю данного этноса. Однако к «антисемитам», как правило, причисляют всех, кто говорит о каких-либо «негативных» ф а к т а х и я в л е н и я х, связанных с деятельностью тех или иных евреев. И это, без сомнения, заведомая ложь и клевета.

Так, скажем, сегодня господствует критическое или даже предельно критическое отношение к Российской революции. И поэтому достаточно только упомянуть о громадной роли, которую играли в этой революции евреи, чтобы тебя зачислили в «антисемиты». Обычно это обвинение сопровождается совершенно ложным заверением, что-де роль евреев в революции вовсе не была столь уж значительной.

Существует, однако, масса свидетельств, принадлежащих заведомо авторитетным наблюдателям, которых, во-первых, никак невозможно причислить к «антисемитам», и которые, во-вторых, говорят о гигантской роли евреев в Российской революции как о всецело п о л о ж и т е л ь н о м явлении. Так, например, Герберт Уэллс, посетивший Россию в 1920 году, писал, что во главе революции он увидел молодых людей, отринувших «привычную русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца. У них был одинаковый образ мыслей, одни и те же смелые идеи, их вдохновляло видение революции, которая принесет человечеству справедливость и счастье. Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них — евреи», хотя, оговаривает Уэллс, «н е к о т о р ы е из самых видных большевиков вовсе не евреи, а светловолосые северяне. У Ленина... татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей»[32] (калмыцкие «гены» в самом деле заслонили в облике Ленина наследие его еврейских предков).

Уэллс нисколько не погрешил против правды, сказав, что всего лишь «некоторые из самых видных большевиков» были «северянами», под каковыми надо понимать, очевидно, не только русских, но и занимавших важное место в руководстве прибалтов, поляков, финнов и т.п. Что же касается колоссальной роли евреев, то для ее «обнаружения» достаточно перечислить самых-самых видных большевиков, представлявших наивысший уровень революционной власти: Ленин (по материнской линии Бланк), Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Радомысльский), Каменев (Розенфельд), Свердлов; в один ряд с ними можно поставить только Сталина (Джугашвили) и Бухарина. Итак, из семи верховных властителей послереволюционной России всего лишь один был русским![33]

Нельзя не напомнить, что эта семерка являла собой высшую власть не только по существу, фактически, но даже и ф о р м а л ь н о, ибо все эти лица вошли в марте 1919 года в состав верховного «органа» — Политбюро ЦК; не вошел в него только умерший именно тогда Свердлов (иначе он, вне всякого сомнения, был бы в сем «органе»).

Могут возразить, что в состав Политбюро ввели тогда же еще двоих — украинца Крестинского и русского Калинина (ибо последний заменил Свердлова в должности председателя ВЦИК). Однако первый исполнял в Политбюро чисто «секретарские», по сути дела административные обязанности и уже в марте 1921 года перестал быть не только членом Политбюро, но даже и членом ЦК (его сменил в качестве такого же «администратора» Молотов). Что же касается Калинина, он был заведомо «представительской» фигурой, призванной «прикрывать» своим «рабоче-крестьянским» обликом реальных властителей. Это с полнейшей ясностью обнажено, например, в известном ныне письме Ленина о борьбе с Церковью (1922 год). Вести эту борьбу было в действительности поручено Троцкому, но Ленин дал поистине «замечательное» указание: «Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий» (см.«Наш современник», 1990, № 4, с.168).

И другой — вполне аналогичный — выразительнейший пример: е д и н с т в е н н ы й находившийся на самой вершине власти русский — Бухарин — «курировал» по поручению Политбюро «деятельность» двух наиболее «антирусских» политических структур — «Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией» (ВЧК), где ни один русский не занимал высших постов, и «Комиссии по борьбе с антисемитизмом»...

Говоря о «движущей силе большевизма», о людях, отринувших «привычную русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца», Герберт Уэллс отмечает еще, что-де в России, помимо сей силы, «не осталось других сил, которые могли бы бескорыстно сплотиться для общего блага» (цит.соч., с.43).

Но какой же путь должен был привести к «общему благу»? Ответ на этот вопрос недвусмысленно дал в одном из своих выступлений 1918 года товарищ Зиновьев: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать». Важно учесть, что это было заявлено не на каком-нибудь засекреченном «толковище», а на большом собрании и к тому же затем появилось в массовой газете («Северная коммуна» от 17 сентября 1918 года). Уже к 1922 году сия «программа» была далеко перевыполнена, ибо, согласно разным демографическим исследованиям, погибло от 15 до 25 миллионов человек и в их числе — безусловно лучшие люди России...

Итак, изложены некоторые совершенно неоспоримые факты. Но абсолютно ясно, что это изложение будет квалифицировано в определенных кругах как инсинуация «махрового антисемита». И вот с этим нельзя, даже недопустимо соглашаться, ибо в противном случае мы вообще лишаемся возможности понять, да и просто изучать историю России и, более того, мира в целом.

***

Проблема, о которой идет речь, со всей остротой встает уже при обращении к эпохе возникновения христианства. Глубокое осмысление того, что совершилось тогда в еврейском народе, дано в работе уже не раз упомянутой Н. В. Пигулевской, — работе, созданной в 1923 году, но опубликованной только через полстолетия с лишним (!).

Главными врагами Христа, добившимися в конце концов его казни, были, как известно, фарисеи (слово происходит от арамейского «отделившиеся») — представители социально-религиозного течения, которых было тогда не столь уж много, 6000 человек, — но которые играли

решающую роль в Иудее. «Фарисеи, — пишет Н. В. Пигулевская, — являлись партией, связанной с широкими кругами иудейских масс», но все же имелось «резкое расхождение народа и фарисеев в отношении к Иисусу... «Уверовал ли в Него кто из начальников или фарисеев, но только этот народ — невежда в законе — проклят он», — говорили они»[34] (фарисеи).

Христос был казнен потому, что фарисеи опасались перехода народа на его сторону. В Евангелии от Иоанна (12, 42) сказано даже, что «и из начальников многие уверовали в Него, но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги». «Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? *весь* мир идет за Ним» (Иоанн, 12, 19). То есть речь шла об их боязни потерять власть над народом: «С этого дня положили убить его» (там же, 53)[35].

«Кто составляет ту толпу, — задается вопросом Н. В. Пигулевская, — которая теснится вокруг Иисуса, следует за ним в пустыню... и которую... называют «чернью» и «грешниками», за общение с которыми так упрекают Иисуса фарисеи» (цит. изд., с. 94). Сущность этих людей выражает значение употребляемого в Библии «термина am-haares, простирающегося только на еврейскую массу, еврейское простонародье, в противоположность языческим (то есть всем другим, кроме еврейского. — В. К.) народам, именуемым goyim («гои». — В. К.)... Буквальное значение слов am-haares есть «народ земли»...» (с. 98, 99). Та часть евреев, которая не относилась к am-haares, «составляла товарищества (heber)», то есть если взять слово в единственном числе — уже упоминавшийся haber, член товарищества (с. 99), хабер (арабское хабр) — «товарищ». А об am-haares один из хаберов «равви Елиезер говорит: «Если бы мы не были им нужны для торговых дел, они убили бы нас» (с. 100). В книгах хаберов выражено «общее презрение и пренебрежение к am-haares... Запрещается быть его попутчиком, не следует доверять ему тайны... «Не молись перед едой с am-haares», что равносильно запрещению совместного вкушения пищи» (с. 103).

Из среды фарисеев и, шире, хаберов вышло утверждение: «Ненависть человека am-haares (то есть из «народа земли». — В. К.) к ученому больше, чем ненависть язычника к Израилю». Поэтому «равви Иоханан сказал, что человека из am-haares позволено порвать как рыбу. Равви Самуил сын Исаака сказал: И со спины его» (с. 107).

Итак, фарисеи и — шире хаберы («товарищи») воспринимали еврейских am-haares, «народ земли», чуть ли не как даже более чуждых и более опасных своих врагов, нежели сыны других народов, «гойи». Именно «народ земли» шел за ненавистным его убийцам-фарисеям Иисусом Христом, который так заклеймил фарисеев: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Иоанн, 8, 44).

Поэтому недопустимо отождествлять «хаберов» (которые, в частности, как мы видим, пришли из Хорезма к хазарам и сумели встать во главе Каганата) с евреями как народом, как этносом. Хаберы — это определенный социально-идейный слой еврейского этноса, который ставит своей задачей экономическое, политическое и идеологическое господство и над еврейским, и над всеми другими «народами земли», — что так ярко выразилось в истории Хазарского каганата.

Н. В. Пигулевская раскрыла противостояние иудейских «хаберов»-«товарищей» и «народов земли» (в том числе и единокровного этим хаберам еврейского) на пути тщательного и глубокого исследования исторических источников. Но уместно напомнить, что в сущности о том же самом почти за полтора столетия до Н. В. Пигулевской сказал гениальный мыслитель Иммануил Кант (1724 — 1804), исходивший, конечно, не из фактической истории иудейства (она тогда и не была еще сколько-нибудь серьезно изучена), но из проникновенного понимания самой «идеологии» хаберов.

В одном из главных и наиболее зрелых своих трактатов «Религия в пределах только разума» (1793) Кант, в частности, писал: «...без веры в будущую жизнь немыслима никакая религия... Едва ли можно сомневаться, что евреи так же, как и другие, даже самые грубые народы, не могли не иметь веры в будущую жизнь, а стало быть, должны были иметь свое небо и свой ад, ибо эта вера в силу всеобщих задатков человеческой природы сама собой навязывается каждому. Следовательно, наверняка *преднамеренно* (здесь и далее выделено самим Кантом. — В. К.) было сделано то, что законодатель этого народа... *не хотел* иметь ни малейшего отношения к будущей жизни... он хотел основать только политическую, а не этическую общность... И, хотя вряд ли можно сомневаться также и в том, что евреи... создавали определенную религиозную веру, которую они присоединяли к артикулам своей статутарной (то есть сводящейся к чисто «политическим» установлениям. — В. К.) веры, но все же первая никогда не входила в законодательство иудейства... оно отказало всему роду человеческому в общении, считая себя особым народом — избранником Иеговы, народом, который ненавидел все прочие народы и потому был ненавидим каждым из них»[36].

Как видим, Кант четко отграничивает то, что он назвал «законодательством иудейства» от евреев как народа. Впрочем, несмотря на это, нашлись «хаберы», которые обвинили одного из величайших и вместе с тем благороднейших творцов общечеловеческой мысли в «обосновании научного антисемитизма».

Это выразилось, например, в статье «Кант» шестнадцатитомной «Еврейской энциклопедии», изданной в 1908 — 1913 годах в Петербурге. Правда, поскольку Кант являл собой давно уже канонизированного корифея мировой философии, об его «пороке» говорится более или менее осторожно, — скорее как о «беде», чем как о «вине» (о Достоевском, который тогда еще только обретал высшее всемирное признание, в этой энциклопедии «попросту» сказано, что он-де «один из значительнейших выразителей русского антисемитизма»[37]): «...предрассудки, среди которых Кант вырос, как и та умственная атмосфера, в которой формулировались его религиозно-философские взгляды, лишили его по отношению к еврейству той объективности и того беспристрастия, которыми этот мыслитель отличался»[38]. Итак, Кант вообще-то «отличался» объективностью и беспристрастием мысли, но кто-то настроил его против иудейства...

Ложь здесь не только в том, что Кант был более, чем кто-либо, независим и свободен от давления «среды» и любых «авторитетов». В цитированном рассуждении заведомо и даже бессовестно искажена реальная ситуация; «бессовестно» потому, что в конце *этой же са-*

мой энциклопедической статьи о Канте сообщается: «Кант находился в постоянной переписке с целым рядом выдающихся еврейских мыслителей; особенно интересна его переписка с Мендельсоном... Впоследствии, как выше было указано, Кант совершенно иначе относился к еврейству» (стлб. 249), — то есть у Канта как раз не было никаких *изначальных* «предрассудков» в отношении иудейства.

И действительно, Кант (к которому Мозес Мендельсон еще в 1760-х годах обратился письменно, а позднее приехал к нему в Кенигсберг) в течение долгого времени относился к Мендельсону и целой группе его коллег-хаберов предельно доброжелательно. Однако, глубоко изучив их «программу», он стал воспринимать ее все более критически (ср., например, его замечания об изданном в 1783 году трактате Мендельсона «Иерусалим, или О религиозной власти и иудействе»; весьма многозначительна здесь вынесенная уже в само заглавие трактата «религиозная власть»).

Словом, речь должна идти вовсе не о каких-то «предрассудках» и неудовлетворительной «умственной атмосфере», но о проникновенном понимании проблемы, достигнутом Иммануилом Кантом, несмотря даже на отсутствие в его время серьезной разработки истории иудейства. И в конце концов как-то даже нелепо, отмечая общепризнанную *объективность* и *беспристрастие* мысли Канта, утверждать, что, обратившись к «еврейскому вопросу», его разум вдруг почему-то оказался «лишенным» этих присущих ему более, чем какому-либо мыслителю, качеств...

Как уже было отмечено, «Еврейская энциклопедия» не решилась в прямой и грубой форме «заклеймить» Канта в качестве «антисемита» — то есть ненавистника целого народа. И все же по существу это было сделано, ибо в цитируемой статье «Кант» утверждается, что защитники иудейства стремились «отразить нападки со стороны научного антисемитизма 80-х годов, вдохновляемого идеями Шопенгауэра и Гартмана (Эдуард Гартман, 1842 — 1906; видный немецкий философ. — В. К.), в свою очередь исходивших из критериев, выставленных некогда Кантом» (стлб. 249).

Итак, Кант все же представлен как основоположник «научного антисемитизма», хотя, казалось бы, гораздо уместнее было бы постараться вникнуть в суждения, повторюсь, одного из не только наиболее гениальных, но и наиболее благородных мыслителей человечества и, далее, признать *правоту* — пусть хотя бы даже «относительную» — этих суждений. Но на это нет и намека. «Хаберы», увы, никак не могут этого сделать уже хотя бы потому, что любое покушение на их статус «избранников Иеговы» для них неприемлемо заранее, абсолютно, безоговорочно.

Обвинения в «антисемитизме» — это постоянно применяемый и, к сожалению, в глазах множества доверчивых людей «безотказный» метод идеологической борьбы. Ну, в самом деле, как можно одобрять человека, который заведомо враждебно относится ко всем представителям данной национальности, в конечном счете будто бы даже отрицая само ее право на существование? *А именно этот смысл* вкладывается в расхожее словечко «антисемитизм».

Еще в 1970-х годах «нелегальный» русский публицист Г. М. Шиманов просто и вместе с тем совершенно точно определил *реальное*, истинное значение этого словечка (его размышления о сей проблеме были опубликованы тогда в издающемся в Париже «Вестнике Русского христианского движения», в израильском журнале «Сион» и лишь много позднее — в «Нашем современнике» — № 5 за 1992 год). Он показал, что определенные еврейские круги объявляют «антисемитскими» *любые* суждения и волеизъявления, которые по тем или иным причинам этим кругам «*не нравятся*», «*огорчают*» их...

Необходимо оговорить, что и здесь речь идет отнюдь не о каждом еврее; можно бы, например, сослаться на множество выступлений еврейских авторов, признававших тяжкую вину перед Россией своих соплеменников, возглавлявших большевизм. Более того, Г. М. Шиманов приводит высказывания видного еврейского идеолога (близкого сподвижника одного из самых знаменитых деятелей этого круга — самого Мартина Бубера) — Ш. Х. Бергмана, резко обвинявшего многих представителей германского еврейства, которые в 1910 — начале 1930-х годов по сути дела «спровоцировали» нацистский переворот. Он писал, в частности, об издававшихся в Германии журналах, «со страниц которых евреи регулярно, словно инъекцию, впрыскивают нигилизм и раздражение в кровь немецкого народа». Эта «роль» евреев «неизбежно внушала им ощущение превосходства, высокомерия по отношению к окружающему народу. Между тем ощущение это было совершенно безосновательное — ведь они на самом деле и существовали-то благодаря физической и духовной деятельности других народов» (см. указ. изд., с. 170, 171).

Но, увы, гораздо громче звучат голоса тех, кто навешивает ярлык «антисемитизма» на любого человека, который высказал нечто их «огорчившее». Так, например, в 1991 году были одновременно обвинены публично в «антисемитизме» два президента — господин Буш и товарищ Ельцин; первый за то, что сопротивлялся щедрому (10 млрд. долларов) финансированию США строительства еврейских поселений на оккупированных Израилем арабских землях, второй — за недостаточно резкую критику пресловутой «Памяти» во время его выступления в телемосте «Москва — Вашингтон».

В основе «мировосприятия», которое определяет такой подход к делу, лежит своего рода неукоснительное требование «хаберов» признать их исключительной, «богоизбранной» частью человечества; любые интересы и стремления остальных людей не имеют с этой точки зрения ровно никакого значения, и, если договаривать все до конца, — «остальные» люди как бы и вообще не являются людьми. И это с полной ясностью выражалось, в частности, в «теории и практике» иудаистского Хазарского каганата.

Так, в письме каганбека Иосифа (середина X века) о входящих в состав Хазарского каганата народах не единожды сказано следующее: «Они многочисленны, как песок, который на берегу моря» (с. 102). Это «сравнение» отнюдь не случайно: все не принадлежащие к хаберам всегда имели и имеют в их глазах не более существенное значение, чем песок, или даже *пыль* — хотя бы речь шла даже и *о еврейском* населении.

Поразительны, например, слова президента Всемирной сионистской организации (впоследствии — первого президента государства Израиль) Хаима Вейцмана, произнесенные им на XX сионистском конгрессе, состоявшемся в 1937 году, когда стала очевидной вероятность грядущего уничтожения евреев гитлеровцами. Вейцман объявил, что ставит задачу спасти только «нужных» сионизму людей, сказав про остальных так: «Они — пыль, экономическая и моральная пыль в жестоком мире... Только молодая ветвь выживет... Они должны с этим согласиться»[39].

Эти слова приведены в книге «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках», составленной евреем (но не «хабером»!) М. Шонфельдом, который пишет о Вейцмане, Бен-Гурионе и подобных деятелях, что с их точки зрения «еврейская кровь — хорошая смазка для колес еврейского национального государства» (там же).

Разумеется, тот или иной народ в тех или иных условиях бывает вынужденным принести тяжкие человеческие жертвы. Но здесь речь идет не об этом, а о *заранее* принятом решении считать большинство еврейского населения Европы «экономической и моральной пылью».

Заявление Вейцмана отнюдь не было только «теоретической» постановкой вопроса: оно стало, в сущности, обязательной *инструкцией* для его единомышленников. Об этом со всей ясностью свидетельствуют, например, опубликованные в 1974 году в Праге высказывания из дневника за 1942 — 1943 годы, который вел начальник Управления по делам молодежи Еврейского совета старейшин в созданном нацистами гетто в чешском городе Терезине — Эгон (Гонда) Редлих. Он, помимо прочего, участвовал в решении вопроса о том, каких из попавших в Терезин евреев следует передать в руки нацистов для отправки в лагеря уничтожения...

15 марта 1942 года Редлих сетует: «Исключение хаверим (т.е. хаберов-товарищей. — В. К.) из списков (на отправку в нацистский лагерь. — В. К.) — трудное и ответственное дело». 25 апреля 1942 года: «Одна хаверим написала, что мы недостаточно стараемся для наших хаверим»[40]. 27 декабря 1942 года: «Ассимилированных чешских иудео-христиан включали в списки на отправку вместе со всеми их родственниками, в том числе с детьми, поскольку те тоже принадлежали к отмершей, ассимилированной ветви («отмершая ветвь», по определению Вейцмана, — это «пыль». — В. К.). Два христианских (то есть из крещеных евреев. — В. К.) ребенка катались на санках. Одна еврейка сказала, когда увидела этих детей на санках: «Им живется лучше, чем нашим детям». Она права, и я принимаю ее упрек».

Но все же: «Вопрос терпимости велик и жгуч. Имеем ли мы право отвергать кого-нибудь только и только по политическим и религиозным мотивам? Разве иудео-христианин не способен быть, например, поваром или чиновником (то есть приносить определенную пользу хаберам. — В. К.)? Разве он виноват в том, что покинул еврейство (потому что его крестили когда-то, когда он был младенцем)?» (с. 79).

Но Редлих умел подавить эти свои колебания; в мае 1943 года он записал: «Руководство наше опасается, как бы его не заподозрили в нетерпимости (имеется в виду нетерпимость к тем, кто не принадлежит к «хаверим». — В. К.). Но руководству нужна сила, а не страх. И страх быть заподозренным в нетерпимости — это только страх, только слабость» (с. 7). И в конечном счете «хаверим» всегда «отправляли вместо себя представителей отмерших ветвей» (с. 73), к которым причислялись, разумеется, не только евреи, принявшие христианство (этих отправляли в самую первую очередь), но и все не принадлежащие к «хаверим».

Таким образом, «программа», сформулированная в 1937 году Вейцманом, неукоснительно выполнялась в чешском Терезине, — как, конечно, и во всех других местах, — хотя дело шло о *еврейском* населении Европы.

Но если даже не принадлежащие к сонму хаберов евреи квалифицируются как «пыль», что уж там говорить о других народах... Приведенные документы и свидетельства из новейшей истории должны помочь яснее понять отделенную от нас тысячелетием историческую реальность Хазарского каганата.

***

Одно из существеннейших выражений политики Каганата по отношению к Руси — походы русского войска на Византию, которые совершались, как это становится все более несомненно, под диктатом хазарских властителей. Вся история Руси подтверждает, что ее агрессивные нападения на Византию, совершавшиеся с 860 по 941 год, явно шли вразрез со всеми ее коренными интересами — от экономических до духовных. Об этом убедительно свидетельствует позднейший (после разгрома Каганата Святославом в 960-х годах) характер отношений Византии и Руси.

Наиболее значительный современный исследователь этих отношений, Г. Г. Литаврин говорит о ситуации, сложившейся к концу X века:

«Ни с каким другим независимым государством Европы Византия не была тогда столь связана, как с Русью. Обе правящие династии были связаны тесными родственными узами. С согласия Владимира русский шеститысячный корпус остался на императорской службе и стал постоянной боевой единицей византийского войска. В Византии сложилось два центра, к которым тяготели... русские... Одним из них стал русский монастырь на Афоне, основанный, по-видимому, на рубеже X — XI в. ...Гораздо большую роль играл русский центр в столице империи. Здесь создалось своеобразное землячество, объединявшее не только купцов и дипломатов, но и военных, служивших в византийском войске, паломников, путешественников, духовных лиц. Русская колония в столице империи была, по всей вероятности, многочисленной и составляла, с точки зрения византийских государственных деятелей, определенную политическую и военную силу». Русских «приблизил к своей особе родной брат русской княгини Анны (супруги Владимира Святославича. — В. К.) Константин VIII. С ними он решал важнейшие вопросы, возводил их в высокие достоинства и щедро награждал». С другой стороны, и «на Руси, прежде всего в Киеве, в свою очередь, появилось греческое население: штат греческого митрополита, возглавившего русскую православную церковь, византийские архитекторы, живописцы, мозаичисты, стеклоделы, певчие»[41].

Эти дружественные взаимоотношения, полностью определившиеся в 980-е годы, сохранялись в продолжение почти *полутысячелетия* (!) — до захвата Константинополя турками в 1453 году; впрочем, теснейшая связь русской Церкви с Константинопольской патриархией сохранилась и после этого, — не говоря уже о чрезвычайно много значившем браке Ивана III (1472 год) с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софьей Палеолог.

Кто-либо может возразить, что все это было целиком обусловлено официальным принятием Русью христианства «из рук» Византии в 988 году. Но, как уже показано выше, сам этот акт имел более чем вековую — с 860-х годов — предысторию. Кроме того, столь же длительны опыты военных, экономических, политических связей, с полной ясностью воплотившиеся в дошедших до нас русско-византийских договорах. Совершенно очевидна самая настоятельная устремленность к теснейшему союзу с Империей уже в деятельности княгини Ольги — начиная с 946 года (к чему мы еще вернемся).

И, наконец, никак нельзя не учитывать того непреложного факта, что в былинном эпосе (да и в русском народном сознании вообще) Царьград-Константинополь предстает именно и только как нераздельно связанное содружеством и даже родством с Русью место на земле...

К великому сожалению, во множестве работ историков преобладала тенденция всячески «ухудшать» и «обострять» взаимоотношения Руси и Византии (о причинах этого еще пойдет речь). Вместе с тем в самое последнее время, слава Богу, появились исследования, выяснившие действительный ход и смысл тех событий X — XII веков, которые необоснованно истолковывались до сих пор как резкие столкновения Киева и Константинополя.

Речь идет об осаде и взятии Владимиром Святославичем византийского Херсонеса (Корсуня) в период официального принятия Русью христианства, о походе сына Ярослава Мудрого Владимира в Константинополь в 1043 году и, наконец, о вторжении в Византию в 1116 году войск, посланных Владимиром Мономахом. Подробнее об этих событиях мы еще будем говорить; здесь же достаточно сообщить, что, как выяснено в новейших работах, все эти походы были направлены не против Византии как таковой, а против вполне определенных конкретных сил в Империи, боровшихся с той византийской властью, которую на Руси считали *законной*. Дело в том, что в истории Византии было множество *внутренних* конфликтов, жестоких войн за власть между теми или иными «претендентами». И когда (начиная с времен святой Ольги) Русь вошла в теснейший союз с Империей, она не раз достаточно весомо выступала с поддержкой какой-либо из борющихся за власть сторон, — о чем в последние годы со всей основательностью сказали Г. Г. Литаврин, А. Поппэ и другие исследователи русско-византийских отношений.

Но до начала правления святой Ольги русское войско действительно совершило несколько агрессивных походов на Византию. О первом из них, состоявшемся в 860 году, при Аскольде, уже более или менее подробно говорилось. Сам по себе факт немедленно, в том же 860 году отправленного императором Михаилом III и патриархом Фотием посольства к хазарскому кагану ясно говорит о том, *кто* был инициатором и организатором похода Руси. После поражения Аскольда был установлен мир с Византией, и в 866 — 867 годах определенная часть русских (и, возможно, сам Аскольд) крестилась. Но затем Хазарский каганат, очевидно, снова установил свое господство над южной и срединной Русью и превратил Аскольда в своего вассала, так как пришедший позднее с Севера (согласно летописи — в 882 году) Олег свергает Аскольда, заново освобождает часть русских племен от хазарской дани и непосредственно воюет с хазарами (по свидетельству Архангелогородского летописца).

Вместе с тем и Олег в конечном счете не смог противостоять хазарам. В последнее время несколько историков (в том числе и венгерских) основательно показали, что в конце IX века Хазарский каганат, в частности, натравил на Русь венгров, кочевавших тогда южнее Киева[42].

Венгры (мадьяры) ранее обитали восточнее Дона, в Предкавказье, и были неотъемлемой составной частью Хазарского каганата. После победы иудаизма в начале IX века они ушли вместе с повстанцами-«кабарами» на запад, в низовья Днепра. Однако позднее хазары сумели снова заключить с ними прочный союз, устроив, в частности, согласно сообщению Константина Багрянородного, брак тогдашнего венгерского предводителя Леведия «с благородной хазаркой» (по всей вероятности, иудейкой, с которой пришли из Каганата к венграм и «советники») и побудили их атаковать близкий к ним Киев. «Повесть временных лет» сохранила следующее известие: «898. Шли угры (то есть венгры. — В. К.) мимо Киева горой, которая называется теперь Угорской, пришли к Днепру, и стали вежами; ходили они так же, как теперь половцы». Здесь сохранился только намек на давнюю тяжелую борьбу, но сам тот факт, что гора у Киева получила название «Угорской» («Венгерской») свидетельствует о существенности проблемы.

А. П. Новосельцев (отметив по поводу даты «898»: «это на самом деле случилось несколько раньше») доказывает, что тогда «хазары направили на Полянскую землю венгров... арабские источники... пишут о постоянных набегах венгров на славян...» Их вождь «Алмуш воевал с русами и осаждал Киев» (цит. соч., с. 206, 209). В венгерской хронике содержится известие о том, что войска венгерского правителя Алмуша «подчинили себе землю Русов»[43]. Произошло это, по-видимому, в 880-х годах, и действовали венгры как исполнители воли Каганата. Венгры вскоре ушли на запад, а власть Каганата над Киевом сохранилась. И князь Олег, таким образом, оказался в подчинении у его правителей и вынужден был совершать атаки на главного врага хазарских иудеев — христианскую Византию.

Один из наиболее выдающихся арабских географов и историков X века Масуди, который был близко знаком с ситуацией в Хазарском каганате, писал в 943 году: «Русы... служат в войске царя (хазарского. — В. К.) и являются его слугами»[44]. Это сообщение иногда истолковывают в том смысле, что речь идет только о «русах», находившихся тогда в столице Каганата, Итиле. Но виднейший исследователь арабских источников А. П. Ковалевский основательно писал, что в сообщении Масуди «имеется в виду вся область, на которую распространяется власть хазарского кагана. А в первой половине X в. власть эта простиралась до бассейнов рек Днепра

(и, в частности, самого Киева. — В. К.) и Оки... аль-Масуди... имел в виду вообще восточных славян. Это подтверждается дальнейшим рассказом»[45].

Между прочим, как бы объясняя необходимость «использования» хазарами военной силы русов, Масуди сообщает: «Хазарский царь не имеет морских судов, и его люди не умели обращаться с ними» (там же, с. 200). Из подвластных Каганату народов только русские имели настоящий флот, который был способен осаждать Константинополь, а также мусульманские государства на побережье Каспийского моря, с которыми Каганат воевал, начиная с 901 года, и не раз терпел поражения.

Не менее важно было и то обстоятельство, что, заставляя Русь нападать на Византию и государства прикаспийских мусульман, хозяева Каганата сами далеко не всегда вступали в *открытый* конфликт с этими государствами. Это ясно видно из рассказа Масуди о походе русов на Каспий в 910-х годах.

Он сообщает, что войско Руси на пятистах судах прибыло по Черному морю к Керченскому проливу, дабы через Азовское море войти в Дон, а затем переволочь суда на Волгу и попасть, наконец, в Каспийское море. У Керченского пролива, писал Масуди, «находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. Их задача — оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого (Черного. — В. К.) моря»[46]. Однако в данном случае царь почему-то «разрешил им совершить это беззаконие» (не забудем, что Масуди — мусульманин и его возмущает этот поход), и воины Руси «добрались до Хазарской реки (Волги), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское (Каспийское. — В. К.) море... Суда русов разбрелись по морю и совершили нападения на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун» (с. 199; имеются в виду мусульманские государства).

Масуди, основываясь, без сомнения, на «официальной» хазарской версии, излагает дело таким образом, что правитель Каганата будто бы *вынужден* был «уступить» требованию русов и позволил им миновать не только прочную заставу у Керченского пролива, но даже свою мощнейшую в военном отношении столицу Итиль (Атиль).

Когда же затем «ларисийцы (наемная хазарская гвардия из хорезмийцев. — В. К.) и другие мусульмане царства (Хазарского. — В. К.) узнали о том, что натворили русы... сказали царю: «Предоставь нам расправиться с этими людьми, которые напали на наших мусульманских братьев, пролили их кровь и полонили женщин и детей». Царь не мог им помешать, но послал предупредить русов, что мусульмане решили воевать с ними. Мусульмане собрали войско и спустились (из Итиля. — В. К.) вниз по реке... Битва между ними длилась три дня, и Аллах даровал победу мусульманам. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены...» (с. 200).

Из этого рассказа недвусмысленно явствует, что правители Каганата, мобилизовав все свои силы, имели полную возможность не пропустить войско Руси в Каспийское море, — раз уж одна только мусульманская часть населения Каганата сумела потом уничтожить это войско. Поскольку хазарские правители были кровно заинтересованы в ослаблении прикаспийских мусульманских государств, с которыми они недавно безуспешно воевали и которые вредили им на одном из важнейших торговых путей через Каспий, есть все основания прийти к выводу, что Каганат на деле не просто «разрешил» русскому войску пройти на Каспий мимо своей столицы, но сам заставил Русь это сделать. Именно так истолковывает описанные события Л. Н. Гумилев.

По его основательному убеждению, около 900 года «княжество киевских варягов (это едва ли точное определение, ибо в Киеве «варяги» уже в значительной степени растворились в славянской среде. — В. К.) стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов... в войнах с христианами и мусульманами-шиитами... киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути... Естественно предположить, что русов просто пригласил царь Вениамин»[47].

А затем этот властитель Каганата «позволил» своей мусульманской гвардии уничтожить русское войско, лживо сообщив последнему об опасности, которую он якобы не в силах предотвратить. Войско свою задачу уже выполнило, а его уничтожение было «полезно» и желанно, ибо ослабляло Русь.

Как известно, Русь через три десятилетия, в 942 году, совершила еще один поход в Закавказье, на города расположенных там мусульманских государств, — прежде всего город Бердаа (ныне Барда в Азербайджане). Автор ряда содержательных работ о русско-византийских и русско-хазарских отношениях в X веке, Н. Я. Половой, убедительно доказал, что и этот поход Руси был совершен под диктатом Хазарского каганата.

«Несомненно, — пишет он, — что разгром Бердаа... был прежде всего выгоден хазарам», которые «не пролив ни одной капли крови, наносили такие страшные удары мусульманам Каспия, от которых те долго не могли оправиться. Таким образом, анализ русско-арабско-хазарских отношений на Каспии показывает, что русские, очередной задачей которых являлось *уничтожение* Хазарского каганата как государства, сами *укрепляли* его, нанося тяжкие удары злейшим врагам Хазарии». Полемизируя с некоторыми предшествующими работами, Н. Я. Половой, опираясь на достоверные источники, отмечает, в частности, что «хазары не только не препятствовали походу (Руси. — В. К.) на Бердаа, но даже участвовали в нем»[48]. Исследователь приводит многозначительные слова Масуди о том, что «царь хазарский не имеет судов и его люди непривычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны». На суше путь в Закавказье преграждала неприступная крепость Дербента, но русские, как сообщается в одном из источников, не сумев «пробиться через Дербент, отправились в море на судах и совершили нападение»[49].

Важно было сослаться здесь на работу Н. Я. Полового потому, что совпадающие с ней по своим основным положениям работы Л. Н. Гумилева многие историки квалифицируют как слишком субъективные, тенденциозные, исходящие из заранее сконструированной концепции. Но этого никак нельзя сказать о Н. Я. Половом.

Итак, арабские сведения о походах Руси в мусульманское Закавказье, к границам Ирана дают возможность с должной ясностью понять, что коварным инициатором этих походов был Хазарский каганат. Но то же самое, без сомнения, следует сказать и о походах Руси на христианскую Византию.

Как уже было упомянуто, около 825 года Хазарский каганат, где за четверть или треть века до того утвердилось господство иудаизма, сумел захватить Киев и обложить данью полян и другие племена южной и срединной Руси. Дань взималась, в частности, деньгами, поименованными в двух местах «Повести временных лет» различно: «имаху (взимали) по *беле*» и «дали по *щелягу*». Но и в том, и в другом случаях имеется в виду серебряная («белого» цвета) монета, только названа она сначала по-русски, а затем по-еврейски (шелаг — белый)[50]; это лишний раз свидетельствует о том, *кто* именно взимал дань.

В середине IX века призванный из северной Руси Аскольд овладел Киевом, но вскоре, очевидно, потерпел поражение от прекрасно вооруженных и обученных полчищ Каганата и стал в сущности не самостоятельным киевским правителем, а (как сказано в молитве патриарха Филофея) «воеводой кагана».

Если каких-нибудь полвека назад князь Кий побывал в Константинополе во главе миролюбивого посольства (у нас нет основания усомниться в достоверности этого сообщения «Повести временных лет»), то Аскольд вынужден был совершить неожиданное агрессивное нападение на византийскую столицу, хотя Империя ничем не «провоцировала» Русь. Виднейший современный историк-византолог Г. Г. Литаврин писал, что «трудности контактов между русскими и византийцами, вызываемые удаленностью их государственных границ, в известной мере компенсировались редко учитываемой (это важно осознать! — В. К.) спецификой политических отношений этих стран. Интерес к византийской культуре в древнерусском обществе *никогда* не осложнялся угрозой непосредственной агрессии со стороны Византии... атрибуты византийской цивилизации никогда не приобретали на Руси значения символа иноземного угнетения...»[51].

Этот — вообще-то совершенно бесспорный — факт тем не менее действительно крайне редко «учитывается». Поскольку Русь при Аскольде, Олеге и Игоре совершала грозные походы на Византию, многие историки — сознательно либо даже бессознательно — стремились как-то «оправдать» своих далеких предков и прямо говорили или хотя бы намекали на некую будто бы имевшую место тяжкую угрозу Руси со стороны Византии. Этот мотив так или иначе присутствует в огромной массе сочинений о древнерусской истории. На деле же никакой реальной «византийской опасности» не существовало и более того, в сознании людей *тогдашней* Руси не могла возникнуть мысль о подобной опасности.

Об этом, например, ясно свидетельствует мир былинного эпоса, где Царьград предстает всегда как своего рода старший брат Киева, его надежда и опора, а нередко и как город, который богатыри считают честью защитить от врагов.

Весьма эрудированный историк И. У. Будовниц справедливо подчеркивал, что «ни в одном русском источнике... нет и намека на то, будто империя (Византийская. — В. К.) посягала на политическую самостоятельность Руси»[52].

Попытки историков «опорочить» Византию объясняются, правда, не только их стремлением как-то оправдать агрессивные походы русских князей, но и другой причиной. Хорошо известно, что в Западной Европе с давних пор господствовало враждебное отношение к Византии и безоговорочно негативная оценка ее истории; здесь, кстати, также имела место попытка «оправдания» крайне жестоких атак на Византию, совершенных западноевропейскими крестоносцами.

Но гораздо важнее другое. Западноевропейские идеологи издавна привыкли осознавать Запад как своего рода единственный во всем мире *субъект* истории, которую-де творят только его народы, а остальные страны выступают лишь как *объекты* приложения западноевропейской воли и силы. Все это прекрасно раскрыто уже в историософских сочинениях Тютчева. Сей «европоцентризм» определяет, в частности, западные представления об истории и культуре Византии. Резко критическое отношение к Византии рано стало господствующим на Западе и во многом объясняется тем, что в ней видели реального «конкурента» западноевропейского мира (позднее *точно так же — и по той же причине* — Запад стал относиться к России; к этой теме мы еще вернемся).

И, как ни печально (и даже в сущности постыдно!), начиная с XVIII века, когда Россия многое «заимствовала» у Запада, большинство русских идеологов «подчинилось» лишенному всякой объективности западноевропейскому отношению к Византии; это ясно выразилось, например, в «Философических письмах» Чаадаева. И, в частности, российские историки стали «доказывать», что Византия якобы проявляла различные агрессивные намерения в отношении Руси, хотя это отнюдь не соответствовало действительности, ибо как раз напротив, Русь совершила в 860 — 940-х годах несколько ничем не «спровоцированных» атак на Константинополь. Большинство историков, увы, одобряло или даже воспевало эти атаки. При этом господствовало мнение, что русская летопись якобы также их восхваляла. Историк, понимавший «неоправданность» нападений Руси на Византию, писал вместе с тем, что эти походы «раздуваются в казенной летописи как бы в нечто героическое, но получается отталкивающая картина диких разрушений и грабительских погромов»[53].

Как ни странно, А. В. Карташев не сумел увидеть, что и в летописи, по существу, нет героизации этих походов. Так, о событии 860 года летописец говорит: «много убийство крестьяном створиша» и едва ли не радуется, что в результате погружения в море «скути» (полы) ризы Богородицы «буря воста с ветром, и... безбожных Руси корабля смяте, и к берегу приверже, и изби я». Или о походе Олега: «много зла творяху русь греком». И опять-таки почти одобрительно повествует летопись о том, как корабли Игоря были сожжены «греческим огнем»: «И бысть видети страшно чюдо. Русь же видяще пламень, вметахуся в воду морьскую, хотяще убрести».

Словом, в «воспевании» атак на Константинополь повинны позднейшие «антивизантийски» настроенные историки, а не древние летописцы. И А. В. Карташев выступил в сущности против интерпретации летописных сообщений в позднейшей историографии.

Но наиболее важен, конечно, тот факт, что нападения на Византию явно шли вразрез с историческим настоящим и будущим Руси. И все походы в период 860 — 940-х годов были совершены, очевидно, под диктатом Хазарского каганата, движимого непримиримой враждой к христианской империи.

Нельзя не сказать о том, что многие историки пытались и пытаются истолковать походы Руси на Византию при Аскольде, Олеге и Игоре как своего рода «дипломатические» акции: задача этих походов заключалась будто бы в том, чтобы заставить Империю «считаться» с Киевом и в конечном счете добиться установления весьма ценных и даже необходимых для Руси дипломатических отношений с Константинополем. Достижение этой цели и выражалось, мол, в заключении всем известных русско-византийских д о г о в о р о в.

Однако по меньшей мере странно усматривать стремление к такой цели в тех крайне жестоких, даже зверских действиях войска Руси в Византии, о которых подробно говорилось выше: убийства женщин и детей и даже животных, распятие священников и сожжение храмов и т. п. Во всем этом явно выражалась «инициатива» Хазарского каганата, и поистине абсурдно полагать, что подобные акции вдохновлялись задачей достижения «договорных» отношений с Византией...

Едва ли можно сомневаться в том, что договоры с Аскольдом, Олегом и Игорем заключались по воле Византийской империи, за плечами которой был шести-семивековой опыт фундаментальной внешней политики в огромном регионе; отбив атаки Руси, именно Византия в целях предотвращения новых нападений стремилась установить с Русью отношения, так или иначе выгодные последней, и, более того, вступить с ней в военный союз, направленный против побудившего Русь к агрессии Хазарского каганата.

Это вполне убедительно доказал недавно А. Н. Сахаров, анализируя русско-византийский договор 944 года. Речь идет о том месте договора, где определяется политика Руси в «Корсунской стране» — то есть в Крыму и Северном Причерноморье. «Князю русскому» предлагается следующее: «...да воюете на тех странах, и та страна не покоряется вам, и тогда, аще просит вой (воинов) у нас князь Русский да воюет, да дам ему, елико ему будет требе» (сколько ему будет нужно).

Историк говорит об этом: «...»страна, против которой собираются вести войну русы, не названа... Но думается, что и Игорь, и Роман I Лакапин (тогдашний император. — В. К.), и русские и византийские дипломаты отлично знали, о ком идет речь... Все говорит за то, что именно Хазарский каганат имеет в виду русско-византийский договор 944 года в качестве той «страны», против которой Константинополь готов помочь Руси войском... военный союз против Хазарии и ее друзей — таково содержание этих статей договора 944 года»[54].

Но, как еще будет показано, и предшествующие походы Киева на Константинополь в конечном счете «оборачивались» заключением союза Руси с Византией, — союза, который закономерно был направлен против непримиримого врага христианской Империи. Однако Хазарский каганат мощным военным давлением снова и снова заставлял Русь нарушать подписанные договоры. Так, император Иоанн Цимисхий говорил Святославу: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Игоря, который презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском...»[55].

И в высшей степени показательно и закономерно, что п о с л е р а з г р о м а Х а з а р с к о г о к а г а н а т а Святославом в 960-х годах русские уже никогда не совершали прямой агрессии против Византийской империи — несмотря на то, что Русь к этому времени стала намного или даже гораздо более могущественной, чем ранее.

Тут, вполне понятно, могут сразу возникнуть недоумения и возражения: а как же быть с войной самого уже победившего хазар Святослава против Иоанна Цимисхия? И в самом деле, в течение долгого времени господствовало представление, что Святослав, подобно Аскольду, Олегу и Игорю, — то есть как бы продолжая уже сложившуюся «традицию», — совершил нападение на Византию. Но один из крупнейших русских византологов новейшего времени М. Я. Сюзюмов (1893 — 1982), который с 1916 года и до своей кончины изучал историю взаимоотношений Святослава с Византией, убедительно доказал, что этот великий полководец Руси воевал не с Византией, а именно и только с узурпатором власти Иоанном Цимисхием, который в декабре 969 года убил предшествующего императора Никифора I и сел на его трон.

Никифор II был одним из значительнейших государственных деятелей и полководцев Византии. Ф. И. Успенский писал, что он — «один из наиболее величественных характеров между византийскими императорами». Никифор еще до своего восшествия на престол (в 963 году, когда умер император Роман II, сын Константина Багрянородного, его старшему сыну Василию было всего пять лет; Никифор обвенчался с вдовой Романа, императрицей Феофано, и стал править) вступил в самый тесный военный союз с Русью, чьи воины участвовали во в с е х его победоносных походах против арабов.

А в 966 году Никифор начал войну с болгарами и на следующий год отправил своего, так сказать, полномочного посла Калокира к Святославу просить о военной помощи (Русь обязалась оказывать ее Византии еще по договору, заключенному в 943 или 944 году). Войско Святослава, в рядах которого находился и Калокир, отправилось в 968 году в Болгарию и одержало внушительную победу. Но Святославу пришлось вернуться в Киев, так как на столицу Руси напали печенеги, натравленные уцелевшими и после похода Святослава остатками хазарских верхов[56]. Затем Святослав снова отправился в Болгарию, но, к моменту его возвращения или несколько позже, византийский полководец Иоанн Цимисхий зверски убил Никифора II и 11 декабря 969 года провозгласил себя императором.

Брат погубленного императора Лев и его племянник Варда (сын Льва) подняли восстание против Цимисхия, которое, правда, было вскоре подавлено. Но Калокир, ранее пригласивший (по воле Никифора) Святослава, теперь решил направить его против Цимисхия ради того, чтобы возвести на престол Варду или — как сообщает Лев Диакон — самому стать императором после свержения Цимисхия. Святослав внял призыву Калокира и, следовательно, его боевые действия были направлены вовсе не против Византийской империи как таковой, а, — что доказывает М. Я. Сюзюмов, — против предательски и незаконно захватившего власть Иоанна Цимисхия[57]. А с одним из вероятных претендентов на византийский престол, патрикием Калокиром, Святослав «соединился узами побратимства»[58], и, естественно, роль русского князя представала в глазах его сторонников как роль не врага Империи, а ее спасителя от злодея-узурпатора Цимисхия.

«История» византийского хрониста Льва Диакона, из которой прежде всего черпают сведения о действиях Святослава, искажает реальную ситуацию, ибо, по обоснованному суждению М. Я. Сюзюмова, «версия... изложенная Львом, исходила от официальных кругов правительства Иоанна Цимисхия» (цит. изд., с. 181) и ставила задачей убедить, что Святослав был будто бы врагом не Цимисхия, а самой Византии.

В своей войне с Цимисхием Святослав не смог победить; но, по сведениям «Повести временных лет», он, заключая мир с Цимисхием, все же «сказал себе: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

Как известно, по пути в Киев князь был убит печенегами. Но не уцелел и его враг Цимисхий; всего через четыре года он был отравлен и править стал законный император — внук Константина VII Багрянородного, сын Романа II — Василий II (976 — 1025), который — что вполне закономерно — возобновил вскоре самый тесный союз с сыновьями Святослава — Ярополком, а позднее Владимиром. В 987 — 988 годах шеститысячное войско Руси снова (как и при Святославе) участвовало в борьбе вполне законного византийского императора — теперь уже с еще раз поднявшим мятеж Вардой Фокой — и сыграло, как полагают, решающую роль в разгроме мятежников.

Но об этом еще пойдет речь. Сейчас нам необходимо выявить тот факт, что агрессивные атаки Руси на Византию имели место только до времени Святослава или, точнее, его матери святой Ольги, начавшей править Русью (поскольку Святослав был еще ребенком) после гибели Игоря.

***

Дальнейшее изложение истории Руси и русского Слова будет опубликовано, вероятно, в составе книги; для журнальной публикации мое сочинение в его целом слишком объемно и громоздко.

Но, прежде чем проститься с читателями, необходимо сказать следующее. Не исключено, что у кого-либо создалось впечатление о слишком большой и как бы «недостойной» зависимости Руси от Хазарского каганата. Но дело обстоит сложнее.

Во-первых, надо постоянно помнить о громадных возможностях Каганата, который в течение полутора столетий полностью господствовал в Восточной Европе. Далее, нельзя забывать, что русская государственность была еще в сущности совсем «юной». И тот факт, что, начав свою войну с Каганатом в середине IX века, Русь к середине X века (в 960-х годах) уже смела его с лица земли, говорит, конечно же, не о слабости, а об удивительной мощи государства, впереди у которого была тысячелетняя история.

И, может быть, особенно ярко выразилось величие Руси в том, что она сумела перетянуть на свою сторону силы из самого Каганата — и силы, по всей вероятности, не худшие. Выше уже говорилось о хорезмийцах, перебравшихся из Каганата в Киев. Договор Игоря с Византией подписали среди других знатных лиц Руси люди, носящие имена Сфандр, Фристен, Фрутан: как утверждает специалист, «это явная передача иранских (то есть, значит, и хорезмийских. — В. К.) имен Исфендиар, Ростем, Феридун»[59].

Не менее примечательно, что среди героев русского богатырского эпоса — Михаил Козарин. Виднейший исследователь писал, что былина о Козарине «принадлежит к числу наиболее архаических в русском эпосе... Козарин — единственный в своем роде герой, не похожий ни на одного героя русского эпоса... Родители Козарина... глубоко ненавидят его... Ненависть эта настолько сильна, что родители хотят его погубить... Народ не может объяснить себе причин этой ненависти. Самая обычная причина состоит в том, что... его злые люди испортили... Мы должны предполагать наличие... более древних и более веских причин... его имя — «Козарин»... несомненно когда-то предполагало его хозарское происхождение»[60].

Но он ушел от своего «рода-племени» и стал русским богатырем — и одним из самых чтимых. И трудно усомниться в том, что дело шло именно о переходе из иудаистского Каганата на Русь. И это — одно из выражений «евразийского» пути Руси.

Вместе с тем более чем столетняя история противоборства Руси с Каганатом очень сложна и многозначна; о ней еще многое предстоит сказать...

---

[1]Во многих работах утверждается, что Русь совершила два более ранних нападения на Византию: еще чуть ли не в конце VIII века на ее крымские владения (Сурож) и между 820-м и 842 гг. — на город Амастриду (на южном берегу Черного моря). Но, как убедительно доказывал целый ряд историков, в этих сведениях на самом деле отразились более поздние походы Руси (860-го, 841-го или даже 988 года).

[2]Акафисты различны Почаев. 1776, с. 20.

[3]См. об этом: Константин Багрянородный. Об управлении империей — М., 1989, с. 392.

[4]Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. — М., 1980, с. 51.

[5]Латинское «так!», побуждающее вдуматься в текст: здесь заострено внимание на том факте, что с христианами поступают так же, как с самим Христом ..

[6]Гумилев Л Н. Древняя Русь и Великая степь, с 194 — 195.

[7]Памятники истории Киевского государства IX — XII вв. — М., 1936, с. 96 — 97.

[8]Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке, с. 119, 120.

[9]Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. — М., 1992, с. 175 — 176.

[10]Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке — Л., 1932, с. 117 — 118

[11]Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. — Берлин, 1924, с. 25.

[12]Подобное сопоставление иудаизма и христианства выразилось позднее в «Слове о законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона.

[13]Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. — М., 1992, с. 142.

[14]Цитирую по кн.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. — М., 1956, с. 73.

[15]Вторая беседа Фотия «На нашествие россов». — В кн.: Материалы по истории СССР. Вып. 1. — М., 1985, с. 268 — 269.

[16]Сказания о начале славянской письменности — М., 1981, с. 96.

[17]Макарий. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской Церкви. — СПб., 1857, с. 287.

[18]Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и исторический источник. — Пг., 1915.

[19]См., напр.: Львов А. С. О записи про Константина-Кирилла Философа в календаре Остромирова Евангелия. — «Советское славяноведение», 1976, № 1.

[20]Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. — Париж, 1959, с. 90, 91.

[21]Сказания о начале славянской письменности. — М , 1981, с.81—85.

[22]Артамонов М. И , цит. соч., с. 375.

[23]Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. — Берлин, 1924, с. 23.

[24]Это указанное царем Иосифом количество, в котором учтены в качестве отдельных народов подвластные Каганату русские племена (вятичи, северяне и др.), вполне достоверно; его, в частности, называет и посетивший в 923 году Каганат арабский путешественник Ибн-Фадлан.

[25]Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. — М., 1989, с. 3, 5, 6. (Разрядка моя. — В. К.)

[26]См.:Русский фольклор. Составил Н. П. Андреев. — М. — Л., 1938, с. 190 — 191.

[27]Былины — М., 1986, с.122 — 129. В том же году вышла антология «Былины», составленная Б. Н. Путиловым, где этой былины опять-таки нет...

[28]След копыта.

[29]Рослого, высокого.

[30]Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки. — М., 1988, с. 245, 247.

[31]В последнее время нередко обсуждается — шутливо или даже серьезно — вопрос о «неадекватности» этого термина, ибо к «семитам» принадлежит и арабы, и другие народы (особенно древние). Но это, конечно, только «спор о словах», ибо сей термин имеет в виду одних евреев.

[32]Уэллс Герберт. Россия во мгле. 1958, с. 43. (Разрядка моя. — В. К.)

[33]Нельзя не заметить еще, что ставшие позднее, в 1921 — 1937 годах, членами Политбюро лица русского происхождения были в подавляющем своем большинстве, как и Бухарин, женаты на еврейках. Это и Молотов, и Рыков, и Ворошилов, и Андреев, и Киров, и даже Ежов. . Трудно поверить, что такое «единодушие» было случайным и несущественным. И уж никак невозможно отрицать громадную значимость подобной «концентрации» на самой вершине власти лиц, принадлежащих к национальности, составлявшей, согласно переписи 1926 года, всего-навсего 1,8 процента населения страны.

[34]Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. — М., 1976, с. 96, 95, 97.

[35]Отмечу, что противостояние Христа и фарисеев в этом же аспекте анализируется в написанной через три десятилетия после статьи Н. В. Пигулевской книге англичанина Дугласа Рида «Спор о Сионе (2500 лет еврейского вопроса)»; эта книга была издана через два года после публикации статьи Н. В. Пигулевской, в которой проблема исследуется с гораздо более глубоким знанием предмета.

[36]Кант И. Трактаты и письма. — М., 1980, с. 198, 199.

[37]Еврейская энциклопедия... т. 7, стлб. 310.

[38]Еврейская энциклопедия. СПб, т. 9, стлб. 246.

[39]Shonfeld M. The Holocaust Victims Accuse Documents and Testimony on Jewish War Criminals. — N.-Y., 1977, p. 25.

[40]Богатка Иржи. В подручных у нацистских душегубов (Когда заговорил дневник сиониста). — В кн : Сионизм — правда и вымыслы. — М., 1980, с. 77.

[41]История Византии. Т. 2 — М., 1967, с. 347 — 348.

[42]См.: Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. — М., 1961, с. 131 — 180; Москаленко А. Н Славяно-венгерские отношения в IX веке. — В кн.: Археология и древняя история угров. — М , 1971, с. 189 — 196; Перени Йожеф. Угры в «Повести временных лет». — В кн.: Летописи и хроники. 1973. — М , 1974, с. 92 — 102 (автор справедливо отмечает: «История венгров, хотя она тесно связана с историей Руси, не была основательно изучена в русской историографии. Советские историки только теперь начинают ею заниматься» — с 92); Левицкий Т. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье — М., 1978, с. 56 — 60.

[43]Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX веке — В кн : Международные связи России до XVII в — М., 1961, с. 137.

[44]Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X — XI веков. — М., 1963, с. 193.

[45]Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в., по данным аль-Масуди. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений — М., 1973, с. 67.

[46]Минорский В. Ф. Цит. изд., с. 198.

[47]Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989, с. 187, 188

[48]Вполне естественно прийти к выводу, что «представители» Каганата участвовали и в тогдашних походах Руси на Константинополь.

[49]Половой Н. Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. — В кн.: Византийский временник. Том XX. — М., 1961, с. 100, 98, 99, 95, 97. (Разрядка моя. — В. К.)

[50]См.: Новосельцев А. П. Древнерусско-хазарские отношения и формирование территории Древнерусского государства. — В кн.: Феодализм в России. — М , 1987, с. 195.

[51]Литаврин Г. Г. Культурные связи Древней Руси и Византии X — XII вв. (опыт исторической характеристики). — В кн.: Проблемы истории культуры. М., 1976, с. 255. (Разрядка моя. — В. К.)

[52]Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. — М., 1960, с. 62.

[53]Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви — Париж, 1959, с. 93.

[54]Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...» Рождение русской дипломатии. — Л., 1986, с. 214 — 217.

[55]Диакон Лев. История. — М., 1988, с. 57.

[56]См об этом: Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава. — В кн : Древнейшие государства на территории СССР. 1975. — М., 1976, с. 97. Во всяком случае, беспочвенно мнение, согласно которому печенегов-де послал на Киев союзник Святослава Никифор II...

[57]См. об этом в комментариях к подготовленной под руководством М. Я. Сюзюмова книге: Диакон Лев. История. — М., 1988, с. 182, 188.

[58]Там же, с. 44.

[59]Лелеков Л. А. Искусство Древней Руси и Восток. — М., 1978, с. 121.

[60]Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М., 1958, с. 154, 157, 158, 159.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

Россия: попытка самопознания

СТАТЬЯ V

РУССКАЯ ОЙКУМЕНА

Проходя мимо поношенного тряпья, присланного «Армией спасения», втридорога покупая западные «собачьи» консервы, нельзя не задуматься о том, как могучее государство оказалось в такой разрухе. Такой нищете и срамоте. Уверен: у каждого, кто не разучился думать, этот вопрос постоянно стучит в голове.

Во всяком случае, на встречах его задают неизменно. Помню, в конце весны на литературном вечере в Союзе писателей я рассказывал о былом величии нашей страны, о мудрой силе и свободолюбии русского человека (потом этот материал был опубликован в летних номерах журнала). И сразу получил записку: если все, что Вы говорите, правда, как могла развалиться держава, как допустила 1917 год и его фарсовое повторение в 1991-м? Тогда я не мог ответить с должной обстоятельностью. Теперь, перечитав гору исторической литературы, могу.

Для того чтобы понять механизм развала, надо уяснить принципы, на которых воздвигалось государство. Обнаружить вековечные опоры, которые были разрушены революциями. Сделать это необходимо не только для того, чтобы оплакать славное прошлое — чтобы строить наше национальное будущее, бережно воссоздавая подорванные устои.

Пошлые и корыстные политологи утверждают: «Империи разрушаются — пришла пора этой». Но Россия никогда не была империей, хотя в начале XVIII века Петр и присвоил ей это пышное наименование, вероятно, тешившее его честолюбие. Судите сами — уже при нем прибалтийские провинции, завоеванные и выкупленные у Швеции, имели больше свобод, чем Петербург и Москва; положение немыслимое в настоящей империи! И так — до нынешнего дня: Россия возглавляла список советских республик по производительности труда и замыкала по уровню потребления...

Добросовестные исследователи давно пытались найти термин, способный адекватно выразить своеобразие России. В последнее время популярно стало определение, предложенное А. Дугиным: «Россия — континент». К сожалению, при всей его броскости оно также неудовлетворительно. Во-первых, расплывчато, во-вторых, неверно.

На первый план выдвигается общность территорий. При таком подходе не имеет ровно никакого значения, какое государство располагается на «континенте»: собственно Россия или, скажем, Улус Джучи. Неважно и то, на каком языке говорят люди на бескрайних просторах: русском, каком-нибудь тюркском, английском.

— Россия — континент... А Вы знаете, это страшное определение, — сказал мне один историк. И я согласен с такой оценкой.

Куда более оправданным представляется мне греческий термин «ойкумена». Он уже введен в научный оборот: нередко так именуют Византию, чьи традиции, как известно, Россия глубоко усвоила.

В современной литературе этим термином пользовался недавно умерший зарубежный византолог протоиерей Иоанн Мейендорф. В переводе с греческого «ойкумена» — населенный мир, вселенная. Мейендорф не дает четкой расшифровки термина, предпочитая описательные характеристики, например: «Сверхнациональное единство христианских народов».

Впрочем, и любая «классическая» империя сверхнациональна. Однако покоренные народы оттеснены в ней на периферию и, как правило, подавляются господствующей нацией. В Византии — уточняет ученый — дело обстояло иным образом: идеология ойкумены «исключает право нации на монопольное главенство». Если индусы в Британской империи или чехи в Австро-Венгрии не могли управлять государством, то в Константинополе «лица негреческого происхождения, если только они усваивали имперскую «систему» и идеологию, легко могли подняться по ступеням государственной и церковной иерархии».

На мой взгляд, наиболее удачным из предлагаемых Мейендорфом является определение: «Православная семья народов». Ведущий принцип ее идеологии: «Универсализм против национализма».

Не правда ли — все это знакомо и нам, в России. Звучит привычно для русского уха, независимо от того, нравится нам это или нет.

Мейендорф, однако, прямых параллелей не обнаруживает. Хотя отмечает, что греческие уроки, данные Москве, не прошли бесследно. «Русские усвоили тот взгляд, что культурно, политически и религиозно они являются частью более широкой вселенской общности».

Это говорится об эпохе, предшествовавшей покорению Константинополя. Когда прежний центр православной ойкумены пал, мос-

ковские князья, по словам исследователя, «мечтали» о «наследии византийских императоров». Еще более определенно: «Когда создалась идеология «Москвы — третьего Рима», Московская Русь руководствовалась в своей политике той же (византийской. — А. К.) внутренней логикой».

Но — утверждает историк — «перенесение империи» в Москву, которого ждали многие, не состоялось. Причина — «идеологическое самоограничение русских». И хотя в устах священника слово «самоограничение» должно было бы звучать как похвала, он, по существу, обвиняет москвичей в национализме. В неумении растворить себя во вселенской общности. «Россия была «народом», а не «третьим Римом».

Эту безапелляционную констатацию византолог подкрепляет ссылкой, которая кажется ему наиболее убедительной — на политику самих московских государей. «Идею Москвы — «третьего Рима»... московское государство никогда официально не признавало своей».

На это можно было бы возразить, что никакой официальной государственной концепции типа «плана Монро» в те времена не существовало и существовать не могло. Кроме самоочевидной: собирание всех русских земель воедино. Показательно в данном случае не официальное отношение, а само по себе возникновение столь колоритной теории. Так же как ее поразительная жизнеспособность: она воскресала вновь и вновь — в XVII веке при строительстве Нового Иерусалима, в XVIII — в окружении Екатерины, в XIX (славянофилы, Достоевский, Леонтьев), вплоть до XX столетия.

Но еще более показательна практическая деятельность России. Вопрос о защите веры выдвигался на первый план, когда соседние и дальние народы просили царя взять их под «высокую руку». Сама тяга христианских окраин к России убедительнее всех умозрительных доводов показывает: она являлась подлинным центром православного мира.

Как утверждалась на Руси идеология ойкумены? Первоначально она насаждалась константинопольскими учителями — не насильственно, но настойчиво. Никогда не покорявшаяся византийскому оружию, Русь втягивалась в духовную зависимость от центра «православного содружества», входила в него как отдаленная церковная провинция. Быть может, именно добровольный характер этой связи обусловил удивительное смирение Руси в отношениях с обветшалой империей. Столь резко контрастирующее с яростными усилиями других членов «содружества» — Болгарии, Сербии (когда-то завоеванных Византией) освободиться не только от административной, но и от духовной опеки центра.

С момента зарождения Московского государства (XIV век) до падения Константинополя (1453) князья, как правило, без спора признавали высшую духовную власть константинопольского патриарха. Принимали митрополита из Византии — обычно чуждого по крови (в основном это были греки и болгары), далекого от местных политических интересов.

Приезжая в Москву (с 1326 года постоянную резиденцию митрополита), византийский пастырь становился высшим судьей в вопросах нравственной жизни огромного народа. Он разбирал споры князей, мирил их и карал. Он обладал властью в известном смысле более значительной, чем великие князья, ибо она распространялась на территорию, превосходящую размеры любого княжества, и захватывала пределы, потерянные к тому времени Русью (например, Литву).

Ситуация сама по себе уникальная! Однако до конца XIV столетия, до того времени, когда Куликовская победа возвысила Москву в качестве бесспорного лидера возрождающейся Руси, подобная практика имела вполне резонное обоснование. Уступая Византии духовное первенство, щедро субсидируя патриархат, Русь получала взамен то, что дороже и денег, и славы — идею национального единства. Олицетворением ее в разделенной на множество уделов стране был митрополит, сам титул которого торжественно напоминал о былом единстве и ликуя пророчил грядущее соединение — «всея Руси».

В последней четверти XIV века единство духа и предания начало обретать вполне конкретные политические и экономические черты. Москва стала собирать славное наследие Киева. И тут выяснилось, что традиционная церковная зависимость от Византии нуждается в пересмотре или в новых мотивировках. На какое-то время вспыхнула ожесточенная борьба, в которую оказались вовлечены Московское княжество, соперничавшая с ним Литва и Византия. Это противоборство серьезно влияло на характер складывающегося государства, на сотни лет вперед определяло его судьбу. В известном смысле мы оказались заложниками и жертвами тех давних событий.

Материалистическая историография до минимума усекает роль личности в истории. Борьба, развернувшаяся на Руси, наглядно показывает, как велика она на самом деле. Не узнав действующих лиц этой драмы, мы не поймем ее развития.

Три фигуры возвышаются в середине сцены. Одна легко узнаваема — национальный герой России святой благоверный князь Дмитрий Донской. Две другие совершенно не известны широкому читателю — константинопольский патриарх Филофей и митрополит Киприан. Между тем они настолько интересны, что могли бы стать героями увлекательного исторического повествования. Хотя почему же «могли бы» — они стали персонажами популярнейшей средневековой «Повести о Митяе». Не смущаясь авантюрным характером произведения, исследователи черпают из него сведения о перипетиях той борьбы. Разумеется, не только из него — сохранились документы константинопольского патриархата, относящиеся к этому периоду.

О родословной Филофея, прозванного Коккин (рыжий), историки пишут неопределенно, как-то вскользь. Наиболее подробные сведения находим у Мейендорфа: «Родился он в Фессалониках около 1300 года в семье еврейского происхождения». Такая сдержанность компенсируется превосходными эпитетами дальнейшего жизнеописания. Исключительная образованность, литературная одаренность. Действительно, приводимые отрывки из его гимнов, в которых сквозь великолепие византийского стиля прорывается мрачная ветхозаветная патетика, свидетельствуют о несомненном художественном даре.

Филофея характеризуют как видного поборника исихазма, сподвижника Григория Паламы — святителя, столь почитаемого на Руси. Принято также отмечать его «необычайную, почти легендарную роль в судьбах Московского государства» (И. Мейендорф). Правда, переходя от пышной характеристики к анализу фактов, тот же Мейендорф вынужден ограничиться более скромными констатациями — «симпатии на стороне Москвы» и просто «довольно беспристрастная позиция... в конфликте между Москвой и Литвой».

«Симпатии» и «беспристрастность» — согласитесь, это не одно и то же. Чтобы уяснить позицию Филофея по отношению к Руси, придется привести еще одну цитату из Мейендорфа: «Поддержка Москвы... не является (для Филофея. — А.К.) сама по себе целью, но, скорее, служит инструментом для сохранения целостности митрополии под контролем Византии...» Исследователь жестко уточняет: «Московские интересы следует сдерживать, если они вступают в противоречие с высшими интересами византийского государства».

Отечественный историк Гелий Прохоров, более объективно (в сравнении с пылким византийцем Мейендорфом) оценивающий Филофея и политику Константинополя, характеризует патриарха как противника национальных церквей. Этим и объясняется позиция Филофея в русских делах: «Больше, нежели дробления митрополий и нарушения традиций, он боялся, очевидно, совпадения церковно-административных границ с государственными... Боялся национальных церквей».

Вообще яркая личность Филофея далеко не столь однозначна, как хотелось бы благоволящим к нему исследователям. Обычно не заостряют внимания на обстоятельствах его возведения на патриарший престол в 1353 году. Своим возвышением Филофей был обязан дворцовому перевороту. Удачливый самозванец низложил законного императора, однако патриарх Каллист отказался благословить захватчика и был сведен с престола. Филофей оказался менее щепетильным.

Затем последовало бурное десятилетие в жизни Византии, отмеченное множеством переворотов. Уже в следующем, 1354, году Филофей был низложен. Спустя десять лет он вернулся на престол и занимал его до повторного низложения в 1376 году. Именно в этот период патриарх деятельно влиял на ситуацию в России, проводя политику, которую историки называют «очень активной и изобретательной».

В декабре 1375 года Филофей посвятил в Константинополе монаха Киприана на кафедру «митрополита Киевского, Русского и Литовского». Известно, что Киприан был приближен к патриарху, незадолго до посвящения он выполнял на Руси его деликатное поручение, которое можно назвать тайным. Существовало, очевидно, и духовное родство. Митрополита именуют другом Филофея. Любопытны характеристики, которыми награждают Киприана. «Достаточно «интернациональный», — определяет его Г. Прохоров и называет «бродячим интеллигентом XIV века».

Киприан родился в Болгарии, но его обучение и духовное становление проходило в греческих монастырях. Он сильно эллинизировался, и как часто бывает с новообращенными, стал более горячим сторонником Византии, чем сами греки.

Пишущие о нем отмечают те же достоинства, что и у Филофея — ученость, литературный дар. Следовало бы сказать и об эгоцентризме, резко выделяющемся на фоне православной традиции. Киприан все время пишет о себе. Превозносит свои добродетели, едко высмеивает противников. В некоторых случаях это мотивировано обстоятельствами — например, когда митрополиту приходится оправдывать свои действия (хотя, по справедливому замечанию известного историка церкви Е. Голубинского, «хвалебные речи человека самому себе не могут быть приняты за настоящее историческое свидетельство»). Зачастую Киприан пишет о себе просто для того, чтобы похвастать. Так, рассказывая о соборе 1379 года, многозначительно прибавляет: «На томь же убо сборе и аз с иными святители бых». Маленькая черточка, но и она позволяет лучше понять, что за человек в течение тридцати с лишним лет энергично и ловко представлял на Руси интересы Византии.

Да, о ловкости, хитроумии Киприана все говорят особо. Подчеркивают его умение направить события в выгодное для себя русло.

О том же свидетельствуют факты. Впервые Киприан появился на Руси в начале семидесятых. Был послан Филофеем провести расследование литовских жалоб на митрополита Алексия. В этой ситуации и проявилась ловкость Киприана. Вскоре после его приезда в Вильно оттуда в Константинополь была направлена любопытная грамота. В ней выражалось желание православной паствы Литовского княжества иметь особого митрополита. В качестве кандидата назывался Киприан. В случае отказа — гласил текст — русское население готово обратиться в латинство. Автором этого документа был Киприан...

Вернувшись к Филофею, он представил результаты расследования, которые летопись характеризует как «ябеду (на митрополита Алексия. — А. К.), наполненную множеством обвинительных пунктов». Но самое интересное в этой истории то, что Киприан, побывав в Москве, вошел в доверие к митрополиту и именовался его другом! Готовя для себя (в качестве промежуточного этапа) кафедру в Вильно, Киприан мечтал о московской кафедре, которую надеялся занять после смерти престарелого святителя. Легенда о дружбе с Алексием (она до сих пор поддерживается византологами, несмотря на то, что тайные операции давно стали явными) помогла бы представить водворение Киприана в Москве как естественное наследование и преемственность.

Этот авантюрный сюжет закончился, как мы знаем, посвящением Киприана в сан. При живом Алексии! — Филофей пошел на редчайшее нарушение канона. В Москве, куда вскоре наведался Киприан, эти действия Константинополя вызвали негодование. «Есть у нас митрополит Алексей. А ты почто ставишися на живаго митрополита?» — обличил визитера князь Дмитрий. И Киприан исчез (в затруднительных ситуациях он уходил не прощаясь).

С этого момента авантюрная повесть превращается в детектив. Алексий умирает в 1378

году. Киприан торопится в Москву. Дмитрий, видя в нем узурпатора, да к тому же ставленника враждебной Литвы, отказывается его принять. Киприан продолжает путь, стремясь поставить князя перед свершившимся фактом, а там, торжественно встреченный духовенством и народом, он был бы неуязвим для Дмитрия. Князь решается на неслыханный шаг: перекрывает дороги в Москву. Киприан, узнав об этом, пробирается в столицу тайными тропами. Он уже видит городские башни, когда стража задерживает его вместе со свитой и «депортирует» из Московского княжества.

В противовес Киприану Москва выдвигает своего кандидата в митрополиты — Михаила. Известная «Повесть», о которой я говорил, называет его уничижительной кличкой «Митяй». Следует, однако, помнить, что произведение составлялось при участии Киприана Его соперник последовательно компрометируется на страницах «Повести». Объективных сведений о Михаиле не сохранилось.

Этому способствовала его ранняя смерть. Русский кандидат в митрополиты умер на корабле, едва не достигнув Константинополя, куда отправился за посвящением. Филофея уже не было на патриаршем престоле, так что, скорее всего, именно Михаил вышел бы победителем в споре с Киприаном. Летописи прямо говорят о том, что кандидат Дмитрия был убит — «задушиша его» (в другом варианте: «морьскою водою умориша»).

Однако борьба на этом не закончилась: митрополитом был поставлен русский монах Пимен, чью кандидатуру поддержали московские послы. Одновременно возбуждено было расследование деятельности Киприана. Его посвящение в 1375 году было признано неканоническим. Боясь потерять и виленскую кафедру, он тайно бежал из Константинополя.

И тут случается непредвиденное. Киприан вновь смог направить события в выгодное для себя русло: сумел войти в доверие к Дмитрию Донскому! Поставленного в Константинополе митрополита Пимена по возвращении на Русь заключают в тюрьму, а почти смещенный Киприан занимает московскую кафедру, объединяя под своей властью Русь и Литву.

Но и это не окончательная победа. Последовала череда размолвок и примирений. Пимен сменил было Киприана в Москве, но когда дело ловкого политика казалось безнадежно проигранным, руеский митрополит неожиданно умер — опять-таки у стен Константинополя! Затем последовала смерть Дмитрия Донского, и Киприан утвердился в Москве.

Обретенная им власть далеко превышала ту, которой обладали прежние митрополиты. Он оказывал влияние не только на молодого московского князя Василия, но и на своих давних литовских знакомцев — Ягайло, ставшего к тому времени королем Польши, и Витовта, наместника Литвы. Духовная власть Киприана распространялась на огромные территории северо-восточной Европы. В конце жизни он выдвинул грандиозный проект — созыв Вселенского собора (предположительно в Литве) с целью объединения церквей. Этот замысел, не реализованный при жизни митрополита, осуществился полвека спустя при заключении печально знаменитой Флорентийской унии.

Нетерпеливый читатель скажет: нужно ли сегодня воскрешать такие подробности давней политической игры? Необходимо! Ставкой в ней была судьба России. И азарт, с которым ее вели, показывает: все сознавали это.

Фон, на котором развертывалась борьба, был вполне апокалипсическим. Пожары Константинополя, переходившего от одного императора к другому, и Москвы, спаленной Тохтамышем. Сражения венецианских и генуэзских адмиралов в бухте Золотой Рог и легендарная Куликовская битва. Смертельная схватка Византии с султаном и борьба Московской Руси с Ордой и Литвой.

В каком-то смысле это был и впрямь конец мира. Умирала великая Византия. Наследница Рима, античной цивилизации. Хранительница православия. Рушилась эллинская вселенная. А на ее окраине, из огня и пепла, рождалось новое государство — Московская Русь, которой суждено было стать Великой.

В Москве и Константинополе вопрос стоял так: бросить ли все силы здорового молодого организма для спасения умирающей ойкумены или, порвав прежние узы, поднимать Русь? Впервые в нашей истории России готовили роль пресловутой «вязанки хвороста».

Византийцы писали в Москву Киприану: «О возлюбленный брат, поскольку ты проявил себя в прошлом как любящий ромеев (византийцев. — А.К.) человек, покажи себя и ныне и вели и советуй всем делать так, как мы предлагаем и предписываем. Убеди их, что жертвовать на охрану святого града лучше, чем на дела благотворительности, помощь нищим и выкуп пленных...»

Мертвый хватался за живого! Киприану предписывалось велеть русским оставить заботу о своих пленных, продававшихся на невольничьих рынках генуэзских колоний (кстати, союзников Византии). Забыть о нищих и сиротах и все, все отдавать на спасение Константинополя.

Могла ли допустить это национальная церковь России? Вряд ли. Хотя и после разрыва зависимости в XV веке московская помощь щедро текла в Константинополь, первоочередными русская церковь считала свои собственные нужды. Предвидя такое развитие, Византия прилагала огромные усилия, чтобы сохранить на митрополичьей кафедре своего ставленника. И главное — не допустить раздела митрополии.

Мейендорф изображает Филофея и Киприана поборниками церковного единства. Очевидная натяжка. Когда в Валахии местный митрополит занял позицию, враждебную Византии, Филофей без колебания разделил митрополию и поставил на новую кафедру своего сторонника. Церковное единство «всея Руси» нужно было, чтобы не дать Донскому «национализировать» церковь.

Интересы России в расчет не принимались. Византийцев не слишком беспокоило то, что митрополия сводила воедино смертельных врагов — Москву и Литву.

Исследователи представляют византийских иерархов чуть ли не большими националистами, чем сам Донской. Прохоров пишет: «Киприан... навязывал московскому царю роль, от которой тот уже отказался: он продолжал рассматривать его как верховного светского правителя всей православной Руси».

Историк умалчивает об одном: сохраняя единую митрополию, Киприан «предлагал» роль правителя всей Руси двум соперникам — Дмитрию и Ольгерду. Для одного это была роль объединителя. Для другого — завоевателя. Ибо Ольгерд, владевший большей частью былой Киевской Руси, не был ни русским, ни православным.

На исходе XIV века у литовского князя имелось больше шансов, воспользовавшись положением, захватить все русские земли. В этом случае их судьба была бы ясна: уже наследник Ольгерда — Ягайло, став королем Польши, присоединил русские территории, входившие в состав Литвы, к польской короне. Воссоединения с ними Россия добивалась пять столетий. Оно завершилось совсем недавно — в середине нашего века присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу. Понятно, что если бы в споре с Ольгердом Московская Русь проиграла, воссоединяться было бы не с чем. Стояла бы великая Польша — от моря до моря. С католическим населением, давно позабывшим о своих корнях. Вот почему Филофея, поставившего Киприана «на живаго митрополита», бранили в Москве «литовцем», а его ставленника долгое время считали агентом Запада.

«Универсализм против национализма» — византийцы использовали этот принцип исключительно в собственных целях. Боролись против национальных церквей и деятельно утверждали вселенскую, с центром в Константинополе.

Однако апология наднациональной церкви у того же Киприана обернулась планами унии. На это предпочитают не обращать внимания. А между тем характерно, что именно так завершился бурный жизненный путь митрополита. Борьба против идеи национальной церкви в России чуть не привела к подчинению православия папству. Объединительный съезд в латинизированной Литве мог означать только одно — капитуляцию. Вероятно, почетную. Впрочем, кто знает? Обращение византийского императора Иоанна V в католичество не дало ему ни славы, ни военной помощи от Запада, на которую он рассчитывал. Кстати, это обращение состоялось при патриархе Филофее — покровителе и единомышленнике Киприана.

Нет, я далек от мысли видеть в Киприане Горбачева XIV века. В тайной склонности к латинству я его не подозреваю. Хотя подозрения такие высказывались в пору его борьбы с московскими конкурентами. Видимо, смущало то, что в зрелые годы поддерживал дружбу с польским королем Ягайло. На этой долголетней связи не отразились ни переход короля из православия в католичество при восшествии на польский трон, ни гонения, воздвигнутые новообращенным на бывших единоверцев.

Действия Киприана объяснялись, скорее всего, другими причинами. Он, как и Филофей, хранил верность Византии и готов был для ее спасения использовать любые средства. В Константинополе мечтали о союзе с католическим Западом, надеясь совместными силами отразить турецкую агрессию. Во имя этого союза Византия готова была пожертвовать даже православием. Позднее, как известно, она сделала роковой шаг, подписав унию, но не получила никакой помощи от папы и пала под ударами турок.

Замечу к слову, что беспомощность Византии во многом объяснялась упадком греческого самосознания. В середине XIV века, незадолго до того, как разыгрались страсти вокруг русской митрополии, в византийской столице развернулась ожесточенная борьба между местными универсалистами и националистами. Это был последний всплеск эллинизма, вызванный ощущением смертельной угрозы. Не найдя поддержки в широких массах, националисты потерпели сокрушительное поражение. Идеология ойкумены восторжествовала. И даже, как видим, была «экспортирована» в Россию. Однако, когда войско султана пришло под стены великого города, выяснилось, что защищать его некому. Народы «вселенной» заботились каждый о своих собственных нуждах. А растоптанный греческий патриотизм не смог стать действенной силой.

К XV веку начала и концы процесса универсализации сомкнулись. Резко обозначился закат Византии. Открылись губительные последствия политики Киприана в Москве. Сама история давала России наглядный урок: **только сильное национальное государство способно защитить веру и православный народ.**

Казалось, выбор предрешен. Московская Русь должна была отказаться от византийской идеологии и пойти по пути национальных государств Европы. Но произошло немыслимое. Россия выбрала идею ойкумены! Благоговейно переняла ее из одряхлевших рук последних ромеев.

Исследователи интерпретируют это как победу Киприана. Однако они вынуждены признать, что кроме настойчивости и личных связей у митрополита ничего не было. Все-таки слишком незначительные средства, чтобы направлять могучие движения молодой страны.

Убежден — Россия сама сердцем почувствовала духовное величие и красоту вселенского идеала. Предпочла эту великую, обрекающую на жертвы цель решению узких национальных задач. Потянулась к заветной вершине безо всякого расчета. И в этом ее разительное отличие от Византии, «хитроумной» н «лукавой», по словам русских летописей, озабоченной сохранением былого великолепия.

Тут было какое-то откровение. То, что одни называют интуицией, а другие Промыслом. Оно-то, в конечном счете, и направляло течение событий. Впрочем, ни усилия Донского, ни старания Киприана даром не пропали. Но привели, как это нередко случается, совсем не к тем результатам, на которые те рассчитывали. Московская церковь не «национализировалась», как желал Дмитрий, но и Киприану не удалось поставить ее на службу Константинополю. Скорее, можно говорить о том, что Россия «национализировала» византийскую идею, сделала ее своей. Навязываемый ей принцип универсализма поставила себе на службу. А это в корне меняло дело!

Москва взялась за нелегкую миссию собирания нового содружества. Емкая формулировка вселенского единства «пришлась впору», послужила для объединения иных земель, иной ойкумены. На этот раз русской.

Выбор, сделанный на рубеже XV века, оказался решающим. С ним связана вся после-

дующая история России. Ее поразительный взлет. И падение — о нем позже...

Можно только гадать, какое государство возникло бы в Московской Руси, если бы она не отдала предпочтение универсализму. Скорее всего, мононациональное княжество в границах Русской равнины, достаточно устойчивое и сильное. Ясно, однако, что оно никогда не смогло бы стать великой державой, утвердившейся на бескрайних просторах Евразии.

Конечно, освоение грандиозной идеи требовало времени. Некоторым историкам кажется, что в начале XV столетия образование самостоятельного русского государства замедлилось и целый век был «потрачен впустую». Но уже в конце столетия Москва стремительно наверстывает упущенное. Иван III с легкостью, изумившей Европу, завершает дело объединения великорусских земель. А еще через несколько десятилетий Иван Грозный кладет конец давней борьбе России с Ордой, покоряя последние оплоты степной империи — Казанское и Астраханское ханства. Тогда же началось освоение Сибири. К тому времени Россия была настолько сильна, что грандиозное дело совершилось как частное предприятие. Ермака, как известно, снарядили купцы Строгановы.

С этого момента идея русской ойкумены обретает конкретные черты. В тех случаях, когда новые земли не роднила с Россией общая вера, вступал в действие древний принцип — *личной верности государю*. Так служили царю, а затем императору мусульмане, протестанты и даже католики.

Ни один народ, ни одна конфессия не подвергались дискриминации в этом поистине вселенском единстве. Идеология универсализма органически воплотилась в жизни многонационального государства. Более того, она-то и созидала державу. Пропорциональное представительство при дворе обеспечивало каждому народу, каждой земле доступ к государю. Так называемые «инородцы» (в этом слове не было уничижительного оттенка) легко поднимались к высотам иерархической лестницы — начиная с татарина Симеона Бекбулатовича, которого Грозный, удаляясь в Александровскую слободу, оставил вместо себя на троне, кончая армянином Лорис-Меликовым, по существу правителем России на рубеже XX века.

Интереснейшие сведения содержатся в книге А. Корелина «Дворянство в пореформенной России». Опорный слой государства лишь на 45 процентов состоял из православных. Большая часть российского дворянства принадлежала к другим конфессиям. Показательно — национальное деление отсутствовало вовсе. Никто не считал, сколько среди православных русских, а сколько, скажем, грузин. Но ясно, что русские не только не доминировали в сословии — были в меньшинстве.

Складывающееся с XV века единство выдержало жестокие испытания. «Смута» начала XVII столетия реально угрожала уничтожить русское государство. И что же — вместе с войсками Минина и Пожарского Москву освобождали татарские отряды. Историки почти не обращают внимания на этот факт, а ведь он поразителен! Представьте, в 1612 году живы еще были старики, которые помнили покорение Казани русскими (1552). Казалось бы, «смута» предоставляла великолепную возможность расквитаться. Но старейшины, посылая своих детей и внуков к Москве, говорили не о мести и разрушении — о защите и спасении России.

Мы можем сколько угодно рассуждать об универсализме, но только такие удивительные примеры (а их множество в отечественной истории) позволяют ощутить и уразуметь, *чем же он был для нас в действительности*. Какую громадную роль сыграл в жизни государства.

В то же время не соглашусь с теми, кто представляет Россию как простое соединение множества народов, некий конгломерат. Идеология ойкумены воспринята нашими предками в Средние века, и это именно средневековая вселенная — с центром, и даже на ките. Таким центром явилась Москва. А кит — ну конечно же, русский народ, устойчивый и терпеливый, он один способен был вынести любой груз, хотя бы и тяжесть вселенной.

Русская ментальность пропитывала и скрепляла государство в единый организм (прямая противоположность конгломерату). Она рождала в нем дух, а значит — жизнь. Вот почему строгий апологет византийской ойкумены Мейендорф не находит привычных ее черт в России ("была «народом», а не «третьим Римом»"). И все же берет слово «народ» в кавычки, понимая, что к одному народу Россия не сводима.

Это загадка именно русской ойкумены. Вошедшая в поговорки загадка России — государства, культуры, души. Она отобразилась в программном стихотворении нашего национального поэта — пушкинском «Памятнике». Еще недавно его любили цитировать на юбилейных вечерах в качестве примера *стихийного интернационализма*. К счастью, сам поэт был избавлен от необходимости пользоваться этим уродливым термином. Он говорил о себе как о голосе «Руси великой». И одновременно ощущал соприродность своего слова душе не только «гордого внука славян», но каждого сущего в ней «языка», народа. Вот эта гениально почувствованная Пушкиным соприродность именно русского слова, русского начала (а не калмыцкого или «тунгусского») всем народам страны и делает Россию не конгломератом — ойкуменой.

Неожиданное приживление на отечественной почве чужой идеологии может показаться счастливой сказкой. Но реальная жизнь далека от сказочной идилличности. Принцип универсализма, унаследованный от Византии, оказался, как сейчас модно говорить, «амбивалентным». При определенных условиях он позволил создать гигантскую державу. И одновременно поставил ее судьбу в зависимость от них.

Эти условия — крепость православия и монархизм. Может быть, единственный случай в мировой истории, когда существование колоссального государства с небывалой очевидностью поставлено было в прямую связь с высотой народного духа.

Государственное устройство, в основе которого сила духа, а не сила оружия, требовало от русских непрестанного подвижничества. Только подвижничество обеспечивало их духовное лидерство в ойкумене. Оно позволяло создать своеобразное «силовое поле».

Исчезновение этого «поля» угрожало русской вселенной распадением на отдельные народы и земли. Русские среди них оказались бы в наиболее уязвимом положении. В этой ситуации они стали бы бороться против собственных интересов, по-прежнему подавляя свой «национализм» во имя несуществующего более единства. Остались бы беззащитными перед лицом местных национализмов.

XX век грубо отбросил все сослагательные наклонения. Безверие и государственный нигилизм овладели широчайшими слоями нашего народа и подорвали духовные основы русской ойкумены. Здесь не место рассматривать этот роковой процесс. К тому же он сравнительно неплохо изучен, особенно в последней, предреволюционной фазе. Укажу лишь на исток.

Убежден: все началось *с раскола*. Не с Петра, как принято думать, а с никоновской реформы. Петровские нововведения могли быть безропотно приняты только в деморализованной стране. Церковные соборы середины XVII века, и прежде всего собор 1666 года с участием вселенских патриархов, наложили «проклятие», отлучили от духовной и государственной жизни огромные массы людей. Самых стойких в вере, самых решительных и инициативных.

Чтобы понять, каких людей лишилась тогда Россия, надо вспомнить не только огненного проповедника Аввакума, но и гениального *промышленника Андрея Денисова*, создавшего на рубеже XVIII века знаменитую своими торговыми связями и ремеслами старообрядческую колонию в Олонецкой губернии — так называемое «Выгорецкое мужичье царство» (о нем подробно рассказывает О. Платонов в сборнике «Континент Россия»). Кстати, считается, что петровской «индустриализации» не было альтернативы. *Была! Но ее загнали в северные леса* никоновские подручные, действовавшие огнем и мечом.

Скажут — типично русское варварство. Ничего подобного — вспомните, кто проклинал ревнителей древляго благочестия, как называли себя сторонники Аввакума: греческие иерархи, специально приглашенные в Москву. Кто готовил реформу: могилянские книжники, завезенные на Русь из ополяченной Украины. Кто был инициатором всех нововведений: патриарх-мордвин.

Если и было что типично русское в этой реформе, так это то, с какой готовностью и безоглядностью наши предки вверили свою судьбу, нет, больше судьбы — веру в руки зарубежных учителей. Поставили их судьями над собою. Небывалый в мировой истории случай — русская церковь сама отдала себя на суд и пригласила следователей из-за границы.

Вот когда впервые обнаружилась «амбивалентность» усвоенного Россией универсализма. Каноны отеческой церкви показались *неавторитетными*: «*Глупы-де были и не* смыслили наши русские святые, не учоные-де люди были, чему им верить», — пародирует *Аввакум суждения москвичей-никониан*. Они с благоговением ждали слова вселенских патриархов. Но не всеведущи были мудрые греческие пастыри! Откуда им было знать реалии *чужой* земли — что значили древние обычаи для русского мужика и воина, что значила вера в этой стране. Не поняли: Русь только и держится нерушимостью веры.

Судили по букве, не уразумев духа. И дух оскудел.

А дальше — медленное угасание православия. Тогда-то стал возможен петровский полупротестантский Священный Синод, а много позже — накануне крушения — еврей Саблер и масон Карташов во главе Синода.

Рушилась вера. А царство, империя — напротив, казалось, крепла. Обман! Это «известковый слой» нарастал на омертвелом организме. Наступил крах, и казавшееся незыблемым здание рассыпалось.

И пришло пленение вавилонское. Иван Бунин записал слова елецкого мужика: «Немцы бедным не страшны — черт с ними, пускай идут». Вот как прихотливо вывернулся принцип универсализма в те «окаянные дни»! Что немец, что русский — все-то мужику «едино суть». А для немцев — не едино. Они шли. Как завоеватели варварского Востока. Они брали наши лучшие земли и все, что в них было. Текли в Германию эшелоны с рудой, зерном, мясом.

И после свержения кайзера еще долго российские просторы оглашались немецкими командами — теперь их подавали революционные «интеротряды». Никогда германская армия не могла дойти до Ярославля, города срединной России. А немецкие «интеротряды» дошли и в 1921 году спалили его.

В те годы русский помогал немцам, латышам, евреям, венграм расстреливать русских — и не ужасался содеянному. Из этой кровавой купели возник так называемый «интернационализм». Он *подменил* русский универсализм (так же, как социализмом *подменили* общинный коллективизм). Формообразующая роль в строительстве нового государства как будто роднит его с универсализмом. На самом деле, если между ними и есть сходство, то это сходство между оригиналом и злобной карикатурой.

Универсализм выдвинул русскую нацию в качестве духовного лидера ойкумены. А интернационализм поставил ее в «неравное, более низкое по сравнению с другими» положение (из доклада Н. Бухарина на XII съезде партии). Да, и в этих условиях русским отчасти удавалось сохранить традиционное лидерство, но не благодаря официальной политике, а вопреки ей!

В одном интернационализм не отличался от русского универсализма — он зависел от силы веры. Разумеется, как и всякая ложная вера, социализм не мог быть долговечным. И когда он рухнул, русские опять остались беззащитными.

Мы оказались единственным народом, начисто лишенным национализма. Ни ущербного, ни здорового — у нас нет никакого. Хуже того: утрачен принцип, скрепляющий нацию. Раньше эту функцию выполнял интернационализм — скреплял и подавлял одновременно. Обеспечивал хоть какую-то связку. Она распалась, и народ раскатился по одной шестой части суши, как капельки ртути. Атомизировался.

Смотрите, могучий народ русский теснят лилипуты! Каждый норовит побольнее ударить русского — и тот терпит. В Риге, где русских подавляющее большинство, они стонут: нас притесняют.

— Так не позволяйте вас притеснять! — Но для этого нужно единство. Объединяющая идеология. Единый пароль.

Национальное государство скрепляет кровь. Алый, трепещущий призыв — на него откликаются миллионы. Русская ойкумена строилась по-иному. Ее паролем был Символ Веры. Он выше и торжественнее пароля единой крови. Мы могли им по праву гордиться. Но сейчас у нас нет никакого! Утрачена самоидентификация. «Русские» — это слово стало пустым звуком, ничего не обозначающим именем.

Если мы хотим выжить — каждый в отдельности и все вместе как нация, нам нужно обрести объединяющую идею. Кажется, это понимают все: дайте идею — только и слышится вокруг.

А их, по большому счету, всего три: универсализм, национализм и идея потребления, всегда почитавшаяся помрачением души, но в XX веке возведенная в ранг великих идей, определяющих жизнь наций.

У истоков нашей государственности нам дана была величайшая из них. Мы сами упустили из рук этот дар. Нам навязали грубую подделку — социализм, эту земную пародию на царство Божие, и увязанный с ним воедино принцип интернационализма. Но и эта высота оказалась нам не по силам.

Говорят, Россия преодолела социализм. Если бы это было так, она бы возвысилась духовно. Перед нами вновь открылись бы бескрайние духовные горизонты православия, и мы, как наши бесхитростные предки, тысячу лет назад приведенные в Святую Софию, могли бы сказать: «...И ввели нас туда, где служат они Богу... и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле... красоты такой, и не знаем как и рассказывать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми».

Оглядитесь, похожа ли наша действительность на небесную красоту? Нет, мы не преодолели социализма — предали и эту идею. Не поднялись над ней — скатились еще ниже. Соседи по СНГ зацепились за следующий уровень — национальный. А мы покатились в самый низ, прямиком к идее потребления. Еще не оправившись от падения, не поднявшись с колен, принялись молотить кулаками: впустите!

Может, и впустят. Да только при нашей нищете идея потребления — абсурд. Утопия почище «светлого будущего». Дорогие, опомнитесь — потреблять нечего и не на что!

Нам придется карабкаться на следующий уровень, национальный. Мы должны усвоить урок национальных государств Запада и Востока. Кажется, единственный из зарубежных уроков, который Россия упорно отказывалась затвердить. Придется основать свою общность на принципе крови. Не захотим — заставят, вон сколько ее уже пролито: течет, беззащитно обнажена.

Нам предстоит выдвинуть русских лидеров, болеющих за Россию. Вчера еще казалось неважным, кто управляет нами: русский, еврей, грузин. Но вот бывшие союзные владыки разъехались по суверенным республикам, и само время заставило сопоставить их слова и действия: здесь и там. Министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе выдвигал план переброски международных вооруженных сил в Советский Союз. Встав во главе Грузии, он сразу же заявил: иностранные (русские) войска должны покинуть республику. Будучи союзным министром, Шеварднадзе «подарил» США богатейший нефтеносный шельф в районе Камчатки. Водворившись в Тбилиси, он бросил танки против Абхазии, чтобы не утратить ни пяди территории, контролируемой Грузией.

Национализм должен обезопасить русскую землю. Хотя, конечно, как идея он нас не удовлетворит. В самой нашей крови есть что-то побудившее предков завороженно потянуться к вселенскому идеалу. Но чтобы вновь достичь его, следует опереться на национальную идею. Эту мысль еще несколько лет назад выразил Леонид Бородин: «Без православия нет русской нации, но и православия народу, переставшему быть нацией, не обрести, ибо нация — это есть способ обретения Бога людьми, живущими в пределах одного горизонта, воспринимающими мир в одних и тех же красках... людьми, говорящими между собой и с Богом на одном языке... людьми, сознающими свою ответственность перед Богом не только индивидуально, но и коллективно-национально».

Нашей высшей целью всегда останется идея ойкумены. Но если удастся выжить и утвердить ее на просторах России, убежден: мы учтем, наконец, жестокие уроки истории и избавимся от прежней безоглядности. Вновь обретенный универсализм у р а в н о в е с и м здравым национализмом. Произойдет знаменательная переакцентировка понятий, и если государство наших предков следует называть «русской о й к у м е н о й» — с акцентом все-таки на последнем слове, то в будущем оба слова обретут равную значимость. Это будет поистине русская ойкумена.

СОДЕРЖАНИЕ
журнала «Наш современник» за 1992 год

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Дорогие соотечественники, читатели "Нашего современника"!

Мы пережили трудный год. Еще никогда вера в Россию, в ее будущее, ее высокую, для всего мира значимую судьбу не подвергалась таким испытаниям. Иной раз казалось, что не осталось ничего в Отечестве, кроме разрухи - материальной и моральной. Это повально распространившееся уныние стало бы губительным для нации, если бы люди не ощущали поддержки единомышленников, чувствующих так же, как они, борющихся за то же, что они, одушевленных общей, родной для всех нас идеей. Признаемся - коллектив журнала черпал силы из ваших писем, нас подкрепляла ваша солидарность. Мы надеемся и на то, что каждый номер журнала, доходивший до вас, сторицей возвращал надежду, энергию, веру (поэтому мы выпустили все 12 номеров, несмотря на колоссальные убытки, несмотря на то, что экономить приходилось на всем, в том числе и на зарплате сотрудников). Мы были вместе с читателями патриотами России. И выстояли.

Недавно стали известны результаты подписки. "Наш современник" - лидер среди толстых литературно-художественных журналов. Более 85 тысяч читателей отдали предпочтение "Нашему современнику".

Ваш выбор тем более значим, что "Наш современник" подвергался блокаде средствами массовой информации и прежде всего телевидением. Тогда как конкурирующие издания, проигравшие из-за патологической русофобии нынешнюю подписку, получили широчайшие возможности для пропаганды.

Мы благодарны за ваш выбор. Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность всем, кто поддержал журнал пожертвованиями: без них мы не смогли бы обеспечить выпуск всех номеров.

Выигрыш подписной кампании свидетельствует о глубоких изменениях в настроении общества. Это позволяет глядеть в будущее с надеждой. Поэтому, поздравляя читателей с 1993 годом, мы вкладываем особый смысл в традиционное пожелание: счастья всем вам в новом году!

Редакция журнала "Наш современник"